

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

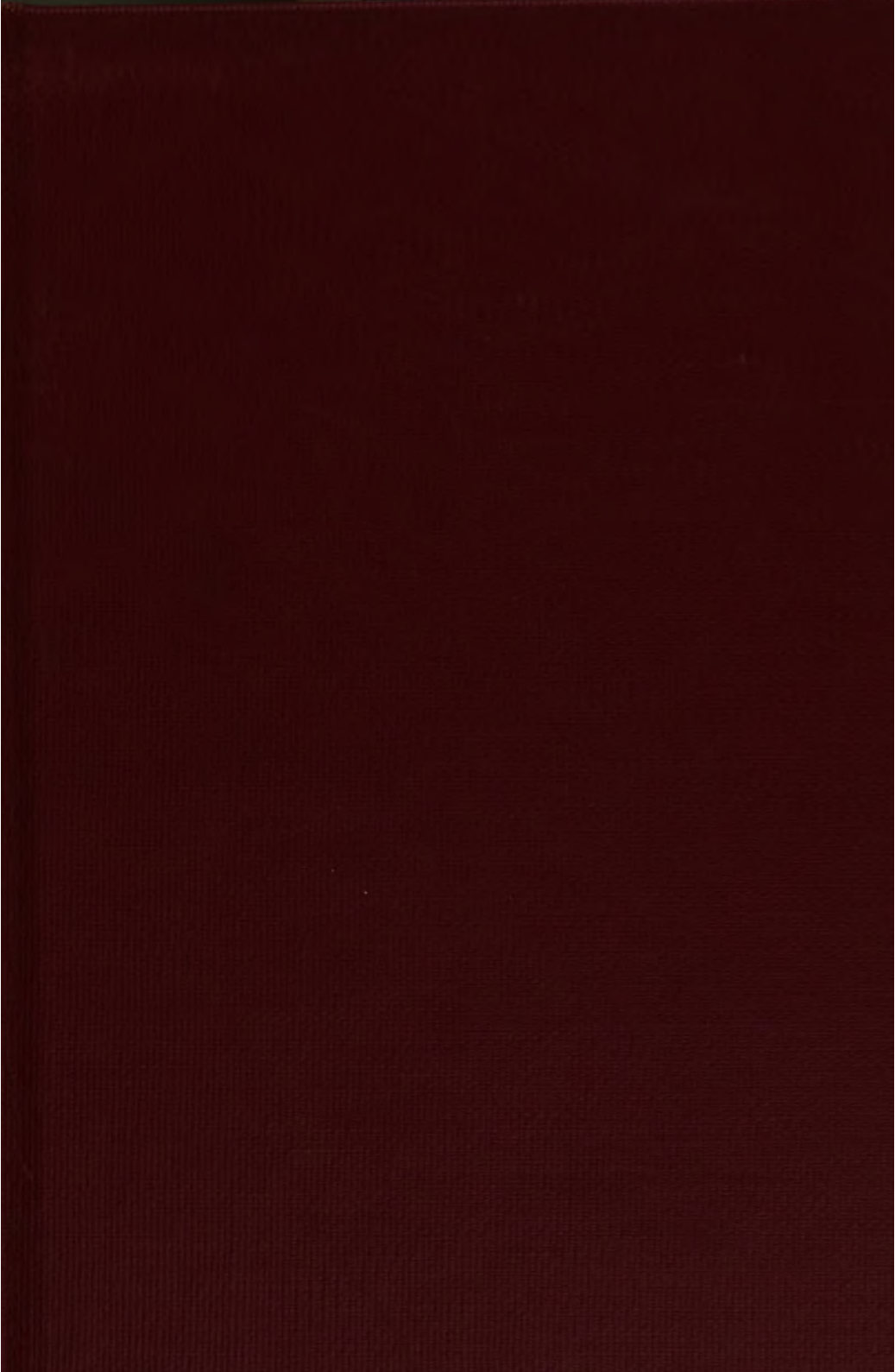
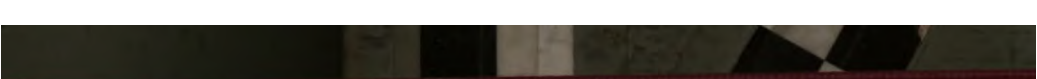
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P. Star 236.4

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

ДЕКАБРЬ.

5243
21 21

1873.

ДѢЛО

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ВНѢ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ИНТЕРЕСОВЪ. Романъ.**
(Часть первая. Гл. I—IV.) . . . . . П. ЛЕТИВА.
- II. ТРУЖЕНИЦА. Стихотвореніе.** . . . . . А. МОНАСТЫРСКАГО.
- III. ПШЕНИЦЫНЫ. (Изъ исторіи забытыхъ людей.)**
(Окончаніе). . . . . ИИХ. АЛБОВА.
- IV. МОЛИТВА РЕВЕНКА. (Съ англійскаго).** . . . . ОЛЫИ ОХТЕНСКОЙ.
- V. НѢМЕЦКІЙ ХВОСТЪ. (Картины нравовъ).** . . . . Н. А. ПОТЪХИНА.
- VI. ДѢЙСТВИТЕЛЬНО-ЛИ МЫ БОГАТЫ? (Окончаніе).** . . . . Д. Л. МОРДОВЦЕВА.
- VII. ПЕРЕДЪ ГОРЬКИМЪ КОНЦОМЪ. Стихотвореніе.** . . . . П. А. Б—НА.
- VIII. ЗАРЯ НОВОЙ ЖИЗНИ. Романъ. Часть третья.**
(Окончаніе.) . . . . . ФР. ГЕРШТЕКЕРА.
- IX. ДИССОНАНСЫ. Стихотвореніе.** . . . . . А. ИИХАЙЛОВА.
- X. НЕДУГИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА XVIII ВѢКА.**
(Ст. первая.) . . . . . С. С. ШАШКОВА.
- XI. ИЗЪ СТАРЫХЪ ПѢСЕНЪ. Стихотвореніе.** . . . . А. ИИХАЙЛОВА.

Ом. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ХІІ. БЕЗХАРАКТЕРНОСТЬ НАШЕЙ ИНТЕЛЛИГЕН-

ЦІИ. (Окончаніе.) . . . . . Н. В. МЕЛГУНОВА

ХІІІ. НОВЫЯ КНИГИ.

Исторія императорской академіи наукъ въ Петербургѣ. Петра Пекарскаго. Томъ второй. Спб. 1873.—Христоматія для всѣхъ. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Составилъ Н. В. Гербель. Спб. 1873.—Историческія статьи М. Д. Хмырова. Спб. Изданіе Печаткина. 1873.—Исслѣдованіе жизни. Проф. В. Преера. Спб. 1873.

ХІV. СОВРЕМЕННЫЙ ВОЕННЫЙ ВОПРОСЪ. . . . .

ХV. ДѢТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. . . . . Б. О.

(Биографическіе рассказы М. Б. Чистякова (собранные изъ „Журнала для дѣтей“). Спб., 1873 г.—«Нашимъ дѣтямъ». Иллюстрированный литературно-научный сборникъ, изданіе А. Н. Якоби, Спб., 1873 г.—«На праздники». Литературный сборникъ для дѣтей, изд. А. Плещеева и Н. Александрова. Спб., 1873.—Рассказы для дѣтей, С. Бурениной, Спб., 1873.—Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ. Подъ редакціею А. К. Владиміровой, Спб., 1874.—Робинзонъ Крузе, А. Анпенской (?).—Новая переработка темы де-Фоз. Изд. В. Лесевича, Спб., 1874.)

ХVІ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА. . . . .

Недостаточность нашего знакомства съ современными политическими дѣятелями.—Шаткость приговора общественаго мнѣнія.—Революціонный задоръ Бѣле.—Эксцентричный префектъ полиціи, Коссидьеръ.—Инспекціонная экспедиція въ Бельгію, устроенная парижскимъ префектомъ.—Бѣле и Делеклюзъ.—Характеръ Бѣле.—Успѣхи Бѣле.—Оппозиція второй имперіи.—Местъ Рошфору.—Министерская дѣятельность Бѣле.—Нападеніи на альманахи.—Кампанія противъ газетъ.—Чтеніе газетъ дѣлаетъ жандарма неблагонамѣреннымъ въ глазахъ Бѣле.—Мѣра противъ подозрительныхъ.—Гоненіе на фарандоль.—Гражданскія похороны.—Выходка Бѣле въ отвѣтъ на заирость объ осадномъ положеніи.—Отставка Бѣле.

ХVІІ. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

„Гражданинъ“ и „Русскій Міръ“.—„Русская Старина“ и „Русскій Архивъ“.

ХVІІІ. ПОДПИСКА ВЪ ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХЪ въ Самарской губерніи.

Отъ князя А., 5 р.—Неизвѣстнаго, 3 р.—Неизвѣстнаго, 2 р.—Барскаго, 1 р.—П. Б.—на, 5 р.—Гейбовича, 50 к.—В. З., 4 р.—Я. Т., 40 к.—В. И., 1 р.—К., 20 к.—Сгуденецкаго, 1 р.—Страева, 1 р.—Ч. Б., 1 р.—Д. М., 1 р.—

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБЪ ИЗДАНИИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„Д Ф Л Р“

въ 1874 году.

Журналь «ДѢЛО» будетъ выходить въ 1874 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ и въ прежнія семь лѣтъ.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки . . 14 р. 50 к.
съ пересылкой . . . . . 16 р.
съ дост. въ Петербургѣ . . . 15 р. 50 к.

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургѣ, въ Контору Редакціи журнала „ДѢЛО“, по Надеждинской ул. д. № 39; въ Москву, въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

Въ случаѣ жалобъ на несвоевременное полученіе книжекъ „ДѢла“, Редакція проситъ покорнѣйше гг. подписчиковъ заявлять таковыя жалобы не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ правилъ отъ Почтоваго вѣдомства, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не приметъ.

СОДЕРЖАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЙ КНИГИ.

- Видъ общественныхъ интересовъ. Романъ.
(Часть первая. Гл. I—IV). . . . . *П. Лытнева.*
- Труженица. Стихотвореніе . . . . . *А. Монастырскаго.*
- Пшеницны. (Изъ исторіи забытыхъ лю-
дей). (Окончаніе) . . . . . *Мих. Альбова.*
- Молитва ребенка. (Съ англійскаго). . . . . *Ольги Охтенской.*
- Нѣмецкій хвостъ. (Картины нравовъ) . . . *Н. А. Потьмина.*
- Дѣйствительно-ли мы богаты? (Окончаніе). *Д. Л. Мордовцева.*
- Передъ горькимъ концомъ. Стихотвореніе. *П. А. К—на.*
- Заря новой жизни. Романъ. Часть третья.
(Окончаніе) . . . . . *Фр. Герштекера.*
- Диссонансы. Стихотвореніе . . . . . *А. Михайлова.*
- Недуги русскаго общества XVIII вѣка.
(Ст. первая) . . . . . *С. С. Шапкова.*
- Изъ старыхъ пѣсней. Стихотвореніе. . . . *А. Михайлова.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Безхарактерность нашей интеллигенціи.
(Окончаніе) . . . . . *Н. В. Шелунова.*
- Новыя книги . . . . .
- Современный военный вопросъ . . . . .
- Дѣтская литература . . . . . *Б. О.*
- Политическая и общественная хроника.
- Журнальное обозрѣніе . . . . .
- Подписка въ пользу голодающихъ въ Са-
марской губерніи . . . . .

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

№ 12.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

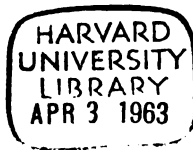
ТИПОГРАФІЯ В. ТУШНОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1873.

ИМВ. № 24482

Δ
186.4 (1573)
212

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 декабря, 1878 года.

ВНѢ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ИНТЕРЕСОВЪ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

— Мама, сейчасъ былъ звонокъ!

— Нѣтъ, не можетъ быть: это, вѣрно, такъ, какой-нибудь колокольчикъ; надо купить сакъ на дорогу.— Послушай, любезный, по чемъ у тебя сайки?

— Увѣряю тебя, мама, что былъ звонокъ.

— Да, поѣздъ сейчасъ отходить, вмѣшался третій голосъ въ разговоръ молодой дамы съ осьмилѣтнимъ мальчикомъ, стоявшими у прилавка, гдѣ продавались сайки.

— Неужели? испуганно вскричала дама, схватывая сакъ-воляжъ и узель, поставленные-было ею на землю:— Яша, ты можешь бѣжать скоро? Побѣжимъ!

— Я-то могу, ты-то ужъ бѣги! снисходительно отвѣчалъ мальчикъ и оба пустились бѣгомъ въ ворота вокзала.

— Не сюда, мама, не сюда! къ крыльцу! запыхавшись кричалъ Яша, видя, что мать ищетъ бокового выхода, чтобъ проникнуть прямо на платформу, гдѣ стояли вагоны.

— Ахъ да! еще билетъ не взять...

Любавская послѣшно вошла въ почти опустѣвшую залу и бросилась къ запертой кассѣ.

— Билеты не раздають? мнѣ нужно билетъ! въ смятеніи обращалась она къ сторожамъ.

— Теперь билета не получите. Вы ужь такъ садитесь; на другой станціи возьмете.

— Ахъ, голубчикъ, пожалуйста!

Она начала поспѣшно шарить въ карманахъ пальто и платья, потомъ за лифомъ, за поясомъ; наконецъ, нетерпѣливо обратилась къ сыну:

— Яша, нѣтъ-ли у тебя денегъ?

— А твои гдѣ?

— Я куда-то заложила, не найду. Помнишь, я положила въ тебѣ въ карманъ сдачу съ яблоковъ?

У Яши нашелся двугривенный и Любавская сунула его въ руку сторожа, который посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ; однако, сказалъ съ видомъ челоуѣка, оказывающаго значительную услугу:

— Что-жь, извольте, я васъ проведу.

Но тутъ раздался второй звонокъ и Любавская, не обращая болѣе на него вниманія, побѣжала на платформу и затерялась въ кучѣ народа, который солдаты гнали въ передніе вагоны третьяго класса.

— Неужели съ этими мѣшками всё сядутъ въ вагонъ? Они насъ раздавятъ, шептала Любавская.— Яша, гдѣ ты? спохватилась она вдругъ, оглядываясь и поблѣднѣвъ.

— Я здѣсь, мама; ты ужь иди.

Они взопли за другими по ступенямъ вагона, но Любавская остановилась, пораженная новою мыслью.

— Зачѣмъ-же мы сюда? Намъ лучше во второй классъ сѣсть.

— Вамъ куда угодно? спросилъ кондукторъ, слышавшій ея слова.

— Да ужь куда попадемъ. Проводите насъ во второй классъ.

— Поспѣшайте, сударыня, а то останетесь.

Раздался третій звонокъ; Любавская съ сыномъ, спотыкаясь и роняя узлы, бросились ко второму классу. Кондукторъ заступилъ имъ дорогу и хотѣлъ-было сказать, что уже поздно, но, вѣроятно, смягчившись испуганнымъ, умоляющимъ выраженіемъ красиваго, молодого лица, подсадилъ Любавскую почти на рукахъ въ вагонъ, толкнулъ влѣдъ за ней мальчика и приперъ дверь въ ту минуту, какъ поѣздъ уже трогался.

— Вашъ вуаль! сказалъ ей вѣжливо господинъ, сидѣвшій у

дверей, подавая слетѣвшій къ нему на плечо вуаль съ ея черной, круглой шляпы.

— Вашъ платокъ! улыбаясь сказалъ другой, подбирая за ней платокъ.

— Извините!.. Боже мой! я все растеряла, говорила она, про-
ходя дальше и роняя шерстяной шарфъ.

Мужчины охотно раздвигались, предлагая ей мѣсто и съ удовольствіемъ разсматривая ея гибкую, тонкую, граціозную фигуру и нѣжное, привлекательное личико, выражавшее доброту и легкомысліе.

— Мама, вотъ здѣсь садись, сказалъ практическій Яша, отыскавъ свободное мѣсто у окна; но въ эту минуту къ Любавской протянулась женская рука и слегка ударила ее по плечу.

Обернувшись, Любавская увидѣла высокую, величественно-стройную даму не первой молодости, но носившую на лицѣ признаки бывшей несомнѣнной красоты. На ней была дорогая бархатная шубка, опушенная горностаемъ, и бѣлая шляпа съ бѣлымъ перомъ; въ рукѣ маленькая дорожная сумка.

— Это вы, Héleine! сказала Любавская:—какъ я рада! вотъ неожиданная встрѣча!

— Садитесь съ нами, Nadine, возразила та, подвигаясь и очищая ей мѣсто между собой и молоденькой дѣвочкой лѣтъ пятнадцати, съ некрасивымъ, но оживленнымъ лицомъ—своей дочерью, которая радостно поцѣловалась съ Любавской и съ Яшей.

Дама эта, Елена Павловна Долинская, была жена брата Любавской и, слѣдовательно, ея belle-sœur. Она оглядѣла ее сънисходительной улыбкой превосходства и спросила насмѣшливо-шутливо:

— Ну, куда васъ Богъ несетъ?

— Я ѣду теперь... видите-ли... въ Москву, отвѣчала Любавская, возясь, повертываясь, скидая пальто и высвобождая изъ подъ шляпы свои распущенные волосы.

— Въ Москву? зачѣмъ?

— Къ мужу, онъ меня ждетъ.

— Какъ? развѣ вы не разошлись съ мужемъ?

— Мы разошлись, но мнѣ нужно получить отъ него паспортъ на жительство, и онъ обѣщалъ мнѣ дать его, если я приѣду.

— Странно, я получила недавно отъ вашего мужа дѣловое письмо уже изъ Ярославля, а не изъ Москвы.

— Ахъ, это очень можетъ быть, сказала Любавская:— ему нужно было ѣхать въ Ярославль и онъ меня ждалъ въ Москву еще въ началѣ октября, а теперь уже ноябрь... Впрочемъ, это сейчасъ объяснится. Я получила отъ него нынче письмо, которое не успѣла еще прочесть.

Она стала торопливо искать въ карманахъ и въ сумкѣ.

— Получила письмо и не прочла! Ахъ, Nadine, я васъ узнаю вполне, засмѣялась Елена Павловна.

— Передъ самымъ отъѣздомъ только, оправдывалась Надина:— я боялась опоздать, — когда-же тутъ было читать! И такъ чуть не опоздала. Да гдѣ-же это письмо, въ самомъ дѣлѣ? Не выронила-ли я его въ вокзалѣ или на платформѣ?.. Надо-бы телеграфировать...

— Мама, чего это ты ищешь? спросилъ Яша.

— Письмо, Яша. Вѣрно, оно у тебя? оживленно сказала Надина.

— Ты мнѣ сунула что-то такое въ грудь, за пуговицы; только я не знаю, что.

— Ахъ, какъ-же ты не знаешь? Посмотри, цѣло-ли?

— Почему я могу знать, что ты мнѣ суешь? Можетъ, я и выронилъ.

— Разстегни пуговицы и посмотри.

— Да вотъ еще! все разстегивайся да застегивайся!

Надежда Львовна притянула къ себѣ сына, разстегнула на немъ пальто и письмо упало на полъ.

Пока она распечатывала и читала письмо, Долинская вполголоса говорила дочери:

— Въ который разъ я тебѣ говорю, что у тебя шляпа все съѣзжаетъ на бокъ.

— Что-же мнѣ дѣлать, мамаша, когда такая шляпа?

— Ты должна безпрестанно поправлять, безпрестанно помнить объ этомъ. Ты о себѣ нисколько не думаешь, нисколько! Я по выраженію твоего лица вижу, что ты и не заботишься, что всѣ на тебя глядятъ и осуждаютъ.

— Шляпа мнѣ красоты не придастъ, возразила Женни сухо,

зная, что ея некрасивость была большой струной для самолюбивой матери.

Елена Павловна вспыхнула отъ досады и, въ свою очередь, собиралась сказать что-то язвительное, когда Любавская прервала ее восклицаніемъ:

— И въ самомъ дѣлѣ, мужъ уѣхалъ въ Ярославль. Пишетъ, что ждалъ, ждалъ меня... Но я не виновата; мнѣ нельзя было прѣхать: я дошивала съ маменькой коверъ. Однако, куда-же я теперь поѣду? И главное—безъ паспорта!

— Вѣдь вы жили у родныхъ: на что вамъ понадобился паспортъ? замѣтила ея золовка.

— А въ случаѣ, если-бъ я захотѣла поѣхать жить въ другое мѣсто? Вѣдь если-бъ вы знали, какая тоска у папеньки въ домѣ! Прежде, когда я была дѣвицей, для меня выѣзжали, принимали гостей. А теперь наоборотъ: они говорятъ, что женщины желать ужъ нечего, а разводной женѣ и подавно не надо думать объ удовольствіяхъ.

— Какіе-же ваши планы на будущее, Nadine?

— Планы? у меня одинъ только планъ: жить! сказала Надина такъ громко, что сосѣди оглянулись:—я хочу жить, чувствовать, что я живу... хочу нравиться, пока это еще возможно!

— Все это доказываетъ, что въ васъ сердца нѣтъ, моя милая, сказала Елена, покачивая головой.

— Это почему?

— Вы никого не любите.

— Но это не значить, чтобъ я никогда никого не любила или не могла полюбить.

— Да, минутныя вспышки, я это знаю. Все это ваше безпокойство и незнаніе, что съ собой дѣлать, происходитъ отъ того, что вы неспособны къ глубокой, прочной страсти. Я сама испытала эти стремленія, эту тревогу до тѣхъ поръ, пока...

Она значительно замолчала.

— Да, вамъ посчастливилось найти человѣка, сказала Надина нерѣшительно, не зная, говорить-ли объ этомъ предметѣ или нѣтъ.

— Именно найти человѣка! повторила съ благосклонной улыбкой Елена:—я нашла—et je me suis fixée! Понимаете—навсегда! И теперь мнѣ ничего не нужно изъ того, что было прежде:

ни роскоши, ни выѣздовъ, ни развлеченій... Съ меня достаточно того, что я дѣлаю счастливымъ человѣка.

Елена Павловна сама съ удовольствіемъ прислушивалась къ своимъ словамъ, которыми захотѣла замаскировать тотъ фактъ, что не любовь, а просто разстроенное состояніе и невозможность поддерживать прежнюю блестящую жизнь заставили ее довольствоваться мѣщанской и прозаической, по ея понятію, долей счастья.

Съ мужемъ своимъ она давнымъ давно разошлась; онъ служилъ гдѣ-то въ Сибири и не подавалъ о себѣ никакихъ извѣстій. Въ настоящее время Елена Павловна жила въ гражданскомъ бракѣ съ однимъ изъ своихъ прежнихъ обожателей—Сазоновымъ, которому отдала на аренду свое имѣніе—послѣдній уцѣлѣвшій клочекъ изъ когда-то значительнаго состоянія. Дочь ея считалась еще слишкомъ молодою для выѣздовъ, а сама она не имѣла больше средствъ поддерживать столичную жизнь на большую ногу, и потому теперь, осенью, передъ началомъ зимняго сезона, она бѣжала въ это имѣніе, чтобъ предаться тамъ, по словамъ ея, тихому семейному счастью и проникнуться поэтическими воспоминаніями старины подъ сѣнью дѣдовскаго замка. Надо прибавить, что Сазоновъ не жилъ въ этомъ замкѣ съ Еленой Павловной, а верстахъ въ четырехъ отъ него, въ своей собственной усадьбѣ, купленной у нея-же. Это дѣлалось для соблюденія приличій, такъ-какъ Сазоновъ былъ женатъ и жена его жила съ нимъ.

— Мама, спросилъ Яша, — еѣ кому-же мы прїедемъ въ Москву? Папы тамъ нѣтъ.

— Теперь ужъ надо ѣхать къ дядѣ, отвѣчала мать. — Онъ живетъ въ Петровскомъ. Однако, надо ему телеграфировать, чтобъ онъ выслалъ за мной лошадей. Какая это станція?

— Завидово, отвѣчалъ услужливо молодой сосѣдъ.

— Онъ еще успѣетъ получить. Яша, сиди тутъ и береги все.

Любавская побѣжала бѣгомъ изъ вагона, сосѣдъ вышелъ за ней и предложилъ помочь ей въ отправленіи телеграммы.

— Quelle femme évarogée! сказала Елена Павловна дочери, пожимая плечами. — Какъ для меня антипатичны женщины, которыя сами не знаютъ, чего хотятъ.

— А мы съ тобой, мамаша, чего хотимъ? спросила Женни,

зѣвая, взбиралась съ ногами на кресло и начиная, отъ скуки, щекотать Яшу.

— Оставь, Женни! ты съ ума сошла... Что это за манеры! шептала мать, приведенная въ ужасъ такимъ поведеніемъ.

— Это не я, мамаша, это онъ самъ, говорила Женни, хохоча и отбываясь отъ нападеній Яши, который хотѣлъ стащить ее съ кресель. Сосѣди, улыбаясь, оглядывались на нихъ.

— Послушай, я тебя на станціи брошу, прошептала дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ Елена Павловна, едва удерживаясь, чтобъ не дернуть дочь за руку и стараясь сохранить на лицѣ величавое, красивое спокойствіе.

Женни хохотала и съ нея свалилась шляпа. Любавская, вернувшись, водворила порядковъ, прогнавши сына въ самый уголъ и давъ ему два пирожка.

— Хорошо, что у васъ маленькій сынъ, говорила ей съ волненіемъ и горечью ея belle-sœur:—когда подростетъ, онъ дастъ вамъ знать... вотъ такъ, какъ моя. Все по-своему!

— Да, да, отвѣчала Любавская, не слушая:—я телеграфировала брату, но теперь раскаиваюсь, зачѣмъ я это сдѣлала. Я съ его женой не ладу.

— Вотъ, говорить, воспитаніе! продолжала Елена Павловна:—объясните мнѣ, почему воспитаніе дѣйствовало на насъ иначе, чѣмъ теперь на нашихъ дѣтей? Я воспитывала Женни точь-въ-точь какъ меня воспитывали...

— Надо дѣтей ремеслу какому-нибудь учить, сказала Любавская, очевидно, думая о своемъ.—Вотъ мнѣ сейчасъ этотъ господинъ говорилъ, что въ Твери у него есть сестра, которая имѣетъ швейную машину и очень много зарабатываетъ. Жаль, что мы проѣхали Тверь...

— А что? любопытно спросила Женни.

— Можно-бы къ ней заѣхать, разспросить, выгодно-ли ея занятіе. Тогда-бы и я могла попробовать.

— Ахъ, и я-бы съ вами! вскричала Женни;—возьмите меня въ долю, тетя!

— Ну, вотъ, вотъ я говорила, сказала съ отчаяніемъ Елена Павловна:—и откуда у нея всѣ эти мысли берутся? Женни, я прошу тебя молчать; у тебя на губахъ еще молоко не обсохло, а ты туда-же — *дѣло!*

— Да что-жь это, мамаша, неужели мнѣ всю жизнь ничего не дѣлать?

— Развѣ это не дѣло—слушаться матери и исполнять ея приказанія?

Женни сдѣлала гримасу и замотала головой.

— Вотъ ты все приказываешь, чтобъ я себя украшала, чтобъ дѣлала себѣ пріятное лицо, граціозничала, а какъ-же я это исполню, когда сама ты мнѣ говоришь, что я дурнушка.

Елена Павловна сдѣлала ужасные глаза дочери, замѣтивъ, что окружающіе съ любопытствомъ прислушивались къ разговору. Почти всѣ пріумолкли и обратились въ ихъ сторону и одинъ офицеръ замѣтилъ будто про себя, но довольно громко:

— Какія взыскательныя бываютъ маменьки!

— Des insultes! прошептала Елена Павловна.—Ты слышишь, что ты навлекла на себя и на меня? ты понимаешь, что это такое?

— Станція Клинь! поѣздъ стоитъ пятнадцать минутъ! раздался голосъ кондуктора, настѣжь отворившаго дверь вагона.

— Клинь, мамаша; мы пріѣхали, говорила Женни, теребя мать за рукавъ, чтобъ возвратитъ ея къ дѣйствительной жизни.

— Какъ? развѣ вы не до Москвы? спросила Любавская.

— Нѣтъ; мое имѣніе въ клинскомъ уѣздѣ, шестьдесятъ верстъ отсюда, отвѣчала Елена Павловна;—а вы куда-же теперь?

— Да я и сама не знаю. Такъ мнѣ что-то не хочется ѣхать къ брату!

— Вы-бы съ нами поѣхали, тетя, сказала Женни.

— Это славная мысль, замѣтила ея мать:—поѣдѣте ко мнѣ, chère Nadine; я-бы такъ рада была, если-бъ вы у меня погостили.

Это приглашеніе вырвалось у нея совершенно машинально, по привычкѣ къ рутинной свѣтской вѣжливости. Ей показалось, что сдѣлать иначе было-бы неловко, неродственно и возбудило-бы сомнѣніе въ ея добротѣ и гостепріимствѣ. Что-же касается Любавской, то, не имѣя своего гнѣзда и не желая возвращаться въ домъ родителей, служившій ей убѣжищемъ только въ крайнихъ случаяхъ, она охотно и безопасно приняла приглашеніе. Она уже забыла о телеграммѣ, отправленной брату.

Надо было выходить, и они всё четверо встали. Кругомъ ихъ также многіе вставали и суетились.

— Гдѣ-же Эрастъ Андреичъ? спросила Елена Павловна: — онъ долженъ насъ встрѣтить.

— Это вы про Сазонова? спросила Любавская; — онъ знаетъ, что вы сегодня пріѣдете?

— Да, конечно. Боже мой, дождь и ни зги не видать! вскричала въ ужасѣ Елена Павловна, откидываясь назадъ съ порога двери.

— Позвольте пройти! — Не загораживайте дорогу! — Извольте-же выходить! раздавались вокругъ нетерпѣливые голоса.

Елена Павловна, внѣ себя, высунулась въ окно и кричала: „Сазоновъ! Сазоновъ!“ , но никто не откликался.

— Какъ-же такъ однѣмъ? повторяла она: — насъ ограбятъ, съ нами богъ-знаетъ что сдѣлаютъ!

Любавская раздѣляла ея смятеніе, потому что страшно боялась и темноты, и давки, и одиночества на улицѣ. Кондукторъ положилъ конецъ ихъ колебанію, заставивъ ихъ почти силой выдти изъ вагона.

Въ самомъ дѣлѣ, ночь была темная, хоть глазъ выколи; холодный, спорый осенній дождь поливалъ, какъ изъ лейки, и тускло горѣвшіе фонари освѣщали, вмѣсто платформы, цѣлое море, по которому шлепали, разбрасывая воду, во всѣ стороны, сотни ногъ.

Отбѣгая то назадъ, то въ сторону, и отыскивая мѣста по-суше, наши путешественницы отбились отъ своихъ спутниковъ второго класса и попали въ толпу мужиковъ съ мѣшками на плечахъ.

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! говорила Елена Павловна, задыхаясь, отирая грязь съ лица, пришедшаго въ столкновеніе съ мѣшкомъ, и путаясь въ оторванной фалборѣ своего платья; — этого нивакой ангелъ не выдержитъ... Non! la rupture — c'est le seul moyen...

— Что такое вы говорите? quelle rupture? спросила Любавская.

— Съ нимъ... съ Эрастомъ!.. Je comptai avec lui... Такъ нельзя играть женщиной.

— Можетъ быть, вы не точно обозначили день вашего пріѣзда? сказала Любавская, догоняя Елену Павловну, которая уже бѣгомъ ринулась въ двери вокзала.

— Все-равно; онъ знаетъ, что въ этихъ числахъ. Но развѣ мужчины думаютъ о томъ, какъ они могутъ заставить страдать женщину.

— Ай! прозвительно вскричала Любавская, — воръ! воръ! У меня таятъ изъ рукъ саквояжъ!

— Гдѣ-же воръ, мама? спрашивалъ храбрый Яша, осматриваясь.

Къ Любавской подошелъ сторожъ и, съ упрекомъ сказавъ ей: „Сами не знаете, чего кричите!“, освободилъ ея саквояжъ, зацѣпившійся за дверь.

— Пойдемте-же дальше, мамаша, говорила Женни, когда онѣ вошли въ залу третьяго класса и столпились всѣ вмѣстѣ, какъ испуганныя овцы.

— Куда-же мы пойдемъ дальше? Вѣдь ты видишь, что шагу нельзя ступить.

Сидѣвшія на полу группы мужиковъ и наставленная повсюду покложа казались Еленѣ Павловнѣ неодолимыми препятствіями. Женни, удивляясь отчаянію матери и сама начиная вѣрять, что пройти невозможно, попыталась, однако, проложить себѣ дорогу и, оглядываясь на мать, сказала:

— Видишь, я прошла... Тутъ ничего.

— Несчастная дѣвочка! вскричала по-французски Елена Павловна, хватая ее за полу бурнуса и оттаскивая назадъ: — не суйся ты, ради-бога. Здѣсь ты подъ моей охраной, а тамъ тебя по косточкамъ разнесутъ. Ограбятъ тебя всю съ ногъ до головы, схватятъ и увезутъ!

— А какъ-же другія дамы преспокойно идутъ?

— Онѣ всѣ съ мужчинами: у кого мужъ, у кого отецъ.

— Мнѣ говорила эта молоденькая дѣвушка, что съ нами ѣхала, продолжала Женни, — что она одна отъ Кіева ѣдетъ и никого съ ней нѣтъ, и она сама беретъ билетъ.

— Вѣдь это она говорить для того, чтобы тебя обокрасть! Не вѣрь ты, Женни, ничему и никому! Ты такъ еще неопытна.

Между тѣмъ Любавская заговорила съ однимъ пожилымъ купцомъ, который согласился провести ихъ чрезъ залу на подъѣздъ, у котораго стояли извозчики.

— Вы знаете здѣшнія гостиницы? Куда намъ нанимать извозчика? спрашивала Любавская у Елены Павловны.

— Ничего я не знаю! съ отчаяньемъ замѣтила та;—миѣ это въ первый разъ въ жизни... Я никогда... никогда не была такъ оставлена!.. Но все-равно: надо ѣхать. Вы умѣете нанимать извозчиковъ?

— Миѣ не случилось самой. Надо попробовать.

Любавская взялась вести переговоры; онѣ наняли за два рубля серебромъ двухъ извозчиковъ и велѣли везти себя въ лучшую гостиницу. Черезъ нѣсколько минутъ ѣзды послышался крикъ Надины, чтобъ передній извозчикъ остановился; она съ сыномъ соскочила съ извозчика и, увязая по колѣно въ грязи, подошла къ Еленѣ Павловнѣ и начала говорить по-французски, что боится ѣхать одна съ своимъ извозникомъ, потому что онъ норовитъ нарочно отстать и, вѣрно, хочетъ завезти ее куда-нибудь, чтобъ ограбить.

— Вы поѣзжайте, а мы пойдемъ около васъ пѣшкомъ, докончила она.

Но это оказалось неосуществимымъ. Яша чуть не попалъ подъ колесо и заплакалъ; Любавская потеряла калошу; извозчикъ ея бранился и требовалъ платы, и она принуждена была ему заплатить, разсыпавъ при этомъ горсть серебра въ грязь. Въ довершеніе всего, по удаленіи извозчика, къ нимъ подошла толстая женщина въ башлыкѣ и предложила у себя ночлегъ по сорока копеекъ съ души. Онѣ подумали, что ихъ приглашаютъ въ неприличный вертепъ и вскрикнули отъ ужаса.

— Она думаетъ, что мы *такія*... Каково-же это! шептали онѣ.

— Нѣтъ, ужъ теперь вы насъ съ собой посадите, Елена Павловна! испуганно заговорила Надина,—я боюсь до смерти этой женщины; она меня куда-нибудь затащитъ... Ради-бога, возьмите насъ!

Извозчикъ запросилъ за двойную тяжесть рубль прибавки и онѣ кое-какъ взгромоздились, на колѣняхъ другъ у друга, вчетверомъ на дрожки. Лошадь тащилась шагомъ по грязи; извозчикъ слѣзъ и погонялъ ее вкнутомъ изъ одной руки, а другой поддерживалъ сползавшихъ и кричавшихъ дамъ.

— Куда насъ везутъ? переговаривались онѣ по-французски;—мы ѣдемъ совсѣмъ не въ гостиницу.

— Это какой-то страшный сонъ, мрачно говорила Елена Павловна;—могла-ли я ожидать, чтобъ человѣкъ, который... кото-

рому я... Господи! нѣтъ, я не выдержу; у меня холодѣютъ руки и ноги... Женни! бѣдняжка моя, Женни! прижмись ко мнѣ, вернись въ мою шубку, ты вся промокла!

Въ припадкѣ самоотверженія Елена Павловна начала-было стаскивать съ себя шубку, чтобъ закутать въ нее Женни, но въ тѣснотѣ этого невозможно было сдѣлать; Женни, согрѣвавшая ее и защищавшая собою отъ дождя, энергически притиснула ей обѣ руки, говоря:

— Пожалуйста, сиди смирно, мамаша, и такъ ужь неловко!

— Нѣтъ, онъ навѣрное везетъ насъ въ какую-нибудь трущобу, рѣшительно сказала Любавская:—оберетъ насъ тамъ...

— Мама, что это ты все пугаешь! прервалъ ее Яша, собираясь заплакать.

Въ эту минуту дрожжи подѣхали къ освѣщенному подъѣзду гостиницы и остановились. Наши дамы были такъ твердо увѣрены въ несуществованіи гостиницы и въ предстоявшихъ имъ какихъ-то мытарствахъ, что при такомъ неожиданно счастливомъ оборотѣ дѣла вскрикнули отъ изумленія и радости, и всѣ скатились беспорядочной массой съ дрожжей къ ногамъ оторопѣвшаго швейцара, который отскочилъ назадъ.

Но когда изъ массы выдѣлились двѣ высокія, стройныя женскія фигуры, сохранявшія, несмотря на оборванные подолы и грязныя пятна на платѣ, одна—царственный, другая—кокетливый видъ, швейцаръ поспѣшилъ растворить настежь двери и, не спрашивая ни о чемъ, повелъ ихъ въ самый дорогой номеръ.

— Не останавливался-ли у васъ одинъ господинъ, спросила Елена Павловна,—высокій такой, блондинъ, среднихъ лѣтъ, Са-зоновъ по фамиліи?

— Это Эрастъ Андреичъ? Какъ-же намъ ихъ не знать: они всегда у насъ останавливаются; они только сейчасъ пріѣхали изъ деревни, чай кушаютъ!

— Enfin... Dieu soit loué! проговорила Елена Павловна съ кажимъ-то радостнымъ замираніемъ. — Погоди, любезный: скажи Эрасту Андреевичу, чтобъ онъ сейчасъ... *сейчасъ* пришелъ въ нашъ номеръ, продолжала она такимъ тономъ, что швейцаръ въ мигъ понялъ, какая головоломка ожидаетъ барина, и, съ улыбкой зло-раднаго удовольствія, побѣждалъ исполнить порученіе.

Между тѣмъ дамы, войдя въ номеръ, начали срывать съ себя

все и кидать куда попало. Особенно Елена Павловна съ неистовствомъ швырнула на полъ свою испорченную бархатную шубку, свомбала въ блинъ промокшую шляпу и оборвала съ нея цвѣты; потомъ обратилась къ дочери, которая стаскивала съ ногъ мокрые ботинки:

— Ну, Женни, ты жива, ты цѣла?

И, судорожно обхвативъ ее, она съ рыданіемъ упала къ ней на плечо; потомъ опустилась на колѣни и продолжала рыдать все громче и истеричнѣе.

— Мамаша! Боже мой! я такъ и знала, что это будетъ, говорила Женни, отнимая у матери свои ноги, которыя та порывалась разувать.

— Дай, дай мнѣ разуть тебя, бормотала посреди рыданій Елена Павловна, — дай мнѣ согрѣть твои ноги... Я не успокоюсь, пока...

Не договоривъ, она опрокинулась назадъ въ конвульсіяхъ нервическаго припадка. На эту картину вошелъ Эрастъ Андреевичъ Сазоновъ и, блѣднѣя, остановился на порогѣ. Любавская спокойно расчесывала свои распущенные волосы, но при видѣ его бросилась поднимать свою золовку.

Еще минута — и началась бѣготня и суматоха по всей гостиной. Въ корридорѣ ставили самоваръ; бѣгали съ горячей и холодной водой, съ уксусомъ, съ горчицей; изъ аптеки принесли лавро-вишневья капли; двѣ горничныя растирали щетками Елену Павловну; явился даже докторъ.

II.

Часа черезъ два номеръ нашихъ путешественницъ представлялъ привлекательную картину мира, спокойствія и порядка. За чайнымъ столомъ, у шипящаго самовара, велась дружелюбно-веселая бесѣда, прерываемая ѣдой разныхъ печеній, сдобныхъ булокъ и закусокъ. Елена Павловна, умытая и слегка обсыпанная пудрой, сидѣла въ свѣжемъ, бѣломъ, только-что выглаженномъ капотѣ съ золотой цѣпочкой на шеѣ и кружевной косынкой на головѣ; со- знаніе, что она авантажна, заставляло ее съ очаровательной игривостью рассказывать о претерпѣнныхъ ими бѣдствіяхъ.

Надежда Львовна Любавская, растрепанная и измятая, въ простой черной кофтѣ, пила съ аппетитомъ чай и хохотала, вспоминая о путешествіи изъ вокзала. Елена Павловна втайнѣ дивилась, какъ въ ней мало кокетства въ присутствіи такого мужчины, какъ Сазоновъ; она не понимала, чтобы можно было не перемѣнить платья, не надѣть свѣжаго воротничка, не причесаться къ лицу, не понимала, чтобы можно было не желать нравиться мужу другой женщины. Наблюдая оживленное и миловидное личико Надины, она рѣшила, что въ этомъ *laissez-aller* есть также своя доля кокетства и что надо держать ухо востро. Но опасенія ея были совершенно напрасны. Надина никогда не теряла времени на сухое занятіе *отбиванія*; она знала, что на ея долю всегда хватить свободныхъ, жаждущихъ любви сердець и Сазоновъ для нея не существовать, несмотря на его представительную, какъ у героя романа, наружность и умно-насмѣшливый складъ рѣчи.

Утомленная Женни спала на диванѣ, а Яша ссорился съ матерью за сухари, которые она, по его словамъ, таскаетъ изъ-подъ рукъ, сколько-бы онъ ни положилъ возлѣ себя.

— Вѣдь главное, у меня на рукахъ Женни, говорила Елена Павловна;—будь я одна—*je ne tiens pas beaucoup à ma vie!*..

Она граціозно махнула рукой.

— Неужели и жизнь была въ опасности? спросилъ, полуулыбаясь и отрѣзывая кончикъ сигары, Сазоновъ.

— Опять вы принимаетесь за свое? Этотъ скептицизмъ проклятый... теперъ не могу... Вы хотите опять, чтобы я съ вами ссорилась?

— Ну, не буду. Такъ что-же вы говорили?

— Вы представьте себѣ: съ этой тннуть бурнусъ—(она указала на Любавскую),—саквояжъ рвутъ у нея изъ рукъ.

— Это я зацѣпилась имъ за дверь, вмѣшалась Любавская.

●— Какое-же за дверь, Nadine? Полицейскій подошелъ и, благодаря ему, у васъ все осталось цѣло. Ну, потомъ въ залѣ, мужчины безпрестанно заглядываютъ въ лицо... Ахъ, какіе подлецы! до того дерзко уставятся, рассматриваютъ волосы, щеки, шею... Того и глади обнимутъ. У меня руки и ноги дрожали... Женни, конечно, ничего еще не понимаетъ, но каково-же мнѣ за нее?

— И стоило вамъ обратиться къ первому солдату, возразилъ

наставительнымъ тономъ Сазоновъ, — дать ему двугривенный и онъ-бы васъ проведеть и посадить на извозчика.

— Какой эгоизмъ! Боже мой, какой эгоизмъ! Мужчины никогда не хотятъ войти въ положеніе женщинъ. Гдѣ мы стали-бы отыскивать этого солдата, когда мы дрожали, какъ осиновый листъ, и сцѣпились другъ съ другомъ, чтобъ насъ какъ-нибудь не разрознили? И почему я могу знать, кто солдатъ и кто нѣтъ?

— Да у нихъ значки...

— Мало-ли, у кого значки. Я могла, вмѣсто солдата, обратиться къ чиновнику: вѣдь это скандалъ!

— Какой-же скандалъ? прервала Любавская. — Я всегда заговариваю со всѣми.

— Ахъ, вы, та сдѣга, живете по какимъ-то новымъ правиламъ, — возразила раздражительно Долинская, — а я — пусть про меня говорятъ, что я отсталая — я, держусь правила, *qu'une femme doit se respecter*.

— Еще-бы! серьезно подтвердилъ Сазоновъ, и былъ за это слово награжденъ благосклонной улыбкой Елены Павловны и продолженіемъ ея разсказа.

— Нѣтъ, но что было дорогой, когда мы ѣхали сюда изъ вокзала... Нѣтъ, Эрастъ, этого я вамъ простить не могу... Оставить женщину на произволъ судьбы!

— Вѣдь я уже просилъ прощенія и вы простили, сказала Сазоновъ, цѣлуя у ней руку; — еще разъ повторяю вамъ, что я виноватъ въ томъ, что вы мнѣ написали не то число.

— Что за плоскія шутки! Вы совсѣмъ *mauvais genre* сдѣлались въ вашей деревнѣ. Однако, слушайте-же: серьезно, это былъ такой ужасъ!.. Извозчики оказались оба разбойники, ставнулись вмѣстѣ, чтобъ насъ куда-то завезти; хорошо, что Надина догадалась, закричала и соскочила съ дрожекъ... Мы бѣжимъ по грязи, подъ дождемъ, сами не знаемъ куда; калоши, ботинки, чулки — все это оставляемъ въ грязи... Извозчики за нами гонятся, подозрительныя женщины выбѣгаютъ на улицу и хотятъ насъ тащить къ себѣ, рвутъ съ насъ платье...

Тутъ Любавская, пораженная разгуломъ воображенія своей золовки, хотѣла-было нѣсколько возстановить факты въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, но Елену Павловну ничто такъ не сердило, какъ

когда ее возвращали изъ міра мечтаній въ міръ дѣйствительныхъ фактовъ. Чтеніе романовъ до того пріучило ее воображать себя на мѣстѣ героинь и добавлять вымыслами собственной фантазіи недостатокъ поэзіи и разнообразія въ жизни, что отнять у нея вѣру въ эти вымыслы было-бы все равно, что отнять воздухъ.

— Я не понимаю, обратилась она къ Любавской, вся покраснѣвъ, — отчего у васъ эта странная привычка стараться все сгладить, прикрыть общими фразами? Точно маленькія дѣти, которыхъ няньки научаютъ не все рассказывать родителямъ! Чего тутъ бояться или совѣститься? Я прямо, рѣзко высказываю истину, безъ всякихъ смягченій. Къ чему я буду смягчать факты и увѣрять, что меня гладили по плечу, когда меня чуть не за горло душили? Если извозчикъ не хотѣлъ васъ ограбить и убить, то отчего-же вы кричали и соскакивали съ дрожжекъ?

Любавская, никакъ не ожидавшая такого нападенія, сильно смѣшалась, не знала, что возразить, и, оскорбленная тономъ Елены Павловны, ушла въ другую комнату.

Пользуясь ея отсутствіемъ, Елена Павловна успѣла шепотомъ сообщить Сазонову, что она пригласила къ себѣ гостить эту заблудшую овцу, на томъ основаніи, что она безпріютна и безпомощна.

— Я такимъ женщинамъ симпатизировать не могу, вы знаете, говорила она, — но если я ей не протяну руку помощи, то кто-же надъ ней сжалится? Она совершенно себя скомпрометировала въ свѣтѣ: бросила мужа, живетъ какъ-то двусмысленно вѣздить одна... Ужасно, ужасно!

Тутъ надо сказать, что Елена Павловна, хотя сама поступала всегда независимо и по своей прихоти, но на остальныхъ женщинъ, осмѣливающихся свергать съ себя узы рутинны, смотрѣла съ большимъ недоброжелательствомъ, приписывая ихъ поступки разнымъ пошлымъ или грязнымъ побужденіямъ. Сама она гордилась тѣмъ, что стала выше предразсудковъ, и, можетъ быть, ей досадно было, что другія осмѣливаются ей подражать. Сазоновъ отчасти раздѣлялъ ея взглядъ и согласился, что Любавская принадлежитъ къ категоріи *жажжигъ*.

Онъ очень дорожилъ связью съ Еленой Павловной, льстившей его самолюбію. У нея были поклонники изъ высшаго аристократическаго свѣта и ни одинъ изъ нихъ не добился такого бле-

стягаго, рѣшительнаго результата, какого добился онъ — провинціаль и промотавшійся помѣщикъ.

Любавская скоро забыла обиду и вышла опять, напѣвая романсъ.

— Однако, что-же это я все о себѣ рассказываю, замѣтила Елена Павловна, обращаясь къ Сазонову съ той свѣтской, вѣжливой улыбкой, съ которой она, во дни оны, *держала салонъ*; — *parдон*, Эрастъ Андреевичъ, я у васъ и не спросила, какъ вы поживаете, что ваши... ваша жена?

— Все, какъ и прежде, процѣдилъ сквозь зубы Сазоновъ.

— Неужели все больна? Ахъ, бѣдняжка! сказала Елена Павловна, стараясь выразить на лицѣ сильнѣйшую жалость.

— Нѣтъ, она теперь, говорятъ, здорова. Не знаю, впрочемъ, не интересовался.

— Не говорите-же такихъ вещей. Ахъ, вы, эгоисты, эгоисты!

„Что это они: для меня, что-ли, все это разыгрываютъ?“ думала Любавская, пораженная ненатуральностью Сазонова и Елены Павловны, которыхъ она въ первый разъ видѣла вмѣстѣ, въ *intimité*.

— Какъ это вамъ покажется? обратилась къ ней Елена Павловна: — молоденькая женка, восемнадцати лѣтъ, предобрая, премилая — и онъ такъ о ней отзывается!

Сазоновъ поморщился.

— А матушка ваша здорова? И сестрица также? продолжала отдавать дань свѣтскимъ приличіямъ Елена Павловна.

— Ничего, всѣ здоровы; кланяются вамъ, ждуть.

— Ахъ, я первый визитъ — сейчасъ-же къ нимъ. *Nadine*, вы знаете семейство Эраста Андреевича? Какое прекрасное семейство!

— Да, я ихъ видала въ Москвѣ, отвѣчала Любавская.

— Марфа Петровна пререлигіозная женщина, хорошая мать, хорошая хозяйка, продолжала Елена Павловна; — а Вѣра Андреевна, ея дочь — это необыкновенная дѣвушка.

— Чего-же въ ней необыкновеннаго? замѣтилъ Сазоновъ.

— Какъ? а ея преданность? постоянство? Ей всего лѣтъ двадцать-восемь, и она уже совершенно посвятила себя матери, не требуетъ ни нарядовъ, ни выѣздовъ, тогда какъ очень могла-бы еще нравиться. Ни на шагъ не выходитъ изъ повиновенія матери. Моей Женни надо-бы брать съ нея примѣръ.

— Неужели вы стали-бы требовать повиновенія отъ тридцати-лѣтней дочери? сказала Любавская.

— Не модничайте, пожалуйста, Nadine, возразила Елена Павловна. — Я везу въ подарокъ Вѣрѣ Андреевнѣ распятіе изъ слоновой кости; я знаю, что она будетъ довольна: религія для нея все. Какъ-бы я желала быть на нее похожей!

— Давно-ли вы стали религіозны, Nélepe? спросила Надина.

— Я всегда, всегда ставила религію самой высокой вещью на свѣтѣ, возразила съ жаромъ Елена Павловна: — атеизмъ — это отвращеніе. Нынче всякій мальчишка, всякій невѣжда лѣзетъ въ атеисты. C'est si commun!

— Въ ваше время знали меньше, чѣмъ теперь, возразила задѣтая за живое Любавская: — поэтому и меньше было атеистовъ.

— Въ *наше* время? сказала, вспыхнувъ, Елена Павловна; — а къ какому-же времени *вы* себя причисляете?

— Вѣроятно, къ новому поколѣнію, которое ходитъ въ фартучкахъ въ гимназію, вмѣшался язвительно Сазоновъ; — не обманъ-ли это воображенія, Надежда Львовна? Точно-ли вы такъ далеко отошли отъ нашего времени, чтобъ судить, сколько прибавилось на свѣтѣ знанія?

— Конечно, въ пять-шесть лѣтъ могли прибавиться знанія, отвѣчала сконфуженная Любавская и встала, чтобъ идти укладывать Яшу спать.

Сазоновъ, освѣдомившись до мельчайшихъ подробностей, не нужно-ли дамамъ чего-нибудь, простился и ушелъ въ свой номеръ.

Женни давно спала за ширмами, не раздѣваясь.

Яшѣ сдѣлали постель изъ двухъ кресель; и дамы стали ложиться, то-есть предварительно заплетаться, завиваться, осыпать лицо пудрой, душиться одеколономъ, смотрѣться въ зеркало, курить и отыскивать разныя пропавшія вещи.

Наконецъ, онѣ улеглись на чистыхъ постеляхъ, подъ ткаными палевыми одѣялами, закурили по четвертой папироскѣ, потушили огонь и начали дружелюбно болтать, забывъ о своей недавней размолвкѣ, сначала о пустякахъ, о завтрашнемъ днѣ, потомъ о болѣе интересныхъ и, разумѣется, сердечныхъ предметахъ.

Елена Павловна скоро завладѣла разговоромъ, начала съ увлеченіемъ припоминать многочисленные романы своей жизни и добралась мало-по-малу до настоящаго времени.

— Онъ принесъ мнѣ столько жертвъ, говорила она про Сазонова,—что противъ такихъ доказательствъ любви устоять невозможно. Я обязана посвятить всю мою жизнь счастью этого человека. Ахъ, когда я вспомню о его послѣдней жертвѣ!..

— О какой-же это? спросила Надина.

— Знаете-ли, чего я отъ него потребовала?.. Чтобъ онъ женился. И онъ исполнилъ... Онъ плакалъ, дрожалъ, умиралъ, но исполнилъ, потому что я этого хотѣла.

— Зачѣмъ-же вы этого хотѣли? Это очень странно.

— Странно? да, я согласна. Вѣдь я вообще странная женщина; я ни въ чемъ не похожа на другихъ. Обстоятельства Сазонова были запутаны и онъ могъ ихъ поправить только выгодной женитьбой; разумѣется, ему это и въ голову не приходило и онъ слышать не хотѣлъ; но я за него думала и старалась... Я покажусь вамъ, Nadine, въ томъ, что я сдѣлала: я себя не оправдываю... *c'est vicieux, j'en conviens*, но вы понимаете, что женщина, которая любить, готова идти на преступленіе... Для нея законъ не писанъ!.. Я выбрала въ невѣсты моему другу больного уroda, котораго не только любить, но даже поцѣловать невозможно!

Радостный смѣхъ невольно вырвался изъ груди Елены Павловны.

— Это понятно, замѣтила Любавская;—кто-же она такая?

— Она воспитывалась въ домѣ у Эраста Андреевича; его мать была надъ ней опекушкой. Вы, можетъ быть, помните — Соничка Свирская, сирота, но довольно богатая наслѣдница.

— Да, помню какую-то худую, желтую дѣвочку, отвѣчала Любавская.

— Ну-да, да! Она и выросла такая: неуклюжая, худая какъ скелетъ, болѣзненная, руки и ноги длинныя, какъ у паука, цвѣтъ лица — мертвецъ! Ходитъ сторбившись, грудь плоская, и вдобавокъ глаза болятъ! Не знаю, простудила она, что-ли, ихъ, только въ послѣднее время они разболѣлись; должно быть, такъ и останутся.

— Ну что это! перебила Любавская:—какъ онъ могъ на такой жениться?

— Да вѣдь онъ не затѣмъ и женился, чтобъ жить съ нею... Неужели вы этого не понимаете?..

— Но какъ-же она переноситъ это?

— Помилуйте, куда ей объ этомъ думать. Чахоточная, слабая, развѣ она можетъ быть женой и матерью? развѣ она можетъ имѣть претензіи на любовь? Странно!

— Въ такомъ случаѣ, ей-бы совсѣмъ не слѣдовало выходить замужъ. Зачѣмъ она согласилась?

— Ахъ, вѣдь это умора! Вы представьте себѣ, что она влюблена была въ Эраста Андреевича съ самаго дѣтства! Она счастлива была-бы служанкой ему быть, не только женой! Ее на всю жизнь облагодѣтельствовали этимъ замужествомъ. Для урода такая партія...

— Но если она богата... возразила Любавская.

— Я-же вамъ говорю, что ей кромѣ Эраста никого не нужно! Она влюблена, какъ кошка.

Елена Павловна погасила папирску и, завертываясь въ одѣяло, прибавила со смѣхомъ:

— Я всегда его этимъ дразню; онъ слышать не можетъ.

— Странный бракъ! замѣтила Любавская сквозь сонъ.

III.

Елена Павловна не была въ своемъ имѣніи съ тѣхъ поръ, какъ пріѣзжала съ новорожденной дочерью къ отцу съ визитомъ. Это когда-то огромное имѣніе было большей частью распродано по частямъ за долги и отъ него осталась, при небольшомъ количествѣ земли, одна огромная усадьба съ стариннымъ, полуразвалившимся двух-этажнымъ домомъ и обширнымъ, запущеннымъ садомъ. Цѣлая толпа бывшихъ дворовыхъ, проживавшихъ здѣсь послѣ смерти послѣдняго барина, вышла навстрѣчу Еленѣ Павловнѣ, низко кланаясь трясущимися головами, ловя ея ручку и бормоча беззубыми ртами какія-то непонятныя слова, въ которыхъ можно было разобрать только тотъ смыслъ, что „вы наши, а мы ваши“.

Лишь только Сазоновъ водворилъ дамъ на новомъ мѣстѣ жительства, велѣлъ затопить каминъ и печи, зарѣзать къ ужину курицу и втолковалъ людямъ, чтобъ они слушались госпожи, какъ Елена Павловна стала торопить его ѣхать домой (онъ

жилъ въ четырехъ верстахъ), потому что, какъ она говорила, прислугѣ можетъ показаться страннымъ, что вдругъ мужчина остается ночевать въ домѣ, гдѣ однѣ женщины... Хотя она не скрывала отъ короткихъ знакомыхъ свою связь съ Сазоновымъ и даже гордилась ею, но въ то-же время твердо держалась правила, бывшаго въ такомъ ходу въ ея молодости: *sauver les arragences*. Покорный этому правилу, Сазоновъ уѣхалъ, пригласивъ дамъ на другой день къ себѣ обѣдать.

Были сумерки; самоваръ убрали со стола; сырые дрова въ каминѣ безпрестанно тухли; затопленные печи дымились; темнота, сырость, холодъ и мрачность жилища вдругъ охватили какимъ-то тоскливымъ, суевѣрнымъ ужасомъ всѣхъ трехъ женщинъ, которыя до этой минуты, сами того не сознавая, были такъ развлечены присутствіемъ Сазонова, что не замѣчали окружающей обстановки.

— Какой запахъ гнили и сырости! вскричала Любавская и, подойдя къ двери балкона въ гостиной, стала тясти ее, чтобъ отворить. Женни пришла къ ней на помощь; отспрѣвшая и едва державшаяся дверь распахнулась и онѣ обѣ, съ крикомъ испуга, вылетѣли на грязныя, дрожавшія доски балкона, котораго перила еще носили слѣды позолоты. Въ сгущавшихся тѣняхъ сумерекъ, передъ балкономъ рисовались двѣ огромныя, мрачныя сосны, подъ ними валялись грустные, полусгнившіе остатки круглаго деревяннаго стола и нѣсколькихъ скамеекъ. Вдали виднѣлся остовъ цвѣтника, а пустое пространство передъ нимъ было покрыто грязью, соромъ, древесными сучьями и мусоромъ.

— Женни, иди въ комнату, нервически закричала Елена Павловна;—затворите дверь... я не могу видѣть этого ужаснаго зрѣлища... Такое опустошеніе!.. Женни, что-же ты?

— Да здѣсь все-таки лучше, мамаша: въ домѣ очень дымно.

— Говорять тебѣ, я не могу видѣть, что ты стоишь надъ этой грязью, въ этой темнотѣ... Это ужасно! Иди, Женни, иди!

Она топала ногами и Женни съ Надиной послѣшили войти въ комнату и затворить дверь.

— Ахъ, зачѣмъ я отпустила Эраста! говорила Елена Павловна, ломая руки.—Здѣсь такой страхъ, такая скука!.. Свѣчей!!.. вдругъ закричала она на весь домъ.

Надина и Женни въ первую минуту оторопѣли, но тотчасъ-

же, движимыя непреодолимымъ инстинктомъ подражанія, дружно подхватили: „свѣчей!“

— Свѣчей! огня!.. свѣчей! огня! перекатывалось по всему дому, съ помощью Яши, который надрывался, чтобъ не отстать отъ другихъ.

Послышалось топотанье старческихъ ногъ и съ испуганнымъ борготаньемъ: Господи Иисусе! что такое приключилось?—вбѣжали двѣ старухи въ старомодныхъ куцавейкахъ и старикъ съ салыннымъ огаркомъ въ жестяномъ подсвѣчникѣ.

— Дай намъ, пожалуйста, свѣчей, Тихонъ, сказала Елена Павловна, очень довольная переполохомъ.

Тихонъ ушелъ, а старухи таинственно спросили, не привидѣлось-ли чего господамъ, и видимо не повѣрили, когда имъ сказали, что ничего.

— Теперь повеселѣе что-то стало, сказала Надина, когда подали свѣчи:—что-же мы будемъ дѣлать? ѣсть-бы что-нибудь?

— Ахъ, да, вскричала Женни:—что-нибудь здѣшнее, деревенское. Тихонъ, есть у васъ орѣхи?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ну лепешекъ нѣтъ-ли какихъ?

— Лепешки бываютъ, да ихъ нынче не пеки-съ.

— Ну, хоть подсолнечники, что-ли?

— Ахъ, знаете, прервала Надина:—ѣдятъ крупу гречневую... Я пробовала: это ничего. Сѣмя конопляное тоже ѣдятъ.

— Принеси намъ гречневой крупы и сѣмя, сказала Женни.

Но Тихонъ догадался самъ и принесъ гороху. Онѣ начали жарить его на свѣчкѣ, вздѣвъ на булавку, и въ этомъ прошелъ вечеръ.

Ночью онѣ опять пугались, кричали, перебѣгали изъ комнаты въ комнату, укладывались то порознь, то всѣ вмѣстѣ, и рѣшили, на будущее время, власть въ передней двухъ сильныхъ мужиковъ, вмѣсто цолумертваго Тихона.

На другой день, расфрантившись, они сѣли вчетверомъ въ старомодную коляску и поѣхали къ Сазоновымъ.

Дождь Сазоновыхъ, чистенькій и недавно отстроенный, смотрѣлъ несравненно веселѣе угрюмаго замка. На крыльцѣ ихъ встрѣтилъ Сазоновъ и ввелъ въ довольно большую, свѣтлую залу, въ одномъ концѣ которой красовался превосходный рояль, а въ другомъ

полукруглый диванъ передъ столомъ, на которомъ лежали альбомы и журналы, изъ среды которыхъ возвышался большой букетъ изъ красныхъ и палевыхъ георгинъ. Въ покойныхъ, просторныхъ креслахъ у окна сидѣла мать Сазонова, положивъ ноги на вышитую скамейку и держа на колѣняхъ тамбурное вязанье изъ лиловой и бѣлой шерсти. Передъ нею стояла рабочая корзинка, въ которой лежали узоры и мотки шерсти. Старуха держалась бодро и прямо и приподнялась навстрѣчу гостямъ не безъ нѣкоторой граціи, говорившей о привычкахъ и манерахъ свѣтской женщины.

Вслѣдъ за нею торопливо встала изъ-за маленькихъ пялецъ, въ которыхъ вышивались туфли, дочь ея Вѣра и начала пожимать всѣмъ руки по-нѣскольку разъ.

— А гдѣ же Соня? спрашивала Женни, осматриваясь, пока гости и хозяева обмѣнивались привѣтствіями;—ахъ, вотъ она! я ее и не узнала!

Навстрѣчу Женни поднялась со стула у окна высокая, тонкая молодая женщина или, скорѣе, молодая дѣвушка — столько было въ ней чего-то дѣвственнаго, непочатаго.

— Здравствуй, Женни, сказала она, обнимаясь съ нею.

— Что это, какъ ты выросла! возразила та съ изумленіемъ:—мы съ тобой годъ только не видались, а ты такъ перемѣнилась.

— Да, я, точно, выросла съ тѣхъ поръ, какъ у меня была нервная горячка, отвѣчала Софья; — теперь я совсѣмъ поправилась.

„Такъ это тотъ уродъ, котораго Нелене мнѣ вчера описывала?“ думала Надина, съ удивленіемъ рассматривая стройную молодую фигуру, стоявшую передъ нею.

Но Елена Павловна еще прежде и лучше нея разглядѣла и поняла всѣмъ существомъ своимъ поразительную перемѣну, совершившуюся въ женѣ Сазонова, которую она оставила, годъ тому назадъ, болѣзненнымъ, недоразвившимся ребенкомъ. Ноги подъ ней подвосились; она опустилась въ кресло и дрожащимъ голосомъ сказала съ принужденной улыбкой:

— Подойдите, *chère Sophie*, поцѣлуйте меня... Я такъ рада!

Софья взяла протянутую ей руку и посмотрѣла въ лицо Елены Павловны, большими — можетъ быть, даже слишкомъ большими — синими глазами, чистыми, блестящими и полными выраженія, ко-

торого Елена Павловна никогда прежде въ нихъ не замѣчала. Длинные черныя рѣсницы окружали эти прекрасные глаза какой-то таинственной тѣнью; темныя брови погустѣли и лежали, какъ бархатъ, на нѣжномъ лбу, съ котораго исчезъ всякій признакъ болѣзненной, желтоватой блѣдности, такъ восхищавшей Елену Павловну.

Софья Васильевна Сазонова была, дѣйствительно, дурна собой до шестнадцати лѣтъ, худа, желта и неловка. Она казалась еще хуже оттого, что всѣ ей это говорили и смущали ее этимъ. Она росла робкой, нѣжной, впечатлительной дѣвочкой и сознание всеобщаго неодобренія и пренебреженія къ ея наружности связывало ея движенія и придавало лицу жалкое, непривлекательное выраженіе. Марфа Петровна Сазонова, единственная родственница ея матери, взяла ее подъ свою опеку съ пяти-лѣтняго возраста и довольно добросовѣстно заботилась объ ея воспитаніи. Она любила ее той капризной, эгоистичной, деспотической любовью, которою старухи любятъ своихъ воспитанницъ, доставляющихъ имъ занятіе, забаву и игрушку для ихъ празднои старости. Эрастъ Андреевичъ хотя и мало обращалъ вниманія на дѣвочку, но, замѣтивъ въ ней способности, занимался самъ иногда съ нею и заботился о выборѣ для нея учителей и книгъ. За то Соня привязалась къ нему той страстной, дѣтской привязанностью, которой не на кого было излиться. Онъ ей казался умнѣе, добрѣе, красивѣе всѣхъ, и когда, въ одинъ прекрасный день, ей объявили, что ея идеаль намѣренъ жениться на ней—это показалось ей волшебнымъ сномъ. Она сходила съ ума, не вѣрила, боялась, считала себя недостойной и, въ концѣ-концовъ, невѣроятно счастливой. Бѣдняжка наивно думала, что нельзя жениться иначе, какъ на той, кого любишь. Мысль о ея богатствѣ никогда не приходила ей въ голову и она не подозрѣвала ни разстроенныхъ финансовъ Сазонова, ни его отношеній къ Еленѣ Павловнѣ.

Это состояніе счастья, невѣденія и наивности длилось очень недолго. Скоро, очень скоро въ ея душу заврались безпокойство, недоумѣніе, потомъ мучительныя сомнѣнія; но разрѣшеніе этихъ сомнѣній, послѣ того лучезарнаго счастья, которое мелькнуло передъ нею, казалось ей до того ужасно, до того чудовищно, невѣроятно, что она не вѣрила, чтобъ такая масса горечи могла выпасть на долю человѣка...

Однако, это было такъ; судьба ея совершилась; горькая чаша была поднесена къ губамъ ея — полная до краевъ; она пила изъ нея медленными глотками, и чѣмъ болѣе пила, тѣмъ горче и невыносимѣе становился напитокъ. Какъ нищій, надъ которымъ подшутилъ вельможа, одѣвши въ теплое, красивое платье, посадивъ за столъ со вкусными блюдами и въ ту минуту, какъ онъ протягивалъ къ нимъ руку, его вытолкнули съ насмѣшкою на холодъ и дождь и отняли даже послѣднее рубище, — Софья увидѣла себя исключенной изъ пира жизни, отверженной паріей. Она поняла, что она безобразна, что она нелюбима, что ея наивно выказанная любовь и радость были смѣшны въ глазахъ Эраста и возбуждали только его презрѣніе. Потомъ, мало-по-малу, она поняла также, что вся обстановка ея существованія зависѣла отъ прихоти Елены Павловны, что мужъ ея будетъ съ ней грубъ, деспотиченъ, жестокъ, или, пожалуй, ласковъ, смотря по тому, чего потребуетъ эта женщина. И дѣло о приданомъ выяснилось въ ея глазахъ, и многое, многое... Въ какіе-нибудь семь-восемь мѣсяцевъ она пережила столько, сколько иногда цѣлая жизнь не даетъ человѣку, перешла всѣ фазы отчаянія, возмущенія, тоски, грусти, апатического равнодушія, передумала такъ много, что иногда ей казалось, что ея мозгъ не выдержитъ напора мыслей. И, точно, онъ не выдержалъ; всего этого было слишкомъ много для хрупкой организаціи семнадцати-лѣтней дѣвушки. У Софьи открылась нервическая горячка, съ такой силой и такими опасными признаками, что всѣ, не исключая доктора, были увѣрены въ ея смерти. Но кризисъ миновался благополучно; наступило выздоровленіе физическое и нравственное; силы окрѣпли, члены приобрѣли упругость и гибкость здоровья и изъ кризалиды безъ цвѣта и формы начали мало-по-малу выростать радужныя крылья бабочки... Точно волшебникъ коснулся ея жезломъ своимъ и превратилъ изъ карлицы въ принцессу. Угловатость членовъ исчезла, формы изящно округлились; съ надлежащей полнотой явилась бѣлизна и блескъ кожи и грація движеній; шея стройно вытянулась; сутуловатость пропала. Волосы, мягкаго каштановаго цвѣта, обритые послѣ горячки, быстро выросли и роскошными, крупными волнами легли вокругъ лица, каждая черта котораго прониклась гармоніей, теплотою и жизнью.

Обращеніемъ она также чрезвычайно перемѣнилась. Робости,

вспыхиванія, желанія услужить, слезъ, чувствительности къ упрекамъ не было больше; лицо было спокойно, синіе глаза смотрѣли загадочно-сосредоточенно, какъ-будто у нея былъ свой міръ, и она прислушивалась къ какой-то новой, невѣдомой самой въ себѣ жизни.

Все это видѣла Елена Павловна и не хотѣла вѣрить своимъ глазамъ. Она читала въ романахъ о такихъ превращеніяхъ молодыхъ дѣвушекъ, но чтобъ это могло совершиться въ-очію, именно съ нею, основывавшею всѣ свои надежды на безобразіи Софьи, — это была слишкомъ дерзкая пасмѣшка судьбы. Стараясь скрыть свое смятеніе, она зорко слѣдила за Сазоновымъ, но онъ былъ непроницаемъ: онъ очень хорошо понималъ причину волненія и разстройства Елены Павловны и зналъ, что единственное средство спасенія для него — это представляться даже неподозрѣвающимъ этой причины.

Воспользовавшись минутой, когда Марфа Петровна разговори-лась съ Любавской, Елена Павловна, будучи не въ силахъ болѣе подавлять свое волненіе, сказала Вѣрѣ:

— Сhère Вѣра Андреевна, пойдите въ вашу комнату, въ вашу келью. Мнѣ всегда представляется, что это келья: такъ тамъ чисто, просто, уютно!

— Пойдите, пойдите, шепнула Вѣра, пожимая ей руку: — я рада съ кѣмъ-нибудь поговорить по душѣ! Vous savez, je suis si seule!

Елена Павловна встала, окинула взглядомъ группу двухъ молодыхъ дѣвушекъ — Женни и Софьи, тихо разговаривавшихъ у окна, и вышла вмѣстѣ съ Вѣрой.

Вѣра Андреевна Сазонова въ двадцать восемь лѣтъ глядѣла какой-то дѣвочкой; у нея были манеры институтки, а выраженіе лица какъ-будто застыло на томъ возрастѣ, когда ее почему-то не выдали замужъ за того, кто ей нравился. Съ тѣхъ поръ черты ея увяли и свѣжесть поблекла, но на губахъ осталась та же сантиментально-восторженная улыбка, съ какой она объявила въ то время, что не пойдетъ больше ни за кого замужъ. Партіи больше и не представлялось, но Вѣра была убѣждена, что доказала много героизма и твердости воли, сдержавъ свое слово.

Комната, въ которую она ввела Елену Павловну, представляла совершенный образецъ комнаты благовоспитанной барышни. По-

стель съ бѣлыми филейными занавѣсами, покрытая филейнымъ-же одѣяломъ на розовой подкладкѣ—все это, разумѣется, собственной работы; туалетный столикъ, съ ковриками и подушечками для булавокъ, вышитыми руками подругъ, и съ завядшимъ букетомъ подъ стекляннымъ колпакомъ—эмблемой какого-то воспоминанія. Письменный столъ въ блестящемъ порядкѣ: съ такой нарядной чернильницей, что ее жалко было пачкать чернилами, съ стопами цвѣтной и бѣлой почтовой бумаги, симметрично разложенными по краямъ стола, и съ альбомами различной величины. За стеклянными дверцами шкафа виднѣлись аккуратно переплетенныя книги „Journal des Demoiselles“ за нѣсколько лѣтъ; на окнахъ жасминъ и резеда, на комодѣ какіе-то таинственные предметы: высохшая, давнишняя конфетка въ раковинѣ, вѣтвь вербы, склеенная изъ мелкихъ кусочковъ чайная чашка, вышитая туфля, изломанный браслетъ. Это все были, какъ оказывалось, воспоминанія разныхъ эпохъ жизни Вѣры.

Елена Павловна прежде всего подошла къ зеркалу и, прильнувъ къ нему лицомъ, внимательно начала себя разсматривать; потомъ, взявши пудры на пуховку, осторожно похлопала ею по лбу и подбородку.

— Посмотрите, говорила ей между тѣмъ Вѣра, подставляя ей маленькую модель Зимняго дворца изъ papier mâché:—это вашъ сувениръ! Вы мнѣ подарили это въ 186... году. Вотъ у меня это записано въ альбомѣ—видите?

— Да, отвѣчала Елена Павловна, не слушая и продолжая пудриться;—а я нашла перемѣну въ Sophie. Мнѣ кажется, у нея огрубѣли черты; худоба больше къ ней шла. Какъ вы находите?

— Что наружность! со вздохомъ сказала Вѣра:—была-бы душа хороша, была-бы чиста совѣсть.

— Съ которыхъ поръ она такъ пополнѣла? И кто вылечилъ ей глаза?

— Глаза у нея давно прошли; это была простуда. Послѣ нервной горячки она совѣмъ поправилась. Вѣрите-ли, Елена Павловна, что я жизни своей не жалѣла въ это время!.. Разъ самъ докторъ мнѣ сказалъ, что можно не Соню, а меня принять за больную!..

— А Эрастъ Андреевичъ также ухаживалъ?

— Онъ мало былъ въ это время.

— А послѣ перемѣнился онъ къ ней? Сталъ внимательнѣе? допрашивала Елена Павловна.—Находитъ онъ, что она похорошѣла?

— Вы знаете Эраста, отвѣчала Вѣра съ какою-то грустною торжественностью: — при его благородствѣ и когда онъ такой прекрасный сынъ и братъ, можетъ-ли онъ не быть превосходнымъ мужемъ?

Елена Павловна вздрогнула, но, взглянувъ въ невинные глаза Вѣры, выразившіе, что кромѣ сентиментальности она ничего подъ этимъ не подразумѣвала, успокоилась. Она знала, что Вѣра, въ качествѣ дѣвицы и идеалистки, говоритъ всегда только про любовь духовную.

— Никогда она не слышитъ отъ него брани, не видитъ косяго взгляда, продолжала Вѣра;—мнѣ кажется, что если-бъ я была на ея мѣстѣ, то я изъ любви къ мужу боготворила-бы всѣхъ его родныхъ... А она—напротивъ!

Глаза Вѣры наполнились слезами. Слезы были у нея всегда на-готовѣ, при малѣйшемъ поводѣ.

— Развѣ она не хороша къ семейству? спросила съ любопытствомъ Елена Павловна.

— Она не понимаетъ меня, не цѣнитъ моихъ совѣтовъ, и это мнѣ больно! Я такъ рада, что вы пріѣхали; мнѣ теперь будетъ кому изливать мою душу, а Соня словно чужая, молчитъ, никогда не расскажетъ ничего откровенно. У насъ всегда было прежде обыкновеніе читать съ ней вмѣстѣ утреннія молитвы, акафистъ и „Подражаніе Христу“. Это маменька такъ завела, чтобъ мы каждое утро посвящали на это два часа. Теперь Соня не хочетъ. Посудите, могла-ли я это скрыть отъ маменьки? Я ей сказала—Соня и ея не слушается! Что-же мнѣ дѣлать? а маменька меня бранитъ, говорить, что я виновата!

Вѣра опять отерла слезы.

— Гдѣ-же спальня Соня? перебила ее Елена Павловна:—покажите мнѣ, пожалуйста, гдѣ она теперь помѣщается?

— Она въ своей прежней комнатѣ.

— Въ прежней? въ той самой, какъ тогда, при мнѣ?

— Да, вотъ здѣсь, возлѣ моей, сказала Вѣра, указывая на лѣвую дверь въ глубинѣ.

Елена Павловна поспѣшно отворила ее и, остановившись на порогѣ, окинула комнату взглядомъ, полнымъ любопытства, волненія и безпокойства.

Глазамъ ея представилось узкое, низкое пространство, съ однимъ окномъ, съ бѣлой постелью въ углу, съ столомъ, комодомъ и двумя креслами. Только нелюбимую женщину можно было загнать въ такой уголокъ, — и лицо Елены Павловны прояснилось. Она подошла къ постели, пощупала одѣяло, простыню и начала внимательно оглядывать обстановку: замѣтила, что надъ окномъ виситъ простая коленкоровая занавѣска, что на полу нѣтъ ковра, что гардеробъ очень скуденъ. Ей попали на глаза маленькіе пригнелевыя ботинки изящной формы. Она взяла ихъ въ руки и сравнивала съ своими, мѣряя пятку... Потомъ увидала на комодѣ нѣсколько потныхъ тетрадей.

— Развѣ Соня продолжаетъ пѣть? спросила она.

— Да; у нея сдѣлался очень сильный голосъ, отвѣчала Вѣра.

— Но прежде находили, что ей вредно пѣть?

— Нѣтъ, теперь нисколько. Она очень много поетъ.

— А что говорить Эрастъ Андреевичъ про ея пѣніе?

— Гдѣ вы, Елена Павловна? послышался голосъ Сазонова.

— Что вамъ нужно? отвѣчала она, выходя къ нему навстрѣчу съ благосклонной улыбкой.

— Сейчасъ подадутъ обѣдать.

Она взяла его подъ руку и они пошли въ залу.

IV.

Старуха Сазонова дѣлала салатъ съ необыкновенной торжественностью, стоя у круглаго столика. Софья очищала огурцы, а Женни вливала въ соусникъ прованское масло, ужасно боясь не долить или перелить.

Любовская скучала страшно и безпрестанно зѣвала, съ нетерпѣніемъ отталкивая бѣлаго котенка, который валялся у ея ногъ и ловилъ лапками подолъ ея платья. Яша уже нѣсколько разъ бѣгалъ на дворъ играть съ собаками. Онѣ изорвали на немъ рубашку и панталоны и онъ былъ весь въ лохмотьяхъ, какъ итальянскій лацарони.

Подали обѣдъ и всѣ размѣстились довольно парадно вокругъ стола, убраннаго букетами цвѣтовъ и фруктами. Елена Павловна иначе не могла садиться за столъ, какъ съ этими украшеніями, и похвалила вкусъ хозяевъ.

— А я сейчасъ была въ вашей комнатѣ, Sophie, сказала она, обращаясь съ улыбкой къ Софьѣ:—тамъ такъ мило, просто! Я такъ люблю простоту: я нахожу въ ней много поэзіи. Вы, я думаю, очень любите этотъ уголокъ?

— За что-же мнѣ особенно любить его? возразила Софья.

— Напрасно; я-бы, на вашемъ мѣстѣ, была такъ въ немъ счастлива. Эти большіе дома, роскошь, анфилады—такъ надоѣдаютъ, такъ пріѣдаются. То-ли дѣло уютный, поэтический уголокъ, гдѣ можно помечтать!

Между тѣмъ Женни разспрашивала Софью про ихъ образъ жизни и ужасалась, что у нихъ нѣтъ сосѣдей.

Елена Павловна, слушавшая ихъ разговоръ, опять обратилась къ Софьѣ съ любезной улыбкой и сказала:

— Я слышала, что у васъ образовался превосходный голосъ, *chère Sophie*? Надѣюсь, что вы послѣ обѣда доставите мнѣ удовольствіе васъ слышать.

Софья молчала.

— Да, подтвердила Марфа Петровна,—теперь вы и не узнаете ея голосъ противъ прежняго.

— Я всегда это говорила, обратилась Елена Павловна къ Сазонову:—помните, я вамъ предсказывала, что ваша жена будетъ прелестно пѣть? Неправда-ли, я угадала?

— Я не помню вашего предсказанія, отвѣчалъ онъ, — и не могу сказать, угадали-ли вы. Я рѣдко слушаю Соню, и, по моему мнѣнію, ей еще много надо учиться.

— А я, напротивъ, увѣрена, что она восхитительно поетъ!

Только-что встали изъ-за стола, какъ Елена Павловна, не давши даже выпить кофе, раскрыла рояль, положила на пюпитръ самую трудную оперу и съ улыбкой направилась къ Софьѣ. Та слегка поблѣднѣла.

— Я спюю въ другой разъ, сказала она.—Сегодня я не въ голосъ и не расположена.

— Что за отговорки! прервала Елена Павловна, обнимая ее

за талью и таща къ роялю. Но Софья освободилась отъ ея объятій и сказала спокойно:

— Нѣтъ, Елена Павловна, увѣряю васъ, что сегодня я не могу пѣть.

— Sophie, что это значить? строго заговорила Марфа Петровна:—я не люблю этихъ фарсовъ. Садись и пой.

— Сегодня я не стану, тихо, но рѣшительно сказала Софья.

— Эрастъ Андреевичъ, поддержите-же мою просьбу, обратилась къ нему Елена Павловна:—употребите ваше вліяніе, какъ супругъ!..

Сазоновъ только пожалъ плечами.

— Софья Васильевна, почему-же вы не хотите доставить мнѣ удовольствіе? продолжала Елена Павловна, начиная злиться не на шутку.—Ну, я васъ прошу!

Софья молча встала и вышла изъ комнаты.

— Sophie! куда это, куда? закричала Марфа Петровна гнѣвно. Елена Павловна вся вспыхнула.

— Это ужъ болѣе чѣмъ странно, сказала она дрожащимъ голосомъ:—я не ожидала этого!..

— Она просто боится дурно спѣть, возразилъ Сазоновъ;—вы лучше сами сыграйте намъ что-нибудь.

Его заступничество раздражило Елену Павловну.

— Нѣтъ, она вовсе не застѣнчива, а скорѣе напротивъ, возразила она, все болѣе и болѣе сердясь:—она забавляется надо мной: поманила меня своимъ пѣніемъ, заставила просить...

— Конечно, это глупо съ ея стороны, вмѣшалась Марфа Петровна:—я сейчасъ позову ее...

— Ахъ нѣтъ, пожалуйста! Притомъ я сейчасъ уѣду: у меня голова болить.

Елена Павловна произнесла эти послѣднія слова такимъ тономъ, что Сазоновъ, испугавшись послѣдствій ея гнѣва, пошелъ въ другую комнату къ Софьѣ и Елена Павловна услышала, какъ онъ шепнулъ ей:

— Я тебя прошу, сдѣлай это для меня.

Отвѣта Софьи она не слыхала, потому что этотъ шопотъ вывелъ ее изъ себя.

— Женни! крикнула она такимъ голосомъ, что всѣ вздрогнули и Сазоновъ стремглавъ ринулся въ залу.

— Что, что, мамаша, я здѣсь, говорила Женни, подбѣгая.

— Надѣвай шляпу, собирайся, отвѣчала ей мать, задыхаясь и комкая въ рукахъ свою шляпу.

— Куда вы, что вы? раздался робкій гулъ голосовъ.

— Мамаша, не увози меня! молила Женни.

— Молчать! закричала на нее Елена Павловна—и оторван-ная отъ шляпы лента осталась въ ея рукѣ.

— Елена Павловна! говорилъ Сазоновъ, пытаюсь ее образумить и слѣдуя за нею на крыльцо. Тамъ онъ началъ что-то съ жаромъ шептать ей; она отвѣчала тоже бѣшеннымъ шопотомъ, изъ котораго можно было только разслышать: „Такъ заставьте ее извиниться“.

— Ради Бога, подождите меня! кричала Любавская:—я не найду калошу.

— До которыхъ поръ мнѣ васъ ждать? горячилась Елена Павловна, садясь въ коляску и отталкивая Сазонова, подсаживавшаго ее.

— Мама, вотъ одна твоя калоша, сказалъ Яша.

— Ну, я хоть въ одной!..

Но едва Любавская поставила ногу на подножку, какъ съ крикомъ воротилась опять бѣгомъ въ домъ. Она забыла бурнуса.

— Надежда Львовна, я безъ васъ уѣду, кричала Елена Павловна.

— Сейчасъ, сейчасъ, я готова... Господи, гдѣ-же у меня бантъ отъ пояса?

— Садись безъ банта, мама, кричалъ Яша.

— Пришлите мой бантъ, поищите мой платокъ и калошу, говорила Любавская Сазонову, уѣзжая.

IV.

Сазоновъ, разстроенный и сердитый, ушелъ въ свой кабинетъ, хлопнувъ дверью такъ, что задрожали стекла, и два раза повернулъ ключъ въ замкѣ.

Марфа Петровна въ волненіи свертывала и развертывала свое вязанье, ожидая каждую минуту, что Софья войдетъ просить прощенія.

— Вѣра! позвала она, услышавъ порохъ въ сосѣдней комнатѣ:—что ты тамъ прядешься? Поди сюда; гдѣ Соня?

Вѣра вошла и стояла передъ матерью съ испуганнымъ видомъ.

— Что она, плачетъ? продолжала Марфа Петровна.

— Я не знаю, запинаясь проговорила Вѣра.

— Какъ не знаешь? Гдѣ-же ты была? А я думала, что ты увѣщевала Соню, давала ей совѣты... Отчего ты такъ разстроена? что случилось? продолжала Марфа Петровна, начиная беспокоиться при видѣ увеличивавшагося смятенія дочери, которая пробормотала что-то непонятное.

— Да что такое? говори! Вѣрно, Сонѣ дурно? Она больна?

И Марфа Петровна встала, протягивая руку къ наштатырному спирту, который всегда стоялъ возлѣ нея, на окнѣ.

— Нѣтъ, сказала Вѣра:—она не больна. Она... она ушла гулять, докончила она шопотомъ, какъ-будто объявляя о неслыханномъ преступленіи.

— Гулять! вскричала Марфа Петровна и онѣмѣла.

Ей также показалось это чуть не преступленіемъ.

— Уйти гулять, когда на дворѣ скоро ночь! продолжала она:—уйти безъ спроса, когда она знаетъ, что мужъ на нее сердится, что я на нее сержусь! Неужели она такая безчувственная? Не съ отчаянія-ли она это сдѣлала?

— Не знаю.

— Ты никогда ничего не знаешь. Поди сейчасъ, разошли людей искать Софью Васильевну. Сказать ей, что я приказала ей воротиться домой.

Марфа Петровна была убѣждена, что причиною всѣхъ поступковъ Софьи была ревность къ Еленѣ Павловнѣ, и собиралась прочесть ей нотацію о томъ, какъ неприлично благовоспитанной молодой особѣ допускать себя до такой вульгарной страсти. Во мнѣніи Марфы Петровны Софья не имѣла никакого права ревновать, такъ-какъ вышла замужъ при особенныхъ обстоятельствахъ: она была больная и Сазоновъ облагодѣтельствовалъ ее, женившись; нельзя-же было отъ него требовать, чтобъ онъ былъ ей вѣренъ.

Она прислушивалась къ каждому шуму: она не могла быть покойна, пока знала, что Софья внѣ ея дома, внѣ той размѣренной атмосферы акуратности и порядка, которая, какъ кольцо,

охватывала членовъ ея семейства. Наконецъ, чрезъ довольно долгое время послышался шумъ отворяемой сѣнной двери и лицо Марфы Петровны прояснилось.

— Вѣра! позвала она опять.

— Что вамъ угодно, шатап?

— Пришла? шопотомъ спросила мать.

— Пришла, также шопотомъ отвѣчала Вѣра.

— Ну, скажи-же ей, какъ она меня огорчила и разсердила. Сама я не хочу ее видѣть и уйду сидѣть въ свою комнату. Если она вздумаетъ идти со мной прощаться, скажи, что не надо: я и такъ разстроена.

— А какже ужинъ, шатап?

— И ужинать не стану; все оттого, что она меня такъ разстроила. Можешь ей это сказать.

Марфа Петровна взяла свою работу, зажгла свѣчу и величественно удалилась въ спальню. Вѣра осталась въ мучительномъ недоумѣннн насчетъ ужина — велѣтъ-ли, по обыкновенію, накрывать въ залѣ или, изъ уваженія къ гнѣву матери, оставаться всѣмъ безъ ужина?

Пока она размышляла объ этомъ, дверь кабинета отворилась; Эрастъ Андреевичъ молча прошелъ черезъ гостиную и, остановившись на порогѣ корридора, позвалъ свою жену къ себѣ въ кабинетъ.

— Сейчасъ, отвѣчала Софья, и спокойствіе ея голоса поразило Эраста. Это было первое его столкновение съ Софьей во всю жизнь, потому что прежде стояло ему выразить желаніе — и она шла въ огонь и въ воду, чтобъ исполнить его. Привыкнувъ къ роли властелина, онъ теперь не зналъ, какъ держать себя въ виду неожиданнаго сопротивленія.

Софья вошла въ кабинетъ, какъ гостя, обинула его бѣглымъ взглядомъ, какъ незнакомое ей мѣсто, и сѣла на стулъ возлѣ стола, съ видомъ ожиданія.

Сазоновъ смотрѣлъ на нее молча и искалъ этихъ заплаканныхъ глазъ, полныхъ мольбы и любви, этихъ судорожно содрагающихся губъ, всей этой дѣтской, беззавѣтной преданности, къ которымъ онъ привыкъ, и — не находилъ ихъ болѣе. Передъ нимъ сидѣла совсѣмъ новая для него женщина, и что таилось въ ея глубокихъ, синихъ глазахъ, что неровной волной поднимало ея дѣвственную грудь — было ему неизвѣстно.

Немного помолчавъ, онъ спросилъ ее:

— Отчего ты не хотѣла пѣть?

Губы Софьи едва замѣтно дрогнули. Ей, очевидно, стоило большого усилія отвѣчать твердымъ и спокойнымъ голосомъ:

— Я не хотѣла пѣть. Я не могу пѣть при людяхъ, которые относятся ко мнѣ недоброжелательно.

— Ты говоришь объ Еленѣ Павловнѣ? возразилъ Сазоновъ, строго и пристально глядя на нее.

— Да.

— Ты забываешь, чѣмъ я обязанъ этой жепцинѣ. Ты знаешь, какое участіе она принимала во всѣхъ моихъ дѣлахъ, какъ много она для меня сдѣлала.

— Для васъ—не значить для меня! прозвучалъ грудной, металлическій голосъ Софьи, и она медленно подняла глаза на мужа.

Сазоновъ закусила губы и покраснѣлъ.

— Такъ ты отдѣляешь свои интересы отъ моихъ? возразилъ онъ тономъ строгаго судьи.

— Такъ-же, какъ вы отдѣляете свои отъ моихъ! выговорила она ясно, отчетливо, и опять взглядъ ея большихъ, темныхъ глазъ устремился на Сазонова, твердый, какъ сталь.

Очевидно, она говорила то, что давно уже продумала и почувствовала. Быть можетъ, эти слова не разъ жгли ей губы въ минуты нравственнаго одиночества, и теперь она испытывала какое-то странное наслажденіе, выговаривая ихъ громко, въ лицо оторопѣвшему мужу. Голова ея слегка кружилась и ноги дрожали.

— Такъ вотъ какъ! пробормоталъ Сазоновъ.

Спокойствіе и опредѣленность ея отвѣтовъ поражали его. Онъ въ первый разъ велъ съ нею подобный разговоръ. До сихъ поръ между ними не было никакихъ столкновеній и Сазоновъ находился въ блаженномъ невѣденіи относительно перемѣны ея чувствъ къ нему. Теперь въ головѣ его смутно поднимались тысячи вопросовъ: тревога, сомнѣніе и любопытство смѣнялись одно другимъ. „Что такое съ нею?“ думалъ онъ, стараясь скрыть свое смущеніе.

Софья молчала и спокойно ждала, чтобъ онъ опять началъ говорить.

— Если ты желаешь загладить свой поступокъ, медленно сказалъ Сазоновъ,—то ты должна извиниться передъ Еленой Павловной.

— Я ни въ чемъ передъ ней не виновата.

— Другими словами: ты не хочешь сдѣлать этого для меня?

— Не хочу, тихо отвѣчала Софья.

Сазоновъ вспыхнулъ.

— Такъ я тебѣ скажу, прервалъ онъ, — что твое поведеніе безсердечно въ отношеніи меня и, въ особенности, моей матери, которую ты огорчаешь до глубины души!

Онъ попалъ, наконецъ, на больную струну. Давно уже, съ болью въ сердцѣ, Софья сознавала, что идетъ въ разрѣзъ со всѣми вкусами и желаніями своей приемной матери. Но поступать иначе было не въ ея власти. Могучій притокъ развивавшейся въ ней жизненной силы увлекалъ ее въ болѣе широкія пространства изъ узкой, сферы аристократическаго воспитанія и круга однообразныхъ занятій, въ который силилась заключить ее желавшая ей по-своему добра ея воспитательница.

Натура Софьи была не изъ такихъ, которыя падаютъ духомъ и умиляются надъ собственными несчастіями. Когда она поняла, что Сазоновъ женился на ней не любя, когда выздоровѣла отъ опасной болѣзни, постигшей ее вслѣдствіе страшнаго душевнаго потрясенія, то всѣ силы души своей она употребила на то, чтобъ забыть прошлое и создать себѣ новую жизнь, новые интересы. Инстинктивно вся природа ея просила свѣта, простора и радости. Въ ней бродила молодая жажда дѣятельности, знаній, поклоненія какому-нибудь идеалу. Съ юношескимъ жаромъ она стремилась быть полезной, посвятить себя какому-нибудь дѣлу, которое-бы наполнило всю жизнь ея, жадно читала книги, изучала по учебникамъ иностранные языки, въ смутной надеждѣ, что они на что-нибудь пригодятся. Все это смутно и неясно носилось въ ея молодой головѣ и ждало только внѣшняго толчка, чтобъ принять опредѣленную форму.

Между тѣмъ Сазоновъ, замѣтивъ ея волненіе, продолжалъ еще съ большимъ жаромъ:

— Ты знаешь, какъ маленька цѣнить вѣжливость въ общеніи, какъ дорожить своимъ гостепріимствомъ, и ты такъ грубо, такъ самовольно выгоняешь изъ ея дома гостью, которую она уважаетъ! Какъ ты назовешь это?

Софья съ минутою молчала, потомъ сказала измѣнившимся голосомъ:

— Я не желаю огорчать никого, но не могу подчинить мою личную свободу такимъ требованіямъ. Я никому здѣсь не мѣшаю жить, какъ кто хочетъ, не мѣшайте-же и вы мнѣ.

Съ этими словами она встала.

Сазоновъ не удерживалъ ее, потому что пугался дальнѣйшаго разговора съ нею, пугался приподнять ту завѣсу, сквозь которую успѣлъ разглядѣть одинъ уголокъ ея души. До сихъ поръ семья не причиняла ему ни малѣйшаго безпокойства; онъ считалъ, что все идетъ какъ слѣдуетъ и всегда будетъ идти тѣмъ-же установленнымъ порядкомъ,—считалъ, что извѣстный ему характеръ, вкусы и любовь къ нему его жены будутъ всегда поддерживаться въ томъ-же видѣ традиціей, воспитаніемъ и образомъ жизни. Онъ не зналъ, какимъ опытомъ надѣлило Софью горе и разочарованіе въ лучшихъ надеждахъ юности, какіе обширные горизонты открыло ей страданіе и нравственное одиночество. По уходѣ Софьи онъ съ мучительнымъ недоумѣніемъ сталъ размышлять о ея словахъ. Впереди, въ туманѣ, передъ нимъ неясно поднимались какіе-то грозные призраки, еще не имѣвшіе опредѣленной формы.

Вдругъ изъ залы до него донеслись звуки рояля. Мотивъ, который играла Софья, былъ ему неизвѣстенъ, но клавиши, казалось, пѣли и плакали подъ ея руками. Сазоновъ долго слушалъ, стоя у двери кабинета; эти звуки повергали его въ глубокое и сладкое волненіе.

„Что съ нею?“ подумалъ онъ и вошелъ въ залу.

Софья уже кончила и сидѣла у рояля, опустивъ голову на руки.

— Соня, сказалъ Сазоновъ съ тѣмъ прежнимъ, мягкимъ выраженіемъ голоса, которое въ былое время очаровывало Софью:— спой мнѣ что-нибудь.

Она подняла на него изумленные глаза. Сазоновъ стоялъ передъ нею съ страннымъ выраженіемъ въ глазахъ и задумчиво крутилъ усы.

Софья никакъ не ожидала отъ него такой просьбы; она думала, что онъ сердится на нее, и ее поразилъ мягкій, почти нѣжный звукъ его голоса.

Безъ отговорокъ она взяла нѣсколько аккордовъ и запѣла сильнымъ, груднымъ голосомъ:

„Блѣзеть парусъ одинокій...“

Но Сазоновъ тотчасъ-же остановилъ ее за руку, сказавъ:
— Не то, не то, Соня... не то!

Она подняла на него глаза.

— Что-же пѣть? спросила она.

Сазоновъ задумался. Казалось, тысячи мыслей пробѣгали въ его головѣ; наконецъ, онъ провелъ рукою по волосамъ, наклонился къ ней и продекламировалъ съ страннымъ выраженіемъ:

— Помнишь, стихи Лермонтова:

Но храмъ разрушенный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все Богъ!

Онъ смотрѣлъ на нее такимъ страннымъ, пронизывающимъ душу взглядомъ, что щеки Софьи покрылись жгучимъ румянцемъ. Эта сцена поднимала въ душѣ ея тысячу еще неотжившихъ, горькихъ и сладкихъ впечатлѣній.

Въ смущеніи она взяла первые аккорды романса, но въ эту минуту дверь отворилась и вошла пожилая горничная Марфы Петровны — одна изъ тѣхъ прежнихъ крѣпостныхъ горничныхъ, которыхъ тотчасъ можно узнать по окаменѣлому выраженію лица и по особенному слогу, которымъ онѣ говорятъ съ господами.

— Софья Васильевна, сказала она мѣрнымъ голосомъ: — барыня приказали просить васъ сдѣлать имъ одолженіе не беспокоить ихъ музыкой, такъ-какъ онѣ чувствуютъ себя очень разстроимши. А если вамъ угодно, то онѣ васъ не стѣсняютъ.

Софья быстро встала, закрыла рояль и вышла изъ комнаты.

II. Лѣтнеевъ.

(Продолженіе будетъ.)

ТРУЖЕНИЦА.

Въ комнаткѣ душно и чадно,
Вѣтеръ въ окошко стучить,
Словно на бой безпощадный
Вызвать нужду онъ спѣшать.

За заказною работою
Дѣвушка молча сидитъ;
Ей не поется—забота
Сердце больное щемить:

Завтра хозяйкѣ суровой
Нужно за уголь отдать,
Да для господской обновы
Много приклада набрать...

„Господи, скоро-ли долю
„Ты перемѣнишь мою?
„Рада идти хоть въ неволю,
„Только не рада житью!..“

Снова проворной иглою
Шьетъ она, бѣдная, шьетъ,
Слезы струятся рѣкою,
Сердце тревогу все бьетъ.

Вѣтеръ-же болѣ и болѣ
Злится, стучася въ окно...
Бѣдная, видно на долю
Счастья тебѣ не дано!

А. Монастырскій.

ПШЕНИЦЫНЫ.

(ИЗЪ ИСТОРИИ ЗАБИТЫХЪ ЛЮДЕЙ.)

(Окончаніе.)

XXII.

— Нотацію прочитали, обругали... и выгнали вдобавокъ... бормоталъ Пшеницынъ, углубляясь въ воспоминанія недавняго униженія;— за что-же, за что, Господи ты Боже мой!.. съ отчаяніемъ прошепталъ онъ, всплеснувъ руками къ великому соблазну проходящаго люда.

Какъ большинство робкихъ и пугливыхъ людей, Пшеницынъ обладалъ тѣмъ болѣзненнымъ самолюбіемъ, которое у этихъ людей прекрасно уживается съ ихъ забитостью, и, за недостаткомъ характера, не высказываясь при оскорбленіи, съ большею силою даетъ о себѣ знать потомъ.

Онъ дошелъ до Кокушкина моста и машинально перешелъ его, идя безъ цѣли, безъ воли, рѣшительно куда глаза глядятъ, какъ говорится.

— Куда лѣзешь, батюшка? Дороги для тебя мало!

Андрей Федоровичъ тутъ только замѣтилъ, что наткнулся на старую бабу, которая подъ кровомъ дыряваго парусиннаго зонтика пріютилась у стѣнки съ цѣлымъ коробомъ черныхъ яблоковъ и зеленыхъ апельсиновъ, которые безпощадно мочила осенняя непогода. Онъ былъ уже въ предѣлахъ Сѣнной и предметы мелкой индустріи чаще стали попадаться на глаза.

Пшеницынъ опомнился и свернулъ въ сторону отъ торговли, фізіономія которой очень походила на одинъ изъ видовъ ея товара.

— Ишь, спозаранокъ-то!.. съ негодованіемъ сказала она ему въ слѣдъ.

Въ третій уже разъ въ это утро названіе пьянаго было брошено въ лицо Пшеницыну. Онъ шелъ дальше по Сѣнной, мимо церкви Спаса, по направленію къ Екатерингофскому проспекту, мимо навѣсовъ съ дичью, рыбой, мимо лотковъ съ посудой, гребенками и всякой всячиной, мимо кучекъ торговцевъ и покупателей, среди разныхъ запаховъ и людского гомона, неумолкающаго здѣсь во всякую погоду, — шелъ одинъ, безъ цѣли и намѣренія, среди людей, занятыхъ своими интересами.

Среди этого шума и хлопотни сознаніе своего безсилія и одиночества опять защемило сердце Андрея Федоровича. Въ немъ разрослось то скорбное чувство, которое овладѣваетъ человѣкомъ, брошеннымъ въ его положеніи въ толпу незнакомыхъ людей, которымъ нѣтъ до него никакого дѣла.

Броситься-бы теперь съ размаху на землю, внизъ лицомъ и замереть въ неисходномъ горѣ, или запить до полного осатанѣнія всѣхъ душевныхъ силъ и способностей!.. Объ эти потребности сильно чувствовалъ теперь въ себѣ Андрей Федоровичъ.

Низенькій, въ подвалѣ, кабачекъ привѣтно ласкалъ взоръ яркостью всевозможныхъ цвѣтовъ, пестрившихъ вывѣску... Звуки нестройной пѣсни неслись сквозъ запертыя окошечки съ красными занавѣсками и шеренгой разноцвѣтныхъ стелѣяницъ. Андрей Федоровичъ спустился на нѣсколько ступеней внизъ, дверь съ тяжелымъ кирпичемъ, прикрѣпленнымъ къ веревкѣ, перекинутой черезъ блокъ, пронзительно завизжала, густой клубъ теплаго пара вырвался на улицу, и низенькій кабачекъ привѣтно принялъ злополучнаго путника подъ свои закоптѣлые своды...

Переходъ изъ сырого и промозглаго воздуха въ среду, нагрѣтую дыханіемъ десятка людей, живительно дѣйствовалъ на тѣло. Въ воздухѣ висѣлъ гомонъ, хохотъ, лилась пѣсня троихъ подгулявшихъ забулдыгъ и носились спиртные испаренія.

Пшеницынъ сѣлъ за столикъ и спросилъ себѣ водки. Стлянка живительной влаги и блюдечко съ мелко нарѣзанными кусочками хлѣба живо были поданы шустрымъ малымъ въ зеленомъ передникѣ. Андрей Федоровичъ сидѣлъ и пилъ...

Наконецъ, онъ безсильно уронилъ на столъ свою хмѣльную, злополучную голову. Онъ опамятовался уже вечеромъ.

Съ трудомъ поднялъ онъ отяжелѣвшую голову и протеръ глаза, на нѣсколько минутъ ошеломленный пробужденіемъ, пока не припомнилъ, что съ нимъ произошло и какъ онъ сюда попалъ. Онъ вспомнилъ, что пришелъ сюда въ полдень, напился и заснулъ; повидимому, онъ проспалъ долго: въ кабакъ съ потолка мерцалъ газъ, личности, наполнявшія теперь кабакъ, на-сколько онъ могъ рассмотреть, щурясь и моргая глазами, ослѣпленными переходомъ изъ мрака къ свѣту,—были совсѣмъ другія, чѣмъ прежде, и вокругъ него было гораздо болѣе оживленія. Въ воздухѣ стоялъ шумъ и гамъ, полъ гулелъ и скрипѣлъ подъ ногами десятковъ двухъ людей; вѣдкій дымъ махорки яростно шекоталъ обоняніе; дверь съ кирпичемъ, скрипя и впуская струю холоднаго воздуха съ улицы, безпрестанно отворялась и запиралась, впуская и выпуская шумныхъ посѣтителей. Пшеницынъ облокотился на столъ, подперъ ладонью голову и осматривался кругомъ тупыми глазами. Лицо его было измято, глаза опухли и растрепанные волосы висѣли на лбу. Шляпа, упавшая во время сна съ головы, валялась подъ столомъ. Андрей Федоровичъ потянулся, чувствуя, что весь разломанъ и голова мучительно ноетъ, надѣлъ шляпу, всталъ, опохмѣлился у стойки и вышелъ.

На улицѣ онъ посмотрѣлъ на часы; было шесть вечера. Дождя не было; онъ, вѣроятно, давно уже пересталъ. Было сыро и легкій морозецъ. Газъ весело сверкалъ въ магазинахъ; на всѣхъ улицахъ и перекресткахъ стоялъ неумолчный грохотъ городской вѣзды. Пшеницынъ прошелъ черезъ Сѣвную, мимо рядовъ, темныхъ и безлюдныхъ теперь, и пошелъ по Гороховой улицѣ къ Морской, той-же дорогой, которой онъ шелъ нѣсколько часовъ назадъ. Крайнее утомленіе сказывалось у него во всѣхъ членахъ. Въ груди ныло. Голова была тяжела, какъ свинецъ. Душевное страданье, отъ котораго онъ старался забыться, кончившеся для него шести-часовымъ безпамятствомъ, съ пробужденіемъ опять возобновилось, принявъ только другой видъ. Отчаяніе, выражавшеся порывами, перешло въ состояніе тупого равнодушія, въ состояніе покоя, если вы хотите принять это выраженіе, поставленное только для противоположности съ первымъ понятіемъ. Прежде онъ мучался и отчаявался; во время ночной бессонницы, заложивъ руки подъ голову, онъ думалъ о средствахъ и способахъ; теперь этого ничего не было, словно то, что слу-

чилось съ нимъ, случилось давно, и не стоитъ думать объ этомъ болѣе. Если бываютъ минуты въ человѣческой жизни, когда ни одной мысли нѣтъ въ головѣ, то это было съ Пшеницынымъ теперь... вѣрнѣе сказать—хаосъ мыслей, фантастическій и безобразный, въ которомъ всѣ мысли скучены и переплетены одинаковымъ образомъ, такъ что нѣтъ ни одной, которая-бы нѣсколько яснѣе отъ другихъ отдѣлялась, которую можно-бы было опредѣлить и на которой можно-бы было остановиться,—состояніе, весьма близко подходящее къ тому, когда было-бы полное отсутствіе ихъ.

Онъ прошелъ Гороховую, пересѣкъ Адмиралтейскую площадь и направился по бульвару въ сторону къ Дворцовому мосту, неруководимый ровно никакимъ побужденіемъ. Онъ шель потому, что нужно было куда-нибудь идти—домой-ли или въ другое мѣсто, ему было все равно. Онъ миновалъ мостъ и пошелъ по набережной, разсѣянно смотря въ воду. Вдругъ онъ немного пріостановился и пощупалъ боковой карманъ, потомъ перенесъ руку въ карманы брюкъ и сюртука: бумажника не оказывалось. Тамъ были деньги, болѣе десяти рублей—часть суммы, вырученной подъ закладъ ложекъ и браслета, и билетъ ссудной кассы... Бумажникъ пропалъ, а съ нимъ пропали и эти вещи... Это былъ послѣдній ударъ, которымъ заключился для Андрея Федоровича этотъ обильный событіями день. Ясное дѣло, бумажникъ былъ у него украденъ, и украденъ, по всей вѣроятности, тѣмъ человѣкомъ въ сѣромъ пиджакѣ, который разговаривалъ съ нимъ въ кабакѣ. Пшеницынъ въ этомъ не сомнѣвался, но нельзя сказать, чтобы эта потеря произвела на него поражающее впечатлѣніе, которое она должна-бы была произвести. Онъ уже слишкомъ много испыталъ въ этотъ день, чтобы это происшествіе, положительно несчастное въ его обстоятельствахъ, имѣло для него значительную долю своей силы. Онъ не подумалъ раньше хватиться, потому что, расплачиваясь за вино, онъ вынулъ деньги изъ жилетнаго кармана, гдѣ было два серебряныхъ двугривенныхъ и нѣсколько копеекъ мѣдью. Часы остались цѣлы—вѣроятно, потому, что, находясь въ томъ-же мѣстѣ, т. е. въ карманѣ жилета, не представляли такого удобства для вытаскиванія, какъ бумажникъ, спрятанный въ боковомъ карманѣ сюртука. При обыкновенныхъ отношеніяхъ Андрея Федоровича и жены его

этотъ случай былъ-бы немислимъ, такъ-какъ, получивъ жалованье, Пшеницынъ сполна отдавалъ его Авдотѣ Семеновнѣ; единственное исключеніе явилось только въ послѣднее время, когда Андрей Федоровичъ, нѣсколько дней назадъ, принесъ жалованье (мы знаемъ, откуда оно было), отдалъ женѣ нѣсколько рублей въ уплату долга за забранную втеченіи мѣсяца провизію и на другіе расходы, оставивъ остальные деньги у себя. Неизвѣстно, чѣмъ руководствовался Пшеницынъ, нарушая навсегда установившійся порядокъ вещей; это могло быть сдѣлано имъ рѣшительно безъ всякаго побужденія, совершенно безотчетно, можетъ быть, подъ вліяніемъ разсѣянности, которой подвергался Андрей Федоровичъ въ послѣднее время. Это обстоятельство не прошло безслѣдно для Авдотьи Семеновны, какъ и все то, что казалось ей страннымъ въ Андреѣ Федоровичѣ и давало пищу ея подозрительности, но она ни мало не дала понять мужу, что обратила вниманіе на его поступокъ, на тѣхъ-же самыхъ основаніяхъ, по которыхъ она избѣгала входить съ нимъ въ объясненія, болѣе или менѣе выходящія изъ границъ напряженныхъ отношеній, установившихся между ними въ послѣднее время. Онъ подвигался впередъ по набережной, достигъ Литейнаго моста, перешелъ его и углубился въ темныя переулки Выборгской стороны.

Онъ шелъ уже около двухъ часовъ и чувствовалъ, что ноги его заломило, а подошвы начали нестерпимо ныть. Эти признаки утомленія начались уже давно, но онъ только теперь ихъ ощутилъ. Онъ вдругъ повернулъ назадъ и пошелъ той-же самой дорогой въ обратную сторону.

Небо совершенно расчистилось и блескъ луны ярко горѣлъ на небѣ, отражаясь на движущейся чешуѣ Невы и освѣщая шпицъ Петропавловской крѣпости. Когда Андрей Федоровичъ проходилъ мимо послѣдней, башенные часы уныло проиграли: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“ и издали восемь ударовъ.

Пшеницынъ сперва прибавилъ-было шагу, но потомъ опять пошелъ тише.

Онъ шелъ къ себѣ домой, въ Мѣщанскую.

Подойдя къ воротамъ, онъ мгновенно испыталъ старое тревожное чувство, которое овладѣвало имъ постоянно, когда онъ

возвращался домой; но оно было непродолжительно и сейчас-же замѣнилось тѣмъ состояніемъ покоя, о которомъ я говорилъ.

XXIII.

Дома Агафья встрѣтила Андрея Федоровича извѣстіемъ, котораго онъ ожидалъ.

Въ первой комнатѣ горѣла на столѣ лампа, группировались по угламъ дѣти, которымъ, вѣроятно, было внушено не шумѣть. Дверь въ слѣдующую комнату была затворена.

Пшеницынъ сѣлъ къ столу и смотрѣлъ на эту дверь. Дѣти подошли поздороваться съ нимъ. Онъ взглянулъ на нихъ разсѣянно. Агафья, наклонясь къ нему, попотомъ передавала, что бабушка съ самаго утра уже здѣсь и что Авдотья Семеновна безпрестанно спрашиваетъ, пришелъ-ли Андрей Федоровичъ.

Агафья ушла. Пшеницынъ облокотился на столъ, положилъ на руки голову и долго оставался въ такомъ положеніи. Напряженная тишина была во всей квартирѣ. Слышны были только слабые звуки сквозь запертую дверь изъ другой комнаты.

Богъ-вѣсть о чемъ задумался теперь Андрей Федоровичъ, да и неизвѣстно, впрочемъ, задумался-ли онъ или задремалъ; по крайней мѣрѣ, онъ не перемѣнялъ своей позы и не шевельнулъ ни однимъ мускуломъ, не поднялъ даже головы, когда дверь отворилась и повивальная бабка спѣшно и на цыпочкахъ прошла черезъ комнату, слегка поклонившись Андрею Федоровичу. Черезъ нѣсколько секундъ бабка опять прошла мимо него обратно, въ сопровожденіи Агафьи. Пшеницынъ раздвинулъ руки и посмотрѣлъ имъ въ слѣдъ. Дверь затворилась, но Андрей Федоровичъ все смотрѣлъ, опять застывъ въ своей позѣ.

Лампа отбрасывала яркій свѣтъ на его лицо. Это лицо имѣло измученно-спокойное выраженіе, если можно такимъ образомъ выразиться; запекшіяся губы были крѣпко стиснуты, кругомъ глазъ лежалъ синеватый обводъ, волосы слиплись и клочьями висѣли на лбу. Маятникъ мѣрно отчеканивалъ секунды. Съ улицы доносился трескъ ѣзды и гдѣ-то на сосѣдней крышѣ жалобно визжалъ флюгеръ . . . . .

Прошло съ четверть часа. Пшеницынъ стоялъ у окна и пристально смотрѣлъ въ темноту, прильнувъ лбомъ къ стеклу.

Въ той комнатѣ, гдѣ происходило рожденіе новаго члена семейства Пшеницыныхъ, сквозь запертую дверь послышался дѣтскій плачь... Это былъ первый громкій звукъ, раздавшійся среди всеобщей тишины. Андрей Федоровичъ слабо вздрогнулъ и еще ближе прильнулъ лицомъ къ стеклу.

Его назвали по имени. Онъ обернулся и увидѣлъ сзади себя бабу, на рукахъ которой былъ его новорожденный сынъ. Маленькая, красная, голая фигурка барахталась на рукахъ женщины. Пшеницынъ наклонился и машинально поцѣловалъ крохотное плачущее личико народившагося человѣка.

— Мальчикъ! промолвила бабу голосомъ, которымъ сообщаютъ пріятное извѣстіе.

Андрей Федоровичъ взглянулъ на нее, принудилъ себя улыбнуться, изобразивъ на лицѣ вмѣсто улыбки какую-то судорогу, и потупился.

Бабу посмотрѣла на него немного страннымъ взглядомъ, выражавшимъ смѣсь удивленія и недоумѣнія, и унесла новорожденного обратно...

Пшеницынъ воротился къ окну и углубился въ свое прежнее занятіе. Такъ онъ пробылъ нѣсколько минутъ; онъ обернулся. Въ комнатѣ не было никого; дверь опять была затворена. Онъ отошелъ отъ окна, остановился, пристально смотря на огонь лампы, и задумался тою думою, которая на нѣкоторое время обращаетъ человѣка въ столбнякъ.

Немного погодя Агафья увидѣла изъ кухни, какъ онъ снималъ шинель медленно и точно украдкой.

— Куда вы, сударь? спросила кухарка.

Пшеницынъ что-то отвѣчалъ невнятно; Агафья не разобрала хорошенько его словъ, но поняла ихъ въ смыслѣ отвѣта, что онъ скоро вернется. Она замѣтила интонацію, которою былъ произнесенъ отвѣтъ Андрея Федоровича. Голосъ его дрожалъ и звучалъ глухо, какъ это бываетъ въ томъ случаѣ, когда кто-нибудь держитъ за горло. Отвѣтъ Пшеницына былъ — первый слова, которыя онъ произнесъ, вернувшись въ этотъ вечеръ домой. Въ темнотѣ Агафья не могла разсмотрѣть его лица, а также

замѣтить и того обстоятельства, что онъ украдкой что-то пряталъ подъ полой шинели...

XXIV.

Съ этого вечера Пшеницынъ какъ въ воду канулъ. Такъ прошло два дня, а часу въ шестомъ вечера слѣдующаго дня Авдотья Семеновна увидалась съ Преполовенскимъ. Лишь только Павелъ Ивановичъ вошелъ въ сѣни, какъ сейчасъ-же узналъ отъ Агафьи о родахъ Авдотьи Семеновны и объ отсутствіи Андрея Федоровича, и объ ея безпокойствѣ по случаю этого отсутствія. Преполовенскій выслушалъ сообщенія кухарки Пшеницыннхъ, стоя въ сѣняхъ, мрачно насунивъ брови, и, узнавъ объ Андрѣ Федоровичѣ, произнесъ „знаю“ и пошелъ въ комнаты.

Авдотья Семеновна въ это время была въ спальнѣ.

Преполовенскій въ ожиданіи ея принялся расхаживать по комнатѣ. Ужь одно то, что онъ, только-что войдя, началъ ходить, показывало, что визитъ его не проста и что онъ переработываетъ въ головѣ крѣпкую мысль. Шагая по комнатѣ съ понуренной и наклоненной нѣсколько на бокъ головой, онъ щипалъ рукою одну изъ своихъ бакенбардъ, свирѣпо глядѣлъ въ полъ изъ-подъ нависшихъ бровей и кусалъ губы: всѣ признаки чело-вѣка, приготовляющагося къ трудному объясненію.

Онъ весь былъ поглощенъ своею думою и не сказалъ ни одного слова ребятамъ, съ которыми поздоровался при входѣ весьма разсѣянно.

Онъ ждалъ Авдотью Семеновну недолго. Вася сейчасъ-же сообщил матери о приходѣ Павла Ивановича, и та, спустя нѣсколько минутъ, вышла къ нему торопливой походкой.

Пшеницына еще не совсѣмъ оправилась отъ недавней болѣзни; она казалась нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго и немного похудѣла, — вотъ и всѣ перемѣны, замѣченныя Павломъ Ивановичемъ и происшедшія въ ней втеченіи послѣдняго времени, съ того дня, когда онъ въ послѣдній разъ видѣлся съ нею.

Если мало было въ ней перемѣнъ въ физическомъ отношеніи, за то во взглядахъ, въ звукѣ голоса и общемъ выраженіи всей фізіономіи отчасти выказывалась степень тревоги и безпокой-

ства, которыя должны были развиться въ ней до полной своей силы при послѣднихъ обстоятельствахъ.

Она рада была приходу Преполовенскаго. Тотъ поздравилъ ее съ новорожденнымъ. Авдотья Семеновна пригласила Павла Ивановича посмотрѣть его. Оба вошли въ ту комнату, гдѣ въ кровати лежалъ спеленатый ребенокъ. Оба остановились и глядѣли на него, причемъ Преполовенскій показалъ ему рогатую козу и просюсюкалъ: „исъ, сельменокъ эдакой“...

Постоявъ нѣсколько минутъ передъ малюткой, хозяйка и ея гость сѣли къ окну. Авдотья Семеновна, у которой съ прихода Павла Ивановича горѣло сердце начать занимавшій ее разговоръ, открыла уже ротъ, чтобы выговорить, но Преполовенскій предупредилъ ее.

— Я, Авдотья Семеновна, пришелъ успокоить васъ насчетъ Андрея, сказалъ онъ медленно, доставъ носовой платокъ и развертывая его; высморкавшись, онъ продолжалъ:—Ваша Агафья мнѣ сейчасъ сообщила, что вы очень тревожитесь; само собой понятно, что нельзя не тревожиться... По этому-то случаю я и пришелъ вамъ сказать, чтобы вы не беспокоились.

Онъ кряпнулъ и бросилъ смущенный взглядъ на стѣны.

Пшеницына смотрѣла на него во все глаза, не моргая и заставъ дыханіе.

— Вы видѣли его, Павелъ Ивановичъ? Скажите, пожалуйста, что съ нимъ такое? Слава-богу, что вы пришли... вы мнѣ объясните... у меня голова кругомъ идетъ... я ровно ничего не понимаю... Гдѣ онъ? Вы мнѣ только скажите, гдѣ онъ?..

— Онъ у меня, Авдотья Семеновна, на квартирѣ, то-есть... вы, пожалуйста, не пугайтесь... дѣло не важное... Онъ пришелъ ко мнѣ вечеромъ третьяго дня и ночевалъ. И сегодня ночевалъ.

Онъ опять круто оборвался и посмотрѣлъ по сторонамъ, словно избѣгая взглядовъ своей собесѣдницы.

Авдотья Семеновна не спускала съ него глазъ, вытянувшись на стулѣ, съ самымъ тревожнымъ выраженіемъ на лицѣ, гдѣ попеременно выступала краска, которую замѣняла безкровная блѣдность. Изъ тона и движеній Павла Ивановича она инстинктивно догадывалась, что онъ вилаетъ, скрывая отъ нея что-то. Все смутныя, безформенныя подозрѣнія, которыя попеременно волновали ее въ послѣднее время, теперь, въ этотъ моментъ, разомъ поднялись

въ ея груди. Она испытывала то тяжелое и болѣзненное чувство, которому нѣтъ имени и которое всегда является при ожиданіи невѣдомой и ближущейся бѣды и, какъ какое-то чудовище, охватываетъ холодными, цѣпкими пальцами сердце и подступаетъ къ горлу.

— Онъ... здоровъ?..

— Здоровъ; право, не пугайтесь, Авдотья Семеновна; насчетъ его отсутствія не беспокойтесь, повторяю вамъ, подтвердилъ Преполовенскій съ тою-же интонаціею и взглядомъ, которые такъ растревожили Пшеницыну.

— Павелъ Ивановичъ! съ мольбою въ голосъ сказала, наконецъ, она, — ради Бога, не скрывайте отъ меня ничего. Этимъ вы меня только пуще мучаете. Я знаю навѣрное, что вы не хотите говорить... что вамъ извѣстно что-нибудь непріятное. Вы не хотите меня огорчить, но вѣдь этимъ вы только мнѣ хуже дѣлаете. Будь это и на самомъ дѣлѣ очень важное, я все-таки буду спокойна. Поймите вы, что я сама не своя сдѣлалась. Надобно-же рѣшить это какъ-нибудь, наконецъ!.. Скажите мнѣ, зачѣмъ онъ ушелъ? Отчего онъ не пришелъ съ вами? Знаете-ли вы, что онъ въ этотъ день, когда исчезъ, пропадалъ съ самаго утра до вечера и зашелъ всего на нѣсколько минутъ? Вѣдь я сколько страху-то натерпѣлась въ этотъ день!.. И забота-то о немъ, не случилось-ли съ нимъ чего, да и собственное мое положеніе. Подумайте это только одно, Павелъ Ивановичъ, каково мнѣ было! Вѣдь это ужъ чуть не мѣсяць продолжается и день ото дня все хуже и хуже... Чѣмъ-же это, наконецъ, кончится, если онъ теперь началъ по цѣлымъ днямъ пропадать?..

Преполовенскій угрюмо смотрѣлъ въ полъ и нещадно теребилъ бакенбарду. Объясненіе было необходимо, но онъ не имѣлъ духа нанести ударъ и оттягивалъ время.

— Знаете-ли что, я даже въ присутствіе посылала, продолжала Пшеницына, — чтобы узнать что-нибудь... Вѣдь эдакихъ случаевъ никогда не бывало...

— Авдотья Семеновна! началъ, наконецъ, Преполовенскій, переломивъ себя и сдавленнымъ голосомъ, — я не буду отъ васъ скрывать, я и пришелъ сюда за тѣмъ, чтобы объясниться съ вами какъ слѣдуетъ... Андрей Федоровичъ не пришелъ потому, что не можетъ... нѣтъ, не то... онъ поручилъ мнѣ придти сюда.

— Онъ болѣнъ?

— Нѣтъ; съ нимъ опять случилось то, что у него иногда бываетъ...

Авдотья Семеновна пристально смотрѣла на Преполовенскаго.

— Вы хотите сказать, что онъ запыль?

Павель Ивановичъ отвѣчалъ утвердительно и по-прежнему по-смотрѣлъ въ стѣну.

— Но не въ этомъ дѣло, прибавилъ онъ,—вся-то суть въ томъ, что онъ просилъ меня поговорить съ вами...

— Позвольте. Вы говорите, что онъ опять занялъ? Когда-же это съ нимъ началось?

— Третьяго дня вечеромъ. Онъ былъ хмѣльной, когда пришелъ ко мнѣ...

— И это все? Для чего-же вы не отправили его сюда? тревожно спросила Авдотья Семеновна.

— Это не все, матушка: главное впереди... А не отправилъ я его къ вамъ потому, что таково было его желаніе, чтобы я поговорилъ съ вами безъ него—(здѣсь Преполовенскій совершенно опустилъ голову и не смотрѣлъ на Пшеницыну, взгляды которой точно прожигалъ его)—и... приготовилъ васъ.

— Приготовилъ? къ чему?..

Вся краска сбѣжала съ лица Авдотьи Семеновны; она не шевелилась и съ тоскливымъ чувствомъ ожиданія смотрѣла на Павла Ивановича.

Тотъ крикнулъ, молчалъ и блуждалъ глазами, прискивая слова, чтобы начать. Потъ выступилъ у него на лбу; онъ торопливо вытеръ его обшлагомъ.

— Да не томите вы меня, ради Христа! взмолилась Пшеницына звенящимъ голосомъ.—Если онъ запыль, это еще бѣда небольшая... Вѣроятно, здѣсь должно-быть что-нибудь важное... такъ?

Преполовенскій опять помолчалъ и потомъ вдругъ всталъ.

— Авдотья Семеновна! ей-богу, мнѣ такъ тяжело говорить вамъ все... это должно васъ очень огорчить... Андрей скрывалъ отъ васъ и взялъ съ меня слово ничего вамъ не говорить, но я теперь вижу, что сказать необходимо... только, пожалуйста, не очень тревожьтесь, еще, можетъ быть, все окончится благополучно... Но

предупреждаю все-таки васъ, что дѣло важное... потому я и боюсь: ваше положеніе...

— Не безпокойтесь обо мнѣ, перебила его Авдотья Семеновна;—вы говорите, это важное дѣло... значить, бѣда?.. да?

Преполовенскій стоялъ нахмуренный у окна, упорно глядѣлъ въ него и молчалъ.

— Слушайте... я боюсь сказать... не знаю, отчего это пришло мнѣ въ голову... ему приказано выйти въ отставку? спросила она медленно и понизившимся до шопота голосомъ, словно не вѣря своимъ собственнымъ словамъ.

Преполовенскій вздрогнулъ; догадка попала въ цѣль.

— Да... такимъ-же шопотомъ отвѣчалъ онъ, по-прежнему не обращая головы.

— Вы говорите: да? переспросила Пшеницына.

Это былъ не вопросъ, а вопль. Она вдругъ встала со стула и замерла въ этомъ положеніи, наклонившись тѣломъ впередъ, по направленію къ Преполовенскому, съ судорожно-полутератымъ ртомъ...

— Авдотья Семеновна! не тревожьтесь такъ... еще не все вѣдь потеряно... вымолвлялъ Преполовенскій, подходя къ ней и усаживая ее на стулъ; съ его стороны необходимо было что-нибудь сказать; онъ растерялся и не находилъ словъ, ограничившись общепринятою фразою, всегда говорящею въ подобныхъ случаяхъ, не придумавъ сказать ничего лучшаго въ утѣшеніе.

Пшеницына, точно подточенная, бессильно и безмолвно опустилась на стулъ, приложивъ руку къ верхней части груди. Что-то клокотало и тѣснило ей въ горлѣ, останавливая дыханіе.

— Да, да, да... это ничего, пройдетъ... безсвязно, скороговоркой и утомленнымъ голосомъ пробормотала она и опять схватилась за горло. Губы ея тряслись.

— Выпейте воды, Авдотья Семеновна.

Преполовенскій налилъ изъ графина въ стаканъ воды и подалъ ей. Протянутая рука Пшеницыной трепетала и чуть неронила стаканъ. Павелъ Ивановичъ держалъ его, пока она пила. Поставивъ стаканъ на прежнее мѣсто, онъ сѣлъ опять. На нѣсколько секундъ водворилась жуткая тишина. Слышно было, какъ какая-то зажившаяся муха гулко колотилась въ окно.

Авдотья Семеновна понемногу успокоивалась.

— Что дѣлать? прошптала она, будто сама съ собою.

Преполовенскій посмотрѣлъ на нее, но не произнесъ ни слова.

— Расскажите мнѣ теперь все, все, Павелъ Ивановичъ, что вы знаете... мнѣ лучше... сказала, наконецъ, она съ тяжко-сорвавшимся нервическимъ вздохомъ, когда ошеломившее ее впечатлѣніе перваго удара начало мало-по-малу проходить, уступая свое мѣсто болѣе спокойному чувству.

Преполовенскій рассказалъ все. Авдотья Семеновна слушала, не проронивъ ни одного слова. Все, что возбуждало въ ней подозрѣнія, теперь озарилось своимъ свѣтомъ. Она сидѣла неподвижно, безмолвно и разбѣнно смотря внизъ. Она почти не замѣтила, какъ Преполовенскій, который понялъ, что ей не до него, всталъ и прощался. Слова его глухо и бессмысленно отзывались въ ея ушахъ. Она машинально отвѣчала на его прощанье.

Павелъ Ивановичъ ушелъ. Она сидѣла по-прежнему и напряженно смотрѣла на пустой стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ, пока у ней не зарябило въ глазахъ.

Ребенокъ заплакалъ. Она медленно подняла голову, посмотрѣла въ его сторону, встала, не торопясь вынула его изъ кровати и начала кормить грудью, дѣлая все это равнодушно.

Когда ребенокъ утомился, она бережно уложила его въ кровать, отошла и вдругъ остановилась неподвижно, понуривъ голову и устремивъ внизъ наполнившіеся слезами глаза.

Спустя минутъ пять Агафья зачѣмъ-то вошла въ спальню и увидѣла барыню на кровати. Она лежала ничкомъ, спрятавъ лицо въ подушку, и не шевелилась, замерѣвъ въ своемъ положеніи.

А Преполовенскій въ это время медленною походкою шелъ домой, раздумывая о происшедшемъ. На душѣ его было легче, чѣмъ въ то время, когда онъ шелъ объясняться съ Авдотьей Семеновной, хотя все-таки нѣкоторое безпокойство продолжало тяготить его.

Преполовенскій, сообщивъ Андрею Федоровичу адресъ Траубенмилъха, взялъ съ него обѣщаніе, что онъ придетъ къ нему, Преполовенскому, съ отвѣтомъ о результатѣ свиданія съ филантропомъ.

Но, придя въ этотъ день домой изъ должности, онъ, противъ своего ожиданія, не засталъ у себя Пшеницына. Весь вечеръ Павелъ Ивановичъ поджидалъ своего пріятеля. Полу его квартиры въ этотъ вечеръ досталось порядочно. Его безпокоило отсутствіе Пшеницына. Пшеницынъ не явился и во весь слѣдующій день, обманувъ ожиданія Павла Ивановича.

Безпокойство, съ которымъ Преполовенскій просидѣлъ въ должности, достигло крайней степени, когда онъ вернулся домой и опять не нашель у себя Андрея Федоровича.

Припоминая его состояніе въ прошлый разъ, когда онъ видѣлся съ Пшеницынымъ, Преполовенскій предчувствовалъ, какъ сильно должна подѣйствовать на послѣдняго неудача.

Въ его памяти сохранилось выраженіе, съ которымъ Пшеницынъ сказалъ, что завтра женѣ все будетъ извѣстно и что „пора рѣшить...“

Неизвѣстно почему, воспоминаніе объ этомъ обстоятельстве не выходило у Преполовенскаго изъ головы, поселивъ въ немъ смутно-тяжелое предчувствіе, которое разросталось по мѣрѣ того, какъ онъ размышлялъ. Исполнилъ-ли Андрей Федоровичъ свое обѣщаніе?—ничто не давало Павлу Ивановичу основанія рѣшить этотъ вопросъ утвердительно или отрицательно. Ему сдавалось только, что дѣло осталось въ прежнемъ положеніи.

А что, если Андрей Федоровичъ не бывалъ и дома? поразила внезапная мысль Преполовенскаго.

Преполовенскій почелъ себя вынужденнымъ бросить свое бездѣйствіе и немедленно-же идти къ Пшеницынымъ. Тамъ дѣло должно будетъ разъясниться и Павелъ Ивановичъ увидитъ, какъ ему дѣйствовать. Если окажется, что Авдотья Семеновна по-прежнему не знаетъ объ отставкѣ мужа, то самъ Преполовенскій извѣститъ ее объ этомъ. Дѣло затягивалось до того, что необходимо было рѣшить его, наконецъ.

Объ этомъ думалъ онъ, идя изъ должности. Объ этомъ-же думалъ онъ дома, рассказывая изъ угла въ уголь.

Обѣдъ совѣмъ простылъ. Павелъ Ивановичъ присѣлъ, торопливо проглотилъ нѣсколько ложекъ супу и отставилъ миску въ сторону; отрѣзавъ маленькій кусочекъ жаркого, онъ съѣлъ его и велѣлъ Антону убрать едва начатый обѣдъ. Не закуривъ папиросы, Преполовенскій свинулъ халатъ, облекся въ сюртукъ, при-

вель пятерней въ порядокъ волосы—и черезъ нѣскольо минутъ уже шагаль, сбѣшно и не глядя по сторонамъ, къ Пшеницынымъ.

Черныя опасенія Преполовенскаго подтвердились сообщеніями Агафьи, которыя онъ выслушалъ въ сѣняхъ квартиры Пшеницыныхъ. Все произошло такъ, какъ онъ ожидалъ. Андрей Федоровичъ пропалъ, и Авдотья Семеновна совсѣмъ потеряла голову отъ безпокойства. Скверное положеніе дѣла усугублялось еще новостью, которой Павелъ Ивановичъ не предвидѣлъ: жена Пшеницына родила. Это обстоятельство было новымъ звеномъ, прибавившимся къ цѣпи размышленій Преполовенскаго.

Агафья имѣла потерянный видъ; ребятишки были унылы и говорили шопотомъ; вообще во всей обстановкѣ чувалось присутствіе чего-то тоскливаго и зловѣщаго; все это пополнило разстройство Павла Ивановича, въ головѣ котораго еще полнѣе стало сознаніе необходимости рѣшить. Но онъ сознавалъ, что сегодня дѣло не можетъ быть рѣшено окончательно. Въ немъ мгновенно мелькнула мысль, на которой онъ остановился. Преполовенскій рѣшился покривить душой. По его мнѣнію, такъ было необходимо. Все-же половина дѣла будетъ сдѣлана. Нужно, на-сколько можно, успокоить Авдотью Семеновну. Къ тому-же вѣдь неизвѣстно еще, что съ Андреемъ Федоровичемъ? Можетъ быть, съ этой стороны и нечего опасаться. Смягчить горечь бѣды можно вымышленной тутъ-же, въ минуту, исторіей отсутствія Пшеницына, что и сдѣлалъ Преполовенскій.

Оправившись отъ перваго потрясенія, Авдотья Семеновна сперва пришла въ состояніе какой-то потерянности. Обѣдать она не могла: кусокъ останавливался въ горлѣ.

Она сидѣла у окна въ совершенномъ бездѣйствіи, протанувъ руки вдоль колѣнъ, наклонивъ немного голову и не шевелясь ни однимъ членомъ. Въ комнатѣ темнѣло; все плотнѣе закутывались предметы въ сумракъ, а она все сидѣла, точно не въ состояніи была сойти съ мѣста. Когда сдѣлалось совсѣмъ темно, она точно пришла въ себя, встала, зажгла лампу и сѣла на обыкновенное свое мѣсто за столомъ. Къ тому-же столу приѣлъ и Саша учить урокъ. Авдотья Семеновна работала теперь только по привычкѣ:

нужно было занять чѣмъ-нибудь руки, которыя никогда не лежали безъ дѣла, и она принялась за шитье. Работала она автоматически; иногда она переставала шить, прислоняла голову къ рукѣ, положенной локтемъ на столъ, и нѣсколько минутъ смотрѣла богъ-вѣсть куда. Стекла окошекъ синѣли луннымъ свѣтомъ. Саша, согнувшись въ три погибели и не отрывая глазъ отъ книги, медленно раскачивался и гудѣлъ вполголоса; можно было слышать произносимое безъ остановки: „Швицъ, Ури, Унтервальденъ... Швицъ, Ури, Унтервальденъ...“

Наконецъ, работа буквально вывалилась у ней изъ рукъ. Ей сдѣлалось холодно. Она завернулась въ большой шерстяной платокъ и прислонилась къ спинкѣ дивана. Она сложила руки крестомъ и неподвижно смотрѣла въ уголь. Въ другой комнатѣ запищаль ребенокъ. Авдотья Семеновна взяла его на руки, сѣла на стулъ и начала укачивать. Маленькій стихъ, но мать все не спускала его съ рукъ, повинуюсь тому-же состоянію механизма, отпечатокъ котораго носили теперь всѣ ея дѣйствія, и съ разсѣяннымъ напряженіемъ уставившись глазами въ полъ. Отъ этого-ли напряженнаго смотрѣнія или отъ чего другого, глаза ея замигали, на нихъ показались слезы... Пшеницна очнулась, встала съ тяжко-вырвавшимся изъ груди вздохомъ и уложила ребенка въ кроватку.

Видно, что тяжелая туча виситъ надъ домою. Въ воздухѣ чувствуется нѣчто такое, что предвѣщаетъ близкое присутствіе атмосферическаго переворота, что наполняетъ сердце ожидающаго его тоскливымъ чувствомъ, нераздѣльнымъ съ ожиданіемъ грознаго и неизвѣстнаго грядущаго...

— Ну вотъ и кончено все... и извѣстно теперь... шепчетъ Авдотья Семеновна помертвѣлыми губами, нервно отвѣчая на свою мысль, въ бессознательной потерянности.

Саша на минуту отрывается отъ швейцарскихъ кантоновъ и украдкой бросаетъ взглядъ на лицо матери. Та съ тупо-задумчивымъ выраженіемъ блуждаетъ глазами въ пространствѣ. Сашѣ что-то болѣзненно щемитъ внутри; ему хотѣлось-бы что-нибудь сказать матери, но онъ не можетъ и углубляется въ географію.

Маятникъ сонно чокаетъ на стѣнѣ. Въ кухнѣ поетъ самоваръ.

— Что-же, что-же дѣлать?.. шевелится что-то внутри Пше-

ничиной, что можно перевести этимъ вопросомъ. Авдотья Семеновна переноситъ взглядъ на язычекъ пламени въ лампѣ. Она смотритъ, пристально и не мигая, расширенными глазами, какъ быстро и чуть замѣтно дрожитъ этотъ язычекъ. Рука Пшеничной, сама по себѣ, безъ всякаго побужденія мозга, протягивается къ лампѣ и прибавляетъ огня, хотя лампа горитъ довольно свѣтло.

— Интерлакенъ, Лаутенбрунненъ съ Штаубахомъ... Интерлакенъ, Лаутенбрунненъ съ Штаубахомъ... съ нѣкоторымъ озлобленіемъ гудитъ Сапа, закрывая глаза...

Авдотья Семеновна думала теперь о томъ, что долженъ былъ перечувствовать Андрей Федоровичъ за это время. Онъ молчалъ, казался, хирѣлъ и худѣлъ на ея глазахъ, и она лишь только теперь узнала, что скрывалось въ его аккуратныхъ, отъ одного положеннаго часа до другого, отлучкахъ изъ дому, въ его нервической напряженности, въ его словахъ невпопадъ, и проч. Если-бъ раньше знать значеніе всего этого!..

— Что дѣлать?.. прерываетъ вдругъ непрошенный вопросъ нить этихъ размышленій...

Авдотья Семеновна встала, прошла въ спальню и легла на кровать. Она легла ничкомъ, облокотившись руками на подушку и подперѣвъ ими голову. Она лежала долго, не шевелясь. Обрывки воспоминаній, неизмѣющихся между собою связи и неважущихся съ настоящими обстоятельствами, толпою пронесли въ ея головѣ. Ей припомнился Павелъ Ивановичъ, ораторствующій посреди комнаты: „мелконькаго-то недолго обидѣть!“ горячится онъ, тыкая пальцемъ въ воздухъ... Затѣмъ припоминается ей мужъ, сидящій за бумагами; лампа мерцаетъ на бюро, перо скрипитъ... Богъ-вѣсть откуда-то вырывается воспоминаніе объ яркомъ солнечномъ днѣ, въ какой-то праздникъ; Андрей Федоровичъ стоитъ передъ зеркаломъ, въ лучшемъ сюртукѣ своемъ, и старательно дѣлаетъ на головѣ прѣборъ... „На дубу кукушечка куковала“, ужъ совсѣмъ ни съ того, ни съ сего звучитъ въ ея ухахъ любимая пѣсня мужа, да такъ живо, точно на яву; припоминается ей и выраженіе, съ которымъ выдѣлываетъ эффектное слово „ку-ку“ Андрей Федоровичъ, стоя у окна, въ халатѣ съ продраннымъ немного локтемъ на правомъ рукавѣ...

Здѣсь Авдотья Семеновна почувствовала, какъ въ груди у ней

точно заклокотало что-то. Острое ощущеніе перешло выше и охватило горло будто клещами. Пшеницына приняла лицомъ къ подушкѣ и сжала руками голову. Вдругъ она зарыдала, сперва беззвучно, только тѣло ея колыхалось порывисто. Вскорѣ послышались звуки, похожіе на хохоть, которые начали переходить въ вопли, дѣлавшіеся все протяжнѣе, и затѣмъ совсѣмъ ими замѣнились. Это былъ внезапный порывъ разомъ хлынушаго чувства, которое долго сдерживалось. Авдотья Семеновна билась лицомъ о подушку и судорожно мала ее руками.

Успокоившись нѣсколько, она увидѣла, что у кровати стоятъ Агафья со свѣчкой и даетъ ей пить. Сдѣлавъ нѣсколько глотковъ, Пшеницына утихла. Слезы замѣнились глубокими вздохами; они облегчили ее.

Авдотья Семеновна признавала за необходимое отвлечься отъ мысли о послѣдствіяхъ разразившейся надъ ея домою бѣды, успокоиться на-сколько возможно и заняться неторопливымъ обсужденіемъ дѣла. Находясь подъ впечатлѣніемъ разказа Преполовенскаго, какъ я сказалъ въ своемъ мѣстѣ, она почти не замѣтила, какъ Павелъ Ивановичъ съ нею распрощался. Теперь она подумала о томъ, что онъ поступилъ не совсѣмъ умѣстно, уйдя такъ скоро, точно приходилъ затѣмъ, чтобы исполнить какое-нибудь обыкновенное порученіе, и оставилъ ее на добычу одинокаго горя. Авдотья Семеновна не стала-бы порицать поступка Павла Ивановича, если-бы знала, какихъ усилій надъ собою стоило ему придти сюда. Она признала-бы совершенно естественнымъ его желаніе поскорѣе удалиться. Да и наконецъ, какой совѣтъ онъ могъ дать женѣ своего пріятеля?..

Ей не пришло въ голову спросить Павла Ивановича, скоро-ли она опять съ нимъ увидится? Да не это только одно она забыла спросить. Она многое оставила безъ вниманія, что нужно ей было знать и о чемъ она теперь думала.— Отчего Преполовенскій не пришелъ на другой-же день, когда явился къ нему Андрей Федоровичъ? Въ какомъ положеніи онъ оставилъ его, когда отправился сюда? Неужели онъ не могъ отправить его какъ-нибудь домой, вмѣсто того, чтобы оставлять у себя?

И многое другое, тому подобное, думала Авдотья Семеновна. Но надъ всѣми прочими вопросами властвовалъ и всѣ прочіе покрывалъ прежній вопросъ: что будетъ дальше? Онъ одинъ на-

столько подавлялъ Пшеницну, что она не могла долго останавливаться на прочихъ размышленіяхъ, и Авдотья Семеновна чувствовала свое безсиліе поставить въ отвѣтъ на этотъ вопросъ какую-нибудь категорическую мысль.

Нужно было выдать Агафѣ на завтрашній день на расходы. У Авдотьи Семеновны оставалось около пятидесяти копеекъ. Болѣе во всемъ домѣ не было ни полушки. Пшеницына знала это, потому что вчера еще освидѣтельствовала карманы скюртука Андрея Федоровича. Оставалось-ли у него сколько-нибудь?

Эта мысль сейчасъ-же замѣнилась въ головѣ Пшеницыной другою. Павелъ Ивановичъ говорилъ, что Андрей Федоровичъ уже съ мѣсяць безъ мѣста... Откуда-же онъ досталъ денегъ, чтобы заплатить часть долга въ лабазѣ и давать ей на расходы?

Объ этомъ она подумала теперь въ первый разъ. Откуда онъ могъ взять? Занялъ? — это всего вѣроятнѣе. Вѣдь не украсть-же онъ, въ самомъ дѣлѣ!

И вдругъ, по неувимому сдѣленію идей, Пшеницыной припомнилась та ночь, когда она видѣла въ просонкахъ мужа, который сидѣлъ на кровати и смотрѣлъ на нее... Это было одно изъ мелочныхъ обстоятельствъ, припоминаемъ которыхъ она теперь занималась, потому что всѣ эти обстоятельства озарялись теперь для нея новымъ свѣтомъ. Вѣроятность предположенія, что Пшеницынъ заложилъ что-нибудь изъ вещей, представилась ей. Онъ могъ заложить серебро, могъ заложить ея браслетъ... Остается только убѣдиться.

Авдотья Семеновна достала ключъ отъ того ящика бюро, въ которомъ лежали упомянутыя вещи и который иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ не отпирался. Ящикъ былъ выдвинутъ. Всѣ вещи лежали въ томъ-же порядкѣ, въ какомъ были положены: въ углу — пара хрустальныхъ подсвѣчниковъ, черная съ портретомъ Петра табакерка отца Андрея Федоровича, сверху бѣлая пикейная жилетка Пшеницына, атласный галстухъ, сложенный аккуратно, и проч. Ненужно было долго искать, чтобы убѣдиться въ отсутствіи ложекъ. Темновिशневаго цвѣта футляръ изъ-подъ браслетъ лежалъ на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, но оказался пустъ. Всѣ сомнѣнія исчезли. Это было послѣднимъ прибавленіемъ къ системѣ обмановъ, о которой узнала сегодня Авдотья Семеновна. Она нѣкоторое время не запирала ящика. Она стояла, точно за-

стывъ въ первоначальной позѣ, и смотрѣла богъ-вѣсть куда. О чемъ она думала? Сердилась-ли она на мужа? Или думала она о себѣ, подвергавшейся цѣлый мѣсяцъ обману и только теперь, черезъ посредство посторонняго человѣка, ранѣе ея, жены, посвященнаго въ тайну, — узнавшей о настоящемъ положеніи дѣлъ своего мужа?

По крайней мѣрѣ, ночью, я могу сказать положительно, она думала объ этомъ.

Лампадка горѣла передъ образомъ. Авдотья Семеновна лежала на спинѣ, съ открытыми глазами, и глядѣла въ пространство. Она вспомнила всѣ поступки Андрея Федоровича въ послѣднее время, которые прежде поражали ее своею странностью и теперь объяснялись какъ нельзя лучше.

Теперь ярко встала передъ нею мысль, никогда небывавшая прежде и теперь болѣзненно заворочавшаяся въ головѣ Пшеницной. Какъ по вдохновенію, раскрылось передъ нею нѣчто, скрывавшееся прежде отъ глазъ, — это нѣкоторая особенность въ отношеніяхъ между нею и мужемъ. Несмотря на одиннадцать лѣтъ жизни съ нимъ, несмотря на ея обладаніе всѣми его привычками, несмотря на ея знаніе всѣхъ мельчайшихъ свойствъ его характера, несмотря даже на все свое вліяніе на него — она стояла далеко отъ Андрея Федоровича, по крайней мѣрѣ, дальше, чѣмъ воображала всегда... И она никогда не пыталась стать ближе къ нему, потому что не замѣчала, что онъ держится отъ нея особнякомъ, что онъ имѣетъ свой собственный мірокъ, изъ котораго исключаетъ жену, бережетъ его отъ ея глаза и хоронится въ немъ со всѣмъ, что ей, по его мнѣнію, бесполезно знать...

Вотъ она, порча, которая поселилась въ зданіи и только теперь обнаружилась...

Рухнется, рухнетъ мірокъ, со всѣхъ сторонъ, всѣми способами оберегаемый отъ паденія, и какая сила поддержитъ его, и есть-ли она, эта сила?

— Господи, помоги и помилуй! вылетаетъ безмолвный вопль изъ толпы мыслей и ощущеній, которыя путаются и мѣшаются въ утомленной головѣ Авдотьи Семеновны, и она устремляетъ молящій взглядъ на кіоту, откуда, при мерцаніи лампы, ликъ Христа безучастно и безмолвно глядитъ на нее...

А часы все бьютъ себѣ да бьютъ. Все кругомъ захрапѣло. И

чувствует Пшеницына, что мысли все сильнѣе путаются и мѣшаются въ ея головѣ и она уже не можетъ ни одной опредѣлить. Всѣ онѣ смѣшиваются въ одно только понятіе, если можно назвать понятіемъ безформенную идею, которая гнететъ ее. Точно погружается она медленно и безвозвратно въ какой-то омутъ; все исчезаетъ изъ глазъ, только тотъ-же гнетъ давитъ все нестерпимѣе...

XXV.

На дворѣ того дома, гдѣ жили Пшеницны, рядомъ съ помойной ямой, въ переулочкѣ, образованномъ двумя стѣнами флигелей, существовало нѣчто такое, что у жильцовъ было извѣстно подъ названіемъ чулана. Собственно говоря, это было небольшое темное помѣщеніе, предназначенное для хранения дровъ въ видахъ удобства жильцовъ того флигеля, въ которомъ названный чуланъ находился. На самомъ дѣлѣ онъ былъ совершенно бесполезенъ, такъ-какъ жильцы держали дрова подъ рукой, на лѣстничныхъ площадкахъ, въ томъ количествѣ, которое необходимо для ежедневнаго употребленія каждой квартиры. Управляющій придумывалъ при будущей ремонтровкѣ употребить въ дѣло это пропадавшее совершенно безъ пользы помѣщеніе. Въ настоящее время чуланъ оставался совершенно безъ всякаго употребленія. Въ немъ стояли метлы дворниковъ, разохшаяся кадка изъ-подъ воды и проч. Въ него вела дверь, приправшаяся помощью веревки, наматываемой на гвоздь. Впрочемъ, эта дверь всегда стояла полуотворенной, такъ-какъ чуланъ, кромѣ влюбленныхъ котовъ, по ночамъ собиравшихся сюда по сердечнымъ дѣлишкамъ, никѣмъ не былъ посѣщаемъ.

Часовъ въ одиннадцать того-же дня въ чулану осторожно прокрадывалась мужская фигура. Это былъ одинъ изъ ночныхъ ловеласовъ, нѣкто Петръ Васильевичъ, лакей генеральши Плакунъ-Горюновой, занимавшей большую квартиру въ домѣ. Отворивъ дверь чулана, онъ постоялъ немного, смотря въ темноту, потомъ шопотомъ произнесъ:

— Груня, а Груня!

Отвѣта не послѣдовало.

— Надула, анафема! пробормоталъ ловелась.

Въ это время въ глубинѣ чулана послышался шорохъ. Генеральскій лакей сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, ощупывая стѣну. Наткнулся на кадку и чуть не упалъ. Что-то повалилось и застучало, а затѣмъ между лакейскихъ ногъ пронеслось какое-то животное, по всей вѣроятности, кошка. Ловелась хотѣлъ возвратиться вспять, но рука его ощущала что-то мягкое.

— Ты, Груня?..

Не получивъ отклика, Петръ Васильевичъ продолжалъ изслѣдовать незнакомый предметъ. Онъ ощупалъ платье, ощупалъ пуговицы. Ясное дѣло, то былъ человѣкъ. Петръ Васильевичъ почувствовалъ, какъ его ударило въ жаръ, а потомъ мурашки промчались по его спинѣ...

— Кто тутъ? пролепеталъ Петръ Васильевичъ.

Незнакомецъ, котораго темнота совершенно скрывала, безмолвствовалъ.

Лакей шархнулъ въ сторону и рикошетомъ вылетѣлъ въ дверь, обо что-то запнувшись и что-то поваливъ. Сердце было въ немъ сильную тревогу. Переведа духъ, онъ остановился и размыслилъ. Ясное дѣло въ чуланѣ стоялъ какой-то человѣкъ. Что ему тамъ нужно?

„Э! да не шутки-ли со мной кто шутить?“ мелькнуло въ головѣ Петра Васильевича.

Онъ опять подошелъ къ двери и сказалъ:

— Елизаръ, ты? или Дмитрій? Полно пугать-то, дурачье эдакое!

Среди тишины Петръ Васильевичъ опять прислушался; все было тихо.

„Что за чортъ!“ подумалъ онъ. Страхъ и любопытство сильно его разбирали. „А что, если это воръ забрался?“ мелькнула новая мысль въ его головѣ, а затѣмъ послѣдовала и другая мысль: въ немъ явилось подозрѣнiе, что незнакомецъ, присутствiе котораго онъ случайно открылъ, притаился и выжидаетъ, пока онъ уйдетъ, чтобы дать стрелка. Чего добраго, онъ еще, пожалуй, и хватить, коли подойдешь... долго-ли?

Что дѣлать? Пока онъ пойдетъ и объявить дворникамъ, незнакомецъ можетъ улизнуть. Да, наконецъ, не почудилось-ли ему? Не принялъ-ли онъ что-нибудь другое за человѣка? Со страху-

то въ темнотѣ и богъ-знаетъ что померещится. Можно легко убѣдиться, а въ случаѣ надобности, и убѣжать во-время можно.

Петръ Васильевичъ рѣшился. Онъ тихо, держась стѣнки, прокрался въ чуланъ, стараясь недѣлать шороху, досталъ спичку, зажечь ее, осмотрѣлся... и, увидѣвъ, наконецъ, — увидѣвъ прямо передъ собою наклонившееся внизъ, искаженное, изсине-блѣдное лицо съ страшно вывернутыми глазами и скосившимися ртомъ... Лакей генеральши Плакунъ-Горюновой хотѣлъ крикнуть, да голосу не хватило; на нѣсколько времени онъ оцѣпенѣлъ, а затѣмъ, не слыша подъ собою ногъ, какъ-будто за нимъ гналось все преисподнее воинство, обратился въ бѣгство.

Передъ дворянкой онъ остановился и перевелъ духъ, потомъ вошелъ въ дверь.

Спустя нѣсколько минутъ онъ появился оттуда въ сопровожденіи дворника Елизара.

— Это безпримѣнно Александру Иванычу сказать надо.

— Спать онъ теперь ужь, поди.

— Это все единственно. Эдакое дѣло!

Оба направились черезъ дворъ къ квартирѣ управляющаго.

XXVI.

Пшеницына проснулась на слѣдующій день уже часу въ десятомъ. Дурно проведенная ночь сказывалась своими послѣдствіями во всемъ организмѣ Авдотьи Семеновны. Она насилу одѣлась, напилась чаю, но скоро опять легла на кровать. Во всемъ тѣлѣ она чувствовала слабость. Голова была тяжела, будто на ней лежала свинцовая гиря. На щекахъ то игралъ румянецъ, то онѣ были блѣдны, какъ полотно, а глаза блестѣли. Въ тѣлѣ она то чувствовала ознобъ, то ей дѣлалось жарко. Она находилась въ какомъ-то полубезсознательномъ состояніи, иногда прерываемомъ дремотнымъ забытjemъ, которое было чѣмъ-то среднимъ между сномъ и дѣйствительностію, потому что въ немъ страннымъ образомъ перемѣшивались и фантастическія грѣзы, и явленія обыденной жизни. Самый легкій звукъ выводилъ ее изъ этого забытья. Иногда ей надоѣдало лежать. Она вставала и садилась къ окну.

Крыша дома и земля бѣлѣлись выпавшимъ въ ночь снѣгомъ.

Дымъ изъ трубъ густыми облаками колебался въ воздухѣ, отливаясь розовымъ цвѣтомъ при солнечныхъ лучахъ, которые заливали весь дворъ. Съ водосточныхъ трубъ уже капало и во многихъ мѣстахъ стояли продолговатыя лужицы. Удачно начавшееся утро обѣщало къ вечеру слякоть и туманъ.

Авдотья Семеновна безчувственно смотрѣла въ окно, мало замѣчая происходящее. Ее, напримѣръ, не занимало то, что кучка въ нѣсколько человѣкъ, состоящая изъ дворника и пяти или шести чиновницъ-сосѣдокъ, толковала о чемъ-то весьма оживленно и часто показывала на окна ея квартиры. Если-бы Пшеницына была нѣсколько повнимательнѣе, она-бы замѣтила, что въ домѣ случилось что-то такое выходящее изъ ряду, которое занимаетъ всѣхъ, и что эта новость переходитъ изъ устъ въ уста. Она-бы догадалась объ этомъ, такъ-какъ дворъ былъ болѣе чѣмъ когда-либо оживленъ. Жильцы, преимущественно женскій полъ, собирались въ кучки, толковали между собою, размахивая руками и вообще жестикулируя и указывая на дверь чужака. Если-бы Авдотья Семеновна было извѣстно ночное приключеніе съ лакеемъ генеральши Плакунъ-Горюновой, она догадалась-бы о причинѣ суматохи. Но Агафья ничего не сказала о немъ своей барынѣ, хотя, вѣроятно, оно было ей извѣстно, потому что, отправляясь въ лавочку, она подолгу оставалась на дворѣ и присоединяла свой голосъ къ общему галденю. Кромѣ того, Авдотья Семеновна не замѣчала суматохи.

Ей вдругъ сдѣлалось холодно. Она встала и, немного пошатываясь, легла въ кровать и закуталась въ одѣяло. Зубы ея стучали и нервическая дрожь пробѣгала по тѣлу.

Такъ она лежала безъ мысли, безъ движенія, устремивъ глаза на одну точку, между тѣмъ какъ отрадная теплота мало-по-малу распространялась по ней.

Она еще пока не была въ кухнѣ и только разъ выходила изъ спальни въ другую комнату, чтобы папиться чаю. Поэтому она не знала, что въ кухнѣ собралось нѣсколько кухарокъ, которыя часто поминаютъ ея имя, приправляя свою бесѣду ахами и вздохами. Впрочемъ, разговоръ шелъ вполголоса, дверь въ кухню была затворена, и Пшеницыной ничего не могло показаться подозрительнымъ. Будь Авдотья Семеновна въ нормальномъ состояніи, она по лицу Агафьи сегодня утромъ, когда та подавала са-

моварь, могла-бы замѣтить нѣчто такое, что возбудило-бы ея вниманіе. Агафья старалась не глядѣть на барыню. На лицѣ ея было совершенно непривычное выраженіе. Это была смѣсь испуга и удивленія, отъ которыхъ она не могла придти въ себя. Точно что-то неожиданное было услышано ею, — до того неожиданное, что она растерялась и все старалась совладать съ собою. Работа у нея сегодня не спорилась: все какъ-то вываливалось изъ рукъ. Она часто выбѣгала на дворъ. На лѣстницѣ безпрестанно раздавались шаги. Ничего этого Авдотья Семеновна не замѣчала. Точно весь воздухъ вокругъ нея былъ напитанъ чѣмъ-то одурманивающимъ и она находилась подъ вліяніемъ его, силясь связать мысли, которыя были въ оцѣпенѣніи или подъ какимъ гнѣтомъ. Все кругомъ нея волновалось чѣмъ-то, но это *что-то* не простирало на нее своего вліянія... Копшарь, который душилъ ее всю ночь, точно еще не совсѣмъ оставилъ ее. Разница была въ томъ, что свѣтъ дня самъ по себѣ ослаблялъ его силу.

Изъ другой комнаты слышались голоса ребятъ, которые говорили вполголоса, потому что „мамаша нездорова“. Одинъ изъ мальчиковъ попытался-было войти въ спальню, но видъ лежавшей на кровати матери остановилъ его, и дверь опять тихонько притворилась. Незвѣстно, слышала-ли Пшеницына скрипъ двери — по крайней мѣрѣ, она не шелохнулась.

А она, и въ самомъ дѣлѣ, была нездорова. Въ ней положительно распространялось лихорадочное состояніе, проявлявшееся переходомъ отъ озноба къ жару и слабостью. Жили на вискахъ билась отъ приливающей крови и Пшеницына слышала мѣрные звуки, которые тяжело отдавались въ ея ушахъ. Иногда ей казалось, будто гдѣ-то звенятъ колокольчики, тихо, тихо и часто. По временамъ ей казалось, будто стѣны комнаты начинаютъ кружиться около нея, между тѣмъ какъ сама она оставалась неподвижна, а полъ и потолокъ колебались въ различныя стороны и валились другъ друга. Она судорожно схватилась за подушки, чтобы не упасть. А колокольчики звенятъ себѣ да звенятъ. А немного погода все по-прежнему приходитъ въ неподвижность, и Авдотья Семеновна приходитъ въ неподвижность и закрываетъ глаза, потому что вѣки ихъ отяжелѣли, будто что насильно сшибаетъ ихъ, и чуткій сонъ незамѣтно овладѣваетъ ею. Иногда ей казалось, что лежитъ она на днѣ какого-то глубокаго оврага; кру-

гомъ темно, ни зги невидать; и чувствуется ей, будто что-то такое навалилось на нее и давить ее своею тяжестью все сильнѣе и сильнѣе и охватываетъ ее такъ, что она не можетъ пошевелиться. Ей душно подъ этою тяжестью; она ускоряетъ дыханіе, чтобы набрать побольше воздуха, но кругомъ пышетъ зной, какъ изъ печки. Наконецъ, она чувствуетъ, что давленіе тяжести все ослабѣваетъ и дышать дѣлается легче. Кругомъ распространяется прохлада и свѣжій вѣтерокъ вѣетъ ей въ лицо. Темнота мало-помалу разрѣшается и Пшеницына видитъ, что она по-прежнему лежитъ на кровати и снопъ утреннихъ лучей брызжетъ въ окно спальни.

— Ну, и какже, Авдотьюшка, такъ-таки онъ сейчасъ пошелъ и сказалъ?

— Такъ-таки и сказалъ. Стоитъ, говоритъ, человѣкъ, да такъ ково страшно на меня смотреть...

— Испугался, поди?

— Да какже не испугаться, Аннушка... ночью-то! Это кого хошь возьми.

— Ну, извѣстно. Управляющему, значить, сказали?

— Да какже! Сію-же минуто.

— Самъ тебѣ это Пѣтра-то рассказывалъ?

— Нѣтъ, Дмитрій мнѣ говорилъ. Приходимъ, говоритъ, это мы всѣ, а тамъ эдакая страсть... ижно волоса дыбомъ встали.

— Выбралъ-же мѣсто, только подумаешь!

Собесѣдницы задумались. Разговоръ происходилъ на кухнѣ, у ассессорши Пирожковой, между ея прислугой и кухаркой сосѣдей.

— И вѣдь не зналъ никто, вотъ въ чемъ странность-то! прибавила Авдотья.

— Да, да, хоть-бы кто...

— А вѣдь не поди Петръ-то—можетъ быть, опять никто-бы не зналъ.

— Изъ дворниковъ кто-нибудь узналъ-бы... Это ужъ случай такой вышелъ.

— А сама-то вѣдь, поди, не знаетъ?

— Гдѣ знать! А вѣдь убѣтъ это ее!

— Ну, еще-бы. И, Господи ты Боже мой, что это только за чудеса на свѣтѣ бываютъ!

— Управлюсь, да пойти посмотрѣть...

— Неужто пойдешь?

— Да какже? Занятно вѣдь!

— Эдакія страсти! Я-бъ ни за что... то-есть, даже единымъ глазомъ, Боже меня сохрани... ни въ жизть!

— Нѣтъ, что-жь... смотреть-же вѣдь другіе. Вонъ сколько стоять!

— Ну, прощай. Пора идтить.

— Да погоди еще.

— Неколи. У меня хлѣбы сегодня.

— Ну, прощай!

Пріятелиницы разстались.

— И что-же это стоять? Чего-же ждуть-то? спрашивала одна изъ жилицъ, старуха, другую.

Объ стояли на дворѣ между прочимъ людомъ.

— А вотъ полиція придетъ. Свидѣтельствовать будутъ.

— Что-же, потрошить, что-ли, стануть?

— Нѣтъ, протоколъ составлять.

— А вѣдь его, чай, христіанскаго погребенія лишать?

— Не знаю.

— Безпремѣнно. Это ужъ по закону. Для эдакихъ людей, говорятъ, особенное владбище есть. Охъ, грѣхи, грѣхи! И чтой-то нынче какъ часто эдакіе случаи бываютъ. То въ одномъ мѣстѣ слышишь, то въ другомъ... Въ прежнее-то время это за рѣдкость считалось.

Старухи вздохнули.

— Дакей, вы говорите, нашель-то его? толковали въ другомъ мѣстѣ.

— Дакей, да, генеральшинъ.

— Зачѣмъ-же ночью-то его туда занесло?

— Не могу вамъ сказать, матушка... Ужь случай, вѣрно, такой вышелъ.

— Господи Исусе Христе!

— Это убьетъ ее, безпремѣнно убьетъ!

— Да еще-бы... И подумать-то только объ этомъ...

Объ собесѣдницы тяжело задумались, подперевъ щеки ладонями и устремивъ глаза въ землю.

— И вѣдь какъ это все скоро, одно послѣ другого. Истинно, судьба! произнесла, наконецъ, одна.

— О-оххо!

— Что, что такое? затарантила, подбѣжавъ къ разговаривающимъ, одна изъ жилиць, Фекла Власевна. Лицо ея выражало тревогу и томленіе ожиданія.

— Вы не знаете?

— Ничего, ничего. Вижу, народъ стоитъ, толкуютъ всѣ... Что случилось?

— Пшеницынъ, чу, слышите, удавился.

— Что-о-вы?!.. взвизгнула Фекла Васильевна, всплеснувъ руками, и даже присѣла немного отъ удивленія и неожиданности.

— Да... вотъ грѣхъ какой!..

— А-ахъ, боже мой, боже мой!.. Отцы мои милостивые!.. Да какъ-же, да какъ-же это такъ?

Ей передали обстоятельства дѣла. Фекла Васильевна слушала, не мигая, и только цыкала.

— Вотъ и говорите послѣ этого, что примѣты врутъ! съ твердостью произнесла она и съ торжествующимъ видомъ качнула голову.

— А что такое?

— А какже, матушка! Ложусь я это, знаете, вчера спать (я всегда ложусь въ девять: это у меня ужъ заведеніе такое), — ложусь это я, совсѣмъ раздѣлась, и вдругъ мой пѣтухъ (въ сѣняхъ я его держу) какъ запо-ѣтъ! въ десятомъ-то часу... Я такъ сейчасъ и подумала: вѣсти завтра услышу. Да это еще не все! Лежу это я, лежу и думаю: что-бы это такое за вѣсть была?.. Только ужъ и засыпать начала. Начала я засыпать совсѣмъ ужъ забылась, можно сказать, да вдругъ собака, — надо полагать, пшеницынская собака, — какъ завоетъ! Мнѣ такъ сейчасъ

въ голову и пришло: безпремѣнно завтра о покойникѣ услышу. Вотъ вѣдь такъ и вышло все.

— Собаку я сама слышала.

— И такъ это я думала объ этомъ, такъ думала. Заснуть даже долго не могла. Такъ это, право, меня растревожило... Предчувствіе, значить... Вотъ и говорите-жь послѣ этого, что примѣты вздоръ! Ни въ жизнь я этому не повѣрю!

— Да чему нынче вѣрять-то, матушка, чему вѣрять-то? съ мрачнымъ сарказмомъ отозвалась одна изъ собесѣдницъ. — Нынче, я вамъ скажу, и въ Господа Бога-то не вѣруютъ. Вотъ нынче вѣкъ какой!

— Истинная ваша правда! Такіе нынче люди пошли... иногда послушаешь, послушаешь, что говорятъ, страшно даже слушать-то... Фекла Власевна махнула рукой.

Авдотья Семеновна лежала на кровати и съ презрѣнимъ своимъ безучастнымъ видомъ, похожимъ на разсѣянность и апатію вмѣстѣ, глядѣла въ потолокъ. Потому она закрыла глаза и начала впадать въ легкую дремоту. Слабый звукъ, похожій на визгъ, пробудилъ ее. Она открыла глаза. У окна стояла Агафья и медленно спускала штору. Легкій скрипъ кровати тотчасъ испугалъ ее. Шнурокъ остался неподвижнымъ въ ея рукѣ и она украдкой обернулась назадъ.

— Что ты дѣлаешь, Агафья? спросила Авдотья Семеновна равнодушнымъ и усталымъ голосомъ.

— Штору спускаю, матушка, точно задавленнымъ голосомъ отозвалась Агафья: — солнце, значить, прямо въ окно... мѣшаетъ... со шторой то ровно полегче.

— Ну, какъ знаешь... только вѣдь оно мнѣ не мѣшаетъ.

Опять раздалось легкое визжанье вращавшейся на крючкахъ палки, на которую была намотана штора. Агафья съ усиліемъ перевела духъ и пошла-было изъ комнаты.

— Погоди, остановила ее Пшеницына. — Напрасно ты спустила. Подыми опять: я хочу у окна посидѣть.

Агафью мгновенно ударило въ краску, такъ что у нея побавровѣло не только лицо, но даже шея.

— Да вамъ такъ легче будетъ, Авдотья Семеновна, возразила она, между тѣмъ какъ голосъ ея опять звучалъ, какъ задушенный, и въ немъ слышалась дрожь.

— Мнѣ надоѣло лежать.

— Да вотъ отъ окна ровно какъ-будто и дуетъ, продолжала она, теряясь.

— Нисколько не дуетъ. Я посижу.

Авдотья Семеновна съ трудомъ поднялась, спустила ноги съ кровати и начала вставать. Агафья стояла у самаго окна, спиною къ чему, топталась на мѣстѣ и видимо не знала, что ей дѣлать, въ положеніи человѣка, желающаго сквозь землю провалиться.

— Да право-же, дуетъ, матушка, ей-богу, дуетъ... да и что тамъ смотрѣть... право-съ, нечего!

— Да подыми-же, я тебѣ говорю!

— Какъ-есть тамъ ровно нечего, нечего смотрѣть, бормотала Агафья, заслоняя Пшеницыну отъ окна. Она была въ страшномъ волненіи.—Да и что тамъ, право, хорошаго, на дворѣ-то... полежаи-бы вы лучше, съ Богомъ!

— Что ты меня учишь? Пусти!

Авдотья Семеновна слегка оттолкнула кухарку и начала разматывать шнурокъ.

— Нѣтъ, воля ваша, матушка, не пущу! крикнула вдругъ Агафья, совершенно растерявшись, и вцѣпилась въ платье Пшеницыной. Она дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Да что ты, помѣшалась никакъ, Агафья? съ легкимъ удивленіемъ спросила Авдотья Семеновна.

До нельзя странный поступокъ кухарки началъ выводить ее изъ ея полубезчувственнаго состоянія. Лицо ея осмыслилось выраженіемъ удивленія.

— Что ты меня держишь-то? Она протянула руку, дернула за шнурокъ и начала поднимать штору. Комната освѣтилась.

Агафья точно окаменѣла. Она выпустила изъ рукъ платье Авдотьи Семеновны и замерла неподвижно, полутерявъ ротъ и устремивъ взглядъ тупого, выжидательнаго ужаса на Пшеницыну.

Авдотья Семеновна сѣла къ окну и начала смотрѣть на дворъ, залитый свѣтомъ. Агафья, не смѣя пошевелиться, не смѣя вымолвить слова, слѣдила за выраженіемъ фізіономіи барыни. Она

была въ положеніи человѣка, проигравшаго свое дѣло, который видитъ, что дальнѣйшія попытки не поправятъ его, и смотритъ только, на-сколько худо оно разыграется.

Сперва Пшеницына смотрѣла въ окно съ прежнимъ апатичнымъ видомъ. Она не замѣчала Агафьи, которая стояла съ боку и удерживала дыханіе. Она переносила глаза съ одной точки на другую и ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на ея лицѣ. Но вдругъ глаза ея остановились на одномъ пунктѣ, а лицо опять стало осмысливаться выраженіемъ любопытства. Она смотрѣла на густую толпу на дворѣ, собравшуюся напротивъ, въ переулочкѣ, между двумя стѣнами флигелей, въ концѣ котораго былъ извѣстный намъ чуланъ.

Авдотья Семеновна обернулась и взглянула на Агафью, которая стояла возлѣ и буквально впившись въ нее глазами. Этотъ пристальный, почти дикій взглядъ испугалъ немного Пшеницыну.

— Почему это тамъ столько народу собралось? спросила она.

— Не знаю-съ... тамъ ничего... такъ, вѣрно, стоятъ, пролепетала Агафья, желаніе которой провалиться сквозь землю достигло крайней степени.

— Вонъ и полиція... видишь? прибавила Пшеницына.

Агафья молчала и съ усиленіемъ переводила духъ.

— Вѣрно, какое-нибудь происшествіе. Ты была тамъ?

— Была-съ... никакого нѣтъ происшествія... вымолвила Агафья, теряясь.

— А полиція-то для чего-же?

Авдотья Семеновна замолчала и опять устремила вниманіе на дворъ. Лицо ея мало-по-малу принимало иное выраженіе—выраженіе тревоги и недоумѣнія. Было-ли это предчувствіе или смутная догадка только, благодаря-ли сбивчивости словъ Агафьи или зрѣлищу собравшейся толпы и присутствію полицейскихъ, или тому и другому вмѣстѣ, только Пшеницыну мгновенно охватило до крайности тревожное, подозрительное и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно неопредѣленное чувство, то самое, которое овладѣло ею вчера, когда Преполовенскій пришелъ и извѣстилъ ее объ отставкѣ мужа, и потрясло ее точно дѣйствіемъ электрическаго тока.

Она вдругъ встала, затряслась и сказала громкимъ, но задыхающимся голосомъ, между тѣмъ какъ глаза ея расширились и заблестѣли, устремившись на Агафью:

— Ты... ты лжешь!.. Тамъ случилась... намъ бѣда! Я знаю! Пусти!

Она толкнула Агафью и бросилась отворять дверь.

Кухарка схватила ее за руки и силилась оттащить.

— Матушка! куда вы?.. ради Христа... не ходите!.. ничего не случилось, ей-богу. Лопни моя утроба, коли лгу!.. Чтобы мнѣ завтрашняго дня не видать!.. Извѣстно, пьяные подрались... Больше ничего... кричала Агафья, не пуская ее.

Между ними началась борьба. Наконецъ, Пшеницына съ неожиданно явившейся силой оттолкнула кухарку, отворила дверь и бросилась въ прихожую.

— Да хоть надѣньте что-нибудь, матушка, надѣньте что-нибудь! закричала Агафья, слѣдуя за нею и прибѣгая къ послѣднему средству, чтобы задержать Пшеницыну.

Та не надолго остановилась въ прихожей, обративъ жадный взоръ на дворъ. Агафья поспѣшно сорвала съ вѣшалки ея салопъ, накинула его кой-какъ ей на плечи и повязала голову собственнымъ платкомъ. Въ дверяхъ опять произошла борьба, Агафья уцѣпилась за Авдотью Семеновну, но та, оттолкнувъ защелку на двери въ сѣняхъ, ринулась по лѣстницѣ, увлекая за собою Агафью, которая не выпускала ее изъ рукъ. Увидѣвъ внизу лѣстницы какую-то женщину, Агафья закричала благимъ матомъ: „держите, ради Христа, держите!“ и еще сильнѣе прильнула къ Авдотѣ Семеновнѣ, которая продолжала увлекать ее. Наконецъ, Пшеницына освободила немного правую руку, ударила ею въ грудь кухарку, которая отъ этого толчка отлетѣла къ стѣнѣ, и, освободившись такимъ образомъ, съ удвоенною быстротою продолжала отсчитывать ступени; въ дверяхъ она отбросила въ сторону новую свою преслѣдовательницу, которая широко раскрыла объятія, чтобы ее удержать, и помчалась по двору.

Агафья, въ поту и насилу переводя духъ, сошла съ лѣстницы.

— Будетъ теперь исторія! воскликнула она съ отчаяніемъ.

— Да какъ-же ты такъ, Агафьюшка, ее выпустила?

— Пробовала удержать, да совладать не могла. Видѣла вѣдь ты, какъ она меня отшвырнула?

— Да какъ-же она узнала-то? Нужно было ее приготовить...

— Думала-было я!.. Да совсѣмъ, видно, ума рѣшилась. Она съ самаго утра съ постели не вставала... Какъ можно сказать?

Я все и ничего, ни-ни, то есть и виду не подаю. Да не вдомекъ мнѣ, что штора-то не спущена... Изъ окна, значить, увидѣть можетъ... Говорю тебѣ, совсѣмъ я ума рѣшила. Шторы-то я всегда на ночь опускала, а вчера мнѣ и въ голову не пришло... Да и когда было при эдакомъ-то переполохѣ? Совсѣмъ вѣдь мы какъ есть всѣ эти дни безъ головъ ходили!.. Такъ штора-то въ спальнѣ и не была спущена... А потомъ пришло мнѣ въ голову, что она можетъ изъ окна увидѣть... Раньше-то не вдомекъ... Совсѣмъ ошалѣла. Прихожу въ спальню: такъ и есть, поднята штора! Начала это я спускать ее (а Авдотья Семеновна спала, какъ я вошла), она сперва было ничего, а потомъ и говорить, чтобы я опять подняла ее... Подыми да подыми, у окна, молъ, посидѣть хочу!.. Такъ вотъ и вышла вся кутерьма! А-ахъ ты Господь мой милосердный, и чѣмъ только все это кончится!

А Авдотья Семеновна уже добѣжала до того мѣста, гдѣ стояла толпа...

Эта толпа все прибывала постепенно. Всѣ шеи были вытянуты, глаза широко раскрыты; всѣ подымались на цыпочки, стараясь заглянуть черезъ головы впереди стоящихъ, и удерживали дыханіе. Большинство молчало; слышался только въ нѣсколькихъ мѣстахъ сдержанный прерывистый шопотъ, которымъ нѣкоторые изъ зрителей передавали свои наблюденія. Чуланъ былъ набитъ биткомъ. Очищенъ былъ только одинъ пунетъ въ углу. Здѣсь, на опрокинутой вверхъ дномъ кадкѣ, горѣла пальмовая свѣчка и освѣщала небольшое пространство и находящіеся вблизи предметы. Любопытные, тѣснившіеся у стѣнъ, точно такъ-же, какъ и тѣ, которые стояли внѣ чулана, на дворѣ, вытягивали шеи, потѣли и шопотомъ передавали другъ другу свои замѣчанія.

Красный огонь свѣчки озарялъ слѣдующую картину:

У кадки стоялъ частный приставъ. Около него сгруппировались: управляющій Александръ Ивановичъ, лакей генеральши Плакунъ-Горюновой и дворникъ Елизаръ, стоявшій по-одаль. Лица послѣднихъ имѣли красноватый оттѣнокъ, благодаря слабому освѣщенію свѣчки. Яснѣе всего была освѣщена усатая физионо-

мія частнаго пристава и листъ бумаги для протокола виѣстѣ съ чернилицей и перомъ, размѣщавшихся на днѣ опрокинутой кад-ки, игравшей на этотъ разъ роль стола.

Эта группа помѣщалась въ углу, ближайшемъ къ двери, и по-тому достаточно ясно была видна не только ближайшимъ зрителямъ, тѣснившимся въ чуланѣ; но и тѣмъ, которые стояли на дворѣ. Всѣ лица хранили напряженное молчаніе. Изрѣдка тихо, тихо прозвучить чей-нибудь сдержанный шопотъ или раздастся чей-нибудь протяжный также сдавленный вздохъ.

Красный огонекъ свѣчки слабо трепеталъ, бросая блѣдныя тѣни на бѣлыя стѣны чулана, покрытыя плѣсенью и длинными гирляндами паутины.

Среди мертвой тишины звучно отдавался голосъ лакея генеральши Плакунъ-Горюновой, бойко рапортовавшего исторію нахожденія трупа. Частный смотрѣль въ полъ и крутилъ усь. Александръ Ивановичъ, управляющій, стоялъ истуканомъ и переносилъ напряженно вопросительный взглядъ на лица частнаго и рассказчика попеременно. Петръ Васильевичъ бойко отчеканивалъ каждое слово и, не мигая, смотрѣль въ упоръ въ глаза начальству, чувствуя себя однимъ изъ героевъ, такъ-сказать, *deus ex machina*, однимъ изъ главныхъ виновниковъ эффектной развязки драмы, держался довольно непринужденно, оставивъ впередъ одну ногу и заложивъ правую руку въ карманъ брюкъ.

Все остальное замерло, глядѣло не моргая, молчало и слушало напряженно...

Былъ еще одинъ, самый первый виновникъ совершившейся кутерьмы и главный, но безмолвный герой ея, предоставившій разобратъ другимъ сыгранную имъ драму...

Между кадкой и стѣной, на веревкѣ изъ разодраннаго вдоль полотенца, привязаннаго къ проходившей вдоль чулана балкѣ, висѣлъ недвижимый Пшеницынъ...

Онъ молчалъ и не шевелился, но полноправно царилъ въ совершавшейся вокругъ него сценѣ, служа главнымъ центромъ, къ которому были прикованы взоры всѣхъ.

Шляпа его и шинель, свернутая въ безпорядочный узелъ, лежала на полу возлѣ самоубійцы. Пшеницынъ висѣлъ въ виц-мундирѣ, съ непокрытой головой. На первый взглядъ онъ производилъ впечатлѣніе чловѣка, стоящаго на колѣняхъ. Руки, съ

растопыренными пальцами, были протянуты впередъ, точно во что-то упираясь; ноги подогнуты. Растрепанные волосы въ безпорядкѣ падали на лобъ, закрывая его до половины. Вытаращивъ мутные глаза, наклонивъ на бокъ голову и протянувъ впередъ руки съ растопыренными пальцами, онъ, казалось, прислушивался къ разсказу лакея генеральши Плакунъ-Горюновой и удивлялся, что человѣкъ въ сюртукѣ съ свѣтлыми пуговицами, называемый частнымъ приставомъ, и плотный господинъ, въ которомъ онъ узнавалъ управляющаго домою, и два десятка людей, тѣснившихся около него, и, по крайней мѣрѣ, вдвое болѣе находившихся на дворѣ,—все это собралось сюда для него и ради него; что все около него сопить, потѣеть, шепчетъ и неподвижно смотритъ, пляя глаза; что все поражено замѣчательнымъ происшествіемъ и что это замѣчательное происшествіе — его смерть...

И вотъ среди этой напряженной тишины, прерываемой только голосомъ Петра Васильевича, произошло нѣчто такое, что заставило оратора умолкнуть, частнаго пристава повернуться по направленію къ двери, Александра Ивановича поднять голову, а всѣхъ прочихъ еще сильнѣе насторожить слухъ, исключая только одного, оставшагося спокойнымъ, того самаго, отъ котораго было отвращено внезапно вниманіе всѣхъ...

Толпа передъ дверью чулана зашевелилась, пришла въ волненіе и беспокойно заговорила.

Въ то время, когда всѣ жадно напрягали вниманіе, неожиданно раздавшійся гдѣ-то вдали крикъ: „держите, ради Христа, держите!“ заставилъ стоявшихъ на дворѣ обернуться.

По двору, по направленію къ мѣсту происшествія, бѣжала Авдотья Семеновна. Салопъ съѣхалъ съ одного плеча и волочился по землѣ; волосы выбились изъ-подъ платка и закрывали лобъ. Появленіе ея было до того неожиданно, что всѣ на минуту пришли въ замѣшательство, молча переглянулись между собою и, какъ-бы по взаимному согласію, разступились, образовавъ дорожку, по которой Пшеницына направилась къ мѣсту совершившейся драмы. Она не глядѣла ни на кого по сторонамъ, вѣроятно, не замѣчая обращенныхъ на нее взглядовъ, и смотрѣла прямо передъ собою.

Сердца всѣхъ зрителей мгновенно замерли, точно переставъ биться. Никто не могъ произнести слова, даже пошевелиться, а

только всё смотрѣли по направленію къ чулану, предчувствуя самый эффектный финалъ потрясающей сцены.

Приставъ, управляющій, Петръ Васильевичъ и всё зрители, наполнявшіе чуланъ, не сводили глазъ съ двери, въ которую появилась Пшеницына.

Переступивъ порогъ, она какъ-будто ослабѣла. Она сдѣлала два медленныхъ, нетвердыхъ шага и остановилась, какъ усталая. Всё молчали, затаивъ дыханіе, и смотрѣли на ея лицо.

Глаза Авдотьи Семеновны были широко раскрыты и точно застыли въ своемъ выраженіи; губы были полураскрыты. Лицо ея отражало только одно чувство, которое яркостью выраженія показывало, что въ немъ соединились всё прочія и имъ покрылись. Это чувство было ожиданіе, самое болѣзненное, самое жадное и напряженное ожиданіе...

Сдѣлавъ два шага, она остановилась и медленно обвела глазами пространство. Потому глаза ея остановились на группѣ у опрокинутой кадки. Она не шевелилась, будто приросла къ полу; потомъ правая рука ея протянулась впередъ, затѣмъ лѣвая, словно что-то отталкивая или хватаясь, ударилась въ грудь, гдѣ и замерла. Лицо искривилось не то судорогой, не то бѣшеной улыбкой, которая предшествуетъ истерическому хохоту,—и, опрокинувъ навзничъ голову, Авдотья Семеновна, безъ словъ, безъ звука, какъ сраженная выстрѣломъ, упала на руки подбѣжавшихъ къ ней двухъ или трехъ женщинъ...

Мих. Альбовъ.

МОЛИТВА РЕБЕНКА.

(Съ англійскаго.)

На роскошномъ столѣ супъ янтарный дымится.
Рѣзвый мальчикъ спѣшитъ свое мѣсто занять.
Не садись, милый мой, говоритъ ему мать,
Встань, дитя! мы за ближнихъ должны помолиться,

Помолись за того, кто съ сердитой волной
Выступаетъ на бой, и въ послѣдній мигъ жизни
Свой прощальный привѣтъ плетъ семьѣ дорогой
И повянутой имъ безвозвратно отчизнѣ.

Помолись за того, кто въ трескучій морозъ
И босой, и нагой, и ниѣмъ не пригрѣтый,
Тошій, блѣдный, какъ трупъ, звукомъ скорби и слезъ
Проситъ хлѣба куска у толпы разодртой.

Помолись, мой родной, за рабочихъ дѣтей,
Заморенныхъ трудомъ и нуждою въ неволѣ;—
Нѣтъ ни дѣтства у нихъ, ни безоблачныхъ дней,
Не гуляютъ онѣ, не рѣзвятся въ долѣ.

Только стоны сиротъ раздаются порой,
Какъ призывный набатъ за стѣнами подвала.
Не откликнется мать изъ могилы сырой—
А когда-то она съ ними вмѣстѣ рыдала.

Помолись за того, кто намъ хлѣбъ этотъ далъ,
Кто съ молитвой бросалъ въ пашню зернышки хлѣба
И кто погомъ своимъ поле въ зной орошалъ,
Боязливо смотря въ даль угрюмаго неба.

Помолись за того, кто всю жизнь посвятилъ
Пользѣ ближнихъ своихъ, кто отдался наукѣ;
Не щадя ни здоровья, ни силъ—
Къ свѣту ключъ дорогой бросилъ каждому въ руки.

Помолись за людей, недовольныхъ судьбой,
За больныхъ, за калѣкъ, за скитальцевъ безродныхъ;
Помолись за людей, измозженныхъ тюрьмой,
И за тѣхъ, кто добру учитъ въ школахъ народныхъ.

Помолись, наконецъ, за людей всей земли
И за тѣхъ бѣдняковъ, что не въ силахъ молиться—
Чтобы жизнью земной насладиться могли
И кончины своей перестали страшиться.

Да освѣтитъ нашъ мѣръ—мѣръ печали, труда
Солнце правды, ума и любви безконечной!
Да исчезнутъ, какъ дымъ—зависть, злоба, вражда
Передъ свѣтомъ благимъ, свѣтомъ истины вѣчной!

И молвлось дитя, осѣняясь крестомъ...
По горѣвшимъ глазамъ и румянцу живому
Кто-бъ не понялъ тогда, что моленью святому
Отголосокъ звучалъ въ этомъ сердцѣ простомъ.

Ольга Охтенская.

НѢМЕЦКІЙ ХВОСТЪ.

(КАРТИНКИ ПРАВОВЪ.)

«Жестокіе, сударь, нравы въ нашемъ городѣ!..»
Островскій.

По немощнымъ улицамъ російскаго Манчестера, фабричнаго города Рязанова-Воскресенска, съ ранняго утра бродятъ толпы празднично разодѣтыхъ фабричныхъ. Вмѣсто обычнаго тяжелаго оханья и пронзительнаго свиста паровиковъ, воздухъ оглашается громкими пѣснями подгулявшей молодежи, съ акомпаниментомъ неизбѣжной гармоникки. Повсюду раздаются то веселый, полупьянный смѣхъ, то крѣпкая ругань. Визжать дверные блоки разныхъ „ресторацій“, „ресторантовъ“, „распивочно и на выносъ“, какъ-бы привѣтствуя входящихъ гостей и издѣваясь надъ тѣми, кто спозаранку пишетъ *мыслете*. Въ этой толпѣ, гдѣ перемѣшались сѣрые армяки, синія чуйки, лисья шубы, полушубки, зипуны, женскіе шугаи, встрѣтишь не одинъ десятокъ фizioномій, украшенныхъ синими фонарями. Черезъ каждые двадцать-тридцать шаговъ по разломанному и обмерзлomu тротуару главной улицы наткнешься на человѣка, который въ борьбѣ съ хмѣлемъ потерялъ способность двуногого и еле-еле, чуть не на четверенькахъ, тащится около забора. Нерѣдко приходится услышать и казенный крикъ „караулъ“, нисколько не волнующій толпу, какъ явленіе обыденное и знакомое. А вотъ и даровой народный спектакль подъ открытымъ небомъ: два дюжихъ фабричныхъ парня, съ искаженными, окровавленными лицами, вцѣпились другъ другу въ волосы и катаются въ борьбѣ по грязному снѣгу городской площади. Въ плотный кружокъ сомкнулись до-

вольные зрители, созерцающіе единоборство російскихъ гладиаторовъ. „Ванюха, не выдай своихъ! Подъ микитки-то его! Подъ девятое ребро норови! Важно, ловко. Ха, ха, ха!“ „А ты, Серега, зубомъ-то, зубомъ-то его!“ ободряетъ публика. И летятъ доскутья новой александрійской рубахи Ванюхи и трещитъ богатырская грудь Сереги подъ могучимъ кулакомъ противника. То-ли не спектакль для народа, празднующаго широкую масляницу, семикову племяницу, тридцати братьевъ сестру, сорока бабушекъ внучку, трехматерину дочку, ненасытную объѣдуху, всякихъ денегъ побираху!.. Воздухъ переполненъ людскимъ говоромъ, смѣхомъ, бранью, пѣснями, проклятіями. Послѣ полудня въ уличномъ весельѣ принимаетъ участіе городская финансовая аристократія. Отворяются постоянно запертые на замокъ ворота каменныхъ палатъ именитыхъ фабрикантовъ и на откормленныхъ коняхъ, въ лаковыхъ сняхъ, въ тысячныхъ шубахъ и салопахъ выѣзжаютъ „на проѣздеу въ кругъ“ хозяева съ своими женами и чадами. Развѣ одно московское Подновинское поспоритъ богатствомъ выѣзда здѣшнихъ капиталистовъ. Тысячные рысаки, золоченая сбруя, кучера съ аршинными бородами, яркія, разноцвѣтныя шелковыя сѣтки; сдобныя купчихи, нарумяненные и насурмленные, то въ синихъ, то гранатныхъ бархатныхъ на соболяхъ шубахъ, въ шляпкахъ съ неизбѣжными страусовыми перьями, неподвижно, съ бессмысленно-самодовольными улыбками возсѣдаютъ по правую руку своихъ тяжеловѣсныхъ супруговъ, которые, закутавшись въ ильи и бобры, хранятъ степенное молчаніе. Всѣ сани изъ разныхъ улицъ направляются на площадь, гдѣ образуютъ кругъ, и медленно, шагъ за шагомъ, двигаются неразрывной вереницей. Сидящіе въ саняхъ хранятъ гробовое молчаніе, въ силу того, что они выѣхали не для личнаго удовольствія, а для того, чтобъ себя показать; за то глазѣющая на нихъ толпа безустанно судить, рядить и спорить. Вотъ выѣзжаетъ въ кругъ первый рязановскій богачъ, фабрикантъ Лекаревъ. Разступился сѣрый народъ, далъ дорогу „хозяину“, шапки мигомъ снялись съ головъ, посыпались поклоны въ поясъ, раздались привѣтствія: „Кузьмъ Терентьичу, съ широкой масляжкой. Дай Богъ весело встрѣтить, счастливо проводить. Съ праздникомъ, ваше степенство!“ И нехотя, гордо приподнимаетъ соболю шапку „хозяинъ“, отвѣчая на привѣтъ разныхъ шубъ и чуекъ.

— Ну, ужъ и бони у Кузьмы Терентьяча, обращаясь къ сосѣду говорить отрепанный фабричный:—одно слово—печь! Ишь идутъ, ногами-то словно сѣкутъ и рубятъ и въ полонъ берутъ! Ну-у, пара! Тыщи, надо полагать, двѣ даль!

— Эко дѣло, двѣ тыщи! восклицаетъ сосѣдъ.—Ему, толсто-брюхому, тыщи двѣ все одно, что мнѣ семитка. Ишь, идолъ какой сидитъ! Гладкій чортъ! Экъ его расперло — идола!

— Полно тебѣ, прерываетъ его вслушавшійся въ разговоръ старичекъ.—Кузьма Терентьячъ наши благодѣтели, отцы. Сколько они богадѣльневъ этихъ попадѣлали. Опять-же фабрики ихъ: можетъ, отъ нихъ тыщи народу кормятся. Опять теперь куполь на соборѣ кто озолотилъ? А ты сейчасъ про нихъ такія слова: идолъ, чортъ! Не хорошо...

— Ладно! Толкуй больной съ подлекаремъ! Слыхали мы это. Хороши благодѣтели! Подемъ, Петрей, раздавимъ косушку! недовольно обрываетъ старика пессимистъ-фабричный и, взявши подъ руку сосѣда, удаляется изъ толпы, напѣвая фальцетомъ:

Не сама машина ходить,
Паровикъ машину возить...

— Глянь, глянь! Тюшиха-то! Ахъ, ты Боже милостивый! восклицаетъ одна мѣщанка, толкая подъ бокъ другую и указывая на толстую кучиху, точно приросшую къ дорогимъ санямъ. — Ишь, какъ ее раскатило, голубушку: замужь-то выходила—щепка-щепкой, а теперь нако-ся, а?

— Чего дивиться? Знамо, день-деньской валяется на пуховикахъ, ѣсть-пить сладко, заботушки никакой—съ чего похудѣть! опять-же замужемъ, въ законъ; ну, тѣла-то нагуляла.

— Такъ-такъ, что говорить. Ихъ-ли не жисть! согласилась первая мѣщанка;—а вотъ подишь-ты—не даетъ имъ Богъ дѣтокъ-то.

— Это, matka, съ жиру. Жиръ-то ихъ больно осилилъ, оттого и дѣтокъ нѣтъ.

— Развѣ, что съ жиру! а то живутъ въ законѣ, словно сейчасъ повѣнчанные.

Раздается звонъ къ вечернѣ. Сани оставляютъ площадь и улицы; просторъ пѣшеходамъ. Отворенные ворота, принявъ въ

свои нѣдра вернувшихся хозяевъ, запираются на замокъ; все, несущее чуйки и серяги, прячется въ домахъ. За то фабричныя гуляютъ всласть: говоръ, крики, пѣсни усиливаются на площади, сливаясь съ звуками гармоніи, бубна; гуль, стонъ и ревъ стоятъ въ воздухѣ. Но вотъ мигнула надъ краемъ горизонта вечерняя звѣзда, за ней выкатилась незамѣтно другая, третья, — сумерки спадали на землю. Народъ мало-по-малу началъ расходиться съ площади по кабакамъ и трактирамъ, которые заманивали гулящій людъ вереницей освѣщенныхъ оконъ съ мелькавшими въ нихъ фигурами шмыгавшихъ половыхъ и сидящихъ гостей.

— Теперь, братцы, обращается на площади къ кучкѣ фабричныхъ рослый, кривоглазый мужчина въ черномъ помятомъ цилиндрѣ и длинномъ, чуть не до пятъ, ватномъ пальто, — сдѣлаемъ полнымъ ходомъ променажъ до „Комерческой“, а тамъ и закантуемъ.

— Ходить! отзываются разомъ нѣсколько голосовъ изъ кучки.

— А коли ходить, стройся, ребята, какъ слѣдуетъ и вали въ „Темномъ лѣсѣ“! командуетъ пальто.

Человѣкъ тридцать фабричныхъ берутся за руки, человѣкъ по шести, и становятся шеренгами.

— Ты, Васыка Дунда, верхъ бери соразмѣрно, не во всю глотку, а то прошлую обѣдню гаркнулъ — всю „Достойную“ испортилъ.

— Я, Викентій Петровичъ, будьте покойны, ужъ соразмѣрно! откашливаясь въ кулакъ, отзывается хриплымъ басомъ чуйка.

— Октавы выдерживать, тенора выводить! Ну, слушайте: я задамъ тонъ. До, соль, ми, до! на распѣвъ тонируетъ пальто, вынувъ изъ кармана камертонъ и прикусивъ его крѣпко зубами.

— По третьему начинать. Разъ, два, три!

И съ третьимъ взмахомъ руки раздается довольно стройно, хоть и съ оттѣнкомъ духовнаго пѣнія, любимая семинарская пѣсня:

«Въ темномъ лѣсѣ,
За лѣсью
Распашу я
Пашеньку».

Пѣвчіе стройно, рядами, шагъ за шагомъ выступаютъ по са-

мой срединѣ главной, опустѣвшей улицы. На тротуары изъ калитокъ прилегающихъ домовъ, заслушавъ пѣніе, выбѣгаютъ горничныя, лакеи, кучера, кухарки и вообще вся купеческая челядь.

— Складно поютъ! замѣчаетъ у однихъ воротъ кучеръ лакею, — и ежели-бы нашимъ фабричнымъ настоящее обученіе да практика — архирейскихъ пѣвчихъ за поясъ затынули-бы, — право-бы, затынули. Какъ ваше мнѣніе?

— Своя охота, потому! глубокомысленно отзывается лакей, вынимая изъ рта окурокъ сигары. — Ну, и регентъ у нихъ дока! Возьмите одно — восемь лѣтъ архирейскимъ хоромъ заправлялъ; въ Петербургъ хотѣли перевести, да очень зашибаетъ и во хмѣлю неспокоенъ, и сейчасъ, ежели что противъ него, по сусаламъ. Представьте, кому пріятно?

— Да, ежели, въ примѣру, по сусаламъ — сладости особой нѣтъ! подтверждаетъ кучеръ.

— Вотъ коли ежели отъ васъ, Капитолина Семеновна, послѣдуетъ рѣшеніе моей судьбы, безпремѣнно на вѣчанье приглашу Викентія Петровича съ хоромъ! у калитки противоположнаго дома напѣваетъ курносой горничной бойкій прикащикъ.

— Ишь что, глядя на великій постъ, выдумываете! кокетничаетъ горничная.

— Подъ красную горку будетъ въ самый разъ повѣнчаться съ этоюй кралей, — разлюбезное дѣло! разсыпается молодецъ и какъ-бы нечаянно обнимаетъ ее.

— Ну, ну-у! съ силой отталкивая отъ себя, говоритъ горничная: — рукавъ-то воли не давай! Знаю сама, что краля, да не твоя. Даромъ-то проѣдаться нечего, поищи таковскихъ! А вотъ женись — и цѣлуй вволю, сама тогда поцѣлуй! юрнувъ въ калитку и шума накрахмаленными юбками на-ходу, прибавляетъ она.

— Не дѣвка, а чортъ! замѣчаетъ молодецъ своему товарищу, сидящему на лавочкѣ около воротъ. — Одно слово, сѣрная спичка! Кажись, только вотъ чиркнуть — такъ вся и спыхнетъ-загорится.

— Ну васъ! Не жѣшай, слушай! Ишь, какъ голосами-то выводятъ, словно струменты! Ахъ, волкъ васъ зарѣжь, какъ поютъ! восклицаетъ съ восторгомъ сидящій, увлекшись пѣніемъ фабричныхъ.

Гдѣ-то вдали слышится звонъ колокольчиковъ и бубенцовъ,

нестройныя гиканья и взвизгиванья; звуки эти то какъ-будто замираютъ, то приближаются; но вотъ они становятся явственнѣе; отчетливо раздается хлясъ и топотъ летящихъ въ карьеръ лошадей и черезъ нѣсколько минутъ въ концѣ улицы, съ площади, врываются маршь-маршемъ двѣ тройки въ пошевняхъ, гремя наборной сбруей, колокольцами и бубенцами.

— Поди, задавлю! горланить ямщикъ первой тройки, стоя въ пошевняхъ.

— Жги, дѣ-ѣ-лай! вторятъ ему въ одинъ голосъ полупьяные купеческіе сынки, сидящіе въ пошевняхъ вмѣстѣ съ мѣстными Аспазіями.

— Ой, други, съ горки на горку—купецъ дастъ на водку! Не дастъ на водку—перерву глотку! острить отчаянно возница, ободоря взмыленную тройку.

— Ахъ, вывалить! Ахъ-а-ахъ! визжитъ прекрасный полъ.

— Дави всѣхъ! За всѣхъ плачу! Всѣхъ куплю и выкуплю, похвалится на переднихъ саяхъ безобразникъ купецкій сынъ.

Все, что было живого на улицѣ, винулось въ сторону, на тротуаръ, и очистило дорогу; хоръ фабричныхъ, не переставая иѣтъ также остановился около тротуара.

— Стой, ямщикъ! раздался повелительно полупьяный голосъ съ первой тройки, лишь только она поровнялась съ хоромъ. Ямщикъ осадилъ лошадей, хоръ смолкъ.

— Что за народъ? Почему такое? По какому праву? коснѣющимъ языкомъ, поднявшись въ пошевняхъ на ноги, спрашивалъ остановившихся фабричныхъ молодой купецъ Сажовъ. Фабричные молчали.—Кто можетъ мнѣ не отвѣчать? Почему такое? По какому праву? А-а, это ты, Петровичъ! обратился онъ къ регенту.— Поди сюда!—Регентъ подошелъ, снявши шляпу.—По какому такому закону ты здѣсь поешь, почему такое? Отвѣчай! грозно допрашивалъ безобразникъ.

— Ивану Федоровичу мое всенижайшее! Да вотъ для препровожденія собственно свободнаго времени съ своимъ хоромъ разные свѣтскіе канты распѣваемъ.

— А почему такое? По какой статьѣ закона? Хочешь къ мировому? Ежели безъ разрѣшенія, насчетъ благочинія?.. Почему такое, можешь мнѣ отвѣчать?

— Иванъ Федоровичъ, Ваня, оставь! Сядь, оставь! уговари-

— Изволь, Иванъ Федоровичъ!.. Ежели-же по начальству что, ты заступишь.

— Молчать! перебилъ регента Сажевъ.— Можешь ты мнѣ это говорить? Кто я? Почему такое? Всѣхъ куплю и выкуплю... Вопи!.. Разъ, два...

Регентъ откашлялся и стогны Рязанова-Воскресенска огласились звуками его зычнаго голоса.

„Потомственному почетному гражданину и кавалеру, первой гильдіи купцу Іоанну Федоровичу Сажеву, многая лѣта!“ прогорла-ниль во всю свою широкую пасть Викентій Петровичъ; хоръ, что было силы, подхватилъ многолѣтіе.

— Урви, унеси, дѣ-ѣ-лай!! словно бѣшенный вскричалъ Сажевъ. Лищикъ гикнулъ, тронулъ по всѣмъ по тремъ и тройки ринулись съ мѣста въ карьеръ; вслѣдъ имъ несло окончаніе многолѣтія...

— Вотъ, братцы, Богъ на шапку послалъ! проговорилъ весело регентъ, обращаясь къ своему хору.— Теперь всѣ разомъ въ „Комерческую“—закантуемъ на всю ночь. Ну-ко, отрадную хватимъ:

Вѣкъ юный, прелестный,
Друзья, пролетить.
Намъ все въ поднебесной
Измѣной грозить...

зычно началъ регентъ —

— Лови, лови часы любви,
Доколь любовь горить въ крови!

дружно подхватилъ хоръ и вся ватага пѣвчихъ-любителей ускореннымъ шагомъ двинулась къ „комерческой“ гостиницѣ.

— Ишь, оглашенные!.. прости меня Господи... проговорила старуха салопница, испуганная гиваньемъ промчавшихся троекъ и завываньемъ хора. Бѣдутъ сломя голову, словно окаянныя... Долго ли до грѣха—задавать живого человѣка.

— Да чыхъ они будутъ? спросила ее спутница, также старуха салопница.

— Сажевскихъ, matka, фабрикантовъ, сажевскихъ. Самъ-то, Федоръ Борисычъ, о зимнемъ Миколѣ померъ, все имѣніе одному сыну предоставилъ. Достатки ихъ извѣстны: три фабрики, домовъ что—все ему досталось. Сказываютъ, денегъ мельёновъ ѣсколько у старика было припрятано: недѣлю изво-дня въ день считали — сосчитать не могли. Какъ завидѣлъ, matka, сынъ-то, что всѣ эти мельёны его, такъ и вдарился въ фанаберію. Сичасъ пятьдесятъ тыщъ предоставилъ въ пріюту; ему за это изъ Питера оргенъ прислали. Вывѣсилъ онъ на себѣ этотъ оргенъ, такъ изъ своего ума и вышелъ: жену до себя не допускаетъ—я, говоритъ, теперь при кавалеріи, а ты, лабазница, срамишь меня, потому какъ есть баба безъ обхожденія. Самъ пьетъ безъ просыпу и никто съ нимъ не смѣй говорить: я-де всѣхъ куплю и выкуплю и больше меня во всемъ свѣтѣ человекъ нѣтъ.

— Эки дѣла, эки дѣла!.. Ну, а хозяйка что?

— Извѣстно—съ тѣла спала, ходитъ притомонная такая, изъ лица желтая, словно алимонъ. А онъ-то по *прощеннымъ днямъ*, словно, прссти Господи, Мамай какой, подобралъ шайку, ѣздитъ по городу да безобразничаетъ. Ономясь надъ Степаномъ Степанычемъ, слышала, какую надсмѣшку сдѣлала?

— Не слыхивала; расскажи, matka, расскажи, Тихоновна.

— Извѣстно, Степанъ Степанычъ человекъ степенный, разсудительный, вдовецъ, соблюдаетъ себя по старой вѣрѣ въ точности и живетъ въ своемъ домѣ, словно архирей честной. Объ Рождествѣ пришелъ онъ къ сажевской-то хозяйкѣ,—племянницей она ему доводится,—въ гости. Ладно, хорошо. Началъ онъ выговаривать самому ему, что-де не слѣдъ такъ безобразничать, не по закону жить; ну, и пошунялъ его таки-порр-рядочно. А Ванька-то слушаетъ увѣщанья-то его, да помолча вздохнетъ, а хозяйка глазъ не осушаетъ—плачить, что рѣва льется.

— Пла-а-чить? сочувственно переспросила слушательница.

— Пла-а-чить. Вотъ щунялъ, щунялъ его Степанъ Степанычъ, да вдругъ и спрашиваетъ: чувствуешь-ли ты, молъ, Иванъ Федорычъ, въ какую геенну огненную свою душеньку уготоваешь? Да и пошелъ все отъ божественнаго, все отъ божественнаго говорить... Сичасъ послѣ этихъ божественныхъ словъ Ванька-то Сажевъ ему въ ноги: дяденька, говоритъ, виновать, простите меня окаяннаго, чувствую... больше не буду! Ну, и сталь

у нихъ миръ да согласіе, перецѣловались всѣ и на радостяхъ угощенье пошло. Посидѣли они все какъ слѣдуетъ, честь-честью, только Ванька-то и просить Степана Степаныча въ свои покои, чтобъ пріятелямъ, которые къ нему пришли, идравоученье сазать. Ужь поздненько было; распростился старичекъ съ хозяйкой,—та спать пошла,—и побрѣлъ въ валькины покои. Ну, знаешь, matka, лестно ему на старости лѣтъ идравоученье молодымъ людямъ сдѣлать. Пришелъ; а ужь тамъ мурины-то сажевскіе сидятъ: три брата Горѣловы, Мазуркинъ Сережа и васютинскій племяшъ,—народъ все—укусъ!.. Какъ вошелъ, всѣ старичку въ поясъ. Усадили его на первое мѣсто и сталъ онъ ихъ отъ божественнаго учить, изъ святыхъ книгъ. Слушаютъ они его, много-ли, мало-ли, съ умиленіемъ, а сами его все пунштомъ поштурютъ. Поштовали, поштовали да и запоштовали—старичекъ-то и ослабъ. Сказываютъ, въ стаканъ-то ему какую-то сонную каплю впустили. Складу у старичка въ рѣчахъ нѣтъ, хочеть подняться—ноженьки не служатъ; головушку на столъ опустил и захрапѣлъ.

— За-а-хра-а-пѣлъ? всплеснувши руками, взвизгиваетъ себе-сѣдница.

— Да-а, пріуснулъ. Какъ только они увидѣли, что сонная капля подѣйствовала, загогойкали, съ мѣстовъ повскакали и въ ладоши забили. „Ну, братцы, кричить Ванька Сажевъ,—теперь онъ нашъ! Надо ему такую замѣтку положить, чтобъ онъ во всю жизнь идравоученьевъ этакихъ не дѣлалъ. Вали,—говорить,—его на диванъ“. Положили его на диванъ, сбрили бороду, усы, одѣли въ криволинь и женское платье; Мазуркинъ сейчасъ къ цирюльнику съѣздилъ, купилъ румянъ, бѣлилъ, шиньонъ модный; набѣлили старичка, нарумянили, шиньонъ на голову накололи, шляпку какъ есть модную надѣли, закутали въ шубу да и отвезли вечеромъ поздно, чуть не въ полночь, домой. Привезли его да прямо у воротъ и оставили. Дворники къ утру смотрять—лежить у воротъ никакая барыня. Глядь-поглядь—хозяинъ. Внесли его въ моленную, чтобъ домашнихъ не испугать, и положили его на диванъ. Дворники-то диву-дивуются, что за оказія такая; дотронуться-то, чтобъ раздѣть-то его, боятся. Проснулся онъ черезъ нѣсколько времени и какъ увидѣлъ себя въ этомъ одѣяніи, такъ даже затрясся весь, вскрикнулъ и словно обезумѣлъ.

Сошлись всѣ домашніе, рѣвомъ ревуть, смотрять, что будетъ, а онъ сидитъ въ этомъ одѣяніи, словно истуканъ каменный, только глазами вокругъ поводитъ, а съ себя не снижаетъ. Начали его спрашивать, а онъ только губами шевелитъ, а голосу нѣтъ. Завопили домашніе въ два голоса. Раздѣли его и уложили въ постель. Съ той самой поры сдѣлался старичекъ словно грудной младенецъ: изъ дому не выходитъ, ни съ кѣмъ не говоритъ, ѣсть-пить не просить: дадутъ—ладно, не дадутъ—и такъ пройдетъ. Звали бабу-лекарку; ну, пошептала надъ нимъ, съ уголька вспрыснула и велѣла ждать, когда борода отростетъ. Съ нимъ, говоритъ, *младенческая*; кропите по зарямъ богоявленской водой да на ночь роснымъ ладономъ окуривайте; какъ борода отростетъ, такъ и болѣзнь вся пройдетъ. Борода порядочно отросла, а все еще старичекъ въ языкъ не твердъ и въ полный разумъ взойти не можетъ. Сказываютъ, въ Москву за ихнимъ попомъ послали,—есть у нихъ особенный такой—*отчитываетъ*; куфарка ихняя сказывала, ужъ коли, говоритъ, этотъ попъ не поможетъ, придется Степану Степаничу въ маломъ умѣ свой вѣкъ кончить.

— Грѣхи!.. восклицаетъ слушательница, остановившись около перекрестка.—Истинно, что послѣднія времена настали! прибавляетъ она со вздохомъ.

— Что говорить!.. Ну-ко, прости, Спиридоновна; закалякалась я съ тобой; дома-то не достучишься.

Кумушки разцѣловались. Тихоновна повернула за уголь, Спиридоновна поплелась-было вправо, но вдругъ круто повернула назадъ, мелкой рысцой добѣжала до угла и начала вливать пріятельницу.

— Тихоновна, подь-ко сюда, подь!.. Вернись!

— Асиньки! отеликнулась Тихоновна. Кумушки вновь сошлись на углу.

— Слышала, у Саввы-то Антипыча дѣла?.. Удивленья достойно!.. Ужъ вѣдь можно про него было сказать—столбъ купечеству, всему городу краса... Отъ законной-то жены полюбовницу завелъ.

— Вотъ-те связь!.. Не слыхивала... Давно-ли?.. Ахъ, мои батюшки, сѣдой пѣсъ, въ гробъ смотреть, а на какія дѣла пошелъ! Давно-ли, матка?

— Да передъ самымъ праздникомъ, не-то за двѣ, не-то за три недѣли. Вѣдиль онъ въ Питеръ, оттуда съ собой ее и привезъ.

— Съ со-о-бой?! Враки, ни въ жизнь не повѣрю! Не таковскій онъ человекъ, чтобъ на весь честной мѣръ срамиться стать. Онъ мужикъ хитрый! Ужъ коли-бы и пошелъ на это, такъ, по крайности, въ секретъ держаль, чтобъ политику соблюсти.

— Да онъ политику-то соблюдаетъ... Показываетъ ее, напримеръ, какъ-бы губернанку къ дочерямъ привезъ, а ужъ какая тутъ губернанка—по первому виду во всѣхъ статьяхъ вавилонская блудница, что на паперти соборной нарисована.

— Ахъ ты пакость, пакость!.. Изъ какихъ она будетъ?

— Сказываютъ, настоящая французанка, по нашему и не говорить.

— Господи помилуй!—Тихоновна перекрестилась. — Седьмой десятокъ на свѣтѣ живу, этакихъ дѣловъ не слыхивала. Ужъ можно сказать, что срамамъ-срамъ!.. Ну, пусть-бы русская, а то нате-ка—французанка! Да полно, не враки-ли это?

— Истинно, французанка... Хозяйка-то Саввы Антиповича къ отцу къ матери отъѣхала. потому жить непереносно стало: одинъ соблазнъ да срамота въ домѣ... Въмѣсто дѣвокъ въ прислугѣ позавель лакеевъ въ черныхъ фразахъ, да всѣ въ перчаткахъ, безъ бородъ... Она ему разные свои романцы на фортепьянахъ поетъ. Сидитъ, сказываютъ, на диванѣ, сама неглижа, безъ шали, руки выше локтя открытыя, а онъ, старый песъ, по-ихнему-то говорить не умѣетъ, а только, какъ пѣтухъ, ходитъ вокругъ да поверкиваетъ. А коли сказать что надо, такъ падчерицъ-то своихъ, кобылъ, что отъ перваго мужа остались, позоветь: онѣ, слышь, въ пенсіонѣ были, такъ мастерицы по-французскому-то,—ну, черезъ ихъ и переведетъ той. Въ случаѣ, что въ секретъ передать, ужъ онъ больше на перстахъ съ ней объясняетъ. И помора: каждое утро онъ къ ней здороваться приходитъ; сичасъ придетъ, ногой шаркнетъ, въ ручку поцѣлуетъ и по-ихнему банжуръ скажетъ.

— Ахъ, пакость, пакость!.. Ну, матка, огорошила ты меня этой новинкой... Жива не буду—сейчасъ къ Зубихъ побѣгу—она вѣдь у пакостника-то, при прежней хозяйкѣ, въ племянницахъ

жила, — потолеуемъ да наплачемся съ ней досыта. Прости, родная; ужь какъ не поздно, а побѣгу... Такое дѣло!

Кумушки вновь разцѣловались и разошлись.

Темнѣеть. Къ полуночи погода измѣнилась. По небу медленно ползутъ какія-то дырвяныя, рванныя, грязныя тучи; туманъ самовластно охватываетъ улицы и переулки Рязанова; словно раненый звѣрь, съ дикимъ визгомъ проносится холодный вѣтеръ: четырехъ-этажныя корпуса фабрикъ, палаты коммерсантовъ и домишки бѣднякъвъ обывателей теряютъ свои отдѣльныя очертанія и ступшевыаются въ одно грязно-темное пятно. На одной изъ фабрикъ часы бьютъ полночь. Сторожа на колокольняхъ, въ свою очередь, бьютъ въ доску и неизвѣстно для кого и для чего зычно и протяжно кричатъ свое обычное: „слушай!“ Фабричная мелкота, неважное чиновничество и хозяйствующее мѣщанство въ этотъ часъ мирно вкушаютъ сонъ, подъ охраной запертыхъ на замокъ воротъ и спущенныхъ съ цѣпей дворовыхъ собакъ. О фабричныхъ тузахъ, придерживающихся *старой вѣры*, и говорить нечего: съ десяти часовъ вечера вся семья отъ мала до велика позѣвываетъ и почесывается, а къ десяти одинъ храпъ и сапъ отъ ихъ грузныхъ тѣлъ, утонувшихъ въ взбитыхъ до потолка пуховикахъ, нарушаетъ могильную тишину ихъ палатъ. Состоящіе *въ единовѣрїи* хоть и не крѣпко придерживаются порядковъ старовѣрческаго образа жизни, посѣщаютъ знакомыхъ, комерческой клубъ, даже позволяютъ дочерямъ танцовать *кадрилли*, но все-таки требуютъ, чтобъ огни въ домѣ были къ полуночи потушены и женскій персоналъ семейства находился въ своихъ постеляхъ. На возвращеніе подъ родной кровъ взрослыхъ мужчинъ не въ урочный часъ главы семейства смотрятъ сквозь пальцы и нерѣдко сами встрѣчаютъ бѣлый день въ чужомъ домѣ за азартной трынкой. Маленькому кружку чиновной аристократіи, да оравѣ фабричнаго пролетаріата предоставляется право проводить, какъ и гдѣ имъ заблагоразсудится, тѣ страшныя часы ночи, когда шалать вѣдьмы и лѣшіе и давать истинно-православнаго человѣка домовые. Аристократія, въ лицѣ разныхъ уѣзд-

ныхъ и воинскихъ начальниковъ, мировыхъ судей, казначей, мирового посредника, акцизника, адвокатовъ и нотаріуса съ семействами, устраиваетъ въ своей средѣ по праздникамъ очередныя вечеринки, гдѣ царствуетъ неизбѣжный преферансъ и стуковка для отцовъ и матерей, дядюшекъ и тетюшекъ, и разбитое фортепьяно къ услугамъ ногъ ихъ сынковъ, дочерей, племянниковъ и племянницъ. Вечеринка рѣдко оканчивается ранѣе трехъ часовъ ночи и заключается торжественнымъ ужиномъ съ классическими галантирами, блянманже со свѣчкой и разносортными наливками. Вина, а особенно шампанское, являются только въ исключительныхъ случаяхъ—имянинъ, крестинъ, свадебъ, полученія ордена, производства въ слѣдующій чинъ. Фабричный рабочий, если не переступилъ въ девять часовъ вечера калитки фабричныхъ воротъ, уже цѣлую ночь не увидитъ своего логова, потому что хозяева фабрикъ и ихъ наперстники въ этотъ часъ собственноручно замыкаютъ у входовъ тяжелые замки и ключи отъ нихъ хранятъ подъ изголовьями своихъ законныхъ двуспальныхъ кроватей. Только крайняя необходимость заставитъ иногда фабричнаго совершить путешествіе черезъ заборъ, чтобъ достичь своихъ вонючихъ норъ; при этомъ онъ рискуетъ быть замѣченнымъ дворникомъ, а на утро разсчитаннымъ хозяиномъ, что равносильно потерѣ насущнаго куска хлѣба, потому что, по заведенной изстари *круговой*, рабочей, разсчитанный почему-бы то ни было ранѣе условленнаго срока, не можетъ найти работы ни у одного изъ російско-манчестерскихъ фабрикантовъ. Волей-неволей приходится запоздалому фабричному искать ночного пріюта въ разныхъ „Новыхъ свѣтахъ“, „Завертаяхъ“, „Сегодня на деньги, а завтра въ долгъ“, „Парижахъ“, и „Лиссабонахъ“, попадая туда черезъ задній ходъ, такъ-какъ съ ударомъ двѣнадцати парадные ходы и двери всѣхъ подобныхъ заведеній закрываются до утра. Не пустятъ и здѣсь, бездомникъ отпрашивается на окраины города, въ тѣ грязные пріюты, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханій, гдѣ всю ночь горитъ керосинъ, отсюда ежеминутно раздается то визгъ скрипки, то брацанье фортепьянъ, то надорванный, сиплый женскій голосъ, выводящій верхнія ноты старомоднаго романа: „Кольцо души дѣвицы я въ море обронилъ“, то дребезгъ оконныхъ стеколъ отъ неистоваго трепака подъ аккомпаниментъ не менѣе неистойвой и пошлой пѣсни:

Хочешь—любишь, хочешь—нѣтъ,
Ни копейки денегъ нѣтъ!..

Ночной мракъ, соединившись съ густымъ туманомъ, охватываетъ со всѣхъ сторонъ Воскресенскъ; онъ нахально набрасывается на десятокъ тусклыхъ масляныхъ фонарей, разставленныхъ на пространствѣ чуть не трехсотъ-саженной главной улицы и силится уничтожить даже эти бѣдные просвѣты на повсемѣстно-черномъ фонѣ картины. Оттуда-то издалека сильнымъ порывомъ вѣтра доносится адскій вопль: „дери съ нея и корнолинъ съ куцавейкой!“ Затѣмъ слышится отчаянный крикъ: „батюшки, рѣжутъ!.. караулъ!“ И все это замираетъ въ общемъ гулѣ собачьяго лая, который разносится вѣтромъ и валомъ катится надъ уснувшимъ городомъ. Среди этой вромѣшной тьмы, на самой срединѣ главной улицы, бѣлесоватыми четырехугольниками вырисовываются въ ночномъ чаду ярко освѣщенныя окна дома нашего манчестерскаго Ротшильда—Кузьмы Терентьевича Лекарева. Хоть онъ и состоитъ въ единовѣрїи, хоть и не прошло установленнаго срока послѣ смерти его жены, хотя въ образной двѣ дѣвки-читалки денно и ночью гнусливо, на распѣвъ читаютъ псалтырь по покойницѣ, но онъ, въ силу своего общественнаго положенія, не преминулъ, вмѣсто обычнаго на масляницѣ бала съ танцами, дать для мужчинъ вечеръ съ ужиномъ, но безъ музыки.

Несмотря на то, что парадныя комнаты были залиты свѣтомъ лампъ и люстръ, открывая въ настоящемъ величїи все изящество мебели отъ Лизере, роскошь и блескъ бронзы отъ Штанге, дороговизну саженныхъ зеркалъ изъ англійскаго магазина,—были пусты. Начиная отъ гостиной, отдѣланной во вкусѣ Людовика XVI, до дубовой столовой, сияющей стариннымъ серебромъ въ рѣзныхъ до потолка поставцахъ, можно было встрѣтить однихъ только лакеевъ. приводящихъ въ порядокъ мебель и убирающихъ въ столовой посуду послѣ окончившагося ужина. Это странное явленіе объяснялось очень просто. На вечерѣ у Кузьмы Терентьевича собрался весь городъ къ девяти часамъ; въ половинѣ двѣнадцатаго гостей усадили за ужинъ, окончившійся въ половинѣ перваго, а къ часу ночи гости убрались по своимъ домамъ, зная, что Лекаревъ ложится спать рано, и боясь замедленіемъ вызвать недозвольную мину на лицѣ всесильнаго манчестерскаго Ротшильда. Даже независимый мѣстный адвокатъ Переверзинъ, сравнившій

въ своемъ спичѣ за ужиномъ Кузьму Терентьевича почему-то съ Кобденомъ, не посмѣвъ оставаться долѣе другихъ въ палатахъ Лекарева и недопивши отдѣльно поданной послѣ ужина бутылки шампанскаго, пошатываясь сошелъ съ лѣстницы, убранной бархатными коврами. Для непосвященныхъ въ тайны застѣночной жизни рязановскихъ тузовъ-капиталистовъ могло показаться, что вечеръ окончился—всѣ до единого гости, раскланявшись съ хозяиномъ, выходили въ переднюю, чтобъ облечься въ шубы и направиться къ домамъ; официанты приводили въ порядокъ комнаты, даже швейцаръ на главномъ подъздѣ громко хлопнулъ входной дверью, заперъ ее на ключъ и погасилъ висѣвшій фонарь, лишь только послѣдній гость сошелъ съ крыльца; но все это дѣлалось, выражаясь по-купечеству, для одного *блезирю, изъ-подъ политики*, чтобъ разговоровъ лишнихъ въ городѣ не было, а на самомъ дѣлѣ пиръ еще былъ въ „полустолѣ“. Тѣ гости, съ которыми Лекаревъ былъ близокъ и которыхъ онъ называлъ *присными по душѣ*, хотъ и соблюдали политику, то-есть тотчасъ-же послѣ ужина, въ назиданіе другимъ, благодарили хозяина за хлѣбъ-соль и, раскланявшись съ нимъ какъ-бы взаправду, уходили съ подъзда, облекшись въ свои бобры, тѣмъ не менѣе черезъ нѣсколько минутъ опять появлялись въ уединенномъ кабинетѣ Кузьмы Терентьевича, совершенно отдѣленномъ отъ парадныхъ комнатъ. Этотъ фокусъ совершался очень просто, по равнѣ условленному способу. Лишь кто-либо изъ *присныхъ* гостей, приглашенныхъ Лекаревымъ попить *по душѣ*, простившись послѣ официальнаго ужина съ хозяиномъ, сходилъ съ параднаго крыльца и за нимъ затворялась входная дверь, немедленно поворачивалъ вглубь обширнаго темнаго двора и, прошедши нѣсколько десятковъ шаговъ по каменному тротуару, чуть не ошущью находилъ черную неосвѣщенную лѣстницу, ведущую во второй этажъ. Взобравшись на нее, онъ упирался въ дверь, которую послѣ условнаго числа ударовъ предупредительно отпиралъ наперстникъ хозяина, шестидесятилѣтній прикащикъ Вася, и проводилъ *приснаго* въ недосыгаемый для непосвященныхъ кабинетъ. Кабинетъ этотъ, служившій въ обыкновенные дни рабочей комнатой и дѣловой пріемной Кузьмѣ Терентьевичу, представлялъ совершенную противоположность съ парадными покоями. Простота и грязь царили на свободѣ, начиная отъ украшеннаго паутиной потолка до пестраго

отъ облещей краски пола. Въ простѣнкахъ трехъ оконъ, закрытыхъ внутренними желѣзными ставнями, стоялъ длинный столъ, покрашенный когда-то зеленымъ, а теперь потерявшимъ всякій цвѣтъ сукномъ, подъ массой чернильныхъ пятенъ и възвѣвшей пыли. На немъ обыкновенно занимается Лекаревъ счетами и расчетами по своимъ торговымъ операціямъ, а въ экстренныхъ случаяхъ, какъ и въ описываемый вечеръ, этотъ столъ уставляется цѣлыми батареями самыхъ дорогихъ и тонкихъ винъ отъ Елисеѣва, Рауля, Депре. Напротивъ стола красовался очень почтенныхъ размѣровъ нестораемый шкафъ, вдѣланный въ стѣну, гдѣ хранились капиталы хозяина.

Въ красномъ углу, въ аляповатой, покрашенной кіотъ висѣлъ образъ Нерукотвореннаго Спаса стариннаго письма, въ золотой ризѣ, осыпанной алмазами, рубинами и изумрудами; передъ нимъ теплилась неугасимая лампада. Вдоль побѣленныхъ стѣнъ рядышкомъ стояли дюжины полторы простыхъ плетеныхъ стульевъ; между ними помѣщался неуклюжій, огромный диванъ, извѣстный въ провинціяхъ подъ названіемъ турецкаго, обитый поржелой и рваной клеенкой. Три раскрытыхъ ломберныхъ стола, съ грязнымъ сукномъ, съ положенными на нихъ нераспечатанными колодами картъ, но безъ щетокъ и мѣлковъ, довершали убранство комнаты. Десять свѣчъ, по двѣ на карточныхъ столахъ и четыре на импровизированномъ буфетѣ, окончательно портили воздухъ затопленной до невозможности комнаты; непривычный человѣкъ и получаса не пробылъ-бы въ этой жаркой атмосферѣ, пропитанной запахомъ лампаднаго масла, росного ладона и лишенной малѣйшей вентиляціи, но для *присныхъ* такая температура и запахи были родной стихіей; въ ней они родились и выросли, въ пей и умрутъ. Тотчасъ по окончаніи ужина комната эта начала наполняться приглашенными, такъ что къ часу ночи ихъ набралось ровно пятьнадцать человѣкъ. Каждый входящій осѣнялъ себя большимъ крестомъ и клалъ низкій поклонъ передъ образомъ Спасителя, потомъ приступалъ къ чаепитію съ *прибавленіемъ*, т. е. съ ромомъ, который щедро подливалъ сѣдовласый Вася, исполнявшій за неприбытіемъ хозяина его роль. Всѣ гости, какъ пришедшіе съ торжественнаго ужина, были одѣты во фраки и бѣлые галстуки; на шеяхъ большинства красовались владимірскія и аннинскія ленты съ золотыми и серебряными медалями; у двухъ-трехъ въ петличкахъ фраковъ болтались станицлавчики. Все это были

финансовыя тузы Рязанова; любой изъ нихъ во всякое время могъ вынуть изъ сундука своего сотню тысячъ чистоюгого, безъ всякихъ банковъ и обществъ взаимнаго кредита, несмотря на то, что старомодный фракъ сидѣлъ на немъ, какъ на коровѣ сѣдло, что изъ-подъ бѣлой манишки торчала ситцевая рубашка и сапоги безъ подборовъ скрипѣли, какъ у полового въ трактирѣ. Каждый изъ нихъ прошелъ огонь и воду на тяжеломъ поприщѣ служенія золотому тельцу и биографіи многихъ не лишены кровавыхъ эпизодовъ. Вотъ хоть-бы взять немножко знакомаго намъ по разговоры кумушекъ мануфактуръ-совѣтника Савву Антипѣвича Поддѣхина, переважно сидящаго съ чашкой чаю на кожаномъ диванѣ. Сколько самоувѣренности и сознанія собственного достоинства во всей его старчески-представительной наружности! Поблѣвшія кудри красиво обрамляютъ его открытое, матово-блѣдное, чистое лицо; ястребиной дальнорозкостью блестятъ его черныя глаза изъ-подъ густыхъ, крутыхъ бровей; страстныя немного толстыя губы складываются въ пріятную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и предательскую улыбку, бѣлая, какъ лунь, густая борода аккуратно подстрижена; правильный, орлиный носъ украшенъ золотымъ пенсне. Костюмъ безукоризненный—въ петличкѣ фрака едва замѣтна миниатюрная бутоньерка станиславской орденской ленточки, на умѣренно открытой груди бѣлоснѣжной рубашки à la Рошфоръ горять три маленькіе самой чистой воды брилліанта, а на безымянномъ пальцѣ лѣвой руки красуется на-столько крупный и дорогой солитеръ, что былъ-бы замѣтенъ и на парадномъ мундирѣ персидскаго шаха. Представительности Поддѣхина помогаетъ высокій ростъ, умѣренная полнота при необыкновенной пропорціональности и правильности всѣхъ частей тѣла. Облеките эту фигуру въ средневѣковую костюмъ или кардинальскую сутану, и она могла-бы служить рѣдкимъ сюжетомъ для кисти Рембранта или Ванъ-Дейка. Кто-бы прозрѣлъ въ этомъ великолѣпномъ по внѣшности мануфактуръ-совѣтникѣ грязнаго мальчишку, сироту изъ села Поддѣхина, служившаго подносчикомъ въ одномъ кабацѣ на проселочной дорогѣ отъ Рязанова къ Нижнему-Новгороду? Да, сорокъ лѣтъ назадъ это было такъ! Поздней осенью возвращался изъ Нижняго богатѣйшій рязановскій купчина старовѣръ Пчелкинъ. Сбившись съ дороги, продрогнувъ отъ холода, онъ наткнулся на одинокаго стоящаго кабацѣ и постоялый

дворъ, гдѣ служилъ Савва. Повравился купчинъ, проведему ночь на этомъ дворѣ, молодой четырнадцатилѣтній поднощикъ своей росторопностью и взялъ онъ его къ себѣ въ Рязаново. Не прошло и пяти лѣтъ, какъ умеръ въ одночасье шестидесятилѣтній Пчелкинъ, оставивъ свои милліонны капиталы законной сожительницѣ съ правомъ наградить по усмотрѣнію и *смиренству* трехъ оставшихся послѣ него дочерей-дѣвицъ. Уже черезъ два мѣсяца послѣ его смерти, девятнадцатилѣтній Савва преобразился въ первой гильдіи купца Савву Антиповича Подъѣхина, являсь обладателемъ всѣхъ его милліоновъ и взявъ въ супружество его сорокапятилѣтнюю вдову, бабу глупую и некрасивую, какъ смертный грѣхъ. Почувявъ силу, гордо расправилъ свои могучія крылья молодой орелъ. Немедленно три падчерицы были выданы замужъ въ сосѣднія торговня села за разныхъ торгующихъ мѣщанъ съ награжденіемъ отъ двухъ до пяти тысячъ каждой, смотря по ихъ личному *смиренству*. Недолго наслаждалась радостями супружеской жизни съ молодымъ мужемъ вдова Пчелкина: лишь только супругъ перевелъ всѣ ея капиталы и недвижимыя на свое имя, она была удалена изъ главнаго дома во флигель, гдѣ, предаваясь горести, находила единственную отраду въ поклоненіи Бахусу въ сообществѣ трехъ ея *присныхъ* — дѣвочекъ-читалокъ. Такъ прошло три года. Рассказываютъ, что не задолго до смерти прогнанная жена покаялась собравшимся около ея постели дочерямъ и дѣвкамъ-читалкамъ въ смертномъ грѣхѣ — въ отравѣ своего перваго мужа, по наущенію безсовѣтнаго Саввы; поднялось дѣло; мѣстныя власти, чуя поживу, словно коршунъ, слѣтѣлись къ кровати больной, но нашли ее уже при послѣднемъ издыханіи, такъ что ея смерть, докторское показаніе о ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей умершей, вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ, и главное — милліоны Подъѣхина разсѣяли всякія подозрѣнія. Оставшись одинъ-одинешенекъ, Савва Антиповичъ весь отдался коммерціи: построилъ двѣ громадныя фабрики, выписалъ изъ-за границы машины, перешелъ въ единовѣріе, пожертвовалъ десять тысячъ на пріютъ и тридцати лѣтъ получилъ званіе мануфактурнаго совѣтника. Сорока лѣтъ онъ во второй разъ женился на богатой московской вдовѣ изъ Рогожской, взявъ за ней вмѣстѣ съ двумя дочерьми отъ перваго брака, милліонъ приданаго. Падчерицъ онъ

отдалъ въ Москвѣ въ пансіонъ на воспитаніе, чтобъ дома глазъ не мозолили, а молодую двадцати-пятилѣтнюю жену увезъ въ Рязаново. Въ первыя-же пять лѣтъ супружества Подъехинъ успѣлъ половину придапаго капитала перевести на себя, вторая-же хотя и находилась у него въ дѣлахъ, но все-таки принадлежала женѣ, которая, поплывши характеръ мужа, крѣпко держалась за эту связующую ихъ супружество нить. Ни ласки Саввы Антипьевича, ни рожденіе дочери, ни всѣ тѣ нравственныя пытки и физическія лишешія, которыя переносила она въ послѣднее время отъ своего главы, не могли принудить ее откзаться отъ капитала. Забитая, изолированная отъ всего живого, окруженная шпионами мужа въ лицѣ нянекъ и мамокъ, она не выходила изъ своей крѣпости, какою и были для нея палаты Саввы Антипьевича, сосредоточивъ всю свою любовь и заботы на ребенкѣ и съ терпѣніемъ ожидая возвращенія изъ пансіона своихъ старшихъ дочерей. Молодые пансіонерки разбили ея лучшія надежды. Приѣхавъ изъ пансіона подъ родной кровъ съ мечтами о душкахъ-гусарахъ, увлекательномъ вальсѣ и блестящей мазуркѣ, онѣ сразу стали на сторону вѣтчица, во власти котораго была ихъ жизнь. Долго крѣпилась бѣдная женщина, но привозъ изъ Петербурга новой гувернантки, новые порядки въ домѣ, оскорбляющіе чувства жены и матери, сломили, наконецъ, ея энергію. Подъ условіемъ личной свободы и перазлучной жизни съ младшею дочерью, она отказалась отъ капитала и вѣстѣ съ двѣнадцатилѣтней Лизой уѣхала въ свое родное Рогожское. Глазомъ не моргнувъ Савва Антипьевичъ по отъѣздѣ жены; его грызла безсильная злоба и отчаяніе, что у него нѣтъ наслѣдника, и только въ весьма ослзательныхъ ласкахъ гувернантки французенки, съ которою онъ объяснялся на перстахъ, этотъ звѣрь забывалъ свое одиночество.

А вонъ, рядомъ съ Саввой Антипьевичемъ, скорчившись и съжившись, сидитъ плюгавенькій старичишка въ широкомъ фракѣ съ потертыми по швамъ рукавами, въ черномъ атласномъ двубортномъ жилетѣ, съ бисерной цѣпочкой отъ часовъ. Онъ безпрестанно побрякиваетъ, окрещиваетъ свою звѣющую часть большимъ крестомъ, отплеываясь въ клѣтчатый бумажный посовый платокъ и стараясь придать своей обезображенной осной физиономіи благодушный видъ; но сѣрые, глубоко впалые глаза, бѣгавшіе словно у кошки, увидѣвшей разомъ двухъ мышей, гово-

рать не очень-то въ пользу его благодушiя. Да, плохо попасться въ лапы этому двуногому коту. Потомственный почетный гражда-нинъ Сила Львовичъ Кудесниковъ началъ съ небольшого сво-его финансовую карьеру. Получивши въ наслѣдство отъ отца фаб-рику съ товаромъ тысячъ на триста, онъ застраховалъ ее въ пол-милліона вмѣстѣ съ товаромъ, а черезъ мѣсяцъ, вывезши товаръ при содѣйствіи довѣреннаго прикащика въ укромное мѣстечко, собственноручно сжегъ ее, гдѣ, по несчастію, сгорѣли шесть масте-ровыхъ, а также и довѣрчивый приказчикъ. Получивъ цѣликомъ страховую сумму, хотъ товару было вывезено тысячъ на полто-раста, Кудесниковъ выстроилъ новую, да черезъ годъ отказался въ платежѣ кредиторамъ слишкомъ на милліонъ; тѣ пошли на сдѣл-ку, получивъ за рубль по девятнадцати копеекъ. Черезъ три года этотъ фортель вновь повторился, съ тою только разницею, что кредиторы получили двадцать три копейки съ четвертью за рубль. Вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, какъ Сила Львовичъ распла-чивается честно. Поговариваютъ, что онъ продалъ свою фабрику Лекареву, хотеть *кончить комерцію* къ Макарьевской; тогда, вѣроятно, кредиторы не дождутся и пяти копеекъ въ пять лѣтъ. Впрочемъ, вѣдь это только говорятъ, и если чужая душа—по-темки, то душа рязановскаго капиталиста—тъма кромѣшная. За то любятъ рязановцы Силу Львовича, что семьянинъ онъ при-мѣрный. Жена у него въ два добрыхъ мужицкихъ объвата, доч-ки всѣ въ нее, дожь что полная чаша, образная—на рѣдкость, въ каждой комнатѣ по кіотъ съ неугасимой лампадой, съ утра до вечера въ домѣ либо жуютъ, либо спятъ во славу Божию. То-ли не доблестные граждане!

Большинство этой честной компаніи, въ ожиданіи прихода хозяина, скучилось около извѣстнаго путника и балагура во всеиъ Воскресенкѣ, тоже не послѣдняго денежнаго туза Якова Андре-евича Полосатина. Субъектъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ заслу-живаетъ вниманія. Ростомъ онъ несравненно выше любого там-буръ-мажора во всѣхъ европейскихъ полкахъ; тучностью, отgorm-ленностью и неряшествомъ онъ превзойдетъ всякихъ свиней Англiи и Бельгiи, изумлявшихъ публику на всемирныхъ выстав-кахъ Лондона, Парижа и Вѣны своимъ великолѣпнымъ свин-ствомъ. На его плоскомъ, луно-кругломъ лицѣ красно-багроваго цвѣта отсутствовала всякая растительность; вмѣсто бровей, надъ

заплывшими крошечными карими глазками шли двѣ бѣлесоватяя полоса; носъ какъ-бы утопалъ въ подушкообразныхъ, ожирѣвшихъ щекахъ и непосредственно отъ постоянно полуоткрытаго рта начинался зобоподобный подбородокъ, тремя ярусами спадавшій на грудь; шея положительно не существовало; его грузное, упитанное чрево покрывало его колѣни, когда Яковъ Андреевичъ тяжело опускался, но не иначе, какъ на два вмѣстѣ составленные стула. Даже въ состояніи абсолютнаго покоя его особа сопѣла и хрипѣла, словно шестиведерный самоваръ въ извощичьей харчевнѣ; при малѣйшемъ-же движеніи или звукѣ его хриплаго голоса все это налитое тѣло колыхалось и трепетало, какъ бланманже на блюдѣ въ рукахъ неопытнаго купческаго лакея. Про его силу и обжорство идетъ много разказовъ. Въ молодости, лѣтъ двадцати (теперь ему подь пятьдесятъ), онъ увезъ двадцатипудовую бабу, которою вколачивали сваи въ рѣкѣ, за цѣлую версту и приперъ ею входную дверь въ спальню своей любовницы, а года два назадъ, на макарьевской, т. е. нижегородской ярмаркѣ, въ извѣстномъ рестораниѣ Никиты, на пари съѣлъ по порціи всѣхъ блюдъ, какія значилась въ дневномъ прейсъ-курантиѣ гостиницы, выпивъ при этомъ четыре бутылки разныхъ винъ и съ дюжину рюмокъ водки. Начавши свою карьеру повѣреннымъ по откупу, черезъ пять лѣтъ онъ самъ сдѣлался откупщикомъ, вступивъ сначала въ интимныя отношенія съ гуслицкими литейщиками, которые славились въ былыя счастливыя времена откуповъ отливкою монеты всякаго достоинства, а потомъ, перенесши свою дѣятельность на югъ, къ Нахичевани и сдружившись съ артистами-граверами, вывезъ оттуда, не задолго до окончанія откуповъ, значительныя пачки нефальшивыхъ стурублевокъ. Теперь онъ отдыхаетъ на лаврахъ въ своемъ родномъ городѣ и торгуетъ больше деньгами, хоть для политики и держитъ десятка три винныхъ складовъ и до сотни кабаковъ по своему уѣзду. Впрочемъ, послѣднимъ дѣломъ заправляетъ его единственный сынъ, малый лѣтъ двадцати-пяти, посвященный съ малолѣтства во всѣ тайны немудрой науки спаванія русскаго народа. Законная-же супруга его, мизерная, тихая и недалекая особа, не выходитъ изъ затрапезнаго платья, поглощенная хозяйственными заботами, въ которыхъ угодіе чреву *самого* играетъ первѣйшую роль. За то такихъ богатыхъ запасовъ вяленаго, солепаго, копченаго, варенаго, маринованнаго не

найдете въ цѣломъ городѣ, какъ только въ грязныхъ палатахъ Полосатина. Любятъ его въ городѣ и за веселый нравъ и за острыя слова, а главное—за его хлѣбосолюство. Не было при-
мѣра, чтобъ его гость выходилъ изъ его дома въ полпьяна.

— Ты еще все, старый хрычъ, дышешь! просицѣлъ Яковъ Андреевичъ, принимая отъ Васи неполный стаканъ чаю и доли-
вая его ромомъ.

— Поскрипываю, ваше степенство, вашими святыми молит-
вами, съ поклономъ отвѣтилъ шестидесятилѣтнй Вася.

— Ну-ка, поставь здѣсь графичъ-то.—Полосатицъ указалъ на
столь.—Да садись сюда, къ намъ. Давно я по душѣ съ тобой
не бесѣдовалъ.

— Не ко времени бесѣда, ваше степенство. Хлопотъ полнозъ
ротъ—всѣмъ вамъ, благодѣтелямъ, услужить надо.

— Чего служить, у всякаго руки есть—пальеть, коли вы-
нить захочеть, вина-то—слава те Господи! не придется въ погребъ
бѣжать. Са-а-дись!

— Да самъ придетъ... началъ-было отпѣкиваться Вася.

— А самъ придетъ, тогда и отпустимъ. Безъ разговоровъ
садись, а то, знаешь меня, какъ о запрошломъ годѣ, помнишь,
танцовать заставляю.

Вася покорно опустился на стулъ.

— Слышали, господа, обратился Полосатицъ къ окружающимъ
его гостямъ, — старый-то нашъ грѣховодникъ, Вася, задумалъ
жениться, и на комъ-бы вы думали?—на Матильдѣ Францовнѣ!

Дружнымъ хохотомъ отвѣтили гости. Матильда Францовна
была мѣстной камеліей изъ обрусѣвшихъ пѣнокъ.

— Ахъ, ахъ, ахъ! грѣшно, ваше степенство, напраслину
взводить...

— Напраслину? перебилъ раззахавшагося Васю Полосатицъ.—
А не самъ ты, старый хрычъ, рассказывалъ, что хотѣлъ же-
ниться на аптекарской дочкѣ, а?

— Это было, точно, въ молодости, по малоумію моему. Молю
моего Создателя, что не попустилъ свершѣ сей совершиться.—
Вася перекрестился.—А по моимъ лѣтамъ теперь и въ сонномъ
мечтаніи этакого срама не представляется... и какая такая Ма-
тильда Францовна? я и слуху объ ней не знаю.

— А отчего-же ты на аптекарской дочкѣ не женился? Разлюбилъ, что-ли?

— Нравъ ожесточенный имѣла. Злости несказанной душу имѣла... убоялся! отрывисто заговорилъ старикъ; лицо его побѣдло, глаза заискрились и забѣгали.

— Чего бояться! какъ женой-то бы сдѣлалась и нравъ перемѣнился, подзадоривалъ старика Полосатинъ.

— Не довлѣтъ... невозможно! Писаніе глаголетъ: „не единъ убо звѣрь въ мірѣ подобенъ есть женѣ злѣй. Нѣсть злости паче главы зміи и нѣсть злости паче злости женскія, яко нѣсть глава надъ главу змія и нѣсть злоба надъ злобу жены...“ О, зло зла злѣйшее злая жена! сиѣшно проговорилъ Вася, крестясь и въ то-же время отплевывался.

Зрители готовы были разразиться надъ этой грустной для свѣжаго человѣка тирадой полупомѣшаннаго старика, но, замѣтя подмигиванья Полосатина, осторожно прятали въ кулакъ глупо ослабившіяся лица.

— На-ко вотъ, старина, выпей стаканчикъ, прохладись... Вѣдь не грѣхъ, а? говорилъ Яковъ Андреевичъ, подавая Васѣ стаканъ краснаго вина.— Не бойсь, слабенькое, съ этого не ушьешься, бери-ка!

— Можно!—Вася взялъ стаканъ.—Горе упивающимся не отъ вина! Есть-бо есть и гнѣвомъ упиватися и похотию безнѣстною и сребролюбиемъ, и тщеславіемъ, торжественно произнесъ онъ и выпилъ вино.

— Да! такъ, такъ! балагурилъ Полосатинъ.— Вонъ пишутъ въ газетахъ иностранныхъ, что у насъ браковъ церковныхъ не будетъ, а по контракту: взялъ себѣ бабу на мѣсяць, на два, сколько понравится, а потомъ и шабашъ: бери другую, коли больше полюбилась. Вѣдь хорошо это, а? Какъ думаешь?

— Все это эллинское скверное писаніе, басни суть не коли скверны и нечисты: исповѣдаютъ-бо бѣсовскія шатація, души погубленіе и злокознство! какъ по заученному сыпалъ Вася.

— Какое басни, вѣрно! Вотъ вашему брату лафа-то будетъ, а? Что ты скажешь, а?..

— А то скажу, началъ Вася экзальтированный и блѣдный:— Писаніе речетъ: „блюдите убо, яко ходите, яко дніе лукави суть, мнози-бо престелници изыдоша въ мірѣ...“ но вдругъ оборвался,

заслышавъ условный и знакомый стукъ во входную дверь.— Самъ стучить... благодѣтель пришелъ! проговорилъ онъ робкимъ, упавшимъ голосомъ и поспѣшно бросился съ смежною съ кабинетомъ лакейскую, чтобы отпереть хозяину дверь.

Гости разразились глупымъ смѣхомъ.

Грустное сочувствіе, а не грубый смѣхъ, по-настоящему, должно-бы было вызывать въ рязановцахъ это по-истинѣ жалкое существо, извѣстное въ цѣломъ городѣ подъ кличкой шестидесятилѣтняго Васи. Василий Петровичъ Понкратьевъ—таково его полное имя,—сынъ богатаго купца; въ холеру потерялъ разомъ отца, мать, брата и троихъ сестеръ. Оставшись послѣдникомъ чуть не милліона, когда ему было только двадцать-два года, влюбился безумной любовью въ аптекарскую дочку, расчетливую, хитрую и злую нѣмку. Къ достиженію своей цѣли—обладанія бѣлокурой дочерью Рейна, онъ не видѣлъ никакихъ преградъ, даже принадлежность къ расколу не удерживала его: Вася готовъ былъ перейти въ православіе. Не такъ смотрѣла на его стремленія холодная нѣмка; ея сердце давно принадлежало соотечественнику, одному бѣдному механику, служившему на фабрикѣ Понкратьева, а потому изъ ухаживанія Васи она, при помощи своего аккуратнаго фатера и домовитой мутерхенъ, сдѣлала доходную статью. Нѣмецкое langsam было пущено этимъ осторожнымъ триумвиратомъ. Цѣлый годъ тянулось это дѣло и, наконецъ, когда изъ кармана Васи перешло въ шкатулку аптекаря около ста тысячъ, насталъ послѣдній актъ комедіи. Аптекарь сдалъ свою аптеку новому антрепренеру, механикъ женился на его дочери и всѣ четверомъ уѣхали въ свой родной фатерландъ. Цѣлые шесть мѣсяцевъ пьянствовалъ и кутилъ, во всю ширину русскаго купеческаго разгула, обманутый Вася, пока не осѣлила его бѣлая горячка. Тогда пригрѣлъ его у себя, якобы изъ состраданія, единственный дальній родственникъ, Терентій Кузьмичъ Лекаревъ, окружилъ его всевозможными начетчиками и самъ, какъ ярый раскольникъ, фанатизировалъ его надорванную натуру. Полувыздоровѣвшій Вася отдался изученію книжной бездны премудрости, вель цѣлые два года жизнь чуть не аскета, не ѣлъ мясного, по средамъ и пятницамъ не употреблялъ масла, а въ великую седмицу съѣдалъ въ день по одной просфорѣ. Въ это время Терентій Кузьмичъ управлялъ его разстроенными дѣлами такъ не-

удачно, что долженъ былъ въ убытокъ себѣ приобрести все недвижимое имущество Понератьева, чтобъ заплатить его долги и избавить его отъ банкротства. Смирившійся до зѣла Вася перенесъ этотъ ударъ хладнокровно и облобызалъ руку благодѣтеля, объявившаго, что Вася можетъ жить до скончанія дней своихъ въ его, Декаревѣ, домѣ. Такой образъ жизни помогъ окончательно отупѣнью и безъ того недалекаго Понератьева: если и просыпалась въ немъ иногда его страстная натура и онъ отчаянно кидался въ пьянство и разгулъ, то мощная рука благодѣтеля ввергала его связаннаго въ холодную каморку, гдѣ, вытрезвись, онъ начиналъ снова жизнь полу-идіота, полу-аскета. Благодѣтель при смерти не забылъ Васю и въ духовной завѣщаль, вмѣстѣ со всѣми своими богатствами, и этого несчастнаго единородному своему сыну Кузьмѣ Терентьевичу, приказывая дать пріютъ и столъ, до конца дней, Василию Петровичу. Итакъ, тридцать лѣтъ прожилъ день за день, безъ цѣли, желаній, стремленій этотъ забитый человекъ, питая свой духъ разными старопечатными мудрствованіями, являясь посмѣшищемъ всевозможныхъ Полосатинныхъ, благоговѣя до робости передъ своими благодѣтелями, какъ батюшкой, такъ равно и сыномъ, и служа имъ въ качествѣ двуногаго пса, днемъ и ночью сторожащаго ихъ замураванную въ стѣну кассу. Одного не осилилъ онъ своимъ смиреніемъ—это ненависти къ женщинамъ. При напомниманіи-же ему исторіи его несчастной любви онъ обращался въ полупомѣшаннаго, сыпалъ изрѣченіями священнаго писанія, открещивался и отплевывался и кончалъ тѣмъ, что или заболѣвалъ, падая въ истерику, или напивался до положенія ризъ.

Приходъ хозяина, къ досадѣ Полосатина и всѣхъ *при-
смыхъ*, прервалъ эту грустную траги-комедію и спасъ на этотъ разъ Васю отъ лишняго припадка. Кузьма Терентьевичъ вошелъ бойко, съ маленькимъ развальцемъ и брюхомъ впередъ. Это былъ мужчина лѣтъ подъ пятьдесятъ, порядочно длинный, основательно плотный, съ небольшимъ брюшкомъ, вершковъ девяти не больше, и никакъ не менѣе чудовъ семи по вѣсу. Свѣтлорусые волосы лежали на головѣ красиво, не нуждаясь ни въ излишнемъ трепаньѣ, ни въ усиленномъ приглаживаньѣ. Изъ небольшой свѣтлорусой бороды, какъ изъ рамки, выглядывало рябое, нѣсколько грубоватое и угловатое лицо. До-

статочпо масляные, сѣрые, вѣчно прищуренные глазки, какъ-будто смѣялись, тогда-какъ на губахъ бродила не то улыбка, не то гримаса, хитрая и добродушная, грустная и насмѣшливая. Оля былъ одѣтъ, какъ и гости, въ фракную пару; на самой срединѣ груди, на батистовой гофрированной сорочкѣ красовался, спущенный съ шеи на широкой лентѣ, анненскій крестъ.

— Фу, усталъ!.. Здорово, присные! Всѣ-ли собрались? весело говорилъ хозяинъ, пожимая руки гостей. — А, и ты, слопъ, здѣсь! Вотъ спасибо, а я, признаться, думалъ, что не придешь, больно зѣвалъ за ужиномъ, обратился онъ, трепля по-пріятельски, по плечу Полосатина.

— Да и то, братъ, не пришелъ-бы, да соблазнь-то великъ. Ты намедни съ хвастался, что получилъ ящикъ кло-де-вужо... ну, и осилилъ сонъ — притащился отвѣдать *особеннаго*... Вели подать.

— Вася! крикнулъ Лекаревъ. — Что-же ты не угощаешь? подавай!

— Сейчасъ, благодѣтель, сейчасъ! опрометью выбѣжавши изъ передней откликнулся Вася и началъ отыскивать требуемое вино въ батареѣ бутылокъ.

— Что, усталъ, чай, добре? обратился заискивающимъ тономъ Сила Львовичъ Кудесниковъ къ хозяину. — Ну-ка всю эту ораву напоить, накормить, ласковымъ словомъ привѣтить... Да хоша разошлись-ли всѣ? Вѣдь ужъ второй часъ.

— Всѣ, всѣ разошлись! весело отвѣтилъ Лекаревъ. — Признаться, пуще всѣхъ надоѣлъ мнѣ этотъ дровокать Переверзинъ; присталъ послѣ ужина: дай я ему займы, значить безъ отдачи, тысячу рублей. Я, говоритъ, для васъ три дня рѣчь сочинялъ, все одно, что на защитѣ былъ... Насилу отдѣлался—спасибо, судебный приставъ, его пріятель, подвернулся, отцѣпилъ его отъ меня; велѣлъ имъ шипучки бутылку поставить, чтобъ глотку-то залить... Тоже, артисты!.. Да что-же мы, *присные*, стоимъ всѣ во фракахъ-то да орденахъ, словно губернатора ждемъ? Я, съ вашего позволенія, надѣну халатъ, обратился онъ къ гостямъ.

— Разоблачайся, ребята! громогласно просипѣлъ Полосатинъ.

Гости со смѣхомъ снимали фраки, ордена и медали. Лекаревъ облекся въ засаленный такъ-называемый *бухарскій* халатъ, которыми снабжаютъ небогатыхъ петербургскихъ чиновни-

ковъ казанскіе татары, торгующіе въ разность. Не сняли только своихъ фраковъ Кудесниковъ да Подъехинъ.

— А вы что-же? обратился хозяинъ къ послѣднему.

— Нѣтъ, знаете, мнѣ сегодня что-то не по себѣ — точно знобить меня, отвѣчалъ Савва Антипичъ.

— Оставь его! засипѣлъ Полосатинъ, сидѣвшій безъ фрака и жилета, въ одной разстегнутой сорочкѣ, — онъ не сниметъ: у него подъ фракомъ-то надѣтъ корсетъ, ему мамзель его сшила, ха-ха-ха!

Все общество захохотало.

— Ишь, завылъ, слонъ! отделинулся Подъехинъ, вставая съ дивана и подходя къ балагуру. — Что, али вино-то больно хорошо, что и сонъ прошолъ? Дай-ка попробовать? заминалъ онъ непріятный хохотъ.

— Такъ, Антоничъ, хорошо, что на рѣдкость! Почемъ за бутылку платилъ, Куза?

— Девять безъ провоза, отвѣчалъ Кузьма Терентьевичъ, наливая себѣ и Подъехину стаканы.

— Цѣна хорошая, а стоитъ! смакуя и разсматривая цвѣтъ вина черезъ свѣчу съ видомъ знатока, проговорилъ Яковъ Андреевичъ.

— Что-же, *присные*, время драгоцѣнно: не благоугодно-ли начать? предложилъ хозяинъ, подходя къ одному изъ ломберныхъ столовъ и взявъ въ руки карты.

Гости зашевелились, поднимался съ мѣсть.

— Господа, повремените минуточку: пока не засѣли въ плотную, надо маленькое дѣльцо обсудить, насчетъ нашего театра, оставивъ общее движеніе визгливый фальцетъ Кудесникова.

— Что, что такое? что случилось? раздались голоса гостей, окружившихъ невзрачную фигуру Силы Львовича.

— Вамъ, почтеннѣйшій Кузьма Терентьевичъ, какъ нашему головѣ, жалуюсь, а васъ, господа общественники, прошу — разсудите, потому дѣло это послѣднее, такъ сказать, срамъ, одинъ соблазнъ и, можно сказать, просто, мораль на все купечество... вольнодуміе на цѣлый городъ! зарпортовался Кудесниковъ.

— Пстой, пстой! закричалъ Полосатинъ. — Ты слова-то не набирай, говори дѣло, не размазывай, вѣдь мы не въ судѣ присажные, а ты не дровакать; въ чемъ толкъ-то?

— А въ томъ толкъ, что разрѣшили въ нашемъ городѣ театр только на одинъ соблазнъ да на обиду честныхъ людей, обиженнымъ тономъ продолжалъ Сила Львовичъ.— Имѣю я себѣ шестьдесятъ лѣтъ, проживаю въ своемъ городѣ честно и благородно, какъ слѣдуетъ степенному гражданину, можно сказать, отъ самого высшаго начальства одно почтеніе видѣлъ и вдругъ черезъ этотъ поганый театр такое поношеніе. Выѣхалъ я нонѣ поутру въ проѣздку въ кругъ, на площадь, какъ быть слѣдуетъ благородно, на парѣ. Только въ народъ-то, въ толпу пробрались, шагъ за шагомъ, осторожно ѣдемъ, какъ загомонять, засвищутъ разные стряпціе да фабричныя пропойцы: ги, га-а. Котъ, мошь, выѣхалъ! Коту наше почтеніе! Не все коту масляница!.. А народъ-то кругомъ грегочеть да пальцами на меня указываетъ; жена сидитъ, выбѣлѣла вся, дрожитъ, словно ее лихманка бьетъ. Я кучеру шепнулъ потихоньку, чтобъ своротить въ переулочъ да ѣхать домой, а хохоть-то мнѣ вслѣдъ пуще, фабричныя повошачьи мяукаютъ, пищать, а стряпціе на всю площадь орутъ: что, мошь, котъ на утекъ пошелъ! отошла коту масляница! Завернули въ переулочъ, рассуждаемъ мы съ Ульяной Никитишной, что-де за оказія такая, съ чего-де такое названье фабричныя придумали? понять не можемъ.

— Придумали въ самый разъ: ты посмотри-ка въ зеркало-то, какъ есть кошечья образина, перебилъ рассказчика Полосатинъ.— Да и когти-то у тебя извѣстныя, многихъ поцарапалъ! прибавилъ онъ, залившись густымъ смѣхомъ.

Нѣкоторые изъ гостей робко фыркнули. Кудесниковъ сначала вспыхнулъ, а потомъ мертвецки поблѣднѣлъ.

— Тебѣ-бы, свиной тушѣ, только глотку драть! У тебя семейство только и есть, что одинъ сынъ; про васъ, балбесовъ, что хошь говори — васъ не убудеть, а у кого въ семьѣ дѣвки на возрастъ, такъ отъ этой морали не до смѣху! дрожащимъ отъ злости голосомъ проговорилъ онъ, злобно посматривая на Полосатина.

— Полно тебѣ, Яша; не къ мѣсту шутки! мягко замѣтилъ хозяинъ.— На старикѣ лица нѣтъ... тутъ дѣло въ сурьезъ, Досказывай, досказывай, Сила Львовичъ, нечего на него смотрѣть, вѣдь онъ не отъ сердца, а ради краснаго словца... балагуръ извѣстный! успокоивалъ онъ Кудесникова.

— Молчи, слонъ!.. Говорите, Сила Львовичъ, говорите! Эка слоновая пасть! сочувственно заговорили гости, заинтересованные рассказомъ.

— Только въ этомъ самомъ сумлѣннѣ прїѣзжаемъ мы съ Ульяной Никитишной домой, входимъ обнаковенно съ чернаго крыльца, черезъ куфню; встрѣла насъ куфарка Арина. Завидѣла меня, какъ вдарится вдругъ въ слезы, начнетъ причитать, а сама востъ-разливается, словъ-то ея понять не могу. Что, думаю, за притча такая: ужъ не хватила-ли баба для праздника лишнее? Выругалъ ее да и говорю женѣ: спроси, дескать, чего она ошалѣла, а самъ пошелъ въ покон. Отдалъ дѣвкѣ шубу. Гдѣ, спрашиваю, дочери? Въ залѣ, говорить, сидятъ. Посмотрѣлъ ей въ лицо, вижу—въ глаза не глядитъ, отворачивается и словно бы прыснуть со смѣху хочетъ, однако, шубу приняла и унесла, все какъ слѣдуетъ. Я—въ залу; отворилъ дверь и даже оробѣлъ: на дочеряхъ лица нѣтъ, глаза опухли, сами изъ себя красныя, точно сейчасъ съ полка слѣзли. Какъ бросятся онѣ ко мнѣ на шею да заревутъ въ два голоса! Я говорю имъ: что вы, дуры, чего ревете, али обидѣлъ кто васъ? Тятишка, говорятъ, такую вчера въ театрѣ про васъ мораль пуцали, что просто страсть. Связываютъ, какъ только главный-то комедьянщикъ вышелъ передъ публику, словно вотъ вы, такъ всѣ и захопали въ ладоши, а фабричане-то кричатъ: „нашъ Сила Львовичъ!.. Будесниковъ!.. Котъ!.. Кудесниковъ, чудесно, хорошо!“ Кто, спрашиваю, вамъ рассказывалъ-то про это? Николаша Погорѣлый, говорятъ, приходилъ, все и рассказалъ, самъ въ театрѣ былъ. Никакъ я всего-то въ толкѣ стъ ихъ не могу взять за ихъ слезами бабьими, и только было хотѣлъ поразспросить ихъ хорошенько, какъ вбѣгаетъ моя Ульяна Никитишна—глаза на лбу, ничего не видить. Въ Сибирь, кричить, этого комедьянщика; жива не буду, въ Сибирь упеку, а театру чтобъ и духу не было, сожечь его надо! Я было зыкнулъ — куда тебѣ; баба она сырая, тучная, голосистая; обхватила за шею своихъ дочерей да какъ взвыла бѣлугой! а тѣ, глядя на нее, пуще, да какъ въ три-то голоса завели, хоть святыхъ вопъ выноси. Ушелъ я въ контору, плюнувши со злости. Послалъ за Николкой Погорѣлымъ,—онъ у меня никакъ годовъ пять въ племянникахъ жилъ,—чтобъ разъяснилъ онъ доподлинно въ чемъ вся суть. Онъ мнѣ и растолковалъ.

Есть такая комедія, что на театрѣ представляютъ, и названіе ей дано: „Не все коту масляница“, гдѣ то-есть паше, купеческое, общество осрамлено, какъ лучше требовать нельзя, и главный комедіянтчикъ приставляетъ нашего брата, степеннаго куца, что ни на есть въ позорномъ видѣ. Вотъ и вздумалъ этотъ комедіянтчикъ...

— Ахтеръ, а не комедіянтчикъ! хриплю перебиваетъ рассказчика Полосатинъ.

— Ну тебѣ къ ляху! Ахтеръ, комедіянтчикъ—не все одной Фамилія ему Орловъ, продолжаетъ Кудесниковъ, — вздумалъ на потѣху публики опозорить меня. Какой тамъ у нихъ бѣсовскій парикъ, что-ли, называется, Николка сказывалъ,—на голову падѣлъ сѣдой, бороду наклеилъ, какъ есть моя, казипетовый сертукъ, синенькій, какъ у меня-же, напаялилъ, взялъ въ руки этакой-же клѣтчатый платокъ, рожу, ужъ прахъ ихъ знаетъ какъ, всю въ рябипахъ поддѣлалъ, на бисерной цѣпочкѣ этакіе-же часы на себя навѣсилъ (Сила Львовичъ для чего-то показалъ свои дѣдовскіе серебряные, луковицеобразные часы) — да и вышелъ передъ публику. Что ужъ тутъ было и описать невозможно. Племяшъ, говорить, испужался, думалъ, что и театръ-то ихъ поганый весь развалится. Съ полчаса, сказываютъ, этому комедіянтчику треклятому говорить не давали: публика-то почище въ ладоши била, а фабричная ошвырь, да стрюцкіе все меня полямиъ именемъ выкликали. На что-же это похоже, господа общественники, скажите? Въ какой мы такой безсудной Палестинѣ живемъ, что честныхъ людей на всю публику на театрѣ позорятъ? Въдѣ у меня двѣ дочери въ дѣвкахъ, невѣсты... кто польстится ихъ замужъ взять послѣ этакой морали? Развѣ заблужденный какой. Опять, за что же я-то терплю? Ну-те-ка, фабричные, иразь, можно сказать, и тѣ на площади, при всемъ народѣ, уськаютъ, пальцами указываютъ да котомъ обзываютъ. Съ чѣмъ это схоже? Прежде всѣ въ поляхъ кланялись, куда ни покажусь, а теперь на-ко: котъ! Вы, Кузьма Терентьевичъ, этого дѣла не оставьте, прошу я васъ, потому сегодня меня опозорили, а завтра и васъ на смѣхъ поднимутъ.

Съ жаромъ, размахивая руками, говорилъ расходившійся Кудесниковъ.

— Это вѣрно; важнаго могутъ просмѣять... Мораль на все

купечество! При томъ этихъ комедлянщиковъ надо... Выдумали бѣсовскую потѣху—театръ!.. Мало имъ клуба!.. Раззорюль раззорить надо этотъ театръ, раздались недовольные голоса гостей.

— Да, дѣло щекотливое! какъ-бы разъяшлял произнесъ хозяинъ.

— Ужь на что щекотливѣе! Какіе-же мы послѣ всего этого общественники и коммерсанты, когда всякая голоштапная сволочь насъ на театрахъ на смѣхъ и на позоръ будетъ поднимать, горячился Кудесниковъ.

— Да, дѣло щекот-ли вое! Надо съ адвокатомъ посовѣтоваться, произнесъ Декаревъ, крутя усь.

— Совѣтовался, послалъ за нашимъ аблакатомъ, откликнулся Кудесниковъ.

— Ну, и что же?

— Говорить, судебнымъ порядкомъ невозможно, потому, во-первыхъ, что онъ будетъ правъ, Орловъ-то, комедлянщикъ-то этотъ, такъ-какъ у него роля такая, а во-вторыхъ, говорить, чтобъ хуже не надѣлать, потому въ газетахъ отпечатають, пойдетъ огласка на всю Россію.

— Вретъ онъ, твой дровокать, завопилъ точно со сна проснувшійся Полосатинъ, — тщи этого ахтера прямо къ мировому да и вся недолга, всѣ мы въ свидѣтели пойдемъ.

— Что твой мировой! возразилъ ему Поддѣхинъ.—Развѣ онъ нашу руку держитъ? Трясоволочки не смѣй дать фабричному, сейчасъ съ тебя штрафъ. Я, можетъ, не одну сотню переплатилъ,—какое сотню! — тысячи, чтобъ только ему не жаловались. Срамота! А еще именитыми гражданами называеся.

— А кто виноватъ? громогласно вступилъ въ разговоръ хозяинъ.—Вы же сами. Говорилъ тогда передъ выборами — прокатите Гуринова... Представлялъ вамъ тогда Дубинина и цензъ ему далъ, звалъ, что малый безъ средъ твѣ, насъ будетъ держать... Не послушались, выбрали Гуринова, вотъ теперь и казнитесь.

— Дѣло было вновь; теперь ужъ онъ у насъ прокатится на вороньхъ. Одинъ я ему партійку подберу—не устоитъ... А ваше дѣло, Сила Львовичъ, надо бросить; оно такъ подъ шумокъ и изойдетъ, а поднимите—это вѣрно, хуже будетъ, огласка пойдетъ! совѣтовалъ Поддѣхинъ.

— Броси-ить? Да скорѣе же я вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ пропаду, какъ червь подколодный, чѣмъ свой срамъ такъ оставлю! съ ехидствомъ въ бѣгающихъ глазахъ проговорилъ Кудесниковъ. — Десять тысячъ положу, да ужъ упеку этого комедьянщика, да и театру этого самаго праху не оставлю!

— Чѣмъ десять-то тысячъ видать, ты вотъ что лучше: дай радужную-другую моимъ парнямъ при складѣ, они выберутъ ночку потемнѣе да переулочекъ поглуше, да такую трепку этому ахтеру зададутъ, что, какъ съ отбитыми печенками домой притащится, такъ забудетъ нашего брата на смѣхъ поднимать; а у меня парни теплые, не выдадутъ, у нихъ все одно, что въ могилѣ—умерло, предложилъ Полосатинъ.

— Думалъ я объ этомъ, голубчикъ, точно. Не трудно оно подѣлать, да толкъ-то въ этомъ небольшой. Ну, одному комедьянщику отобьешь печенки, другой найдется. Нѣтъ, надо съ театромъ порѣшиться, вотъ что! отозвался Сйла Львовичъ.

— Нѣтъ, вотъ что, *присные*, надо намъ всѣмъ заказать фабричнымъ въ этотъ театръ ходить и пусть прикащики наблюдаютъ, ежели который фабричный ногой туда, сейчасъ его вонъ и подь *круговую* подвести, чтобъ ни на одной фабрикѣ не взяли, подалъ свое мнѣніе одинъ изъ гостей.

— Я своимъ заказалъ, дружище, и восемнадцать человекъ прогналъ, да вѣдь этимъ ничего не подѣлаешь, отозвался Сйла Львовичъ:—ну, фабричные въ театръ не пойдутъ, наши *присные*, озолоти ихъ золотомъ, такъ туда не заглянуть, такъ и безъ нихъ развѣ мало мірянъ-то и всякаго гулящаго у насъ народа?

— А по-нашему, по-старинному, чтобъ разговоръ поменьше было, надо-бы этотъ самый театръ поганый изморомъ пустить, прошамкалъ сѣдой старикъ съ большой бородой, медленно подходя къ Кудесникову.

— Какъ такъ, какъ это изморомъ? спросило нѣсколько гостей.

— А вотъ какъ: годковъ десятокъ поболѣе проявился у насъ въ городу тоже вотъ этакій хватъ, что на степенныхъ гражданъ мораль пущалъ, въ газеты отпечатывалъ. Только тотъ не этому чета, не прощальга какая былъ, а учитель, въ маіорскомъ чинѣ. Да ты, чай, Сйла Львовичъ, помнишь: Забѣлянский по фамиліи. Пробовали было сначала на деньгу взять—не пошелъ. Печаталъ,

печатадь, да и задѣль въ вѣдомостяхъ-то нашего покойника свѣта Линдовскаго; тотъ не долго думалъ и махнулъ въ Питерь. Мѣсяца не прошло, глядь-поглядъ перевели нашего печатальщика въ западную Сибирь. Такъ-то, сударьки, тихонько да изморомъ надо дѣлшки обдѣлывать. Покопайтесь-ка—можетъ, этотъ театръ по ветхости дома али по опасности насчетъ пожарнаго случая и прикрыть можно, а то и совсѣмъ запечатать. Раскиньте-ка умомъ-то тихохонько да смирихонько, безъ горячки,—дѣло-то и облубуете.

— Молодецъ, Данилычъ! весело потрепавъ по плечу, произнесъ хозяинъ.—Видно, что ратманомъ въ магистратѣ служилъ, научилъ уму-разуму. Успокойся, Сила Львовичъ, театръ этотъ мы закроемъ, дай только масляной пройти. Во-первыхъ, онъ опасенъ, потому что деревянный, устроенъ въ простомъ домѣ, худо приспособленъ къ публичному представленію, потому имѣетъ всего два выхода и примыкаетъ однимъ бокомъ къ старому дому мѣщанки Коптиловой. Подберемъ, будь спозвоенъ!

— А завтра закрыть его нельзя? полюбопытствовалъ Будесниковъ.

— Видишь ты, какой прыткой! Надо все по формѣ сдѣлать: осмотръ, постановленіе, архитектора пригласить. Нельзя завтра: театръ сданъ по контракту на годъ.

— Подавись ты моими пятью стами, а ужъ срамиться не позволю! воскликнулъ Сила Львовичъ, махнувъ рукой.

— Какими пятью стами, что ты мелешь? спросилъ изумленно Лекаревъ.

— Да ужъ я передъ вами признаюсь, *присные*: содержатель-то театра вчера объявилъ при публикѣ, что у нихъ сегодня и завтра эту комедію, то-есть „Кота“, приставлять станутъ, а сегодня объ завтрашнемъ театрѣ и вывѣску вывѣсилъ. Ну я, чтобъ разговоровъ-то помень было, послалъ къ театральному содержанию нашего аблаката, чтобъ больше этого „Кота“ не приставляли. Можно, говорить, за пятьсотъ рублей другую комедію разыграть; пушай, говорить, вывѣска виситъ до самаго завтрашняго вечера, коли, говорить, принесете къ шести часамъ пятьсотъ рублей такъ мы объявимъ публикѣ и сыграемъ другую штуку, а коли, говорить, не представите денегъ, опять „Кота“ при-

ставлять станемъ. Вотъ я и порѣшилъ теперь отдать разбойникамъ пятьсотъ, пусть давится.

— А все-таки, братъ, этому Орлову я-бы на твоёмъ мѣстѣ замѣтку на всю жизнь положилъ, пусть-бы помнилъ науку... перебилъ Полосатинъ рѣчь Кудесникова.

— Полно тебѣ, слонъ, совѣты давать; садись-ка лучше понтировать. *Присные*, милости прошу, я закладываю... Попытай-ка и ты счастья, Сила Львовичъ, на радостяхъ, что твое дѣльцо такъ ловко обмыслили, приглашалъ радушно Кузьма Терентьевичъ.

— Подвиньте столъ-то къ дивану, а то не ловко сидѣть! просилъ Полосатинъ. — Только, Кузя, чуръ, уговоръ лучше денегъ: платиться кредитками, а то ты, пожалуй, вздумаетъ расплачиваться акціями нашей желѣзной дороги по номинальной цѣнѣ, какъ съ своими кредиторами расплатился, такъ слуга покорный, поищи по-дешевле!

— Ну тебя, не ври пустого! недовольнымъ тономъ откликнулся Лекаревъ.

— А, не любишь? трунилъ Полосатинъ.

— Чего не любишь? вспыхнулъ Лекаревъ. — Что я смощенничалъ, что-ли, съ акціями-то?.. вамъ-же, дуракамъ, построилъ желѣзную дорогу, а безъ меня и теперь-бы въ грязи барахтались да по два мѣсяца товаръ на макарьевскую на лошадяхъ возили.

— Ладно, толкуй... Мы знаемъ, что знаемъ! Тоже дураки, дураки, а калачъ ѣдали, подзадоривалъ уже подвыпившій Полосатинъ.

— Что ты знаешь? Ничего ты не знаешь! Чтобъ ты мнѣ этими акціями глазъ не моголилъ, хочешь, я вотъ при всѣхъ *присныхъ* тебѣ всю эту операцію изложу, какъ есть на чистоту, безъ казсваго конца? горячился Кузьма Терентьевичъ.

— Вали, послушаемъ! Ва-а-ли! ломался Полосатинъ.

— Изволь. Нужна намъ была чугунка? Нужна. Коли-бы я не оставилъ за собой на три съ половиной милена акцій, дорога-бы не выстроилась, а? Ну-же отвѣчай, слонъ, что примолкъ съ жаромъ допрашивалъ хозяинъ.

— Не выстроилась-бы. А много-ли у тебя теперя акцій этихъ? въ свою очередь, спросилъ спокойно Полосатинъ.

— Ни одной.

— А кому ты ихъ роздалъ? За хлопокъ да за разный товаръ кредиторамъ, отвѣчу я за тебя. А расплачивался ты ими рупь за рупь, а на биржѣ-то по пятидесяти копеекъ покупателя съ огнемъ не сыщешь. Что-жь это выходитъ, а? нахально смотря въ глаза Лекареву, въ свою очередь, допрашивалъ Полосатинъ.

Лекарева передернуло; онъ, видимо, недоумѣвалъ, какъ принять допросъ пріятеля: за свойственную-ли ему грубую шутку или за предумышленную непріятность. Вмѣшавшійся въ разговоръ Данильчъ прекратилъ это натянутое положеніе.

— Выходить это, Яковъ Андреичъ, — коммерція. За воротъ вѣдь Кузьма Терентьичъ кредиторовъ не бралъ, а коли акціи принимали въ расчетъ, значить дѣло любовное. Воронъ ворону глаза не выклюнетъ. Такъ-то, сударьки мои: на этомъ свѣтъ держится. Кто раньше всталъ да палку взялъ — тотъ и вапралъ, говорить пословица. Такъ-то! проговорилъ онъ наставительно и отошелъ къ сторонкѣ.

— Кузя, подь сюда! ласково подзываетъ къ себѣ Полосатинъ.

— Ну тебѣ, только въ сердца ввелъ! отозвался хозяинъ, распечатывая колоды и выцувъ изъ объемистаго бумажника толстую пачку ассигнацій.

Полосатинъ всталъ, медленно подошелъ къ столу, крѣпко обнялъ Лекарева и поцѣловалъ его:

— Люблю я тебя, дьяволь; уменъ больно, а ужъ разсердить — разсержу, потому на томъ стою... Ну, выпьемъ да и за дѣло! Вася, давай-ка сюда особеннаго! распорядился онъ и грузно опустился на диванъ, къ которому переставили столъ.

Пріятели выпили по стакану вина, чѣмъ заключилась мировая. Гости раздѣлились на двѣ группы. Къ столу около дивана сѣло человекъ восемь, въ томъ числѣ и хозяинъ; около двухъ другихъ, составленныхъ вмѣстѣ, размѣстились остальные. Подъѣхинъ посматривалъ въ нерѣшимости на оба стола, колеблясь отдать предпочтеніе банку передъ тринкой.

— Чего ты шлешься-то на одномъ мѣстѣ, словно меринъ порывистый? садись къ намъ! замѣтилъ ему Полосатинъ.

— Да я понтировать-то не мастеръ... замылся Подъѣхинъ.

— Такъ мечите, я готовъ понтировать, предложилъ хозяинъ.

— Ну пѣтъ, братъ, я не согласенъ! У Антипыча больно перстень блеститъ, какъ-разъ шестерку за семерку примешь, либо

тройку за двойку... Онъ глаза умѣетъ отводить, ха, ха, ха! подсмѣивался Полосатинъ.

— Ну, да ладно, ладно! давайте понтерки, согласился Подъехинъ, опускаясь на диванъ рядомъ съ балагуромъ.

— Вася! понтерокъ подай да вынь тамъ *размъну*, указавъ глазами на кассу и подавая ключъ, распорядился Лекаревъ.

Вася подаль цѣлую дюжину колодъ игранныхъ картъ для понтерокъ и отперъ одну изъ четырехъ дверокъ кассоваго шкафа, чтобъ достать *размъну*, т. е. мелкихъ ассигнацій и серебра; рѣзкій металлическій звонъ раздался по всей комнатѣ, лишь только онъ повернулъ ключъ въ замочной скважинѣ.

— Ишь затрзвонили, словно архіерей къ собору ѣдетъ! състрилъ Полосатинъ.

Общество захохотало. Вася вынулъ чуть не охапку пачекъ рублевыхъ ассигнацій и объемистый мѣшокъ серебра и поднесъ къ хозяину.

— Сложи вонъ туда, на столъ.—(Лекаревъ указалъ на длинный столъ, служащій буфетомъ.)—Сиди тамъ да и размѣнивай, кому понадобится.

— Ну, *присные*, я мечу качаловскій, отвѣтнй! обратился онъ къ игрокамъ.—Бумаги пойдутъ по курсу и биржевой цѣнѣ; у кого капиталовъ въ наличности не станетъ, милости просимъ занять, вексельной бумаги у меня запасъ достаточный, проценты законные, трунилъ весело Кузьма Терентьевичъ.

— Да хоть-бы одинъ мѣлокъ дали, заявилъ Подъехинъ.

— Ну, это будетъ вчера. Знаешь эти мѣлки-то: одинъ зазоръ! Поди, споръ съ тобой, какъ и о запрошлй разъ, что тутъ написано: нуль али девять, возразилъ Полосатинъ.

— Гнутъся не ловко, я съ мирондолью люблю идти да съ очкомъ; безъ мѣлка какъ-разъ собьешься, да и кропотно считать, настаивалъ Подъехинъ.

— Чего ты торопишься-то: надъ нами не каплетъ!.. А коли въ умѣ сосчитать не можешь — карандашъ да бумажку возьми, да и выложи на цифрахъ, совѣтовалъ Яковъ Андреевичъ.—А игру вести безъ мѣлка у насъ положено свято и ненарушимо.

— Ну, господа, ставьте, у меня готово! перетасовавши колоду и предлагая срѣзать, провозгласилъ ждзяинъ, предварительно положивши передъ собой нѣсколько пачекъ сторублевокъ.

Банкъ начался по маленькой; одинъ Полосатинъ поставилъ радужную, торжественно проговоривъ: „полусотенная на картѣ, десять рублей очко!“ Остальные партнеры пошли семпелями отъ трехъ до десяти рублей. *Трынка*, самая любимая среди купечества и достаточно азартная игра, устроилась на другомъ столѣ, въ самыхъ благоразумныхъ размѣрахъ. Игроки условились, чтобъ первоначальная ставка не превышала трехъ рублей; *темнить*, т. е. увеличивать ставку, несмотря въ карты, рѣшено было одинъ кругъ обязательно, но съ тѣмъ, чтобъ каждый партнеръ *темнилъ* не болѣе, какъ пятью рублями. Обставленная даже такими условіями, каждая партія этой игры, длящаяся не болѣе пяти минутъ, давала въ результатъ выигрышъ въ одни руки не менѣе полутора, двухсотъ рублей, и то при полномъ хладнокровіи и расчетливости игроковъ; при малѣйшемъ-же рискѣ, а тѣмъ болѣе азартѣ, проигрышъ и выигрышъ могъ принять тысячные размѣры. Ни банкъ, ни тринка какъ-то не клеились; игра шла вяло, робко; игроки сосредоточились на расчетахъ, нерѣшительно вынимали ассигнаціи изъ бумажниковъ и тотчасъ-же прятали послѣдніе въ боковые карманы. Кудесниковъ-же всякій разъ, когда приходилось ему доставать листъ синей сахарной бумаги, въ которомъ хранились деньги и который исполнялъ у него обязанность портфеля, отворачивался отъ игроковъ и, стоя къ нимъ спиной, выбиралъ требуемую кредитку, точно распоряжался чужими капиталами или боялся, чтобъ ихъ отъ него не отняли. Такое далеко не масляничное настроеніе всего общества прежде всѣхъ обратило вниманіе Полосатина, которому окончателно не везло въ банкъ: каждую его карту Лекаревъ билъ съ ониковъ.

— Да что вы, братцы, онѣмѣли, что-ли? завопилъ онъ на всю комнату. — Сидимъ, словно молчальники! ни гласу, ни послушанія отъ васъ не слышно!

Нѣкоторые изъ игроковъ въ тринку на минуту вскинули глаза на Полосатина и вновь устремили ихъ на карты, соображая свое количество очковъ и шансы встрѣтить меньшее у противника.

— Нѣтъ, видно, съ вами надо по-свойски! продолжалъ онъ, вставая съ дивана. — Ты, Кузя, погоди талію-то метать, вотъ я съ мольчальниками расправлюсь, развяжу имъ языки-то. Ты, ратманъ, что не играешь? обратился Полосатинъ къ Даниловичу, который одинъ изъ всѣхъ гостей не принималъ участія въ игрѣ,

хоть и зорко слѣдилъ за ходомъ ея, сидя рядомъ съ Кудесниковымъ.

— Да что-то не охота, Андреичь!..

— А вотъ я вамъ сейчасъ покажу охоту! перебилъ онъ Данилыча, подходя къ столу. Партія тринки кончилась, приходилось сдавать Кудесникову.— Стой ты, погоди сдавать! взявши колоды изъ рукъ послѣдняго и положивши ее себѣ въ карманъ, распорядился Яковъ Андреевичъ.— Кто взялъ тринку?

— Я! отозвался одинъ изъ гостей.

— Вася! Тащи сюда рюмку коньяку, по-аппетитнѣй, пусть выпьетъ на радостяхъ. А вы всѣ, обратился онъ къ игрокамъ тринки,— обязаны выпить по стакану шипучки за то, что проиграли. Есть, Кузя, шипучка?

— Цѣлый ящикъ подъ столомъ стоитъ: замороженное и во льду, отвѣтилъ Лекаревъ.

— Важно! А тебя, Данилычъ, за то, что не играешь, назначаю виночерніемъ. Тащи сюда каждому по стакану, помогай Васѣ, да слѣди, чтобъ послѣ каждой партіи мой новый законъ соблюдался въ точности, а коли проглядишь — тебя одного за всѣхъ заставлю пить.

— Ахъ, ты чудило-мученикъ!.. Чего не выдумаетъ! Слонь, слонъ и есть... Да ну тебя, давай карты-то! весело толковали гости.

— А вотъ выпьемъ вообще, тогда и отдамъ, а раньше ни ни! Давай-ка, давай сюда бутылку-то... Разставляй стаканы-то... А, вотъ и коньякъ. Ну-ка, Господи благослови, начинай счастливецъ! бормоталъ Полосатинъ, подавая выигравшему большую рюмку коньяку, въ то время, какъ Данилычъ разставлялъ стаканы, а Вася раскупоривалъ бутылку шампанскаго. Выигравшій выпилъ.

— Это за то, что выигралъ, а теперь стаканчикъ шипучаго опрокинь для того, чтобъ не обыгрывать!

При общемъ хохотѣ и этотъ стаканъ, поднесенный Полосатинымъ къ самому рту выигравшаго, былъ выпить залпомъ.

— Вотъ это лихо!.. Это люблю! Теперь, Кузя, очередь за тобой. У меня по всѣмъ играмъ одинъ законъ. Вали!

Хохотъ усилился.

— Коли такой законъ для всѣхъ, пельзя! всѣ подъ зако-

номъ ходимъ! отвѣтилъ хозяинъ и вслѣдъ за проглоченной рюмкой коньяку вытянулъ тонкой струей весь стаканъ шампанскаго.

— Вотъ это въ правилѣ, какъ быть слѣдуетъ!.. Напоследокъ всѣ вообще по банку и по тринкѣ проигравшіе чокнемся да и выпьемъ на уру! Ну, у-р-ра! рывнулъ весельчакъ, опрокидывая полный стаканъ въ свой огромный, почти не человѣческій ротъ, и пропуская эту порцію въ желудокъ однимъ глоткомъ.—Кто не выпьетъ, тѣмъ за воротъ вылью! прибавилъ онъ грозно, держа надъ головой опрокинутый дномъ вверхъ, пустой стаканъ.

Зная нравъ Полосатина, гости, подъ страхомъ приведенія въ исполненіе его угрозы, волей-неволей должны были до капли выпить вино.

— Хорошъ-ли мой законъ? Всѣхъ-ли правильно разсудилъ? буфонировалъ Яковъ Андреевичъ.—Ты, Вася, новые стаканы-то налей. А ты, виночерпій, смотри у меня зорко, не провинись, а то такой штрафъ наложу, что вотъ на этомъ самомъ диванѣ въ растяжку ляжешь!.. Вы, *присные*, законъ наблюдать строго, а то карты отберу!

Онъ бросилъ двѣ колоды картъ, спрятанныя у него въ карманѣ, обнялъ Лекарева и, поцѣловавъ его въ обѣ щеки, сказалъ:

— Вотъ всѣмъ ты взялъ, Кузька, а на это не гораздъ! Припасъ угощенья до пропасти, а угощать не умѣешь... Смотри-ка, какъ послѣ моего фортеля загадять, либо-два! Ну, вали банкъ!

Гости усѣлись, игра возобновилась гораздо оживленнѣе. Посыпались остроуты, проскакивало неизбежное русское крѣпкое слово, ставка въ тринкѣ разомъ возросла до десяти рублей, понтеры ставили по сотнямъ.

— Эхъ ма, не хотѣлъ-было мѣнять, для отправки въ Питеръ приготовилъ, да ужъ, видно, такой разъ! говорилъ Данилычъ, увлекшійся общимъ оживленіемъ и принявшій участіе въ тринкѣ, подходя къ Васѣ и подавая ему для разитѣна на ассигнаціи пяти-тысячный пяти-процентный банковый билетъ.

Черезъ полчаса, когда Полосатинъ успѣлъ два раза повторить придуманный имъ фортель, общество степенныхъ купцовъ какъ-бы переродилось. Передъ каждымъ игрокомъ лежали кучи смятыхъ ассигнацій; одни ставили ихъ на карту чуть не горстями, другіе, пряча въ карманъ выигрышъ, часть его роняли на полъ.— Ты подъ меня съ четвертой? Та-акъ!.. Мирю, да подъ тебя

двѣ сотенныя. Что, сбрендилъ, не лю-лю-юбишь?! У меня тридцать восемь! Ахъ, ты волкъ ты зарѣжь — у меня тридцать семь очковъ. Тащи, твоя взяла! Львовичъ, ты зачѣмъ буркалы-то въ карты залуцаешь?.. За это вѣдь вашему брату плохо бываетъ... Окснись, я деньги прячу!.. Вотъ что, *присные*, вали ставку по *четвертной*, не раззоримся. Ходить, въ кабалу не пойдемъ!.. Денегъ у насъ что-ль нѣтъ? неслись восклицанія изъ среды играющихъ въ тринку.—Кушь—тысяча... Три съ боку... уголь на пе... Транспортъ съ кушемъ... Бита! Дано? Получите, не вывезла! Въ рожь тебя закопать!.. Приплите. Разанафемское несчастье!—вали на все, что подъ картой! Васька, не зѣвай!.. Подлей шипучки-то! раздавались отрывочныя фразы надъ банковымъ столомъ. Всѣ эти крики, возгласы, звонъ стакановъ, хохотъ сливались въ одинъ непрерывный, хаотическій, раздражающій нервы звукъ — гамъ, который, кажется, можно было осязать какъ тончайшую паутину,—такъ онъ густо наполнялъ и безъ того тяжелую, душную, жаркую и переполненную всевозможными миазмами, закупоренную кругомъ атмосферу комнаты. Со всѣхъ лицъ потъ лилъ ручьями; не особенно благообразныя отъ природы купеческія старческія физиономіи, подъ влияніемъ винныхъ паровъ и безпорядка въ при-ческахъ, приняли каррикатурно-отвратительный оттѣнокъ; глаза свѣтились неестественнымъ блескомъ, отражавшимъ только одни ихъ животныя инстинкты, и довольная улыбка выигравшаго и печальная мина проигрывающаго равно были омерзительны. Только перо Гоголя да развѣ кисть Теньера могли всецѣло произвести нѣкоторые моменты картины этой людской оскотѣлости, этого колоссальнаго купеческаго безобразія. Пробыло шесть часовъ и пиръ рязановскихъ степенныхъ капиталистовъ обратился въ какой-то неистовый бѣсовскій шабашъ. Одному изъ играющихъ въ тринку вздумалось затянуть извѣстную цыганскую пѣсню „Эхъ, Настасья!“, только въ редакціи неудобной для печати, впрочемъ, съ сохраненіемъ того-же припѣва; опянявшее степенство подхватило ее хоромъ, зала огласилась ихъ старческими, дряблыми, сиповатыми голосами и въ довершеніе всего Полосатинъ, спустивши съ своихъ тучныхъ плечъ рубашку, выступилъ на средину комнаты и пустился въ плясъ, подражая во всѣхъ своихъ тѣлодвиженіяхъ пляскѣ цыганокъ. Если на человѣка съ неизвращеннымъ вкусомъ непріятно дѣйствуютъ эти вздрагиванія, зака-

тывавья глазъ, сладострастные подергиванія плечами въ прилично одѣтой, красивой цыганкѣ, то я предоставляю судить читателю, какое-бы онъ вынесъ впечатлѣніе при созерцаніи подражающаго ей въ пляскѣ полуобнаженнаго чудовища, какъ Полосатинъ!.. Но гости Лекарева, равно какъ и онъ самъ, пришли въ неописанный восторгъ. Шумнымъ крикамъ, стуку каблуками по полу, неистовому хохоту, отчаяннымъ аплодисментамъ не было-бы конца, если-бъ вдругъ не раздался довольно внятно частый, смѣлый стукъ во входную дверь. Лекаревъ первый услышалъ этотъ стукъ, поднялъ руку, и съ его тревожнымъ т-с-с-с! весь гамъ и шумъ и пѣніе почти разомъ смолели.

— Что-бы такое это значило? немножко измѣнившись въ лицѣ, спросилъ онъ, какъ-бы думая вслухъ. — Какая каналья смѣетъ вторгаться ко мнѣ?.. Васька, ступай, опроси черезъ дверь.

Всѣ гости смолели и робко прислушивались, устремивъ глаза на переднюю, куда вышелъ Вася. Полосатинъ натягивалъ на себя рубашку.

— Кто? съ любопытствомъ спросили въ разъ нѣсколько лицъ, лишь Вася показался черезъ двѣ-три минуты въ дверяхъ передней.

— Дилекторъ, Карло Карлычъ стучить. Просить васъ, благодѣтель, видѣть, потому какую-то тилиграмму спѣшную получилъ, надо немедленно отвѣтъ послать, докладывалъ Лекареву Вася. — Прикажете впустить?

Хозяинъ вопросительнымъ взглядомъ обвелъ гостей, какъ-бы желая знать предварительно ихъ мнѣніе.

— Пущай взойдетъ, чего тутъ!.. Не важно кушанье-то: колбасникъ, ферфлюхтеръ. По крайности потѣшимся! первый отозвался Полосатинъ.

— Для ча не войти? не молокосось какой! Человѣкъ степенный, не болтунъ какой! Впустите! подвалили многіе.

По знаку Кузьмы Терентьевича Вася отправился отпирать двери.

— А ужъ и потѣшень-е у тебя, Кузя, этотъ нѣмчур. Пѣтухъ, какъ есть пѣтухъ! Больно я люблю его дразнить: разсердится—по-нашему-то ругаться не умѣетъ и бормочеть по-нѣмецкому, а самъ весь-таки и надуется, помора!.. Вотъ смотрите, ужъ какую я съ нимъ бесѣду поведу, животики надорвете. Да если

еще колбаса когда подвыпьеть—театра не надо, смѣхота, обратился къ гостямъ Полосатинъ.

Въ комнату вкатился, словно шаръ, кругленькій человѣчекъ на коротенькихъ ножкахъ, съ полнымъ, мясистымъ, гладко выбритымъ лицомъ, цвѣта слегка зарумянившейся сдобной булки, на которомъ весьма рельефно красовался большой грушеобразный, красносизый носъ съ очками въ черепаховой оправѣ. Синія стекла очковъ, прикрывавшіе раскосость его водянистыхъ глазъ, гладко прилизанные височки низко остриженныхъ жидкихъ рыжеватыхъ волосъ, широкій старомодный галстукъ, изъ котораго торчали высокіе, чуть не подпирающіе ушей, туго накрахмаленные бѣлне-воротнички, и немного выдававшаяся впередъ нижняя губа—придавали его фізіономіи то рутинное выраженіе глубокой вѣры въ свою личную мудрость, бездну знанія и опытности, какое приобрѣтаютъ лица нашихъ педагоговъ изъ нѣмцевъ послѣ двадцатилѣтняго преподаванія съ гимназическихъ кафедръ; филистерское выраженіе тупого самодовольства усвоилъ всей своей фигурѣ Карлъ Карловичъ съ той самой минуты, когда ему случайно удалось открыть способъ придавать необыкновенный блескъ, яркость и нелинялость краскамъ, употребляющимся для набивки ситцевъ; до этого счастливаго момента онъ былъ не болѣе, какъ старшій рабочій *колористъ*, т. е. составитель красокъ, на небольшой ситцевой фабрикѣ того-же Рязанова-Воскресенска, получавшій шесть сотъ рублей годового жалованья. Придавши этому новооткрытому способу характеръ личнаго, собственнаго секрета, сообразительный нѣмецъ объявилъ своему прежнему хозяину, что онъ можетъ остаться у него не иначе, какъ за три тысячи рублей въ годъ, объяснивъ при этомъ и всѣ выгоды своего открытія; хозяинъ, какъ истый старинный комерсантъ, врагъ всякихъ новшествъ и глубоко вѣрающій въ то, „что отцы и дѣды не глупѣй насъ были“, отказалъ Шютцу. Тогда послѣдній обратился къ Лекареву, который, похоронивъ отца, принялъ въ свои руки все фабричное дѣло, выстроилъ двѣ новыя фабрики и выписалъ усовершенствованныя машины; предложеніе это было принято Кузьмой Терентьевичемъ и черезъ пять лѣтъ лекаревскіе ситцы получили огромный сбытъ и крѣпкій кредитъ, конкурируя своимъ достоинствомъ и дешевизной съ произведеніями французскихъ ситцевыхъ фабрикъ. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ Карлъ Карло-

вичъ зовется главнымъ директоромъ лекаревскихъ фабрикъ, получая шесть тысячъ жалованья при полномъ готовомъ содержаніи.

— Gut Morgen, mein hegg! проговорилъ директоръ, съ достоинствомъ подходя къ хозяину и протягивая ему руку.

— Здравствуйте, Карлъ Карлычъ! отвѣтилъ Кузьма Терентьевичъ, довольно вѣжливо пожимая протянутую ему руку, хотя въ голосѣ его слышались нотки неудовольствія. — Что за спѣшныя дѣла такія, что вы ночью беспокоите меня?

— Какой ночь! щепетильно возразилъ нѣмецъ. — Десять минутъ на седьмой... показывая свой золотой хронометръ, прибавилъ онъ. — Вотъ депешъ, читайтъ!.. Какъ вы хотите, скажите мнѣ!..

Онъ небрежно вынулъ изъ бокового кармана телеграмму подалъ ее Лекареву, и, обратясь къ усѣвшимся игрокамъ въ трюнку и стоящимъ около нихъ понтерамъ, съ значительной улыбкой произнесъ обычное gut Morgen, сопровождая его важнымъ поклономъ. Всѣ гости отвѣчали молчаливымъ поклономъ, но Полосатинъ подошелъ къ нему, дружески протянулъ руку и шутливо проговорилъ:

— А, Карлъ Карлычъ, сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались! Здорово, пріятель! А мнѣ сказали, что ты вранкенъ былъ... все враки! Поцѣлуемся на радостяхъ, нѣмчура ты колбасная.

— А, за чѣмъ такъ цаловайтъ!.. Ну, глупство!.. Possen!.. Идять... Ah, fort weg!.. отбивался Шютцъ отъ объятій и поцѣлуевъ Полосатина.

— Постой! удержалъ Полосатина хозяинъ, прочитавши телеграмму. — Что-же, Карлъ Карлычъ, заказъ хорошій! Только поспѣемъ-ли къ сроку: три тысячи кусковъ—шутка сказать!.. какъ думаешь? совѣтовался онъ съ директоромъ.

— Отчего нѣтъ?.. Поспѣвайтъ... geviss!.. Я ручай, увѣренно отвѣтилъ Шютцъ.

— Воюсь, не нарваться-бы, —срокъ-то коротокъ, колебался Лекаревъ.

— Я ручай!.. что хотить?.. Schlechterdings!.. Своя честь ручай—bei meiner Ehre! энергически увѣрялъ нѣмецъ.

— Ну, такъ и разговору конецъ. Отвѣтимъ, что принимаемъ заказъ, пусть высылаютъ задатокъ. Такъ-ли?

— Ja, doch!.. Такъ, такъ!.. важно подтвердилъ Карлъ Карловичъ:

— Ну, послѣ этого, Карлъ Карлычъ надо выпить! весело проговорилъ Кузьма Терентьевичъ и, взявши Шютца подъ руку, подвелъ къ буфету. Полосатинъ послѣдовалъ за ними, предварительно подмигнувъ играющимъ.

— Я телеграмму самъ отправлю, ужъ вы не безпокойте сегодня конторскихъ: послѣдній день праздниковъ, пусть гуляютъ, говорилъ хозяинъ, наливая два стакана шампанскимъ.

— Ты что это дѣлаешь? проревѣлъ надъ самымъ его ухомъ Полосатинъ.—Развѣ это порядки, развѣ такъ угощаютъ? человекъ только всталъ да чаю напился, ты его сейчасъ шампанскимъ... Э-эхъ, ты-ы! Мы съ Карломъ Карловичемъ все по закону сдѣлаемъ... Натощакъ перво-на-перво надо, Карло Карлычъ, шнапсъ тринкенъ, а? спрашивалъ онъ съ улыбкой у повеселѣвшаго отъ оказаннаго хозяиномъ вниманія Шютца.

— О, ja!.. wohl!.. Ви весельникъ! дружески потрепавъ по плечу Полосатина, произнесъ послѣдній.

— А послѣ шнапса соленькимъ или копчененькимъ закусить, ну а потомъ за рейнвейнъ можно взяться... Вотъ, милости прошу, по рюмочкѣ киршъ-вассеру, балагурилъ Яковъ Андреевичъ, наливъ три рюмки.

— На ваше здоровье! чокнувшись рюмками съ Лекаревымъ и Полосатинимъ, сказалъ нѣмецъ.

— Это выходитъ: тринкензи биръ, либензи миръ, по-латыни два алтына, а по-русски шесть копеекъ!.. Что, вѣдь гуть? выпивши рюмку и прицелкнувши пальцами, паясничалъ Полосатинъ.—А вотъ родненькой-то колбаски... блютвурстъ первый сортъ... изъ Питера, отъ твоего дяденьки Шписа, прибавилъ онъ, подавая тарелку съ кровяной колбасой.

— О, ви... насмѣшки!.. благодушно помотавъ головой, принялся за колбасу Карлъ Карловичъ.—Wohl, gut!.. Отличный колбасъ!.. нахваливалъ онъ, смакуя во рту съ нѣмецкой акуратностью.

— Повторимъ? подмигивая продолжалъ Полосатинъ.— По одной еще, а?

— Nein, danke sehr!.. Благодарствуйте... довольна!.. genug!..

— По одной, самой малюсенькой!.. за то что выпьемъ-то!..
Смотри, нѣмчура, кто это есть таковъ?

Яковъ Андреевичъ выбралъ изъ массы бутылокъ одну, на этикетѣ которой красовался портретъ Бисмарка.

— Бисмаркъ! вскричалъ одушевляясь Шютцъ, — нашъ перва министр... О, великъ шловѣкъ... Genius!

— То-то! вотъ за его здоровье и хватимъ, а?

— На его здоровья—можно!.. Neil Euch, allgewaltiger Bismarck!.. торжественно произнесъ Карлъ Карловичъ, выпивая рюмку.

— Мо-ло-децъ, Карлуша!.. А вотъ витчинка, настоящая вестфальская, отъ дѣдушки твоего Эрбера, шутилъ Полосатинъ, предлагая ветчину.

— Вестфальскій?.. In Wahrheit, а? шутить!.. недověрчиво пробуя ветчину, воскликнулъ Шютцъ.—О, ja!.. настояшій деликатесень!..

— То то, расчухалъ жратву-то родную колбасникъ... даже въ лицѣ измѣнился—обрадовался! любясь аппетитомъ нѣмца, въ полголоса проговорилъ Яковъ Андреевичъ, обратясь къ гостямъ.—Что-же, братія, продолжалъ онъ громко,—али мой законъ забыли?.. Данилычъ, ты чего смотришь!.. Э-э! да онъ самъ козпрыеть... Кончайте кругъ да идите сюда, выпьемъ всѣ вообще за здоровье Карла Карлыча... Вася, тащи стаканы да наливавай шампанец, а мы тѣмъ временемъ съ тобой, Карлуша, юганигсберргцу по ставашку пропустимъ.

— Ты ужъ тутъ усѣлся и объ игрѣ забылъ! подходя къ столу, проговорилъ Подъѣхинъ.—Будемъ-ли играть-то?

— Ишь у тебя загорѣлось! Видишь, Кузя телеграмму строчить; карты отъ насъ не уйдутъ, а съ хорошимъ человѣкомъ рѣдко приходится выпить... Садись-ка пока съ нами, тяпнемъ ренскова, Антипычъ!

Полосатинъ подвинулъ стулъ, который и занялъ Савва Антиповичъ.

— Ужъ какъ я этихъ нѣмцевъ люблю—страсть!.. Все у нихъ цирлихъ, манирлихъ, ганцъ-аккуратъ. Вотъ хошь-бы взять Карла Карлыча: душа человѣкъ, одно слово — золото! издѣвался Полосатинъ.

— О-о! danke sehr! довольнымъ тономъ протянулъ Шютцъ.

— Народъ аккуратный! поддакнулъ Подъѣхинъ.

— Одного жаль, не долго намъ, русскимъ, съ вами, нѣмцами попировать осталось, вотъ бѣда! съ печально-серьезной миной, задумчиво проговорилъ Яковъ Андреевичъ.

— Warum нѣтъ? Was ist das? Что такой значить? съ любопытствомъ спросилъ Шютцъ.

— Ну, чего притворяешься, будто не знаешь?! Оно хоть и въ секретѣ держится, да вы, чай, нѣмцы, пронюхали, новость-то.

— Ничего не знайтъ, какой новость, скажить мнѣ! нѣсколько тревожно спросилъ Карлъ Карловичъ собесѣдника.

— Полно притворяться-то, говорю, не на таковскихъ напаль. Онъ не знаетъ! Что дурака-то ломаешь?

— Никакой дуракъ! Я правду сказалъ — ничего не знайтъ, bei meiner Ehre! горячился заинтересованный нѣмецъ.

— Ну, а коли не знаешь, значить и разговаривать нечего, опорожнй-ка стаканъ, я новаго подолью... Хитерь ты, нѣмецъ, а мы сами съ усами, насъ не поддѣнешь; нѣтъ, шалишь, не одурачишь! ломался Полосатинъ, доливая стаканъ рейнвейномъ.

— So wahr ich lebe! Умирайтъ тутъ — я ничего не знайтъ... Пожалуйста, скажить мнѣ.

— У тебя сколько дѣтей? внезапно и рѣзко спросилъ Яковъ Андреевичъ.

— Ну, три дѣвицъ... Какой дѣлъ до фрейленъ?

— Такъ и прости съ ними... Адью, моль, дѣтушки, не видать мнѣ васъ больше, какъ вчерашняго дня!.. Вотъ какой секретъ!

— Warum?! воскликнулъ Шютцъ, раскрывъ широко глаза и смотря изумленно черезъ очки.

— Да полно тебѣ пугать-то: можетъ, все перемѣнится, вставилъ какъ-бы серьезно Поддѣхинъ. — Вѣдь онъ, я думаю, отецъ, а ты сразу...

— Перемѣнится, держи карманъ, когда ужъ и указъ подписанъ; съ новаго года всѣхъ нѣмцевъ велѣно... Тѣфу, ты пропасть, чуть не проговорился! плюнувъ, оборвалъ свою рѣчь Полосатинъ.

— Что такой? новый родъ!... Я ничего не понимаю... какой указъ? скажить мнѣ! Что секретъ! окончательно встревоженный, дрожащимъ голосомъ упрасивалъ Карлъ Карловичъ своихъ собесѣдниковъ.

Съ понятіемъ объ указѣ въ его умѣ соединялось представленіе о распоряженіи, грозящемъ несчастіемъ всѣмъ нѣмцамъ вообще и ему въ особенности. Дѣло въ томъ, что когда во время послѣдней прусско-французской войны иностранные подданные изъ нѣмцевъ, проживающіе въ Россіи, были потребованы чрезъ посольство на родину, то рязановская полиція по ошибкѣ заявила такое требованіе нашему пятидесятилѣтнему Карлу Карловичу Шютцу, хотя въ бумагѣ значился двадцати-трехлѣтній Карлъ Карловичъ Шютцъ, проживающій въ Рязановѣ-Воскресенскѣ. Хотя недоразумѣніе черезъ два дня объяснилось, когда требуемый Карлъ Карловичъ отыскался въ лицѣ браваго бухгалтера одной рязановской банкирской конторы, но нашъ директоръ перепугался до болѣзни и немедленно принялъ русское подданство. Вотъ причина, почему такъ тревожно интересовался онъ секретомъ Полосатина.

— Я-бы, братъ, пожалуй, и сказалъ тебѣ секретъ, да не знаю, какъ вотъ Кузьма Терентьичъ на это взглянетъ, отвѣтилъ послѣдній. — Кузя! можно твоему директору про секретъ-то насчетъ нѣмцевъ разсказать? Какъ ты думаешь—ничего? серьезно спросилъ онъ Декарева.

— Карлу Карловичу говори: онъ свой человѣкъ, такъ-же серьезно отозвался тотъ, подсаживаясь къ буфетному столу.

— Коли такъ, изволь; только уговоръ лучше денегъ—никому изъ нѣмцевъ объ этомъ ни слова, слышишь? началъ Полосатинъ.

— Nein, nein! Совѣсть мой... Billigermaszen!.. увѣрялъ Шютцъ.

— Ладно, вѣрно!.. Только и ты намъ здѣсь одну штучку покажи.

— Какой штучкѣ? подозрительно спросилъ директоръ.

— Да ты не бойсь, вѣдь я не способъ твой прошу открыть, а вотъ здѣсь, не выходя изъ комнаты, всѣмъ намъ одну штучку показать. Тебѣ это ничего не стоитъ, настаивалъ Яковъ Андреевичъ.

Нѣмецъ задумался.

Въ это время съ хохотомъ подошли къ буфетному столу игроки въ тринку.

— Вотъ, Яковъ Андреичъ, счастье-то человѣку! На тридцати очкахъ тринку въ восемьсотъ рублей взялъ! прямой котъ! проговорилъ Данилычъ, указывая на Силу Львовича.

— А ты чего на тридцати-шести струсилъ, а? перебилъ его Кудесниковъ.

— Законъ исполнилъ!.. Въ круговую!.. Вали братія! Начинай выигрывать! раздались голоса прочихъ игроковъ и опять шампанское полилось въ стаканы.

— Ну, скажите мнѣ, какой штукъ вамъ показайть? я готовъ... Вы хотите знать мой фокусъ-покусъ на пятьдесятъ-два картъ. Я вамъ всѣмъ будить объяснять! подъ общій говоръ гостей, окружившихъ буфетный столъ, обратился къ Полосатину вполголоса Шютцъ.

— Я знаю, что ты отлично на картахъ фокусы дѣлаешь, да не въ томъ дѣло. Видишь, ты, нѣмецъ, какой хитрый! я тебѣ хочу по душѣ секретъ открыть, а ты мнѣ не довѣряешь! убирайся, не хочу я съ тобой говорить! какъ-бы обиженно произнесъ Полосатинъ и отвернулся отъ него.

— Ну, я согласна... только вы благородный шеловѣкъ, не будить мнѣ заставляйть карты играть и напивайть, скажите мнѣ!

— Я вѣдь тебѣ говорю, что тебѣ эту штуку показать ничего не стоитъ, пять минутъ—и готово. Фокусъ-ли показать или что другое—тамъ увидишь!

— Ну, gut, я согласна! рѣшительнымъ тономъ отвѣчалъ Шютцъ.

— Честное слово? спросилъ Полосатинъ, протягивая руку.

— Честный слово... Bei meiner Ehre! крѣпко сжавъ руку, подтвердилъ Карлъ Карловичъ.

— Братіе, будьте свидѣтелями! обратился къ гостямъ Полосатинъ.—Нѣмецъ далъ слово, честное слово, что покажетъ намъ штуку, если я ему новость, знаете, ту... объ указъ-то расскажу.

— Всѣ мы свидѣтели! еще-бы! рассказывай! Говорите, Яковъ Андреечъ! съ шумомъ отделинулись гости, усаживаясь около него въ ожиданіи обѣщанной потѣхи.

— Да ужъ говорить-ли? Я боюсь, чтобъ Карлъ Карловичъ не рассказалъ кому—бѣда моя тогда! съ самой серьезной миной ломался Полосатинъ.

— Ich sage-- nein! Вы мене обижайть... я давалъ честный словъ... Grosser Gott! обидѣлся директоръ.

— Говори, я ручаюсь—не расскажетъ! замѣтилъ хозяинъ.

— Ну, коли такъ — ладно! Видишь, Карлъ Карлычъ, въ

чемъ дѣло-то все. Вашего брата, нѣмца, началъ серьезно-таинственнымъ тономъ Яковъ Андреевичъ, — къ намъ пріѣзжаютъ видимо-невидимо изъ-за-границы...

— О, ја, ја... wohl! es ist wahr! бормоталъ про себя Карлъ Карловичъ.

— Ну, и многіе совсѣмъ у насъ въ Россіи останутся и подданство принимаютъ, вотъ, какъ ты, а другіе наберутъ, награбятъ денегъ, да маршъ назадъ въ нѣмечину, — вѣдь вѣрно?

— So, so! правда, es ist wahr! подтвердилъ Шютцъ.

— А вѣдь отъ этого и намъ не прибыль, и вамъ не барышъ, потому хоть ты и остаешься, къ примѣру, у насъ, а какая отъ тебя отечеству корысть? деньги ты русскія кровныя бережешь, въ нашу вѣру нейдешь, одно чужое мѣсто занимаешь; не будь тебя, нѣмца, у Кузи былъ-бы директоръ русскій и народилъ-бы онъ дѣтей православныхъ, и пошли-бы дѣти комерціей заниматься, а отъ тебя что? какъ отъ козла — ни шерсти, ни молока.

— Was ist das козель? Почему ein Ziegenbock? вспыхнулъ Шютцъ.

— Чего ты пѣтушишься-то? Это не про тебя; я къ примѣру говорю.

— О, да! я понимаю! примѣръ... zum Beispiel, ја! успокоился нѣмецъ.

— Да, къ примѣру, продолжалъ Полосатинъ; — вѣдь если-бъ ты былъ у себя въ нѣмечинѣ, ты съ своимъ секретомъ-то да съ теперешнимъ капиталомъ, какой у насъ въ Россіи заработалъ, какую пользу своему отечеству предоставилъ-бы, — понимаешь?

— О, ја! das Vaterland! отечество... я понимаю сѣ, отозвался нѣмецъ.

— Вотъ, чтобъ вы, нѣмцы, изъ своей стороны къ намъ не бѣгали, и придумали законъ новый, чтобъ всѣхъ васъ, нѣмцевъ, которые въ подданствѣ русскомъ, выселить въ Ташкентъ, а которые временно живутъ, тѣхъ воротить домой, а коли не хотятъ, переслать въ Сарепту, — такой городъ есть въ саратовской губерніи, гдѣ колонисты живутъ, горчицу дѣлаютъ, — понялъ?

— Сарепта я знаю! aber was ist das, dieses Ташкентъ? Я не понимаю! Что такой? спросилъ Карлъ Карловичъ, обводя все общество недоумѣвающимъ взглядомъ.

— А это, братецъ ты мой, такой городъ есть въ степи, тысячъ шесть верстъ отсюда, а можетъ и побольше... Мы недавно завоевали... а живутъ тамъ разные бухарцы да татары; лошадину и всякую падалъ ѣдятъ, объяснилъ ему разскащикъ. — Ѣдятъ на верблюдахъ; ни постовъ никакихъ, ни Бога не знаютъ.

— О, Passen! Глупство!.. Ви мене, какъ дуракъ! вослиенинулъ было директоръ, завидѣвъ на лицахъ слушателей улыбки.

— Слушай дальше-то! перебилъ его Полосатинъ: — и велеть всѣхъ, всѣхъ нѣмцевъ, одѣтъ въ халаты, головы выбрить, а женъ вашихъ и дочерей одѣнуть въ штаны да на верблюды посадятъ...

Гости не выдержали и раздался оглушительный хохотъ.

— Ахъ, ты, слоновая сила, чего не выдумаетъ! дружески сказалъ Кудесниковъ, трепля по плечу Полосатина.

— И разсказываетъ то словно по-печатному... помора! прибавилъ Давилычъ.

— Нѣтъ, онъ-то, онъ въ халатъ да съ бритой головой... Картина, ха-ха-ха! заливался Подъѣхинъ.

— Чего орете? крикнулъ серьезно разскащикъ. — Развѣ не правда?

— Правда!.. Вѣрно!.. Истинно!.. весело откликнулись нѣсколько голосовъ.

Карлъ Карловичъ сначала покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ; онъ видимо терялся, какой смыслъ и значеніе придать этой шуткѣ: обидѣться-ли или принять самому участіе въ общемъ глупо-добродушномъ смѣхѣ всѣхъ гостей.

— Что, братъ, напугалъ тебя нашъ слонъ своимъ указомъ? весело замѣтилъ хозяинъ. — Выпьемъ-ка стаканчикъ за его здоровье.

— Gern... gut, ха-ха-ха! Я знайтъ, онъ весельникъ, Spassmacher! ха-ха-ха! проговорилъ Шютцъ, переходя отъ молчанія къ насильственному смѣху. — На ваше здоровье, весельникъ! прибавилъ онъ, выпивая стаканъ и вставая со стула. — Danke sehr, meine Herren... Прощайтъ, господа, я долженъ на домой ходить!

— Э-э, братъ, нѣмчура! Такъ не дѣлаютъ у насъ... Даль честное слово штучку показать, а теперь лыжи востришь; а не пушу, садись-ка, садись! заоралъ Полосатинъ.

— Нехорошо; надо показать! Ужъ давши слово — крѣпись! На утекъ—не годится! поддакивали гости.

— О, ја, ја! Давайте картъ, я вамъ будить фокусъ-покусъ показать! храбрился Карлъ Карловичъ, снова опускался на стулъ.

— Нечего хитрить-то, нѣмецъ: фокусы-то мы твои видали; ты вѣдь далъ слово штучку показать, а теперь фокусами хочешь отдѣлаться, перебилъ Полосатинъ.

— Ну, гуть! скажить, какая штучка я будить показать?

— Дѣло! весело пачалъ Яковъ Андреевичъ, обращаясь къ столпившимся около него гостямъ.—Вы знаете, *присные*, что у всякаго нѣнца, какой-бы онъ тамъ ферфлюхтеръ ни былъ, на спипѣ хвостъ есть? Вотъ ты намъ и покажи эту штучку, свой-то хвостъ.

Неудержимый взрывъ хохота всего общества покрылъ эту новую выдумку Полосатина. Данилычъ даже присѣлъ на полу, вскричавъ:

— Вотъ те разъ! знай нашихъ!

— Кажи, кажи, нѣмецъ, хвостъ! прорывались требованія среди пьяныхъ рукоплескапій.

Шютцъ, точно ужаленный, вскочилъ моментально на ноги, блѣдный, какъ полотно, съ сверкающими отъ гнѣва раскосыми глазами; онъ взглянулъ сначала на хозяина, потомъ обвелъ такимъ же взоромъ всѣхъ гостей и дрожащимъ голосомъ проговорилъ:

— Pfu!... О, wie garstig!.. Такой почтенный господь... и такой хочеть... pfu!.. хвостъ!.. гадки, pfu!..—Онъ плюнулъ и отправился съ дверямъ.

Хохоть усилился.

— Нѣтъ, братъ, такъ не уйдешь! вскричалъ Полосатинъ, заграждая ему дорогу.

— Fort, weg! просипѣлъ Шютцъ, задыхаясь отъ гнѣва. — Давай дорога, а то Kopf weg, голова прочь! совершенно безсознательно, не видя передъ собой никого, замахнулся онъ на Полосатина.

Эта выходка обезумѣвшаго отъ злости нѣнца не только не возбудила ни въ комъ сожалѣнія, но, напротивъ, подлила масла въ огонь: всѣ гости загогойкали, забили въ ладоши, а самъ хозяинъ, вмѣсто того, чтобы остановить такъ далеко зашедшую и безъ того плоскую шутку, поватывался со смѣхомъ на диванѣ, приговаривая:

— Ай, умру!.. слонъ и моська!.. Ой, уморилъ!..

«Дѣло», № 12.

Полосатинъ съ хохотомъ быстро схватилъ одной рукой Шютца поперегъ туловища и поднялъ его высоко надъ головой.

— Нѣтъ, фефлюхтеръ, драться не годится: у насъ за это въ кутузку сажаютъ. Кажы свой нѣмецкій хвостъ добровольно, а то силой заставлю! говорилъ онъ, держа Карла Карловича на воздухъ.

— Helft! Кузьма Тереньтъ... zu Hilfe! Помогайтъ! прокричалъ несчастный, вырываясь изъ здоровыхъ лапъ Полосатина и потомъ, вида одни безумно смѣющіяся, опьянѣлыя лица, разразился громкими рыданіями.

Этотъ внезапный переходъ отъ крика къ воплю подѣйствовалъ на опьянѣлыя головы безобразниковъ: хохотъ смолкъ и самъ Полосатинъ, какъ-бы устыдясь своей продѣлки, опустил на ноги рвавшася нѣмца. Нѣсколько мгновеній въ комнатѣ царствовало молчаніе. Измятый, съ оторванной полой сюртука, съ влочоченными волосами, безъ очковъ, блѣдный, дрожащій и рыдающій, стоялъ Карлъ Карловичъ, закрывъ лицо обѣими руками.

Первый опомнился Кузьма Тереньтевичъ, всталъ съ дивана и подошелъ къ молча рыдающему Шютцу.

— Полно, Карлъ Карловичъ, не огорчайся! вѣдь съ тобой шутятъ, началъ было онъ ласково.

— Fort! Weg!.. осиливъ рыданія, отчаянно прервалъ его директоръ.— Ви... свинь... Я десять лѣтъ... мой у васъ директ... и ви позволяйтъ... О, schön gut!.. Ви срамить!.. мене рвалъ...— Онъ показалъ на оторванную полу.

— Карлъ Карлычъ! началъ было Лекаревъ.

— Weg! Schweig! Я теперь знайтъ мой патронъ! es soll dir über besommen! вновь перебилъ Шютцъ.— Warte nur! Я вамъ будитъ показайтъ нѣмецкій хвостъ... Pfiu вамъ!.. плюнувъ и угрозя пальцемъ, онъ, какъ безумный, выбѣжалъ въ переднюю.

Безмолвный впродолженіи всей этой этой сцены Вася направился вслѣдъ за Карломъ Карловичемъ въ переднюю, чтобъ выпустить его, проговоря на ходу:

— Вотъ ехидный-то, настоящій Лютеръ!

— Именно, что Лютеръ; зелье заморское! подхватилъ Полосатинъ.— Кузя, ты чего нахмурился? али испужался? Важно кушанье—нѣмецъ паршивый разобидѣлся! Ему-же хуже: губа толще—брюхо тоньше! Ну-ка, саданемъ шпучки, да и за дѣло!..

Эхъ-ма! тряхнувъ волосами, весело прибавилъ онъ, обнявъ Лекарева.—Еще поживемъ; двухъ смертей не бывать, одной не миновать; выпьемъ!

— А и то выпьемъ! Ну, его... даже въ потъ ударило, какъ онъ заревѣлъ. Я думалъ, не повредилъ-ли ты его какъ, чокаясь съ пріятелемъ, отвѣтилъ хозяинъ.

— Со злости это, Кузьма Терентьичъ... это вѣрно! Они, собаки, эти нѣмцы презлющіе. Вонъ у меня куфарка этакая-же: съ судомойкой свяжется когда ругаться—страсть! Чуть ея не беретъ—сейчасъ голосить. Ну, сердце-то и сорветъ! увѣралъ Кудесниковъ.

— А вотъ что, *присные*, чтобъ нашей компаніи на двое не разбиваться, не составить-ли столы, да всѣмъ вообще по банчишкѣ пройтись, оно веселѣе! предложилъ хозяинъ.

— Еще-бы, ходить! Передвигай, братцы! командовалъ Яковъ Андреевичъ.—Да и за закопомъ моимъ наблюдать удобнѣе—ужь тогда никто не отлынить.

— Звѣрь, а не человѣкъ! змѣя ехидненская... одно слово, гремучій змѣй! входя въ комнату, не обращаясь ни къ кому особенно, вслухъ проговорилъ Вася.

— А что? спросилъ Полосатинъ.

— Сипомъ сипить! Скажетъ слово-то по-своему да засипить; Ехидна! зубами даже скрипнуть.

— Вотъ тебя-бы на дочкѣ его женить—говорять, така-же колбасница, трунилъ Яковъ Андреевичъ.

— Тьфу, тьфу! Эллины премудрости ищутъ, іудей знаменія ждуть, а мы вѣримъ во Христа распятаго! неизвѣстно къ чему произнесъ Вася, отплевываясь и сядя около *размъну*.

Гости усѣлись около сдвинутыхъ столовъ. Мѣсто банкюмета занялъ Полосатинъ.

— Ну-те-ка, *присные*, рвите банкъ! Безъ гроша шесть тысячъ наличными. Двѣ копейки уваженія къ моему убожеству! острилъ онъ, вываливая изъ бумажника безъ счета всѣ находящіяся въ немъ деньги. Гости весело выбирали понтерки, игра и пьянство пошли своимъ чередомъ.

Къ тремъ часамъ дня, чепрехмѣстный возокъ, развезшій почти безчувственныхъ гостей подъ родные кровы, тихо вѣзжалъ на просторный дворъ роскошныхъ палатъ Лекарева. Въ завѣт-

ножь кабинетъ, лицомъ вверхъ, въ растяжку, безъ подушки, на турецкомъ диванѣ лежалъ Полосатинъ, храпя и сопя, какъ сильный паровикъ; хозяинъ опочивалъ въ своей парадной спальнѣ, а потому всѣ домашніе ходили на цыпочкахъ и молчаніе, парившее въ домъ, парушалось единственно въ образной монотоннымъ чтеніемъ псалтыря гнусившихъ дѣвочекъ читалокъ.

Заунывно и печально разносится великопостный церковный звонъ по опустѣлымъ, безлюднымъ улицамъ Рязанова-Воскресенска. На небѣ пасмурно. Изъ стро-свинцовыхъ тучъ немилосердно вываливается на землю какая то мерзость, нѣчто среднее между дождемъ и снѣгомъ. Изрѣдка по главной улицѣ протащится извозчикъ, хлякая ободранными сапями по размятому, побурѣвшему снѣгу. Кой-гдѣ промелькнуть, точно изъ земли выростутъ, фигуры разстерзаннаго и растрепаннаго халатника-мастероваго или оборваннаго фабричнаго и юрливо исчезнуть за дребезжащими дверями заведенія. Изъ дальнихъ улицъ и переулковъ торопливо семятъ своими старческими ногами разныя салопницы, городскія кумушки, богомолки, спѣша во храмы божіи, чтобъ съ чистаго понедѣльника начать свое обычное говѣнье, — недѣльное замаливаніе грѣховъ за цѣлый годъ. На паперти единовѣрческой церкви кучкой стоятъ нищіе въ ожиданіи пріѣзда какого-нибудь щедраго *приснаго*, выставляя на показъ свои изувѣченныя руки и ноги или лохмотья одежды, чрезъ которыя бьетъ въ глаза посинѣвшее отъ холода живое человѣческое тѣло. Глубоко охаютъ и рѣзко свистятъ послѣ недѣльнаго отдыха паровики фабрикъ, а безобразно длинныя и высокія трубы извергаютъ цѣлыя тучи тяжелаго дыма, который волнообразно колеблется въ сыромъ воздухѣ, заражая его запахомъ чего-то горько-промозглаго, какой-то гнилой изгари. Страшно бьютъ по уху и болѣзненно щемятъ сердце непривычнаго человѣка эти пронзительные фабричныя звуки среди безлюдной сопливости, уличной пустоты и общей мертвенности Воскресенска.

Къ восьми часамъ утра на всѣхъ фабрикахъ Воскресенска шла обычная будничная работа; только на одной лекаревской мануфактурѣ происходило что-то странное. Хотя десятки трубъ

нескончаемыхъ, тянувшихся чуть не на цѣлую версту, каменныхъ фабричныхъ корпусовъ исправно дымили, но непрестанный ревъ и свистъ выпускаемаго пара, который бѣлесоватой тучей висѣлъ надъ массой фабричныхъ зданій, говорилъ опытному глазу о чемъ-то исключительномъ, педобромъ, тѣмъ болѣе, что чрезъ рѣшетчатые затворенные ворота видѣлся громаднѣйшій фабричный дворъ, переполненный ничего не дѣлающими рабочими, которые, разбившись на кучки, человекъ по двадцате-тридцати, жарко о чемъ-то спорили и громко трактовали. Въ глубинѣ-же двора у крыльца одно-этажнаго каменнаго дома, гдѣ жилъ главный директоръ, сплошной стѣной столпились фабричные, съ любопытствомъ заглядывая въ окна дома и стараясь черезъ опущенныя бѣлыя сторы проникнуть взоромъ въ скрытыя комнаты. У входной калитки, запертой на замокъ, стояли двое дюжихъ дворниковъ съ дубинами въ рукахъ и, вмѣсто обычнаго занятія своего — осматривать съ ногъ до головы каждаго выходящаго работника, сладко позѣвывали, охраняя и безъ того запертый входъ на дворъ.

— Шестой десятокъ на этой самой фабрикѣ, братцы вы мои любезные, работаю и этакой оказіи ни разу не бывало, ораторствовалъ въ кучкѣ фабричныхъ сѣдой старикъ. — Еще началъ я работу-то при дѣдушкѣ вонѣшняго, при Кузьмѣ Сидоровичѣ; тогда малость самая и машинъ этихъ мудреныхъ была, а все такого разу не объявлялось. И что за притча такая? Карло Карлнчъ изъ дому не выходитъ, машины готовы почитай съ третьяго часа, только даромъ дрова жгутъ, да на вѣтеръ паръ выпускають. Чудеса!

— *Самъ*, чу, безъ себя не велѣлъ работу зачинать... *само* ждуть отозвался изъ кучки здоровый паренъ въ поскольномъ халатѣ съ масляничнымъ фонаремъ подъ лѣвымъ глазомъ.

— Зачѣмъ *самому* быть, любезный ты человекъ! размышлялъ вслухъ старикъ.

— Хоша-бы торжество, что-ли, какое у насъ на фабрикѣ сегодня готовилось, али молебень какой — ничего этого нѣтъ... Опи, Кузьма Терептьичъ, при такихъ случаяхъ только и бывають, раза два въ цѣлный годъ... Нѣтъ, тутъ, надо полагать, другое что... — Старикъ сдѣлалъ таинственную мину и понизилъ голосъ. — Слышалъ я, други милые, стороной, отъ писарька одного — при

слѣдователь онъ служить, по письменной части состоитъ,—такъ онъ сказывалъ, что яко-бы вступила на нашего-то жалоба отъ всѣхъ фабрикантовъ ситца, что краску мы дѣлаемъ не по закону, а въ секретѣ, и что секретъ этотъ-самый незаконный, потому идетъ отъ нѣмца нехрещенаго, нашего-то дилектора, Карлы Карлыча; и сыщеть онъ въ эту краску адскій корень да ефіопную траву, зелье треклятое, курево идольское, и кто, чу, дружки мои, нашъ ситецъ на себѣ повосить, сичасъ въ немъ вѣра православная ослабѣетъ и учнетъ онъ всякую моду подражать, непоказанныя платья съ хвостами длинными шить и въ соблазъ впадетъ... такъ-то, миленькіе!

— А что-жь, дѣдушка, это истинно! вставилъ замѣчаніе одинъ изъ слушателей.—Вонъ у меня золовка: она замужемъ за прикащикомъ Кудиновымъ, по мучной части; пришелъ я къ ей это на масляной въ гости; выкатила она къ намъ изъ спальни; я такъ и ахнулъ—хвостиче по полу-то чуть не на сажень волочится, а на задѣ-то напутано, напутано; складокъ—страсть!... гляжу, нашъ ситецъ — первый сортъ. Что, моль, это золовушка хвостъ-то за собой волочешь? Мода, говоритъ, такая. А на что, моль, на задѣ то наверхено. А, тоже, говоритъ, по-модному, никакъ панья, что-ли, называется. А сама такъ и крутитъ и крутитъ передъ зеркаломъ, и передомъ-то она и задомъ-то обернется и съ боку-то на себя поглядить... срамота!... Какъ-бы, кажись, воля только—и ободралъ-бы съ нее всю эту моду бѣсовскую!...

— Что говорить, ужъ эта мода до добра не доведетъ! подхватилъ угрюмый старикъ въ новомъ полушубкѣ.—Вонъ я нонѣ на площадь-то къ кругу подошелъ, такъ диву дался: куда ни обернусь—все пальто, да брюки на выпускѣ; иной прикащикъ, цѣна-то ему вся грошъ,—нѣтъ, чтобы чучку новенькую обрядить али сибирку спить, сейчасъ на выхвалку въ пальтѣ гуляетъ и тросточкой подпирается; тоже проборъ себѣ на боѣ расчешетъ, бороду по-козлиному подстрижетъ, космы свои подовьетъ,—чисто икона звѣрина съ образомъ сатанинскимъ!

— Ахъ вы, сталовѣры необразные! раздается голосъ фабричнаго франта въ сюртукѣ съ дырами, потертой жилетѣ съ блестящими пуговицами и въ фуражкѣ на бекрень.—Послушать васъ—такъ уши вянуть!... Али-бы, по-вашему, нашему брату изъ сапоговъ

въ лапти обуться... Нѣтъ шалишь, походи подешевлѣ, дороже себѣ стоять! Пустивъ клубъ дыму чуть не въ лицо старика изъ дымящейся во рту папироски и подпершись фертомъ, фабричный-щеголь съ пренебреженіемъ отошелъ отъ кучки, напѣвая въ полголоса тонкой фистулой.

Я люб-б-бла нво ярчи дня и огня...

— Ишь, окаянный! грозно сверкнувъ глазами и отмахиваясь отъ дыма, пустилъ ему вслѣдъ угрюмый старикъ.

— Такъ вотъ, такъ я и мѣкаю, други любезненькіе, продолжалъ свои догадки первый старикъ, — что начальство и требуютъ отъ *нашего*, объясни, молъ, нашъ въ точности каку такую краску твой дилекторъ составляетъ? Ну, значитъ, *нашъ* долженъ знать все какъ есть до капли, что у него на фабрикѣ дѣлается, чтобъ передъ судомъ отвѣтъ держать; ну, и задумалъ *самъ*: все составленіе этой краски при себѣ видѣть, а нехристь-то нашъ Карла-то Карлычъ, не повинуется, потому это, говоритъ, мой секретъ... Вотъ она записка и вышла... Почитай аблокафъ-то Переверзинъ у нѣмца нашего съ часъ запершись сидитъ, вонъ и лошадь его у воротъ стоитъ. — Старикъ указалъ пальцемъ по направлению воротъ, у которыхъ, дѣйствительно, стоялъ запряженный въ дорогіе сани подъ медвѣжьей холостью сѣрый въ яблокахъ рысакъ, нетерпѣливо роя копытомъ грязный снѣгъ.

— Вонъ что, дѣдинька, бають робята, вслушавшись въ послѣднія слова старика вставилъ свое словцо красивый малый съ чуйкой въ накидку на плечахъ, безъ картуза, съ цѣпльнъ стогомъ кудрей на головѣ: — хозяинъ-то нашъ, чу, *панкротъ*... Пропали тогда наши головушки — гдѣ работу найдешь!

— Брешутъ, съ чего ему *панкротомъ* объявится, слава тебѣ Господи, въ капиталъ! Враки!.. Пустое!.. Дѣло небо дереть, а онъ вдругъ *панкротъ*!.. Скулы, видно, у того зачесались, кто такія слова говорить. Ахальникъ народъ! раздались возгласы стариковъ.

На крыльцѣ директорскаго дома показалась довольно видная фигура въ высокой боярской собольей шапкѣ и ильковой шубѣ; за ней тотчасъ же захлопнулась входная дверь и заперлась на замокъ. Говоръ въ толпѣ замолкъ; старики не всѣ, за то молодые фабричные, точно по командѣ, какъ одинъ человѣкъ сняли шапки, встрѣчая поклонами проходящаго по двору адвоката Пе-

реверзина—иѣстную знаменитость, о дѣятельности котораго узнаеть вслѣдїи профѣзжающїи по рязаново-воскресенской желѣзной дорогѣ изъ печатныхъ рекламъ-объявленїи, во множествѣ прибывшихъ на станціяхъ и на стѣнахъ вагоновъ. Съ сознаниемъ собственнаго достоинства, величаво проходилъ этотъ рязановскїй Цицеронъ среди россійскаго плебса, снисходительно приподымая свою богатую шапку въ отвѣтъ на почтительныя привѣтствїя.

— А что, ваше высокородїе, обратился къ нему, снимая шапку и низко кланяясь, знакомый намъ старикъ въ рваной поддевкѣ,—почему такая у насъ запинка произошла?

— А тебѣ хочется скоро умереть, старикъ, кости покоя просятъ? въ свою очередь, отнесся къ нему съ вопросомъ Переверзинъ, прїостанавливаясь около него.

— Какъ такъ умирать, Господи помилуй! вскричалъ озадаченный старикъ.

— А такъ, вотъ если-бъ меня спросилъ объ этомъ вонъ хоть онъ (Переверзинъ указалъ на одного молодого парня въ толпѣ), такъ отвѣтилъ-бъ я ему пословицей: много будешь знать—скоро состарѣешься, а тебѣ говорю: много будешь знать—скоро умрешь. Понялъ?

Въ толпѣ, облѣпившей ихъ со всѣхъ сторонъ, раздался дружный хохотъ.

— Отрѣзаль!.. Не суйся въ воду, не спросяся броду. Туда-же съ пасконнымъ рыломъ да въ калашный рядъ! Ха, ха, ха! трунила молодежь надъ озадаченнымъ старикомъ.

Пока дворникъ отпиралъ калитку, къ ожидавшему выхода Переверзину смѣло подошелъ разухабистый молодой фабричанинъ, хотя остриженный въ скобку, но одѣтый въ скруткѣ.

— Развяжите хоша вы насъ, Павелъ Абрамовичъ: работать мы не работаемъ, съ бѣлаго утра здѣсь слоны продаемъ, а распускать не распускаютъ; какое такое рѣшенье намъ будетъ? спросилъ онъ бойко, выставя впередъ правую ногу и подпершись лѣвой рукой въ бокъ.

— А вотъ какое рѣшенье, взявшись за скобу калитки и отворивъ ее, проговорилъ со смѣхомъ адвокатъ,—прїѣдетъ хозлинь—драть васъ всѣхъ поголовно будутъ, готовьте спины! — Съ послѣднимъ словомъ онъ юркнулъ въ калитку, вскочилъ бойко въ сани и улетѣлъ на своемъ тысячномъ рысакѣ.

— Ха, ха, ха! гудѣла толпа фабричныхъ.—Нѣтъ ужъ это надо погодить, отставить!.. Собака на слова, а душа человѣкъ!.. Балагуръ; одно слово: аблакаты! Умственный человѣкъ! Защитникъ! носились отрывочныя фразы.

— Да вотъ каковъ онъ есть человѣкъ, братцы вы мои, обратился къ толпѣ тотъ-же разухабистый парень:—помните Ваську Зелень, что на фабрику у *Кота*-то, у Кудесникова работалъ?

— Какъ Ваську Зелень не помнить—первый зацѣвало. Душа-парень; насчетъ любовныхъ дѣловъ—ходоць. Одно слово—укусь. Помини! раздалось въ отвѣтъ.

— Какъ этого Ваську. Павелъ Абрамичъ у мирового защитилъ, даже до слезъ... Стра-а-сть! Кудесниковъ насчетъ расчёту извѣстный: ужъ какъ не какъ, хоть пятовъ да отъ нашего брата зажить. Вотъ Васька пришелъ жалованье получать. Слѣдовало-бы ему это по расчёту-то тринадцать съ полтиной, а *Котъ* ему подаётъ краснюху да полтину мѣди. Васька говоритъ: какъ-же моль, такъ, а три-то серебра мои гдѣ-же? Вычетъ, говоритъ, за прогулъ. Ну, парень разгорѣлся, само собой—не пропадать-же своимъ кровнымъ деньгамъ, потому прогулу за нимъ никакого не значилось... ну и разгорѣлся да и говоритъ: это, говоритъ, денной грабежъ, разбой! *Котъ*-то какъ его вдарить въ самую правую щеку; Васька щеку-то зажалъ, обернулся къ двумъ фабричнымъ,—тоже за расчётомъ пришли:—смотрите, говоритъ, почтенные!—только и сказалъ, да и ударился изъ конторы прямо къ Павлу Абрамичу. Тотъ все ему дѣло и обьорудовалъ отличными шаперомъ! свидѣтелей допросилъ, все, какъ слѣдовать, въ лучшемъ видѣ. Далъ Васькѣ изъ своихъ денегъ четвертную: живи, говоритъ, не тужи и ни въ жись не мирись; потомъ Сила Львовичъ обмозгомаши это дѣло, струсилъ и къ Васькѣ засыпать сталъ, чтобъ идти на мировую и опять на его фабрику шель работать, хоша онъ и прогналъ его. Мировые въ тѣ поры были вповѣ; мы съ Никиткой Ковшемъ изъ-за любопытства и пошли на судъ, хоша отъ всѣхъ хозлевъ, по всѣмъ фабрикамъ, приказанье строгое было, чтобъ на этотъ судъ ни одного фабричнаго и духомъ не было. Ну ужъ, братцы, и комедь-же была, что твой театръ. *Котъ* тоже аблакаты взялъ, самъ-то на судъ не пошелъ: Перфикина, изъ землемѣровъ оставшихъ,—знаете, чай?

— Какъ не знать, пропойца. По праздникамъ по базару въ

офицерской фуражкѣ гуляетъ да у торговекъ яблоки воруетъ. Шушера... Жуликъ московскій! отъликнулись изъ толпы.

— Во-во, онъ самый! продолжалъ рассказчикъ.— Вотъ хорошо, и начали они другъ передъ дружкой защищаться. Перфилкинъ что ни скажетъ — словно въ лужу, а Павелъ Абрамычъ слово сказалъ — ножемъ отрѣзалъ, бритва, а не языкъ! А опосля какъ въ задоръ взошли, и почалъ садить и почалъ садить. Коло часу, видно, говорилъ, инда мы въ тѣснотѣ-то взопрѣли. И ужь отчестилъ-же онъ *Кота*. Одначе ему судья замѣтку сдѣлалъ, чтобъ онъ маленечко полегше. И такъ это расписалъ жалостно все, что публика-то какъ въ театрѣ въ ладоши забила. Судья сичасъ въ колоколець этакій махонькій позвонилъ и говорить: здѣсь, чу, этого дѣлать нельзя, потому судъ правый, а не театръ. Сичасъ все замолчали. Почиталъ судья опосля всего въ книжку и говорить: штрафую, говорить, самаго этого Кота на пять дней подъ арестъ и долженъ онъ, Кудесниковъ, выдать деньгами...

— *Самъ ѣдетъ, самъ ѣдетъ!* зычнымъ кривомъ прерываютъ рассказъ фабричнаго дворники и кидаются поспѣшно отворять ворота. Въ одну минуту этотъ крикъ облетѣлъ весь огромный дворъ и толпа фабричныхъ, словно обезумѣвшая, разсыпалась въ разныя стороны и исчезла въ безчисленныхъ дверяхъ фабричныхъ корпусовъ.

Въ то время, когда на дворѣ шли жаркіе дебаты между фабричными о причинахъ пріостановки работъ на фабрикѣ Лекарева, Карлъ Карловичъ Шютцъ, одѣтый въ свой обычный черный сюртукъ и бархатный гранатный жилетъ, тревожно ходилъ изъ угла въ уголь по своей *besuchzimmer*, убранной согласно требованіямъ нѣмецкой брызгливости, чистоты, аккуратности и скупости. Дюжины полторы старомодныхъ красного дерева кресель, подъ бѣлыми чехлами, симетрично тянулись вокругъ стѣнъ, оклеенныхъ розоватыми дешевыми обоями; передъ диваномъ, на небольшомъ войлочномъ коврѣ стоялъ овальный массивный столъ, покрытый бѣлой филейной вязаной скатертью; на немъ красовалась керосиновая лампа на цинковомъ постаментѣ, изображающемъ аркадскаго пастушка съ свирѣлью въ рукахъ; въ двухъ простѣнкахъ, подъ небольшими, въ грубыхъ рамахъ зеркалами, на ломберныхъ столахъ, покрытыхъ тоже филейными скатертями, торчали въ шандалахъ аллике по парѣ пальмовыхъ необожжен-

ныхъ свѣчъ; по четыремъ угламъ стояли плевальницы съ чистымъ пескомъ, аккуратно приматымъ и уложеннымъ въ формѣ затѣливой звѣзды; надъ оконными рамами со спущенными бѣлыми столами, висѣли три клѣтки съ канарейками; три хромолитографическихкихъ лубочныхъ портрета Вильгельма, Бисмарка и Мольтке, въ плоскихъ золотыхъ рамкахъ, за стекломъ, надъ диваномъ, довершали убранство комнаты. Дня копеечной сигарой, Шютцъ весь былъ поглощенъ какиъ-то расчетомъ, который онъ производилъ въ умѣ молча, изрѣдка, виѣствъ съ табачнымъ дымомъ, пропуская сквозь зубы одпосложныя восклицанія, въ родѣ: ja wohl!.. gut! nur frisch!.. So-o! Онъ нѣсколько разъ на ходу засматривалъ чрезъ опущенныя сторы на фабричный дворъ и послѣ каждаго раза на плоскомъ лицѣ его выражалась тревога нетерпѣливаго ожиданія; наконецъ, онъ опустился въ кресло, около окна, вынулъ изъ бокового кармана сюртука листъ форменно сложенной гербовой, четко исписанной бумаги, осторожно развернулъ его и съ хитрой улыбкой самодовольства принялся за чтеніе. Не прошло и пяти минутъ, какъ на дворѣ послышался стукъ подъѣзжающей кареты; Карлъ Карловичъ торопливо спряталъ въ карманъ бумагу, быстро отдернулъ стору, взглянулъ въ окно, поспѣшно отскочилъ отъ него и бросился къ дверямъ въ переднюю.

— Марья! вскричалъ онъ, просовываясь головой въ дверь, — пріѣхалъ Кузьма Терентъ... скажите, что я на свой кабинетъ работайть... Просите его ходить на гостиныя, я будить скоро выходить... Слыхалъ?

— Слушаю, Карло Карлычъ! отвѣтила горничная.

Шютцъ затворилъ за собой дверь въ переднюю, важно поправилъ свои длинные воротнички и шаромъ прокатился въ кабинетъ, хлопнувши дверь и заперши ее на ключъ.

— Пожалуйте, батюшка Кузьма Терентъичъ, въ гостиную, раздался вслѣдъ за этимъ голосъ горничной, — Карло Карлычъ въ кабинетъ, сейчасъ выйдутъ.

— Вотъ еще новости какія!.. Скажи, чтобъ сейчасъ все бросилъ и шелъ сюда! повелительнымъ голосомъ приказалъ Лекаревъ и вступилъ въ гостиную.

На распухшемъ отъ кутежа, рябомъ лицѣ Кузьмы Терентъевича ясно отпечатывалось то гнѣвное волненіе, въ которомъ онъ на-

ходилъ; его обычная неопредѣленная улыбка-грихаса выражалась въ нетерпѣливомъ подергиваніи губъ въ одну сторону, а вѣчно прищуренные глаза учащенно мигали. Бросивъ на первое попавшееся кресло шапку, онъ машинально подошелъ къ окну, съ шумомъ поднялъ стору и, постукивая пальцемъ по стеклу, туло смотрѣлъ на фабричный дворъ, на который вновь повьсыпали фабричные. Лекаревъ ничего не видѣлъ передъ собою; его грубо-тщеславная натуршка была оскорблена стойкостью характера нѣмца и тѣмъ полнымъ неуваженіемъ, какое оказалъ ему служащій. Какъ, думалъ онъ, мнѣ, городскому главѣ, мануфактуръ совѣтнику, кавалеру, миллионеру, руку котораго съ уваженіемъ пожимаютъ сановники, какой-нибудь колбасникъ осмѣлился черезъ моего-же служащаго сказать, что онъ ко мнѣ не пойдетъ, плюетъ на мое приказаніе немедленно явиться, кидаетъ у меня службу и знать меня не хочетъ! За это раздавить, уничтожить мало, гадину! Эту думу парализовала другая мысль: раздавить — раздавлю, а гдѣ возьму другого такого колориста? А чуть не миллионные барыши отъ его секрета? Надо помириться, кинуть за глупую шутку Полосатина пять-шесть радужныхъ — и конецъ. А хотѣлось-бы проучить, каналью! Щелкнувшій замокъ въ кабинетной двери прервалъ нить мыслей Бузьмы Терентьевича; изъ дверей, важно заложивъ одну руку за жилетъ, выходилъ Шютцъ.

— Карлушка, ты съ ума спятилъ!.. рѣзко и громко началъ было Лекаревъ.

— Halt ein!.. побагровѣвши и такъ-же громко перебилъ его директоръ; — я ума не пятили... Я никакой есть Карлушка!.. Ich bin нароченникъ прусски и русски подданы Карлъ Карловичъ Шютцъ. Я не позволяй ви!.. Я больше ни директа и завтра кидай вашъ фабригъ и этотъ квартиръ... Was geht's mich an!.. Вы не смѣять!..

— Послушайте, Карлъ Карлычъ, до крови закусивъ отъ злобы губы, тихимъ, мягкимъ голосомъ началъ Лекаревъ, — вы могли отказаться отъ службы во всякое время: у насъ контракта нѣтъ, но зачѣмъ-же оскорблять меня, прислать съ Васей сказать, что вы ко мнѣ не пойдете, знать меня не хотите, плюете на службу? Чѣмъ я заслужилъ все это? Если у меня въ домѣ васъ оскорбилъ пьяный человекъ, то вѣдь я не могу отвѣчать за всѣхъ моихъ гостей.

— Das lass ich gelten!.. Зачѣмъ вы смѣяль самъ... Я кричалъ zu Hilfe!.. помогайть!.. вы смѣяль.

— Но что-же я могъ съ Полосатиннымъ сдѣлать одинъ, согласитесь?

— Warum nicht gar!.. Вы сказалъ одно слово—и все кончайть... Нѣтъ, вы самъ смѣяли, мене дуракъ дѣлалъ...

— Нисколько... Вы знаете, что я всегда васъ уважалъ глубоко, и теперь прѣхалъ, чтобъ объяснитьсь по этому поводу.

— Ich bitte! сухо прервалъ нѣмецъ, указывая рукой Лекареву одно кресло, а самъ важно опускаясь въ другое.—Что вы хотить объясняйть?

— Карлъ Карловичъ, вы меня, слава-богу, знаете десять, пятнадцать лѣтъ: я человекъ прямой, откровенный. Вы мнѣ нужны, дороги для моей фабрики! оставимъ все это дѣло, помиримся... заискивающимъ голосомъ и протягивая руку проговорилъ Лекаревъ.

— Potztausend!.. не подавая руки, вскричалъ Шютцъ.—Какъ мирили?.. Вы меня такъ оскорбляль... и я такъ мирили? Pfiu doch! da sei Gott vor!

— Я передъ вами извиняюсь, Карлъ Карловичъ, и чтобъ позабыть окончательно эту грустную исторію и остаться по-прежнему друзьями, прошу васъ, примите вотъ этотъ пакетъ.

Кузьма Терентьевичъ вынулъ изъ бокового кармана запечатанный пакетъ и подалъ директору.

— Aber was ist das? не принимая конверта спросилъ Шютцъ.

— Это пятьсотъ рублей... подарокъ отъ меня на булавки вашимъ дочерямъ. Возьмите, Карлъ Карловичъ... забудемъ прошлое и будемъ...

— Ха, ха, ха, разразился язвительно нѣмецъ.—Пятьсотъ рублей! Вы думать, такъ мене оскорбляйть, рвать мене сюртукъ, дѣлать нѣмецки хвостъ. Ха, ха, ха! хотить за пятьсотъ рублей я прощаль, забиваль обидъ? Schon gut!.. Warum nicht gar!.. Моя честь покупайть! ха, ха, ха!

— Это просто любезность съ моей стороны. Я чести вашей не покупаю, я просто хочу помириться съ вами, чтобъ вы остались директоромъ, начиная терять терпѣніе, дрожащимъ отъ злобы естественно мягкимъ голосомъ произнесъ Лекаревъ.

— Да, вы хотите это? Я буду мирить и опять директа будить? Petz? правда!

— Неужели вы сомнѣваетесь въ этомъ: для чего-же я пріѣхалъ, для чего извиняюсь передъ вами? Честное слово, что...

— О, gut! Я вамъ вѣрить; я готовъ мирить, вѣтъ вамъ мой условій, торжественно перебивая Лекарева и подавая ему вынутую изъ кармана гербовую бумагу, кончилъ разговоръ свой Карлъ Карловичъ.

— Что это, контрактъ? спросилъ тотъ, изумленно взглянувъ на раскрытую бумагу.

— Читайте! съ язвительною улыбкой и потирая свои жирныя руки, небрежно отвѣтилъ нѣмецъ.

— Какъ! что-о?! не вѣря глазамъ своимъ, окончательно изумленный вскричалъ Кузьма Терентьичъ. — Контрактъ на десять лѣтъ! жалованья по десяти тысячъ ежегодно, съ правомъ бросить меня во всякое время, когда вамъ вздумается, и съ неустойкой въ тридцать тысячъ, если-бъ я захотѣлъ вамъ отказать, а?!

— Такъ есть... вы читаете! *unfehlbar!*.. Вѣрно! хладнокровно отозвался Шютцъ, покойно опуская въ карманы панталонъ свои коротенькія руки. — Сейчасъ ѣдемъ на нотаріуса и я вашъ покорна директоръ! весело прибавилъ онъ.

— Да вѣдь это въ десять лѣтъ составитъ сорокъ тысячъ разницы! могъ только проговорить Лекаревъ, задыхаясь отъ злобы.

— Такъ есть! За то вы будите знать, какъ дорого есть нѣмецки хвостъ, ха-ха-ха! острилъ директоръ.

Лекаревъ молча и не двигаясь сидѣлъ на креслѣ; по всему лицу его пробѣгала нервная судорога; онъ какъ-то не человѣчески хрипѣлъ, крѣпко сжавши зубы.

— Вы не хотите? равнодушнымъ тономъ спросилъ его, послѣ довольно продолжительной паузы, Шютцъ. — Принимайте отъ меня всѣ книги и фабрикъ, и квартиръ: я завтра ѣхалъ на другой фабрику, къ Подъехинъ.

— Ѣдемъ, сію минуту ѣдемъ! порывисто вскакивая съ кресла, какимъ-то сиповатымъ голосомъ прохрипѣлъ Лекаревъ. — Я согласенъ, только скажи ты мнѣ: это Переверзинъ сочинялъ контрактъ?

Нѣмецъ съ сіяющимъ лицомъ таинственнымъ кивкомъ головы подтвердилъ вопросъ фабриканта.

— А, ладно! Ёдемъ! Скорѣй, скорѣй! Мнѣ душно здѣсь! кидаясь къ выходнымъ дверямъ, говорилъ онъ.—Раздавлю, уничтожу! съ грязью сотру! Брехачи продажныя! Треклятое племя! тяжело дыша, бурчалъ Кузьма Терентьевичъ, садясь въ карету съ Карломъ Карловичемъ.

Не прошло и получаса, какъ фабрикантъ и директоръ, по подписаніи контракта у нотариуса, возвращались на фабрику вмѣстѣ, въ одной каретѣ. Декаревъ былъ мраченъ и золъ, не отвѣчалъ ни на одинъ вопросъ Шютца и до крови искусалъ себѣ губы; напротивъ, Карлъ Карловичъ сіялъ отъ восторга и, видя, что патронъ упорно молчитъ, затянулъ своимъ далеко не мелодическимъ голосомъ сантиментальный романсъ:

O, wie wohl ist mir am Abend.
Wenn die Glocke zu Ruhe läutet...

Карета остановилась у подъѣзда квартиры Шютца; онъ вылезъ изъ нея и, держась рукой за отворенную каретную дверцу, обратился не безъ ироніи въ голосъ къ своему патрону:

— Ви хотите, можетъ, на мировой у менѣ рюмка пива съ выпивайтъ?

Декаревъ молчалъ.

— Ну, такъ скажите вашъ Полосатый и другихъ людей, что ви видаль нѣмецки хвостъ, что его стоятъ сорокъ тысячъ рубли серебромъ, ха-ха-ха!

— Пошелъ! громко крикнулъ, высовываясь изъ каретнаго окна, Декаревъ и снова бухнулся на эластическія подушки кареты.

— Ха-ха-ха! закатывался смѣхомъ Шютцъ, держась за бока и наблюдая съ своего высокаго крыльца отъѣзжающій экипажъ.—Huttag! прокричалъ онъ, когда карета съѣхала со двора.—Gottlob! Ви, будите знайтъ нѣмецки хвостъ!—И, обратясь къ массѣ фабричныхъ, моментально наполнившихъ дворъ, повелительно закричалъ: — я сейчасъ буду ходить въ химически отдѣленіе... ви маршъ на работъ! Vorwärts! маршъ на работъ! и скрылся въ дверяхъ квартиры.

Старики съ недоумѣніемъ взглянули ему въ слѣдъ, почесали затылки и нехотя поплелись въ глубину двора. Молодежь дружно гаркнула модную пѣсню:

Не сама машина ходить —
Паровикъ машину возить;

Она ходить и свистить,
 За собой много тащить:
 Всѣ шестнадцать-то вагоновъ
 Лупить прямо безъ прогоновъ.
 Дровъ, воды ѣсть, пить по многу,
 Да и стонеть всю дорогу.
 Отдай денежки на мѣстѣ—
 Очутись верстъ за двѣсти:
 Часа много черезъ три
 Очутись у Твери;
 Повалившись на бочекъ,
 Проспишь городъ Волочекъ.
 Въ Бологоемъ призакусишь,
 Ни о чемъ себѣ не тужишь.
 Утромъ только глаза вытеръ
 Прямо въѣхалъ въ городъ Питеръ:
 Распрекрасная столица
 Славный городъ Петербургъ!

Николай Потѣхинъ.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНО-ЛИ МЫ БОГАТЫ?

V.

Въ числѣ другихъ капитальныхъ вопросовъ, имѣющихъ непосредственную связь съ общимъ строемъ нашей экономической жизни, комиссія 26 мая не оставила безъ разсмотрѣнія и вопросъ объ *абсентеизмѣ*, т. е. о „фактѣ отсутствія помѣщиковъ изъ среды своихъ хозяйствъ и удаленіи ихъ отъ непосредственнаго распоряженія хозяйствомъ“.

При обсужденіи, съ чисто-экономической точки зрѣнія, вопроса объ абсентеизмѣ, какъ объ одномъ изъ сельско-хозяйственныхъ недостатковъ послѣдняго времени, нѣкоторыми членами комиссіи выражено было мнѣніе, что главную причину абсентеизма составляетъ не недостатокъ предоставленныхъ помѣщикамъ правъ и средствъ по участію въ дѣлахъ общественной жизни, а недостатокъ трехъ факторовъ въ помѣщичьемъ быту—техническихъ познаній, капитала и труда, въ особенности послѣдняго, какъ двигателя, обуславливающаго желаніе и возможность принять участіе въ общественной дѣятельности; что дарованіе новыхъ правъ и льготъ и возложеніе новыхъ обязанностей не привлечетъ помѣщиковъ къ участію въ общественныхъ дѣлахъ, особенно въ скромной сферѣ волостной жизни, въ деревенской глуши, какъ не привлекло ихъ даже къ участію въ мировыхъ сѣздахъ дарованное многимъ изъ нихъ званіе почетныхъ мировыхъ судей; что, напротивъ, тутъ кроется чисто-экономическія побужденія къ абсентеизму, денежные—убыточность хозяйствъ и большая сравнительно выгодность другихъ занятій, а именно, службы, промышленныхъ и спекулятивныхъ предпріятій, сдѣлавшихъ въ послѣднее время несомнѣнный прогрессъ.

Слѣдовательно, та-же необезпеченность со стороны почвы, со сто-

роны земли, именно то, что влечетъ крестьянина въ „отхожіи промыслы“, то-же самое выгоняетъ изъ имѣній и помѣщиковъ, и абсентеизмъ, какъ и отхожіи промыслы, разсматриваемые съ этой, исключительно экономической, точки зрѣнія, несомнѣнно обнаруживаютъ присутствіе бѣдности, необеспеченности матеріальныхъ отправленій жизни какъ въ крестьянской избѣ, такъ равно и въ помѣщичьей усадьбѣ. Нашъ „крестьянскій“ и „помѣщичій отхожіи промыслы“ или, что то-же, „крестьянскій“ и „помѣщичій абсентеизмъ“,—суть явленія тождественныя съ исканіемъ крестьянами „новыхъ земель“, новыхъ заработковъ, равносильныя бурлачеству,—повидимому, явленію вымирающему, но въ сущности вырождающемуся въ иную форму, въ новую разновидность крестьянскаго и дворянскаго бурлачества,—все это тѣ-же проявленія, что исканіе нѣмецкими менонитами земель или въ Заволжьѣ, между киргизами и башкирами, или въ Австраліи между папуасами,—то-же, что выселеніе изъ Германіи нѣмцевъ, а изъ Ирландіи англичанъ въ Америку,—то-же, что расселеніе, въ послѣдніе годы, чеховъ по всей землѣ то въ видѣ земледѣльцевъ и рабочихъ на Волгѣ, то въ видѣ пионеровъ цивилизаціи въ Канадѣ.

Поэтому, намъ кажется, нѣтъ основаній дѣлать побужденія къ абсентеизму землевладѣльцевъ и побужденія къ тому-же абсентеизму неземлевладѣльцевъ на два разныя побужденія, какъ это дѣлаетъ комиссія; намъ кажется, напротивъ, что это одно нераздѣлимое побужденіе, и притомъ экономическое, создавшее только два отдѣльных „отхожихъ промысла“—отхожіи промыслы крестьянскій и отхожіи промыслы землевладѣльческій, или что то-же, абсентеизмъ землевладѣльческій и абсентеизмъ крестьянскій. Крестьянинъ, при неполной обеспеченности своего экономическаго быта отъ земли, находитъ подмогу въ отхожемъ промыслѣ, въ заработкѣ на сторонѣ, въ бурлачествѣ, косарствѣ, въ житнѣ, въ извозномъ промыслѣ, въ плотничныхъ, штукатурныхъ и земляныхъ работахъ въ Петербургѣ, на желѣзныхъ дорогахъ и т. д. Землевладѣлецъ, тоже при неполной обеспеченности своего экономическаго быта отъ той-же земли, ищетъ и находитъ воспособляющія средства въ государственной, земской и общественной службѣ, въ томъ-же Петербургѣ, гдѣ ихъ находитъ и крестьянинъ, на тѣхъ-же желѣзныхъ дорогахъ, только въ качествѣ концессионера, акціонера, инженера, въ банковыхъ и другихъ кре-

дитныхъ учрежденіяхъ, въ судѣ, адвокатурѣ, литературѣ и т. д. Въ другомъ мѣстѣ мы говорили *), что, подъ вліяніемъ экономическихъ побужденій, населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей Поволжья творческой силой своего ума создало такіе кустарные и отхожіе промыслы, о которыхъ нигдѣ не слыхано, какъ, напр., кустарное „кошатничество“, экономическій кусть коего разросся на нѣсколько губерній въ районѣ и внѣ района Поволжья, кустарное „ястребничество“, производимое посредствомъ производства соломенныхъ крышъ для ловли ястребовъ, сбытомъ коихъ и покрываются податныя и другія экономическія нужды даннаго населенія, и т. д. Таковыми-же, конечно, чисто-экономическими побужденіями руководствуется и значительная масса небогатыхъ землевладѣльцевъ, изыскивая воспособленіе къ своимъ доходамъ внѣ имѣній, въ государственной-ли службѣ, въ акціонерныхъ-ли предпріятіяхъ, разнообразіе коихъ едва-ли уступить разнообразію и иногда своеобразной оригинальности крестьянскихъ кустарныхъ промысловъ. Каждый ищетъ тамъ приложенія своихъ экономическихъ, умственныхъ, а равно и мускульныхъ силъ, гдѣ затраченная сила дастъ возможно большій процентъ: если хотите — назовите все это абсентеизмомъ.

Во всякомъ случаѣ, мы скорѣе склонны думать, что вышеупомянутыя явленія, какъ кустарные и отхожіе промыслы, тождественныя по существу съ экономическимъ абсентеизмомъ, еще не обнаруживаютъ экономической слабости страны и не служатъ къ пониженію ея продуктивнаго уровня, а, напротивъ, должны имѣть образовательное, развивающее экономическое значеніе: это значитъ, что населеніе, къ какому-бы классу оно ни принадлежало, ищетъ болѣе разумнаго, наиболѣе реальнаго приложенія своихъ силъ, физическихъ и умственныхъ. Въ этомъ широкомъ, историческомъ отхожемъ промыслѣ русская страна исповонъ-вѣку проявила свое великое призваніе: наши великіе историческіе работники, „отхожіе промышленники“, какъ именитые люди Строгановы, Демидовы, а при ихъ помощи Ермакъ Тимофеевичъ „примыслили“ русской землѣ цѣлую Сибирь съ ея собовами; „отхожіе рыбаки“ — малороссійскіе казаки примыслили намъ Новороссію; Петръ Великій, этотъ геніальный „отхожіи плотникъ“,

*) Современное экономическое значеніе Поволжья. „Дѣло“, №№ 5—7.

отхожіи „бомбардиръ“ и „шекиперъ“ примыслилъ и заработалъ намъ море съ Петербургомъ, примыслилъ всю Европу и ея цивилизацію.

Значеніе „отхожаго промысла“ въ экономической и исторической жизни всей русской земли до настоящаго времени не было никѣмъ достаточно объяснено; а между тѣмъ громадное его значеніе въ исторіи развитія не только русскихъ экономическихъ, но и государственныхъ силъ безспорно и стоитъ того, чтобъ было выяснено съ должной обстоятельностью.

Отхожіи промыселъ и колонизація были создателями той великой территоріи, которая называется русскою землею въ полномъ и обширномъ значеніи этого слова. Тѣснимый нуждою на Дунаѣ, теряя свои земли и свои первобытныя усадьбы, которыя захватывалъ болѣе сильный и воинственный непріятель, русскій человѣкъ-славянинъ поголовно пошелъ въ отхожіи промыселъ—отыскивать новыхъ мѣстъ для своихъ усадебъ, для пастбы своего скота, для земледѣльческаго, рыбнаго, пчелинаго и скотоводскаго промысловъ: онъ пошелъ къ сѣверу, въ нынѣшнюю Россію, и сталъ находить заработки на Днѣпрѣ и по его притокамъ. Такъ основалась кievская Русь. Изъ Кіева русскій человѣкъ пошелъ далѣе въ отхожіи промыселъ—къ нынѣшнему Новгороду и Пскову, между мери, веси и кривичей; тамъ онъ основалъ новгородскую и псковскую область. Оттуда отхожіи промыселъ тянулъ русскаго человѣка еще далѣе—къ угрѣ, къ печерѣ, въ за-двинскія страны. Отхожимъ промысломъ создались богатыя и могущественныя новгородскія владѣнія, которыя съ одной стороны упирались въ Ледовитое море, съ другой—въ Уральскій хребетъ.

Но отхожіи промыселъ русскаго человѣка не остановился па этомъ. Обезпokoиваемые на югѣ и сѣверѣ внутренними усобицами, княжескими распрями изъ-за удѣловъ, съ другой стороны, отъ степей, тѣснимые половцами, которые русскими „смердамъ“ не давали пахать землю, отнимали у нихъ рабочихъ лошадей и скотъ, русскіе „смерды“ двигались въ глубь нынѣшней русской земли, на дальнѣйшіи отхожіи промыселъ. Такъ, съ этимъ промысломъ, русскіе рабочіе смерды пробрались въ земли мордовскія и въ другія страны, занимаемыя финскими и тюркскими невоинственными народами, и вотъ уже въ XII вѣкѣ русскіе отхожіе промышленники для „звѣринаго“, „рыбнаго“, „пчелинаго“ и

которыхъ-бы могли, въ случаѣ нужды, укрываться отъ враговъ, — это города: Ростовъ, Суздаль, Переяславъ-Залѣсскій, Дмитровъ, Угличъ, Зубцовъ, Молога, Юрьевъ, *Москва*, Владиміръ, Ярославль, Тверь, Галичъ-Мерскій, Городецъ и др.

Это были буквально мирныя завоеванія русскаго отхожаго промысла: изъ лѣтописей мы знаемъ, что новгородцы, сидѣвшіе по лѣсистымъ мѣстамъ, были хорошіе плотники и строили тѣ самыя лодки, сплавляемыя ими на продажу въ Кіевъ, на которыхъ и кіевскіе руссы съ Игоремъ и Святославомъ, и варяги дѣлали свои знаменитыя морскіе походы на грековъ, громили Константинополь и возвращались оттуда съ богатою военною добычею; въ новгородской-же, суздальской, владимірской и потомъ въ московской Руси эти-же русскіе люди ловили звѣря, разводили по лѣсамъ пчелиныя борти и платили своимъ князьямъ дань и оброкъ „скорами“ (шкурами звѣрей) — кунцею, бѣлкою, веверицею, а равно добываемымъ въ бортихъ медомъ и воскомъ.

Все это были, такимъ образомъ, „отхожіе промыслы“, и отъ „отхожихъ промысловъ“ „пошла русская земля“, какъ говорится въ лѣтописяхъ. На мѣстахъ „отхожихъ промысловъ“ образовались потомъ сильныя княжества — суздальское, владимірское, тверское, разанское и т. д. Затѣмъ въ средѣ ихъ сплотилось великое княжество московское. Но и на этомъ не остановились „отхожіе промыслы“: сначала изъ Новгорода выходили на далекіе „отхожіе промыслы“ наиболѣе смѣлые и предприимчивыя „молодчіе люди“, которые на своихъ „ушкуяхъ“ (лодкахъ) — отчего и назывались „ушкуйниками“ — пробирались на Волгу, проплывали все Поволжье до Астрахани, знакомясь съ далекими окраинами будущей русской земли и возвращаясь оттуда съ богатыми заработками. Иные изъ русскихъ людей шли на Донъ ловить рыбу и тамъ основали казачество, которое, лова рыбу, воевало съ сосѣдями, а потомъ выдѣлило изъ себя небольшую дружину, которая, подъ начальствомъ Ермака, двинулась еще далѣе, въ Сибири. Тамъ эта бродячая дружина встрѣтила другихъ русскихъ людей, которые тоже вызваны были туда „отхожимъ промысломъ“ и добывали уже не звѣря только, не шкуру звѣриную, и не воскъ и медъ, а выкапывали изъ нѣдръ земли желѣзо и золото, обогащая тѣмъ русскую землю. Тамъ уже были Строгановы съ „лѣсного“ промысла срубили себѣ новые деревянные города, въ

своимъ „отхожимъ промысломъ“, и отъ нихъ-то Ермакъ пошелъ еще далѣе на промыселъ, въ Сибирь.

Съ другой стороны, изъ кievской Руси, впоследствии, русскіе люди стали уходить въ „отхожій промыселъ“ на югъ, въ пустынные степи, ловить рыбу за днѣпровскими порогами, по днѣпровскимъ лиманамъ и по Черному морю; чтобы безопаснѣе было ловить рыбу, пасти свои стада и стрѣлять звѣря, эти русскіе рабочіе основали себѣ на островкѣ Днѣпра шалаши, „курени“, и изъ этого вышла Запорожская Сѣчь, а съ помощію запорожцевъ впоследствии Григорій Потемкинъ примыслилъ Россіи всю степь до моря — всю нынѣшнюю богатую и цвѣтущую Новороссію съ Крымомъ.

Такова историческая и экономическая роль нашего „отхожаго промысла“.

Посмотримъ-же, чѣмъ онъ вызывается теперь, при нашемъ современномъ экономическомъ строѣ, и тогда мы убѣдимся, что въ немъ слѣдуетъ видѣть не экономическую слабость русской земли, не безсиліе ея народа, а задатки нашего развитія въ будущемъ, признаки большой нравственной силы русскаго народа и живучести этой силы.

Тверская земля была одною изъ первыхъ, куда въ древней Руси русскій человѣкъ ходилъ въ отхожій промыселъ. Тамъ-же основанъ былъ, вслѣдъ за Новгородомъ и раньше Москвы, одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ городовъ — Тверь, впоследствии тверское великое княжество, которое долго соперничало съ юнѣйшею Москвою и было потомъ ею побѣждено. Слѣдовательно, на тверской землѣ очень давно живетъ русскій человѣкъ, очень давно ее пахнетъ и питается ею, — такъ давно питается, что земля эта давно уже перестала его прокармливать: тверская земля слишкомъ густо заселена уже русскимъ человѣкомъ и не въ силахъ уже питать его. Изъ собранныхъ комиссіею данныхъ оказывается, что тверская земля или часть ея, нынѣшняя тверская губернія, дѣйствиельно не прокармливаетъ своего населенія.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что именно тѣ мѣстности, гдѣ сидитъ населеніе при малой имущественной обеспеченности, наиболѣе и страдаютъ крестьянскимъ абсентеизмомъ или отхожимъ промысломъ.

Достойно глубокаго вниманія и историка, и экономиста то об-

стоятельство, что въ тѣхъ именно мѣстностяхъ наиболѣе развитъ отхожій промыселъ, которыя составляли древнѣйшія и первобытнѣйшія метрополиі русской земли, гдѣ ранѣе всего привилась гражданственность, тѣ именно старѣйшія области, откуда „пошла“ настоящая земля, по выраженію древнихъ бытописателей. Это области — новгородская, псковская, тверская, владимірская, ярославская, костромская, московская, смоленская, — пѣвогда самостоятельныя удѣльныя княжества, въ настоящее время считающіяся самыми бѣдными по отношенію къ производительнымъ силамъ земли, давно отказавшейся прокармливать сидящее на ней густо сплоченное населеніе, и самыми богатыми по отношенію приложенія труда умственного и физическаго къ добыванію себѣ средствъ къ жизни помимо земли, а именно отхожимъ промысломъ, кустарною промышленностью и культурно-мануфактурнымъ, фабричнымъ и заводскимъ производствомъ. Въ этихъ мѣстностяхъ, какъ и въ трудѣ сидящаго на нихъ населенія, все болѣе и болѣе сглаживаются примитивныя приемы производства: тутъ уже въ ходу не одна сила или плугъ, какъ въ молодомъ среднемъ Поволжьѣ и Заволжьѣ, а машина, станокъ, паръ, научныя примѣненія химіи и технологии къ производству; тутъ уже папахиваетъ Европой, возмущалостью и челоуѣка, и его труда; тамъ — пока еще вѣетъ беззаботной юностью, которая пока надѣется прокормиться и безъ отхожаго труда, и безъ пара, безъ станка, безъ химіи и вообще безъ науки. Для населенія метропольныхъ мѣстностей началась уже школа жизни съ ученьемъ на сторонѣ, въ отхожемъ промыслѣ, въ отхожемъ заработкѣ и въ сидячемъ трудѣ на фабрикѣ, въ мастерской, въ „свѣтлицѣ“; тамъ школа эта почти еще не пачиналась, потому что сравнительно младенческому населенію можно еще кормиться изъ рукъ матери-земли.

Поэтому въ высшей степени важно прослѣдить развитіе и характеръ отхожаго промысла въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, особенно-же въ соотношеніи съ кустарными и другими промыслами, а равно со всѣми остальными производительными силами данныхъ мѣстностей.

Начнемъ съ метропольныхъ мѣстностей. Значительная часть населенія тверской губерніи сидитъ на разномъ промыслѣ, обусловливаемомъ мѣстною природою, характеромъ ея производительности и географическимъ положеніемъ. Вырубка и сплавка лѣса и

дровъ, изготовленіе деревянныхъ издѣлій—это признакъ достатка въ лѣсѣ. Затѣмъ идетъ сапожное производство, исторически унаслѣдованное тверскимъ, собственно корчевскимъ и калязинскимъ населеніемъ: центромъ куста этого производства является знаменитое село Кимры, которое съ своимъ широкимъ райономъ сидитъ исключительно на сапогѣ и ботинкѣ и отъ него питается, снабжая продуктомъ своего сидячаго труда Петербургъ, Москву, Нижний, Харьковъ и даже самый далекій югъ Россіи — Ростовъ-на-Дону. Другая часть населенія сидитъ на выковкѣ сапожнаго гвоздя: на этомъ трудѣ сидитъ и кормится не только взрослый, но и ребенокъ отъ десятилѣтняго возраста, и женщина, потому что земля давно отказалась кормить ихъ. Нѣкоторыя части населенія заняты пряденіемъ льна, тваньемъ холстовъ и полотенецъ, шитьемъ платья, тулуповъ, шапокъ, рукавицъ и валяльнымъ промысломъ и все это, конечно, не на себя, а на другихъ, для продажи на сторону. Есть и артельная сироварня у крестьянъ корчевскаго уѣзда. Птица откармливается для продовольствія Петербурга. Рыболовство, какъ промыселъ, занимаетъ немного рукъ. Но огромная часть населенія не можетъ приложить своихъ рукъ къ перечисленнымъ нами промысламъ, не можетъ приложить ихъ всецѣло и къ землѣ, потому что земля не даетъ слѣдующаго съ нея процента, — и вотъ массы незанятыхъ рукъ должны искать отхожаго промысла. Такъ вся та половина населенія весьегонскаго уѣзда, которая не находитъ возможности или достаточной пользы въ приложеніи своего труда къ землѣ и къ сидячему промыслу, уходитъ въ отхожій промыселъ въ качествѣ плотниковъ, каменщиковъ, печниковъ, землекоповъ, судорабочихъ, а равно и въ извозъ, у кого есть лошадь. Дома остаются только старики, бабы и дѣти, которые и поддерживаютъ хозяйство, въ которомъ, впрочемъ, и поддерживать почти нечего, потому что домашній скотъ ограничивается двумя курицами, а овинъ безъ хлѣба — на девять дворовъ. Въ вышневолоцкомъ уѣздѣ отхожій промыселъ влечетъ крестьянъ на сплавъ судовъ къ Новгороду и къ Петербургу, хотя и тутъ населенію приходится искать новаго отхожаго промысла, такъ-какъ проведеніе въ этихъ мѣстностяхъ желѣзныхъ дорогъ отбило у крестьянъ ихъ исконный, историческій заработокъ. Изъ другихъ частей уѣзда, особенно изъ борзинской волости, крестьяне, въ видѣ „швецовъ“, идутъ въ

другія губерніи и тамъ являются странствующими портными, которыхъ весь инвентарь заключается въ наперстѣ, иглѣ и ножницахъ (не у всякаго). Другіе расходятся по разнымъ мѣстамъ въ видѣ плотниковъ, съ единственнымъ орудіемъ — топоромъ и стамеской, въ видѣ печниковъ и шерстобитовъ, вооруженныхъ шерстобитною струною. Даже женщины идутъ въ отходъ, несмотря на свое призваніе — охранять семейный очагъ и ухаживать за домашней птицей (двѣ курицы). Женщины эти отправляются больше въ ярославскую губернію, въ ростовскій уѣздъ, гдѣ и работаютъ у огородниковъ съ Петрова дня до Воздвиженья или до Покрова. Изъ этого отхожаго промысла хорошая работница, смотря по курсу заработной платы, приноситъ въ свое хозяйство отъ 35 до 50 р. — двойную сумму того, что стоитъ ея домъ и все хозяйство. Часть мужиковъ идетъ въ Москву, въ Петербургъ и особенно въ Рыбинскъ на „крючный промыселъ“, въ куленосы. Промыселъ очень выгоденъ для крестьянъ: годами крючники зарабатываютъ до 3 и 5 рублей въ сутки! Это такой громадный и не для крестьянина заработокъ, что изъ-за него можно бросить и жалкое хозяйство, и клочекъ чахлой земли, но промыселъ этотъ представляетъ то неудобство, что, при хорошемъ, хотя тяжело зароботѣ, крючникъ ищетъ временнаго отдохновенія и развлечения; а работая въ такомъ городѣ, какъ Рыбинскъ, гдѣ самое скопленіе пришлаго народа, богатыхъ купеческихъ сыновъ и прикащиковъ, а равно бѣдныхъ бурлаковъ и крючниковъ, до крайности деморализовало населеніе, крючникъ нерѣдко поддается соблазну облагороженнаго, будто-бы, кабака — трактира съ музыкой, дома терпимости, соблазну азартныхъ игръ въ орлянку и проч., и потому часто въ Рыбинскѣ-же спускаетъ все, что заработалъ тяжелымъ трудомъ. За то умѣренный и благоразумный крючникъ скоро поправляетъ свое хозяйство.

Ясно, что если крестьянину предстоитъ выборъ — тощій клочекъ земли безъ лошади и навоза или отхожій промыселъ съ перспективой заработка, то онъ выбираетъ трудъ на сторонѣ, считывая еще и то, что часть хлѣба, которую онъ самъ съѣлъ бы, оставаясь дома, онъ предоставляетъ женѣ и дѣтямъ, а самъ уже кормится хлѣбомъ отъ промысла или отъ хозяина, отъ артельщика.

Въ такія-же условія въ экономическомъ отношеніи поставлена

и другая, еще болѣе древняя метропольная земля—новгородская. Тысячу лѣтъ назадъ, при самомъ началѣ Руси, новгородцы считались хорошими „плотниками“, въ виду, конечно, того естественнаго условія, что новгородская земля была лѣсистая. Мы уже видѣли, что древніе новгородцы строили лодки, спускали ихъ на югъ до Днѣпра, по „варажскому пути“, продавали ихъ частью проходившимъ чрезъ русскую землю „въ греки“ варягамъ, частью кіевлянамъ и другимъ „полянѣмъ“, которые на этихъ лодкахъ и громили византійскую имперію. Когда при князѣ, Ярославѣ, издатель „Русской правды“—перваго писаннаго русскаго закона, въ X—XI вѣкѣ, сѣверная или новгородская Русь воевала съ южною или кіевскою и ратями, первой предводительствовалъ Ярославъ, у котораго одна нога была нѣсколько сведена, то юнорусскіе ратные люди смѣялись надъ новгородскими ратными людьми, обзывая ихъ „плотниками съ хромымъ княземъ“. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но и теперь лѣсной промыселъ составляетъ нѣкоторое воспособленіе въ крестьянскихъ скудныхъ заработкахъ, которые новгородцы получаютъ отъ своей скудной земли. Тотчасъ по уборкѣ хлѣба значительная часть населенія новгородской губерніи отправляется на заработки въ лѣсныя дачи. Заготовка и вывозка лѣса производятся втеченіи зимы, а сгонъ его по сплавнымъ рѣкамъ бываетъ втеченіи перваго мѣсяца по вскрытіи рѣкъ. Въ тихвинскомъ уѣздѣ 60% всего населенія занимаются этимъ промысломъ. Рубщики получаютъ въ день по 60 коп. на своемъ содержаніи съ лошадью, а пилюю дровъ мужчина и женщина съ лошадью зарабатываютъ, тоже на своемъ содержаніи, 75 коп. въ сутки. Въ зимнее время, втеченіи 110 дней, каждый рубщикъ зарабатываетъ 66 руб., а пила — 82 руб. 50 коп. Во время весны, въ апрѣлѣ, то-же самое число рабочихъ занимается сплавомъ бровенъ и дровъ, получая 40 коп. въ день на козьякомъ содержаніи. Работа эта крайне вредна для здоровья, такъ-какъ имъ приходится бродить въ холодное время въ водѣ, а въ мѣстахъ, гдѣ сплавныя рѣки проходятъ по болотистымъ равнинамъ, дѣлать искусственныя русла изъ сгребаемаго въ валы снѣга, для того, чтобы дать движеніе сплавляемымъ дровамъ и прямое направленіе къ назначенному для нагрузки мѣсту. Выгрузка на берегъ и нагрузка на барки дровъ производятся въ то-же время и тѣми-же рабочими, получающими за это отдѣльно по 30 коп. съ сажени.

Въ устюженскомъ уѣздѣ рубка и вывозка лѣса къ сплавающимъ рѣкамъ даютъ на каждаго двухъ работниковъ съ лошадей 56 р. въ зиму. Выгонка заготовленнаго для сплава изъ мелкихъ рѣкъ лѣса въ р. Мологу, по вскрытіи рѣчекъ, а равно сплавки этого лѣса Мологою до Рыбинска, даютъ въ первомъ случаѣ по 9 руб., а во второмъ—по 12 руб. Бѣлозерскій уѣздъ весь уходитъ въ лѣса на заработки и каждый работникъ выручаетъ въ зиму чистой прибыли 15 руб. Въ кириловскомъ уѣздѣ нѣкоторыя волости возятъ бревна изъ казенныхъ дачъ на р. Лемь, и каждый конный работникъ выручаетъ въ зиму 20 руб. чистой прибыли.

Судоходство и судостроеніе, унаслѣдованныя новгородцами отъ своихъ предковъ, изъ которыхъ не мало было „ушкунниковъ“, развиты преимущественно въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ воднымъ системамъ, соединяющимъ Волгу съ Онежскимъ и Ладожскимъ озерами. Въ большомъ ходу бурлачество и лопманство. Въ особенности устюженскій уѣздъ выдѣляетъ значительную часть населенія для таги судовъ по тихвинской системѣ, отъ Рыбинска до Тихвина. Пѣшій бурлакъ зарабатываетъ за все время навигаціи отъ 25 до 30 руб., а конный, на парѣ лошадей,—до 50 руб. Лопмана выручаютъ въ навигацію по 96 руб. на своемъ содержаніи. Изъ кириловскаго уѣзда крестьяне ходятъ тащить суда отъ р. Ковжи до г. Вытегры, зарабатывая въ періодъ навигаціи по 40 руб. Съ складами-же ходятъ въ Каргополь и до Сомины. Судостроеніе особенно развито въ селеніяхъ, лежащихъ на рр. Мологѣ и Чагодощѣ. Въ одномъ устюженскомъ уѣздѣ промысломъ этимъ занимаются нять волостей и строятъ ежегодно для продажи въ Рыбинскѣ до 4,000 судовъ—соминовокъ, тихвинокъ, межеумокъ, „народныхъ лодокъ“, завозней и пр. Стройка судовъ производится артелями. Выручка рабочаго въ три мѣсяца стройки—до 25 руб.

На этомъ мы считаемъ умѣстнымъ остановиться съ общей характеристикой мѣстныхъ крестьянскихъ промысловъ двухъ древнѣйшихъ метропольныхъ областей русской земли и перейти къ систематическому разсмотрѣнію исключительно отхожихъ промысловъ во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, такъ-какъ промысламъ этимъ мы придаемъ особенное значеніе въ экономической жизни русскаго народа,—значеніе, которое доселѣ никѣмъ достаточно не оцѣнено.

VI.

Развитіе и характеръ отхожихъ промысловъ, при сравненіи ихъ по разнымъ мѣстностямъ и полосамъ Россіи, ближе всего обнаруживаютъ, гдѣ богата Россія и гдѣ она бѣдна, гдѣ она уже проникается культурными началами и гдѣ еще нѣтъ или мало культурныхъ зачатковъ, и гдѣ, наконецъ, естественныя богатства продолжаютъ пребывать въ рудиментальномъ состояніи.

Въ этомъ отношеніи всю европейскую Россію можно раздѣлить на нѣсколько полосъ, въ которыя входятъ по нѣскольку группъ, сложившихся изъ разныхъ губерній или ихъ частей. Направление тяготѣнія отхожихъ промысловъ также имѣетъ важное значеніе, обнаруживая отчасти центры и пути экономического тяготѣнія, а равно степень экономической зависимости одной мѣстности отъ другой, бѣдной отъ богатой и богатой отъ бѣдной.

Полосы эти составляютъ группу: сѣверо-восточныхъ и центральныхъ губерній, которыя съ нѣкоторыми изъ сѣверо-западныхъ губерній испытываютъ на себѣ главное тяготѣніе къ двумъ крупнымъ центрамъ—къ Петербургу и къ Москвѣ; группу губерній восточныхъ и поволжскихъ съ нижнею половиною губерній центральныхъ, тяготѣніе которыхъ смѣшанное; группу южныхъ губерній съ своимъ собственнымъ преобладающимъ тяготѣніемъ; группу, наконецъ, губерній и западныхъ, и прибалтійскихъ съ своими тяготѣніями и съ своими культурными началами.

Хотя мы сказали, что каждая изъ этихъ группъ по отношенію къ отхожему промыслу подчиняется своему собственному тяготѣнію, однако, нѣтъ ни одной группы и даже почти ни одной губерній, въ которой-бы это тяготѣніе не было двойственное и даже тройственное, хотя при этомъ одно какое-нибудь тяготѣніе преобладаетъ надъ прочими. Такъ новгородская губернія имѣетъ тяготѣніе западное или сѣверо-западное и восточное: одна половина губерній съ своимъ отхожимъ промысломъ тяготѣетъ къ Петербургу, другая къ Рыбинску, къ Каргополю и вообще къ восточнымъ искусственнымъ воднымъ системамъ. Въ Петербургѣ новгородцы промышляютъ преимущественно легковымъ извозомъ, а женщины—огородничествомъ, собственно работами на огородахъ, такъ-что потребляемыя Петербургомъ въ огромномъ числѣ овощи

большую частью взлѣбаны руками соотечественницъ знаменитой „Марфы-посадницы“. Годовой заработокъ отъ этихъ отхожихъ промысловъ даетъ 40—50 р., а лѣтій отъ 30 до 40 р. Но болѣе тяжелъ отхожій промыселъ восточной половины губерніи, особенно тяга судовъ и бурлачество: заработокъ приносится крестьянами незначительный, за то тифы, горячки, сибирская язва—явленія обыкновенныя между этими пионерами отхожаго труда. Даже конные рабочіе за возку владѣй отъ Кирилова до Зуевской пристави получаютъ въ годъ барыша не болѣе 30 руб.

Восточная сосѣдка новгородской губерніи—ярославская, является представительницей крайняго развитія отхожихъ и сидячихъ промысловъ. Промысловъ этихъ въ ней насчитываютъ *до пятисотъ видовъ!* Считаая излишнимъ останавливаться на промыслахъ сидячихъ и мѣстныхъ, мы укажемъ лишь на отхожіе промыслы. Изъ этой губерніи около половины взрослога населенія ежегодно уходитъ, на продолжительныя и менѣе продолжительныя сроки, въ разныя мѣстности Россіи, повидимому, повинясь всевозможнымъ экономическимъ тяготѣніямъ: большинство рабочихъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, направляется къ главнѣйшимъ центрамъ притяженія—къ Москвѣ и Петербургу; другая часть проходитъ въ остзейскій край, потомъ въ Финляндію, иные въ Царство Польское, на Донъ, на Волгу, на Уралъ, даже на Кавказъ и въ Сибирь. Это одно изъ самыхъ подвижныхъ, энергическихъ и самыхъ развитыхъ населеній въ Россіи: красиваго ярославца съ его своеобразнымъ говоромъ можно встрѣтить на всѣхъ концахъ нашей обширной земли. Отхожіе промыслы въ этой губерніи наиболѣе развиты на восточной ея половинѣ, довольно велики также въ центральной части и слабы на западныхъ и сѣверозападныхъ оконечностяхъ, прилегающихъ къ окраинамъ новгородской и тверской губерній. Близость Волги, такимъ образомъ, служитъ оживляющимъ стимуломъ для населенія и развиваетъ его предприимчивость. Ярославскіе огородники, трактирные полове, сидѣльцы въ лавкахъ, прикащики и пр. заслужили репутацію самыхъ расторопныхъ, сметливыхъ, а иногда и плутоватыхъ русскихъ людей. Въ какой мѣрѣ растутъ здѣсь отхожіе промыслы, видно изъ того, что въ 50-хъ годахъ уходило изъ губерніи всего до 55,000 человѣкъ; теперь же эта цифра возросла отъ 110 до 133,000 человѣкъ, что составляетъ около половины всѣхъ взрослыхъ мужчинъ. Женщинъ

уходить изъ губерніи немного — всего тысячь до трехъ. Самые подвижныя уѣзды — ростовскій и углицкій, наименѣе подвижный — мышкинскій. Въ каждомъ уѣздѣ въ большинствѣ случаевъ, какъ бы по преданію, предпочитается свой промыселъ или нѣсколько промысловъ передъ промыслами другихъ уѣздовъ: ярославскій уѣздъ преимущественно высылаетъ изъ себя мастеровъ желѣзнаго, мѣднаго и бронзоваго производства; даниловскій уѣздъ — каменщицковъ, штукатуровъ, лѣпщиковъ, мостовщиковъ; любимскій даетъ трактирщиковъ и лавочниковъ; мологскій — рабочихъ на суда и коноводовъ; мышкинскій — крючниковъ, извозчиковъ, дворниковъ и чернорабочихъ; романово-борисоглѣбскій — сидѣльцевъ въ лавкахъ, шубниковъ и портныхъ; ростовскій — огородниковъ, зеленщиковъ, садовниковъ, птичниковъ, кровельщиковъ; рыбинскій — лоцмановъ, коноводовъ, плотниковъ, столяровъ, портныхъ; углицкій — ткачей, красильщиковъ, колбасниковъ, мелочныхъ торговцевъ. Всѣ эти отхожіе промыслы даютъ населенію ярославской губерніи заработка отъ 5,350,000 р. до 7,250,000 р., по слѣдующему расчету: полагая на 30—35 тысячъ мѣсячныхъ работниковъ средній заработокъ каждаго отъ 10—20 р. (такъ-какъ часть идущихъ по мѣсячнымъ билетамъ живетъ по нимъ полгода), для 40 тысячъ полугодовыхъ по 20 р. на каждаго (каменщики, валяльщики и пр.) и для 30—60 тысячъ челоувѣвъ годовыхъ (трактирщики, огородники, лавочники и проч.) по 100 р. на каждаго, получится весь заработокъ отъ 5,350,000 р. до 7,250,000 р. Кромѣ того, кустарные промыслы даютъ населенію отъ 3 до 4 милліоновъ рублей, и, такимъ образомъ, всѣ промыслы крестьянъ ярославской губерніи приносятъ населенію ежегодно отъ 8 до 11,000,000 р.

Не менѣе предприимчивый и подвижной народъ населяетъ со-сѣдную съ ярославской губерніею — костромскую. И въ этой губерніи отхожіе лѣсные промыслы играютъ важную роль, такъ-что отвлекаютъ отъ неблагодарной земли цѣлую треть рабочей мужской силы, и хотя промыслы эти лишаютъ землю навоза, который каждая рабочая лошадь могла-бы дать своему полевому надѣлу, если-бъ оставалась съ хозяиномъ дома, однако, население, извѣрившись въ землѣ и въ ея благодарности, охотно идетъ въ тяжелый отхожіи промыселъ. Что промыселъ этотъ тяжелъ и убійственно дѣйствуетъ на здоровье выработчиковъ, видно изъ того, что онъ вредно от-

ражается на развитіи груди у молодыхъ людей. Замѣчательный фактъ этотъ выяснился въ два послѣдніе рекрутскіе набора, въ которыхъ было столько забракованныхъ, что мѣстное рекрутское присутствіе вынуждено было войти съ особымъ представленіемъ объ изыятіи для ветлужскаго уѣзда принятаго для приѣма въ рекруты измѣренія груди!

Здѣсь, въ востромской губерніи, тяготѣніе отхожихъ промысловъ принимаетъ уже нѣсколько иное направленіе: одни центры отодвинулись, другихъ не создала еще экономическая жизнь страны, и вотъ народъ тянется туда, гдѣ приложение его рукъ обѣщаетъ большую выгоду. Значительная часть населенія идетъ на волжскій промыселъ и работаетъ на судахъ и пристаняхъ иногда въ весьма отдаленныхъ отъ родины мѣстностяхъ. Овчинники юрьевоцкаго уѣзда съ котомками за плечами проходятъ тысячи верстъ для зимнихъ работъ въ низовыхъ губерніяхъ. Шерстобиты и валяльщики варнавинскаго, макарьевскаго и вологровскаго уѣздовъ, по окончаніи молотьбы, тянутся еще далѣе — черезъ вятскую, пермскую, казанскую и ѳимскую губерніи пробираются въ Сибирь, иногда пѣшкомъ, прямымъ путемъ, иногда на пароходахъ по Волгѣ, Камѣ и т. д. Неустанно работая во всѣхъ мѣстностяхъ, чрезъ которыя проходятъ эти миссіонеры труда, они святаются вдали отъ родины пѣлую зиму, и уже Великимъ постомъ возвращаются по домамъ на своихъ собственныхныхъ лошадяхъ, которыхъ покупаютъ тамъ на заработанныя деньги: шесть или семь мѣсяцевъ труда даютъ имъ такой заработокъ, что они на него кормятся, покупаютъ лошадей, и еще домой приносятъ на уплату податей и на разныя хозяйственныя нужды рублей по 70; даже дѣти приносятъ изъ отхожаго промысла рублей по 10 и по 15-ти. Въ чухломскомъ уѣздѣ почти всѣ крестьяне живутъ и умираютъ на отхожемъ промыслѣ. Многіе изъ нихъ, въ особенности маляры, уходятъ въ самое рабочее время, малюютъ образа, подновляютъ церкви по бѣднымъ селеніямъ, пишутъ вывѣски, и къ зимѣ приносятъ домой до 120 р. Иные, наконецъ, преимущественно ветлужане, живутъ отъ извоза, у кого есть лошадь: одни возятъ чужой хлѣбъ въ г. Никольскъ, вологодской губерніи, за 180 верстъ, получая съ пуда отъ 10 до 15 к.; другіе возятъ рогожи на р. Унежу, верстъ за 90, получая отъ 6 до 10 к. съ пуда; третьи, болѣе зажи-

точные, имѣющіе двѣ и три лошади, ѣдутъ въ Яранскъ, вятской губерніи, за 170 верстъ, пробираясь туда ближайшимъ проселкомъ, покупаютъ тамъ рожь и овесъ и продаютъ все это въ своемъ уѣздномъ городѣ, Ветлугѣ, получая барыша отъ 10 до 12 р. на пудъ. Такъ безхлѣбное населеніе ищетъ себѣ хлѣба лишнюю копейку на подати.

Еще восточнѣе лежитъ вятская губернія. Но эта, въ сравненіи съ перечисленными нами старыми, метропольными губерніями, еще младенчествуетъ: мало въ ней развиты и сидячіе промыслы, и отхожіе, а кустарные только въ зародышѣ. Исторія не научила еще этотъ край творчеству въ трудѣ; онъ пока еще дикъ; населеніе его не задумывалось еще надъ рѣшеніемъ тѣхъ трудныхъ экономическихъ задачъ, которыя старѣйшее населеніе метропольныхъ губерній научилось разрѣшать при помощи пота и крови. Народъ тамъ еще пока звѣроловъ, рыболовъ, пахарь и лѣсовикъ по преимуществу. Есть тамъ также извозничество, бурлачество и добываніе руды для горныхъ заводовъ. Особенно сѣверное, наиболѣе младенчествующее населеніе вятскаго края, не додумалось еще ни до чего: замѣчательно, что тамъ, хотя-бы въ слободскомъ уѣздѣ, несмотря на обиліе лѣсовъ, до настоящаго времени населеніе не научилось дѣлать для себя необходимыя въ жизни деревянные подѣлки и получаетъ ихъ изъ другихъ, болѣе экономически развитыхъ мѣстностей.

Но поворачивая снова назадъ, къ метропольнымъ мѣстностямъ, мы встрѣчаемъ бойкое и предприимчивое населеніе въ нижегородской губерніи. Здѣсь, при недостаткѣ питанія отъ земли, народъ широко примѣнилъ къ промыслу свой неустанный трудъ и свою творческую силу: онъ здѣсь производитъ то, что прославляетъ его трудъ начиная отъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана и кончая Каспійскимъ моремъ: нижегородскою удою сѣверные поморы ловятъ рыбу на Бѣломъ морѣ, а лодка, построенная въ Балахнѣ и проданная на Каспійское море, доходитъ до Персіи. Ворсинскій „завьяловскій“ перочинный ножикъ гуляетъ чуть-ли не по всему свѣту. Топоръ, сдѣланный въ глухомъ селѣ нижегородской губерніи, строитъ домъ въ Петербургѣ, и въ Одессѣ, и въ Сибири, и въ Таганрогѣ. Но несмотря на это широкое развитіе мѣстнаго промысла, пятая часть населенія нижегородской губерніи живетъ отхожимъ промысломъ: нижегородецъ встрѣчается съ

котомкой за плечами по всему теченію Волги, какъ бурлакъ, пильщикъ, плотникъ; цѣлыми партіями нижегородцы идутъ въ Сибирь на золотые прииски.

Рядомъ съ нижегородскою губерніею, но ближе къ центру Россіи, живетъ еще болѣе подвижное населеніе—владимірцы, вязниковцы, шуяне и т. д. Сидячій и кустарный промыслъ въ владимірской губерніи принимаетъ все болѣе широкіе размѣры; но странствующими промышленниками губернія эта заслужила себѣ историческую репутацію. Владимірцы—это буквально паломники и пилигримы отхожаго промысла. Владимірская губернія—родина знаменитыхъ вязниковскихъ „коробейниковъ“ и всероссійскихъ „офеней“, которые не только создали особую отрасль ходячаго труда, но создали для своего употребленія особый языкъ, который и называется „офенскимъ“. Самый распространенный отхожій промыселъ владимірскаго населенія—это хожденіе на ткацкія фабрики и въ разносный мелочной торгъ. Странствующие ткачи зарабатываютъ отъ 80 до 150 р. въ годъ на своихъ харчахъ, которые обходятся до 3 р. въ мѣсяць. Изъ владимірской-же губерніи выходятъ каменщики, штукатуры, маляры и кровельщики, получающіе отъ 12 до 15 р. въ мѣсяць на хозяйскихъ харчахъ. „Офенство“ развито главнымъ образомъ въ покровскомъ уѣздѣ, а алексинская волость составляетъ его центръ: каждый годъ изъ одной этой волости выходитъ до 1,775 „офеней“. Въ особенности та часть владимірской губерніи, которая тянется вдоль рѣки Клязьмы—уѣзды покровскій, владимірскій, вязниковскій и судогодскій—отличается кочевымъ характеромъ промысловъ. Плотники покровскаго и владимірскаго уѣздовъ расходятся положительно по всей Россіи: почти все мужское населеніе, начиная съ пятнадцатилѣтняго возраста, ежегодно съ половины августа поднимается на плотничный промыслъ и возвращается домой только на одинъ мѣсяць, въ половинѣ іюля слѣдующаго года. Изъ 548 деревень одного покровскаго уѣзда втеченіи года лишены бывають взрослога мужского населенія 500 деревень! Все это странствующие плотники. Значитъ, велики побудительныя причины, которыя выгоняють изъ домовъ все мужское населеніе и превращають его въ бродячія артели, которыя сегодня не знаютъ, гдѣ будутъ ночевать завтра. Средній чистый заработокъ плотника не превышаетъ 63 р. въ годъ. Область

странствующихъ каменщиковъ занимаетъ собою почти весь владимірскій уѣздъ по правую сторону рѣки Клязьмы. Край странствующихъ пастуховъ находится на рубежѣ трехъ уѣздовъ — владимірскаго, юрьевскаго и суздальскаго. Странствующіе шерстобиты живутъ въ селеніяхъ близъ рѣки Пекши. Южнѣе Вязниковъ идетъ граница страны „офеней“, которая захватываетъ большую часть вязниковскаго, ковровскаго, покровскаго и шуйскаго уѣздовъ, но и изъ другихъ мѣстъ владимірской губерніи ежегодно выходятъ въ отхожіе промыслы торгаши, ходящивы и коробейники. Но замѣчательно, что въ этой-же до крайности подвижной губерніи создается и отхожіе промыслы нищенства: область промыслово-кустарнаго нищенства захватываетъ собою сѣверную часть судогодскаго и за-клязьминскую сторону ковровскаго уѣздовъ — область нищенства, стало быть, примыкаетъ къ муромской области, родинѣ богатыря Ильи Муромца, которому могучую силу его открыли нищіе, вальки переходящія. Какъ долго, слѣдовательно, сохраняются историческіе и экономическіе характеры русскихъ мѣстностей: тамъ плотники, строившіе лодки еще для варяговъ, и теперь строятъ лодки, здѣсь нищіе, поднимшіе когда-то на ноги Илью Муромца, и теперь нищенствуютъ!

Подвигаясь еще западнѣе, мы вступаемъ въ московскую губернію, въ центръ русской земли, гдѣ по-преимуществу сосредоточилась наша фабричная дѣятельность и до возможнаго совершенства доведенные разнообразныя промыслы, дающіе работу и кусокъ хлѣба сотнямъ тысячъ мѣстнаго и пришлаго населенія. Но мы заняты не фабричнымъ производствомъ, а лишь приложеніемъ труда русскаго рабочаго люда къ отхожему промыслу. Несмотря на то, что въ этомъ кипучемъ средоточіи производительной дѣятельности русской земли доброму рабочему представляется возможность кормиться своими мускулами, лишь-бы здоровы были эти мускулы, однако, и здѣсь, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи, отхожіе промыслы является иногда положительною необходимостью. Само собою разумѣется, что въ большинствѣ случаевъ Москва-же и является тѣмъ центромъ экономической тяжести, къ которому тяготеютъ отхожіе промыслы не только ближайшихъ, но и отдаленныхъ отъ Москвы уѣздовъ. Но народъ не бросаетъ еще земли, несмотря на ея малодоходность, не мѣняетъ ее окончательно на отхожіе промыслы, какъ населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей уже

разсмотрѣнныхъ нами губерній, а старается извлечь изъ нея что можно. Только уже по окончаніи полевыхъ работъ значительная часть населенія московской губерніи выходитъ на отхожіи промыслы и направляется большею частью къ Москвѣ, гдѣ и распредѣляется на всю зиму по фабрикамъ и заводамъ. Многіе изъ крестьянъ отдались постоянному извощичьему промыслу въ Москвѣ, какъ легговому, такъ и ломовому, сдавъ заботы о землѣ другимъ членамъ семьи. Изъ нѣкоторыхъ волостей почти все и мужское и женское населеніе выбирается въ отхожіи промыслы: такъ въ куравинской волости можайскаго уѣзда, при населеніи въ 3,160 душъ, втеченіи года выдано 2,142 паспорта. Изъ крестьянъ клинскаго уѣзда, перерѣзаннаго николаевскою желѣзною дорогою, многіе перебираются въ Петербургъ, гдѣ и живутъ въ дворникахъ и артельщикахъ. Но всего менѣе отхожіе промыслы привлекаютъ населеніе богородскаго уѣзда, потому что тамъ мѣстная промышленность занимаетъ очень большое число рабочихъ рукъ. Изъ волоколамскаго и можайскаго уѣздовъ выходятъ трубочисты, пастухи, мостовщики, колодезники и огородники; изъ волоколамскаго же и русскаго — разнощики провизіи и фруктовъ. Крестьяне южныхъ уѣздовъ — серпуховскаго, коломенскаго и отчасти бронницкаго — отправляются въ замосковныя губерніи въ качествѣ портныхъ, овчинниковъ и мельничныхъ мастеровъ. Жители сель — Малина, коломенскаго уѣзда, и Хатуни, серпуховскаго, отправляются далеко на югъ, въ черноморскія и прикасійскія мѣста, гдѣ закупаютъ гурты воловъ и курдючныхъ овецъ для сгона въ Москву и Петербургъ на убой.

Западное сосѣдство московской губерніи составляютъ калужская и смоленская.

Хотя, въ качествѣ сильнаго экономическаго центра, Москва и должна-бы, повидимому, оказывать исключительное вліяніе на эти губерніи и тяга къ Москвѣ должна-бы пересиливать всѣ остальные тяги, однако, оказывается, что притягательная сила Москвы на эти губерніи парализируется уже отчасти другими притягательными экономическими силами. Такъ, крестьяне калужскаго уѣзда одной половиной тянутъ на заработки къ Москвѣ и Петербургу, другая-же половина разбивается на части: часть уходитъ на калужскія фабрики, а часть тянетъ уже къ югу, или въ извозъ, или въ качествѣ странствующихъ овчинниковъ, каме-

петесовъ и булочныхъ мастеровъ. Калужане, кромѣ того, хорошіе квасники: мастера квасного дѣла идутъ въ Москву, а большинство ихъ заходитъ на самый югъ Россіи, въ Одессу и Херсонъ.

Достойно замѣчанія, что тамъ, гдѣ комиссія получала свѣденія не отъ чиновниковъ и не отъ представителей землевладѣльческаго сословія, тамъ сельскими старшинами и самими крестьянами заявлялось, что въ отхожихъ промыслахъ они находятъ единственную экономическую поддержку, что они желали-бы сами развитія этого промысла, но что частые семейные раздѣлы, дробленіе большихъ хозяйственныхъ группъ на мелкія останавливаетъ дальнѣйшее развитіе промысла: отъ большой группы всегда можно отдѣлить одного миссіонера отхожаго труда, но малая семья не можетъ отсылать на промыселъ послѣдняго работника. Обстоятельство это, въ свою очередь, дѣлаетъ переворотъ въ экономическомъ быту населенія: на мѣстѣ увеличивается число рабочихъ рукъ, увеличивается предложеніе труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ понижается и цѣна производимыхъ издѣлій, что опять ставитъ работника въ безвыходную экономическую зависимость отъ спроса. Медыньскій уѣздъ ежегодно высылаетъ на-сторону значительный контингентъ овчинниковъ, которые тысячами, начиная съ августа, тянутся на югъ и въ западныя губерніи, гдѣ и остаются до мая. Они-же закупаютъ тамъ сырыя овчины и сами выдѣлываютъ ихъ на продажу. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, какъ, напр., въ адуевской волости, за выходомъ всѣхъ этихъ бродячихъ овчинниковъ, остаются къ сентябрю лишь дѣти и старухи, а все взрослое мужское населеніе ѣстъ свой хлѣбъ на-сторонѣ, гдѣ, кромѣ выдѣлки овчинъ, медынцы научаютъ южное, болѣе лѣнивое и обезпеченное населеніе, гнуть ободья, дѣлать колеса и т. д. Такъ нужда создаетъ нравственную экономическую силу народа, вызываетъ въ немъ предпріимчивость, но она-же и губитъ этотъ народъ, такъ-сказать, спорадически. Хорошій овчинникъ получаетъ отъ 30 до 40 р. въ зиму. Другая часть медынцевъ тянется къ сѣверу, къ московскому фабричному тяготѣнію: на шерстяныхъ московскихъ фабрикахъ встрѣчается значительный процентъ медынцевъ, изъ которыхъ тотъ считается хорошимъ работникомъ, который втеченіи года успѣетъ переслать домой отъ 50 до 75 р., но и эта цифра съ годами повышается: въ фабричномъ дѣлѣ женщина является сильнымъ конкурентомъ мужчины. Большой приливъ, особенно въ по-

слѣдніе годы, женщинъ на фабрики значительно понизилъ заработную плату: женщина сбиваетъ цѣну, вытѣсняетъ мужчину изъ за станка и гонитъ его еще въ болѣе далекой отхожій промыселъ, туда, гдѣ женскія ноги за нимъ не угонятся. Да оно и естественно, что женщина вытѣсняетъ мужчину изъ „свѣтлицы“ (мастерская), оттѣсняетъ его отъ станка, отъ пряжи и мотанья шерсти—это специально женское дѣло. У мужчины-же остается еще, сверхъ поименованныхъ отхожихъ промысловъ, плотницкій, каменодѣльный и др. Такъ мещовскій уѣздъ идетъ на плотничное и каменное дѣло; мещовцы хорошіе треначи пенъки, портные, сапожники и извозчики. Козельцы, лихвинцы, перемышльцы, жыздринцы—знатоки въ штукатурномъ дѣлѣ, хорошіе печники, плотники, каменщики и землекопы на строящихся желѣзныхъ дорогахъ. Все это большею частью уходитъ на югъ, а козельцы—трудно даже повѣрить—страною своего отхожаго промысла избрали Сибирь! Въ Сибири плотникъ и штукатуръ, несмотря на тысячи верстъ ходьбы, зарабатываетъ отъ 40 до 70 р. въ лѣто. Чтобы видѣть отношеніе между мѣстными и отхожими заработками, приведемъ здѣсь сравненіе этихъ заработковъ по перемышльскому уѣзду:

	Заработокъ дома.	Въ отхож. промыслѣ.
Для плотника	40 р.	55 р.
„ печника и штукатура.	25 „	45 „
„ каменщика	45 „	60 „

Это значительно высшій заработокъ, и понятно, что онъ такъ-же важенъ для перемышльца или козельца, какъ для чиновника увеличеніе оклада отъ 4,500 р. до 6,000 р. Оттого и тарусское и боровское населеніе, несмотря на предупрежденіе мѣстныхъ властей, что отхожій промыселъ деморализуетъ земледѣльца, не слушаетъ этого предупрежденія и странствуетъ по всей Россіи—кто съ пилою, кто съ шерстобитною струною, кто съ наперсткомъ и иглою за отворотомъ, кто съ коробомъ за плечами. Боровскій уѣздъ даетъ фабричныхъ ткачей и пастуховъ. Странствующие малоярославцы, въ качествѣ ткачей доходящіе до Петербурга, возвращаются оттуда домой только на время сѣновоса и приносятъ съ собою отъ 50 до 100 р. Тѣ изъ малоярославцевъ, преимущественно овчинники, которые идутъ помогать своимъ трудомъ и умѣньемъ южному лѣнивому населенію, возвращаются домой съ за

пасомъ шерсти, которую перебирають, сортируютъ и продають на выдѣлку крестьянскихъ суконъ, на вязаніе чулокъ и варегъ. Изъ этой-же мѣстности несутъ на югъ Россіи свой трудъ и свое знаніе странствующіе шорники, столары, бараночники, переплетчики, пуговочные мастера, трактирщики и кучера: они разсѣваются между малорусскимъ населеніемъ болѣе южныхъ мѣстностей и удивляютъ неповоротливыхъ хохловъ своею „московскою дотепностью“, отчего и прозваны „москалями навсеруками“, потому что „москаль“, дѣйствительно, годенъ на всѣ руки,—Богданъ Хмѣльницкій хорошо понялъ это, передавая Украину въ московскія надежныя руки, а иначе поэтическихъ Остаповъ да Одарокъ, рано-ли, поздно-ли, заклевали-бы ляхи, татары или нѣмцы.

Въ свое время мы перейдемъ и къ характеристикѣ малорускаго населенія по отношенію къ отхожему промыслу и вообще, такъ-сказать, къ подъему экономического духа, покажемъ ихъ итальянскую склонность къ *dolce far niente*, ихъ поэтическую натуру даже въ трудѣ, но въ то-же время и ихъ итальянское лазаронство и итальянскую экономическую безтолковость, а теперь пока займемся прозаическими, но болѣе надежными москалями.

Передъ нами другая сосѣдка московской и валужской губерній — смоленская. Населеніе этой губерніи также до нѣкоторой степени подвижное, понявшее силу старинной пословицы, что „подъ лежачій камень и вода не течетъ“. Духовницкій и дорогобужскій уѣзды высылають въ разныя мѣстности Россіи значительный контингентъ плотниковъ, юхновскій — землекоповъ. Вотъ что говорятъ мѣстные источники, собранные комиссіею, о влияніи отхожаго промысла на духъ и характеръ народа: „въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ крестьяне занимаются *отхожими промыслами*, никогда не встрѣчается поражающей бѣдности; нищъ у крестьянъ несравненно лучше; крестьяне бодрѣе и развитѣе; воровство и пьянство между ними — рѣдкое исключеніе, въ противоположность другимъ селеніямъ, гдѣ эти пороки доходятъ иногда до безобразныхъ размѣровъ“ (Прилож. I къ докл. ком., отд. II, стр. 156—157).

VII.

Переходимъ теперь къ группѣ средне-поволжской, гдѣ населеніе, вслѣдствіе историческихъ и экономическихъ условій, еще не имѣло нужды додуматься до того, до чего уже давно додумалось населеніе древнѣйшихъ, центральныхъ и болѣе или менѣе метропольныхъ мѣстностей, гдѣ отхожіи промыслъ и кустарная промышленность являются только какъ попытки, какъ свѣжіе плоды возрожденія экономического быта, но гдѣ, однако, въ одной мѣстности этой экономической группы, въ сѣверной, вліяніе университетскаго города (Казани) бесспорно отразилось на производительномъ творчествѣ населенія до извѣстной степени тѣми-же добрыми результатами, которые въ метропольныхъ мѣстностяхъ Россіи достигнуты исторической опытностью, нуждою и большею экономической развитостью населенія. Мы говоримъ о казанскомъ фабричномъ и заводскомъ производствѣ.

Такъ-какъ въ другомъ мѣстѣ („Дѣло“, 1873, кн. V—VII) мы уже достаточно охарактеризовали „современное экономическое значеніе Поволжья“, то здѣсь мы намѣрены специализировать этотъ предметъ только по отношенію къ отхожимъ промысламъ мѣстнаго поволжскаго населенія и на основаніи какъ новыхъ данныхъ, опубликованныхъ нынѣ въ трудахъ сельско-хозяйственной комиссіи министерства государственныхъ имуществъ, такъ и имѣющихся у насъ подъ руками постороннихъ свѣденій по данному предмету.

Въ Поволжьѣ вообще—мы разумѣемъ только среднее и нижнее Поволжье—отхожіе промыслы развиты слабо, за исключеніемъ лишь тѣхъ удаленныхъ отъ Волги мѣстностей, и при томъ на горной, болѣе старой исторически и экономически половинѣ Поволжья, гдѣ населеніе, отъ времени, изъ колоніи русской земли превратилось уже почти въ метрополию и гдѣ скуная почва заставила народъ обратиться къ экономическому творчеству. Встрѣчаются зачатки отхожихъ промысловъ и на лѣвомъ Поволжьѣ, но еще меньше, чѣмъ на правомъ, да и то только въ казанской губерніи. Такъ, населеніе этой губерніи по преимуществу предано домашнему промыслу, невызывающему его за предѣлы губерніи: лѣсной промыслъ, рыболовство, пчеловодство и охотничій промыслъ, особенно между чувашами, мордвою и вотяками,—это при-

знави младенческаго состоянія населенія, которое еще не далеко ушло отъ библейскаго рыболова и звѣролова, которое рыбу ловить, не употребляя даже желѣза, не удою, а сѣтью, венгеремъ, вершею, запрудю, которое и звѣря побѣждаетъ не порохоми и пулею, а сѣтью, ямою, которое и медь добываетъ преимущественно изъ древеснаго дупла, изъ примитивной, естественной борти. Но часть населенія, особенно татары и русскіе, идетъ уже на Волгу, „въ отходъ“, на крѣпкий и куленосный промыселъ, на суда, на казанскія фабрики и заводы. Казанскій татаринъ изъ куленоса превращается въ разнощика халатовъ и мануфактурныхъ издѣлій, колесить по всей Россіи, доходить до Петербурга и Кіева, тогда какъ братъ и сынъ его пробираются въ Петербургъ и даже въ Кіевъ, надѣваютъ фракъ и бѣлый жилетъ съ бѣлымъ галстукомъ, чтобы, служа богатымъ концессионерамъ желѣзныхъ дорогъ во время ихъ сытныхъ обѣдовъ у Дюссэ, Бореля и въ роскошно „Татарской гостиницѣ“ на Невскомъ, зарабатывать для своихъ семействъ и хлѣбъ, и подати. Татары — это подвижной и предприимчивый народъ, и оттого халатники нерѣдко превращаются въ капиталистовъ и ведутъ въ Казани и Нижнемъ крупную торговлю. Другіе-же изъ нихъ, болѣе развитые экономически, чѣмъ киргизы, идутъ каждое лѣто въ киргизскія степи для жатвы и сѣнокосовъ, а русскіе, особенно изъ чистопольскаго уѣзда, идутъ въ отхожіи промыслы на самарскія богатія степи, гдѣ серпомъ и косою зарабатываютъ то, чего дома не въ состояніи были-бы добыть при всѣхъ своихъ условіяхъ.

Но замѣчательно, до какой степени въ этой мѣстности Поволжья отхожіи промыслы не вошли еще въ нравы, какъ мало получилъ правъ гражданства: въ метропольныхъ губерніяхъ населеніе само рвется въ отхожіи промыслы, несмотря на то, что ему съ немалыми притѣсненіями выдаются паспорта на отлучку; метропольное населеніе не хочетъ терпѣть, чтобы у него на шеѣ висѣла недоимка, чтобы у него въ семьѣ была недостаца въ хлѣбѣ и соли, и изъ Козельска за этимъ хлѣбомъ и солью идетъ пѣшкомъ въ Сибирь и добываетъ тамъ все нужное, а костромичъ, дойдя до Сибири пѣшкомъ, возвращается оттуда па своей, заработанной тамъ лошади и съ пачкой ассигнацій на крестовомъ гайтанѣ. Напротивъ, поволжець не доросъ еще до этого: въ 1872 году мамандышскихъ рабочихъ повезли въ Сибирь, на зо-

лотые пріиски, какъ-бы силою, потому что, въ виду накопившихся на нихъ недоимокъ, ихъ „закоптраковали“ въ отхожіе промыслы! (Прил. I въ докл. ком., отд. II, стр. 175).

Въ нѣсколько иныхъ условіяхъ, относительно отхожаго промысла, находится другая губернія средняго Поволжья — симбирская. Курсунскій, бурмышскій и ардатовскій уѣзды не могутъ похвалиться полною обезпеченностью отъ земли, а потому часть населенія этихъ мѣстностей дѣлается бурлакомъ, другая — странствующимъ косцомъ и жнецомъ. Рабочія силы въ лѣтнее время направляются за Волгу, въ самарскія и оренбургскія хлѣбородныя степи, гдѣ и восполняютъ недостатокъ домашняго заработка. Въ симбирской-же губерніи есть странствующіе „кошатники“, объ отхожемъ промыслѣ которыхъ и объ экономическомъ значеніи этого промысла можно сказать то, что они изъ кошекъ сдѣлали доходную статью, скупая ихъ, для выдѣлки шкурокъ, въ тѣхъ экономически неразвитыхъ мѣстностяхъ (область войска донскаго и др.), въ которыхъ богатое или-же беззаботное населеніе можетъ прокормиться и безъ помощи кошки. Въ симбирской-же губерніи есть странствующіе „коновалы-знахари“, объ отхожемъ промыслѣ которыхъ, какъ и о промыслѣ „жемариныхъ кошатниковъ“, нѣтъ упоминаній въ трудахъ комиссіи, хотя промыслы эти, и притомъ въ отхожемъ видѣ, въ высшей степени характеристичны съ экономической точки зрѣнія. О симбирской губерніи, кромѣ того, еще слѣдуетъ замѣтить, что она служитъ „большою прохожею дорогою“ или „трактомъ отхожаго промысла“ населенія другихъ губерній, направляющагося на заволжскіе заработки. Объ этомъ рабочемъ движеніи мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь любопытный отзывъ симбирскаго губернатора, помѣщенный въ трудахъ комиссіи. Онъ говоритъ, что массы народа, направляющагося ежегодно за Волгу, избираютъ путь для своего движенія черезъ сызранскій уѣздъ. „Къ сожалѣнію, замѣчаетъ губернаторъ, — вся эта масса людей, ищущая работы, не можетъ въ своемъ движеніи управляться точными свѣденіями объ урожаѣ за Волгой, а слѣдовательно и запросѣ на трудъ. Обыкновенно въ этомъ отношеніи рабочее населеніе получаетъ двоякаго рода извѣстія: съ одной стороны, мѣстные землевладѣльцы нагорнаго берега постоянно и, несмотря ни на какія обстоятельства, упорно расиросстраиваютъ слухи про то, что требованіе на трудъ за Волгой не ве-

ливо, цѣны низки и урожай дуренъ. Съ другой стороны, заволжскіе посѣвщики, въ интересахъ которыхъ поддерживать увеличеніе предложенія труда, такъ-же упорно поддерживаютъ чрезъ своихъ посланныхъ извѣстія о высокихъ цѣнахъ на трудъ, о потребности въ рабочихъ. Изъ передвигающихся рабочихъ большая часть приходитъ къ заключенію, что необходимо убѣдиться лично въ томъ, какое изъ противорѣчивыхъ извѣстій справедливо. Вмѣстѣ съ тѣмъ, самое число рабочихъ, ищущихъ заработковъ за Волгой, гораздо болѣе зависитъ отъ урожая предыдущаго года, чѣмъ отъ ожидаемаго урожая. Въ 1868 году, какъ извѣстно, за Волгой урожай былъ отличный и жнитво десятины поднялось до 20—25 руб. за сотенную десятину; кромѣ обильнаго урожая, подъему цѣнъ много содѣйствовало и то обстоятельство, что хотя размѣръ посѣвовъ ежегодно увеличивался, но рабочихъ, вслѣдствіе неудовлетворительныхъ урожаевъ предыдущихъ лѣтъ, отправилось за Волгу менѣе обыкновеннаго. За то послѣ 1868 года, рабочее населеніе, убѣдившись примѣромъ своихъ односельцевъ въ выгоды заволжскихъ работъ, стало двигаться туда въ огромномъ количествѣ, и во всѣ года—1869, 1870 и 1871—можно было видѣть одновременное значительное движеніе рабочихъ и туда и оттуда; пришедшіе за Волгу рабочіе убѣждались, что цѣны на трудъ стоятъ тамъ даже ниже, чѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ, откуда они вышли, потому они и стремились обратно; но это не удерживало вновь стремившихся на выгодные заработки. Бывали случаи такого скопленія народа, напр., въ г. Сызрани, что не успѣвали для нихъ печь хлѣбъ. Уже въ 1872 году это измѣнилось, вслѣдствіе ряда неудачныхъ для заработковъ лѣтъ, и передвиженіе рабочихъ значительно уменьшилось, вѣроятно, до перваго года послѣ значительнаго урожая за Волгой. Все это рабочее движеніе въ степные края, безъ сомнѣнія, достойно самаго тщательнаго изученія. Нѣтъ сомнѣнія, что, при его настоящемъ неустройствѣ, оно составляетъ одно изъ главныхъ препятствій для правильнаго хозяйства въ здѣшней мѣстности; вмѣстѣ съ тѣмъ все это движеніе нельзя иначе охарактеризовать, какъ назвавъ его громадной растратой труда. Каждый отправлявшійся втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ за Волгу, безъ сомнѣнія, скажетъ, что общая выручка заработной платы не болѣе, чѣмъ если-бы онъ работалъ на мѣстѣ своего жительства; *но нѣтъ сомнѣнія, что въ самой*

интенсивности этого рабочаго движенія значительную роль играютъ нѣкоторыя живущія еще въ народѣ молодецкія и кочевыя стремленія: разбойничество прекратилось здѣсь не болѣе 30 лѣтъ тому назадъ, а бѣгство крѣпостныхъ существовало до самаго 1861 года“ (Прил. I къ докл., дополн. къ своду I, отд. I, стр. 6).

Нельзя не согласиться, что оцѣнка, прилагаемая къ данному явленію симбирскимъ губернаторомъ, лежитъ на экономическихъ основаніяхъ; но едва-ли это полная оцѣнка. Безспорно, что въ рабочемъ движеніи, совершающемся каждый годъ въ среднемъ Поволжьѣ, есть еще остатки кочевыхъ стремленій; но въ такомъ случаѣ мы затруднились-бы провести раздѣлительную грань между кочевыми признаками рабочаго движенія въ заволжскія степи сызранскихъ, темнифовскихъ и ардатовскихъ рабочихъ и такими-же кочевыми признаками въ движеніяхъ нѣмецкихъ рабочихъ, переселяющихся въ Америку, и американскихъ рабочихъ, нѣбогда двигавшихся массами въ Калифорнію: всѣ эти движенія, намъ кажется, повинуются общимъ и притомъ однимъ и тѣмъ-же экономическимъ законамъ, по которымъ движеніе рабочихъ силъ всегда совершается по направленію къ мѣстамъ дѣйствительнаго и даже фиктивно-возможнаго ихъ приложенія, а самое стремленіе этихъ силъ всегда бываетъ прямо пропорціонально не только дѣйствительному, но даже и вѣроятному спросу на нихъ. Если *то* движеніе оправдывается экономическими законами, то естественно, что тѣми-же экономическими законами должно быть оправдано и *это* движеніе рабочихъ силъ, совершающееся у насъ въ Поволжьѣ. Притомъ, мы имѣемъ указать еще на одинъ признакъ въ этомъ движеніи, не подмѣченный симбирскимъ губернаторомъ: пишущій это лично видѣлъ и наблюдалъ рабочее движеніе въ Поволжьѣ, и потому сомнѣвается, чтобы въ немъ значительную роль играли „молодецкія стремленія“, унаслѣдованныя нынѣшнимъ поколѣніемъ Поволжья отъ разбойническихъ движеній нѣбогда господствовавшей на Волгѣ „понизовой вольницы“. Пишущему это кажется, что между тѣми и этими движеніями нѣтъ и быть не можетъ ничего общаго. Признакъ этой разницы заключается въ слѣдующемъ, весьма знаменательномъ явленіи: въ 1870 году (на который именно указываетъ и симбирскій губернаторъ), въ проѣздѣ изъ Петербурга до Саратова, я лично видѣлъ это дви-

женіе; когда пароходъ, шедшій отъ Самары, присталъ въ сызранской пристани, то пристань эта буквально была покрыта массами народа; всѣ эти массы стремились за Волгу, потому-что наступала рабочая пора въ Заволжьѣ; массамъ этимъ слѣдовало отъ Сызрани поспѣшнѣе добраться до Балашова, гдѣ былъ главный рынокъ найма пришлыхъ рабочихъ, и потому имъ необходимо было воспользоваться прибытіемъ парохода, чтобъ на немъ съѣхать до Балашова; но пароходъ могъ помѣстить на своей обширной палубѣ только самую ничтожную часть собравшейся на пристани массы рабочихъ; палуба, такимъ образомъ, была буквально завалена народомъ, такъ что по ней нельзя было двигаться, — все это были рабочіе, стремившіеся за Волгу, тѣ счастливыя, которымъ удалось первымъ попасть на пароходъ, а вся остальная толпа брошена была на пристани въ ожиданіи прибытія новыхъ пароходовъ. Что это было не „молодеческое стремленіе“, доказывалось тѣмъ, что нѣкоторые рабочіе везли съ собой за Волгу почти грудныхъ дѣтей! Это были одинокіе и безродные вдовцы, которымъ не на кого было оставить въ своемъ селѣ своихъ маленькихъ дѣтей, потому что все село выбиралось въ отхожій промыселъ, а сосѣди не захотѣли-бы взять къ себѣ чужихъ сиротокъ, потому что въ такомъ случаѣ ихъ приходилось-бы кормить, — и вотъ эти вдовцы тащили съ собой въ отхожій промыселъ малютокъ, которые и засыпали у нихъ на колѣняхъ... Едва ли въ этомъ есть что-либо молодеческое.

При всемъ томъ это стремленіе къ отхожимъ промысламъ не есть принадлежность собственно симбирской губерніи, какъ не принадлежитъ оно къ числу экономическихъ признаковъ и всего средняго Поволжья: симбирская губернія, и преимущественно сызранскій уѣздъ ея, являются въ этомъ случаѣ только дорогою, по которой массы рабочихъ изъ другихъ мѣстностей идутъ въ отхожій промыселъ за Волгу. Правда, бываютъ годы, когда, во время сильныхъ урожаевъ въ самарской губерніи, туда стремятся рабочіе и изъ симбирской, и изъ саратовской губерній; но это бываетъ только въ такихъ случаяхъ, когда по всему Поволжью пройдетъ слухъ, что за Волгой платятъ жпецамъ по рублю въ день, и этотъ слухъ подтвердится. А что такой необыкновенный запросъ на рабочія руки за Волгой повторялся не одинъ разъ, то это фактъ.

Въ этой группѣ намъ остается указать еще на двѣ губерніи — пензенскую и тамбовскую, которыя сосѣдять съ губерніями поволжскими и которыхъ экономическіе интересы, а вмѣстѣ съ ними и отхожіе промыслы до извѣстной степени тяготеютъ къ Поволжью. Въ пензенской губерніи отхожіе промыслы получили такъ-же мало гражданства, какъ и во всей среднеповолжской хлѣбной полосѣ; только незначительная часть рабочихъ силъ имѣетъ періодическія стремленія на Волгу, въ саратовскую губернію, и за Волгу, въ самарскія степи. Главныя артели отхожихъ промышленниковъ выходятъ изъ уѣзда мокшанскаго. Вообще экономическій подъемъ губерніи ничтоженъ и развитіе производительныхъ силъ примитивное. Примитивность эта выражается даже въ двухъ весьма оригинальныхъ видахъ отхожаго промысла — это въ „отхожемъ конокрадствѣ“ и „отхожемъ нищенствѣ“. Конокрадство составляетъ отличительный промыселъ сарайскаго уѣзда, но къ чести русскаго населенія слѣдуетъ замѣтить, что развитіе отхожаго промысла конокрадства почти исключительно приурочивается къ мѣстному татарскому населенію: промыселъ этотъ потому и держится прочно, что онъ отхожій: конокрады обыкновенно промышленяютъ на сторонѣ, связываютъ въ этомъ промыслѣ нѣсколько мѣстностей разныхъ губерній и, такимъ образомъ, затрудняютъ заботы администраціи, направленной къ прекращенію этого промысла. Отхожимъ нищенствомъ промышленяютъ большое село Голицыно и районъ сосѣднихъ селеній. „Если-бы этотъ промыселъ замѣчался въ матеріалахъ комиссіи, — давалъ менѣе средствъ, чѣмъ хлѣбопашество, то онъ упалъ-бы самъ собою; но онъ выгоднѣе хозяйства, и, несмотря на запрещенія, ведется исправно. Нищія за хорошія деньги нанимаютъ дѣтей и уходятъ въ хлѣбныя губерніи, а осенью возвращаются съ дѣтьми и хорошими заработками. Всѣ эти дѣти, приуроченныя нищенствомъ къ тунеядству и лжи, для хозяйства бесполезны; они уже не работники“ (Сводъ I прилож. къ докл., отд. II, стр. 177—182).

По отношенію къ тамбовской губерніи мы считаемъ достаточнымъ ограничиться указаніемъ почти на тѣ-же признаки экономического быта населенія, какіе характеризуютъ и пензенскую. Изъ старыхъ, метрополныхъ губерній отхожій промыселъ несетъ въ другія, менѣе развитыя экономически, мѣстности нѣкоторыя культурныя зачатки: менѣе развитая мѣстность имѣетъ населенію,

которое, положимъ, не умѣетъ шерсть бить, войлоки валять, малевать образа, строить дома, класть печи, штукатурить и проч., она нуждается въ мастерахъ этого дѣла потому, что если она и имѣетъ своихъ мастеровъ этихъ ремеслъ, то ихъ или недостаточно, или они слишкомъ дороги; тогда мѣстность, стоящая выше ея по экономическому развитію, высылаетъ въ эту мѣстность, въ отхожій промыселъ, своихъ шерстобитовъ, плотниковъ, валяльщиковъ; печниковъ, маляровъ, штукатуровъ. Эти черты, отличающія болѣе культурныя мѣстности отъ менѣе культурныхъ, метропольные центры, страдающіе недостаткомъ земли, отъ земледѣльческихъ, по преимуществу, окраинъ, колоній—Владиміръ отъ Саратова, Тверь отъ Пензы, Ярославль отъ Самары и т. д. Въ этихъ-то старыхъ, метропольныхъ губерніяхъ и существуетъ по-преимуществу отхожій промыселъ, носящій въ себѣ уже культурныя начала. Но есть отхожіе промыслы въ нѣкоторыхъ и некультурныхъ губерніяхъ: эти-то послѣднія и высылаютъ въ отхожій промыселъ не мастеровъ, не миссіонеровъ культурно-ремесленныхъ началъ, а просто рабочія силы, просто рабочихъ—жнецовъ, косцовъ, землекоповъ, именно тѣ рабочія руки, которыхъ въ одной мѣстности слишкомъ много, а въ другой недостаетъ. Въ этимъ-то послѣднимъ некультурнымъ губерніямъ и принадлежитъ вся средне-поволжская группа, начиная отъ Казани и кончая Астраханью, и къ этой группѣ слѣдуетъ причислить, вмѣстѣ съ пензенскою, и тамбовскую губернію. Крестьяне тамбовской губерніи ходятъ на заработки большею частью въ южныя и степныя мѣстности, гдѣ не хватаетъ рабочихъ рукъ: такъ шацкій уѣздъ отправляетъ артели рабочихъ, въ лѣтнее время, въ саратовскую и самарскую губерніи; кирсановскій отправляетъ своихъ косцовъ въ южныя губерніи; елотомскіе рабочіе идутъ еще дальше, въ Крымъ; моршанскіе и липецкіе—въ область войска донскаго для антрацитовыхъ копей и на другія работы. Ясно, что эти артели кочующаго народа не культурныя зачатки, а только мускульный трудъ, въ которомъ нуждаются малонаселенныя русскія области.

Такая громадная разница лежитъ въ характерѣ отхожихъ промысловъ между населеніемъ старыхъ, метропольныхъ мѣстностей и жителями областей сравнительно новыхъ. Въ этомъ отношеніи всю Россію можно было-бы раздѣлить на двѣ *экономическія области*: старую и новую Россію.

VIII.

Переходъ къ губерніямъ малороссійскимъ и вообще южнымъ, гдѣ населеніе не только незнакомо съ отхожими и кустарными промыслами, но и во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ крайнюю экономическую неразвитость, гдѣ крестьяне не умѣютъ и, повидимому, не хотятъ ничего дѣлать, кромѣ какъ пахать землю, да и то довольно дурно, небрежно, — составляютъ губерніи рязанская, тульская, орловская и курская. Губерніи эти носятъ на себѣ отпечатокъ какой-то переходности: эти губерніи, въ которыя културныя начала еще не проникли, но которыя, благодаря рѣдкому плодородію своей почвы, особенно двѣ послѣднія, представляютъ всѣ данныя для обогащенія населенія при разумномъ пользованіи тѣмъ, что у него есть подъ руками.

Въ рязанской губерніи, при слабомъ развитіи отхожихъ промысловъ, они являются въ слѣдующемъ первобытномъ видѣ: крестьяне сѣверныхъ частей скопинскаго и южныхъ частей михайловскаго и пронскаго уѣздовъ, а равно подрязанское населеніе, идутъ въ отхожіе промыслы на югъ, въ область войска донскаго и въ другія степныя мѣста; зарайцы и михайловцы идутъ въ украинныя губерніи для найма въ гуртовщики, для пастьбы малорусскихъ стадъ и для прогона ихъ въ столицы. Большая-же часть татаръ касимовскаго уѣзда — эти потомки обывателей древняго касимовскаго царства — живутъ въ столицахъ, занимая разныя служительскія должности — офиціантовъ, дворниковъ; а иногда поступаютъ въ кучера и занимаются извозомъ.

Съ другой стороны, тульская губернія является такою, которая почти вовсе не выпускаетъ своего населенія за предѣлы своей территоріи, потому что населеніе это имѣетъ у себя дома все подъ руками и въ отхожихъ промыслахъ не нуждается. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ даже домохозяева большихъ крестьянскихъ семействъ, во избѣжаніе отхожихъ промысловъ, отдають излишнихъ работниковъ, по годовымъ контрактамъ, въ мѣстнымъ землевладѣльцамъ и, такимъ образомъ, всѣ рабочія силы остаются въ своей губерніи, гдѣ сверхъ этого, населеніе находитъ достаточныя заработки: такъ въ селѣ Сергіевскомъ, гдѣ сосредоточивается большая хлѣбная торговля, крестьяне имѣютъ хорошіе заработки отъ занятій по

торговой части, а главное—отъ набивки и зашивки кулей, такъ что хорошій работникъ можетъ выручить у себя дома въ одинъ лѣтній день отъ 2 р. до 2 р. 50 к. Какая громадная разница между этимъ заработкомъ и заработками тѣхъ крестьянъ, которые изъ старыхъ, болѣе культурныхъ губерній уходятъ за тысячи верстъ и втеченіи года могутъ сколотить тяжелымъ трудомъ отъ 50 до 75 р.!

Орловская губернія положительно не знаетъ отхожихъ промысловъ, курская тоже, хотя послѣдняя, при избыткѣ мѣстныхъ естественныхъ богатствъ, удѣляетъ часть своихъ рабочихъ силъ въ болѣе южныя губерніи, гдѣ заработокъ еще выше, чѣмъ въ орловской и курской. Воронежская губернія знаетъ только извозъ.

Но далѣе начинаются губерніи, населеніе которыхъ еще не дошло до простого сознанія, что жизнь и трудъ—синонимы и что разумно употребленное время—такой денежный знакъ, который охотно беретъ каждый банкиръ на чистыя деньги и котораго курсъ на всякой биржѣ высокъ, какъ курсъ чистаго золота. Изъ этихъ губерній уже слышатся отзывы, что тамъ во многихъ мѣстностяхъ „съ трудомъ можно отыскать кузнеца или столяра“, что тамъ „сельское населеніе далеко не пользуется представляющимися ему на мѣстѣ заработками и проводитъ свободное отъ полевыхъ работъ время въ бездѣйствіи“, что тамъ если случится надобность въ починкѣ экипажа, то мастера найти нигдѣ нельзя, что рабочіе не идутъ на трудъ за самое хорошее вознагражденіе и т. д.

Это значить, что здѣсь начинается полоса роскошной украинской природы, область богатой народной пѣсни, поэзій, „вечерицъ“ и полоса классической украинской лѣни, гдѣ „своей дремоты превозмочь не хочетъ воздухъ“, гдѣ „валятся сами въ ротъ галушки“, а „виномъ хоть пару поддавай“.

И, дѣйствительно, въ губерніяхъ харьковской, полтавской, кievской и черниговской крестьяне въ такихъ только случаяхъ покидаютъ свой благословенный край, когда находятъ слишкомъ высокіе заработки въ новороссійскомъ краѣ или когда сплошные неурожаи нѣсколькихъ лѣтъ выгоняютъ неповоротливыхъ украинцевъ изъ ихъ бѣленькихъ хатокъ, окруженныхъ вишневыми садами и красивыми вербами. Если они въ обыкновенное время

и выходятъ на югъ, то не какъ въ отхожій промыслъ, а какъ „въ ходку“, съ комерческими цѣлями, за рыбой, за солью и т. д. Тутъ уже начинается „плантаторскій промыслъ“, только не въ тѣхъ суровыхъ формахъ, въ какихъ онъ существовалъ въ Америкѣ: здѣсь добрыми плантаторами являются сахаровары и табачники, у которыхъ разводятся свекловичныя и табачныя плантаціи, а подобіемъ негровъ являются неповоротливые украинцы, которые, однако, работаютъ на плантаціяхъ часто предпочитаютъ лежанье дома на печи, даже въ жаркое лѣтнее время, или спанье у себя въ вишневомъ садикѣ подъ сливою, особенно, когда садикъ въ 300 квадр. сажень даетъ иногда доходу до 200 руб., что составить 66 коп. съ квадр. сажени или 1,600 р. съ десятины! (Сводъ I прил., от. II, 193).

Далѣе слѣдуютъ губерніи, частями своими прилегающія къ морямъ Азовскому и Черному—екатеринославская, таврическая, херсонская и бессарабская область. Здѣсь опять объ отхожихъ промыслахъ не можетъ быть и рѣчи, исключая извоза (чумачества) и рыбнаго промысла на моряхъ и рѣкахъ. Представителемъ рабочей силы является уже преимущественно воль, а въ таврической губерніи—верблюды, лучшее вьючное животное, приспособляемое для перевозки большихъ тяжестей. Сидячихъ промысловъ, здѣсь также почти нѣтъ, а гдѣ явится кузнецъ или плотникъ, представитель уже культурнаго промысла, то онъ зарабатываетъ весьма хорошія деньги. Въ этой сравнительно сидячей полосѣ Россіи еврей служитъ представителемъ упорнаго труда, подвижности и предприимчивости, чѣмъ и побѣждаетъ, а чаще эксплуатируетъ русскую инерцію и экономическую распущенность. „Люди эти, говорится о евреяхъ въ матеріалахъ, опубликованныхъ комиссіею, не знаютъ праздности и круглый годъ снискиваютъ способы къ улучшенію своего положенія“ (Сводъ I прил., отд. II, стр. 199). Относительно-же русскихъ представителей ремесленнаго промысла говорится въ трудахъ комиссіи: „Ремесла въ совершенномъ упадкѣ; если существуетъ въ деревнѣ кузнецъ, плотникъ, бондарь, печникъ и т. п., то это остатки крѣпостнаго времени, и всѣ эти ремесленники, по большей части, преданы пьянству“. Неудивительно, что еврей забрали тамъ въ свои руки всѣ промыслы, такъ что еврей является и дамскимъ портнымъ, и представителемъ всякаго культурнаго промысла.

Въ таврической и херсонской губерніяхъ, а равно въ бессарабской области, между сельскимъ населеніемъ не только немыслимъ отхожіи промыслы, но даже никакое ремесло не въ состояніи конкурировать съ мѣстною заработной платою, и оттого—говорятъ матеріалы— „при существующей высокой поденной платѣ полевымъ рабочимъ и наемной платѣ домашней прислугѣ обоого пола, всякое ремесло должно почитаться не прибыльнымъ, убыточнымъ“.

Отъ Бессарабіи поворачивая снова къ сѣверу, по западнымъ украиннымъ губерніямъ Россіи, мы находимъ новые оттѣнки въ экономическомъ быту тамошняго населенія и своеобразныя проявленія сельской промышленности; но уже того, что мы видѣли въ сѣверныхъ метропольныхъ губерніяхъ по отношенію къ развитію какъ кустарныхъ, такъ и отхожихъ промысловъ, а равно фабричной производительности, мы здѣсь не встрѣчаемъ, какъ не встрѣтили и во всей обширной группѣ юго-восточныхъ губерній, составляющихъ какъ-бы колоніальный приростъ къ центральной Россіи.

Въ подольской губерніи есть уже разные промыслы и ремесла, но отхожихъ промысловъ нѣтъ, потому что, вмѣсто того, чтобъ идти добывать деньги на сторонѣ, подольскій крестьянинъ охотнѣе работаетъ поденщикомъ у еврея или-же займется откармливаніемъ свиней, потому что каждый крупный кабанъ, проданный въ Галицію, приноситъ выручки отъ 20 до 40 р., а иногда и до 50 р.—это годовою заработкомъ сѣвернаго рабочаго, добытый жъ въ далекомъ и тяжеломъ отхожемъ промыслѣ. Тотъ-же характеръ лежитъ и на экономической жизни населенія волынской губерніи: то-же преобладаніе еврейскаго населенія, тотъ-же недостатокъ предпріимчивости, то-же сбыванье откормленныхъ кабановъ въ Галицію, лѣсной промыслъ при эксплуатаціи со стороны евреевъ, смолокуреніе съ тою-же зависимостью отъ евреевъ и отсутствіе ремесленной культуры и отхожихъ промысловъ, кромѣ бурлачества по Припети и Бугу. Въ минской губерніи—опять лѣсной промыслъ, смолокуреніе, преобладаніе евреевъ и отсутствіе отхожихъ промысловъ. И могилевская губернія въ этомъ отношеніи почти ничѣмъ не отличается отъ минской и отъ всей группы западныхъ губерній: рутинное добываніе насущнаго хлѣба и денегъ на подати, съ прибавкою плетенія циновокъ и лаптей, и

опять отсутствіе отхожихъ промысловъ. Но здѣсь уже начинается вытѣснять еврея великорусскій пришлой ремесленникъ, который пока еще борется съ евреемъ за первенство, хотя неизвѣстно, кто кого побѣдитъ въ будущемъ.

Нѣтъ отхожаго промысла и въ четырехъ остальныхъ губерніяхъ западнаго края—виленской, витебской, гродненской и ковневской. Населеніе апатично, инертно и находится въ экономическомъ рабствѣ у еврея. Если мѣстный крестьянинъ и выдумалъ посылать дичь въ Пруссію, то еврей перебиваетъ у него и этотъ выгодный промыслъ.

Остается маленькая группа остзейскихъ губерній—курляндская, лифляндская и эстляндская, съ экономическимъ, политическимъ и моральнымъ преобладаніемъ нѣмцевъ. Ни ремесла, ни кустарные промыслы не получили здѣсь никакого развитія, и отхожіе промыслы невозможны здѣсь потому, что отлучки крестьянъ изъ мѣстъ своего жительства обставлены такими репрессіями, о которыхъ въ великой и малой Россіи и понятія не имѣютъ.

Вотъ полный циклъ, обнимающій собою проявленія экономическаго творчества русскаго народнаго духа, преимущественно по отношенію къ промысламъ.

Подведемъ-же теперь подъ итоги результаты этого экономическаго творчества и посмотримъ, гдѣ слабыя и гдѣ здоровыя начала въ суммѣ производительныхъ силъ, дѣлающихъ Россію бѣдною въ богатствѣ и богатою въ бѣдности, слабою отъ избытка богатства и здоровою, благодаря своей нищетѣ.

IX.

Вообще съверъ Россіи, повидимому, бѣденъ, югъ—богатъ. Для съверно-русскаго крестьянина недостаетъ рабочаго времени въ такой степени, что его рабочій день слѣдовало-бы удлиннить, по малой мѣрѣ, до восемнадцати рабочихъ часовъ; для южно-русскаго крестьянина является избытокъ времени, такъ что онъ не знаетъ, куда его дѣвать, и могъ-бы сократить свой рабочій день, по малой мѣрѣ, часовъ на шесть: этотъ излишекъ времени онъ употребляетъ на лежанье подъ черешнею, на „улицѣ“, на пѣніе своихъ мелодическихъ пѣсенъ и на вечерницы. Съверно-русская

земля, не бывъ никогда особенно благодарною и производительною, въ настоящее время истощена до положительной чахлости; южно-русская земля всегда была богата и осталась богатою. Но, при всемъ томъ, сопоставленіе сѣверно-русской жизни съ южно-русскою не говоритъ въ пользу экономической безопасности послѣдней, и кто живетъ лучше—сѣверно-русскій-ли крестьянинъ, который ходитъ за кускомъ хлѣба иногда за тысячи верстъ, или южно-русскій, которому буквально „валятся сами въ ротъ галушки“—это еще вопросъ общественной науки...

Точно такіе-же рѣзкіе контрасты въ экономическомъ быту сѣвера и юга мы находимъ на каждомъ шагу въ матеріалахъ, собранныхъ сельско-хозяйственною комиссіею. Возьмемъ двѣ крайности—экономическое положеніе крестьянина около одного русскаго метропольнаго города, Владиміра-на-Клязьмѣ или Владиміра сѣвернаго, великорусскаго, и около Владиміра-Волинскаго, Владиміра южнаго, малорусскаго.

Семья состоитъ изъ пятидесятилѣтняго хозяина, женатаго 27-ми лѣтняго сына съ женою, холостого 24-хъ-лѣтняго сына, незамужней дочери 30 лѣтъ и двухъ малолѣтнихъ дѣтей, — всего семь душъ, изъ которыхъ три окладныя, а земельный надѣлъ на четыре души. Эта семья высѣваетъ: ржи 3 четверти, овса 60 мѣръ, гороху 3 мѣры, чечевицы 2 мѣры, льна 2 мѣры, гречихи 3 мѣры, картофеля и капусты сколько можно по величинѣ оторода и по количеству земли, которую непременно нужно удобрить. Семья эта съѣдаетъ весь свой хлѣбъ, собираемый съ поля, такъ что каждый годъ прикупаетъ часть хлѣба, и только продаетъ небольшой излишекъ овса. Годичный расходъ этой семьи выражается слѣдующими цифрами:

Прикупается	муки ржаной на.	. . .	11 р. 25 к.
„	капусты	. . . . .	1 „ — „
„	соли	. . . . .	2 „ — „
„	крупы	. . . . .	4 „ 50 „
„	мяса	. . . . .	1 „ 50 „
„	рыбы	. . . . .	2 „ 40 „
„	огурцовъ	. . . . .	1 „ 20 „
„	муки пшеничной	. . . . .	3 „ 70 „
пъ	чаю и сахару	. . . . .	4 „ 90 „
день.	водки	. . . . .	5 „ — „

Покупка и ремонтъ одежды	50	„ — „
Сало	1	„ — „
Борона и телѣга.	2	„ 40 „
Деготь.	1	„ 50 „
Мыло	1	„ — „
Сбруя и ремонтъ ея	5	„ — „
Косы, топоры, серпы и проч.	3	„ — „
Пастуху	2	„ — „
На церковныя требы	2	„ — „
Свѣчей	—	„ 90 „
Лошадь	5	„ — „
Сѣна прикупается на	10	„ — „
Податей и повинностей за 4 души около	40	„ — „
<hr/>		
Итого околю	200	р. — к.

Годичный *доходъ* этой семьи выражается такъ:

За проданный остатокъ овса получено	12	р.
Хозяинъ за службу помощникомъ старосты получилъ	80	„
Два сына заработали <i>отхожимъ промысломъ</i>	300	„
<hr/>		
Итого	392	р.

Избытокъ дохода передъ расходомъ—192 р. Это—результатъ экономической развитости и, быть можетъ, недоспанныхъ ночей.

Перенесемъ теперь съ сѣвера на югъ, на благодатную Во-
лынь, и войдемъ въ такую-же совершенно семью, съ какою мы
познакомились на сѣверѣ. Одна наружность поражаетъ контра-
стомъ: *на сѣверѣ* изба большая, высокая, съ деревянною кры-
шею, окружена сараями; какъ украшеніе двора—слученный къ
сторонкѣ навозъ; кругомъ—никакой поэзіи; *на югъ*—хата боль-
шая, выбѣленная снаружи, прибранная внутри, украшенная су-
хими цвѣтами и искусственнымъ голубкомъ, качающимся на нит-
кѣ въ переднемъ углу; „стриха“ (крыша) соломенная; кругомъ
хаты зелень, цвѣты роскошныя; которые заботливо поливаются
„дивчатами“, „садочекъ вишневый“, „верба зеленешка“—все
какъ слѣдуетъ; такъ и вѣетъ поэзіей.

А между тѣмъ въ этой хатѣ, въ этой зелени, въ этой поэзіи
чувствуется крайняя бѣдность.

Расходъ этой южной семьи слѣдующій:

Потреблено хлѣба озимаго 16 корцевъ на	67 р.	—	к.
За перемоль этого хлѣба, по 4 гарнца			
съ корца, отдано еврею на	8	»	46
Ярового 6 ³ / ₄ корца	14	»	—
Картофеля 6 ³ / ₄ корца	5	»	7
Соли 4 ¹ / ₂ пуда	4	»	50
Овчинъ на кожухи	4	»	—
На мужскія зимнія шапки	1	»	—
Дивчатамъ платки	—	»	60
Дивчатамъ-же одну сподницу	1	»	20
Двѣ пары чоботовъ (сапоговъ)	9	»	—
Двѣ пары головокъ къ нимъ (все это			
у еврея покупается).	5	»	50
На ремонтъ строеній, орудій, телѣгъ и			
проч. хозяйства	25	»	—
На посылку лошадямъ	6	»	25
На мелочныя издержки	6	»	—
Всего	156	р.	58

Кромѣ того всѣхъ податей и сборовъ . . . . . 27 р. 21 к.

Всѣ расходы потребовали 183 р. 79 к.

Весь *доходъ* южной семьи даетъ богатая земля. Вотъ онъ:

Пшеница дала чистой выручки, за от-			
дѣленіемъ на сѣмена	22	р.	50
Рожь	22	»	50
Овесъ	15	»	—
Ячмень	22	»	50
Гречиха	20	»	25
Картофель	13	»	50

Итого . . . . . 116 р. 25 к.

Южная семья остается при 67 р. 54 к. *дефицита!*

Контрастъ, слѣдовательно, въ положеніи сѣверной и южной семьи громадный. Не надо забывать, что сѣверная семья имѣеть отъ земли только 12 р. дохода и должна покупать *хлѣбъ*; южной семьѣ земля даетъ доходу 116 р. и семья эта не покупаетъ хлѣба. При всемъ томъ сѣверная семья *пьетъ чай, покупаетъ* рыбу, мясо, капусту, огурцы, сало, свѣчи, мыло—это уже

признаки культурной жизни; ничего этого не покупает южная семья—и ей все-таки не хватает 67 рублей, тогда какъ въ великорусской семьѣ хозяинъ уже *служитъ*, а сыновья работаютъ въ *отхожемъ промыслѣ*; при всемъ томъ сѣверная семья имѣетъ возможность прожить около 200 р. въ годъ.

Теперь, надѣмся, понятны будутъ приведенные нами выше экономическіе афоризмы—*богатство въ нищету* и *нищета въ богатство*. Но, безъ всякаго сомнѣнія, афоризмы эти никто не рѣшится перевести на обыкновенный языкъ въ такой формѣ: „богатство—источникъ нищеты“ и „нищета—источникъ богатства“, хотя до нѣкоторой степени это и было-бы справедливо, потому что никто не станетъ отрицать другого экономического положенія, что богатство природы и легкость добыванія съ продуктовъ служатъ источникомъ сначала безопасности и перадиваго отношенія къ этому даровому богатству, а потомъ являются и источникомъ нищеты; что, съ другой стороны, бѣдность природы, дающей всякій свой даръ что-называется съ бою, вызываетъ въ человѣкѣ энергію, рѣшимость борьбы съ этой природой, вызываетъ трудъ и усидчивый („сидячій“ промыслъ) и подвижной („отхожіе“ промыслы), а уже затѣмъ даетъ и богатство. Но, при всемъ томъ, не одна южная, богатая природа сдѣлала то, что южный крестьянинъ сталъ нерадивъ, безпеченъ, а потомъ и бѣденъ, равно какъ не одна сѣверная скуная природа произвела то явленіе, что сѣверный крестьянинъ сталъ энергиченъ, предприимчивъ, а до извѣстной степени богаче южнаго крестьянина. Въ основаніи этого явленія лежатъ причины и болѣе общія, и болѣе глубокія, именно причины историческія въ широкомъ значеніи этого слова.

Извѣстно, что югъ и сѣверъ Россіи развивались не подъ одинаковыми историческими условіями; на одну половину долѣе дѣйствовали разныя деморализующія обстоятельства, надъ другою эти обстоятельства тяготѣли не столь продолжительное время и не въ такой сильной степени. Южное населеніе, живущее на богатой землѣ, казалось-бы, должно было пользоваться болѣе благоприятной экономической обстановкой сравнительно съ населеніемъ сѣвернымъ, а между тѣмъ, какъ мы видѣли, обстановка эта гораздо печальнѣе, чѣмъ на сѣверѣ, и въ то время, когда сѣверное населеніе, при всей бѣдности почвы, умѣетъ выбиться изъ нищеты усиле-

нымъ и разумно принимаемымъ трудомъ, южное населеніе находится подъ гнетомъ недостатка и не научилось въ достаточной мѣрѣ помогать самому себѣ. Оно, говорятъ, лѣнливо; на него разслабляющимъ образомъ дѣйствуетъ южная природа. Положимъ, до извѣстной степени это такъ. Но отчего-же эта южная природа не дѣйствуетъ разслабляющимъ образомъ на живущихъ тамъ-же нѣмецкихъ менонитовъ, надъ которыми свѣтитъ такое-же жаркое южное солнце, какъ и надъ малорусскимъ населеніемъ?

Въ трудахъ комиссіи мы находимъ богатые матеріалы относительно экономическаго быта нѣмецкихъ колонистовъ на югѣ Россіи. Особенно поражаетъ насъ въ этомъ отношеніи хортицкая волость, расположенная какъ-разъ на мѣстѣ бывшей „запорожской сѣчи“. Теперь Хортица, нѣкогда дикій островъ, населенный полудикими запорожцами, которые презирали всякій трудъ, кромѣ военнаго труда, представляетъ какой-то удивительный оазисъ экономическаго благосостоянія и современной сельско-хозяйственной культуры. Населеніе хортицкой волости состоитъ изъ 6,685 душъ. Болѣе зажиточные хортицкіе поселенцы называются „полными хозяевами“ или „фольвиртами“, земельные участки которыхъ составляютъ до 65 дес. каждый; есть также „половинные“ и „четвертные хозяева“ или „клеинвиртъ“—это болшею частью раздробившіяся семейства. Съ 1839 по 1872 годъ хортицкими колонистами куплено у графа Коскуля земли до 41,000 дес., на сумму до 840,000 р. Кромѣ того они еще арендуютъ до 50,000 дес. Каждый „фольвиртъ“ имѣетъ отъ 6 до 12 лошадей въ хозяйствѣ и заводскихъ кобылъ; земледѣльческія орудія ихъ состоятъ изъ плуга, 2 рамъ, 2 — 3 боронъ, 2 — 3 бричекъ, вѣяльных мельницъ, машины для чистки полей и пр. Работы производятся членами собственныхъ семействъ, а иногда при помощи наемнаго работника или работницы. Хортицкіе нѣмцы почти не знаютъ праздниковъ и потому прогульныхъ дней у нихъ не бываетъ: замѣчательно, что они не работаютъ всего только 13 праздничныхъ дней въ году сверхъ 52 воскресныхъ дней, тогда какъ русскіе праздники составляютъ отъ 129 до 140 дней въ году, а нѣкоторыя малороссійскія мѣстности прибавляютъ къ этому еще такъ-называемую „русальную недѣлю“, слѣдующую послѣ праздника Троицы.

Жизненная обстановка хортицкихъ нѣмцевъ, по отзыву ко-

миссіи, весьма достаточная и даже богатая. Дома и хозяйственные постройки у нихъ изъ кирпича, крыши черепичныя и только изрѣдка камышевыя. Всѣ постройки обширны и просторны; одежда—покупная. Они почти ежедневно употребляютъ мясо, если не говядину, то свинину. Число обиходныхъ жизненныхъ потребностей у нихъ постоянно увеличивается. Благосостояніе ихъ выражается и въ томъ, что одни хортицкіе нѣмцы, при населеніи менѣе чѣмъ въ 7,000 душъ, имѣютъ общественнаго капитала до 539.000 р.

Бюджетъ нѣмецкаго хозяйства, сопоставленный съ вышеприведенными нами бюджетами великорусскаго и малорусскаго крестьянскихъ семействъ, до поразительности обнаруживаетъ все превосходство экономическаго благосостоянія нѣмцевъ.

Доходъ:

За 125 четв. пшеницы по 9 р. четв.	1,125 р.
„ 63 „ ячменя и овса по 4 р.	252 „
„ 16 „ ржи по 5 р.	80 „
„ 60 „ кукурузы по 2 р.	120 „
„ 40 „ картофеля по 1 р. 50 к.	60 „
Отъ продажи одной лошади	75 „
„ „ „ коровы	30 „
Отъ 25 дес. соломы пшеничной по 3 р. отъ дес.	75 „
„ 9 „ ячменя по 4 р. дес.	36 „
Сѣна 3 горбы по 10 р.	30 „
Половы	50 „
Отъ заготовленія 2 саж. кирпича по 8 р.	16 „
Всего	<hr/> 1,959 р.

Расходъ:

Посѣвъ на 25 дес. пшеницы по 4 ¹ / ₂ мѣръ на дес.—15 ⁸ / ₈ четв., считая по 9 р. четв.	114 р. 75 к.
На 9 дес. ячменя и овса по 6 мѣръ на дес., по 4 р. четв.	27 р.
На 2 дес. ржи по 5 мѣръ на дес., по 5 р. за четв.	6 „ 25 к.
На содержаніе семейства 10 четв. пшеницы по 9 р.	90 „

На содержаніе семействъ 10 четв. ржи по 5 р.	50 „
„ „ „ 40 „ ячменя и овса на лош. по 4 р.	160 „
На содержаніе семействъ 40 четв. кукурузы для свиней и лошадей	80 „
На содержаніе семейства 20 четв. картофеля по 1 р. 50 к.	30 „
Соломы на отопленіе	35 „
Ячная солома, а равно вся солома и сѣно— для скота	116 „
На ремонтъ построекъ и орудій	100 „
На уплату податей и повинностей, въ томъ числѣ на содержаніе учителя, пастуха, ка- раульнаго, общественныхъ зданій и проч. .	75 „
На одежду и обувь для семейства	100 „
„ покупку кофе, сахару, водки и проч. роскоши	70 „
На случайныя несчастія: падежъ скота и проч.	100 „
„ наемъ рабочихъ для уборки хлѣба	144 „
„ „ срочнаго работника на 3 мѣсяца	54 „
„ „ годового работника и работницы (130 + 70).	200 „
<hr/>	
Всего	1,552 р.

Слѣдовательно, чистаго дохода окажется въ годъ 407 р.

X.

Выводъ изъ всего вышесказаннаго: природа и ея богатства не имѣютъ абсолютнаго вліянія на относительный подъемъ нашего экономическаго уровня. Тамъ, гдѣ природа бѣдна и скупа, въ сѣверныхъ мѣстностяхъ, она вызвали усиленный трудъ, народную энергію и экономическое творчество, выразившееся въ фабричной дѣятельности, въ кустарной и отхожей промышленности; тамъ, гдѣ природа богата и щедра, этого явленія не замѣчается: трудъ, народная энергія и экономическое творчество спятъ на югѣ. Съ перваго раза казалось-бы, что виновата и тутъ природа, ея щедрость, ея расслабляющее солнце; но на примѣрѣ хор-

тицкихъ поселянъ мы видѣли, что и это положеніе не имѣетъ подъ собою экономической почвы: трудъ, энергія и творчество отлично уживаются съ жаркимъ солнцемъ. Но только въ этомъ послѣднемъ случаѣ недостаетъ еще одного экономического явленія: на югѣ нѣтъ отхожаго промысла, не только культурнаго, но и некультурнаго, а примитивнаго. Культурный отхожій промыслъ до сихъ поръ ужился только съ сѣверомъ, съ населеніемъ метрополій: владимірецъ и ярославецъ несутъ результаты своего ремесленнаго навыка въ тѣ мѣстности, гдѣ въ этихъ результатахъ нуждаются; полтавецъ, кievлянинъ, подолецъ, волынецъ и всѣ южане не несутъ въ другія мѣстности не только культурнаго труда, но даже и простой рабочей силы, кромя развѣ извоза, косьбы хлѣба и т. п., и это не потому, что они не нуждаются въ воспособленіи своимъ экономическимъ средствамъ, а потому, что исторія не научила ихъ этому, — и они бѣдствуютъ до извѣстной степени. Совершенно въ другой экономической обстановкѣ являются сосѣди южанъ — южные-же нѣмецкіе поселяне: они не нуждаются въ отхожемъ промыслѣ, не нуждаются ни въ какомъ воспособленіи, потому что имѣютъ *все свое*, и даже съ избыткомъ, какъ хортицкіе нѣмцы.

Такимъ образомъ, сравнивая экономическій уровень сѣвера Россіи и юга, проводя параллель между экономической обстановкою населенія метропольной области Владиміра-на-Клязьмѣ и таковою-же обстановкою населенія области Владиміра-Волынскаго, мы убѣждаемся, что параллель эта, къ удивленію нашему, оказалась не въ пользу роскошнаго юга, богатаго всѣми дарами природы. Въ первой параллели даровитый владимірецъ, сидящій на чахлой землѣ, побѣдилъ апатичнаго, хотя поэтическаго волынца, сидящаго на самой тучной въ мірѣ землѣ. Но проводя эту параллель дальше, мы убѣдимся, что человѣческій трудъ и творчество не только возвышаютъ цѣну трудовой и даровитой личности, но возвышаютъ цѣнность всего, къ чему-бы она ни прикоснулась.

А это наводитъ насъ на блистательное экономическое открытіе, что *земля, на которой сидитъ умный человѣкъ, дѣлается дороже той земли, на которой сидитъ человѣкъ глупый*, хотя-бы эта послѣдняя земля была такъ плодотворна, какъ илистые берега Нила, а первая была-бы такъ бесплодна, какъ почва песчаной Аравіи.

Безспорно, что земельная область Владиміра-на-Клязьмѣ бѣдна плодородіемъ; чахлая земля не родить тамъ вовсе, если ее не удобрять навозомъ, да и то урожаи плохи; родить она низшій сортъ хлѣбовъ, и вообще, по выраженію крестьянъ, „коли ее самое не покормишь, и она тебя не накормитъ, потому—земля наша выѣденнаго яйца не стоитъ“. Безспорно также, что земельная область южнаго Владиміра, Владиміра-Волынскаго, богата плодородіемъ особенно къ границѣ Галиціи; она родитъ роскошно, не зная удобренія, родитъ она высшій сортъ хлѣбовъ, и, вообще, какъ выражается образно крестьянскій жаргонъ о богатой землѣ, — южная земля „золотомъ ходитъ“.

Чтобы разоблачить эти дѣйствительныя и фиктивные богатства земель, возьмемъ въ матеріалахъ комиссіи тотъ отдѣлъ, который носитъ названіе: „продажныя цѣны на земли“. Въ *владимірской губерніи* продажныя цѣны на земли при покупкѣ цѣлыми имѣніями слѣдующія:

Во владимірскомъ уѣздѣ имѣніе съ посредственной постройкою всѣхъ хозяйственныхъ приспособленій, съ дровянымъ лѣсомъ и скотомъ, было продано крестьянамъ по 72 р. 81 к. за десятину. Большія-же имѣнія вообще продаются отъ 35 до 40 р., малыя до 60 р. Въ юрьевскомъ уѣздѣ, при разнообразіи грунта, цѣны существуютъ: къ границамъ суздальскаго и владимірскаго уѣздовъ—отъ 50 до 70 р., къ границамъ покровскаго—отъ 20 до 30 р., къ границамъ александровскаго и переяславскаго—отъ 20 до 40 р., къ границамъ суздальскаго и ростовскаго—отъ 10 до 25 руб.

Вообще-же среднюю продажную цѣною пахотной десятины владутъ отъ 35 до 65 руб.

При продажѣ земли отдѣльными участками цѣны на десятину стоятъ:

поемные луга до	150 р.
непоемные луга.	50—60 „
пашни	25—28 „
пашни лучшія	40—50 „
лѣсъ на половинѣ дровяной, на половинѣ кустарнигъ	30 — „
лѣсъ дровяной, мѣшанный, на срубъ	150 — „

Это цѣны сѣверной, бѣдной земли. А вотъ цѣны южной, богатой—на Волыни:

Въ овручскомъ уѣздѣ отъ	3 ¹ / ₄	и	4	до	7	и	10	р.
„ новогродволыпскомъ. . .	35	„	40	„	45	„		
„ старокопстантиновскомъ .	40	„	45	„	60	„		
„ кременецкомъ.	25	„	40	„	50	„		

Ясно, что сѣверная, бѣдная земля дороже южной, богатой. Это оттого, что на сѣверной, бѣдной землѣ сидятъ люди, которые высотою своего экономическаго развитія возвышаютъ цѣну всего, къ чему ни прикасаются; а на богатой южной землѣ сидятъ другіе люди, которые нищетой своего экономическаго развитія доводятъ до нищеты и то, къ чему прилагаютъ свои неумѣлыя руки.

Наконецъ, сѣверная Русь во всемъ опередила Русь южную—во внѣшней обстановкѣ жизни, въ пищѣ, въ жильѣ, въ костюмѣ.

Въ сѣверныхъ, промысловыхъ губерніяхъ, обстановка крестьянскаго быта до того измѣнилась, что измѣненія эти проникли даже въ народную поэзію, какъ болѣе или менѣе реальное отраженіе жизни. Въ промысловыхъ селахъ крестьянскія дѣвушки поютъ уже о „папирсахъ“, о „билліардѣ“.

Я на камешкѣ стою,
Слезы катятся,
Люди дѣвушкѣ берутъ —
Намъ желается.
Создай, Боже, помолиться
О своихъ ясныхъ очахъ,
Чтобъ въ трактиры не ходить,
Чтобы благо не пить,
Папирсы не курить,
Въ билліарты не играть;
Билліарты дороги —
Много денегъ извели.

Пѣсня эта больше говоритъ, чѣмъ всѣ отзывы земскихъ управъ и мировыхъ посредниковъ, объ экономическомъ кризисѣ въ крестьянской жизни.

Въ другой пѣснѣ дѣвушка промысловаго села поетъ о „золотой цѣпочкѣ“, о „бурнусѣ“, „драпѣ“:

Распрекрасная дѣвочка,
На большой руди цѣпочка,
Въ ушахъ серьи золота,

Русы кудри завиты;
 Полюбила я такова —
Нѣтъ картуза никакова:
 Продамъ шубку и бурнусъ,
 Куплю милому картузъ,
 Я не очень щегольской —
 Черный драповый такой *)).

Эта, повидимому, парадоксальная пѣсня въ устахъ *крестьянки* подтверждается матеріалами, собранными сельско-хозяйственной комиссіей. Такъ о *крестьянахъ* этихъ самыхъ мѣстностей, гдѣ поются такія парадоксальныя пѣсни, матеріалы говорятъ: „многіе одѣваются по-городски: у мужчинъ скуртуки, пальто, шляпы, у женщинъ платья, бурнусы, шляпки и проч.; матеріалы, употребляемые въ одежду — сукно, драпъ, шелковыя матеріи, волчья, бѣличья, а иногда и енотовые мѣха“ (Прил. сводъ I, стр. 230).

Можно было-бы подумать, что въ этихъ мѣстностяхъ, гдѣ произошелъ такой кризисъ въ крестьянской обстановкѣ, явилось неизбежное увлеченье кабакомъ, трактиромъ, биллярдомъ; а между тѣмъ, эти-же матеріалы говорятъ о тѣхъ-же мѣстностяхъ: „пьянство въ послѣднее время значительно уменьшилось“ (тамъ-же, стр. 229). Ясно, что пьянство вытѣсняется относительнымъ подъемомъ общаго экономическаго уровня.

Но вышеприведенныя нами парадоксальныя пѣсни не раздаются тамъ, гдѣ, по разнымъ неблагоприятнымъ условіямъ, у крестьянина ничего нѣтъ кромѣ земли, которую онъ пашетъ „тощими и изнуренными клячами“, гдѣ иногда въ сентябрѣ остается не сжатая рожь, а озимь въ октябрѣ не засѣянная, картофель-же на зиму не выкопанный (Прил. II, 4, 6), или тамъ, гдѣ „крестьянинъ не умѣетъ считать далѣе тридцати или полкопы“ и гдѣ его можно обманывать на каждомъ рублѣ (стр. 16), или, наконецъ, тамъ, гдѣ „черные черемисы питаются картофелемъ и рѣдкою, а также бѣлками, воронами и зайцами“ (стр. 17), и т. д.

*) Нижегород. сборн., изд. нижегор. статист. ком., подъ ред. г. Гацискаго, т. III, 115—116.

XI.

Оканчивая этотъ бѣглый обзоръ богатыхъ матеріаловъ, изданныхъ сельско-хозяйственной комиссіею, и, за невозможностью въ узкихъ рамкахъ журнальной статьи коснуться всѣхъ сторонъ современнаго экономическаго быта русской земли, оставляя нетронутыми сотни возникающихъ на каждомъ шагу вопросовъ, недоразумѣній, противорѣчій, недомолвокъ, не привлекая, наконецъ, къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ заявленій членовъ комиссіи и частныхъ лицъ относительно дѣйствительности и фиктивности нашихъ естественныхъ богатствъ и производительныхъ силъ, какъ почвенныхъ, такъ равно и культурныхъ, интеллектуальныхъ, и проч., и проч., — мы надѣемся еще не разъ возвратиться къ этому капитальному для насъ вопросу, — вопросу, которымъ обуславливается не только настоящее, но и будущее Россіи.

Разсматривая причины нашей соціальной отсталости и сельско-хозяйственной неурядицы, члены комиссіи почти единодушно пришли къ заключенію, что эти причины кроются въ нравственномъ и экономическомъ состояніи крестьянъ. Находятъ, что уровень нравственнаго состоянія ихъ крайне низокъ, что доказывается нашей уголовной статистикой. Глубокое невѣжество и дикія понятія массы, пещѣлавшія почти ни одного шага впередъ отъ эпохи домостроя, остаются во всей неприкосновенности первобытной дикости. Все это, конечно, было отчасти результатомъ крѣпостнаго права и его деморализирующаго вліянія. Далѣе, причины эти заключаются въ семейныхъ раздѣлахъ и ежегодныхъ продолжительныхъ отлучкахъ большей части молодого поколѣнія. Это значитъ — въ отхожихъ промыслахъ, которые столь спасительны въ экономическомъ отношеніи! Говорятъ, что семейные раздѣлы, ослабляя крестьянъ матеріально, дѣлаютъ людей лѣнливыми, съ бродячими наклонностями; что отлучки — отхожіе промыслы — отучаютъ отъ домашней, семейной жизни, приучаютъ къ своеволію, распутству и бродяжничеству; что отъ семейныхъ раздѣловъ крестьяне бѣднѣютъ, тогда какъ экономическое положеніе крестьянъ удовлетворительно тамъ, гдѣ семейные раздѣлы не существуютъ; что въ настоящее время немного уже можно найти большихъ крестьянскихъ семействъ, изъ которыхъ одна половина обработы-

ваетъ землю, а другая ходитъ на заработки и своимъ трудомъ оплачиваетъ всѣ повинности; что гораздо чаще встрѣчаются одинокія семейства, которыя изъ своего душевого надѣла не могутъ извлечь средствъ для прокормленія своего семейства и уплаты повинностей, причѣмъ теряется рабочая сила, потому что одного работника слишкомъ много для душевого надѣла, а землю нанимать одинокій крестьянинъ не въ силахъ; что онъ раззорился покупкой лошади, постройкой дома и другими расходами, которые появились съ раздѣломъ; что многіе одиночки, оставивъ дома, живутъ на фабрикахъ, землю-же или сдаютъ въ мѣръ, или обрабатываютъ ее сосѣдями по условію и являются только на праздники, отчего образуются бездомники или произвольные пролетаріи (Сводъ II, 14).

По вопросу о народномъ образованіи многими заявлено было, что отчеты земства не даютъ точнаго понятія о развитіи грамотности въ народѣ; что земство въ большинствѣ случаевъ относится къ народнымъ школамъ крайне равнодушно; что народныя школы не имѣютъ ни плана, ни опредѣленнаго направленія; что земствомъ удѣляется на образованіе лишь самая малая часть земскихъ доходовъ; что въ земскихъ школахъ учителей нѣтъ, а тѣ, которые есть, не отличаются образованіемъ; что „волостныя школы съ однимъ учителемъ, какого Богъ послалъ, не соотвѣтствуютъ цѣли“; что обученіе въ сельскихъ школахъ поручается иногда за 50 — 70 р. въ годъ, а учителя набираются преимущественно изъ оставшихъ солдатъ и исключенныхъ изъ службы причетниковъ; что и при этомъ, крестьяне, по случаю бѣдности, неразвитости, а иногда и отдаленности училищъ, часто неохотно отдають дѣтей въ школу; что во многихъ сельскихъ школахъ составъ учениковъ мѣняется даже въ періодъ зимняго полугодія и родители берутъ дѣтей обратно, какъ только представится надобность. Поэтому самымъ радикальнымъ средствомъ для образованія признана *обязательность* посѣщенія школы всѣми крестьянскими дѣтьми.

Въ той части сѣверной и сѣверо-западной Россіи, гдѣ основаніемъ успѣшнаго землевладѣнія служитъ усиленный трудъ и удобреніе, пониженіе экономическаго уровня обнаруживается, по заявленію многихъ лицъ, въ уменьшеніи пространства воздѣлываемыхъ полей, часть которыхъ уже успѣла зарости кустарникомъ; въ сокращеніи количества скота и въ замѣтномъ упадкѣ уро-

жаевъ, вслѣдствіе недостаточнаго удобренія; въ дурномъ состояніи крестьянскихъ построекъ; въ огромномъ накопленіи недоимокъ; въ значительномъ развитіи пьянства „отъ безотраднaго положенія крестьянъ и грустной будущности“ (это пьянство съ горя).

Далѣе—одни видятъ зло въ общинномъ пользованіи крестьянскою землею, другіе—въ участковомъ. Говорятъ, что при общинномъ пользованіи всѣмъ управляютъ богатые мужики, міроѣды, которые всегда отбираютъ себѣ лучшіе участки, а бѣдные мужики являются ихъ батраками; другіе возражаютъ, что, напротивъ, при участковомъ пользованіи міроѣды окончательно обернутъ бѣдныхъ мужиковъ, скупать всѣ ихъ земли, и бѣдные изъ бѣдныхъ превратятся въ непоправимыхъ пролетаріевъ, что едва-ли не справедливѣе, чѣмъ первое заявленіе.

Въ круговой порукаѣ одни видятъ гибель для крестьянъ, другіе—спасеніе. По мнѣнію первыхъ, круговая порука заставляетъ крестьянина смотрѣть и на движимое свое имущество какъ на не вполне принадлежащую ему собственность, которая во всякое время можетъ быть продана за чужія недоимки; круговая порука всю тяжесть лежитъ на самостоятельныхъ хозяевахъ и не даетъ имъ возможности достигнуть того благосостоянія, котораго они вполне могли-бы достигнуть трудомъ и трезвымъ поведеніемъ; при круговой порукаѣ исправный и трудолюбивый человѣкъ обязанъ добытыя трудомъ деньги отдавать за неисправнаго дѣтяя, а это обязательство отбиваетъ у крестьянина охоту улучшить свое хозяйство и увеличивать количество скота, потому что скотъ можетъ быть проданъ за долгъ другого; что онъ предпочитаетъ, поэтому, заработанныя деньги скорѣе хранить непроизводительно въ кубышкѣ, чѣмъ затрачивать на свое хозяйство; что при круговой порукаѣ тотъ даже, кто-бы и могъ платить, не платитъ, а прикидывается, что ничего не имѣетъ; платитъ-же лишь тогда, когда начинаютъ продавать его скотъ, ибо опасается, что если онъ заплатитъ за себя, то съ него потомъ взыщутъ и за другого; что круговая порука, наконецъ, безнравственна и нестойательна, ибо ни одинъ исправникъ не въ состояніи поступить съ плательщикомъ такъ безпощадно, какъ поступаетъ теперь міръ; что, далѣе, отиѣна круговой поруки есть желаніе всѣхъ хотя нѣсколько устроившихъ свой бытъ крестьянъ; что съ уничтоженіемъ

круговой поруки каждый зналъ-бы, что онъ отвѣчаетъ самъ за себя, хлопоталъ-бы о взносѣ повинностей и, не прача денегъ, употреблялъ-бы ихъ на увеличеніе и улучшеніе своего хозяйства; что платежи крестьянъ поступали-бы исправнѣе, оказалось-бы болѣе состоятельныхъ лицъ, чѣмъ теперь, а если-бы и явились несостоятельныя личности, то въ общей массѣ это не имѣло-бы значенія; что даже если, вслѣдствіе уничтоженія круговой поруки, и образуется классъ рабочихъ безземельныхъ, то отошедшіе отъ нихъ участки земли никакое общество изъ своихъ рукъ не выпуститъ, для крупныхъ-же землевладѣльцевъ, равно какъ и для крестьянскихъ обществъ, весьма желательно, чтобы земледѣліе было въ рукахъ людей состоятельныхъ.

Противъ уничтоженія круговой поруки раздался голосъ только одного землевладѣльца петербургской губерніи. По его мнѣнію, круговая порука совершенно необходима для благоденствія народа; нѣмецкіе колонисты въ Россіи приписываютъ ей свое процвѣтаніе и высказываютъ мнѣніе, что безъ круговой поруки сельское начальство не можетъ имѣть вліянія на своихъ дурныхъ членовъ. Если круговая порука тягостна въ бѣднѣйшихъ русскихъ селеніяхъ, то это потому, что общій уровень благосостоянія низокъ; при поднятіи его, круговая порука будетъ только благодѣтельна. Извѣстно, что чѣмъ менѣе развитъ народъ, тѣмъ сильнѣе должны быть связаны его экономическіе интересы. Большая часть русскаго люда, предоставленная сама себѣ, чувствуетъ себя безпомощною; крестьянинъ, несдерживаемый традиціями своей общины, легко терается, падаетъ нравственно и дѣлается вреднымъ человѣкомъ. Никакая власть и никакое учрежденіе не могутъ усмотрѣть за безопаснымъ и дурнымъ крестьяниномъ, если этого не сдѣлаетъ община; всѣ знаютъ, что нравственность сельскихъ жителей лучше, чѣмъ отдѣльныхъ мастеровыхъ, разорвавшихъ всякія связи съ общиною.

Для того, чтобы сдѣлать наши фиктивные богатства дѣйствительными, нѣкоторые указываютъ на необходимость самой широкой колонизаціи земель впустѣ лежащихъ и надѣленіе землею всѣхъ въ ней нуждающихся. Съ цѣлью колонизаціи предлагается направить эмиграцію изъ Германіи въ минскую губернію (зачѣмъ-же изъ Германіи, а не изъ Россіи-же?); заявляется также о при-

глашеніи чеховъ въ витебскую губернію чрезъ обнародованіе въ чешскихъ газетахъ подробнаго описанія климатическихъ, почвенныхъ и экономическихъ условій витебской губерніи, цѣнъ земли и т. п. Нѣкоторые желаютъ обязательнаго, но равномѣрнаго переселенія изъ губерній нехлѣбородныхъ въ губерніи, отличающіяся хорошею почвою, такъ-какъ затраченные на это правительство капиталы впоследствии возвратятся съ процентами въ различныхъ съ переселенцевъ налогахъ. Наконецъ, проектируется устройство особыхъ колоній изъ лицъ, составляющихъ въ настоящее время ядро пролетаріата въ Россіи — бывшихъ дворовыхъ безъ надѣла, дѣтей разночинцевъ и солдатъ, удаленныхъ по приговорамъ сельскихъ обществъ, чиновниковъ, оставленныхъ за штатомъ и бывшихъ казенныхъ мастеровыхъ, ненадѣленныхъ землею. При этомъ уфимскимъ губернаторомъ заявлено, что въ уфимской губерніи значительныя пространства плодородныхъ земель и лѣсовъ состоятъ во владѣніи полудивихъ башкировъ въ такомъ числѣ, что иногда на одну ревизскую душу приходится 300 десятинъ чернозема! Башкиры, народъ вообще апатичный во всему, что касается земледѣлія, не имѣя возможности справиться съ такими обширными пространствами, охотно соглашались на продажу своихъ земель, чѣмъ умѣютъ пользоваться разные промышленники; такъ, между прочимъ, недавно *куплена лѣсная дача въ 50,000 десятинъ, по 16 копеекъ за десятину и еще съ разсрочкою!*

Поэтому, для облегченія переселенцамъ изъ внутреннихъ губерній пріобрѣтенія дешевыхъ земель безъ помощи посредниковъ-промышленниковъ, которые легко могутъ эксплуатировать на этой аферѣ народъ, правительству слѣдовало-бы установить для себя предпочтительное право покупки продаваемыхъ башкирами земель, возложивъ на судебныя мѣста, вѣдающія совершеніемъ продажныхъ актовъ, обязанность увѣдомлять управленіе государственныхъ имуществъ о всѣхъ тѣхъ продажахъ, гдѣ цѣна не достигаетъ нормы, опредѣленной впередъ для покупки правительствомъ; неполученіе судебнымъ мѣстомъ отвѣта втеченіи 2 мѣсяцевъ могло-бы остаться равносильнымъ отказу правительства отъ своего права. Купленная такимъ образомъ земля могла-бы быть разбиваема на мелкіе участки и продаваема переселенцамъ по сходной цѣнѣ съ разсрочкою платежей. Уфимскимъ губернскимъ предводи-

телемъ дворянства предлагается образованіе съ этою-же цѣлью акціонернаго общества по проекту, представленному имъ и землевладѣльцемъ Авдѣевымъ оренбургскому генераль-губернатору. Кромя покупки правительствомъ продаваемыхъ башкирами земель, уфимскій губернаторъ проектируетъ ссудно-переселенческій банкъ, съ прямою цѣлью содѣйствовать переселенію, которое въ настоящее время совершается весьма медленно и доставляетъ въ годъ приращеніе населенія не болѣе 0,3⁰/о. Такой банкъ, съ возможнымъ упрощеніемъ самаго порядка производства своихъ операцій, давалъ-бы ссуды переселенцамъ на покупку земель и на обустройство, съ разсрочкою платежей, подъ залогъ, приобретаемой земли. Переселенцамъ могли-бы быть предоставлены нѣкоторыя льготы. На обязанности мѣстныхъ мировыхъ посредниковъ должны-бы лежать руководство переселенцевъ при переселеніи ихъ и сношенія со всѣми мѣстами и лицами, до которыхъ относится ихъ переселеніе. Противъ опасенія, что подобныя льготы приведутъ въ движеніе народонаселеніе внутреннихъ губерній цѣлыми массами, уфимскій губернаторъ объяснялъ, что въ существѣ можно разсчитывать на переселеніе только тѣхъ, которые на родинѣ не имѣютъ надежды на лучшую будущность; масса-же сельскаго населенія, крестьяне хотя нѣсколько домовитые—слишкомъ привязаны къ своей родинѣ. (Прил. сводъ II, отд. I, стр. 14—22, отд. IV, стр. 4—5)

Безъ всякаго сомнѣнія, эта мѣра была-бы благодѣтельна, какъ парализація развивающагося у насъ не только крестьянскаго, но и смѣшаннаго пролетаріата: весь безземельный людъ нашелъ-бы себѣ убѣжище на башкирскихъ и иныхъ свободныхъ земляхъ—дворовые, всякіе общественные выброски, солдатскія дѣти, бѣдствующіе чиновники безъ мѣстъ—все это нашло-бы себѣ пріютъ на рубежѣ Европы и Азіи. Туда переселились-бы всѣ малоземельные и безземельные крестьяне: 17,000 крымскихъ татаръ, находящихся въ совершенной зависимости отъ своихъ помѣщиковъ-мурзачковъ, которые, при содѣйствіи полиціи, выгоняютъ ихъ цѣлыми аулами; бѣдствующіе латыши, которымъ нѣтъ пріюта на родинѣ; всѣ тѣ бродячіе легіоны, которые бѣгаютъ отъ недоимокъ, и т. д.

Намъ остается закончить настоящій обзоръ искреннимъ поже-

ланіемъ, чтобы всѣ обнаруженные комиссіей недостатки и уродливости нашего экономическаго быта повліяли на наше общественное сознаніе, чтобы такіе грозные факты, какъ Самарскій голодъ, не прошли для насъ гласомъ вопіющаго въ пустынь. Не надо забывать, что народныя бѣдствія готовятся не днями и не годами, но и предотвращаются они не случайными мѣрами и грошовыми пожертваніями, а пересозданіемъ всего отсталого и устраненіемъ причинъ, задерживающихъ наше экономическое развитіе...

Д. Мордовцевъ.

ПЕРЕДЪ ГОРЬКИМЪ КОНЦОМЪ.

Сердце, другъ, замолчи! Видно, будетъ намъ маяться!
Боль въ груди, словно червь—нестерпимая боль—
Безпощадно грызеть и лишъ только мечтается .
О могилѣ нѣмой... А, припомнишь, давно-ль
Въ гордой силѣ своей безразсудно увѣренный,
Громъ небесъ, какъ Титанъ, вызывалъ я на бой?
А теперь? О, теперь безнадежно потерянный,
Я склоняюсь, какъ рабъ, передъ грозной судьбой.

Въ жизни я-ль не любилъ? Какъ въ безлюдной пустынѣ я,
Словно брошенный рабъ, одиноко молю:
„Гдѣ-жъ друзья иль враги?“—и, весь полный унынія,
Каждый шагъ, каждый звукъ, каждый шорохъ ловлю.
Нѣтъ друзей, чья-бы скорбь съ честной, искренней силою
И умѣла любить, и умѣла прощать,
И надъ свѣжей еще, незаросшей могилою,
Вспомнать о быломъ, отъ души зарыдать.

Если нѣтъ ужъ друзей, тѣхъ, кого-бы въ объятіяхъ
Передъ горькимъ концомъ могъ я пламенно сжать,
Дайте мнѣ хоть враговъ, чтобъ въ громовыхъ проклятіяхъ
Накипѣвшую злость мнѣ на нихъ изливаты!
Но вѣдь нѣтъ даже ихъ: и они отвернулись
Или спрятались всѣ, иль исчезли совсѣмъ,
И не то, чтобы въ нихъ чувства правды проснулись,—
Нѣтъ, лежачаго бить имъ, скажите, зачѣмъ?!

Невозможно такъ жить! О, когда-бы всѣ жалобы
И всѣ стоны души міру слышать пришлось—
Какъ подъ Божьей грозой, вся земля задрожала-бы
И на ней много-бъ слезъ, жгучихъ слезъ пролилось.
Но зачѣмъ безъ нужды безпощадной картиною
И въ себѣ цѣлый рой язвъ больныхъ оживлять,
И предъ горькой своей неизбѣжной кончиною
Сонъ прекрасный чужой правдой зло отравлять!

И. А. К.—нѣ.

ЗАРЯ НОВОЙ ЖИЗНИ.

РОМАНЪ

Фридриха Герштекера.

VIII.

СКАЛЬЦЪ.

Соединенные Штаты сѣверной Америки! Какъ легко, какъ просто звучить это слово, когда встрѣтишь его въ книгѣ; но какъ обширна и колоссальна территорія, занимаемая этими штатами; какая дикая, нерѣдко полная самыхъ причудливыхъ стремлений жизнь скрывается въ нихъ, а между тѣмъ самое зерно великой республики подобно вѣчно движущейся муравьиной вучѣ: однимъ дѣломъ, и только дѣломъ, оно живетъ и дышетъ,—и дѣйствительно живетъ и держитъ, однакожь, въ своихъ рукахъ нити сѣвера и юга, востока и запада.

Когда я пишу эти строки, мнѣ представляется, будто я, поднявшись на гигантскомъ аэростатѣ надъ этой обширной, величественной страной, могу обинуть однимъ взоромъ великую, могущественную республику на всея ея протяженіи, — и какое рѣзкое различіе между сѣверомъ и югомъ! Тамъ, на сѣверѣ, открываются глазамъ величественныя озера; ясное, голубое небо отражается въ сверкающихъ волнахъ; безчисленные пароходы разсѣкаютъ гладкую зеркальную поверхность водъ; молочныя облака, словно вѣстники безчисленныхъ поѣздовъ желѣзной дороги, несутся

надъ землю; кипучая дѣятельность повсюду: куда ни взглянешь, всюду видишь косильныя и молотильныя машины, маленькіе локомотивы, которые на только-что разработанной почвѣ съ корнемъ вырываютъ изъ земли оставшіеся пни отъ срубленныхъ деревьевъ,— другіе локомотивы, которыми косятъ траву въ луговыхъ степяхъ и складываютъ ее въ исполинскіе стоги; повсюду встрѣчаются жирныя стада и уютныя жилища; обширную страну прорѣзываютъ вдоль и поперегъ роскошныя рѣки съ непрерывнымъ сообщеніемъ. Въ равнинахъ и по берегамъ озеръ и рѣкъ тянутся города на цѣлыя мили, а маленькія мѣстечки густою сѣтью покрываютъ страну.

А вотъ и югъ—тутъ картина иного рода: борьба только-что освобожденнаго населенія противъ тяжелой неволи, которая такъ долго его угнетала; опустошенныя поля, сожженные дома; ненависть, озлобленіе противъ законовъ; разнузданность всѣхъ страстей,—но рядомъ кипучая промышленная и торговая дѣятельность, устремляющаяся сюда непрерывнымъ, вѣчно свѣжимъ потокомъ.

А тамъ, на западѣ, опять новая картина: борьба дикости съ цивилизаціею; полунагія краснокожія орды, размалеванныя въ черный и красный цвѣтъ, съ ядовитымъ оружіемъ въ рукахъ, на быстрыхъ своихъ коняхъ переносятся по пустынѣ, а среди этихъ дикарей пробирается небольшая кучка людей, твердо рѣшившихся во что-бы то ни стало проложить желѣзную проволоку черезъ всю пустыню, если-бы даже каждый шагъ пришлось отстаивать кровавою борьбою. Сверкаютъ ружья, свистятъ стрѣлы, слышится предсмертный хрипъ убитыхъ,—но эти звуки покрываются рѣзкимъ, пронзительнымъ свистомъ локомотивовъ, а телеграфъ, подобно гигантской змѣѣ, извивается все далѣе и далѣе въ глубь луговыхъ степей... И тамъ, за снѣговыми горами, на берегахъ Тихаго океана возникаютъ цвѣтущіе города и плугъ проводитъ свою первую борозду,—и въ тоже время протягивается на встрѣчу отважному піонеру благодѣтельная рука помощи.

И вотъ опять потянулись вѣбовые лѣса, обширныя болота, окаймленныя со всѣхъ сторонъ человѣческими населеніями, а внутри лѣса бродятъ медвѣди, барсы, волки и дикіе буйволы; тутъ разстилаются плодоносныя виноградники, а тамъ, вдали, видѣются болота, покрытыя зеленымъ терномъ, гдѣ каждый шагъ охотникъ

долженъ прорубать себѣ ножемъ. И все-же это — одно великое, прекрасное царство; тамъ и сямъ его потрясають судорожныя конвульсіи, но на цѣлыя тысячи миль разливаются миръ и спокойствіе. Но вся эта обширная страна управляется одною рукою; повсюду одинаковыя законы, одинаковая защита и, тѣмъ не менѣе, какое странное смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ людей черной, красной и бѣлой кожи, какая поразительная пестрота звуковъ и языковъ, столбнувшихся на этомъ обширномъ пространствѣ и представляющихъ настоящее вавилонское столпотвореніе!

Различны языки — различны и интересы, воодушевляющіе всѣ эти корпораціи, которыя нерѣдко такъ рѣзко отдѣлялись другъ отъ друга, что ничего не имѣли между собою общаго. Тамъ боролся краснокожій сынъ степей; онъ боролся, отстаивая свои охотничьи земли, тѣ земли, которыя ему принадлежали не только по праву наслѣдства отъ отцовъ, но даже и въ силу письменныхъ договоровъ съ бѣлыми людьми; но бѣлые люди одною рукою придавили его къ землѣ и въ то-же время другою разбили оковы эфиопской расы. На югѣ все еще упорно боролись усмирненные мятежники съ своею судьбою, хотя уже давнымъ-давно неизмѣнно порѣшенной. На сѣверѣ никто уже не думалъ о войнѣ, хотя послѣднія ея конвульсіи еще не совсѣмъ исчезли; жизнь опять кипѣла по-прежнему; открывались новыя работы, новыя предпріятія, одно другого смѣлѣе.

Но самымъ отважнымъ изъ всѣхъ предпріятій была желѣзная дорога, которая, на разстояніи семидневнаго переѣзда, должна была соединить Сан-Франциско, удаленный на нѣсколько тысячъ миль отъ береговъ Атлантическаго океана, съ приморскими городами восточныхъ штатовъ. Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли въ цѣломъ свѣтѣ найдется предпріятіе, которое-бы, по смѣлости задуманнаго плана и выполненія, могло стать въ уровень съ этою удивительною работою. Съ каждымъ днемъ рельсы проникали на двѣ англійскія мили все глубже и глубже въ пустыню, сопровождаемые на всемъ своемъ протяженіи телеграфной проволокой, неотстававшей ни на шагъ отъ цѣлаго предпріятія. Но это еще далеко не все: еще задолго до открытія работъ потянулись съ востока отважные западные піонеры въ глубь луговыхъ степей, съ единственною вѣрною надеждою увидѣть тамъ со временемъ желѣзно-

дорожную станцію. Еще до постройки дороги перевезли туда эти переселенцы на телегахъ, запряженныхъ волами, свои палатки или бараки; такъ возникли въ этой пустынѣ новые города, которымъ суждено, быть можетъ, какихъ-нибудь пятьдесятъ лѣтъ спустя, вмѣщать въ своихъ стѣнахъ сотни тысячъ жителей и сдѣлаться средоточіемъ многихъ отдѣльныхъ желѣзно-дорожныхъ вѣтвей. Такииъ-то образомъ поднялся и Смитфильдъ, пока еще довольно скромный городокъ, великій развѣ въ своихъ порокахъ и распущенности нравовъ, въ своемъ смѣшеніи дикихъ, негодныхъ элементовъ, но и теперь уже заключающій доброе, здоровое зерно, чтобы съ полною силою зародыша вступить въ ряды другихъ американскихъ городовъ.

Но пока вся эта сволочь, которая рыскала по этимъ пограничнымъ городамъ, была не только зломъ, но даже и необходимымъ зломъ, такъ-какъ она служила оплотомъ противъ все еще угрожающихъ набѣгами дикихъ индѣйскихъ ордъ. Краснокожіе, доведенные до ярости и отчаянія, напрасно пытались при помощи томагавка, лука и стрѣлъ заградить путь потоку переселенія въ свои охотничьи владѣнія. Всѣ эти попытки можно сравнить съ попыткою ребенка остановить движеніе маховыхъ колесъ: машина раздавила ребенка, но ни на секунду не остановила своего хода.

Теперь Смитфильдъ состоялъ уже изъ сорока или пятидесяти бараконъ и деревянныхъ домиковъ, но, по крайней мѣрѣ, двѣ трети изъ нихъ приходились на гостиницы, трактиры, а также кабаки, въ которыхъ велись азартныя игры и имѣли свое пребываніе распутные мужчины и женщины. Кромѣ того, тутъ попадались двѣ-три вывѣски, свидѣтельствующія о существованіи врачей и адвокатовъ; фотографъ, поселившійся здѣсь съ самаго начала, велъ свои дѣла блистательно; два-три плотника, башмачникъ и столяръ составляли зерно ремесленного населенія, а съ мировымъ судьей и нѣкоторыми другими чиновниками—зерно такъ-называемаго приличнаго круга. Большею частью это былъ все народъ пришлой, привлеченный сюда на-время спекуляторскими соображеніями, въ надеждѣ на хорошую поживу. Если Смитфильдъ будетъ обѣщать дѣйствительно что-нибудь въ будущемъ, то эти люди охотно останутся здѣсь; если-же надежды ихъ не оправдаются и центръ сообщенія—какъ это нерѣдко случалось съ такими маленькими городками—подви-

нется впередъ или отодвинется назадъ, то тогда и они уже соберутъ свои бараки и прочіе пожитки, уложатъ ихъ на телѣги и изберутъ себѣ другое мѣстопробываніе. Отечество найдутъ они всюду, гдѣ только возможно будетъ зашибить хорошую копейку.

Въ такую-то мѣстность попалъ и Вольфъ фон-Берге съ своею прострѣленной рукой. Самое мѣсто было не особенно удобно для того, кто нуждался въ помощи врача, но Вольфъ на это мало обращалъ вниманія, и онъ былъ правъ, потому что рана оказалась не особенно тяжелой, хотя пуля и задѣла кость, но не расколола ее. Съ своею здоровою натурой, Вольфъ могъ надѣяться скоро со-всѣмъ вылечиться. И, дѣйствительно, не прошло и двухъ недѣль, а онъ уже покинулъ свой травяной матрацъ. Въ Смитфильдѣ онъ поселился въ семействѣ булочника, и вокругъ него было такъ много новаго, что онъ невольно остался здѣсь еще на нѣкоторое время.

Но именно въ тотъ самый день, какъ онъ покинулъ свою постель, два событія сильно взволновали городъ: во-первыхъ, до-рога уже находилась въ виду Смитфильда и работы производи-лись теперь на разстояніи какой-нибудь одной мили отъ торже-ствующаго города, назначеннаго мѣстомъ желѣзнодорожной станціи; еще вчера вечеромъ прибыли сюда агенты и взяли квартиры, впро-чемъ, на короткое время. Второе событіе, взволновавшее жителей Смитфильда, было убійство—явленіе, правда, не особенно рѣдкое, но его сначала приписали шатающимся въ окрестности индѣйцамъ и вообразили, что краснокожіе угрожаютъ цѣлому городу.

За нѣсколько дней передъ этимъ прибылъ сюда одинъ нѣмецъ, думавшій купить здѣсь мѣсто, поставить привезенный домъ и ус-троить великолѣпную пекарню, чтобы впослѣдствіи снабжать мѣст-ные поѣзды свѣжимъ хлѣбомъ. Его телѣги были запряжены му-лами, но одинъ изъ нихъ, отвязавшись ночью, ушелъ въ луговья степи; самъ хозяинъ отправился его отыскивать, но уже болѣе не возвращался. Тогда нѣсколько человекъ изъ его соотечественни-ковъ, хорошо вооружась, отправились его розыскивать, но нашли только въ степи, и то благодаря хищнымъ птицамъ, одинъ его трушъ, и притомъ скальпированный.

Что его ограбили—это само собою разумѣлось; ясно было также, что никто другой, кромѣ индѣйцевъ, не могъ его скальпировать.

Поэтому нѣмцы, замѣтивъ мѣсто, поѣхали обратно въ Смитфильдъ, чтобы тамъ захватить съ собою нѣсколько лошадей и похоронить убитого соотечественника тутъ-же, на мѣстѣ; но вмѣстѣ съ этимъ они сдѣлали заявленіе у шерифа и обратились къ нему съ просьбою, не можетъ-ли онъ послать съ ними нѣсколько солдатъ, такъ-какъ краснокожіе все еще могли рыскавать въ окрестности. Шерифъ рѣшился самъ сопровождать ихъ; въ послѣднее время, и даже подъ самымъ городомъ совершенно было множество убійствъ, и не мѣшало вообще хоть разъ изслѣдовать дѣло порядкомъ.

Въ булочной кромѣ Вольфа квартировалъ молодой американецъ, платившій по-недѣльно за столъ и помѣщеніе.

Вольфъ одѣлся и хотѣлъ-было идти посмотрѣть на работы приближавшейся къ городу желѣзной дороги, какъ его встрѣтилъ Тирель (такъ звали американца).

— Вольфъ, идете со мной?

— Куда?

— Въ степяхъ убили и скальпировали одного изъ вашихъ соотечественниковъ, мы отправляемся хоронить его.

— Но я-то тутъ при чемъ?

— Что много толковать, поѣдьте, сдѣлайте мнѣ это удовольствіе.

— Я не могу еще самъ осѣдлать себѣ лошадь.

— Это сейчасъ мы устроимъ: мой мальчуганъ все приготовить. Эй, Джонъ, осѣдлайте лошадь для этого джентльмена.

— Сейчасъ, сэръ! вскричалъ молодой мальчикъ-мулатъ съ умнымъ лицомъ и глазами, быстро перебѣгающими съ одного предмета на другой.

Не прошло и десяти минутъ, какъ лошадь уже была готова. Вольфъ и его спутникъ понеслись вскачь, желая нагнать уже уѣхавшую впередъ кавалькаду, которую далеко можно было разглядѣть въ открытой степи.

— При васъ-ли ваши револьверы?

— Какъ всегда, но развѣ вы думаете, что они намъ понадобятся?

— Здѣсь не мѣшаетъ всегда быть вооруженнымъ. Но вотъ что я хотѣлъ спросить васъ, Вольфъ, вы знаете одного изъ здѣшнихъ моихъ соотечественниковъ, м-ра Смита? сегодня я видѣлъ, какъ вы кланялись другъ другу.

Вольфъ засмѣялся.

— Онъ встрѣтился со мной въ томъ домѣ, которому угрожали индѣйцы и когда они напали на насъ, — о чемъ я вамъ уже рассказывалъ, — онъ счелъ за лучшее приберечь свою шкуру и по-добру, по-здорову убраться сюда, какъ только узналъ, съ какимъ врагомъ мы имѣемъ дѣло.

— Больше вы ничего не знаете о немъ?

— Ничего, мнѣ нѣтъ надобности имѣть съ нимъ дальнѣйшія сношенія, тамъ мы видѣлись, а потому и раскланялись, но самъ онъ принималъ такъ мало участія въ этомъ дѣлѣ, что даже и не спросилъ меня, сдѣлано-ли было на насъ нападеніе индѣйцами или нѣтъ, а между тѣмъ онъ хорошо видѣлъ повязку на моей рукѣ.

— Онъ здѣсь, кажется, почти ни съ кѣмъ не знакомъ?

— Кажется, такъ, но знаетъ многихъ.

— Вы не шутите?

— Я видѣлъ, сказалъ Вольфъ, — какъ онъ играетъ. По-моему, онъ шулеръ — лучше сказать, помощникъ шулера, потому что мнѣ никогда не приходилось видѣть, чтобы онъ держалъ банкъ самъ, но я нѣсколько разъ замѣчалъ, какъ онъ получалъ деньги отъ банкюмета.

— Последнее время онъ часто отлучался отсюда; три дня тому назадъ онъ нанялъ для себя квартиру у новаго адвоката.

— У кого?

— Рядомъ съ палаткой фотографа.

— Да, нечего сказать, хорошая шайба поселилась въ Смитфильдѣ!

Тирель пожалъ плечами.

— Такъ всегда бываетъ во всѣхъ пограничныхъ округахъ; но какъ только здѣсь установится правильная гражданская жизнь, эти господа вынуждены будутъ искать для своей дѣятельности новой арены, если только не попадутъ въ тюрьму.

Они почти уже нагнали уѣхавшую впередъ кавальеру и находились на границѣ обширной степи, тянувшейся отъ Смитфильда на юго-западъ. Тутъ опять начинались отдѣльныя дѣсныя пространства, поросшія тернистымъ кустарникомъ, который далѣе на западъ становился все рѣже и рѣже и, наконецъ, совер-

шенно терялся въ пустынной степи, оканчивающейся у подножіа Скалистыхъ горъ.

Что касается бродившихъ въ окрестности индѣйцевъ, то не было причины ихъ бояться. Кавалькада состояла почти изъ тридцати человѣкъ; большая часть изъ нихъ имѣла при себѣ не только револьверы, но даже и ружья, привѣшенные къ сѣдельной лукѣ, и тяжелые ножи съ боку.

Впереди ѣхали нѣмцы, открывшіе трупъ. Когда кавалькада пересѣкла лѣсистую полосу и увидѣла передъ собою открытую луговую степь, то можно было довольно легко узнать то мѣсто, гдѣ лежалъ несчастный: кругомъ его видна была цѣлая стая драхвъ; нѣкоторые изъ нихъ, испуганныя топотомъ приближающихся лошадей, покинули свою отвратительную пирушку и съ крикомъ поднялись на воздухъ. Правда, соотечественники убитаго постарались какъ можно лучше укрыть трупъ его подъ ворохомъ нарванной ими высокой луговой травы и цѣлою кучею дикихъ подсолнечниковъ, которые въ изобиліи росли кругомъ, тѣмъ не менѣе это не помѣшало хищнымъ птицамъ проложить себѣ дорогу къ лакомой добычѣ. Словно черное облако поднялась вдругъ вся эта стая кверху, какъ только кавалькада стала приближаться; еще минута—и наши всадники уже стояли на роковомъ мѣстѣ.

Тернистый кустарникъ скоро былъ расчищенъ, а подлужины молодыхъ парней, захватившихъ съ собою лопаты, немедленно приступили къ работѣ и стали рыть яму, чтобы похоронить убитаго, и, такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, сдѣлать его недоступнымъ для хищныхъ звѣрей, бродившихъ въ степи. Шерифъ, напротивъ, принялся за освидѣтельствованіе трупа; вскорѣ къ нему присоединился и Тирель, который, повидимому, былъ съ нимъ знакомъ.

Несомнѣнно было, что смерть послѣдовала отъ трехъ пуль, пушенныхъ изъ револьвера на такомъ близкомъ разстояніи, что даже въ одномъ мѣстѣ скрутокъ былъ опаленъ. Уже одинъ этотъ выстрѣлъ былъ смертеленъ, такъ-какъ онъ пробилъ насквозь позвоночный столбъ, — выстрѣлъ былъ сдѣланъ съ тыла. Поэтому должно было предполагать, что несчастный бѣгствомъ старался спастись на своемъ мулѣ, но былъ настигнутъ и убитъ своимъ преслѣдователемъ, ѣхавшимъ на болѣе быстромъ животномъ. Но

такъ-какъ черепъ убитаго оказался скальпированнымъ, то и самое убійство должно было приписать индѣйцамъ; что-же касается револьвера, то его не разъ находили у многихъ индѣйскихъ начальниковъ. Среди краснокожихъ не мало рыскало бѣлой сволочи, которая доставляла имъ, смотря по надобности, всякаго рода оружіе и даже старалась снабжать ихъ военными снарядами, продажа которыхъ туземцамъ воспрещалась закономъ.

Съ помощью Тиреля шерифъ со вниманіемъ осмотрѣлъ окровавленный, скальпированный черепъ. Оба они вполголоса обмѣнялись замѣчаніями по этому предмету. Затѣмъ они еще разъ со вниманіемъ осмотрѣли тѣло, но на немъ ничего не нашли особеннаго. Только на шелковомъ шнуркѣ на шеѣ висѣлъ маленькій кожаный мѣшечекъ, въ которомъ лежала записка, да маленький влючъ и больше ничего. Шерифъ взялъ это къ себѣ. Тогда они подняли тѣло, перенесли его на край только-что вырытой ямы, медленно опустили въ нее и забросали землею; краткая молитва, которую шерифъ произнесъ на могилѣ, была единственнымъ торжествомъ, происходившимъ при этомъ своеобразномъ погребеніи. Наконецъ, все общество опять сѣло на своихъ лошадей и поскакало обратно въ городъ.

Шерифъ и Тирель, разговаривая, ѣхали рядомъ, Вольфъ отъѣхалъ отъ нихъ немного вправо и, несмотря на то, что слѣдовалъ по тому-же направленію, вдругъ очутился подлѣ низкихъ терновыхъ кустарниковъ.

— Вольфъ! закричалъ ему Тирель, вдругъ замѣтившій отсутствіе пріятеля,—сюда, теперь мы переѣхали небольшую павосу.

— Прошу васъ, Тирель, закричалъ ему, въ свою очередь, молодой человѣкъ, дѣлая знакъ рукою,—идите скорѣе сюда.

— Что еще тамъ у васъ?

Вольфъ ничего не отвѣчалъ, но неподвижно оставался на мѣстѣ; наконецъ, Тирель и шерифъ, въ сопровожденіи мулата, послѣдовали на его призывъ.

— Слѣдъ вы нашли, что-ли? закричалъ ему Тирель еще издали.

— Нѣтъ, сказалъ молодой человѣкъ, — здѣсь ничего нельзя разобрать. Безъ сомнѣнія, лошади проходили здѣсь, но почва слишкомъ тверда и притомъ въ послѣднія двѣ недѣли тутъ со-

всѣмъ не было дожда. Но когда мы ѣхали еще туда и проѣзжали мимо этихъ кустовъ, я замѣтилъ, какъ изъ нихъ вылетѣла ворона, и вотъ теперь я опять спугнулъ ее. Я не могу еще самъ сойти съ сѣдла, — если поищеть Джонъ, то, можетъ быть, онъ и найдетъ что-нибудь.

Джонъ уже соскочилъ съ сѣдла, спуталъ своей лошади переднія ноги и поспѣшилъ къ указанному мѣсту; но тутъ онъ ничего не могъ открыть. Это была небольшая, но сильно разросшаяся чаща, переплетенная колючими, вьющимися растеніями, среди которыхъ росло множество иглистыхъ кактусовъ, дѣлавшихъ чащу почти недоступною, и только съ очень большимъ трудомъ можно было сколько-нибудь проникнуть туда въ глубь.

— Вы видите что-нибудь, Джонъ?

— Нѣтъ, сэръ, терновникъ слишкомъ частъ и ни одно тѣло не могло сюда попасть, иначе оно оставило-бы широкій слѣдъ по себѣ.

Вольфъ также подѣхалъ къ самому кустарнику и старался лучше разглядѣть сверху.

— Что-же это такое красное, что свѣшивается вонъ съ той вѣтки? сказалъ онъ.

— Гдѣ? Ахъ, тамъ! вскричалъ мулатъ, рванулся впередъ, но зацѣпился за терновникъ и повисъ. Затѣмъ, вытаскивъ свой большой ножъ, онъ сталъ работать направо и налево, пока не расчистилъ для себя мѣсто. Наконецъ, онъ протянулъ руку и схватилъ желанный предметъ, но тутъ-же съ содроганіемъ швырнулъ его отъ себя прочь.

— Ухъ! вскричалъ онъ, — это скальпъ убитаго.

Тирель въ одно мгновеніе соскочилъ съ сѣдла, поднялъ отброшенную вещь и очень внимательно осмотрѣлъ ее.

— Шерифъ, сказалъ онъ, когда тотъ подѣхалъ и перегнулся къ нему черезъ сѣдло, — наше подозрѣніе было совершенно основательно. Скальпированіе совершенно не индѣйцемъ — индѣецъ не броситъ своего побѣднаго трофея въ чащу.

— Ну, а развѣ не могла его занести туда ворона?

— Конечно, это возможно, но индѣецъ никогда не теряетъ подобныхъ знаковъ своихъ подвиговъ: они свидѣтельствуютъ о числѣ убитыхъ имъ враговъ. Въ тому-же тутъ ясно видно, что скальпъ

отдѣланъ не такъ, какъ обыкновенно, тремя или четырьмя смѣлыми надрѣзами, а, напротивъ, медленно отпороть маленькимъ ножомъ и неискусной рукой, единственно для того, чтобы скрыть настоящіе слѣды преступленія. Впрочемъ, тутъ не мало шатается всякой негодной сволочи, всегда готовой на кровавыя дѣла.

— Такъ вы кого-нибудь подозрѣваете?

— Какъ сказать, отвѣтилъ Тирель, — трудно рѣшить, кто изъ шайки могъ совершить это убійство... По моему убѣжденію, двѣ трети ея способны на самыя тяжкія преступленія.

Шерифъ протянулъ руку, взялъ скальпъ и сталъ внимательно его разсматривать, потомъ досталъ газету, старательно завернулъ его въ нее и спряталъ въ карманъ.

— Это вовсе не вкусно, сказалъ онъ, — но нужно сохранить — быть можетъ, это приведетъ когда-нибудь къ открытію самого убійцы. Я буду также просить васъ, господа, не упоминать ни слова о нашей находкѣ, въ особенности въ присутствіи нашихъ спутниковъ, которымъ я далеко не всѣмъ вѣрю... А будетъ-ли этотъ парень держать языкъ за зубами?

— Джонъ? сказалъ Тирель: — за него я ручаюсь; также и нашъ другъ Вольфъ обладаетъ не слишкомъ сообщительной натурой и будетъ въ состояніи промолчать.

— Безъ сомнѣнія, подтвердилъ Вольфъ, — но я не вижу основанія скрывать нашу находку; мнѣ кажется, настоящій убійца былъ-бы открытъ скорѣе, если-бы мы доказали, что вѣнца убилъ не индѣецъ, а бѣлый.

— Очень можетъ быть, сказалъ шерифъ; — но улика у насъ всегда въ рукахъ и каждую минуту мы можемъ ее пустить въ ходъ. Теперь-же намъ слѣдуетъ употребить всѣ средства, чтобы узнать, не имѣлъ-ли убитый при себѣ какія-нибудь вещи, которыя могутъ быть со временемъ отысканы. Я думаю, что нумера, помѣченные въ запискѣ, найденной нами въ маленькой кожанной сумкѣ, принадлежать государственнымъ бумагамъ; покойный, вѣроятно, всегда имѣлъ ихъ при себѣ... По этой-то причинѣ разглашеніе о нашей находкѣ послужитъ только къ пользѣ разбойника, который успѣетъ принять мѣры предосторожности и устранивъ отъ себя всякое подозрѣніе. Между тѣмъ, при настоящемъ положеніи вещей, чувство полнѣйшей собственной безопасности должно сдѣлать его крайне безпечнымъ. Тѣмъ временемъ нашъ другъ Вольфъ

, пускай соберетъ у своихъ знакомыхъ нѣмцевъ кое-какія свѣденія относительно своего злополучнаго соотечественника: это значительно упроститъ самое слѣдствіе.

— Развѣ уже нашли его мула? спросилъ Вольфъ.

— Нѣтъ, сказалъ шерифъ, — муловъ его еще не могли отыскать, но я имѣю уже одного нѣмца, который хорошо знаетъ обоихъ животныхъ покойнаго; я отправилъ этого человѣка въ окрестныя поселенія, чтобы навести и тамъ справки. Я догадывался съ самаго начала, что это не индѣйская продѣлка, и въ настоящую минуту вполне убѣдился въ справедливости моихъ догадокъ. Но теперь, господа, намъ пора присоединиться къ остальной компаніи, чтобы самимъ не возбудить подозрѣнія. Впередъ; я уже не разъ думалъ, какъ важно было-бы для насъ напасть хоть разъ на слѣдъ одного изъ этихъ негодяевъ. Эти господа стали чувствовать себя здѣсь особенно удобно, и ни одинъ порядочный человѣкъ не можетъ теперь быть спокойнымъ за свое имущество или жизнь.

— И при всемъ томъ вы терпите здѣсь игорныя дома?

— Что-же намъ дѣлать? возразилъ на это шерифъ, пожимая плечами, — мы, конечно, находимся и здѣсь въ извѣстномъ штатѣ, но уже на окраинахъ территоріи, и потому намъ недостаетъ силы, чтобы дѣйствовать противъ большинства населенія со всею строгостью существующихъ законовъ. Но большинство рѣшительно на сторонѣ игорныхъ домовъ; поэтому мы поневолѣ должны до поры до времени дѣлать уступки. Настанетъ-же когда-нибудь такое время, когда и мы будемъ въ состояніи выгнать отсюда всѣ эти игорныя шайки, какъ это уже сдѣлано въ Калифорніи. До тѣхъ поръ мы не можемъ рассчитывать на сколько-нибудь опредѣленное положеніе дѣлъ.

И они пустили коней рысью, чтобы скорѣе достигнуть города, отъ котораго они находились уже не далеко.

IX.

ИГОРНЫЙ ДОМЪ.

Совершившееся въ окрестностяхъ Смитфильда убійство въ другое время вызвало-бы, пожалуй, всеобщее вниманіе этого мѣстечка; въ этотъ-же разъ только небольшая часть жителей занялась этимъ

событіемъ, такъ-какъ и безъ того городъ находился теперь въ особенномъ волненіи—приближалась желѣзная дорога. Давно ожидаемая минута настала: все ближе и ближе подвигались работы; полотно для рельсовъ уже было готово и на него съ баснословною скоростью были положены шпалы, а на нихъ уже виднѣлись рельсы. Но теперь рабочіе желѣзной дороги какъ-будто съ гордостью старались выказать передъ изумленными горожанами все могущество своей силы и умѣнія и, видимо, не особенно торопились окончаніемъ своей работы. Наконецъ, за полчаса до захода солнца, дорога достигла первыхъ домовъ.

Это событіе, какъ и слѣдовало ожидать, оживило городъ; желѣзно-дорожные агенты и рабочіе появились въ городскихъ кафе-ресторанахъ и питейныхъ домахъ. За городомъ, въ луговыхъ степяхъ, эти люди не осмѣливались даже днемъ покидать свой лагерь, боясь попасть въ руки индѣйцевъ. Въ городѣ они нашли себѣ подходящій кругъ разгульныхъ товарищей, дикую, беспечную жизнь, которая особенно пришлась по душѣ этимъ людямъ, напоминая имъ покинутую ими родину. Въ пустынѣ, гдѣ такъ часто угрожала ихъ жизни опасность и безъ оружія нельзя было ступить шагу, эти труженики зарабатывали много денегъ, а дѣвать ихъ было некуда. Они, какъ матросы въ открытомъ морѣ, постоянно преслѣдовали одну опредѣленную цѣль; но какъ только приходилось имъ побывать въ гавани, они быстро проучивали весь свой заработокъ. Такою гаванью для желѣзно-дорожныхъ агентовъ и рабочихъ былъ теперь Смитфильдъ; для нихъ онъ былъ оазисомъ въ обширной пустынѣ; его питейные и игорные дома, наполненные шулерами и публичными женщинами, усердно очищали карманы этихъ бѣдняковъ.

Въ этихъ заведеніяхъ все было приготовлено для принятія дорогихъ гостей: кегль-банъ и биллиардъ, всѣ напитки, какіе только можно было придумать, начиная съ шампанскаго и кончая простою водкой, манили посѣтителей. Пиво въ бочкахъ, портеръ, эль и всякаго рода деликатесы, какіе только можно было привезти въ закупоренныхъ жестянкахъ, предлагались въ изобиліи,—однимъ словомъ, было вдоволь и пищи, и питья.

Тирель и Вольфъ, конечно, держали себя подалеже отъ такихъ мѣстъ, въ особенности въ этотъ вечеръ, когда наплывъ постороннихъ посѣтителей достигъ чудовищныхъ размѣровъ. Они отпра-

вились на вечернюю прогулку и стали ходить по только-что проведенному полотну желѣзной дороги. Почва здѣсь оказалась очень удобной: никакихъ особенныхъ препятствій не представляла она для желѣзной дороги. Но при всемъ томъ нельзя было не удивляться баснословной быстротѣ самыхъ работъ: почва менѣе, можетъ быть, чѣмъ энергія строителей способствовала скорѣйшему окончанію этого громаднаго предпріятія.

Осмотрѣвъ работы, Вольфъ и его пріятель повернули домой.

— М-ръ Вольфъ, я думаю, вы честный человѣкъ? съ такимъ вопросомъ обратился къ нему Тирель.

Вольфъ засмѣялся.

— А развѣ до сихъ поръ вы считали меня безчестнымъ?

— Нѣтъ, сказалъ Тирель, нѣсколько заминаясь, — но при томъ положеніи вещей, при которомъ мы живемъ теперь, довольно рискованно довѣряться мало знакомому человѣку... Но я полагаю, что я не только не рискую довѣряться вамъ, но даже могу сознаться, что питаю къ вамъ безграничное довѣріе... Это я вамъ сейчасъ докажу... Я — сыщикъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? но развѣ вы думаете, что я могу вамъ быть полезнымъ?

— Да, сказалъ Тирель: — вы случайно познакомились въ лѣсу съ этимъ Смитомъ, какъ онъ себя называетъ здѣсь, — не представится-ли вамъ новый случай прдолжать съ нимъ ваше знакомство?

— Вы имѣете, стало быть, какое-нибудь подозрѣніе?

— Да. Въ Нью-Орлеанѣ совершенно было убійство съ грабежемъ; это убійство произошло въ томъ домѣ, который я уже давно имѣлъ въ виду. Подозрѣнія мои возбудилъ одинъ загадочный жилецъ этого дома, казавшійся мнѣ старымъ знакомцемъ: но въ личности этого господина я долго не могъ удостовѣриться, а когда дѣло подошло къ концу, то уже было слишкомъ поздно... Въ тотъ самый день, когда я получилъ вѣрныя свѣденія, что этотъ молодецъ, поселившійся тамъ подъ именемъ Бродуэля, уже десять лѣтъ какъ преслѣдуется за разные преступленія, что прежде онъ носилъ имя Гудли, — въ тотъ самый день, говорю я, когда я получилъ всѣ эти свѣденія, случилось самое несчастіе, а молодецъ точно канулъ въ воду. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ я ищу его; я объѣздилъ весь западъ и, наконецъ, мнѣ удалось

напасть на этого Смита. Теперь, кажется, я поймаю его и хотя онъ сбрилъ свою сѣдую бороду, которая обращала на него вниманіе въ Нью-Орлеанѣ, но его удивительно бѣлые лозоны мнѣ хорошо знакомы.

— Но чѣмъ-же именно я могу помочь вамъ?

— Сегодня вечеромъ, по своему обыкновенію, онъ станетъ шататься по большой игровой палаткѣ, въ задней части которой стоитъ билліардъ.

— Сегодня врядъ-ли: въ городъ прибыло слишкомъ много народу.

— Ну такъ что-жь? всѣ эти люди съ деньгами... вы будете имѣть право считать меня плохимъ сыщикомъ, если м-ра Смита тамъ не окажется.

— Ну, а потомъ что?

— Я очень желалъ-бы знать, отзовется-ли онъ на имя Гудли. Когда мы вѣстѣй войдемъ въ палатку, то, если будетъ удобно, подойдите къ нему сзади и тихо назовите его этимъ именемъ.

— А не можете-ли вы сами это сдѣлать?

— Конечно, могу; но я хотѣлъ-бы въ то самое время наблюдать, какое впечатлѣніе произведетъ на него это имя. Если онъ обернется къ вамъ, сдѣлайте ему знакъ слѣдовать за вами.

— Ну, а если онъ и это сдѣлаетъ?

— Тогда я уже имѣю данныя для своего подозрѣнія; но намъ, можетъ быть, удастся еще болѣе узнать отъ него. Вы не глухи, Вольфъ, и съуждете, какъ повести дѣло.

— Но не возбудить-ли въ немъ мое обращеніе нѣкоторыя подозрѣнія: до сихъ поръ я не разговаривалъ съ нимъ, а между тѣмъ я его знаю и уже нѣсколько разъ намъ приходилось встрѣчаться?

— Очень просто: вы раньше не могли его узнать потому, что онъ сбрилъ бороду. Если-бы только намъ удалось арестовать его и сдѣлать обыскъ въ его имуществѣ.

— Не лучше-ли это сдѣлать въ другой какой-нибудь вечеръ: сегодня собралось здѣсь очень много народу.

— При здѣшней сволочи мы въ другое время не посмѣемъ даже и коснуться до него: она его тотчасъ-же освободитъ, скажетъ Тирель; — сегодня-же мы имѣемъ перевѣсъ на своей сторонѣ: всѣ рабочіе и агенты желѣзной дороги стануть за насъ, если

только будетъ нужно защитить законъ; только мы должны выждать время; назначеніе его прошу васъ предоставить мнѣ.

— А развѣ имѣетъ вліяніе и время?

— Вы еще не знаете этого народа; быть можетъ, сегодня намъ ничего не удастся, но это еще не бѣда: мы встрѣтимъ ихъ здѣсь и завтра; но послѣ завтра уже будетъ поздно: желѣзная дорога углубится далѣе въ луговныя степи и, наконецъ, скроется отъ нашихъ глазъ, а тогда всѣ эти люди уже не будутъ имѣть нужды и желанія, таскаться по ночамъ въ городъ, тѣмъ болѣе, что въ нашихъ окрестностяхъ все еще рыскаютъ враждебныя шайки индѣйцевъ.

Сегодня былъ одинъ изъ самыхъ шумныхъ и разгульныхъ вечеровъ въ Смитфильдѣ. Часть рабочихъ, утомленная тяжелою дневною работою, стала искать себѣ ночлега въ одной изъ здѣшнихъ гостиницъ, надѣясь найти тамъ отдыхъ на нѣсколько часовъ; но въ этомъ бѣдняки жестоко обманулись.

Въ этихъ большихъ баракахъ спальныя залы, предназначенныя для помѣщенія разнаго рода гостей, были устроены на подобіе корабельныхъ каютъ, съ койками, расположенными другъ надъ другомъ въ два и даже три ряда. На койкахъ можно было найти матрацъ и шерстяное одѣяло, но бѣлья здѣсь не полагалось. За такую-то постель приходилось платить по доллару за ночь! Но рабочіе, занявшіе койки на эту ночь, даромъ бросили деньги: о снѣ нечего было и думать. Народъ то входилъ, то выходилъ, копошился и шумѣлъ, точно рой пчелъ. Вотъ нѣсколько человѣкъ въ утомленіи бросаются на свои койки; проклиная самихъ себя, они ворочаются съ боку на бокъ на жесткомъ матрацѣ... Можетъ быть, имъ посчастливится заснуть хоть на одно мгновеніе... Не тутъ-то было!.. Вдругъ вваливается веселая и буйная компанія; раздается „Yankee doodle“; пѣвцы уже подвыпили, но потребовали новыя бутылки съ виски.

— Господа, сказалъ подошедшій къ нимъ хозяинъ, — здѣсь не кабакъ — мои постояльцы желаютъ спать.

— Будь они прокляты, ваши постояльцы! проревѣлъ одинъ долговязый малый и такъ сильно ударилъ кулакомъ по столу, что стоявшіе на немъ стаканы задребезжали и подскочили вверхъ; — мы имъ вовсе не запрещаемъ спать! Сюда, товарищи!

И гнусливымъ голосомъ онъ снова затянулъ пѣсню.

— Тутъ самъ дьяволъ не заснетъ при такомъ шумѣ и гамѣ! закричалъ рабочій, выскочивъ изъ своей койки.—Что тутъ, всѣ черти собрались, что-ли? Будетъ-ли, наконецъ, покой сегодня?

— Эй, Томъ! овликнулъ его пѣвецъ,—иди сюда, старый товарищъ; не хочешь-ли стаканъ виски?

— Ну тебя къ чорту! крикнулъ намааявшійся,—да перестанете-ли вы орать? Спать пора: никакъ уже десять часовъ.

— Но вѣдь мы только-что начинаемъ нашу ночь, голубчикъ. Ва! что это еще тамъ случилось?

Вопросъ этотъ относился къ страшному проклятію, раздавшемуся съ другой стороны. Одинъ изъ ночлежниковъ не могъ долѣе выносить шума и вздумалъ-было одѣться, но вдругъ замѣтилъ, что у него нѣтъ одного сапога, и изъ-за этого поднялъ страшный гвалтъ. Всякому, кто еще не спалъ, онъ, не церемонясь, кричалъ прямо надъ ухомъ. Но какая радость и торжество наступили, когда потерянный сапогъ отыскался подъ навѣсомъ! Понятно, при подобныхъ условіяхъ о снѣ не могло быть и рѣчи, и тѣ рабочіе, которые все еще лежали въ своихъ койкахъ, должны были, наконецъ, ихъ покинуть. Также и сосѣдняя палатка, отдѣленная отъ первой только холщевой стѣнкою, была сильно встревожена и жильцамъ ея ничего болѣе не оставалось, какъ снова искать развлечения въ питейной палаткѣ игорнаго дома.

Такъ-называемая бентлейская палатка была самая просторная изъ всѣхъ и устроена очень изящно. Въ ней не было недостатка и въ „женской прислугѣ“: нѣсколько очень хорошо одѣтыхъ, но уже пожилыхъ или, по крайней мѣрѣ, на видъ довольно поношенныхъ молодыхъ дамъ разносили всевозможные напитки гостямъ, подавая ихъ даже и тѣмъ, кто занимался однимъ только чаепитіемъ. Онѣ получали съ гостей деньги, сдачу давали только тогда, когда имъ напоминали, и какой презрительный взглядъ бросали эти женщины на подобныхъ скрягъ! Позади, въ одной изъ пристроекъ, помѣщались два постоянно занятые бильярда; на нихъ теперь состязались сильно подпившіе партнеры, которые только-что поссорились съ хозяиномъ изъ-за того, что одинъ изъ нихъ своей сигарой прожегъ сукно. Нѣсколько въ сторонѣ отъ буфета поставлены были въ два ряда по шести большихъ четырехугольныхъ столовъ. Это было сдѣлано съ тѣмъ, чтобы пьющіе не беспокоили играющихъ, и наоборотъ. У каждаго стола другъ про-

тивъ друга помѣщалось по два постоянныхъ игрока—одинъ изъ нихъ сдавалъ карты, другой-же между тѣмъ наблюдалъ за ставкой и платежѣмъ проигрыша прочими партнерами.

Игра называлась „монже“; она перешла сюда изъ испанскихъ провинцій—изъ Мексики, Тэхаса и особенно изъ Калифорніи. Это такая-же азартная игра, какъ и нѣмецкій „ландскнехтъ“; ставка здѣшнихъ игроковъ не особенно велика, но игра идетъ чрезвычайно быстро. Проигравшіеся, обыкновенно, уходятъ, а другіе, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе своей очереди, становятся на ихъ мѣста. Если истый игрокъ проиграетъ у одного стола, то непремѣнно выиграетъ у другихъ шести.

Тирель и Вольфъ, какъ сказано выше, не участвовали въ игрѣ. Было уже болѣе девяти часовъ вечера, когда они вошли въ палатку; но чтобы не возбудить подозрѣнія, они согласились явиться не вмѣстѣ, но отдѣльно, хотя едва ли кто-нибудь обратилъ-бы на нихъ вниманіе.

Смитъ сегодня, какъ и всегда, былъ здѣсь; повидимому, онъ не принималъ въ игрѣ особенно активнаго участія, хотя каждый разъ, какъ ему приходила охота принять участіе въ игрѣ, онъ непремѣнно выигрывалъ.

Возлѣ буфета собралось нѣсколько желѣзно-дорожныхъ агентовъ. Одни изъ нихъ прибыли только сегодня, другіе были командированы сюда еще раньше. Они должны были остаться при новой станціи. Двое изъ нихъ уже давно здѣсь жили и занимались постройкой обширнаго зданія для склада локомотивовъ, они приготавливали и обжигали кирпичъ на мѣстѣ. Всѣ эти люди получали отличное жалованье. Они всегда имѣли при себѣ много денегъ, но не принимали никакого участія въ азартныхъ играхъ; они проводили свое время или около бильярда, или ходили изъ одной палатки въ другую; для многихъ изъ нихъ такая жизнь была не безынтересною новинкою, да и наконецъ, нужно-же было имъ убить какъ-нибудь долгій вечеръ.

Теперь они опять зашли сюда поболтать съ молодыми дѣвушками и выпить стаканъ чаю или грогу. Къ нимъ подошелъ мръ Смитъ, котораго знали жившіе здѣсь агенты, и выложилъ на столъ цѣлую горсть золотыхъ монетъ.

— Что, Смитъ, засмѣялся одинъ изъ агентовъ, инженеръ,— касса, какъ видно, у васъ еще полна.

— Да, я опять выигралъ, отвѣтилъ Смитъ съ довольною улыбкою.— Кто терпѣливо выжидаетъ удобнаго случая, тотъ почти всегда выигрываетъ, но кто въ игрѣ горячится и ничего передъ собою не видитъ, тому не миновать неудачи и потерь.

— Чортъ побери! сказалъ другой инженеръ; — у васъ цѣлая куча золота! Недурно-бы и мнѣ заполучить такой кушикъ.

— Что-жь, была-бы охота, а золота тамъ довольно, усмѣхался говорилъ Смитъ.

— Что ты? прошепталъ инженеру одинъ изъ его товарищей: — перестань; развѣ ты не видишь, что онъ мошенникъ, шулеръ; онъ, видимо, старается тебя завлечь; тебя обдерутъ, какъ липку.

— Эге! возразилъ инженеръ, — какъ-бы не такъ! Нѣтъ, братъ, шалишь — меня не надуешь, — это я тебѣ вѣрно говорю. У меня глаза-то при себѣ.

— Ну, ужъ такъ и быть, пожертвуемъ разъ нѣсколько долларовъ, сказалъ другой; — чѣмъ чортъ не шутить, — можетъ быть, и выиграемъ что-нибудь. Все равно, эти деньги придется и такъ спустить здѣсь.

Тирель присоединился къ нимъ, но не вмѣшался въ разговоръ; онъ выпилъ рюмку водки и медленно пошелъ за ними къ столу, принимая на себя видъ человѣка, который, не имѣя опредѣленной цѣли, желалъ только немного развлечь себя.

Смитъ также присоединился къ этому кружку, но, или потому, что не хотѣлъ, или-же, можетъ быть, не могъ пробраться къ самому столу, остановился по-одаль и сталъ черезъ плечо сосѣда смотрѣть на игру другихъ.

Тирель съ трудомъ пробрался къ выходной двери палаты, вышелъ на свѣжій воздухъ и направился къ домику, гдѣ жилъ шерифъ. Онъ засталъ его дома.

М-ръ Больтонъ, — такъ назывался шерифъ, — привезъ въ Смитфильдъ также и свою жену. Такимъ образомъ, это полудикое мѣстечко сдѣлалось для него какъ-бы отечествомъ. Но только американская женщина могла ужиться съ господствовавшими здѣсь ужасными нравами. О комфортѣ нечего было и думать. Больтонъ сдѣлалъ попытку жить при такой-же обстановкѣ, при какой, быть можетъ, онъ жилъ прежде у себя на родинѣ; но нѣкоторыя принадлежности комфорта, добытыя имъ здѣсь съ большими жертвованіями,

выставляли только еще въ болѣе яркомъ свѣтѣ всѣ неудобства, которыми окружена была жизнь въ Смитфильдѣ.

Въ комнатѣ стояла софа; на голой, обитой тесомъ, стѣнѣ висѣли портретъ генерала Шермана и изображеніе битвы при Бэнкверсгилѣ; къ двумъ узкимъ окнамъ привѣшены были гардины укрѣпленныя простою осмоленною веревкою. Въ числѣ другой мебели въ комнатѣ можно было замѣтить и нѣсколько стульевъ; но въ такое короткое время ихъ нельзя было достать столько, сколько требовалось, а потому ихъ мѣсто пока занимала плохо обструганная скамейка. На стѣнѣ въ позолоченной рамкѣ висѣло маленькое зеркальце, но въ немъ отражалось только грубо-обтесанное бревно, которымъ была подперта дверь, ведущая въ комнату: верхній брусъ этой двери подогнулъ и осунулся внизъ, и его нужно было такъ или иначе предохранить отъ паденія.

Въ комнатѣ стояла большая желѣзная печь, но въ то-же время она замѣняла и плиту; около нея хлопотала теперь молодая хозяйка, поставившая на огонь маленькій котелокъ съ водою, чтобы приготовить чай. Казалось, что вечеръ сегодня будетъ безконеченъ.

И какое милое, заботливое существо была эта женщина! Какъ чисто и опрятно была она одѣта и къ тому-же какъ просто сравнительно съ „мѣстными дамами“, которыя ежедневно замечали своими длинными шелковыми плейфами уличную грязь и пыль.

— А, м-ръ Тирель, обратилась она къ молодому человѣку, вошедшему въ комнату, — вы поступили очень умно, что пришли. Боже мой, сегодня вечеромъ у насъ въ Смитфильдѣ точно цѣлая орда индѣйцевъ въ гостяхъ. Я не трусила, а сегодня что-то начинаю трусить; этотъ шумъ звучитъ зловѣщею нотой.

— Вы не имѣете никакихъ причинъ бояться, м-съ Вольтонъ, сказала съ улыбкою Тирель: — все такъ спокойно, какъ только возможно. Впрочемъ, для меня совершенно понятно, что вамъ не можетъ быть здѣсь спокойно; но я одного не могу объяснить себѣ—какъ это вы отважились поселиться въ Смитфильдѣ?

— Мы всѣ хотимъ улучшить свое положеніе, м-ръ Тирель, сказала молодая женщина.—Я полагаю, что Смитфильдъ имѣетъ за собою вѣрное будущее; Джонъ купилъ здѣсь по умѣреннымъ цѣнамъ нѣсколько усадебъ, теперь эти усадьбы уже возвысились

въ своей цѣнѣ. Когда мы будемъ имѣть все, въ чемъ нуждаемся, мы вернемся въ родной штатъ, но, быть можетъ, намъ придется пойти и еще дальше.

— Настоящая пионерка! разсмѣялся Тирель; — но гдѣ вашъ мужъ?

— Онъ только-что вышелъ принести дровъ. Вотъ онъ уже и вернулся. Вы, конечно, выпьете съ нами чашку чаю?

— Съ удовольствіемъ, хотя я не могу долго медлить. Какъ идутъ дѣла, Болтонъ?

— Какъ видите, сказалъ шерифъ; — не случилось-ли чего-нибудь?

— Еще нѣтъ, но я надѣюсь, что сегодня вечеромъ мы достигнемъ своей цѣли. Не разузнали-ли вы чего-нибудь?

— Да, сказалъ шерифъ, — и надо сознаться, ваши подозрѣнія подтверждаются. Какъ я узналъ, именно Смитъ указалъ несчастному нѣмцу мѣсто, гдѣ онъ могъ отыскать своего мула; тотъ поѣхалъ туда и, какъ вы знаете, былъ убитъ.

— Да, сказалъ Тирель, — это еще болѣе увеличиваетъ сумму имѣющихся у насъ уликъ; но не знаетъ-ли кто-нибудь подробностей относительно имущества убитаго?

— У него были золотые часы и одинъ нѣмецъ клянется, что узнаетъ ихъ, если они попадутся ему на глаза, такъ-какъ онъ по профессіи часовой мастеръ.

— Это могло-бы служить также уликою; но не знаете-ли вы еще чего-нибудь?

— Убитый закалывалъ галстухъ булавкою, которой мы не нашли при осмотрѣ трупа, и, кромѣ того, онъ долженъ былъ имѣть при себѣ цѣнные бумаги.

Тирель нѣкоторое время стоялъ молча.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ онъ, — мы должны сдѣлать попытку, и я твердо увѣренъ въ томъ, что она приведетъ насъ къ какому-нибудь результату. Сколько солдатъ находится теперь въ вашемъ распоряженіи?

— Въ настоящее время очень мало; сегодня утромъ я долженъ былъ опять отрядить большой патруль, потому что въ окрестностяхъ показались индѣйцы; по крайней мѣрѣ, охотники говорятъ, что напали на ихъ слѣды, и я не думаю, чтобы въ настоящее время мы могли располагать болѣе, чѣмъ пятнадцатью солдатами.

— И скоро ихъ можно поднять на ноги?

— Во всякое время.

— Хорошо, больше намъ ничего и не надо; но что намъ дѣлать съ нимъ въ случаѣ, если удастся его схватить? Завтра утромъ я весьма легко могу отправить его съ обратнымъ строительнымъ поѣздомъ въ Ливенуэртъ, а оттуда въ Нью-Орлеанъ; но представляется большое затрудненіе въ томъ, гдѣ помѣстить его на ночь?

— Мы засадимъ его въ маленькій фортъ, сказалъ шерифъ послѣ короткаго раздумья, — и приставимъ къ нему, въ качествѣ часового, одного изъ моихъ служителей, потому что солдатамъ я не вѣрю болѣе ни на волосъ. Всѣ здѣшніе солдаты — дрянь и любого изъ нихъ можно купить за пятьдесятъ долларовъ.

— Прекрасно, сказалъ Тирель, надѣвая свою шляпу, — остальное предоставьте мнѣ.

— Мнѣ помнится, что вы изъявили согласіе выпить вмѣстѣ съ нами чашку чаю, поспѣшила замѣтить молодая женщина; — все уже готово.

— Развѣ одинъ глотокъ, засмѣялся Тирель: — мнѣ нельзя долго мѣшкать.

— Берегись, Джонъ, прошептала молодая женщина своему мужу, сѣвъ около него и прижавшись къ его груди. — Ты знаешь очень хорошо, съ какимъ дикимъ, злымъ народомъ имѣешь ты здѣсь дѣло. Для нихъ жизнь человѣка ровно ничего не значитъ, но какова будетъ безъ тебя моя жизнь!

— Не бойся, моя голубушка, сказалъ, улыбаясь, молодой человѣкъ: — на нашей сторонѣ законъ и намъ нечего бояться.

— Вы думаете сегодня-же схватить этого человѣка? спросила съ озабоченнымъ видомъ жена.

— Если представится къ этому возможность, сказалъ шерифъ; — не удастся кончить сегодня, мы оставимъ это дѣло до завтра. Мы должны принять серьезныя мѣры, иначе мы не можемъ рассчитывать на нашу безопасность даже у себя дома.

Когда оба чиновника выходили изъ дома, они услышали, что въ ближайшей палаткѣ поднялся шумъ, который, впрочемъ, прекратился прежде, чѣмъ они успѣли подойти къ ней.

Когда они подошли къ палаткѣ, изъ нея выходило нѣсколько человѣкъ.

— Что тамъ за скандалъ?

— Э, пустяки, засмѣялся одинъ:—инженеръ проигралъ свои деньги и очень удивлялся этому обстоятельству. Кто связался съ этою швалью, тотъ пропащій человекъ.

Когда Тирель вошелъ въ палатку, съ нимъ встрѣтился Вольфъ.

— Чортъ возьми! Долже невозможно оставаться въ этой атмосферѣ, сказалъ онъ;—я нигдѣ не могъ васъ найти и хотѣлъ уже распротиться съ этимъ обществомъ.

— Тутъ была ссора?

— Обыкновенный шумъ; дѣло шло о проигрышѣ, но теперь снова утихло.

— Они все еще продолжаютъ играть?

— Эти люди просто помѣшаны на игрѣ; имъ пришло въ голову, что банкومتъ мошенничаетъ, и они рѣшили наблюдать за его руками; поэтому сидитъ теперь одинъ банкومتъ, а остальные стоятъ вокругъ него.

— Это намъ на руку, сказалъ Тирель.—Смитъ еще здѣсь?

— Конечно! Онъ сидитъ съ инженерами.

— Въ самомъ дѣлѣ? Не заведете-ли вы теперь съ нимъ разговоръ?

— У него нѣтъ времени.

— Если онъ услышитъ свое имя и не обернется, тогда я ошибся въ своихъ догадкахъ. Однакожъ, попытаемся.

Они на-скоро условились между собою, какъ дѣйствовать, и въ то время, когда Тирель отошелъ въ сторону и всталъ такъ, что могъ наблюдать за Смитомъ не будучи имъ замѣченъ, Вольфъ пробрался къ тому мѣсту, гдѣ онъ сидѣлъ, и сталъ позади его.

Карты были только-что сняты и двѣ маленькія ставки были выиграны; затѣмъ карты были снова смѣшаны и игроки опять столпились вокругъ стола.

— Гудли, прошепталъ Вольфъ, нагнувшись къ американцу; онъ произнесъ это имя вполголоса, но все-же такъ громко, что Смитъ не могъ не услышать его. Несмотря на это, Смитъ не двинулся съ мѣста и ничѣмъ не далъ замѣтить, что это слово обратило на себя его вниманіе.

— Гудли, прошепталъ Вольфъ еще разъ,—это вы?

М-ръ Смитъ медленно обернулся, обводя глазами окружающихъ, и, наконецъ, взглянулъ на молодого нѣмца, который осторожно при-

ложилъ къ губамъ палець, давая этимъ замѣтить, что онъ не считаетъ безопаснымъ дальнѣйшій разговоръ.

Смитъ изумленными глазами посмотрѣлъ на него; черты лица были ему знакомы; но онъ не могъ припомнить, чтобы когда-нибудь стоялъ съ этимъ человѣкомъ въ особенно близкихъ отношеніяхъ. Вольфъ-же, слѣдуя совѣту Тиреля, спокойно повернулся и пошелъ по направленію къ двери, показывая видъ, что онъ вовсе не думаетъ собирать о немъ дальнѣйшія свѣденія. Но это именно и заинтересовало Смита. Онъ еще разъ окинулъ глазами игорный столъ, затѣмъ выбрался изъ толпы и пошелъ за Вольфомъ, который ожидалъ его у выхода.

— Неужели это дѣйствительно вы? шепотомъ сказалъ Вольфъ, когда къ нему подошелъ Смитъ.—Чортъ возьми, вы сбрили свою бороду, и вотъ уже восемь дней, какъ я хожу около васъ, какъ кошка около горячей каши, не рѣшалась заговорить съ вами.

— Но за кого вы меня принимаете, сэръ? сказалъ Смитъ, бросивъ на него испытующій взглядъ;—мое имя Теодоръ Смитъ.

— Тсс, замахалъ на него Вольфъ:—дѣло не въ имени—я прозываюсь теперь Вольфомъ, впрочемъ, я также жилъ когда-то подъ фамилією Смитъ, и вы, конечно, помните то время, когда... Припомните-ка Нью-Орлеанъ.

Смитъ пытливо посмотрѣлъ на него; онъ не былъ увѣренъ въ безопасности своего положенія; въ его тревожной жизни ему приходилось сталкиваться съ такимъ множествомъ людей подъ самыми разнообразными фамиліями, что ему понадобилось нѣсколько времени на то, чтобы воскресить въ своей памяти многочисленный рядъ извѣстныхъ ему нѣкогда Смитовъ.

Вдругъ въ палатѣ поднялся страшный шумъ; ругательства и проклятія сыпались одно за другимъ, затѣмъ раздался выстрѣлъ, и Смитъ, сказавъ Вольфу „до свиданія“, вернулся обратно въ палатку, чтобы посмоирѣть, что тамъ происходитъ.

Тамъ разыгралась одна изъ тѣхъ сценъ, которая такъ часты въ обществѣ безчестныхъ игроковъ. Проигравшій обвинилъ банкмета въ томъ, что тотъ подтасовалъ карты, и пять-шесть человѣкъ брались это доказать. Другіе-же, пріятели шулеровъ, взяли сторону банкмета и старались заглушить голоса обвинителей; во всякое другое время имъ, конечно, удалось-бы это; но сегодня перевѣсъ былъ на сторонѣ другого элемента—на сторонѣ честныхъ

людей, большая часть которыхъ состояла теперь изъ желѣзно-дорожныхъ агентовъ и рабочихъ. Пріатели инженера также вмѣшались въ это дѣло, и когда шулеръ, боясь, что его мошенничество можетъ обнаружиться, хотѣлъ заграбить деньги, ихъ схватилъ инженеръ, по его мнѣнію, проигравшій ихъ потому, что его противникъ смощенничалъ; этииъ самымъ инженеръ нарушилъ пріятныя здѣсь правила игры.

Смитфильдъ лежалъ въ дикой странѣ и управлялся дикими законами. Здѣсь всякій считалъ себя вправѣ стрѣлять въ того, кто, по его мнѣнію, покушался отнять его имущество, и судъ присяжныхъ оправдывалъ его, опираясь на актъ самозащиты.

Поэтому едва только инженеръ успѣлъ протянуть руку и схватить кучу золота, какъ его противникъ, даже и не пытаясь воспрепятствовать ему въ этомъ, выхватилъ изъ-подъ жилета револьверъ и выстрѣлилъ. Его вовсе не смущала та мысль, что при этой давкѣ онъ очень легко могъ попасть и въ кого-нибудь другого изъ окружающей толпы; онъ сознавалъ свое такъ-называемое право и защищалъ это право; но на этотъ разъ дѣло окончилось иначе, чѣмъ онъ могъ ожидать.

Пострадавшій, конечно, выпустилъ изъ рукъ деньги и, раненый, отшатнулся назадъ; въ это самое время шулеръ почувствовалъ, что его руку, въ которой было оружіе, сжали будто желѣзные тиски и онъ получилъ такой сильный ударъ булавомъ между глазъ, что безъ чувствъ повалился на полъ. Сидѣвшій противъ него товарищъ его не имѣлъ времени, а можетъ быть, даже и охоты, поспѣшить къ нему на помощь: онъ быстро схватилъ лежавшія на столѣ деньги.

Въ это самое время возвратился Смитъ, котораго Тирель не упускалъ изъ виду; онъ пытался пробраться къ столу, но это ему не удавалось, такъ-какъ тамъ была страшная давка. Нѣсколько рабочихъ съ желѣзной дороги подняли раненаго инженера и вынесли его изъ палатки. Нѣкоторые изъ нихъ побѣжали за докторомъ, большая-же часть бросилась на негодая и скрутила ему руки. Хотя шулера, сбѣжавшіеся изъ другихъ палатокъ, и дѣлали бесплодныя попытки освободить своего товарища, но онъ находился въ надежныхъ рукахъ. Чтобы отнять у негодаевъ послѣднюю возможность освободить его силою, шерифъ тотчасъ-же послалъ за военнымъ патрулемъ и безъ дальнѣйшихъ разговоровъ

приказаль посадить его въ фортъ. Было уже слишкомъ поздно для дальнѣйшихъ распоряженій относительно его, хотя нѣкоторые и требовали немедленно-же повѣсить въ примѣръ другимъ, этого мерзавца на первомъ попавшемся деревѣ или столбѣ; по выраженію ихъ лицъ можно было видѣть, что они готовы произвести эту операцію безъ малѣйшаго отлагательства.

Наконецъ, Смитъ протѣснился къ тому мѣсту, гдѣ держали негодая, но, странно, онъ не принялъ его сторону, не сказалъ даже ни одного слова въ его пользу. Можно было думать, что или убійца не былъ однимъ изъ его интимныхъ друзей, или-же онъ велъ себя съ крайнею осторожностью. Только въ то время, когда требованіе повѣсить убійцу сдѣлалось черезчуръ настоятельнымъ, онъ посмотрѣлъ на шерифа и, казалось, хотѣлъ заговорить съ нимъ. Но приближавшійся военный караулъ убѣдилъ его, что теперь здѣсь господствуетъ законъ, и онъ оставилъ свое намѣреніе, если только оно было у него.

Этотъ случай взбудоражилъ весь городъ. Съ одной стороны, рабочіе были поражены тяжкимъ положеніемъ раненаго и уже по одному этому все болѣе и болѣе ожесточались противъ шулеровъ и ихъ партіи; съ другой-же стороны, и шулера, собравшись въ квартирѣ одного изъ своихъ товарищей, съ гнѣвомъ разсуждали объ этомъ происшествіи, которое грозило сдѣлаться для нихъ вопросомъ жизни. Ихъ товарищъ поступилъ сообразно издавна существующему и безмолвно принятому въ этой странѣ обычаю; онъ только защищалъ свое имущество; если-бы нападеніе на это имущество осталось безнаказаннымъ, то, по ихъ мнѣнію, ни одинъ человѣкъ не могъ быть вполне увѣреннымъ въ безопасности своего кармана. Если, дѣйствительно, завтра утромъ — въ чемъ они, однако, сомнѣвались — долженъ совершиться судъ надъ ихъ товарищемъ, то, по ихъ убѣжденію, слѣдовало принять общія и рѣшительныя мѣры и встрѣтить, въ худшемъ случаѣ, силу силою.

М-ръ Теодоръ Смитъ, конечно, держался вдали отъ этого соборанія, сдѣлавъ между тѣмъ попытку повидаться съ арестованнымъ, что, впрочемъ, ему не удалось. Онъ даже не могъ проникнуть въ маленькій фортъ, состоявшій изъ неоконченной земляной насыпи, и долженъ былъ удалиться.

X.

ПОПАЛСЯ!

Несмотря на волненіе, господствовавшее въ городѣ, ночь прошла спокойно. Изнуренныя тѣла требовали отдыха и въ два часа все успокоилось,—впрочемъ, не на долго—только до разсвѣта.

Уже съ восходомъ солнца Тирель отправился къ шерифу и имѣлъ съ нимъ продолжительный и оживленный разговоръ. Ему необходимъ былъ арестъ Смита, для того, чтобы имѣть возможность сдѣлать обыскъ въ его имущество, но къ аресту не представлялось положительнаго основанія, тѣмъ болѣе, что этимъ арестомъ раздражили-бы и безъ того уже взволнованный народъ.

Тирель рассказалъ, какъ вчера Вольфъ заговорилъ таинственно со Смитомъ и назвалъ его именемъ Гудли; какъ Смитъ сначала было откликнулся на это имя, но потомъ сталъ увѣрять, что онъ никогда не носилъ этой фамиліи и вообще не имѣлъ ни малѣйшаго отношенія къ извѣстному происшествію; поэтому онъ, Тирель, не могъ ничего предпринять противъ Смита на основаніи однихъ только смутныхъ подозрѣній. Шерифъ обѣщалъ не выпускать его изъ виду, но рѣшительно отказался принять какія-либо мѣры противъ него до тѣхъ поръ, пока Тирель не доставитъ ему доказательствъ посущественнѣе отдаленнаго внѣшняго сходства.

Хотя инженеръ, раненный вчера негодяемъ, и пережилъ ночь, но къ семи часамъ утра его не стало; невозможно было описать волненіе и ярость рабочихъ съ желѣзной дороги. Несмотря на то, что строитель дороги велѣлъ имъ въ урочный часъ идти на работу, ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ дотронуться до дома до тѣхъ поръ, пока не соберется судъ и не обвинить убійцу; въ противномъ случаѣ они нахѣревались сами съ нимъ расправиться. Это была опасная угроза, такъ-какъ у каждаго изъ нихъ торчало по одному, а у нѣкоторыхъ и по два револьвера; кромѣ того, лучшіе изъ нихъ имѣли при себѣ ружья; эти предосторожности всегда были для нихъ необходимы, на случай ежеминутнаго нападенія дикихъ индѣйцевъ.

Какъ ни любилъ спокойствіе мировой судья, маіоръ Голли, но все-таки пришелъ къ убѣжденію, что необходимо скорѣе свалить

съ своей шеи это роковое дѣло. При настоящихъ обстоятельствахъ, конечно, невозможно было произвести выбора присяжныхъ, и судья самъ назначилъ ихъ. Подсудимый два раза воспользовался правомъ отвода шести человекъ изъ присяжныхъ; онъ не видѣлъ между ними ни одного изъ своихъ сообщниковъ и отлично зналъ, какого приговора слѣдуетъ ему ждать отъ честныхъ людей; но когда судья въ третій разъ назвалъ полный составъ присяжныхъ, ему поневолѣ пришлось подчиниться закону. Такимъ образомъ, времени ушло много и настала уже полдень прежде, чѣмъ начался настоящій судъ.

До сихъ поръ Боди, — такъ звали арестованнаго игрока, — надѣялся еще ускользнуть, полагаясь на то, что товарищи непременно оправдали-бы его. Но судья, по совѣту шерифа, отвелъ, въ свою очередь, тѣхъ присяжныхъ, которыхъ выбралъ Боди, на томъ основаніи, что они занимались ремесломъ, строго преслѣдуемымъ закономъ, и были только терпимы здѣсь, не пользуясь никакими гражданскими правами.

При другихъ обстоятельствахъ вся шайка, натурально, возстала-бы противъ такого опредѣленія и ея протестъ были-бы вынуждены уважить. Теперь-же имъ пришлось молчать. Работы на желѣзной дорогѣ прекратились на все время, пока тянулся судъ, и палатка Бентлея, какъ самая обширная, была обращена въ залу засѣданія. Теперь, когда Боди не удалось втиснуть въ число присяжныхъ ни одного изъ шулеровъ и мошенниковъ, не трудно было предугадать рѣшеніе суда. Но прежде, чѣмъ начался допросъ, судья, по приглашенію Больтона, отправился къ нему закусить.

Не успѣло маленькое общество усѣсться за столъ, какъ раздался стукъ въ дверь и въ ту-же минуту, къ великому удивленію Больтона, на порогъ показался м-ръ Смитъ и чрезвычайно вѣжливо проговорилъ:

— Прошу извиненія, м-ръ Болтонъ, что побеспокоилъ васъ, но мнѣ необходимо поговорить объ одномъ дѣлѣ съ маіоромъ Голли, а такъ-какъ мнѣ сказали, что онъ у васъ, то я и осмѣлился придти прямо сюда, въ полной надеждѣ на вашу снисходительность.

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ Болтонъ не совсѣмъ довольнымъ тономъ, — прошу садиться. Можетъ быть, вы желаете поговорить съ маіоромъ Голли наединѣ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Смитъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, взглядывая на даму; — къ тому-же мое дѣло отчасти касается и васъ. Позвольте мнѣ изложить его.

— Пожалуйста, сказала маіоръ, нелюбившій, чтобы его беспокоили во время ѣды, — если только у васъ очень спѣшное дѣло; въ противномъ случаѣ я попрошилъ-бы васъ отложить его до вечера, такъ-какъ сейчасъ долженъ начаться допросъ подсудимому.

— Потому-то я и пришелъ сюда, возразилъ Смитъ съ вѣжливымъ поклономъ; — иначе я не осмѣлился-бы лично беспокоить васъ. Дѣло очень спѣшное.

-- Что-же вамъ угодно?

— Прежде всего я долженъ представиться вамъ, сказалъ м-ръ Смитъ. — Вамъ извѣстно, что съ нѣкотораго времени я поселился здѣсь; но не для собственного удовольствія, а по распоряженію правительства; я чиновникъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? удивился маіоръ. — Какую-же должность вы занимаете?

— Агента сыскной полиціи, спокойно отвѣтилъ Смитъ, вынимая изъ бокового кармана какую-то сложенную бумагу.

— Агентъ сыскной полиціи! съ невольнымъ удивленіемъ воскликнулъ Больтонъ.

— Меня командировали изъ Нью-Орлеана для поимки одного важнаго преступника, за которымъ я слѣдилъ до самаго этого мѣста. Сперва я не былъ совершенно увѣренъ въ своихъ подозрѣніяхъ, но вчера послѣ обѣда или, скорѣе, вечеромъ окончательно убѣдился, что отыскиваемый мною преступникъ и вчерашній убійца — одно и то-же лицо.

— Странное стеченіе обстоятельствъ! сказалъ маіоръ Голли съ искреннимъ удивленіемъ. — Но чего-же вы хотите собственно отъ меня? Если до этого времени онъ и совершилъ какое-нибудь преступленіе, то теперь за одно искупить свою вину, потѣму что вчерашняя исторія, если я не ошибаюсь, будетъ стоить ему жизни.

— Необходимо приостановиться исполненіемъ приговора, — за этииъ я и пришелъ къ вамъ, маіоръ, сказалъ Смитъ. — Процессъ въ Нью-Орлеанѣ очень запутанъ; этотъ преступникъ можетъ многое раскрыть. Вы распорядитесь, чтобы по окончаніи суда мнѣ тотчасъ-же выдали этого негодяя для перевозки въ Нью-Орлеанъ.

— Могу я попросить у васъ ваше полномочіе? спросилъ маіоръ Голли, протягивая руку за бумагою.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ Смитъ, подавая бумагу, котору Больтономъ взялъ отъ него и началъ просматривать.

Нельзя было сомнѣваться въ подлинности этой бумаги, къ ней была приложена печать нью-орлеанскаго полицейскаго управленія.

— Гмъ! замѣтилъ маіоръ, разсмотрѣвъ бумагу и разсмѣявшись взглядомъ съ Больтономъ. — А въ чемъ обвиняють его въ Нью-Орлеанѣ?

— Въ самомъ тяжкомъ преступленіи, на какое только способенъ человѣкъ: онъ убилъ и ограбилъ своего родного отца. Его во всякомъ случаѣ ожидаетъ висѣлица: его показанія необходимы для открытія сообщниковъ, которыхъ у него было трое, какъ оказалось на предварительномъ слѣдствіи. Если вы не отправите его въ Нью-Орлеанъ, то весьма вѣроятно, что другіе виновники ускользнутъ отъ правосудія.

— Чего-же вы отъ насъ хотите?

— Выдачи мнѣ преступника, рѣшительно отвѣчалъ м-ръ Смитъ. — Если это возможно, я буду просить васъ дать мнѣ двухъ конвойныхъ; если-же нельзя, я могу и одинъ отправиться съ нимъ: изъ вагона онъ не выскочитъ; къ тому-же ему можно надѣть ручные кандалы. Итакъ, могу я рассчитывать на вашу помощь?

— Почему-жъ и не выдать вамъ этого негодяя, сказалъ маіоръ Голли, — но я боюсь, что мы встрѣтимъ сильное сопротивленіе со стороны здѣшняго населенія. Оно сильно взволновано убійствомъ и не безъ основанія подозрѣваетъ, что убійца игралъ не чисто. Во всякомъ случаѣ, мы будемъ поставлены въ очень затруднительное положеніе.

— Но вы располагаете военной командой, замѣтилъ м-ръ Смитъ.

— Да, это правда, возразилъ судья, — но мы не можемъ совершенно положиться на нее. Во всякомъ случаѣ, мы сдѣлаемъ все, что будетъ возможно. Вообще мнѣ было-бы пріятнѣе, если-бы вы, м-ръ Смитъ, раньше представились мнѣ — дѣло было-бы теперь гораздо проще.

— Но, сэръ, сказалъ Смитъ, — вы знаете, что въ нашей должности чѣмъ менѣе говоришь о себѣ, тѣмъ лучше. Одно какое-нибудь ничтожное, необдуманное слово можетъ погубить работу, на

которую ушло не мало труда. Могу я просить васъ возвратить мнѣ бумагу?

Судья все еще вертѣлъ документъ между пальцами и, казалось, не зналъ, на что рѣшиться. Болтонъ поспѣшилъ къ нему на выручку.

— Позвольте намъ на-время оставить у себя ваше полномочіе; вы получите его обратно, когда вамъ будетъ выданъ преступникъ.

— Мнѣ не очень-бы хотѣлось этого, сказалъ Смитъ послѣ короткаго раздумья.— Въ этой дикой странѣ никогда нельзя предвидѣть всего, что можетъ случиться, и поэтому я желалъ-бы оставить документъ при себѣ. Какъ я уже объяснилъ вамъ, это единственное мое полномочіе, безъ котораго я могу попасть въ очень скверное положеніе.

— Я полагаю, оно для насъ совершенно бесполезно, м-ръ Болтонъ? сказалъ судья.

— Во всякомъ случаѣ, нужно удостовѣриться въ подлинности документа прежде, чѣмъ мы выдадимъ его обратно, возразилъ шерифъ.— Вы извините меня, м-ръ Смитъ, но законъ требуетъ этого, прежде, чѣмъ мы рѣшимся выдать вамъ преступника. Въ подлинности этого документа я лично нисколько не сомнѣваюсь, но какъ шерифъ, обязанъ соблюдать необходимыя формальности.

Хотя м-ру Смиту не поправилось на половину высказанное недобріе, но онъ чувствовалъ, что только испортить все дѣло, если станетъ спорить. Онъ слегка и не безъ граціи поклонился и сказалъ:

— Какъ вамъ угодно. Я убѣжденъ, что вы задержите меня не на долго, потому что присяжные, несомнѣнно, признаютъ преступника виновнымъ. Есть у него защитникъ?

— Навѣрное есть, отвѣтилъ судья.— Одинъ изъ его друзей, адвокатъ, взялся защищать его.

— Очень хорошо; но я васъ предупреждаю, что вы обязаны принять всѣ необходимыя мѣры, чтобы съ преступникомъ не расправилось само населеніе послѣ произнесенія приговора; въ противномъ случаѣ, вы будете отвѣчать передъ судомъ штата Луизианы.

— Любезнѣйшій м-ръ Смитъ, сказалъ Болтонъ, — это насъ нисколько не пугаетъ: мы живемъ на границахъ Канзаса и при

теперешней неурядицѣ не имѣемъ никакихъ обязанностей относительно штата Луизианы; но, конечно, мы сдѣлаемъ все, что возможно. А теперь прошу извинить насъ: мнѣ хотѣлось-бы закутить; сейчасъ начнется допросъ и я не знаю, удастся-ли мнѣ потомъ урвать минутку свободнаго времени.

— Помилуйте, шерифъ, воскликнулъ Смитъ, быстро вскакивая съ мѣста и откланиваясь, — мнѣ было-бы въ высшей степени непріятно стѣснять васъ.

И, поклонившись еще разъ, онъ вышелъ изъ комнаты.

Въ его поведеніи была какая-то явная натянутость; видно было, что онъ соблюдалъ всѣ формы, чтобы казаться настоящимъ джентльменомъ, но въ самой манерѣ, съ какою онъ это дѣлалъ, было что-то наглое, точно онъ хотѣлъ сказать этимъ: „попробуйте обращаться со мною не такъ вѣжливо и почтительно, какъ я этого желаю, я пушу вамъ въ лобъ пулю изъ моего револьвера“, и каждая черта его наглаго лица доказывала, что онъ, дѣйствительно, былъ способенъ на это.

Едва онъ успѣлъ выйти изъ дому, какъ Болтонъ бросился къ столу, сѣлъ наскоро кусокъ хлѣба съ говядиной, и потомъ обратился къ судѣ:

— Ну, маіоръ, теперь вы можете совершенно спокойно завтракать здѣсь съ моею женою, а мнѣ надо сходить по одному важному дѣлу. Дайте-ка мнѣ бумагу м-ра Смита; здѣсь живетъ настоящій агентъ сыскной полиціи изъ Нью-Орлеана, который убѣжденъ, что узнаетъ въ Смитѣ того самаго преступника, котораго онъ розыскиваетъ. Если документъ подложный, — въ чемъ я не сомнѣваюсь, — то мы поймали молодчика; во всякомъ случаѣ, времени терять нечего; до свиданія, а вернусь черезъ четверть часа.

Не теряя времени, Болтонъ послѣдовалъ къ дому Беккера, гдѣ поселились Вольфъ съ Тирелемъ.

— Тирель! крикнулъ Болтонъ, входя въ комнату. — Знаете-ли вы, кто этотъ джентльменъ, который казался вамъ такимъ опаснымъ субъектомъ?

— По-моему, онъ просто чортъ! вскричалъ Тирель. — А вы откуда узнали, кто онъ такой?

— У меня въ рукахъ его полномочіе, выданное изъ сыскной полиціи.

— Болтонъ, изумился Тирель, схватывая шерифа за руку,— неужели это правда?

— Даю вамъ честное слово! Онъ только-что требовалъ отъ меня выдачи преступника.

— Теперь онъ у насъ въ рукахъ, воскликнулъ Тирель, ударяя лѣвымъ кулакомъ по открытой ладони правой руки;— теперь я проглочу его цѣликомъ, съ кожей и волосами. Гдѣ-же документъ?

Болтонъ подалъ ему бумагу; Тирель быстро развернулъ ее и внимательно рассмотрѣлъ.

— Чортъ побери! проворчалъ онъ послѣ небольшой паузы:— эта бумага выгладитъ на первый взглядъ совершенно законной, а между тѣмъ я увѣренъ, что она подложна. Откуда добылъ ее этотъ плутъ? Изъ полиціи? Ни за что на свѣтѣ!

— Вамъ знакома подпись?

Вѣсто всякаго отвѣта Тирель досталъ свой собственный документъ и разложилъ его рядомъ съ полномочіемъ Смита.

— М-ръ Вольфъ, какъ ваше здоровье? обратился шерифъ къ молодому нѣмцу, протягивая ему руку.—Ну что, какъ ваша рука?

— Благодарю васъ, теперь лучше, отвѣчалъ Вольфъ, пожимая ему руку,—хотя я и не могу еще свободно двигать рукой, но, по крайней мѣрѣ, спокоенъ, что она не потеряетъ своей гибкости. Что это у васъ тамъ? прибавилъ онъ, указывая глазами на Тиреля.

Тирель между тѣмъ занимался сравненіемъ обѣихъ бумагъ; онѣ были такъ похожи одна на другую, что невозможно было найти никакой разницы между ними.

— Одинъ чортъ только знаетъ, ворчалъ онъ, — откуда негодяй добылъ себѣ бумагу на имя Теодора Смита. Подпись должна быть подлинная, печать точно такая-же, какъ и у меня. Пусть меня повѣсятъ, если я хоть что-нибудь здѣсь понимаю!

— Позвольте мнѣ на минуту бумагу! сказалъ Вольфъ.

— Любезный товарищъ, замѣтилъ Тирель, — ужъ если я не нашелъ здѣсь никакой разницы, то вы и подавно не найдете ея. Не мало подобныхъ штукъ перебивало у меня въ рукахъ.

Вольфъ подошелъ къ свѣту съ обѣими бумагами и осмотрѣлъ ихъ, потомъ провелъ языкомъ сперва по одному штемпелю, затѣмъ по другому и сказалъ, улыбаясь:

— Подите-ка сюда, м-ръ Тирель. Хотите, я вамъ покажу разницу?

— Ну? вскричалъ Тирель съ жаднымъ любопытствомъ под-скакивая къ нему.

— Штука немудреная: бумага, сама по себѣ, подлинная, но вашъ штемпель напечатанъ обыкновенной жирной, черной краской, а этотъ искусно нарисованъ китайской тушью. Взгляните сюда: тушь распускается и стирается, а печатная краска насколько не измѣняется отъ влажности.

— Чортъ возьми! съ изумленіемъ воскликнулъ Тирель.—Я и не подумалъ объ этомъ. Ну, теперь, каналья, ты у насъ въ рукахъ. Вольфъ, вы золотой человекъ! А васъ, Болтонъ, я попрошу немедленно взять м-ра Смита подъ самый строгій караулъ. Вы арестуете его за фальшивый полицейскій документъ, остальное-же откроется впоследствии и, само собою разумѣется, мы безъ дальнѣйшихъ промедленій наложимъ арестъ на его имущество. Оно, кажется, было уже секретно осмотрѣно?

— Только поверхностно; вообще онъ имѣетъ обыкновеніе носить при себѣ свои цѣнные бумаги. Впрочемъ, убійство нѣмца едва-ли имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ Смигу.

— Кто знаетъ! сказалъ Тирель.

— Ба! засмѣялся шерифъ, — вѣдь онъ все равно будетъ повѣшенъ, и прибавится-ли что-нибудь къ его обвиненію или нѣтъ — все равно, это ни мало не измѣнитъ положенія дѣла. Но, однако, мнѣ пора отправляться. Давно уже пора привести арестанта въ судъ: времени прошло порядочно и моя публика, пожалуй, потеряетъ всякое терпѣніе. Желѣзно-дорожнымъ рабочимъ пора возвратиться на работу.

Дѣйствительно, публика, собравшаяся передъ палаткой Бенглея, гдѣ должно было происходить засѣданіе суда, начала терять терпѣніе; солнце прошло уже большую часть зенита, а ни судья, ни шерифъ еще не показывались.

Впрочемъ, до сихъ поръ время, по большей части, было занято погребеніемъ убитаго, для котораго плотники наскоро вытесали простой гробъ, и опустили покойника, почти еще теплаго, въ

его тихую могилу. Но теперь, когда работа была окончена, они хотѣли видѣть собственными глазами, какъ будутъ казнить убійцу; въ ихъ души уже начало заврадываться опасеніе, чтобы онъ, чего добраго, не ускользнулъ отъ нихъ. Желая воспрепятствовать этому, они сами добровольно образовали изъ себя стражу и окружили маленькое строеніе, гдѣ сидѣлъ заключенный, хотя и безъ того тамъ стояли на караулѣ два солдата съ саблями на-голо. Но преступникъ не убѣжалъ отъ нихъ; вообще онъ, казалось, ничѣмъ особенно не тревожился, зная, что у него въ городѣ слишкомъ много друзей, изъ которыхъ нѣкоторые даже обязаны были поддерживать его, а потому онъ смѣло и спокойно смотрѣлъ въ лицо судьямъ, долженствовавшимъ осудить его.

Наконецъ, на улицѣ показался маіоръ Голли въ сопровожденіи шерифа; позади ихъ небольшой отрядъ солдатъ велъ преступника. Вся шайка игроковъ выстроилась по дорогѣ, бросая на эту группу не совсѣмъ дружелюбные взгляды, которые, однако, не произвели никакого эффекта. Повсюду, куда-бы они ни взглянули, глазамъ ихъ представлялись одинокія группы вооруженныхъ работниковъ, съ револьверами за поясами и ружьями на плечахъ. Нечего было и думать о нападеніи на стражу.

Судъ открылся и дѣло пошло своимъ обычнымъ порядкомъ; о какихъ-нибудь затрудненіяхъ не могло быть и рѣчи, такъ-какъ самый фактъ былъ хорошо извѣстенъ всякому. Послѣ краткаго введенія, въ которомъ маіоръ Голли сдѣлалъ, для формы, обзоръ всего дѣла, и краткаго, но сильнаго обвиненія представителя прокуратуры, началъ свою рѣчь защитникъ. Онъ выставялъ на видъ то обстоятельство, что въ этой дикой странѣ всякій долженъ опираться только на самого себя въ дѣлѣ защиты своей жизни и своего имущества. Совершенно безразлично, тотъ или другой сдѣлалъ нападеніе; каждый въ полномъ правѣ беречь свою собственную шкуру и обвиняемому не оставалось другого выбора, какъ застрѣлить своего противника, сильно превосходившаго его въ физическомъ отношеніи. Затѣмъ защитникъ обратилъ вниманіе суда на такъ-называемое рыцарство, проявляющееся во всей жизни подобныхъ людей, замѣтилъ, что каждый человекъ самъ для себя и надежная крѣпость, и вѣрное убѣжище, и выразилъ, наконецъ, свое полное убѣжденіе, что ни одинъ судъ этого или какого-нибудь другого округа всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ не обвинилъ-

бы его кліента, который дѣйствовалъ, какъ честный и мужественный человѣкъ.

Представитель прокуратуры кратко возразилъ на эту рѣчь: онъ сослался на убійство, какъ на фактъ, совершившійся на глазахъ у всѣхъ. Убитый не присвоилъ себѣ имущества убійцы, а только хотѣлъ возвратить назадъ то, что, по его собственному заявленію и по свидѣтельству многихъ изъ присутствующихъ здѣсь лицъ, было мошеннически отнято у него. Если-бы обвиняемый считалъ себя правымъ, то ему стоило только обратиться къ суду и тотъ поможъ-бы ему въ восстановленіи его законныхъ правъ.

— Ого! воскликнули при этомъ нѣкоторые изъ игроковъ, но громкіе „тише, тише!“ раздавшіяся со всѣхъ сторонъ, заставили ихъ замолчать. Послѣ того, какъ защитникъ еще разъ, но уже вратцѣ, напомнилъ присяжнымъ, какая участь ожидала обвиняемаго въ случаѣ, если они произнесутъ обвинительный вердиктъ, присяжные удалились для составленія приговора.

— Маіоръ Голли, шепнулъ Смитъ мировому судѣ, ясно видя теперь, въ какомъ положеніи было дѣло, — я думаю, теперь вамъ какъ-разъ встать и заявить, что обвиняемый долженъ быть преданъ суду въ Луизианѣ за другое, еще болѣе важное преступленіе.

— Я полагаю, что сначала нужно дождаться приговора судей, возразилъ Голли, даже не оборачиваясь; — вамъ недолго придется оставаться здѣсь.

Онъ былъ правъ. Не прошло и десяти минутъ, какъ возвратились присяжные и старшина монотонно провозгласилъ:

— Виновенъ! Рѣшеніе единогласно.

— Маіоръ Голли, снова зашепталъ Смитъ, — вы, конечно, позволите мнѣ сказать нѣсколько словъ собранію?

Маіоръ поднялся съ мѣста.

— Такъ-какъ подсудимый признанъ присяжными виновнымъ, объявилъ онъ, — то онъ заслуживаетъ быть повѣшеннымъ за шею до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается мертвъ.

— Джентльмены, сказалъ Смитъ, выступая впередъ.

— Вонъ его! кричала волновавшаяся толпа, — мы и такъ много времени потеряли изъ-за этого мерзавца; маршъ съ нимъ подъ первое дерево!

— Джентльмены! закричалъ Смитъ въ ужаснѣйшемъ волненіи, — позвольте мнѣ сказать только одно...

Онъ вдругъ почувствовалъ на своемъ плечѣ чью-то тяжелую руку и, обернувшись, увидѣлъ около себя Больтона.

— М-ръ Смитъ, или Гудли, или Бродвель, или какое тамъ ваше настоящее имя, именемъ закона я васъ арестую.

Смитъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, но замѣтилъ совершенно спокойнымъ тономъ:

— М-ръ Болтонъ, вы выбрали плохое время для шутокъ. У васъ въ рукахъ мое полномочіе — не вырывайте того человѣка изъ рукъ его настоящаго судьи!

— Вонъ, канальи! Повѣситъ его! кричала между тѣмъ толпа работниковъ, не обратившая ни малѣйшаго вниманія на это новое происшествіе и хлопотавшая только о томъ, какъ-бы притащить убійцу къ висѣлицѣ.

— Пойдите, джентльмены! раздался вдругъ громовой голосъ Больтона.— Я ровно ничего не имѣю противъ того, что вы въ этомъ случаѣ берете на себя мою обязанность... *).

— Ура, Болтонъ! ликовала толпа.

— Но весьма возможно, что вы сейчасъ получите двойную работу. Вотъ этотъ господинъ объявилъ себя агентомъ сыскной полиціи и требуетъ, чтобы подсудимый былъ выданъ суду Луизианы.

— Пусть онъ убирается къ чорту! закричалъ одинъ долговязый кентукіецъ,—какое намъ дѣло до Луизианы!

— Но полномочіе, которое онъ представилъ, фальшиво, перекричалъ шумъ Болтонъ,—а если мы теперь взглянемъ на имущество, конфискованное у подсудимаго, то нападѣмъ еще и на другой слѣдъ. Нѣмецъ, убитый здѣсь, по сосѣдству, носилъ на шеѣ маленькій кожаный мѣшочекъ, въ которомъ находился только одинъ листокъ, на которомъ были помѣчены нумера цѣнныхъ бумагъ. Я желаю, чтобы обыскали этого господина, выдавашаго себя ложно за агента сыскной полиціи: не найдется-ли у него бумагъ убитаго нѣмца?

— Раздѣньте его! воскликнулъ долговязый чулочникъ;—содрать съ него лохмотья, если онъ не согласится добровольно дать обыскать себя!

---

*) Въ Соединенныхъ Штатахъ обязанность вѣшать осужденныхъ лежитъ на шерифѣ, но, конечно, вѣшаетъ палачъ, гдѣ онъ есть, а шерифъ только присутствуетъ при исполненіи приговора.

— Джентльмены! вскричалъ Смитъ, едва выговаривая слова отъ страха, — это недостойная клевета! Я человѣкъ честный, многіе изъ джентльменовъ, присутствующихъ здѣсь, давно уже знаютъ меня... Вонъ этотъ джентльменъ можетъ поручиться за меня...

И онъ указалъ на Вольфа, котораго его испуганный взоръ случайно встрѣтилъ въ толпѣ.

— Кто, кто? закричали со всѣхъ сторонъ. — Недурно познакомиться съ вашимъ пріятелемъ. Что вы знаете про этого господина?

— Очень мало, улыбнулся Вольфъ, — развѣ только то, что онъ нѣсколько времени тому назадъ улизнулъ отъ насъ изъ дома, который со всѣхъ сторонъ окружили индѣйцы, да еще вчера, когда я, по желанію одного чиновника, назвалъ его тихо именемъ извѣстнаго тому лицу мошенника, онъ откленинулся на это имя.

— Это низкая ложь, закричалъ Смитъ, — тотъ господинъ...

Дальше ему не дали продолжать. Тѣ, которые стояли ближе, бросились на него и въ минуту связали ему руки за спину, а еще черезъ нѣсколько минутъ карманы его были выворочены; оказалось, что вокругъ тѣла у него былъ обвязанъ свертокъ съ банковыми билетами и, кромѣ того, при немъ нашли пакетъ съ ассигнаціями.

— Пойдите, джентльмены! вскричалъ шерифъ, — не найдутся ли у него цѣнныя бумаги съ слѣдующими номерами?

И онъ началъ выкрикивать номера.

— 12, 114...

Въ минуту наступила тишина; всѣ тѣснились, чтобы посмотреть поближе.

— Вотъ онъ! крикнулъ вдругъ одинъ голосъ.

— 21, 209...

— И этотъ здѣсь! раздался чей-то другой радостный голосъ.

— А вотъ и часы, которые были надѣты на несчастномъ въ то утро, когда онъ отправился на поиски своего мужа, заявилъ нѣмецъ; — я хоть сейчасъ готовъ присягнуть, что эти часы принадлежали убитому.

— Наконецъ, вотъ здѣсь, не лезвѣ ножа, еще видна запекшаяся кровь, сказалъ Тирель. — По всей вѣроятности, это тотъ самый маленькій ножъ, которымъ былъ оскальпированъ несчастный.

Волненіе сдѣлалось ужаснымъ. Все кричало и галдѣло и богъ-знаетъ сколько времени продолжался-бы еще весь этотъ гамъ,

если-бы его не прервалъ внезапно раздавшійся громкій крикъ. Дѣло въ томъ, что одинъ изъ шулеровъ, воспользовавшись тѣмъ, что всѣ столпились около Смита, попытался разрѣзать острымъ ножомъ ручныя кандалы подсудимаго, чтобы дать ему возможность подъ шумокъ убѣжать. Но конвой изъ рабочихъ не выпускалъ преступника изъ виду, и ударъ ружейнымъ прикладомъ пришелся такъ плотно къ затылку непрошеннаго избавителя, что онъ тотчасъ-же полетѣлъ на землю съ жалобнымъ крикомъ.

— Обоихъ на дерево! кричали со всѣхъ сторонъ.

— Джентльмены! вскричалъ судья, всекакивая на скамью. — Это не годится. Мы обязаны придерживаться закона; нужно назначить новый составъ присяжныхъ для этого дѣла.

— Чортъ васъ подери, судей! кричали теперь уже не одни только работники, а также и часть обитателей Смитфильда. — Что за длинныя церемоніи съ негодяемъ! На дерево обоихъ мерзавцевъ, на дерево!

Но имъ суждено было встрѣтить еще одно препятствіе.

— Джентльмены, закричалъ Тирель, который поставилъ поперекъ входа скамью, влѣзъ на нее и оттуда махалъ въ воздухъ какою-то бумагой. — Не угодно-ли вамъ будетъ выслушать меня одну минуту?

— Что ему нужно? Что тамъ такое? Очистить дорогу? ревѣли другіе. — Вы можете разглагольствовать потомъ, а теперь никакія слова не помогутъ!

— Джентльмены! еще громче кричалъ Тирель, не думая трогаться съ мѣста. — Я ссылаюсь на свидѣтельство нашего судьи и шерифа, которымъ я уже давно показалъ свои бумаги. Я агентъ сысканой полиціи изъ Нью-Орлеана и...

— Еще агентъ? запищалъ въ толпѣ чей-то тоненькій голосъ. — Вѣшайте скорѣй молодчика заодно, а то, пожалуй, еще убѣжить.

Толпа съ громкими „ура“ ринулась къ выходу, опрокинула скамью и бросилась на Тиреля, который только благодаря происшедшему смятенію избѣжалъ болѣе грубыхъ и серьезныхъ оскорбленій. Больтовъ и Вольфъ, съ помощью судьи, насилу вытащили его изъ взволнованной и разъяренной толпы, такъ-какъ нѣкоторымъ, дѣйствительно, пришло въ голову, что онъ принадлежитъ къ „шайкѣ“, и теперь они хотѣли раздѣлаться со всѣми за-разъ.

Нечего было и думать теперь о томъ, чтобы сдержать народъ. Судья попытался было еще разъ избавить м-ра Смита отъ казни. Болтонъ, извѣстный за человѣка энергичнаго и храбраго, на котораго не могла пасть ни малѣйшая тѣнь подозрѣнія, ручался всѣмъ своимъ имуществомъ, что преступникъ не избѣжитъ наказанія, — все было напрасно. Рабочіе, число которыхъ все увеличивалось, были глубоко возмущены скальпированіемъ. Теперь оба убійцы были въ ихъ власти и они не желали ни одного изъ нихъ выпустить изъ своихъ рукъ.

Смитфильдъ, какъ мы уже говорили, выстроился на окраинѣ широкой лѣсной полосы, за которой начиналась далеко разстилавшаяся равнина; первые поселенцы порѣшили не вырубать старыхъ дубовъ и оставить рощу въ ея первобытномъ видѣ. На самомъ углу улицы находился небольшой участокъ земли, на которомъ какой-то янки выстроилъ гостиницу; туда направилась теперь печальная процессія. Одинъ тащилъ пару веревокъ, другой сальную свѣчу, которою ихъ натирали по дорогѣ. Смитъ отчаянно отбивался, но порывы безсильной ярости ни къ чему не послужили: докты его были слишкомъ крѣпко связаны за спиной, такъ что онъ не могъ пошевелить ими и только однѣ ноги оставались свободными... Подталкиваемые ежеминутно впередъ безжалостной толпой, двигались оба приговоренные къ своему лобному мѣсту.

— Джентльмены, вскричалъ съдой старикъ, когда одинъ конецъ веревки былъ уже привязанъ къ довольно низкой и крѣпкой вѣтви, — Бога ради, дайте несчастнымъ столько времени, чтобы они успѣли подумать о Богѣ и сотворить краткую молитву.

— Пусть ихъ молятся, только не дольше того времени, сколько они обыкновенно до сихъ поръ употребляли на молитву, сказалъ одинъ изъ рабочихъ. — Теперь все готово. Крѣпко, Билль? Бросай сюда другой конецъ, мы ихъ сейчасъ вздернемъ.

— Подождите, джентльмены! еле дыша завопилъ какой-то господинъ, только-что прибѣжавшій на мѣсто казни съ огромнымъ ящикомъ и стаканомъ, въ сопровожденіи молодого человѣка, слѣдовавшаго за нимъ съ другимъ ящикомъ. — Подождите только одну минуту!

— Должно быть кого-нибудь сильно разбираетъ охота быть повѣшеннымъ заодно съ этими мерзавцами! крикнулъ одинъ изъ

окружающихъ. — Будь я проклять, если не вздерну собственноручно перваго, кто еще супется помѣшать намъ. Бончай, ребята, мы и то ужъ долго промѣшкали!

— Да вѣдь я фотографъ и хочу только снять группу! Подождите, пока я выберу подходящее мѣсто, и когда молодчики будутъ висѣть, я попрошу васъ одну только минуту стоять спокойноѣ. Вотъ и все.

Публика такъ и заржала отъ удовольствія при этомъ предложеніи, которому, впрочемъ, нельзя было отказать въ извѣстной долѣ юмора. Народъ зналъ, что человѣкъ этотъ можетъ зашибить порядочную деньгу своими карточками, да къ тому-же каждый не прочь былъ имѣть у себя одну изъ нихъ. Несчастныхъ помѣстили подъ деревомъ; первый изъ осужденныхъ добровольно покорился своей участи, за то Смитъ, доведенный почти до бѣшенства такимъ поруганіемъ, бросался на своихъ конвойныхъ съ такою яростью, что тѣ насилу могли сдержать его. Нечего было и думать снять фотографію при подобныхъ обстоятельствахъ. Фотографъ былъ въ отчаяніи, но народъ началъ терять терпѣніе.

— Чортъ съ ними! слышалось со всѣхъ сторонъ. — Мы и безъ того уже на 12 часовъ опоздали въ С.-Франциско.

Снова борьба и затѣмъ дикій крикъ; двадцать-тридцать человѣкъ бросилось за-разъ къ веревкѣ, и съ быстротою молніи взлетѣли на воздухъ тяжелыя, изгибающіяся и раскачивающіяся тѣла. Черезъ нѣсколько минутъ все было кончено и фотографъ могъ теперь спокойно погрузиться въ сниманіе фотографіи съ труповъ.

Тирель былъ вѣ себя, что его добыча такъ легко выскользнула у него изъ рукъ. Для него не имѣло никакого значенія то обстоятельство, что негодай былъ казненъ, такъ-какъ черезъ это онъ лишался чести самому выслѣдить его и выдать суду въ Нью-Орлеанѣ.

Онъ совсѣмъ уже приготовился, чтобы съ первымъ поѣздомъ, везшимъ шпалы и рельсы, отправиться въ Сен-Луи, а оттуда въ Нью-Орлеанъ, и только ожидалъ, когда будутъ готовы фотографіи, которыя могли служить единственнымъ доказательствомъ, что онъ не потерялъ здѣсь даромъ времени.

— Когда вы ѣдете, Тирель? спросилъ его Вольфъ, когда она виѣстѣ вышли на главную улицу.

— Завтра утромъ; раньше я не получу фотографической карточки. Не ѣдете-ли вы вмѣстѣ со мной? А я думалъ, что вы намѣрены здѣсь прожить еще съ мѣсяцъ и болѣе.

— Теперь прошла всякая охота, сказала Вольфъ, покачавъ головой; — я искалъ дикой, а не беспорядочной жизни, а здѣшняя жизнь хуже, чѣмъ беспорядочна, — она омерзительна. Нѣтъ, рука моя теперь поправляется, и Болтонъ спрашивалъ меня сегодня, не продамъ-ли я ему свою лошадь. Я не сомнѣваюсь, что здѣсь можно сколотить копейку, но только тѣмъ, кто въ состояніи выносить жизнь среди этого народа, я-же на это не способенъ; вотъ почему я и ѣду вмѣстѣ съ вами завтра утромъ.

XI.

ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

На любенштейнскоѣ фермѣ, близъ Донерсвилля, какъ все еще называлось это мѣсто, справлялся маленькій семейный праздникъ — обрученіе младшей сестры Георга Доннера, Катерины, съ молодымъ докторомъ Гельдорномъ, изъ Донерсвилля.

Гельдорнъ показалъ себя такимъ искуснымъ врачомъ, что пріобрѣлъ популярность не только въ самомъ Донерсвиллѣ, но и во всей окрестности; всѣ полюбили его и обращались къ нему за помощью. Сочувствіе, встрѣченное имъ со стороны здѣшней публики, побудило Гельдорна избрать Донерсвилль своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ. Но, говорятъ, всякій докторъ непременно долженъ быть женатымъ, если желаетъ пользоваться довѣріемъ другихъ женщинъ; Гельдорнъ, желая послѣдовать этому правилу, обратилъ вниманіе на дочь стараго пастора Доннера. Катерина, какъ и всѣ въ семействѣ Доннера, скоро любила его. Оба молодые люди почувствовали взаимное влеченіе, и когда докторъ, получивъ согласіе отъ Катерины, попросилъ ея руки, старикъ обнялъ его со слезами на глазахъ.

Въ то время, какъ на крайнемъ западѣ положеніе дѣлъ было, пожалуй, даже хуже, чѣмъ среди дикихъ и грубыхъ индѣйскихъ племенъ, когда на югѣ бродили еще элементы возмущенія, стоншаго странъ сотенъ тысячъ человѣческихъ жизней, — здѣсь, въ

Любенштейнъ, царствовали миръ и покой, счастье, благосостояніе и безопасность; при производительномъ трудѣ, щедро вознаграждавшемъ рабочаго, общество забыло даже думать, что существуютъ на свѣтѣ преступленія.

Здѣсь, на сѣверѣ, была зима съ довольно суровыми морозами, но нѣмцы не усвоили себѣ достойной сожалѣнія привычки американцевъ, которые, имѣя только каминныя и истребляя при этомъ массу дровъ, не умѣютъ натопить комнаты. Во всѣхъ комнатахъ любенштейнской фермы были хорошія печи, всѣ части дома нагрѣвались равномерно и въ одно время. Тепло и уютно было въ большой залѣ, гдѣ собралось сегодня дружеское общество. Какое счастливое выраженіе сіяло на лицахъ обоихъ старцевъ, пастора Доннера и профессора Любенштейна, радующихся счастьемъ своихъ дѣтей.

И что за пестрый, роскошный вѣнокъ собрался вокругъ нихъ и оживилъ эту огромную комнату, въ которой копошились дѣти и внуки и мелькали прелестныя женскія образы.

Но между этими счастливыми лицами было одно существо, на лицѣ котораго выражались горечь и страданіе; оно не принимало участія въ общей радости и весельѣ.

Елена Бергеръ, падчерица г-жи фон-Пасседовъ, встрѣтившая радушный приемъ въ семействѣ Кельмана, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ стала любимицей всей фермы, въ особенности дѣтей Кельмана и Доннера; Елена дѣлала все, что, по ея мнѣнію, могло быть пріятно малюткамъ, и тѣ, въ свою очередь, употребляли всѣ усилія, чтобы вызвать улыбку на ея страдающемъ лицѣ. Къ сожалѣнію, это было невозможно. Съ дѣтьми Елена была очень добра и ласкова. Скоро она принялась за хозяйство, которое всегда было ей по душѣ, и стала оказывать такую существенную помощь, въ особенности г-жѣ Кельманъ, что самъ Кельманъ, бывая у Росвейна въ Доннерсвилѣ, не находилъ словъ, чтобы расхвалить Елену, какъ ее просто называли въ домѣ Кельмановъ, по собственному ея желанію. Добрые люди, однакожь, желали-бы видѣть ее повеселѣе. Ужасное прошедшее, о которомъ она ни слова не говорила, слишкомъ еще сильно тяготѣло на бѣдняжкѣ, въ тому-же характеръ ея былъ слишкомъ серьезенъ, чтобы она могла такъ скоро и легкомысленно забыть прежнія страданія. Елена, видимо, считала себя обязанной Кельманамъ, хотя за ихъ го-

степрїимство она съ лихвой отплачивала имъ своими заботами о ихъ хозяйствѣ. Анна Кельманъ, съ дѣтства воспитанная слишкомъ нѣжно и обязанная заботиться о четырехъ дѣтяхъ, слишкомъ уставала и ей необходима была помощница, но врядъ-ли она могла желать себѣ лучшей и болѣе симпатичной помощницы, какъ Елена.

Вскорѣ старикъ фон-Пасседовъ узналъ о мѣстопребываніи своей дочери и явился туда, чтобы еще разъ попытаться вернуть ее домой. Она отказала ему съ такой ледяной холодностью и такъ рѣшительно объявила ему, что она охотнѣе согласится занять должность служанки, чѣмъ снова переступить порогъ его дома, причемъ сдѣлала нѣсколько такихъ мрачныхъ и угрожающихъ намековъ на прошлое, что пораженный Пасседовъ поспѣшилъ поскорѣе убраться домой и съ тѣхъ поръ уже ни разу не возобновлялъ своей попытки. Онъ самъ сдѣлалъ свой выборъ, самъ и долженъ былъ выносить его послѣдствія.

Кельманъ, по желанію Елены, обратился отъ ея имени къ фон-Пасседову съ требованіемъ возвратитъ ей имущество, оставшееся послѣ ея матери, но безъ всякаго успѣха. По всей вѣроятности, баронъ растратилъ его, но могло быть и такъ, что это имущество захватила его жирная жена и не желала выпускать изъ своихъ рукъ.

Росвейнъ давно уже совѣтовалъ Кельману начать искъ противъ Пасседова; но трудно было рассчитывать на выигрышъ его, потому что въ рукахъ Елены не было требуемыхъ закономъ доказательствъ. Сама Елена, въ виду ничтожныхъ шансовъ на успѣхъ, энергически протестовала противъ процесса. По ея словамъ, она была еще молода и сильна и сама могла зарабатывать свой хлѣбъ.

Послѣдніе полчаса Елена была очень занята: она накрывала большой столъ, въ чемъ ей помогали Марія Доннеръ и Катерина, а Георгъ, вмѣстѣ въ братомъ, въ это время вносилъ со двора вино; по всему было видно, что скоро сядутъ за столъ.

— Скажи, пожалуйста, Георгъ, сказала Марія, когда онъ вошелъ въ комнату, — что это сегодня запропалъ Росвейнъ? Теперь уже четверть перваго и мы могли-бы сѣсть за столъ, если-бы онъ былъ здѣсь.

— Да не забыли-ли позвать его?

— Я самъ пригласилъ его, сказалъ Гельдорнъ,—и онъ обѣщаль быть непремѣнно и не опоздать ни на одну минуту. Можетъ быть, его что-нибудь задержало, иначе онъ навѣрно былъ-бы уже здѣсь. Впрочемъ, у него не можетъ быть никакой работы, такъ-какъ со вчерашняго дня онъ навсегда закрылъ свою цирюльню, чтобы совершенно посвятить себя постройкѣ завода, который уже начатъ. Рядомъ съ нимъ онъ строитъ прелестный маленькій домикъ, на берегу ручья. Мѣстность тамъ великолѣпная и лежитъ въ разстояніи какихъ-нибудь десяти минутъ отъ желѣзной дороги.

— Такъ онъ въ самомъ дѣлѣ передалъ свою цирюльню? Онъ давно уже поговаривалъ объ этомъ.

— Да. Я никакъ не могу себя объяснить, что побудило его приняться здѣсь за ремесло цирюльника.

— Вы знали Росвейна въ Германіи?

— Какъ-же, зналъ. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ и популярнѣйшихъ врачей въ Саксоніи.

— Скажите, пожалуйста, мнѣ и въ голову этого не приходило, сказалъ Доннеръ, тихо покачавъ головою;—мы ничѣмъ не могли заставить его практиковать здѣсь; онъ даже изъ себя выходилъ, когда его называли докторомъ.

— Лѣтъ шесть или семь тому назадъ Росвейнъ, въ то время весьма достаточный человѣкъ, женился на дочери одного богатаго помѣщика; онъ имѣлъ тогда въ Х. такую практику, что едва справлялся съ нею. Жена его, симпатичнѣйшее существо, какое я когда-либо видѣлъ, послѣ первыхъ родовъ захворала горячкою и умерла вмѣстѣ съ ребенкомъ. Тотчасъ-же онъ бросилъ всю практику и черезъ мѣсяцъ уже покинулъ городъ, не сказавъ никому, куда онъ ѣдетъ. Онъ исчезъ внезапно и никто не слыхалъ болѣе о немъ ни слова, какъ вдругъ я, къ величайшему моему удивленію, встрѣчаю его въ Донерсвилѣ практикующимъ ремесло цирюльника.

— А какъ хорошо онъ отдѣлалъ Гюклера! улыбнулся Георгъ Доннеръ.

— Великолѣпно! воскликнулъ Гельдорнъ. — До сихъ поръ я не зналъ, что Росвейнъ такой отличный портретистъ. Вы видѣли портретъ?

— Конечно, и даже часто. Сходство поразительное.

— Знаете-ли, этотъ Гюклеръ причинилъ много вреда въ До-нерсвилѣ; напримѣръ, двухъ изъ моихъ теперешнихъ пациентовъ, совершенно здоровыхъ, онъ такъ напичкалъ каломелемъ, что че-резъ нѣсколько лѣтъ у нихъ навѣрно окажутся дурныя послѣд-ствія. Я изслѣдовалъ одного изъ его больныхъ и удивляюсь, какъ только могла вынести человѣческая натура такую дозу ртути.

— Откуда Гюклеръ родомъ?

— Никто не знаетъ этого. Въ послѣднее время онъ связался съ однимъ янки, агентомъ по части вербовки эмигрантовъ на югъ. Можетъ быть, ему мы обязаны, что Гюклеръ уѣхалъ на югъ. Мы всѣ рады, что избавились отъ него; это былъ одинъ изъ тѣхъ нѣмецко-американскихъ вырожденцевъ, которые стыдятся своего происхожденія и разыгрываютъ роль настоящихъ американцевъ. жена его также надменное и чрезвычайно занятое собою созданіе. Она два раза настойчиво приставала къ мужу, и еще при посто-роннихъ, чтобы онъ отправился къ Росвейну и до тѣхъ поръ ко-лотилъ его, пока онъ не замажетъ своей вывѣски. Гюклеръ, однакожь, поостерегся, зная, что Росвейнъ самъ не прочь сдѣ-лать съ нимъ то-же самое. Послѣ этого леди съ яростью заяви-ла, что ея мужъ трусъ и глупое животное, чего онъ, конечно, не могъ отрицать; супруги уложили свое тряпье, вмѣстѣ съ ске-летомъ и всѣми прочими атрибутами своего великолѣпія и выбра-лись отсюда.

Въ это время Елена, сидѣвшая съ ребенкомъ на колѣняхъ у окна, около котораго разговаривали Георгъ съ Гельдорномъ, взгля-нула на садовую калитку и сказала спокойно:

— Идетъ г. Росвейнъ съ какимъ-то постороннимъ мужчиной.

Бельманъ подошелъ къ окну и, взглянувъ въ садъ, восклик-нулъ:

— Ледерманъ! Ей-богу, онъ!

— Ледерманъ? спросилъ Георгъ Доннеръ.— Кто это?

— Ахъ, забылъ, Фортманъ хотѣлъ я сказать,—изъ Ковинг-тона, старинный мой пріятель, съ которымъ я сошелся еще въ Германіи. Онъ давно уже обѣщалъ навѣстить меня. Это очень кстати сегодня; Росвейнъ отлично сдѣлалъ, что привелъ его съ собою. Теперь можно и не бранить его за то, что онъ опоздалъ къ обѣду.

— Дядя Росвейнъ! закричали дѣти и въ мигъ бросились всѣ

въ дверямъ.—Ура! дядя Росвейнъ пришелъ! Ну, поиграй-же съ нами немножко, да иди-же, входи сюда, дядюшка!

— Пойдите! остановила ихъ Марія Доннеръ, какъ хозяйка,— теперь мы будемъ обѣдать. Росвейнъ, мы подумали, что вы со-всѣмъ не придете сегодня.

— Я заставилъ васъ долго ждать себя, сказалъ Росвейнъ, протягивая ей руку, которую она съ улыбкою пожала, — но не сердитесь на меня. Дѣло въ томъ, что какъ только этотъ шепетильный господинъ, котораго я привелъ теперь съ собою, узналъ, что сегодня у васъ семейный праздникъ, неизвѣстно съ чего забралъ себѣ въ голову, что ему нельзя показаться сюда безъ лайковыхъ перчатокъ. Увѣряю васъ, я не шучу. Въ поискахъ за ними мы, натурально, потеряли очень много драгоценнаго времени.

Всѣ члены семейства начали здороваться съ Росвейномъ и, казалось, рукопожатіямъ не будетъ конца. Въ то же время Кельманъ, радушно привѣтствовавшій своего друга Фортмана, представлялъ его порознь каждому члену семейства. Никто изъ присутствовавшихъ не зналъ его, потому что хотя семейство Любештейновъ и встрѣчалось прежде въ Гейлингенѣ съ актуариусомъ Ледерманомъ, но никогда не было коротко съ нимъ знакомо и потому весьма легко могло забыть его.

— Милѣйшая фрейленъ, говорилъ Росвейнъ, горячо пожимая руку Еленѣ Бергеръ,—очень радъ васъ видѣть. Но что-же это вы до сихъ поръ выглядите очень грустно? Пора-бы вамъ и повеселѣть. Вы здѣсь между превосходными людьми, которые всѣ желаютъ вамъ добра. Говорю вамъ, бросьте всѣ эти мрачныя мысли и воспоминанія.

— Да, мнѣ хорошо среди этихъ добрыхъ людей, сказала Елена своимъ глубокимъ, звучнымъ голосомъ, — но все-таки я для нихъ чужая и, сказать по правдѣ, меня больше стѣсняетъ, чѣмъ радуетъ эта любовь и ласки, которыми меня со всѣхъ сторонъ осыпаютъ.

— И въ этомъ вы тоже совершенно неправы, отвѣчала Росвейнъ, съ сердечнымъ участіемъ глядя ей въ глаза. Вообще въ разговорѣ съ нею онъ всегда бросалъ свой обычный, саркастическій и часто даже горькій тонъ.—Здѣсь, въ Америкѣ, мы со-всѣмъ не тотъ народъ, что на родинѣ. Мы измѣнились не только

физически, но и нравственно; мы оставили за морем старье, тщеславные предрасудки нашей родины. Мы стали здѣсь людьми въ полномъ значеніи этого слова, сознающими необходимость равноправности для всѣхъ, кто только работает; въ насъ пробудилось то, что многимъ изъ насъ на родинѣ извѣстно только по имени: чувство собственного достоинства. Здѣсь простой работникъ, если только онъ человѣкъ прямой и честный, одинаково цѣнится съ тѣмъ, кто даетъ ему работу; онъ исполняетъ свое дѣло—это все, что отъ него требуютъ и всегда будутъ требовать.

— Кушать, кушать! закричала вдругъ вся ватага ребятъ.

— Господа, выбирайте себѣ дамъ! пригласилъ Георгъ, и Росвейнъ, безъ дальнихъ околичностей, подаль руку Еленѣ.

Молодая дѣвушка робко осмотрѣлась вокругъ, но Росвейнъ уже взялъ ея руку, спокойно продѣлъ ее въ свою и направился къ столу.

Радостная, беззаботная жизнь кипѣла за столомъ; всѣ смѣялись, дурачились и отъ всего сердца предлагали тосты,—сначала за обрученныхъ, какъ это само собою разумѣется, потомъ за новорожденнаго г-жи Кельманъ, за обоихъ патриарховъ, пастора Доннера и профессора Любенштейна, затѣмъ предложенный Гельдорномъ тостъ „за погибель холостяковъ“, и множество другихъ, какіе только приходили въ голову.

Какъ только умолкъ звонъ стакановъ, поднялся Росвейнъ и произнесъ самымъ серьезнымъ тономъ:

— Для меня не существуетъ ничего на свѣтѣ ненавистнѣе ренегата. Не успѣлъ еще этотъ молодой человѣкъ—(онъ указалъ на Гельдорна)—сдѣлать какихъ-нибудь полшага по дорогѣ къ браку и въ сторону отъ холостой жизни, въ которой, между прочимъ, онъ отлично себя чувствовалъ до сихъ поръ...

— Я отрицаю это! воскликнулъ Гельдорнъ.

— Какъ уже нападаетъ на нее, спокойно продолжалъ Росвейнъ,—и злословить ея единственныхъ представителей, сидящихъ здѣсь за столомъ, хотя оба они не холостяки, а вдовцы. Впрочемъ, я попрошу его объяснить намъ, кто собственно виноватъ въ томъ, что мы до сихъ поръ остаемся холостяками: мы или дамы? Какъ-будто у насъ вовсе нѣтъ прекраснаго намѣренія исправиться въ этомъ отношеніи, и, можетъ быть, только одни ка-

ка-нибудь несчастныя обстоятельства или врожденная робость мѣшаютъ намъ сдѣлать подобный шагъ?

— А вы робки, Росвейнъ? спросилъ его Георгъ, улыбаясь.

— Для того, чтобы вы не подумали этого, свазалъ Росвейнъ самымъ серьезнымъ тономъ, — я попрошу васъ спросить каждую изъ этихъ дамъ по одиночѣ, не пожелаетъ-ли которая-нибудь изъ нихъ выйти за меня замужъ, и вы увидите, съ какою готовностью я предложу имъ себя.

Въ началѣ этой рѣчи молодыя дамы и дѣвушки только посмѣивались и даже на губахъ Елены заиграла легкая улыбка; но теперь однѣ только дамы сохранили свое веселое настроеніе, дѣвушки-же, между которыми было не мало подругъ Катерины, вдругъ покраснѣли и притихли.

— Ого, любезныя фрейлентъ, вскричалъ Гельдорнъ, — это просто вызовъ! Васъ приглашаютъ къ подачѣ голосовъ!

— Я тоже могу подавать голосъ вмѣстѣ съ другими? лубаво спросила Катерина.

— Ну, нѣтъ! замѣтилъ молодой докторъ, — я буду протестовать противъ этого.

— Не говорилъ-ли я вамъ, что вина не наша! сказалъ Росвейнъ. — Здѣсь есть одна дама, которая, кажется, расположена ко мнѣ, но не въ силахъ выказать своихъ чувствъ. И неужели и послѣ этого докторъ не переставетъ упрекать насъ?

— Такъ попытайте сами ваше счастье, Росвейнъ! воскликнулъ Георгъ — (тонкое вино всѣхъ ихъ немного отуманило) — и спросите всѣхъ дамъ, каждую порознь. Мы поддержимъ ваше сватовство.

Росвейнъ сильно покраснѣлъ; онъ вѣрно стиснулъ губы и въ глазахъ его заблесталъ совершенно особый огонь.

— Хорошо, сказалъ онъ вдругъ, — я ловлю васъ на словѣ и начну прямо съ моей сосѣдки. Итакъ, милая Елена, здѣсь передъ вами бѣдный человекъ, одинокій въ цѣломъ свѣтѣ...

— Вамъ не слѣдовало-бы обращаться ко мнѣ съ подобными шутками, г. Росвейнъ! воскликнула Елена; кровь вдругъ бросилась ей въ лицо и залила его вплоть до самыхъ висковъ и затѣивъ также быстро отхлынула прочь.

— Я никогда не осмѣлился-бы на подобную шутку въ отношеніи васъ, Елена, продолжалъ Росвейнъ спокойно, — это горькая

и святая истина. Вы не можете упрекнуть меня, что я секретно коснулся этого предмета. Нѣтъ, я спрашиваю васъ, дорогой нашъ другъ, передъ всѣми этими гостями: можете-ли вы довѣриться мнѣ и вѣрите-ли, что я могу сдѣлать васъ счастливой и вызвать вновь улыбку на ваше лицо?

Въ залѣ наступило мертвое молчаніе; молодая дѣвушка едва осмѣливалась дышать и самъ Георгъ Доннеръ съ изумленіемъ смотрѣлъ на своего друга. Это ужъ не было похоже на шутку; она была-бы теперь отвратительна и недостойна честнаго человѣка и прямодушный Росвейнъ не былъ способенъ на нее.

Елена вдругъ встала изъ-за стола и хотѣла уйти изъ комнаты, но Росвейнъ схватилъ ее за руку и сказалъ горячо:

— Я не прошу у васъ теперь никакого отвѣта; поговорите сперва съ г-жей Кельманъ или съ кѣмъ-нибудь другимъ изъ вашихъ друзей, а я приду за отвѣтомъ завтра.

Молодая дѣвушка освободила свою руку и съ пылающимъ лицомъ вышла изъ комнаты.

— Росвейнъ, неужели вы это серьезно? спросилъ Гельдорнъ, какъ только затворилась дверь за Еленой.

Росвейнъ спокойно, почти укоризненно взглянулъ на него, хотя на губахъ его замелькала прежняя улыбка, и затѣмъ сказалъ, обращаясь къ остальной молодежи:

— Сударьни, вы должны извинить меня на сегодняшній день, но, натурально, я не могу продолжать своего сватовства, пока не получу положительнаго отвѣта отъ фрейленъ Бергеръ. Докторъ Гельдорнъ долженъ теперь засвидѣтельствовать, что я не преминуть воспользоваться его предложеніемъ.

— Правда, правда, вскричалъ Гельдорнъ, который все еще не могъ придти въ себя отъ изумленія.—Но вы до смерти напугали бѣдную дѣвушку.

— Неужели я, въ самомъ дѣлѣ, такъ страшень? сказалъ Росвейнъ, все еще усмѣхаясь, но такимъ трогательнымъ голосомъ, что у молодой г-жи Доннеръ, вообще слишкомъ чувствительной, на глазахъ выступили слезы. Какъ только Елена вышла изъ залы, Анна Кельманъ быстро встала и послѣшила за ней; самъ Кельманъ также поднялся. Вѣдь бѣдное юное созданіе могло, въ самомъ дѣлѣ, принять все за шутку и глубоко оскорбиться ею.

— Росвейнъ, сказалъ Кельманъ, схватывая его за руку, —

если это правда и ваше намѣреніе серьезно, то никто не будетъ радоваться этому больше насъ съ женой.

— А неужели вы повѣрили-бы, Кельманъ, что я могу сказать ей хоть одно слово неправды?

— Bravo! воскликнулъ Кельманъ и, пожавъ ему руку, побѣждалъ какъ можно скорѣе къ женѣ.

Этимъ былъ поданъ знакъ выйти изъ-за стола, не дождавшисъ десерта. Даже дѣвицы и тѣ забыли о немъ.

— Скажите, ради Бога, Росвейнъ, какимъ образомъ вы вдругъ рѣшились на такой подвигъ? Вино, что-ли, бросилось вамъ въ голову? воскликнулъ Георгъ Доннеръ, когда дамы вышли изъ залы (само-собою разумѣется, имъ хотѣлось узнать, что дѣлается съ Еленой). — Вы дѣйствительно любите Елену? Вѣроятно, это уже довольно старая любовь, не такъ-ли?

Росвейнъ тихо засмѣялся, прежній юморъ снова возвратился къ нему.

— Любовь? спросилъ онъ: — а развѣ она не стоитъ любви?

— Конечно, стоитъ, отвѣчалъ Георгъ, — и я твердо убѣжденъ, что она, пройдя черезъ тяжелую школу страданія, будетъ образцовой женой.

— Любезный Доннеръ, сказалъ Фортманъ, качая головой, — сохрани меня Боже сказать хоть что-нибудь противъ этой молодой особы; напротивъ, меня живо интересуеть все, что касается Елены Бергеръ, — но въ дѣлѣ брака не всегда бываетъ достаточно одной только школы страданія. Я зналъ одну барыню, которую мужъ буквально вывелъ изъ ничтожества, и она, выйдя замужъ, сдѣлалась до того вздорной, тщеславной и высокоумѣрной, до того нахальной въ своихъ претензіяхъ, что, наконецъ, довела мужа до отчаянія и сдѣлала изъ него несчастнаго человека.

— Можетъ быть! замѣтилъ Росвейнъ; — но я вполне полагаюсь на свою Елену.

— Вы серьезно любите ее?

— Люблю-ли? почти весело воскликнулъ Росвейнъ и при этомъ глаза его какъ-то заискрились: — я отдалъ-бы за нее всю свою жизнь, если-бы я даже прожилъ на свѣтѣ такъ долго, какъ Плутархъ. Вообще, господа, я намѣренъ воспользоваться прихѣромъ древнихъ римлянъ, прибавилъ онъ, — такъ-какъ мы всегда

можемъ найти въ древней римской исторіи отличные примѣры на всё перипетіи нашей современной жизни.

— Какимъ примѣромъ? спросилъ Гельдорнъ.

— Вы помните, докторъ, что сдѣлали римляне послѣ похищенія сабинянокъ?

— Ну, я ничего не знаю, кромѣ самаго факта похищенія. Они привезли ихъ въ Римъ и сдѣлали своими женами?

— Да, но при этомъ отослали назадъ всѣхъ тецъ, гуртомъ. Точно такъ-же поступлю и я. Дочь — настоящій ангелъ, но ея мачиха — сушій дьяволъ; если этотъ старый осель, баронъ фон-Пасседовъ, хоть разъ сунется ко мнѣ на порогъ, я свяжу ему руки за спиной, намылю его, а потомъ отдамъ на потѣху моимъ подмастерьямъ. — Но однако, господа, вы извините меня на сегодняшній день: прежде всего мнѣ нужно еще поговорить съ г-жею Кельманъ объ одномъ очень важномъ дѣлѣ; а потомъ я вернусь въ Донерсвилъ, потому что сегодня не хотѣлъ-бы болѣе встрѣчаться съ Еленой.

— Но вы должны выпить съ нами кофе.

Росвейнъ отрицательно покачалъ головою.

— Сегодня нѣтъ; я вотъ только закурю сигару, во-первыхъ, для того, чтобы хоть что-нибудь дѣлать, а во-вторыхъ, чтобы удержать барынь на приличной отъ себя дистанціи, иначе онѣ всѣ теперь навинутся на меня. Удивляюсь, какъ онѣ еще не сдѣлали этого до сихъ поръ. А вонъ и г-жа Кельманъ! Прощайте, Доннеръ, завтра утромъ я приду за отвѣтомъ.

Онъ быстро вышелъ за дверь и на дворѣ какъ-разъ наткнулся на г-жу Кельманъ.

— Послушайте, милѣйшій Росвейнъ, сказала ему молодая женщина полумягкимъ, полупрекающимъ тономъ, — что вы надѣлали! Никто не знаетъ...

— Добрѣйшая г-жа Кельманъ, прервалъ ее Росвейнъ, безъ церемоніи беря ее подъ руку и направляясь въ садъ, — прежде всего я долженъ сказать слова два вамъ однимъ, — постойте, тамъ, кажется, идетъ вашъ мужъ, ну мы и его тоже можемъ взять съ собою. Кельманъ, пожалуйста-ка сюда! Ну-съ, во-первыхъ: сердится на меня Елена?

— Она сидитъ въ своей комнатѣ и заливается горячими слезами, сказала молодая женщина.

— Ничего, замѣтилъ Росвейнъ,—это хорошій знакъ.

— Росвейнъ, вы точно перемѣнились!

— Это правда, согласился экс-цирюльникъ.—Для объясненія этого я долженъ сообщить вамъ разрѣшеніе загадки, т. е. рассказать хотя вкратцѣ мою прежнюю исторію. Въ Германіи я былъ врачомъ и мои пациенты, ничего несмыслившіе въ медицинѣ, цѣнили меня очень высоко. Тогда я былъ еще молодъ и обладалъ значительнымъ состояніемъ. У одного изъ моихъ друзей была сестра; мы полюбили другъ друга и я женился на ней; черезъ годъ я ее отравилъ.

При этихъ словахъ глубокой вздохъ вырвался изъ его груди и лицо сдѣлалось еще серьезнѣе.

— Росвейнъ! съ ужасомъ вскрикнула Анна Кельманъ и самъ Кельманъ со страхомъ взглянулъ на своего друга. Росвейнъ медленно покачалъ головой и произнесъ съ грустной улыбкой:

— Вы, кажется, поняли мои слова въ буквальномъ смыслѣ. Нѣтъ, я охотно отдалъ-бы свою собственную жизнь, лишь-бы спасти мою бѣдную Гедвигу; но вышло иначе. Она заболѣла послѣ первыхъ родовъ; вѣроятно, отъ простуды у нея открылась сильнѣйшая горячка. Сначала умеръ ребенокъ. День и ночь не отходилъ я отъ ея постели; я лечилъ ее одинъ, я не позаботился пригласить кого-нибудь изъ другихъ докторовъ я — такая-же ничтожность, какъ и всѣ мы — вообразилъ, что нашелъ вѣрное средство противъ ея болѣзни... На девятый день она умерла на моихъ рукахъ.

Онъ замолчалъ и, стиснувъ зубы, простоялъ нѣсколько минутъ, пристально смотря въ пространство, какъ-бы ища въ немъ знакомыхъ образовъ. Въ немъ происходила тяжелая борьба съ старыми воспоминаніями; наконецъ, ему удалось побѣдить свое волненіе. Онъ провелъ ладонью по поблѣднѣвшему лицу и продолжалъ спокойно:

— Сейчасъ-же послѣ похоронъ я бросилъ правтику. Я счелъ себя тогда и теперь еще считаю за человѣка, ничего непонимающаго въ медицинѣ, и для искупленія своей вины наложилъ самъ на себя тяжелое испытаніе. Я пріѣхалъ въ Америку и сдѣлался цирюльникомъ; такимъ образомъ, я прожилъ пять лѣтъ. Вы сами можете себѣ представить, сколько нужно было для этого мужества, но я твердо выдержалъ срокъ искуса, назначенный

жною самимъ, и только вчера онъ окончился. Я не начну снова практиковать, потому что, потерявъ довѣріе къ самому себѣ, не въ правѣ требовать его и отъ другихъ. Но я могу другимъ способомъ примѣнить мои познанія, который здѣсь, въ Америкѣ, принесетъ гораздо болѣе пользы и выгоды, чѣмъ докторская практика, — именно основать здѣсь химическій заводъ. У меня хорошія средства и на заводъ пойдетъ только часть ихъ. Я могу надѣяться на блестящія выгоды... Мнѣ, конечно, нечего увѣрять васъ, что я совершенно серьезно сдѣлалъ предложеніе Еленѣ.

Оба супруга отъ всего сердца пожали ему руку, а г-жа Кельманъ воскликнула при этомъ съ изумленіемъ:

— Но только какъ все это скоро, удивительно скоро случилось!

Росвейнъ съ улыбкой покачалъ головою.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, — не такъ скоро, какъ вы, можетъ быть, думаете. Впродолженіи двухъ лѣтъ я жилъ насупротивъ Елены и не только имѣлъ возможность ежедневно видѣть ее и наблюдать за ея неутомимой дѣятельностью, но даже лечилъ ее одинъ разъ, когда она повредила себѣ руку, — это было еще до моей ссоры съ надутымъ барономъ. Уже тогда я отдалъ ей мое сердце. И какой только работы не дѣлало тамъ это бѣдное созданіе, а между тѣмъ какъ опрятно и мило выглядѣла она всегда. Я-бы давно уже просилъ ея руки, зная, что и самъ немного нравлюсь ей, хотя она ничѣмъ не выказывала этого, но не долженъ былъ и не хотѣлъ свататься за нее, оставаясь цирюльникомъ; не смѣю утаить, во мнѣ тлѣла еще искорка прежняго глупаго высокомѣрія. Теперь я снова свободенъ и нужно вамъ признаться, добрѣйшая г-жа Кельманъ, что я, вѣроятно, долго-бы еще собирався сдѣлать предложеніе — вѣдь я порядочный трусъ — если-бы не представился сегодня такой великолѣпный случай. Не могу даже сказать, что и сегодня я сдѣлалъ это сознательно и обдуманно, — нѣтъ, признаніе какъ-то неволью вырвалось у меня. Теперь, моя дорогая, я по-дружески прошу васъ быть моимъ ходатаемъ передъ Еленой, — по крайней мѣрѣ, попросите ее не сердиться на меня за мой глупый способъ свататься; расскажите ей все, что сейчасъ слышали отъ меня, и если она согласится на мое предложеніе, то даю вамъ мое честное слово, что никогда во всю свою жизнь она не раскается въ этомъ.

— Вы уходите?

— Прямо въ Донерсвилъ. Пойду сегодня вечеромъ къ Эдэрѣ Людвигу и отъ радости разоплю бутылочку—только ужъ вы позаботьтесь, чтобы я завтра не почувствовалъ себя дурно, улыбнулся Росвейну, и затѣмъ, пожавъ обомъ руки, направился къ палисаднику, перелѣзъ черезъ заборъ и зашагалъ черезъ поля, по направленію къ главной улицѣ города. Сегодня ему ни съ кѣмъ больше не хотѣлось встрѣчаться на любенштейнской фермѣ; у него были свои причины уйти никѣмъ незамѣченнымъ: молодыя дамы подстерегали его, точно за тѣмъ, чтобы выпарапать ему глаза, на самомъ-же дѣлѣ, изъ желанія подробно вывѣдать отъ него все, что онъ такъ тщательно скрывалъ.

Между тѣмъ мужчины, оставшись одни, курили сигары въ залѣ на-верху, сидя за стаканами вина, вплоть до самаго кофе, который заставилъ себя ждать сегодня убійственно долго. Сама Марія среди всеобщаго волненія забыла о немъ и вспомнила несравненно позже, чѣмъ слѣдовало. Естественно, разговоръ вертѣлся на только-что сдѣланномъ неожиданномъ предложеніи Росвейна. Въ особенности интересовался имъ Фортманъ; онъ попросилъ, чтобы ему рассказали біографію барона фон-Пасседова; Гельдорнъ, довольно точно разузнавшій ее въ Доннерсвилѣ, исполнилъ его желаніе.

— Старикъ Пасседовъ, сказалъ Георгъ Доннеръ, — если судить по всему, что я про него до сихъ поръ слышалъ, или негодяй, или человѣкъ тупоумный, — и то и другое одинаково скверно, какъ для него, такъ и для его домашнихъ. Тупоуміе его видно прямо изъ того факта, что онъ взялъ къ себѣ въ домъ его теперешнюю жену, если только у него не было другихъ, болѣе темныхъ побужденій къ этому, — а объ этомъ уже поговариваютъ, — а что онъ негодяй, такъ это ясно доказывается его поступкомъ съ бѣднымъ ребенкомъ, который принужденъ былъ, наконецъ, спастись бѣгствомъ отъ невыносимаго положенія въ домѣ отца и которому, вдобавокъ, онъ не отдалъ еще денегъ, завѣщанныхъ ей матерью.

— А онъ отказался отъ этого? спросилъ Фортманъ.

— Не то, чтобы прямо отказался, а не далъ никакого отвѣта, что совершенно одно и то-же. Самъ Росвейнъ такъ обставленъ въ матеріальномъ отношеніи, что не нуждается въ деньгахъ и

вовсе даже не думаетъ о нихъ; но если Елена откажетъ ему, чего я почти опасаюсь, то бѣдная дѣвушка принуждена будетъ всю жизнь скитаться между чужими людьми. И ничего не подѣлаешь: эта жирная мачиха съ отвратительной, наглою рожей растратитъ денежки, по всѣмъ правамъ принадлежащія Еленѣ.

— Гм... Кто знаетъ! улыбнулся Фортманъ; — можно попытаться...

— Не стоитъ, замѣтилъ Гельдорнъ. — Деньги у нея въ рукахъ, я знаю это изъ довольно вѣрныхъ источниковъ. Она и не отдаетъ ихъ именно потому, что судожъ нельзя принудить ее къ этому.

— Ну, а если нельзя судожъ, то можно попытаться добромъ уговорить ее.

Гельдорнъ улыбнулся.

— Пожалуй, попытайтесь поговорить съ ней добромъ, если желаете наслушаться самыхъ отборныхъ дерзостей. Вы еще не знаете, что это за барыня.

Фортманъ не возразилъ на это ни слова. Онъ только потеръ себѣ руки, улыбаясь втихомолку, осмотрѣлся вокругъ себя и сказалъ:

— Куда скрылся Росвейнъ? Жельманъ тоже исчезъ, а барыни мечутся по саду въ величайшемъ волненіи. Вашъ тостъ, г. докторъ, словно бомба упалъ сегодня среди общества и обжегъ всѣхъ.

— И васъ? улыбнулся докторъ.

— Нѣтъ, рѣшительно отвѣчалъ Фортманъ; — кто обжегся на молокъ, дуетъ и на воду.

— А вы развѣ ужъ обожглись?

— Ужасно, сказалъ Фортманъ, высоко подымая брови; — однако, все-таки дешево отдѣлался. Вы не повѣрите, любезнѣйшій Доннеръ, какая удивительная судьба выпадаетъ на долю иныхъ людей и какъ часто весьма незамѣтныя личности испытываютъ самыя романическія положенія. И все это совершается въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нами, почти на самыхъ нашихъ глазахъ, а между тѣмъ намъ это и въ голову не приходитъ. Однако, круто переѣмнигъ онъ разговоръ, — дамы, кажется, уже возвращаются: должно быть озябли въ саду.

— А вотъ и кофе! сказалъ Георгъ, когда всѣ снова собрались въ залъ.

— Гдѣ-же это прячется Росвейнъ, спросила Катерина своего брата. — Ужь не ушелъ-ли онъ?

— Не знаю, голубчикъ, отвѣтилъ Георгъ. — Ты лучше скажи мнѣ, гдѣ Елена?

— Я очень зла на Росвейна, замѣтила Катерина, стараюсь казаться какъ можно серьезнѣе.

— Что-же говорить Елена?

— Ровно ничего, само-собою разумѣется! воскликнула Камилла, самая младшая изъ сестеръ Маріи Доннеръ и Анны Кельманъ, только-что еще распутившаяся почка, но полагавшая уже, что и она можетъ подать сегодня свое мнѣніе. — Развѣ такъ дѣлаютъ предложеніе, передъ всѣми, да еще въ большомъ обществѣ? Мнѣ-бы это не понравилось.

Всѣ разсмѣялись, а Георгъ замѣтилъ:

— Ничего, Камилла, вѣроятно, все устроится къ лучшему. Росвейнъ прямой, честный человѣкъ.

— А все-таки я его терпѣть не могу теперь! рѣшительно объявила Камилла, — и всѣ мы тоже; не правда-ли Лилли, не такъ-ли, Люся?

Особы, къ которымъ была обращена эта рѣчь, — обѣ еще очень молодыя дѣвицы, — вдругъ вспыхнули, какъ-огонь, но въ это время молодежь, съ свойственной ей болтливостью, уже перешла къ другому предмету и скоро вниманіе всего общества сосредоточилось на обрученныхъ, виновникахъ сегодняшняго праздника.

ГЛАВА XII.

Г Е В А .

Тирель, посланный съ тѣмъ, чтобы изловить Бродвеля — онъ-же Гудли, онъ-же Смитъ — и представить его на судъ въ Нью-Орлеанъ, принужденъ былъ воротиться ни съ чѣмъ. Смитъ погибъ на вѣсѣлицѣ и унесъ съ собою въ могилу разъясненіе нѣкоторыхъ непонятныхъ фактовъ въ нью-орлеанскомъ дѣлѣ, чего не могъ сдѣлать ни одинъ изъ пойманныхъ преступниковъ: Пельцъ и Штейнертъ.

Относительно Штейнерта и у-судей, и у-публики составилось мнѣніе, что это праздношатающійся бродяга, а не злодѣй. Имѣи

онъ состояніе, онъ сдѣлался-бы развратникомъ, но навѣрно не воромъ и не разбойникомъ. Совершенно безхарактерный, онъ заботился болѣе всего о томъ, чтобы жить, не испытывая необходимости работать; немудрено, что онъ попалъ въ руки людей, съумѣвшихъ ловко воспользоваться имъ для своихъ цѣлей.

Совсѣмъ другого рода человекъ былъ Пельць. Съ нимъ суду пришлось много хлопотать, явилась необходимость перерыть старые архивы, вызвать кучу свидѣтелей—и вотъ вышло на свѣтъ божій множество такихъ дѣяній, за-которыя ему приходилось заплатить жизнью. Самъ Штейнертъ съ большимъ сокрушеніемъ сердца показывалъ противъ него, и самое важное въ его показаніяхъ было то обстоятельство, что Пельць уже давно былъ закованъ, какъ преступникъ, посаженъ на корабль и высланъ изъ одного маленькаго нѣмецкаго княжества въ Америку съ цѣлью избавить страну отъ его присутствія.

Наконецъ, слѣдствіе, тянувшееся нѣсколько мѣсяцевъ, а затѣмъ и судъ кончились. Штейнертъ, въ виду смягчающихъ вину обстоятельствъ, былъ приговоренъ къ шестилѣтнему заключенію въ исправительномъ заведеніи, а Пельць—къ висѣлицѣ.

Въ день, назначенный для исполненія приговора надъ Пельцемъ, по улицамъ тянулась толпа любопытныхъ, желавшая поглазѣть на его смерть.

Заксей Маульбеере также пожелалъ присутствовать при этомъ зрѣлищѣ. Еще на кораблѣ онъ возненавидѣлъ своего прежняго слутника, а его натура была не изъ прощающихъ. Теперь онъ дѣйствительно радовался возможности видѣть собственными глазами осуществленіе того, что онъ когда-то таинственно предсказывалъ Пельцу прямо въ лицо. Онъ надѣлъ свое лучшее платье и даже подвязалъ бѣлый галстукъ. Онъ хотѣлъ разсердить этимъ Пельца, если тотъ замѣтитъ его,—вѣдь всю свою жизнь онъ ничего другого не дѣлалъ, какъ только злилъ другихъ.

Мѣсто казни было назначено за городомъ и цѣлыя полмили можно было проѣхать туда по конно-желѣзной дорогѣ; вагоны не въ состояніи были вмѣстить всю массу публики, стремившейся туда; всякій, кто могъ, цѣплялся за что пришлось и вагоны были переполнены почти двойнымъ количествомъ пассажировъ. Всѣ стремились къ мѣсту казни, кто пѣшкомъ, кто верхомъ или въ экипажахъ; въ числѣ любопытныхъ было много цвѣтныхъ, въ осо-

бенности женщинъ. Замѣчено, что „прекрасный полъ“ любитъ глязѣть на подобныя кровавыя сцены и численностью почти всегда превышаетъ мужчинъ.

Было десять часовъ утра. Громадная, почти безчисленная масса народа, собравшаяся на мѣстѣ казни, постоянно прибывала; даже всѣ сосѣднія деревья были густо унизаны народомъ, воспользовавшимся ими, какъ самыми возвышенными пунктами въ этой мѣстности. Вдругъ толпа заколыхалась; констебли, собранные въ довольно значительномъ числѣ, съ большимъ трудомъ очистили дорогу для преступника, и то только съ помощью солдатъ, посланныхъ сюда на случай внезапной схватки между цвѣтными и бѣлыми, за которыхъ въ особенности нельзя было ручаться, принимая во вниманіе, что въ Нью-Орлеанѣ проживало много бывшихъ рабовладѣльцевъ и ихъ сторонниковъ.

Маульбеере ухитрился занять самое выгодное мѣсто, какъ-разъ на площадкѣ, посреди которой возвышалась на-скоро сдѣланная висѣлица. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ помогъ ему чистый бѣлый галстукъ, потому что стоявшіе тамъ констебли по невѣдѣнію принимали его за священника, — можетъ быть, за того самаго, который долженъ былъ напутствовать осужденнаго къ смерти. Осаживая остальную публику, они всегда оставляли въ покоѣ Маульбеере и даже помогали ему сохранять мѣсто.

Показалась колесница, на которой сидѣлъ, вмѣстѣ съ католическимъ патеромъ, преступникъ съ связанными за спиной руками. На всѣ краснорѣчивыя увѣщанія молодого священника, Пельць отвѣчалъ однимъ мрачнымъ и угрюмымъ молчаніемъ, пристально уставивъ свои маленькіе, свѣтлые глазки на подножку, какъ-будто желая показать этимъ, что весь свѣтъ для него нисколько не интересенъ и можетъ, по его мнѣнію, хоть сейчасъ убираться къ чорту, какъ есть, въ полномъ своемъ составѣ. Но при видѣ висѣлицы лицо его вдругъ сдѣлалось блѣдно, почти пепельнаго цвѣта, — онъ зналъ, что тамъ должна окончиться его жизнь.

— Имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою, м-ръ Мюллеръ! вдругъ раздался близъ него чей-то громкій, немного гнусавый голосъ. — Какъ ваше здоровье? Сегодня чрезвычайно пріятное утро.

Осужденный медленно повернулъ голову по направленію къ говорившему и въ первую минуту почти не узналъ его. Вдругъ

черты преступника, и безъ того не очень красивыя, исказились какой-то дикой улыбкой. Словъ Маульбеере онъ, вѣроятно, не понималъ, но видѣлъ злобный, полный притворнаго уваженія поклонъ, который тотъ ему сдѣлалъ; онъ узналъ на слѣдствіи, кому былъ обязанъ своимъ арестомъ, — и вотъ теперь, полуобернувшись къ Маульбеере, на-сколько позволяли ему связанныя руки, онъ вдругъ страстнымъ голосомъ вскричалъ:

— Держите его крѣпче — онъ убилъ этого человѣка! Вонъ тотъ, что въ бѣломъ галстукѣ и широкополой шляпѣ! Не выпустайте его, это убійца!

И суду, и шерифу было извѣстно, что Маульбеере не повиненъ во взводимомъ на него преступленіи, а, напротивъ, еще самъ первый навелъ полицію на слѣдъ преступника и показывалъ противъ него на судѣ, въ качествѣ свидѣтеля; суду, говоримъ мы, все это было очень хорошо извѣстно, но масса любопытнаго, волнующагося народа ничего не знала объ этомъ; по-этому при первой-же попыткѣ защищаться, Маульбеере почувствовалъ себя стиснутымъ со всѣхъ сторонъ крѣпкими, мозолистыми руками.

— Это онъ, это онъ! бѣсновался Пельцъ; — я не виноватъ, это онъ совершилъ преступленіе, — валите его на земь, если онъ барахтается.

Пришлось остановить колесницу, такъ-какъ не было ни малѣйшей возможности двинуться дальше. Народъ массами наваливался со всѣхъ сторонъ, чтобы разсмотрѣть человѣка, котораго только-что изобличили въ убійствѣ.

— Убирайтесь къ чорту! кричалъ Маульбеере, полуразозленный и въ то-же время полуниспуганный, стараясь высвободиться. — Я былъ свидѣтелемъ противъ него!

Онъ употреблялъ всѣ усилія избавиться отъ человѣка, крѣпко ухватившаго его за горло; но едва тотъ почувствовалъ, что добыча ускользаетъ у него изъ рукъ, какъ заревѣлъ во все горло:

— Валите его на землю, не-то онъ уобъжитъ; вѣдь это убійца!

— Ахъ, каналья! кричали другіе, — и еще разгуливаетъ въ бѣломъ галстукѣ, точно духовное лицо! Валяйте по головѣ, собаку!

— Убійца, убійца! пронеслось въ рядахъ окружающихъ, и всѣ бросились къ нему; но ближайшіе не удовлетворились одними криками.

— Погоди, мошенникъ! Вали его на землю! раздался общій крикъ вокругъ Маульбеере. Схваченный множествомъ рукъ, сдавленный, оглушенный, онъ вдругъ почувствовалъ себя на одну минуту приподнятымъ отъ земли и сталъ звать на помощь, стараясь въ то-же время защититься одной рукой отъ ударовъ, наносимыхъ ему со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, оглушенный двумя здоровыми ударами кулака по головѣ, онъ подогнулъ колѣни и въ ту-же минуту упалъ подъ ноги разъяренной толпы.

Къ счастью, къ нему на помощь подоспѣлъ шерифъ съ дюжиной констеблей и отрядомъ солдатъ; сначала шерифу показалось, что народъ вдругъ ни съ того ни съ сего хочетъ освободить преступника, но когда полицейскіе очистили свободный путь по обѣимъ сторонамъ колесницы, глазамъ ихъ представился несчастный Маульбеере, растерзанный, окровавленный и, по всей вѣроятности, мертвый.

— Что съ нимъ? спросилъ шерифъ, натурально не узнавшій Маульбеере въ подобномъ видѣ.—Что это за человѣкъ?

— Убийца! ревелъ народъ со всѣхъ сторонъ. — Его узналъ тотъ, что сидитъ на колесницѣ. Повѣсите ихъ обоихъ вмѣстѣ! Къ чорту негодяя со всей его шайкой! Повѣсите его, повѣсите!

— Знаетъ кто-нибудь изъ васъ этого человѣка? обратился шерифъ къ окружающимъ.

— Да, сэръ! отозвался изъ толпы какой-то длинный парень, цѣлой головой возвышавшійся надъ толпой.—Это Маульбеере, хозяинъ кабака „Методистскій Проповѣдникъ“; онъ живетъ рядомъ со мной.

— Маульбеере? Къ чорту того, кто назвалъ его убійцею, воскликнулъ шерифъ: — я хорошо знаю, что онъ невиненъ. Бога ради, что вы съ нимъ сдѣлали?

Въ эту минуту преступникъ расхохотался такимъ наглымъ, страшнымъ смѣхомъ, что близъ стояшіе въ ужасѣ отскочили отъ колесницы; теперь шерифу стало ясно намѣреніе злопамятнаго злодѣя.

— Везите его дальше! воскликнулъ шерифъ; — однимъ убійствомъ больше или меньше—все равно, участь канала не измѣнится отъ этого: онъ будетъ во всякомъ случаѣ повѣшенъ; а вы, господа, избившіе этого несчастнаго человѣка, по крайней мѣрѣ, отнесите его домой.

— Мы положимъ его на колесницу, если вы позволите, а то слишкомъ далеко тащить его на рукахъ.

Предложеніе было принято и колесница двинулась дальше.

Наконецъ, начался ужасный обрядъ казни; никто не тронулся съ мѣста, пока все не было кончено, и только тогда, когда въ казенномъ потухла всѣ признаки жизни, подняли несчастнаго Маульбеере на ту-же самую колесницу, на которой привезли Пельца, и повезли обратно въ городъ, на его квартиру.

Въ хорошенькомъ домикѣ, который только недавно выстроилъ Бѣдингъ, въ будуарѣ, выходившемъ въ отличный и довольно большой садъ, сидѣла г-жа Бѣдингъ за какой-то женской работой, а напротивъ ея, опершись рукой о подоконникъ и положивъ на нее голову, молодой живописецъ Дюбенъ, только-что возвратившійся изъ своего путешествія на сѣверо-востокъ.

Можно было назвать образцовымъ произведеніемъ этотъ будуаръ, въ которомъ все было сдѣлано съ такимъ совершенствомъ и вкусомъ, что лучше и придумать было трудно. Здѣсь не было ничего лишняго, за то можно было найти рѣшительно все необходимое для житейскаго комфорта, а въ нѣкоторыхъ вещахъ проявлялась даже роскошь, какъ, напримѣръ, въ дорогихъ статуэткахъ и картинахъ и тяжелыхъ шолковыхъ гардинахъ на окнахъ. Бѣдингъ былъ что-называется богачъ, и чѣмъ проще онъ держалъ самого себя, тѣмъ болѣе гордился своей милой женой и осыпалъ ее роскошью не только для того, чтобы доставить ей удовольствіе, — Лаура довольствовалась-бы и болѣе простой обстановкой, — но и для того, чтобы щегольнуть ею.

Однакожь, среди этой роскошной обстановки молодая женщина вовсе не казалась такою счастливою, какою она была нѣкогда въ своемъ болѣе скромномъ родномъ домѣ. Въ послѣдніе мѣсяцы она сильно перемѣнилась: она сдѣлалась блѣднѣе и болѣзненнѣе на видъ и въ ея тонкихъ чертахъ было теперь разлито выраженіе какой-то тихой грусти. Никогда она не бывала такъ серьезна, какъ теперь, и только иногда на ея губахъ играла прежняя милая улыбка.

Уже два раза взглядывала она украдкой на Дюбена, но тотъ не замѣчалъ этого: въ глубокой задумчивости онъ смотрѣлъ на маленькій портретъ, висѣвшій надъ софой, и, казалось, ни о чемъ другомъ на свѣтѣ не думалъ въ эту минуту.

Это была головка Гебы, мастерски нарисованная имъ самимъ, и которую онъ оставилъ г-жѣ Бедингъ, уѣзжая изъ Нью-Орлеана.

— О чемъ вы теперь думаете, г. Дюбенъ? спросила, наконецъ, молодая женщина, едва удерживаясь отъ улыбки. — Вотъ уже цѣлую четверть часа я не слышу отъ васъ ни одного слова.

Это внезапное обращеніе къ нему молодой женщины почти испугало Дюбена, мысли котораго въ эту минуту витали гдѣ-то очень далеко, только не въ этой комнатѣ; онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на г-жу Бедингъ, но тотчасъ-же оправился и ласково сказалъ, отбрасывая со лба свои густые темные кудри:

— О чемъ я думаю, добрѣйшая г-жа Бедингъ? Объ очень пріятныхъ вещахъ, и строю при этомъ воздушные замки, какъ-бы устроить себѣ будущность по своему вкусу.

— Счастлива молодость, если можетъ еще строить воздушные замки! вздохнула молодая женщина.

— Сколько вамъ лѣтъ, г-жа Бедингъ? засмѣялся Дюбенъ; — вопросъ, правда, не совсѣмъ скромный...

— Вы сами хорошо знаете, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мнѣ минетъ двадцать два.

— И вы еще говорите о молодости, какъ-будто она уже прошла для васъ? Я на три года старше васъ.

— Больше, потому что мужчина равныхъ лѣтъ съ женщиною всегда старше ея лѣтъ на десять.

— Тогда мнѣ было-бы теперь уже тридцать-пять.

— Конечно, въ смыслѣ опытности. Однако, не покажете-ли вы мнѣ ваши воздушные замки и не введете-ли вы меня въ нихъ? Я такъ охотно посѣщаю древніе замки.

— Ну, мои замки вовсе не древніе, восселикнулъ Дюбенъ. — За то они блистаютъ самыми великолѣпными красками и въ нихъ цвѣтетъ жизнь и наслажденіе.

— Вы становитесь поэтомъ.

— Да, сказалъ Дюбенъ, вскакивая съ мѣста, — у меня точно весна на сердцѣ, и если вы хотите знать, какого рода воздушные замки я строю, то...

Въ эту минуту дверь отворилась и въ комнату вошла Геба. Это былъ уже не тотъ бѣдный, приниженный ребенокъ, какииъ его нашли когда-то на улицѣ Дюбенъ съ Вольфомъ. Не прошло и году съ тѣхъ поръ, а молодая дѣвушка успѣла въ это короткое время такъ развиться, что нельзя было узнать ее. Все ея существо, манера держать себя, выраженіе лица—все совершенно измѣнилось. Бывало, она едва подымала отъземл и свой испуганный взоръ, и, какъ только заговаривали съ нею, она спѣшила обратиться въ бѣгство, точно пугливая козочка. Теперь въ ней произошла большая перемена. На ея нѣжныхъ щекахъ вновь появилась краска; большіе голубые глаза снова получили свой блескъ, походка сдѣлалась граціознѣе и гибче; открыто и довѣрчиво смотрѣла она въ глаза каждому, кто только заговаривалъ съ нею. Живя теперь такою жизнью, о которой прежде она даже и не слыхивала, среди добрыхъ людей, принимавшихъ въ ней самое теплое участіе, видя, что съ нею обращаются не какъ съ рабой или негрятянкой, а какъ съ равной,—она чувствовала себя вполнѣ счастливой и снова солнечный лучъ освѣтилъ ея жизненный путь, до сихъ поръ такой тернистый и мрачный.

Молодой живописецъ пріѣхалъ вчера утромъ и уже видѣлъ Гебу. Теперь онъ съ улыбкой смотрѣлъ на нее, какъ она подошла къ г-жѣ Бѣдингъ и съ самой серьезнѣйшей миной дѣлала ей по секрету какое-то важное донесеніе по части кухни. Не случилось-ли какого-нибудь несчастія, не сгорѣло-ли что-нибудь, или, можетъ быть, переварилось? Но молодая дѣвушка такъ серьезно жестикулировала при этомъ и, казалось, съ такой добросовѣстностью принимала къ сердцу это обстоятельство... Какъ идетъ къ ней это простенькое шерстяное платьѣ, какъ красиво выглядить свѣтло-голубая лента, едва сдерживающая волны бѣлокурыхъ локоновъ, и какъ идетъ къ ней маленькое коралловое ожерелье, подаренное ей Дюбеномъ въ Рождество,—ея единственная драгоценность, которую она постоянно носить.

Наконецъ, важный разговоръ былъ оконченъ и Геба вышла изъ комнаты такимъ-же образомъ, какъ и вошла, даже не взглянувъ на Дюбена,—она была слишкомъ занята.

Г-жа Бѣдингъ съ улыбкой смотрѣла ей въ слѣдъ до тѣхъ поръ, пока дверь не затворилась за нею, затѣмъ обернулась къ

Дюбену и тутъ замѣтила, что взглядъ его все еще прикованъ къ тому мѣсту, гдѣ только-что стояла Геба.

— Славный ребенокъ, сказала молодая женщина, — и какъ она понятлива и трудолюбива!

— Дѣйствительно, славный ребенокъ, утвердительно кивнуть головой Дюбенъ, — но какую таинственную новость сообщила она вамъ?

— Чрезвычайно таинственную, засмѣялась г-жа Бѣдингъ: — теперь она учится стряпать и говорила со мной о стряпнѣ; за что она ни возьмется, все дѣлаетъ чрезвычайно добросовѣстно. Вы слышали, какъ она поетъ? У нея великолѣпный голосъ. Я никогда въ жизни не думала, что въ состояніи полюбить какого-нибудь потомка черной расы, и еще такъ сильно, какъ полюбила Гебу.

— И вы все еще считаете ее потомкомъ негровъ? сказалъ Дюбенъ почти взволнованнымъ голосомъ; — развѣ въ ней остался какой-нибудь слѣдъ эфиопской расы?

— Маленькая синяя полоса на ногтяхъ.

— Если-бы и такъ! Всѣ мы на-столько разумные люди, что, конечно, не считаемъ негровъ обязанными подчиняться бѣлымъ и пребывать въ рабствѣ...

— Однако, мы совершенно удалились отъ нашего предъидущаго разговора, прервала его г-жа Бѣдингъ. — Вы собирались рассказать мнѣ про свои воздушные замки.

— Мы вовсе не удалились отъ нихъ, улыбнулся молодой человекъ, — но отложите, пожалуйста, на минуту вашу работу и смотрите на меня, чтобы я могъ прямо, не спрашивая васъ, узнать ваше мнѣніе о томъ, что я намѣренъ вамъ рассказать.

— Это, однако, отзывается торжественностью.

— Совершенно справедливо, замѣтилъ Дюбенъ, — такъ-какъ дѣло идетъ о счастіи двухъ человекъ; а подобные разговоры всегда бывають торжественны.

Съ любопытствомъ и почти со страхомъ смотрѣла на него г-жа Бѣдингъ. Дюбенъ, не безъ волненія, продолжалъ:

— О себѣ я могу вамъ сообщить только хорошее. Я получилъ уже такое множество заказовъ, что мнѣ хватитъ ихъ лѣтъ на двадцать. Есть много господъ, особенно въ Балтиморѣ и Филадельфіи, гдѣ мое имя хорошо извѣстно, которые весьма обяза-

только для меня прониклись такимъ страстнымъ желаніемъ имѣть хотя какую-нибудь картину моей работы, что даже не ограничились срокомъ заказа, предоставивъ мнѣ полную возможность не торопиться. Такимъ образомъ, я могу составить себѣ прочный планъ на всю свою жизнь. Здѣсь, въ Америкѣ, я кончу важнѣйшіе заказы, требующіе подготовительныхъ работъ, такъ-какъ сюжеты для нихъ мнѣ придется искать то на сѣверныхъ озерахъ, то въ западныхъ преріяхъ, то среди южныхъ плантацій. Матерьяльныя-же средства, которыя я собираю здѣсь въ скоромъ времени, не считая того, что я до сихъ поръ заработалъ въ Америкѣ, обезпечиваютъ мнѣ жизнь безъ всякихъ лишеній и заботъ. Къ тому-же я началъ уже копить про черный день и до сихъ поръ мнѣ такъ везло, что я почти всегда получалъ за свои картины ту цѣну, которую я самъ назначалъ.

— Однако, это довольно длинное предисловіе, г. Дюбень, замѣтила г-жа Бѣдингъ и на ея губахъ заиграла легкая улыбка, — кромѣ того, все, что вы говорите, слишкомъ реально, и, я полагаю, вовсе не относится къ воздушнымъ замкамъ.

— Однако, на этомъ реальномъ и во всякомъ случаѣ прочномъ фундаментѣ я выстроилъ себѣ великолѣпный, твердый, какъ скала, воздушный замокъ, въ который и введу васъ, если позволите.

— Я съ величайшимъ нетерпѣніемъ жду этого.

— Итакъ, продолжаю рассказъ, говорилъ Дюбень, — послѣдніе два года я принужденъ былъ вести здѣсь чрезвычайно безпокойную жизнь и большую часть своего времени проводилъ въ утомительныхъ, а иногда очень опасныхъ путешествіяхъ, по временамъ только останавливаясь въ какомъ-нибудь большомъ городѣ. Такъ-какъ я считаю теперь оконченнымъ курсъ моего ученія, то по окончаніи тѣхъ заказовъ, которые я долженъ сдать черезъ годъ или даже два, возвращусь въ Германію, гдѣ мнѣ будетъ легко и даже легче, чѣмъ здѣсь, исполнить остальные заказы, полученные въ Америкѣ, — и тогда-то я желалъ-бы взять съ собою мою жену.

— Вашу жену? съ изумленіемъ воскликнула г-жа Бѣдингъ.

— Гебу! выговорилъ, наконецъ, Дюбень, подбѣгая къ молодой женщинѣ и въ волненіи схватывая ея за руки. — Милая, дорогая г-жа Бѣдингъ, я до безумія люблю Гебу; еще въ то время, когда

я писалъ съ нея портретъ, я едва могъ сдерживаться, чтобы не броситься къ ней на шею и не сказать ей: „Геба, милое, обожаемое дитя, полюби меня хоть немножко и будь моею женой!“

— Вы хотите жениться на негритянкѣ? спросила его г-жа Бѣдингъ чрезвычайно серьезнымъ тономъ.

— Я извиняю вамъ эти слова, зная ваши убѣжденія и любовь къ этой дѣвушкѣ. Неужели вы думаете, что ея происхожденіе можетъ повредить ей въ Германіи, предполагая даже что тамъ узнаютъ объ этомъ, что, впрочемъ, весьма сомнительно. Въ Германіи не существуетъ предубѣжденія противъ негровъ. Но взгляните на Гебу и скажите по правдѣ, найдется-ли хоть одинъ человѣкъ, который можетъ назвать ее негритянкой?

Г-жа Бѣдингъ помолчала нѣсколько минутъ, задумчиво глядя вдаль, и, по всей вѣроятности, въ ея умѣ проходили теперь не очень веселыя мысли. Наконецъ, она тихо проговорила:

— И вы хотите отсрочить ваше счастье на долго? Знаете-ли вы, что многое можетъ произойти втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ?

— Для этого я запасся мужествомъ, воскликнулъ Дюбенъ и глаза его засверкали;—кромя того, я рѣшилъ долго еще не называть ей заботъ по хозяйству. Она не только очень молода, но ей предстоитъ впоследствии борьба съ предрасудками, прямо вытекающими изъ ея происхожденія; я предвижу это и хотѣлъ-бы сперва дать ей въ руки сильное и надежное оружіе; въ способностяхъ-же обращаться съ нимъ впоследствии у ней и теперь нѣтъ недостатка.

— Я не понимаю васъ.

— Однако, это очень просто. Она должна будетъ посвятить это время на свое образованіе, которое будетъ подвигаться подъ дружескимъ руководствомъ и съ помощью того лица, которое я самъ выберу ей. Съ образованіемъ ей не трудно будетъ занять если не высокое, то все-таки достойное положеніе въ обществѣ; объ этомъ-то я и хотѣлъ просить васъ, добрѣйшая г-жа Бѣдингъ. Видите-ли, продолжалъ онъ, вынимая изъ кармана пакетъ,—здѣсь лежитъ тысяча долларовъ, полученная мною за послѣднюю картину; я хотѣлъ-бы поручить эти деньги вамъ съ тѣмъ, чтобы вы употребили ихъ на образованіе Гебы. Воспитайте мою будущую жену, будьте ей матерью или сестрою, какъ вы до сихъ поръ были для нея, и я на вѣки останусь вашимъ должникомъ.

— Но, любезнѣйшій г. Дюбенъ, сказала растроганная молодая женщина, — увѣрены-ли вы въ томъ, что Геба тоже васъ любить и не побоятся вступить въ кругъ, до сихъ поръ для нея недоступный?

— Положительно я еще ничего не знаю, отвѣчала молодой человекъ, весело улыбаясь, — но мнѣ кажется, что я могу быть покоенъ относительно Гебы, если только хоть сколько-нибудь знаю ее сердце. Она всегда была добра и ласкова ко мнѣ; когда вчера я входилъ въ вашъ домъ какъ-разъ въ тотъ самый моментъ, какъ она выходила изъ противоположной двери, я замѣтилъ, что предательская краска вдругъ залила ей все лицо и глаза ее заблестали, а когда я взялъ ее руку и почувствовалъ, какъ она дрожала въ моей рукѣ, тогда я чуть не вскрикнулъ отъ восторга: я понялъ, что она любитъ меня.

— А развѣ вы не хотите сами спросить ее объ этомъ?

— Да, сказалъ Дюбенъ, вдругъ покраснѣвъ, какъ ракъ, — но видите-ли... тутъ особаго рода исторія. Говоря откровенно — я трушу.

— Трусите бѣдной молоденькой дѣвушки?

— Бѣдной дѣвушки? съ изумленіемъ вскричалъ Дюбенъ. — Бога-ради, не думайте, что я смотрю на нее свысока. Я отношусь теперь къ ней такъ-же, какъ если-бы она была уже моей женой; я буду считать себя вполне счастливымъ, если она согласится на мое предложеніе.

— Дюбенъ, сказала молодая женщина съ ласковой улыбкой, — вы такъ деликатны, что васъ нельзя не полюбить. Я согласна быть вашей свахой, только вы не уходите далеко. Войдите пока въ этотъ кабинетъ, а я позову сюда Гебу и поговорю съ ней. Только вы не выходите оттуда до тѣхъ поръ, пока я вамъ не сдѣлаю знака.

Пока Дюбенъ прятался въ кабинетъ, г-жа Бѣдингъ позвала Гебу. Молодая дѣвушка тотчасъ-же явилась и, входя въ комнату, окинула ее полуудивленнымъ взглядомъ.

— Развѣ г. Дюбенъ ушелъ? Я не видѣла, какъ онъ вышелъ.

— Да, нѣсколько минутъ тому назадъ, сказала г-жа Бѣдингъ: — Геба, моя милая, сядь подлѣ меня. Я хочу спросить тебя кой-о-чемъ важномъ.

— Меня? съ удивленіемъ спросила Геба. — О чемъ?

— Дѣло важное и касается тебя, продолжала Лаура, ласково смотря на ея личико, обращенное къ ней съ такимъ изумленіемъ.— Скажи мнѣ, дитя мое,—хотя, собственно, я уже не имѣю права такъ называть тебя: ты переросла уже меня и вступаешь теперь въ тотъ возрастъ, когда молодыя дѣвушки становятся самостоятельными и обзаводятся своимъ домкомъ,—что ты думаешь о своемъ будущемъ?

Геба съ испугомъ взглянула на нее, — что значилъ этотъ вопросъ? Неужели хотѣли снова вытолкнуть ее въ холодный, безжалостный свѣтъ?

— Я не понимаю васъ... пролепетала она и краска мгновенно сбѣжала съ ея лица.

— Незачѣмъ такъ пугливо смотрѣть на меня, ласково сказала Лаура, угадавъ мысли бѣдной дѣвушки.— Ты принадлежишь къ нашему семейству и этотъ домъ всегда будетъ роднымъ для тебя; но развѣ тебѣ никогда не приходила въ голову мысль, что ты могла-бы полюбить мужчину и вмѣстѣ съ нимъ зажить своимъ собственнымъ хозяйствомъ?

Черты лица молодой дѣвушки вдругъ приняли выраженіе безконечной грусти. Она опустила глаза, сжала свои нѣжныя руки и сказала, медленно покачавъ головой:

— Этого никогда не будетъ. Если-бы вы оставили меня въ томъ кругу, въ которомъ я выросла, то, конечно, я, какъ тысячи другихъ дѣвушекъ моего происхожденія, пошла-бы по одной дорогѣ съ ними; но теперь уже поздно. Вы взяли меня къ себѣ и приучили къ такой жизни, о которой я прежде понятія не имѣла. Вы научили меня такимъ вещамъ, которыя сдѣлали-бы мою жизнь несчастной среди моихъ соплеменниковъ—цвѣтныхъ, а вѣдь у меня не богъ-знаетъ какія высокія требованія. Не отталкивайте-же меня отъ себя и я всю жизнь буду вѣрно служить вамъ и благодарить Бога за то, что онъ привелъ меня сюда.

— Но если-бъ явился человѣкъ, который захотѣлъ-бы повысить тебя до одинаковаго уровня съ нами, пошла-бы ты за него? спросила Лаура.

Геба съ недоумѣніемъ взглянула на молодую женщину и отвѣтила съ грустной улыбкой:

— Конечно, съ моей стороны очень глупо думать, что я слишкомъ хороша для мудата или цвѣтнаго; но въ то-же время я

очень хорошо чувствую, что не могла-бы понравиться ни одному изъ тѣхъ бѣлыхъ, кого я хотѣла-бы выбрать. Такъ лучше пусть все останется по-старому.

— Представь себѣ, Геба, что тебѣ необходимо выбрать самой мужа, спросила г-жа Бѣдингъ, проникательно смотря на нее: — кого бы ты выбрала?

— Какъ вы можете предлагать мнѣ подобные вопросы, г-жа Бѣдингъ? вспыхнула молодая дѣвушка.

Этотъ отвѣтъ поставилъ Лауру въ довольно затруднительное положеніе. Ребенокъ былъ правъ въ своемъ простодушіи. Желая загладить впечатлѣніе, произведенное на Гебу ея словами, Лаура невольно и гораздо раньше, чѣмъ это входило въ ея расчеты, сказала ей:

— А если кто-нибудь уже просилъ у меня твоей руки?

— Моей руки? почти съ ужасомъ вскричала Геба; потомъ она медленно покачала головой и прибавила:—кто меня здѣсь знаетъ? Кого я сама знаю на столько, чтобы ввѣрить ему мою судьбу!

— Въ самомъ дѣлѣ, ты никого не знаешь? спросила молодая женщина, пытливо смотря на Гебу.

Молодая дѣвушка приподняла свою головку съ сильно поблѣднѣвшимъ личикомъ и сказала, снова медленно покачивая головой:

— Нѣтъ, никого, кого-бы я могла считать равнымъ себѣ.

— Ни одного джентльмена изъ твоихъ знакомыхъ?

Грустное выраженіе разлилось по лицу бѣдной дѣвушки.

— Вы обижаете меня, г-жа Бѣдингъ, тихо сказала она. — Неужели вы думаете, что я сама не сознаю своего положенія здѣсь, и считаете меня за такую дуру, которая воображаетъ, что если въ этомъ домѣ ласково обходятся съ дѣвушкой моего происхожденія, то и всѣ остальные люди на свѣтѣ обязаны дѣлать то-же самое?

— А если кто-нибудь захотѣлъ-бы увести тебя съ собою, какъ свою законную жену, въ какую-нибудь другую сторону, гдѣ вовсе нѣтъ господствующихъ здѣсь предрасудковъ, — если этотъ кто-нибудь то самое лицо, кого ты любишь и онъ знаетъ уже объ этомъ?

Геба ничего не отвѣтила: въ той сторонѣ, гдѣ она сидѣла, вдругъ послышался шорохъ и, когда она обернулась, передъ ней стоялъ Дюбенъ, стирая въ ней руки.

— Геба, хочешь ты быть моей дорогой женой и уѣхать со мной впослѣдствіи въ Германію, къ моимъ родителямъ?

Геба поблѣднѣла, какъ смерть, бросилась на грудь къ г-жѣ Бѣдингъ и только повторила:

— О, г-жа Бѣдингъ! о, г-жа Бѣдингъ!

— Успокойся, дитя мое, шептала ей Лаура,—это еще не сейчасъ будетъ: нынѣшній и слѣдующій годъ ты проживешь у насъ и будешь много учиться, такъ много, чтобы г-ну Дюбену не пришлось потомъ краснѣть за тебя. Ты сдѣлаешься женой честнаго человѣка и найдешь тамъ родителей, которые будутъ любить тебя, какъ родную дочь.

Геба ничего не отвѣчала и только крѣпко прижималась къ своему другу; г-жа Бѣдингъ чувствовала, какъ она конвульсивно рыдала на ея груди. Сдѣлавъ знакъ молчанія Дюбену, она дала Гебѣ вдоволь наплакаться и, наконецъ, тихо спросила ее послѣ довольно длинной паузы:

— А ты любишь хоть немножко г-на Дюбена?

Молодая дѣвушка молчала и продолжала обнимать г-жу Бѣдингъ.

— Скажи-же мнѣ, голубушка... отвѣть, любишь-ли ты хоть немножко г-на Дюбена?

Геба еще крѣпче обвила руками вокругъ шеи г-жи Бѣдингъ и, не перемѣняя положенія, два или три раза кивнула головой.

— Моя Геба! воскликнулъ въ восторгѣ Дюбенъ.

— И ты не хочешь сама сказать ему этого? улыбулась г-жа Бѣдингъ.

Геба быстро закачала головой.

— Нѣтъ, прошептала она,—не теперь, только не теперь!

— Такъ я уйду, пока, Геба, сказалъ Дюбенъ, встрѣтивъ умоляющій взглядъ молодой женщины;—тебѣ нечего стѣсняться, моя дорогая; знай, что ты сдѣлала меня самымъ счастливымъ человѣкомъ на свѣтѣ; а теперь, милѣйшая, добрѣйшая и очаровательнѣйшая г-жа Бѣдингъ, ваша очередь дѣлать свое дѣло!

И, поклонившись имъ, онъ вышелъ изъ дома съ сіяющимъ отъ счастья лицомъ. Онъ самъ не зналъ, куда шелъ. Въ какомъ-то опьяненіи шагаль онъ по улицѣ, готовый отъ радости броситься на шею первому встрѣчному и рассказать ему о своемъ счастіи.

— Дюбенъ, Дюбенъ, Дюбенъ! раздался на улицѣ чей-то го-

лось и через минуту около него остановился маленький кабріолетъ Бѣдинга. — Но что съ вами, милостивый государь, мечтаете вы, что-ли, или ужь не сдѣлались-ли вы, чего добраго, лунатикомъ среди бѣла дня? Чего вы размахиваете руками по воздуху такъ, что даже народъ останавливается на улицѣ и смотреть на васъ? Куда вы идете?

— Самъ не знаю, отвѣчалъ Дюбенъ, словно пробудясь отъ сна и узнавая Бѣдинга.

— Такъ садитесь сюда ко мнѣ; я ѣду по дѣлу въ Фойствиль. Дюбенъ повиновался.

— Но что съ вами? Ужь не случилось-ли чего-нибудь? спросилъ Бѣдингъ.

Дюбену понадобилось по крайней мѣрѣ двѣ минуты, чтобы собраться съ мыслями прежде, чѣмъ ему удалось выговорить слово. Затѣмъ, чуть не захлебываясь отъ восторга, онъ разсказалъ Бѣдингу о своемъ счастьѣ и о своихъ планахъ на будущее время.

Бѣдингъ съ улыбкой слушалъ этотъ восторженный лепетъ, не забывая въ то-же время ловко управлять кабріолетомъ среди массы экипажей, болѣе обыкновеннаго наполнявшихъ сегодня улицы.

— Вы очень умно поступили, Дюбенъ, сказалъ онъ, когда молодой человекъ кончилъ свой разсказъ: — она будетъ прекрасной женой; еще умнѣе съ вашей стороны рѣшеніе отложить свадьбу на два года. Признаюсь, не ожидалъ я отъ васъ такой разсудительности. А Геба согласна на это?

— Надѣюсь. Но скажите, бога-ради, что это за ѣзда сегодня въ этомъ обыкновенно спокойномъ кварталѣ? Народъ такъ и кишитъ на улицѣ.

— Неужели вы не знаете, что сегодня казнили преступника, который былъ сообщникомъ въ убійствѣ курьера? Опять отличился нашъ землякъ; чрезвычайно непріятно!

— Ахъ, да, теперь я вспоминаю.

— Вотъ въ этомъ домѣ и совершено убійство. Но кого это они тащутъ? Господи Боже мой, какъ изуродованъ этотъ человекъ!

— Должно быть ирландецъ, замѣтилъ Дюбенъ: — для нихъ никакое удовольствіе немислимо безъ драки.

Передъ кабачкомъ, гдѣ остановилась колесница, была такая давка, что Бѣдингъ вынужденъ былъ остановить свой кабріолетъ.

Чтобы добраться до того мѣста, куда онъ спѣшилъ, ему пришлось объѣхать кругомъ, черезъ сосѣднюю улицу. Дюбенъ остался вмѣстѣ съ нимъ въ экипажѣ и когда они черезъ часъ возвращались назадъ, то нашли улицу уже совершенно пустой. Только передъ трактиромъ „Методистскій Проповѣдникъ“ — передъ тѣмъ самымъ, куда отнесли изувѣченнаго человѣка, — стояло еще нѣсколько звваекъ. Бѣдингъ, чрезвычайно интересовавшійся этимъ случаемъ, такъ-какъ онъ самъ много помогъ скорому открытію преступниковъ, остановился и спросилъ, кого это привезли часъ тому назадъ.

Два мулата изъ окружающей публики охотно вызвались дать самыя подробныя свѣденія о происшествіи. По ихъ словамъ, преступникъ, чуть не на самой висѣлицѣ, обвинилъ трактирщика въ соучастіи въ преступленіи, а народъ, въ слѣпной ярости, бросился на него и избилъ чуть не до смерти.

— Это человѣкъ съ орангутаньей физиономіей! быстро воскликнулъ Дюбенъ. — Войдите и посмотрите, что съ нимъ.

Въ кабакѣ сидѣло множество цвѣтныхъ посѣтителей, толковавшихъ о сегодняшнемъ происшествіи, которое служило имъ неисчерпаемой темой для разговоровъ. Въ боковую дверь, направо, постоянно входилъ и выходилъ народъ и вмѣстѣ съ другими вышелъ докторъ, съ которымъ Бѣдингъ былъ очень хорошо знакомъ.

— Скажите, пожалуйста, докторъ, что такое случилось? обратился къ нему Бѣдингъ.

— А, любезнѣйшій Бѣдингъ, вы здѣсь? Да, роковая исторія. Въ то время, когда убійцу везли на висѣлицу, онъ, вѣроятно, со злости, обвинилъ бѣднягу трактирщика въ сообщничествѣ, а народъ въ ярости и даже не справляясь, дѣйствительно-ли онъ виноватъ, такъ расправился съ нимъ, что его жизнь теперь въ опасности. Впрочемъ, я надѣюсь поставить его на ноги при помощи его здоровой, медвѣжьей природы. Забудьте, что при такихъ ужасныхъ побояхъ онъ нисколько не потерялъ своего обычнаго юмора. Да не хотите-ли сами взглянуть на него?

Бѣдингъ поколебался съ минуту; не рѣшаясь принять предложеніе доктора, — такъ не нравилось ему окружавшее ихъ общество, — но Дюбенъ уже послѣдовалъ за докторомъ. Пройдя чрезъ узенькій корридоръ они очутились наконецъ въ крошечной комнаткѣ, гдѣ на постели лежалъ страдалецъ.

Врядъ-ли можно было представить себѣ въ цѣломъ свѣтѣ что-нибудь отвратительнѣе и грязнѣе этой комнаты. Окна были безъ занавѣсей, вмѣсто которыхъ стояли двѣ длинныя доски, предназначенныя для защиты отъ солнечныхъ лучей, когда они черезчуръ ужь сильно начинали палить; постельное бѣлье не перемѣнялось болѣе мѣсяца, такъ что трудно было узнать, что оно когда-то было бѣлымъ; досчатый полъ съ толстымъ слоемъ грязи, окна, едва пропускавшія свѣтъ сквозь свои запыленные и испачканныя стекла,—словомъ, одна изъ самыхъ убогихъ и безотраднѣйшихъ обстановокъ.

Здѣсь-то, на такой постели, какую ни одинъ хорошій хозяинъ не далъ-бы своей собагѣ, лежалъ Маульбеере, съ обвязанной головой, закрытыми глазами и крѣпко связанными, словно спеленатыми членами. По временамъ онъ бормоталъ сквозь зубы какія-то злобныя проклятiя.

— Маульбеере... Закхой Маульбеере... говорилъ онъ, разсуждая самъ съ собою,—проклятый осель, ну что тебѣ тамъ было нужно? Развѣ тебѣ худо было здѣсь, среди этихъ восушекъ, разукрашенныхъ лимонами? Да, хорошо тебѣ было здѣсь, а ты все-таки не могъ сдержатъ себя. По-дѣломъ тебѣ это, Закхой, и какъ-бы я посмѣялся теперь надъ твоей рожей, если-бъ только могъ видѣть ее!.. Чортъ возьми, простоналъ онъ послѣ небольшой паузы,—и я самъ еще доставилъ удовольствiе каналѣ полюбоваться, какъ меня били...

Онъ сжалъ въ кулакъ правую руку; лѣвая была сломана и лежала совершенно безжизненно на постели; однѣ только губы его медленно двигались, бормоча безсвязныя проклятiя. Бѣдингъ брезгливо отвернулся.

— Пойдемте, Дюбенъ, сказалъ онъ, схвативъ за руку своего друга,—мнѣ тошно дѣлается при видѣ этихъ жалкихъ живыхъ развалинъ. И это бѣлый, одинъ изъ привилегированныхъ, богоподобная раса, а Гебу называютъ негритянкой! Уйдемте вонъ отсюда!

— Кто тамъ?.. Что вамъ здѣсь нужно? спросилъ Маульбеере, услышавъ около себя голоса, но не узнавая говорившихъ. Молодые люди ничего не отвѣтили ему и только тогда вздохнули легко, когда выбрались отсюда на свѣжій воздухъ.

XIII.

ДВѢ СВАДЬБЫ.

Прошла зима съ своими холодными сѣверо-западными вѣтрами и бурями. Въ преріяхъ разцвѣла весна въ полномъ своемъ блескѣ. Показалась молодая зелень и вся окрестность покрылась пестрыми цвѣтами. Въ кустахъ, на верхушкахъ деревъ раздавалось щебетанье и слышался легкій шумъ, происходящій отъ взмаховъ крыльями; съ юга потянулись длинныя вереницы пернатыхъ гостей, летѣвшихъ сюда вить гнѣзда. Повсюду кипѣла вновь пробудившаяся жизнь.

Опять наступило воскресное утро и сегодня Доннерсвилъ носить характеръ скорѣе южнаго, чѣмъ сѣвернаго города, — такъ переполнены его улицы разодѣтыми цвѣтными, собравшимися сюда по случаю пріѣзда въ городъ преподобнаго Гильса, проповѣдника. Талантливый и популярный мулатъ долженъ былъ говорить сегодня проповѣдь, такъ-какъ завтра онъ уже отправлялся въ далекое путешествіе въ сѣверные штаты, до самаго далекаго запада.

Сначала Гильсъ просилъ у здѣшняго священника, пастора Бессера, позволенія воспользоваться, послѣ его проповѣди, протестантскою церковью, но получилъ рѣшительный отказъ. Хотя Гильсъ и принадлежалъ къ протестантской церкви, но въ то-же время былъ членомъ секты методистовъ и, по мнѣнію пастора Бессера, распространялъ ложное ученіе; поэтому онъ и не согласился уступить ему своей церкви.

Цвѣтныя, впрочемъ, утѣшились: кузнецъ Эдуардъ Гамильтонъ отдалъ въ ихъ распоряженіе свою обширную кузницу.

Лютеранская церковь, также противъ обыкновенія, была сегодня гораздо полнѣе, чѣмъ всегда во время краснорѣчивыхъ, но тѣмъ не менѣе пустыхъ проповѣдей пастора, привлекавшихъ очень мало слушателей, а изъ образованныхъ нѣмцевъ почти никого. Сегодня-же былъ совсѣмъ особенный случай: въ одно время вѣнчали двѣ свадьбы и вотъ почему въ церковь собрались почти всѣ нѣмцы.

Росвейнъ побѣдилъ. Хотя первое предложеніе, сдѣланное имъ Еленѣ за столомъ, почти разсердило ее, однако, ему удалось ско-

ро увѣрить ее въ искренности своей любви; къ тому-же она сама не совсѣмъ была равнодушна къ нему; въ этому присоеди- нились уговариванія Кельмана и особенно Гельдорна, давно знавшаго Росвейна съ отличной стороны. Такъ что, когда онъ возобновилъ свое предложеніе, жалуясь на себя на половину насмѣшливымъ, на половину трогательнымъ тономъ, и просилъ ее любви и довѣрія, — молодая дѣвушка уступила его просьбамъ. Съ этой минуты въ цѣломъ свѣтѣ не существовало человѣка счастливѣе Росвейна.

Вѣнчанье кончилось. Росвейнъ настоялъ, чтобы Гельдорнъ съ своей молодою женою и всѣми свидѣтелями, т. е. съ семействомъ Доннера и Любенштейна, провели этотъ вечеръ у него въ гостяхъ. По его словамъ, онъ такъ часто бывалъ у нихъ на фермѣ, что ему слѣдовало отплатить имъ за гостепріимство.

Собственный домикъ Росвейна былъ слишкомъ малъ для того, чтобы вмѣстить многихъ гостей, и онъ нанялъ верхній этажъ гостиницы и заказалъ Эздрѣ Людкинсу отличный обѣдъ. Молодая дѣвушка взялась убрать залу великолѣпными цвѣтами и дѣти выхлопотали себѣ обязанность бросать цвѣты молодымъ, когда они пріѣдутъ изъ церкви. Въ числѣ гостей былъ Юліусъ Фортманъ изъ Ковингтона, обѣщавшій Кельману нарочно пріѣхать въ этотъ день, чтобы отпраздновать его вмѣстѣ. Фортманъ писалъ ему, что онъ дѣлаетъ это тѣмъ охотнѣе, что у него есть важное дѣло, требующее во всякомъ случаѣ его поѣздки въ Донерсвилъ. Онъ пробылъ въ церкви до самаго конца торжественнаго обряда, потомъ шепнулъ Кельману, что ему необходимо сейчасъ-же уѣхать по одному важному дѣлу, и скрылся изъ церкви, даже не поздравивъ молодыхъ.

Въ домѣ фон-Пасседова происходила одна изъ тѣхъ сценъ, какія повторялись тамъ почти ежедневно.

Оба супруга, казалось, вовсе не нашли того спокойствія, какого обыкновенно ищутъ въ бракѣ. Молодая, отъ природы чрезвычайно раздражительная, должна была выбрать себѣ мужа съ болѣе твердымъ характеромъ, чѣмъ у барона. Сначала онъ слиш-

комъ легко поддавался на ея капризы и этимъ окончательно отдалъ себя въ ея власть, а что разъ попало ей въ руки, то она держала крѣпко, и барону пришлось убѣдиться въ невозможности завоевать себѣ прежнюю свободу.

И теперь между ними шелъ споръ, продолжавшійся, впрочемъ, уже нѣсколько дней; конечно, побѣда осталась за толстухой. Дѣло шло объ имѣніи Елены; оба они, споря, сильно разгорячились, хотя въ главномъ сходились. Баронъ, какъ и жена его, не имѣлъ намѣренія отдать Еленѣ ея имущество; онъ увѣрялъ, что половина этого имущества была истрачена на ея воспитаніе; онъ согласился, однакожь, возвратить ей очень небольшую часть имущества, а супруга его рѣшительно объявила, что ни одинъ центъ не перейдетъ изъ ея дома въ руки цирюльника. Если Елена не задумалась осрамить свою семью, то должна вынести и всѣ послѣдствія своего поступка. Съ такими доводами баронъ вполне согласился, хотя и оспаривалъ ихъ нѣсколько дней.

Сегодня снова отошла кухарка, не желая служить „дракону“. У г-жи фон-Пасседовъ прислуга мѣнялась каждыя двѣ недѣли и каждая кухарка уходила послѣ ссоры съ нею. Всѣ эти неприятности бѣсили ее; она бранила людей за ихъ неблагодарность, и, не зная, на чьемъ-бы вымѣстить свою злость, — мужъ рѣшительно ни въ чемъ сегодня не провинился, — принялась снова за старую исторію.

Баронъ фон-Пасседовъ, заложивъ руки за спину и опустивъ голову, быстро шагаль изъ угла въ уголъ по маленькой, великолѣпно убранной комнатѣ; супруга его сидѣла, развалилась на диванѣ, широко раскинувъ руки и занимая своей особой почти весь диванъ, словно горячая, только-что вылитая и расплывшаяся по всей мебели масса жиру. Мужъ ея какъ-то случайно употребилъ въ разговорѣ слово „авторитетъ“; это показалось Терезѣ до того смѣшнымъ, что даже гнѣвъ ея утихъ на минуту.

— Ты и авторитетъ! сказала она, презрительно скрививъ ротъ, довольно красивый, но теперь принявшій дерзкое и даже гадкое выраженіе. — Право, смѣшно даже дѣлается, Куно, когда ты начинаешь говорить объ авторитетѣ. Сегодня вѣнчается твоя собственная дочь съ простымъ цирюльникомъ, а ты даже и не приглашенъ на свадьбу! Ха, ха, ха!

— Жена, сказалъ онъ почти глухимъ голосомъ отъ внутрен-

няго волненія,—не заходи слишкомъ далеко! Ты не знаешь, на что я способенъ.

— Я полагаю, мнѣ хорошо извѣстно, на что ты способенъ, возразила г-жа фон-Пасседовъ съ презрѣніемъ,—но неужели ты воображаешь, что я боюсь тебя? Если-бы я имѣла хотя малѣйшее подозрѣніе и... Но къ чему весь этотъ разговоръ? Ты отлично знаешь меня, слѣдовательно, будетъ совершенно излишнимъ даромъ терять слова. Но я также не хочу, чтобы меня каждый день здѣсь сердили и, наконецъ, замучили до смерти. Если-бы твоя дочь сознавала хотя искру своихъ обязанностей, то не оставила-бы насъ такимъ безсовѣстнымъ образомъ, а ты еще требуешь, чтобы въ благодарность за это я отдала ей то небольшое, что я приобрѣла въ этомъ домѣ. Ужь не воображаешь-ли ты, что я вышла за тебя изъ за твоей красоты? Само собою разумѣется, что мы оставимъ это скучное гнѣздо. По крайней мѣрѣ, мнѣ не придется жить въ одномъ городѣ съ г-жею Росвейнъ. Я убѣждена, что этотъ бракъ будетъ имѣть очень печальныя послѣдствія и подъ конецъ они тебѣ-же сядутъ на шею.

— А ты куда хочешь ѣхать? сумрачно спросилъ фон-Пасседовъ.

— Не самъ-ли ты говорилъ, отвѣтила нѣжная супруга,—что собираешься открыть въ Цинцинати агентство или что-нибудь въ этомъ родѣ и получить, наконецъ, хоть какое-нибудь занятіе? Ты знаешь, что докторъ Тейлоръ продаетъ свой домъ птичнику и женится на м-съ Гудпортъ?

— Да, мрачно замѣтилъ Пасседовъ,—но кто изъ нихъ сдѣлалъ большую глупость—докторъ Тейлоръ или м-съ Гудпортъ—это покажетъ время.

— Она примѣрная женщина! воскликнула г-жа фон-Пасседовъ.

— Конечно, сказалъ баронъ,—она такая-же примѣрная жена, какъ онъ примѣрный мужъ.

— Я знаю, что ты ненавидишь доктора, но это до тебя не касается. Я хочу жить въ такомъ городѣ, гдѣ можно завести знакомство, а не прозябать въ этомъ гнѣздѣ, да къ тому-же мы будемъ дальше отъ твоей прелестной дочери.

— Тереза, пасмурно замѣтилъ Пасседовъ,—Елена не давала тебѣ повода жаловаться на нее.

— Я не желаю больше слышать имени этой служанки, воскликнула госпожа фон-Пасседовъ, ударяя своимъ жирнымъ кулакомъ по ручкѣ дивана, — слышишь-ли ты? Если ты...

Вдругъ послышались три сильные удара въ дверь. Г-жа Пасседовъ остановилась, точно пораженная громомъ, и сдѣлалась блѣдна, какъ смерть; впрочемъ, мужъ не замѣтилъ этого, такъ-какъ въ это самое время повернулся къ двери, чтобы посмотрѣть, кто могъ такъ безцеремонно прервать ихъ интересную бесѣду, которую ему было очень пріятно покончить какимъ-бы то ни было образомъ. Но каково было его удивленіе, когда онъ увидаль предъ собою мирового судью Фортмана изъ Ковингтона, когда-то вѣнчавшаго ихъ.

— Мнѣ очень пріятно, г. фон-Пасседовъ, сказалъ Фортманъ съ вѣжливымъ, но холоднымъ поклономъ, — снова встрѣтиться съ вами. Какъ вы поживаете? Я пріѣхалъ сюда на свадьбу вашей дочери и не могъ отказать себѣ въ удовольствіи посѣтить васъ.

— Очень пріятно, уважаемый г. Фортманъ, проговорилъ Пасседовъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Фортманъ долженъ былъ знать, на-сколько непріятно было Пасседову говорить о свадьбѣ его дочери, которая не взяла даже на себя труда пригласить его.

— Милостивая государыня, вы цвѣтете, какъ роза! Надѣюсь, я не помѣшалъ вамъ?

Фортманъ неудачно сравнилъ ее съ розою; хотя до сихъ поръ она была, по-обмѣновенію, очень румяна, но въ этотъ моментъ на лицѣ ея не было ни кровинки. При его входѣ она перемѣнила свою небрежную позу и теперь, привставъ, устремила на гостя такой бессмысленный взглядъ, словно передъ нею стоялъ не живой человѣкъ, а привидѣніе. Такъ, совершенно такъ стучался въ дверь ея первый мужъ, актуаріусъ Ледерманъ, возвращаясь изъ своей конторы домой, для того, чтобы отличить себя отъ другихъ жильцовъ, живущихъ въ одномъ этажѣ съ ними. Теперь, какъ и во время ея вѣнчанья, ею овладѣлъ какой-то безотчетный ужасъ, который заснулъ-было уже въ ней, но теперь снова пробудился съ удвоенной силой и заставилъ лихорадочно забиться ея сердце. Пасседовъ бросилъ безноконный взглядъ на жену, не зная, какъ посмотреть она на этого необыкновеннаго гостя, такъ не кстати выбравшаго время для своего посѣщенія, —

и самъ испугался мгновенной пережѣнїи въ ея лицѣ; больше всего его тревожило, что она молчала, какъ убитая.

Все это время Фортманъ не спускалъ съ нея глазъ, потому безъ церемонїи поставилъ шляпу на ближайшій стулъ и усѣлся противъ нея. Самъ Пасседовъ не замѣтилъ страннаго выраженїя, съ которымъ Фортманъ смотрѣлъ на его жену; онъ видѣлъ только, что съ ней происходитъ что-то необычайное, но ему и въ голову не приходило, чтобы посѣщенїе почти незнакомаго ей человѣка могло до такой степени взволновать и испугать ее. Но что-же это значило? Можетъ быть, ея совѣсть была не совсѣмъ чиста?

Фортманъ, не обращая вниманїя на барона, началъ съ улыбкою, обращаясь къ баронессѣ:

— Вы, вѣроятно, не узнаете меня, сударыня, не такъ-ли? Но вы, можетъ быть, помните Гейлингенъ, смѣшной маленькій городокъ, въ особенности если сравнить его съ жизнью въ американскихъ городахъ. Я былъ лучшимъ другомъ вашего покойнаго мужа, моего добраго Юліуса Ледермана, который, между нами будь сказано, вель просто собачью жизнь и, какъ вамъ извѣстно, не могъ долго переносить ея. Я что-то не совсѣмъ ясно помню, лишилъ-ли онъ себя жизни, или уѣхалъ въ Америку? Такъ, кажется?

Онъ, по своему обыкновенїю, потерялъ руки. Г-жа фон-Пасседовъ почувствовала, какъ-будто кто-то желѣзной рукой сдавилъ ей сердце. Это былъ ея мужъ, актуарїусъ Ледерманъ, котораго она считала умершимъ, и потому вышла во второй разъ замужъ. До сихъ поръ она была увѣрена, что онъ лишилъ себя жизни и вдругъ теперь онъ сидитъ рядомъ съ нею, здоровый и веселый, и улыбается еще, зная, что отъ него зависитъ вся ея судьба. Безмолвная сидѣла она передъ нимъ и мысли быстро одна за другой пробѣгали въ ея головѣ. Счастье еще, что она сидѣла, потому что въ эту минуту она не въ состоянїи была-бы удержаться на ногахъ.

Г. Пасседовъ чувствовалъ себя въ очень неловкомъ положенїи. Онъ видѣлъ, что происходитъ что-то необыкновенное, но что именно и отчего такъ страшно смутилась его жена — этого онъ никакъ не могъ объяснить себѣ. Фортманъ все это время съ очень любезнымъ видомъ рассказывалъ, какъ онъ былъ несчастенъ въ Германїи и какъ ему теперь отлично живется въ Америкѣ — раз-

сказъ, нисколько не интересовавшій барона (но за то все болѣе и болѣе подтверждавшій подозрѣнія его жены),—такъ что Пасседовъ, наконецъ, совершенно растерялся.

Цѣлыхъ десять минутъ рассказывалъ Фортманъ, потомъ вдругъ всталъ со стула и посмотрѣлъ на часы.

— Однако, я уже довольно долго задерживаю васъ, уважаемая баронесса, добавилъ онъ, снова опускаясь на стулъ, — а совсѣмъ позабылъ о маленькомъ дѣльцѣ, которое привело меня сюда сегодня. Впрочемъ, это займетъ не болѣе пяти минутъ времени. Я пришелъ къ вамъ собственно по порученію вашей дочери, теперь г-жи Росвейнъ, съ просьбою выплатить завѣщанные ей ея матерью четыре тысячи долларовъ. Она желаетъ вручить ихъ своему мужу сегодня, въ день ея свадьбы.

Баронъ бросилъ испуганный взглядъ на свою жену, ожидая взрыва; но до сихъ поръ удивительно спокойная, она и теперь продолжала молчать и только смотрѣла, не смѣя шевельнуться, на стоявшій передъ нею призракъ. Наконецъ, Фортманъ всталъ, какъ-бы для того, чтобы дать ей пройти; она поняла этотъ маневръ, встала съ дивана и молча вышла изъ комнаты.

Пасседовъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ. „Боже мой, что могло такъ измѣнить ее въ какихъ-нибудь десять минутъ? подумалъ онъ.—Куда пошла она теперь и какія отношенія могли существовать между нею и незнакомымъ ей мировымъ судьбою, который, повидимому, имѣлъ такое необъяснимое вліяніе на нее?“

Фортманъ оставался совершенно спокоенъ и терпѣливо ожидалъ возвращенія г-жи Пасседовъ, болтая въ это время съ барономъ о такихъ предметахъ, какъ погода, пріѣзжіе, цѣны на хлѣбъ и масло, о томъ, что жизнь въ Донерсвилѣ очень дешева,—и этимъ поставилъ барона въ еще болѣе затруднительное положеніе, такъ что онъ совершенно растерялся и не зналъ, какъ держать себя. О деньгахъ-же Фортманъ не заикнулся болѣе ни однимъ словомъ, какъ-будто считалъ этотъ вопросъ совершенно поконченнымъ и только ожидалъ, когда ему вручатъ ихъ.

Наконецъ, возвратилась г-жа Пасседовъ; держа въ рукахъ какой-то пакетъ, обернутый въ бумагу, она прямо подошла къ Фортману и спросила:

— Надѣюсь, что здѣсь все, что вы желаете. Могу я попросить у васъ росписку?

— Тогда мнѣ придется вскрыть пакетъ.

— Нѣтъ, распишитесь только въ полученіи отъ меня пакета для передачи Еленѣ Бергеръ, а квитанцію прошу васъ получить отъ г-жи Росвейнъ. Здѣсь вы найдете перо, чернила и бумагу, прибавила она, все еще не выпуская изъ рукъ пакета.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, сказалъ Фортманъ, затѣмъ расписался въ полученіи пакета и подаль ей бумагу.

Она взяла ее и нѣсколько минутъ внимательно разсматривала: подпись была „Юліусъ Фортманъ“. Тяжелый вздохъ вырвался изъ ея груди.

— Итакъ, уважаемый баронъ, сказалъ Фортманъ, опуская пакетъ въ карманъ,—еще разъ прошу извиненія, что побеспокоилъ васъ. Желаю вамъ весело провести вечеръ. Имѣю честь низко кланяться, сударыня!

Съ этими словами онъ взялся за шляпу и, почтительно поклонившись обоимъ, вышелъ изъ дому.

Пасседовъ все время съ безмолвнымъ удивленіемъ слѣдилъ за этой короткой сценой, ничего не понимая въ ней; несмотря на всѣ усилія своего мозга, онъ никакъ не могъ найти разрѣшенія этой загадки.

— Что произошло между вами, Тереза, спросилъ онъ ее, наконецъ.—Что заключалось въ этомъ пакетѣ?

— Наслѣдство твоей дочери. Но не спрашивай меня ни о чемъ болѣе. Тебѣ ужъ предлагали купить нашъ домъ?

— Да, но...

— Продай его скорѣе. Только, пожалуйста, не спрашивай меня ни о чемъ, прибавила она, видя, что мужъ хочетъ что-то сказать.—Этотъ человѣкъ знаетъ больше, чѣмъ слѣдуетъ. Уѣдемъ по нижнему теченію рѣки.

Пасседовъ смотрѣлъ на нее съ тупымъ удивленіемъ. Баронесса, не говоря болѣе ни слова, отправилась въ свою комнату и заперлась въ ней на ключъ.

Между тѣмъ свадебный поѣздъ пріѣхалъ изъ церкви въ гостиницу Эдры Людкенса, которую тотъ великолѣпно разукрасилъ на сегодняшній день. Едва молодые вошли въ домъ, какъ раз-

далась музыка: невозможно себя представить какой-нибудь нѣмецкій городъ въ Америкѣ безъ музыки.

Сегодня навѣрное въ цѣломъ свѣтѣ не было ни одного чело-вѣка счастливѣе Росвейна. Его добродушное и умное лицо сіяло радостью и блаженствомъ; веселье и радость вносилъ онъ съ собою въ общество, и безъ того отлично настроенное.

Наверху, въ большой залѣ былъ накрытъ огромный столъ для гостей, а три кухарки, нанятая Людвинсомъ, приготовили самый изысканный обѣдъ для сегодняшняго дня: черепаховый супъ, свѣжая рыба съ озеръ и оттуда-же знаменитыя канзаскія утки, дикія индѣйки, плоды всѣхъ полей, вина изъ Калифорніи, съ Рейна и Франціи,—однимъ словомъ все, что только существуетъ на свѣтѣ хорошаго и дорогого,—все выписалъ Росвейнъ съ помощью телеграфа и желѣзной дороги.

И какъ мила была сегодня Елена, цвѣтушая своей южной красо-той! Она была одѣта очень просто, съ бѣлой камеліей въ великолѣпныхъ черныхъ волосахъ и все еще блѣдная отъ волненій послѣднихъ дней; но, несмотря на эту блѣдность и простоту наряда, ее все-таки, безспорно, можно было назвать царицей праздника; рядомъ съ ней Катерина съ своими бѣлокурыми волосами и голубыми глазами казалась скромной фіалкой подлѣ вполне разцвѣтшей лиліи.

Хотя Эзра Людвинсъ былъ также приглашенъ на свадьбу, но долженъ былъ отказаться отъ обѣда: жена его въ послѣднее время хворала, и поэтому необходимъ былъ его личный присмотръ за при-слугой; впрочемъ, онъ обѣщалъ заходить время отъ времени выпить стаканъ, другой, чтобы попробовать вино, какъ онъ самъ говорилъ.

Гости только-что усѣлись за столъ; недоставало одного Фортмана, которому было оставлено свободное мѣсто. Эзра Людвинсъ вихремъ носился съ одного мѣста на другое, поспѣвая всюду; онъ дружески болталъ со всѣми на „ты“, немилосердно коверкая слова своимъ пенсильванско-нѣмецкимъ произношеніемъ. Въ это время ему доложили, что какой-то человекъ желаетъ поговорить съ нимъ и просить его сойти внизъ. Какъ ни неприятно было Людвинсу это приглашеніе, но дѣлать было нечего; онъ быстро сбѣжалъ съ лѣстницы, желая поскорѣе отдѣлаться отъ докучнаго посѣтителя.

Войдя въ буфетъ, онъ увидѣлъ челоуѣка, который, съ стака-

номъ вина въ рукахъ, стоялъ облокотясь о прилавокъ и лицо котораго было ему очень хорошо знакомо. Это былъ м-ръ Шерардъ изъ Коннектикута, янки, слывшій здѣсь подъ именемъ агента земледѣльцевъ и прїѣзжавшій сюда время отъ времени по дѣламъ.

— Галло, Людкинсъ, старый товарищъ, какъ поживаете? Дайте другой стаканъ для Эдры, сказалъ Шерардъ.

— Благодарю, отвѣчалъ Эдра, сдѣлавъ головою знакъ буфетчику, что не желаетъ пить съ этимъ господиномъ и поэтому стаканъ не нуженъ.—Кто-же звалъ меня и зачѣмъ?

— Г. Шерардъ желалъ говорить съ вами, отвѣчалъ буфетчикъ.

— Да, Людкинсъ, сказалъ Шерардъ, — у васъ теперь, какъ я слышалъ, много дѣла; я долженъ отправиться сегодня на любештейнскую ферму и хотѣлъ вамъ только сказать, чтобы вы оставили мнѣ на ночь свободную комнату, потому что я останусь дня два въ Донерсвилѣ.

Пока говорилъ Шерардъ, Эдра Людкинсъ все время не совсемъ дружелюбно смотрѣлъ на него; теперь онъ смѣрялъ его презрительнымъ взглядомъ и сказалъ:

— До меня вовсе не касается, м-ръ Шерардъ, сколько времени вы пробудете въ Донерсвилѣ; я знаю только одно, что нога ваша больше не будетъ въ моемъ домѣ.—Билль, прибавилъ онъ, обращаясь къ буфетчику,—если этотъ господинъ придетъ еще разъ сюда и спроситъ чего-нибудь выпить, вы проводите его къ борту, изъ котораго пьютъ свиньи. Сегодня онъ пьетъ у меня послѣдній стаканъ.

— Чортъ побери! вскричалъ Шерардъ.

— Конечно, чортъ побери васъ, сказалъ Эдра, смѣло идя на встрѣчу.—Знаете-ли, кто вы такой, Шерардъ? Самый послѣдній негодяй, котораго я выгоню, какъ собаку, если онъ еще разъ осмѣлится переступить порогъ моего заведенія.

— Проклятіе! воскликнулъ Шерардъ, приподнимаясь.—Какое вы имѣете право говорить мнѣ это? Развѣ я остался хоть разъ вамъ долженъ за стаканъ водки?

— Нѣтъ, сказалъ Эдра, вынимая руки изъ кармановъ, чтобы приготовиться на случай внезапнаго нападенія, — ваша подлость состоитъ не въ этомъ. Сюда возвратились уже многіе изъ тѣхъ, кого вы послали на югъ, и рассказали, съ какими негодяями пришлось имъ имѣть дѣло и какъ вы надули ихъ своими рассказ-

няли. Теперь я знаю, кто вы такой: низкій негроторговецъ, котораго южные плантаторы не сажали даже за одинъ столъ съ собой, хотя и пользовались вашими услугами во всѣхъ своихъ грязныхъ продѣлкахъ. Допивайте свой стаканъ и уходите, денегъ отъ васъ мнѣ не нужно.

— Людкинсь! крикнулъ Шерардъ, сжимая въ бѣшенствѣ кулаки и медленно подходя къ трактирчику.

Людкинсь, однако, не струсиль и не отступиль; онъ слегка при поднялъ еверху обѣ руки, отставиль правую ногу такъ, что она представляла собою точку опоры для всего тѣла и въ такой позѣ приготовиль къ оборонѣ. Но напрасно ждалъ онъ нападенія. Должно быть, м-ръ Шерардъ передумалъ; онъ поставиль стаканъ на столъ нетронутымъ, повернулся на каблукахъ и вышелъ изъ трактира, бормоча какое-то проклятіе.

Во время этой сцены и почти вмѣстѣ съ Эздрой Людкинсомъ въ комнату вошли двѣ молодыя негритянки, чисто и красиво одѣтыя, и остановильсь у дверей, испугавшись происходившей ссоры. У каждой изъ нихъ было въ рукахъ по свѣжему букету цвѣтовъ; теперь онѣ стояли, крѣпко прижавшись другъ къ другу отъ страха. Какъ только Эзра Людкинсь увидѣлъ, что противникъ отступиль и благородно ретировался, къ нему снова воротилось его веселое настроеніе; замѣтивъ молодыхъ дѣвушекъ, онъ добродушно спросиль ихъ:

— Что вамъ нужно, дѣтки? Для кого эти цвѣты?

— Для господъ Росвейна и Гельдорна, робко сказала старшая изъ нихъ, — они были очень добры къ намъ...

— Пойдемте наверхъ, сказала Людкинсь; — вашъ подарокъ обрадуетъ ихъ. Не бойтесь, вамъ ничего не сдѣлають худого. Вы здѣшнія, изъ Донерсвиля?

— Мы дочери кузнеца Гамильтона.

— Такъ вы тѣ самыя, которыхъ Гамильтонъ отыскалъ, наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ? обрадовался Эзра Людкинсь и уже было обернулся къ буфетчику спросить пару стакановъ, но тотчасъ-же раздумалъ, что дѣти, вѣроятно, не пьютъ спиртныхъ напитковъ, и дружески кивнувъ имъ головой, прибавиль: — Ну, такъ идите за мной!

Фортмана все еще не было. Подали уже супъ, когда въ ком-

нату вошелъ Эзра Людвинсъ съ обѣими дѣвушками и незамѣтно подвелъ ихъ къ столу, гдѣ сидѣли молодые.

Младшая дѣвочка, Полли, окончательно растерялась и со страху хотѣла-было вернуться назадъ, но сестра ея, Лидди, стала уговаривать ее, указывая ей господина, которому она должна была подать букетъ, и совѣтуя брать примѣръ съ нея. Увѣрившись, что она вполне можетъ положиться на свою сестру, молодая дѣвушка подошла къ Гельдорну и, подавая ему маленькій, скромный букетъ, сказала тихимъ голосомъ:

— Масса, вы много людей сдѣлали счастливыми, будьте-же и сами счастливы.

— Лидди, вскричалъ Гельдорнъ, вскакивая со стула, — дитя мое, ты меня очень обрадовала и я никогда не забуду твоего подарка. Дай руку моей молодой женѣ; если тебѣ что-нибудь понадобится — совѣтъ или помощь — приходи прямо къ намъ; въ насъ ты всегда найдешь вѣрныхъ друзей.

Полли подошла къ Росвейну, также подала ему букетъ и проговорила при этомъ что-то такъ тихо, что Росвейнъ ровно ничего не понялъ; впрочемъ, въ этомъ и не было надобности, такъ-какъ значеніе подарка само собой было для него ясно. Онъ просто поцѣловалъ дѣвушку точно такъ-же, какъ это сдѣлалъ Гельдорнъ.

— Спрячь этотъ букетъ, сказалъ онъ, подавая цвѣты Еленѣ, — это — сокровище, даръ чистой признательности, принесенный отъ искренняго сердца. А тебя, милое, прелестное дитя, я тысячу разъ благодарю за него. Подождите. Эзра, нѣтъ-ли у тебя листа бумаги или не можетъ-ли кто-нибудь изъ прислуги пойти съ дѣтьми и донести корзину до ихъ дома?

— Конечно, м-ръ Росвейнъ, отвѣтилъ хозяинъ, кивнувъ головой, — только скажи, что нести.

— Ну, такъ пойдѣте, дѣти, сказалъ Росвейнъ, смѣясь и идя за хозяиномъ въ кладовую. Здѣсь онъ наложилъ полную корзину вина, пирожнаго, жаркого и варенья.

— Это, Полли, ты отнесешь твоимъ родителямъ; поклонись имъ отъ насъ и пожелай имъ, чтобы они были такъ-же счастливы, какъ мы сегодня.

Дѣти, въ восторгѣ отъ удачнаго исполненія своего порученія, вышли изъ залы съ блистающими отъ радости глазами. Суть былъ уже унесенъ; Эзра Людвинсъ только-что предложилъ тостъ за мо-

лодыхъ, за которымиъ раздался дружный звонъ чокающихся стакановъ и поцѣлуи родныхъ и знакомыхъ, какъ вдругъ въ залу снова вошелъ буфетчикъ и, тихонько толкнувъ Людкинса, шепнулъ ему:

— М-ръ Людкинсъ, тамъ опять какой-то господинъ непременно желаетъ говорить съ вами; только онъ выглядитъ порядочнымъ оборванцемъ.

— Хорошо, Блелль, сказалъ Людкинсъ, учтиво допивая неполный стаканъ за здоровье буфетчика, — поклонитесь ему отъ меня и велите убираться къ чорту; сегодня мнѣ некогда.

Буфетчикъ, неожиданный другого отвѣта, повернулся и вышелъ изъ залы, но чрезъ нѣсколько минутъ вернулся и снова дернулъ Эздру Людкинса за рукавъ.

— Хорошо, нетерпѣливо отозвался Эзра, — чортъ возьми, вѣдь это хоть кого взбѣситъ! Что вамъ опять нужно отъ меня?

— Онъ говоритъ, м-ръ Людкинсъ, пробормоталъ буфетчикъ, — что отъ него-то именно онъ и пришелъ.

— Кто? О комъ вы говорите?

— Да незнакомецъ, который ждетъ внизу.

— Откуда онъ пришелъ? спросилъ Людкинсъ, забывъ совершенно, что онъ самъ сказалъ минуту тому назадъ.

— Вы велѣли ему убираться къ чорту, а онъ говоритъ, что отъ него-то именно онъ и явился теперь и имѣетъ отъ него какое-то порученіе къ вамъ.

— Отъ чорта? съ изумленіемъ воскликнулъ Людкинсъ. — Тогда надо узнать, что ему отъ меня нужно.

И онъ поспѣшно сбѣжалъ съ лѣстницы.

Внизу ему представилась слѣдующая картина. За буфетомъ, на томъ самомъ мѣстѣ, которое обыкновенно занималъ буфетчикъ и куда не допускался никто изъ постороннихъ, такъ-какъ тамъ находилась касса, — стоялъ какой-то человекъ съ блѣднымъ лицомъ и черной бородой и трудился надъ раскупориваніемъ бутылки коньяку, которую онъ только-что досталъ съ полки.

— Эй, мистеръ! крикнулъ Людкинсъ, съ удивленіемъ остановившись въ дверяхъ при видѣ такой смѣлости. — Не стѣсняетесь, будьте какъ дома.

— Я это и дѣлаю, кивнулъ головой незнакомецъ, потомъ до-

сталъ стаканъ, повернулся къ свѣту и, подавая Эздрѣ стаканъ, спросилъ его съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ:

— Что ты пьешь, отецъ?

Буфетчикъ, пораженный такой безцеремонностью, съ удивленіемъ поглядывалъ то на одного, то на другого. Самъ Людкинсъ смотрѣлъ, вытаращивъ глаза, на незнакомца, точно на привидѣніе.

— Джонни? воскликнулъ онъ, все еще сомнѣваясь и не вѣря своимъ собственнымъ глазамъ.

— Какъ ты поживаешь, отецъ? отвѣтилъ незнакомецъ изъ-за прилавка.—Что подѣлываетъ матушка?

Теперь Эзра Людкинсъ не могъ уже больше сдерживать себя. Упершись правой рукой въ прилавокъ, онъ ловко перескочилъ черезъ него и очутился рядомъ съ незнакомцемъ. Буфетчикъ, воображая, что между ними сейчасъ завяжется борьба въ этомъ узенькомъ пространствѣ, заранѣе уже наслаждался зрѣлищемъ летящихъ и съ громомъ разбивающихся стакановъ и бутылокъ, и, къ своему удивленію, увидѣлъ, что Эзра просто протянулъ правую руку сыну, котораго онъ считалъ давно уже умершимъ, а лѣвою взялъ бутылку коньяку, налилъ себѣ стаканъ и спокойно проговорилъ:

— Джонни, я чертовски радъ, что ты опять здѣсь!

Эзра былъ внѣ себя отъ радости и блаженства, снова увидѣвъ своего единственнаго сына; онъ крѣпко держалъ его за руку, какъ-бы желая показать этимъ, что никогда не разстанется больше съ нимъ; глаза его блистали и искрились, — никакихъ другихъ признаковъ волненія не было обнаружено между ними; оба оставались совершенно спокойны. Какой-нибудь другой народъ—нѣмцы, французы, испанцы бросились-бы при подобныхъ обстоятельствахъ цѣловаться и обниматься, американецъ-же просто держалъ только руку сына въ своихъ рукахъ и сжималъ ее крѣпко, какъ-бы въ желѣзныхъ когтяхъ.

Сынъ хотѣлъ-было сейчасъ-же пойти къ матери, но отецъ не позволилъ этого, говоря, что „старухѣ не по себѣ“ и внезапный испугъ могъ повредить ей. Ее надо было еще приготовить къ этой радости.

Пѣжа внизу Эзра Людкинсъ сіялъ отъ счастья, радуясь свиданію съ сыномъ, котораго онъ давно уже считалъ умершимъ и который извинялся теперь, что не писалъ долго, оправдываясь

своей поѣздкой въ Техасъ и Мексику, наверху происходила другая, не менѣе интересная сцена. Въ залѣ, среди общаго веселья, внезапно появился Фортманъ.

— А, Фортманъ! крикнулъ ему Кельманъ, — гдѣ это вы пропадали до сихъ поръ? Вы прозѣвали супъ и икру и, кромѣ того, предложенный Росвейномъ тостъ, лучше котораго врядъ-ли что-нибудь будетъ.

— Прошу извинить меня, господа, сказала Фортманъ, подходя къ молодымъ, и, обращаясь къ дамамъ, прибавилъ: — прежде всего позвольте пожелать вамъ счастья, и вамъ также, любезный г. Росвейнъ и г. докторъ.

При этомъ онъ дружески пожалъ имъ руки.

— Ну-съ, г-жа Росвейнъ, продолжалъ онъ, подавая Еленѣ маленькій свертокъ, — я имѣю счастье вручить вамъ сегодня то, что принадлежитъ вамъ по праву — наслѣдство вашей покойной матери. Г-жа Пасседовъ посылаетъ вамъ его вмѣстѣ съ своимъ поздравленіемъ.

— Г-жа Пасседовъ? съ невыразимымъ удивленіемъ воскликнулъ Росвейнъ, посматривая то на Фортмана, то на пакетъ. — Тутъ, вѣроятно, кроется какая-нибудь ошибка.

— Потрудитесь сами убѣдиться въ этомъ.

Елена вскрыла пакетъ; въ немъ было четыре тысячи долларовъ банковыми билетами.

— Да какъ-же вамъ удалось вырвать его изъ зубовъ „дракона?“ спросилъ Росвейнъ.

— Господа, сказалъ Фортманъ, наливая стаканъ вина и высоко поднимая его, причемъ Кельманъ бросилъ на него улыбающійся взглядъ, — предлагаю тостъ за здоровье баронессы фон-Пасседовъ!

— Да здравствуетъ теща! съ восторгомъ крикнулъ Росвейнъ. — Какъ видно, деньги не совсѣмъ еще вытѣснили изъ нея сердце. Ура!..

XIV.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Миръ и полное счастье водворилось, наконецъ, въ маленькомъ домикѣ за кузницей, въ которомъ поселился негръ Эдуардъ Га-

мильтонъ со всѣми членами своего семейства, — въ томъ домикѣ, гдѣ въ былое время только и можно было найти, что слезы и страданія. Младшая дочь Гамильтона, Полли, скоро совершенно поправилась съ помощью Гельдорна и благодаря неусыпнымъ работамъ своихъ родителей. Самъ Гамильтонъ работалъ такъ отлично и съ такимъ трудолюбіемъ, что скоро долженъ былъ взять себѣ двухъ подмастерьевъ, тоже цвѣтныхъ: одинъ онъ не могъ уже справляться съ массой работы.

Сегодня въ кузницѣ не работаютъ, такъ-какъ день воскресный и, кромѣ того, у Гамильтона гость, странствующій проповѣдникъ Гильсъ. Онъ говорилъ здѣсь проповѣдь, а завтра снова отправляется дальше, по направленію къ С.-Луи, чтобы по дорогѣ совершать богослуженіе и говорить проповѣди.

Оба ребенка только-что возвратились изъ гостиницы Людкинса; за ними принесли подарки Росвейна; разложивъ и разставивъ все, какъ слѣдуетъ, онѣ съ восторгомъ стали рассказывать, какъ хорошо обошлись съ ними бѣлые люди, пирующие на свадьбѣ.

Пока мать красиво укладывала на блюдо пирожное и щедро надѣляла имъ дѣтей, Гамильтонъ и его гость наполнили свои стаканы и выпили не только за здоровье обѣихъ брачныхъ парочекъ, но и за всѣхъ добрыхъ людей, будь у нихъ цвѣтная или бѣлая кожа — все равно.

Въ то время, когда оба собесѣдника дружески болтали между собой и Гильсъ рассказывалъ свои приключенія во время и послѣ войны, Лидди прижалась къ матери и прислушивалась къ ихъ разговору. Вдругъ она вскочила и шепнула:

— Онъ здѣсь.

— Кто? спросила мать, не понимая, кого Лидди подразумеваетъ подъ словомъ „онъ“.

— Человѣкъ... бѣлый.

— Да какой бѣлый?

— Про котораго рассказываетъ масса Гильсъ... Я была при томъ, какъ его травили злыми собаками и привели связаннымъ.

— Ты, дитя? съ изумленіемъ воскликнула мать.

— Да, мама, я и Полли... Они проходили мимо плантаціи массы.

— Но кто-же изъ нихъ теперь здѣсь?

— Тотъ, у котораго были собаки.

Гильсъ внимательно прислушался.

— Что такое она говоритъ? спросилъ онъ, указывая глазами на Лидди.

— Она видѣла васъ тогда, м-ръ Гильсъ! воскликнула мать, всплеснувъ руками съ выраженіемъ ужаса и состраданія. — Она присутствовала при томъ, какъ васъ привели въ городъ связаннымъ. Боже великій, какое ужасное бѣдствіе могло произойти изъ этого!

— Да, сказалъ Гильсъ, стиснувъ зубы и сверкая глазами изъ-подъ нахмуренныхъ бровей, — но что меня больше всего мучаетъ до сихъ поръ, такъ это то, что негодяю удалось убѣжать тогда. Во мнѣ и по сей часъ еще сидитъ дробь, которой онъ въ меня выстрѣлилъ.

— Лидди видѣла его, сказала мать.

— Натурально, кивнулъ головой мулатъ мрачно, — если она была тамъ, тѣмъ болѣе, что негодяй ѣхалъ верхомъ на высокой, сильной лошади.

— Да не тогда, а сегодня—здѣсь, въ Доннерсвилѣ.

Мулатъ не шелохнулся; онъ только смотрѣлъ на ребенка, вращая при этомъ глазами такъ сильно, что видны были одни только бѣлки; теперь онъ, дѣйствительно, выглядѣлъ отвратительно.

— Здѣсь, въ Доннерсвилѣ? переспросилъ онъ тихо.

— Да, м-ръ Гильсъ, вмѣшалась дѣвочка, — наверху въ гостиницѣ массы Людкинса. Только масса Людкинсъ не хотѣлъ держать его у себя въ домѣ и прогналъ его, а тотъ такъ разозлился на это, что я испугалась, какъ-бы они не подрались, и ужъ хотѣла было убѣжать вмѣстѣ съ Полли, да, видно, онъ очень боялся массы Людкинса, потому что хотъ нѣсколько времени и очень зло смотрѣлъ на него, а все-таки ушелъ.

— Куда онъ пошелъ, Лидди? тихо и ласково спросилъ мулатъ;—ты, можетъ быть, замѣтила это, голубушка?

— Нѣтъ, отвѣтилъ ребенокъ, качая головкой, —я такъ обрадовалась, когда этотъ противный, злой человекъ ушелъ, что сейчасъ-же схватила Полли за руку и бросилась съ ней вверхъ по лѣстницѣ, потому что туда онъ ни за что не пошелъ-бы за нами.

— Онъ все еще въ городѣ? спросилъ Гильсъ, не глядя на ребенка.

— Не знаю, м-ръ Гильсъ, сказала дѣвочка. — Я слышала только, какъ онъ говорилъ массѣ Людвиусу, что хочетъ остаться здѣсь дня два и сходить сегодня на любенштейнскую ферму. Ахъ, если-бъ только онъ убрался отъ насъ поскорѣй! Я всегда пугаюсь, какъ только увижу его; а когда мы съ отцомъ въ первый разъ шли сюда, онъ встрѣтился намъ на улицѣ и страшно-престрашно посмотрѣлъ на насъ своими большими свѣтлыми глазами!

Гильсъ болѣе не разспрашивалъ, но съ этой минуты онъ сдѣлался очень разсѣянъ, два раза отвѣтилъ совершенно не впадѣи, наконецъ, объявилъ, что ему необходимо сходить еще въ два мѣста, но что, во всякомъ случаѣ, онъ возвратится къ вечеру или, можетъ быть, немного позже, хотя не знаетъ еще навѣрное, удастся-ли ему воспользоваться на ночь гостепріимствомъ Гамильтона, такъ радушно ему предложеннымъ.

Веселое свадебное общество просидѣло до сумерекъ въ гостиницѣ Людкинса. Узнавъ о внезапномъ возвращеніи сына Эддры Людкинса, нѣмцы послали звать его къ обѣду, чтобы за-одно отпраздновать его пріѣздъ; но мать не отпустила его. Она усадила сына у своей постели и, держа его за руку, не могла, казалось, вдоволь наглядѣться на него, словно видѣла его въ первый разъ въ жизни. Самъ Джонни отказался идти сегодня въ чужую компанію; ему такъ хорошо было опять въ этихъ старыхъ, родныхъ стѣнахъ... Онъ былъ здѣсь вполнѣ счастливъ.

Уже пробило восемь часовъ, когда гости начали, наконецъ, собираться по домамъ. Новобрачные, обѣ пары, оставались въ Доннерсвиллѣ, но все семейство Доннеровъ и Любенштейновъ, вмѣстѣ съ двумя своими сосѣдями, друзьями Росвейна и доктора, отправились домой, распрощавшись со всѣми. Такъ-какъ по календарю въ этотъ день не полагалось луннаго свѣта, а фонари слишкомъ скудно освѣщали городъ, то молодежь, мужчины, изъ предосторожности взяли съ собой пару факеловъ, сдѣланныхъ изъ

смолистаго дерева, и рѣшили ѣхать верхомъ впереди, для того, чтобы освѣщать дорогу заднимъ экипажамъ.

Маленькая кавалькада живо снарядилась. Ферма находилась почти у самаго города, такъ-что до нея приходилось проѣхать всего только какихъ-нибудь тысячу шаговъ по лѣсу, принадлежавшему Доннеру, и въ которомъ запрещено было рубить деревья. Здѣсь, въ густой тѣни деревьевъ, сквозь которую не проникалъ даже свѣтъ звѣздъ, факелы были не только полезны, но скоро оказались вполне необходимыми.

Фрицъ Доннеръ, младшій братъ Георга, и молодой Карлъ Любенштейнъ, оба сильные, здоровые молодцы, выросшіе на свободѣ, составляли авангардъ и освѣщали дорогу своими факелами. Когда они вѣхали подъ тѣнь деревьевъ, дорога сдѣлалась не совсѣмъ безопасной; пришлось ѣхать гораздо медленнѣе изъ предосторожности, чтобы какая-нибудь высохшая вѣтвь, валяющаяся на землѣ, не опрокинула легкаго экипажа. Наконецъ, путь сдѣлался свободнѣе и молодые люди уже могли разсмотрѣть просѣку, которою начинались передовыя поля фермы,—какъ вдругъ лошадь Карла сдѣлала дикій прыжокъ въ сторону, едва не выбившій изъ сѣдла юнаго всадника, и уперлась на мѣстѣ, рѣшительно отказываясь итти дальше.

— Что съ тобой, Карлъ? разсмѣялся Фрицъ и высоко поднялъ свой факель.—Споткнулся, что-ли, твой рыжій?

— Нѣтъ, я и самъ не знаю, что съ нимъ, откликнулся Карлъ.—Я думаю, не испугался-ли онъ чего-нибудь. Пстой, не двигайся дальше. Посмотримъ, что тутъ такое. Здѣсь, Фрицъ... поддержи-ка на минуту мою лошадь.

Молодой человекъ спрыгнулъ съ сѣдла, бросивъ Фрицу поводъ своей лошади, поднялъ высоко факель и осторожно зашагалъ по направленію къ тому мѣсту, которое внушило такое непонятное отвращеніе его лошади. Экипажи, натурально, остановились, а когда Георгъ Доннеръ предложилъ взять лошадей подъ уздцы и потихоньку провести впередъ, дамы сильно перепугались и ни за что не соглашались тронуться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не узнаютъ обстоятельно, что тамъ такое въ лѣсу.

Между тѣмъ Карлъ старательно осматривалъ мѣстность при помощи невѣрнаго свѣта факела, но не успѣлъ онъ сдѣлать и

двухъ шаговъ, какъ вдругъ ему бросилось въ глаза какое-то темное пятно и въ то-же время онъ почувствовалъ странный, отвратительный запахъ: немудрено, что его лошадь такъ испугалась. Желая лучше рассмотреть почву, онъ опустилъ факель почти къ самой землѣ и въ ту-же минуту изъ груди его вырвался крикъ:

— Кровь! Георгъ, иди сюда: здѣсь цѣлая лужа крови!

Георгъ въ минуту спрыгнулъ съ сѣдла и прибѣжалъ на мѣсто. Карлъ былъ правъ. На землѣ виднѣлось огромное кровавое пятно. При свѣтѣ факеловъ они увидѣли, что кровавая лужа начиналась влѣво отъ дороги, ведущей на ферму, затѣмъ шла къ канавѣ и оттуда вела въ лѣсъ. Не долго пришлось имъ искать разрѣшенія этой загадки: шагахъ въ десяти отсюда, въ глухомъ кустарникѣ, наткнулись они на страшно обезображенный трупъ чловѣка, буквально изрубленного ножомъ или топоромъ и плававшего въ своей собственной крови.

Что было дѣлать? Не было никакой возможности уступить одинъ изъ своихъ кабриолетовъ, чтобы отвезти въ городъ эту ужасную массу, потому что послѣ этого онъ совершенно не годился-бы въ употребленію; но во всякомъ случаѣ необходимо было избавить дамъ отъ этого ужаснаго зрѣлища. Фрицъ съ однимъ изъ факеловъ былъ командированъ за лошадью и повозкой, а Кельманъ съ Карломъ и Георгомъ Доннеромъ, взявъ другой факель, поехали рысью обратно въ Доннерсвилъ, чтобы заявить объ этомъ полиціи.

Мировой судья въ Доннерсвилѣ только-что легъ въ постель — тамъ всегда всѣ ложились рано, — когда его потревожили и заставили снова встать. Онъ взялъ съ собою шерифа, двухъ констеблей и отправился къ мѣсту происшествія съ нѣсколькими обитателями маленькаго городка, случайно услышавшими о найденномъ трупѣ и замыкавшими теперь шествіе. Въ числѣ ихъ были кузнецъ Гамильтонъ и столяръ мулатъ Чарльзъ Банкрофтъ.

Дойдя до мѣста, гдѣ было совершено преступленіе и гдѣ начинались первые слѣды крови, полицейскіе чиновники тщательно изслѣдовали его. Повидимому, не было ни малѣйшей борьбы; по крайней мѣрѣ, совершенно невозможно было найти слѣдовъ ея на довольно глубокомъ пескѣ; по всей вѣроятности, убійца поджидалъ

свою жертву, спрятавшись за какимъ-нибудь толстымъ древеснымъ стволомъ, расколотымъ бурей или молніей. Видно было, что убійца, совершивъ свое преступленіе, протащилъ тѣло черезъ канаву и бросилъ его въ кусты; это несомнѣнно доказывалось глубокимъ кровавымъ слѣдомъ и рѣзко отпечатавшимися на землѣ слѣдами сапоговъ, подбитыхъ здоровенными гвоздями.

Теперь нужно было изслѣдовать трупъ въ томъ самомъ видѣ, какъ его нашли, и въ данномъ случаѣ это не представляло особенныхъ затрудненій. Убитый долго жилъ въ Доннерсвилѣ, хотя и въ разные промежутки времени. Такъ-какъ лицо его было мало и даже совсѣмъ почти не обезображено, то почти всѣ изъ окружающихъ сразу узнали его.

— Шерардъ! пролетѣло изъ устъ въ уста восклицаніе, когда Карлъ освѣтилъ своимъ факеломъ кровавый трупъ. — Агентъ изъ Георгіи! Кто-бы это могъ убить его?

Гамильтонъ всталъ на колѣни и обыскалъ всѣ карманы убитого: часы, письма, деньги—все было при немъ,—слѣдовательно, убійца не имѣлъ въ виду грабежа; но какая-же тогда была цѣль убійства? Шерифъ взялъ вещи къ себѣ на сохраненіе; пріѣхали, наконецъ, и дроги, чтобы отвезти изувѣченные останки,—и процессія медленно потянулась обратно въ городъ, кромѣ обитателей любенштейнской фермы, вернувшихся домой.

Оба цвѣтныя, Гамильтонъ и Банкрофтъ, замыкали шествіе. Всю дорогу Гамильтонъ былъ какъ-то особенно молчаливъ и задумчивъ, такъ что Банкрофтъ, наконецъ, спросилъ его:

— Ужъ не подозрѣваете-ли вы, сосѣдъ, кого-нибудь въ совершеніи этого убійства?

— Вѣрите вы, сосѣдъ, въ возмездіе, посылаемое иногда Богомъ за старыя преступленія? возразилъ кузнецъ, уклоняясь отъ прямого отвѣта.

— А вы въ него не вѣрите? спросилъ, въ свою очередь, Банкрофтъ. — Оно, дѣйствительно, существуетъ, хотя мы, близорукіе люди, очень часто не постигаемъ его.

— Вы знали этого человѣка?

— До сегодняшняго вечера я ни разу не видалъ его. Говорятъ, онъ вербовалъ бѣлыхъ людей и отправлялъ ихъ на югъ, но никогда не говорилъ имъ, что ихъ тамъ ожидаетъ.

— До освобожденія цвѣтныхъ сѣверными штатами онъ былъ торговцемъ рабами.

— Судя по его лицу, онъ, дѣйствительно, способенъ на это.

— А знаете-ли, кто убилъ его?

— А вы знаете?

— Я думаю, что знаю. Это Гильсъ—проповѣдникъ.

— Проповѣдникъ?! воскликнулъ Банкрофтъ, качая головой,— и еще послѣ такой проповѣди, какую онъ намъ сказалъ сегодня?

— Убитый, продолжалъ Гамильтонъ,—держалъ въ штатѣ Георгіи кровожадныхъ собакъ для охоты за цвѣтными. Въ послѣдній день передъ вступленіемъ сѣверныхъ войскъ они загнали Гильса собаками на дерево, а потомъ привели въ городъ связаннаго, чтобы тамъ повѣсить его.

— И онъ узналъ, что Шерардъ былъ сегодня здѣсь?

— Сосѣдъ, сказалъ Гамильтонъ тихимъ, горячимъ тономъ,— человекъ, отъ котораго теперь не осталось ничего, кромѣ безобразной, кровавой массы передъ нами,—человекъ этотъ былъ на борту парохода въ ту ночь, когда у меня отняли моихъ дѣтей. Я чи минуты не сомнѣваюсь, что въ тотъ ужасный вечеръ именно онъ купилъ обѣихъ моихъ дочерей—Лидди и Полли и увезъ ихъ на югъ. И знаете-ли, кто навелъ сегодня убійцу на настоящій слѣдъ? Лидди, ребенокъ, натурально неизмѣннѣе ни малѣйшаго подозрѣнія, что ея слова повлекутъ за собою такія ужасныя послѣдствія. Да, Банкрофтъ, и промыслъ Божій, и возмездіе одинаково существуютъ, только мы не всегда можемъ видѣть ихъ своими слабыми, смертными глазами.

— Но кто-же былъ его убійцей? испуганно прошепталъ мучать.—Братъ Гильсъ... духовное лицо...

— Тсъ!.. остановилъ его осторожный Сипъ:—незачѣмъ называть чье-нибудь имя, сосѣдъ... Я ничего не знаю... Этотъ злой бѣлый человекъ многихъ цвѣтныхъ затравилъ до смерти своими кровожадными собаками... Я знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Шерардъ не былъ ограбленъ; онъ могъ быть убитъ въ борьбѣ... Или вамъ хочется связаться съ судомъ бѣлыхъ?.. Пусть ихъ сами розньскиваютъ. Да и кто можетъ донести объ этомъ? Этотъ злой бѣлый человекъ послалъ на югъ не мало нѣмцевъ; бывшіе плантаторы подожгли ихъ дома и натворили такихъ безчинствъ, что

многіе изъ нѣмцевъ вернулись сюда раззоренными въ конецъ. Развѣ не могъ кто-нибудь изъ нихъ совершить убійство?.. Перестанемъ лучше толковать о такихъ вещахъ, которыя совсѣмъ насъ не касаются, а только могутъ довести до бѣды.

Въ самомъ дѣлѣ, Гамильтонъ былъ правъ и Банкрофтъ понималъ это. Положеніе негровъ на сѣверѣ все еще не было совершенно безопасно. Приверженцы юга и рабства пользовались малѣйшимъ случаемъ, чтобы произвести государственный переворотъ и вернуться къ старымъ порядкамъ.

Дальнѣйшее слѣдствіе не дало никакихъ удовлетворительныхъ результатовъ. Методистскій проповѣдникъ Гильсъ съ этихъ поръ ни разу болѣе не являлся въ здѣшнихъ окрестностяхъ; ни одинъ чиновникъ не могъ найти ни малѣйшаго основанія для привлеченія его къ суду по этому дѣлу. Гильсъ былъ внѣ всякихъ подозрѣній. Вообще всѣ думали, что Шерардъ повстрѣчался съ однимъ изъ нѣкогда обманутыхъ имъ нѣмцевъ и тотъ, въ пылу гнѣва и ярости, убилъ его; но кто это собственно былъ — осталось скрытымъ на вѣки.

Въ Луизианѣ весна. Люди сдѣлали все, что только могли, чтобы раззорить эту страну и превратить ее въ пустыню, а природа, словно издѣваясь надъ ихъ дикими и нечестивыми усиліями, снова расцвѣла во всемъ своемъ великолѣпіи и усыпала поля и лѣса цвѣтами.

Вновь украсились своими благоухающими лиловыми цвѣтами хинныя деревья, посаженныя передъ домами; бѣлоснѣжныя цвѣты магнолій блистали по-прежнему. Американскій соловей насвистывалъ свою любимую пѣсню, цѣлыя стаи великолѣпно разрисованныхъ птицъ, прилетѣвшихъ изъ Мексики вмѣстѣ съ пеликанами, дикими гусями и утками, порхали въ прохладномъ лѣсу; окрестные сады пестрѣли и благоухали пышными оранжевыми цвѣтами.

Стеклянные двери хорошенькаго будуара г-жи Бѣдингъ отворены настежь, пропуская въ комнату бальзамическій воздухъ изъ роскошнаго, въ полномъ цвѣту сада. Вся маленькая семья въ сборѣ и сидитъ

за завтракомъ; Геба сидитъ рядомъ съ Дюбеномъ. Однако, ея личико что-то очень печально сегодня и выраженіе грусти пробѣгаетъ по ея лицу каждый разъ, когда она взглянетъ на станутый ремнями пледъ, лежащій на стулѣ рядомъ съ молодымъ живописцемъ. Онъ отправляется, наконецъ, сегодня съ ближайшимъ, двухчасовымъ поѣздомъ въ свою художественную экскурсію, которую онъ до сихъ поръ все откладывалъ со дня на день.

— А ргорос, Дюбенъ, сказалъ Бѣдингъ,—вы ничего новаго не слышали о Вольфѣ фон-Берге? Онъ долженъ быть теперь далеко уже за Скалистыми горами, если только его не оскальпировали индѣйцы; иначе онъ непремѣнно даль-бы о себѣ хоть маленькую вѣсточку.

— Я и позабылъ передать вамъ обоимъ сердечный поклонъ отъ него, сказалъ Дюбенъ.—Вчера я получилъ отъ него письмо.

— Въ самомъ дѣлѣ? Гдѣ-же онъ теперь обрѣтается?

— Ну, это довольно трудно сказать, гдѣ онъ теперь. Онъ началъ свое письмо въ маленькомъ городѣ Смитфильдѣ, но не послалъ оттуда, а кончилъ и отправилъ его изъ Нью-Орлеана. Онъ пишетъ, что уже достаточно насытился дикою жизнью и возвращается домой, но сперва хочетъ посѣтить германскія воды въ Теплицѣ или Гаштейнѣ, чтобы полечиться тамъ отъ раны, которую онъ получилъ во время одного нападенія индѣйцевъ и которая до сихъ поръ еще мучитъ его.

— Неужели онъ дѣйствительно сражался съ индѣйцами? воскликнулъ Бѣдингъ.—Вотъ такой человекъ какъ-разъ годился-бы тебѣ въ мужа, Лаура: вѣдь ты постоянно бредишь подобными приключеніями и пылаешь особенною страстью къ краснокожимъ.

Глубокая скорбь разлилась по лицу молодой женщины, но она почувствовала на себѣ взглядъ Дюбена и, тихо покачавъ головой, отвѣтила:

— Теперь у меня ужъ пропала охота къ подобнымъ приключеніямъ и я вполне довольна своей тихой домашней жизнью; да и невозможно требовать исполненія всѣхъ нашихъ желаній.

Дюбенъ всталъ и посмотрѣлъ на свои часы.

— Вы уже отправляетесь? спросилъ Бѣдингъ.

— Кабриолетъ уже поданъ и мнѣ не хотѣлось-бы опоздать.

Геба, милая моя, голубушка, я долженъ теперь оставить тебя, — ты не забудешь меня?

Блѣдная, какъ смерть, встала молодая дѣвушка.

— Неужели это такъ необходимо? прошептала она.

— Да, дитя мое, это необходимо для нашего обоюднаго счастья, чтобы впослѣдствіи наслаждаться жизнью въ мирѣ и спокойствіи. И въ какихъ вѣрныхъ, добрыхъ рукахъ оставляю я тебя здѣсь.

До сихъ поръ молодая дѣвушка стойчески выдерживала себя, подавляя ежеминутно набѣгавшія на глаза слезы, наконецъ, страшная горестъ прорвалась-таки наружу. Судорожно ухватилась она за спинку близъ стоявшаго стула, потомъ выпустила ее и протянула обѣ руки своему возлюбленному.

— Геба! воскликнулъ Дюбень, — голубушка моя, не дѣлай еще тяжелѣе и безъ того мучительную минуту разставанья. Вѣдь я скоро вернусь къ тебѣ и тогда ужъ ничто на свѣтѣ не въ состояніи будетъ разлучить насъ.

Блѣдный ребенокъ не могъ слова выговорить. Съ судорожными рыданіями обняла она своего возлюбленнаго и скрыла лицо на его груди; при взглядѣ на нихъ у самой г-жи Вѣдингъ заструились по лицу горячія слезы. Можетъ быть, она вспомнила подобное прощанье и послѣдовавшую затѣмъ встрѣчу.

Самъ Вѣдингъ, котораго не легко было вывести изъ его обычнаго спокойствія, растрогался. Но все-таки подъ конецъ практическая натура взяла въ немъ верхъ.

— Полно, дитя, тепло сказалъ онъ ей, — тебѣ нечего беспокоиться: вѣдь ты наша пріемная дочь. Ты и сама не замѣтишь, какъ быстро пройдетъ время разлуки съ нимъ; тебѣ придется учиться, много учиться. Развѣ ты сама захотѣла-бы выйти теперь за Дюбена, оставаясь такой глупенькой, какова ты теперь, и потомъ во всемъ уступать другимъ? Это не годится, сокровище мое... Ты только сдѣлала-бы несчастными и себя, и твоего мужа; а теперь Дюбень владеть основаніе твоему-же будущему благосостоянію.

Съ минуту Геба оставалась еще въ прежнемъ положеніи, вздрагивая всѣмъ тѣломъ; потомъ вдругъ вырвалась изъ объятій Дюбена. Ея блѣдное личико было еще орошено слезами, а губы снова уже улыбались и она произнесла твердымъ голосомъ:

— Вы правы, г. Бёдингъ, — я злой, неблагодарный ребенокъ... Но, прибавила она съ трогательною нѣжностью, — вѣдь я такъ люблю его!

— Геба, милое дитя! воскликнуть Дюбенъ, еще разъ крѣпко прижимая ее къ себѣ, — я никогда не забуду этой минуты и благодарю тебя за нее. Ты сдѣлала меня вполне счастливымъ и я расстаюсь теперь съ тобой съ твердой увѣренностью, что намъ обоимъ предстоятъ веселая, счастливая жизнь. Да сохранитъ тебя Господь Богъ, а пока — до скорого, радостнаго свиданія!

(Окончаніе.)

ДИССОНАНСЫ.

I.

Нась губять жизненныя грозы
И все черствѣе съ каждымъ днемъ
Мы смотримъ на людскія слезы,
Склонивъ чело передъ врагомъ.

Порой ведемъ мы бой крававый,—
Но этой битвой роковой
Хотимъ купить мы только право
Не умереть на мостовой.

Борьба съ друзьями, съ вами, братья,
Борьба за мѣдныя гроши,—
Я посылаю ей проклятыя
Изъ глубины моей души.

II.

Мой другъ, ты шепчешь со слезами:
„Что-жь будетъ съ нами, если въ насъ
И для такой борьбы съ годами
Погибнетъ прежнихъ силъ запасъ?“

О, пусть погибнуть эти силы,
Пусть нестерпимымъ станетъ гнетъ,—
По крайней мѣрѣ до могилы
Скорѣй судьба насъ доведеть!

Быть можетъ, счастья тамъ не будетъ,
Но вѣчный миръ насъ все-же ждетъ

И злѣйшій врагъ насъ не разбудитъ
Для новыхъ пытокъ и невзгодъ.

III.

Ты плачешь? Ты ждала отъ неба
Иныхъ наградъ, иныхъ даровъ, —
Не кровью купленнаго хлѣба,
Не мѣста между мертвецовъ?

Я самъ не ждалъ такой развязки,
Мнѣ точно такъ-же жизнь моя
Лгала, рассказывая сказки,
И я ей вѣрилъ, какъ дитя.

И даже нынче, въ тѣмъ постылой,
Подчасъ готовъ повѣрить я,
Что надо мной хоть предъ могилой
Займетса счастья заря.

А. Михайловъ.

НЕДУГИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА

XVIII ВѢКА *).

Петровская реформа, создавшая въ средѣ старой Россіи новую Россію, раздвоила общество на два противоположныхъ лагеря: на Россію, тянувшую назадъ, и на Россію, выведенную страшными усиліями гениальнаго человѣка на путь развитія и усовершенствованія, и волей-неволей стремившуюся впередъ; иначе говоря, на Россію реакціонную и прогрессивную. Еще при жизни Петра эти два лагеря пришли въ столкновеніе другъ съ другомъ, начали борьбу между собою, упорно вели ее цѣлое столѣтіе, каждый отстаивая свое право на существованіе. Ничтожная горсть послѣдователей Петра должна была выдерживать натискъ громадной массы своихъ противниковъ и каждый шагъ своего поступательнаго движенія покупать дорогой цѣной. Вслѣдствіе постоянного противодѣйствія движенію, данному Петромъ Великимъ, тяжело и медленно прививалась къ намъ европейская цивилизація. Мы брились, надѣвали нѣмецкое платье, копировали европейцевъ въ своей вѣшной жизни, но при этомъ неохотно учились даже грамотѣ. Полудержавный властелинъ Меншиковъ былъ безграмотный. Когда Екатерина II учредила свою извѣстную законодательную комиссію, то значи-

---

*) Русскій Архивъ, 11 томовъ, 1863—1873.—Русская Старина, 7 томовъ, 1870—1873.—Сборникъ русскаго историческаго общества, 10 томовъ, 1867—1872.—Восемнадцатый вѣкъ, 4 тома, 1868—1869.—Деятнадцатый вѣкъ, 2 тома, 1872.—Архивъ кн. Воронцова, 5 томовъ, 1870—1872.—Записки Добрынина, 1872.—Записки кн. Шаховского, 1872.—Исторія Россіи Соловьева, т. XV—XXII, 1865—1872, и мн. др.

тельная часть дворянскихъ депутатовъ, выбранныхъ, конечно, изъ людей самыхъ развитыхъ по тому времени, оказалась состоящею изъ неучей, неумѣющихъ ни читать, ни писать (Об. Истор. Общ., IV, 271, 279, 281, 295, 350). Бывали и губернаторы безграмотные, какъ напр., въ царствованіе Павла Латышевъ въ Вяткѣ (XVIII В., IV, 473). Въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія могилевскою епархіей правилъ епископъ Афонасій, малограмотный до того, что не могъ читать даже знакомаго ему евангелія безъ ошибокъ и частыхъ медленныхъ исправокъ (Зап. Добрынина, 296). Значительная часть приходскаго духовенства въ провинціяхъ была также безграмотна, хотя, повидимому, это и несомнѣннѣе съ профессіей духовнаго сословія. Въ 1739 г. томскій архимандритъ доносилъ сибирскому митрополиту, что „въ сочиненіи исповѣдныхъ росписей и рапортовъ, за неимѣніемъ при монастырѣ писарей изъ грамотныхъ служителей, чинится остановка, а дьячки и пономари писать не умѣютъ“. Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Анны разосланъ былъ указъ, которымъ духовенство обязывалось собственноручно расписываться подъ присяжными листами. Но въ западной Сибири расписаться подъ ними сумѣло только около половины поповъ и дьяконовъ. За остальныхъ расписывались разные служилые люди, посадскіе или грамотные изъ причта, и при этомъ чистосердечно заявлялось, что „онъ, попъ, грамотѣ не умѣеть“. Много было и такихъ, которые стыдились своего безграмотства и подпись за нихъ другихъ лицъ лукаво объясняли тѣмъ, что „онъ, попъ, слѣпъ“ или „онъ, попъ, очьми скорбенъ“. Та-же исторія происходила по этому случаю и въ восточной Сибири. Здѣсь было даже еще больше безграмотныхъ священниковъ и они, отказываясь отъ подписи присяжнаго листа, проявляли даже какой-то страхъ къ этому необычному для нихъ дѣлу. Вотъ что писалось по этому случаю со словъ одного священника къ иркутскому архіерею Иннокентію. „Я человекъ къ тому дѣлу незаобычаенъ и не умѣю, что дѣлать: подъячаго нѣтъ, дьячочъ слабъ и писать не смѣю; самъ закащикъ (т. е. благочинный) знаетъ про меня, что мнѣ не сдѣлать; боюсь учинить пророненіе; а потому прошу отъ таково дѣла за такою моею необычайностію и недоумѣніемъ меня уво-

лить“. Даже лучшіе изъ духовныхъ, заѣзички и иневизиторы (экзаменаторы), „не знали, какъ въ должности правленія своего поступать, отправлять дѣль порядочно не могли и належащихъ по дѣламъ бумагъ сочинять были не въ состояніи“ (Томск. Архивъ; Иркутск. Епарх. Вѣдомости). Масса служилыхъ людей другихъ сословій стояла въ этомъ отношеніи еще ниже духовенства. Въ началѣ XVIII вѣка „многіе дворяне грамотѣ съ нуждою могли разумѣть, а писать только рѣдкіе знали“ (Зал. Данилова, 14). Въ 1801 г. правительство заявляло, что въ полкахъ находится множество дворянъ, неумѣющихъ ни читать, ни писать (П. С. З., № 19,825). Въ это время, по свидѣтельству Дмитріева, „учились читать и писать одни люди богатые и избранные. Бѣдные дворяне ничему не учились, привыкли только къ хозяйству“ (Мелочи, 17). Даже тѣ родители, которые желали, чтобы ихъ дѣти стояли наравнѣ съ новыми обычаями и понятіями преобразованнаго на европейскій ладъ общества, рекомендовали имъ не грамотность и не чтеніе книгъ, а одно только перениманіе того, что они видятъ и слышатъ. „Дворянину, писалъ въ концѣ прошлаго вѣка одинъ помѣщикъ,—нужно знать законы гражданскіе... А для сей надобности, гдѣ случай допустить, нужно имѣть обхожденіе съ примѣчаніемъ съ служащими въ штатской службѣ. Словомъ сказать, молодому человѣку во всякихъ терминахъ разсужденія, какъ воинскаго, такъ и гражданскаго, гдѣ случай допустить, внимательно слушать и замѣчать на память“ (Р. Арх., 1865, 474). Для безграмотныхъ такое „охожденіе съ примѣчаніемъ“ замѣняло собою книги. Извѣстный Добрынинъ, напр., научился писать изъ чтенія переписки своего архіерея. „Все сіе было для меня полезнымъ навыкомъ, говорятъ онъ,—а паче въ такія времена, когда рѣдко гдѣ умѣли правильно мыслить и говорить, кромѣ академиковъ, которые питаются очень жирно и не приносятъ государству пользы на булавочную головку, кромѣ задачъ, праздношью порожденныхъ“ (Записки, 64). Безграмотный попъ служилъ на память, дьячекъ пѣлъ по наслышкѣ, безграмотный судья судилъ по „примѣчанію“; что-же касается подписыванья бумагъ, то это было дѣломъ не очень труднымъ. Извѣстенъ анекдотъ о безграмотномъ офицерѣ, который вмѣсто подписи

ставилъ двадцать семь вертикальныхъ чертъ, которыя писарь соединялъ одну съ другой, придавая имъ подобіе буквъ, и выходило *капитанъ Шишкинъ*. Въ обществѣ всегда было множество противниковъ грамотности, которые утверждали, что учить грамотъ людей простого званія—значитъ распложать ябедниковъ и производителей фальшивыхъ ассигнацій и паспортовъ, а учить грамотъ дѣвушекъ—значитъ давать имъ средство къ любовной перепискѣ, а слѣдовательно, и къ разврату.

Грамотность, однакожь, отнюдь не избавляла людей отъ невѣжества и суетнѣрія, которыми была опутана масса безграмотнаго народонаселенія. При ней во дворцѣ книжки читались только одною Екатериною, на образованность которой Елисавета смѣтрѣла неблагопріятно (XVIII В., II, 461). Фельдмаршалъ гр. Бутурлинъ не имѣлъ никакихъ географическихъ свѣденій даже о тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ онъ въ 1760 г. приготовлялся воевать противъ короля прусскаго. Когда по этому поводу во дворцѣ былъ составленъ военный совѣтъ, то для фельдмаршала всѣ мѣста, о которыхъ предстояло разсуждать, были отмѣчены карандашомъ. Во время разсужденій Бутурлинъ вышелъ изъ комнаты, а Чернышевъ перевернулъ карту. Возвратясь и не находя на ней помѣченныхъ крестиковъ, полководецъ началъ тыкать пальцемъ въ море, на что Чернышевъ замѣтилъ ему, что „туть утонешь“ (Р. Стар. IV, 695). Въ 1737 г. велѣно было дважды въ годъ экзаменовать кадетъ въ присутствіи одного сенатора. Когда въ 1740 г. наступилъ срокъ этихъ экзаменовъ, то сенатъ назначилъ присутствовать на нихъ своему старшему члену, генералъ-аншефу Чернышеву. Но Чернышевъ, *подобно прочимъ сенаторамъ, за необученіемъ другимъ наукамъ, кромѣ военной экзерциции*, къ экзаменаторской роли не годился; Нарышкинъ, *единственный сенаторъ, способный къ этому дѣлу*, имѣлъ въ то время другія занятія, и сенатъ поэтому ходатайствовалъ передъ государыней освободить сенаторовъ, за ихъ неспособность, отъ участія въ кадетскихъ экзаменахъ (П. С. З., № 8,253). При восшествіи на престолъ Екатерины I сенатъ не зналъ числа городовъ въ имперіи, не имѣлъ ни реестра ихъ, ни географической карты и не могъ даже сосчитать суммы государственныхъ доходовъ, когда Екатерина заставила его произвести контроль

(Р. Арх. 1865, 480). Покойный гр. Ф. Толстой рассказывает, что уже при Александрѣ I многіе первостепенные генералы и сановники не имѣли никакого понятія о геодезій и изумлялись, что есть средства опредѣлять разстояніе до недоступныхъ мѣстъ или высоту недоступныхъ горъ (Р. Ст., VII, 42). Невѣжество и малограмотность въ провинціальной администраціи были до того велики, что при открытіи намѣстничествъ встрѣчались сильныя затрудненія въ пріисканіи даже способныхъ писцовъ, не говоря уже о судьяхъ и другихъ подобныхъ чиновникахъ (Зап. Державина, 256; Р. Арх., 1865, 895). Въ Сибири одинъ губернаторъ, по своему малограмотству, былъ рѣшительно неспособенъ заниматься дѣлами и рѣшеніе ихъ предоставлялъ секретарямъ. Когда чиновникъ приносилъ ему подписывать бумаги, то губернаторъ, въ удостовѣреніе того, что въ нихъ нѣтъ ни плутовства, ни ошибки, заставлялъ докладчика побожиться, перекреститься и сдѣлать земной поклонъ передъ иконою, а потомъ уже подписывалъ. Всѣ служили и дѣйствовали по рутинѣ, и когда обстоятельства вынуждали выступать за ея предѣлы, то выходили презабавныя исторіи. Въ 1784 г. иркутскій и колыманскій намѣстникъ Пиль предписалъ колыманскому намѣстническому правленію составить топографическое описаніе колыманской области; матеріаломъ для этого описанія должны были служить вѣдомости, истребованныя отъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ. Правленіе черезъ семь лѣтъ отослало къ Пилю нѣсколько отрывковъ изъ составляемаго будто-бы описанія; но оно солгало: описанія никакого не составлялось, а посланные отрывки были ничто иное, какъ простыя копіи съ вѣдомостей, доставленныхъ разными присутствіями. Пиль сдѣлалъ правленію выговоръ за то, что оно доставило къ нему не описаніе, а только списки вѣдомостей, и не держалось въ этомъ случаѣ ни его наставленій, ни посланнаго имъ плана описанія. Но правленіе отвѣчало, что ни плана, ни предписаній Пилия, „за случившимся въ Барнаулѣ наводненіемъ, отыскать не можно“. Пиль велѣлъ правленію „избрать способнаго человѣка изъ находящихся въ судебныхъ мѣстахъ чиновниковъ и, препоручивъ ему всѣ принадлежащія къ составленію того описанія бумаги, согласивъ, сочинить оное настоящимъ порядкомъ, какъ наивозможно поспѣшить, внуша ему, что таковыя его труды удостоятся высококомаршаго

благоразсмотрѣнія“. Начали искать способнаго человѣка; правленіе разослало по всѣмъ городамъ колыванскаго намѣстничества циркуляры о вызовѣ желающихъ. Но желающихъ не нашлось никого. Одни присутственныя мѣста доносили правленію, что „изъ гг. чиновниковъ къ вышеописанному составленію описанія, какъ оному, такъ и прочимъ высокимъ наукамъ никто обучаемъ не былъ, а потому и принять на себя не могутъ“. Другіе изъяснялись витіеватѣе: „хотя-бы къ столь достохвальному упражненію въ сочиненіи *исторіи* находящіяся въ колыванской палатѣ уголовного суда изъ чиновниковъ за удовольствіе могли принять на себя оное упражненіе, но въ разсужденіи, какъ въ таковыхъ сочиненіяхъ не обращались, въ которомъ должно въ расположеніи его знаніе имѣть, а не менѣ случаю того почти никогда не было, гдѣ-бы можно сдѣлать таковыя замѣчанія, кои къ тѣмъ предметамъ свойственны въ помѣщеніи той исторіи, чѣмъ навяще могло-бы усовершенвать оную, и по таковымъ изъясненнымъ причинамъ изъ чиновниковъ того на себя описанія никто принять не можетъ“. Колыванское правленіе, не зная, что дѣлать, навинулось на предсѣдателя колыванскаго губернскаго магистрата, Паклина, который, однако, отозвался, что онъ „за обременѣніемъ должностію, къ предписываемому вызову и исполненію отлучиться отъ должности не можетъ“. Правленіе обрадовалось такому отзыву и предложило Паклину приниматься за описаніе, сдавъ на это время должностъ другому лицу. Но Паклинъ отвѣчалъ, что „касательно до *типографическаго* (sic!) описанія относящейся до молодыхъ и свѣдущихъ людей должности, которая не только по моимъ лѣтамъ, но и по имѣющемуся отъ долговременно несящей службѣ нездоровью, ни мало не способствуетъ, а потому онъ желанія своего показать не можетъ“. Правленіе отвѣчало: изъ словъ Паклина видно, что онъ можетъ, но не хочетъ составить описаніе, что помѣщенныя въ рапортѣ его выраженія о долговременности службѣ и „относительно до молодыхъ людей“ обнаруживаютъ „его противу вышняго правительства роптливость“, поэтому правленіе положило сдѣлать ему строгій выговоръ и принудить его къ составленію описанія. Но судьба выручила несчастнаго Паклина: наконецъ, нашелся-таки въ Сибири человѣкъ, который могъ свести всѣ топографо-статистическія таблицы въ одно цѣлое. Это былъ оставшійся въ Си-

бири спутникъ Палласа, Кашкаровъ. Правленіе обрадовалось этой находкѣ. Такъ-какъ Кашкаровъ, служившій расправнымъ судьей, былъ выгнанъ изъ службы и находился подъ судомъ за разные преступленія, то за описаніе ему общано прощеніе. А такъ-какъ за нимъ „примѣчена слабость въ употребленіи излишняго питья горячихъ напитков“, то правленіе положило держать его подъ строгимъ присмотромъ въ его собственной квартирѣ, а „экзакутору велѣть по часту бывать въ его, Кашкарова, квартирѣ и освѣдомляться“. Описаніе, наконецъ, было составлено (Томск. Губ. Архивъ, д. № 180). Дѣловыя бумаги прошлаго вѣка сплошь и рядомъ поражаютъ и безграмотствомъ, и бессмыслицей. Впрочемъ, подобные случаи были не рѣдки даже и въ первой половинѣ настоящаго вѣка. Когда, напр., оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ былъ гр. Перовскій, то на запросъ его, отчего умираетъ множество солдатъ въ гарнизонѣ николаевской крѣпости,—не отъ спертаго-ли воздуха въ казармахъ и не отъ климата-ли, комендантъ отвѣчалъ слѣдующимъ рапортомъ: „Въ командуемой мною крѣпости св. Николая воздуха и климата не имѣется, есть одинъ палящій зной, отъ котораго люди заболѣваютъ, но тотчасъ-же мною отправляются въ госпиталь, гдѣ и умираютъ на законномъ основаніи“ (Р. Стар. II, 530). Невѣжество военнаго сословія было поразительное, и глядя на него, знаменитый путешественникъ Палласъ съ соболѣзнованіемъ восклицалъ, что „богъ войны есть врагъ музъ“. Духовенство стояло не выше по своему образованію. Во время путешествія Шанца сибирскій митрополитъ не вѣрилъ обращенію земли вокругъ солнца и всѣ старанія астронома убѣдить его въ этомъ остались тщетными. Другой епископъ въ одной изъ среднихъ губерній цѣлую жизнь трудился надъ опроверженіемъ коперниковской системы, но его обширная трактация не могла быть напечатана по цензурнымъ препятствіямъ. Не только множество сельскихъ, но даже и городскихъ священниковъ, по своей неразвитости, были рѣшительно неспособны къ отправленію своей главной обязанности—проповѣднической. Если какое-нибудь торжественное событіе требовало произнесенія проповѣди, между тѣмъ какъ въ цѣломъ городѣ не было ни одного духовнаго лица, способнаго составить ее, то нерѣдко проповѣдь сочинялась свѣтскимъ грамотнымъ человекомъ,—напр., губернаторомъ. Такъ, напр., при открытіи въ

1785 г. больницы въ губернскомъ городѣ Петрозаводскѣ, губернаторъ Державинъ, „за неимѣніемъ ученыхъ духовныхъ, написалъ слово, которое и было произнесено соборнымъ священникомъ“. При открытіи народнаго училища въ 1787 г. также ни архіерей и никто изъ духовныхъ не могли сочинить проповѣди, и за составленіе ея опять принялся поэтъ-губернаторъ (Зап. Державина, 264, 269). Случалось и такъ, что и духовенство, и свѣтская администрація, отличалась одинаковою неразвитостью, но пылая желаніемъ проповѣдывать, начинали соперничать. Въ Звѣнигородѣ одинъ подобный священникъ, ораторскую неспособность котораго понималъ даже городничій, часто выходилъ съ проповѣдью. Но нерѣдко городничій сгонялъ его съ амвона; „пошелъ, я самъ скажу“, говаривалъ онъ и становился передъ налоомъ; проповѣдь его обыкновенно состояла изъ наставленій будочникамъ; однихъ онъ ругалъ, называя мошенниками и т. п., а другихъ хвалилъ и выставлялъ въ примѣръ прочимъ (Русск. Арх., 1869, 630).

Вообще, масса русскаго общества съ реформою Петра пріобрѣла кое-какія понятія о новыхъ порядкахъ, кое-какія техническія свѣденія, но относительно общаго умственнаго развитія и образованія оставалась на прежнемъ низкомъ уровнѣ. Газеты расходились мало и свѣденія о важныхъ общественныхъ событіяхъ, войнахъ, завоеваніяхъ, народныхъ бѣдствіяхъ, въ родѣ голодовокъ, пожаровъ, наводненій, эпидемій и т. п., распространялись медленно и большею частію въ извращенномъ видѣ посредствомъ слуховъ и сплетень. Сплошь и рядомъ безграмотное дворянское семейство переписывалось съ своими родственниками черезъ грамотнаго двороваго человѣка (Дмитріевъ, 17). Точно также не газеты, а дворовые люди, возвращавшіеся изъ столицъ съ заработковъ, разносили по усадьбамъ вѣсти о важныхъ общественныхъ событіяхъ (Вигель, IV, 57). Нѣкоторые притворялись образованными, но въ сущности были такими-же невѣждами, какъ и ихъ безграмотные собратья. Знаменитый горнозаводчикъ Турчаниновъ, напр., имѣлъ богатѣйшую бібліотеку, которою не пользовался. Наслѣдники его, желая тоже хвастаться своею любовью къ просвѣщенію, не продали этой бібліотеки, а удержали за собой, но были до того невѣжественны, что раздѣлили всю ее на три равныя части, разбирая каждый по тому

каждаго сочиненія, русскаго и иностраннаго (Р. А., 1870, 566). Большинство-же не увлекалось модою и съ искреннею злобою, смѣшанною со страхомъ, вооружалось противъ образованія, какъ противъ источника преступнаго вольнодумства, разврата, даже какъ противъ причины сумасшествія. Въ подтвержденіе послѣдняго обыкновенно приводили въ примѣръ людей *зачитавшихся*, которыхъ было такъ много въ старинномъ русскомъ обществѣ. Зачитавшимся назывался такой человекъ, любознательность котораго, далеко превосходившая и его умственныя силы, и его грошевыя свѣденія, заставляла его пожирать книги и рѣшать всѣ возникавшіе въ его головѣ вопросы что-называется своимъ умомъ, который, вслѣдствіе своей слабости и постоянного напряженія, вырабатывалъ нелѣпыя представленія, парадоксальныя идеи, нерѣдко цѣлую нелѣпѣйшую теорію. Зачитывались главнымъ образомъ библіей, а въ ней преимущественно апокалипсисомъ. Люди мало-мальски образованные возбуждали въ провинціяхъ такую-же подозрительность и ненависть, какъ и блаженной памяти Чацкій. Въ началѣ XIX в., съ болѣшимъ распространеніемъ грамотности и любви къ чтенію, эта невѣжественная непріязнь постепенно переходила въ не менѣе невѣжественное благоговѣніе къ образованнымъ людямъ, въ особенности къ писателямъ, каждая печатная строчка которыхъ принималась россиянами съ такою-же благоговѣйною вѣрою, какую внушаетъ мусульманину стихъ изъ алкорана. Большинство писателей, даже въ началѣ XIX в., отличалось, сравнительно съ европейскими литераторами, крайнимъ невѣжествомъ. Дмитріевъ рассказываетъ, что когда Херасковъ написалъ свою нелѣпую „Россіаду“, то петербургскіе литераторы и любители словесности нѣсколько вечеровъ сряду собирались у Новикова, чтобы обдумать и написать разборъ поэмы, но не могли ничего придумать, кромѣ выраженія безконечныхъ восторговъ передъ бездарнѣйшимъ рифмоплетомъ (Мелочи, 32).

Невѣжество препятствовало развитію духа раціонализма и поддерживало въ обществѣ множество дикихъ предразсудковъ, созданныхъ предъидущими вѣками. За исключеніемъ немногихъ, особенно сильныхъ умовъ, въ родѣ Петра или Ломоносова, всѣ остальные общественные дѣятели болѣе или менѣе были заражены суевѣріемъ. Чичаговъ и Потемкинъ вѣрили въ примѣты и предсказанія, какъ позднѣе Аракчеевъ вѣрилъ въ ворожбу. Воз-

мите записки Болотова, Державина, Мертваго, Вигеля, Дмитріева, — чьи угодно мемуары того времени, и вы непременно найдете въ нихъ одинъ или нѣсколько разсказовъ о таинственныхъ событіяхъ, которыя приводятся въ подтвержденіе суевѣрій автора. То разсказывается о какомъ-нибудь вѣщемъ снѣ и о дѣйствительномъ совершеніи того событія, которое предвѣщалось имъ; то о стеклѣ, лопнувшемъ на часахъ въ ту самую минуту, когда скончался пріятель владѣльца этихъ часовъ, то о таинственномъ вліяніи чиселъ на жизнь человѣческую *); то объ оправдавшихся предчувствіяхъ и т. д. (Зап. Болотова, I, 25; Державинъ, 414; Р. Ст., V, 185, 463, 554, 564, 569; Р. А. 1865, 941; Мелочи Дмитріева, 115, 249; Вигель, III, 58 и мн. др.). Вѣрованіе въ волшебство, гаданье, предсказываніе будущаго было почти всеобщимъ. Не довольствуясь гадалками и прорицателями, которые до позднѣйшаго времени бывали даже въ столицахъ и пользовались здѣсь большою славою во всѣхъ классахъ народонаселенія, нѣкоторые бары держали при себѣ особыхъ волшебниковъ и волшебницъ. Такъ, напр., кievскій губернаторъ кн. Дм. Голицынъ держалъ при себѣ ворожею, которая имѣла „у себя много число кошекъ вмѣсто сатаны“; въ Петербургѣ онъ ѣздилъ не иначе, какъ послѣ благопріятнаго предсказанія этой бабы (Соловьевъ, XVI, 357). Не только солдаты, но даже морскіе и сухопутные офицеры носили съ собою въ походы „суевѣрныя клижицы“ съ заклинаніями отъ непріятельскаго оружія. Духовныя власти во все продолженіе XVIII в. преслѣдовали волшебство съ вѣрою въ его таинственную силу. Въ 1770 г. въ яренскомъ уѣздѣ судили вѣдьмъ (Мордовцевъ). Въ 1765 г. въ шацкой провинціи судили оборотней и даже лекарь тамошній засвидѣтельствовалъ фактъ оборотничества (Р. Ст., VII, 725). Необыкновенныя физическія явленія волновали и городскихъ и сельскихъ жителей суевѣрнымъ страхомъ. Особенно сильное впечатлѣніе производили кометы. Когда явилась комета въ 1811 г., то даже очень образованнымъ людямъ она внушала „мрач-

* Вѣрованіе во вліяніе чиселъ особенно свѣрществовало въ мистическую эпоху начала XIX столѣтія; это, конечно, не странно, но въ высшей степени странно, что въ 1871 году современный историкъ Александра, генералъ Богдановичъ, вздумалъ убѣждать читателей „Русской Старины“, что число 12 имѣло особое таинственное значеніе въ александровской жизни (Р. Ст., т. III, стр. 532)!

ныя мысли“ и они, „какъ простолюдины, вѣровали въ сіе страшное знаменіе“ (Вигель, III, 173). Большія землетрясенія, бывшія въ Европѣ въ XVIII в., производили потрясающее впечатлѣніе и въ Россіи. Въ 1755 г. въ Петербургѣ, въ присутствіи Елисаветы, проповѣдывалось, что землетрясеніе 1755 г. есть не только чудесное наказаніе за грѣхи, но и предвѣстіе кончины міра (Галаховъ, Истор. хрест., I, 266). Ученые своими изслѣдованіями, выводами, инструментами и опытами производили на массу такое-же устрашающее впечатлѣніе, какъ волшебники своими фокусами. Когда аббатъ Шаппъ пріѣхалъ въ Тобольскъ, то всѣ горожане, вся чернь и за-одно съ нею военный генералъ смотрѣли на Шаппа съ его астрономическими инструментами, какъ на волшебника, думалъ, что его прибытіе въ Сибирь было причиною сильнаго разлива Иртыша и что рѣка войдетъ снова въ свои берега только послѣ его отъѣзда. Во время Ломоносова масса общества относилась къ естествознанію, въ особенности къ физикѣ и астрономіи, съ такимъ-же суевѣрнымъ страхомъ, какъ тобольцы къ опытамъ Шаппа. Смерть ученаго Рихмана, убитаго молніей во время опытовъ надъ громоотводами, была объясняема въ Петербургѣ, какъ наказаніе за продерзостное проникновеніе въ тайны божіи. Иногда самое обыкновенное событіе производило всеобщій переполохъ. Въ ноябрѣ 1732 г. въ Иркутскъ забѣжалъ огромный медвѣдь. Онъ прогулялся по всему городу и послѣ того долго жилъ въ окрестномъ лѣсу, опустошая городскіе табуны. Никто изъ иркутцевъ не рѣшался застрѣлить медвѣдя, считая его оборотнемъ, а его прогулка по Иркутску была сочтена предвѣстіемъ смерти губернатора Жолобова (Ирк. лѣтопись). Нерѣдко создавался какой-нибудь чудовищный мифъ и волновалъ суевѣрнымъ страхомъ все городское населеніе. Такъ въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія въ Петербургѣ ходилъ слухъ, что какой-то „попъ, для содѣланія нѣкоего неистовства, нарядился въ козью съ рогами шкуру, которая тотчасъ къ нему приросла, и что будто-бы въ семь видѣ повезутъ его ночью на казнь. Нелѣпная сказка сія такъ распространилась, что три дня сряду народъ собирался во множествѣ“, ожидая казни попа, превращеннаго въ козла (Зап. Шишкова, 101). Предсказанія о кончинѣ міра, о голодѣ и друиыхъ подобныхъ общественныхъ бѣдствіяхъ также часто распространяли общую

суевѣрную панику. До какихъ нелѣпостей доходило суевѣріе даже въ представителяхъ власти, показывается слѣдующій случай изъ жизни XVIII в. Воевода г. Ельца рапортовалъ сенату: „половина города выгорѣла до тла и съ пожитками, а изъ оставшейся половины города ползуть тараканы въ поле, и видно, что быть и на эту половину гвѣву божію, и надолго-ль, коротко-ль, и той половиной города горѣть, что и отъ старшихъ людей примѣчено. Того ради правительствующему сенату представляю, не благоугодно-ли будетъ градожилителямъ пожитки свои выбрать и оставшуюся половину города зажечь, дабы не загорѣлся городъ не во-время и пожитки всё-бы не сгорѣли“. Сенатъ сдѣлалъ выговоръ воеводѣ за его глупое предложеніе (Р. А., 1866, 372).

Суевѣріе часто соединялось съ фанатическою нетерпимостью къ иновѣрцамъ и создавало о нихъ нелѣпныя сказки. Такъ, напр., иерѣдко возникали судебныя дѣла объ евреяхъ, которые будто-бы замучивали христіанъ, въ особенности младенцевъ, добывая изъ нихъ кровь для своихъ религіозныхъ обрядовъ (Соловьевъ, XV, 98). Такія дѣла бывали и въ настоящемъ столѣтіи, въ Саратовѣ, напр., не далѣе, какъ въ тридцатыхъ годахъ. Лютеранъ, католикъ и вообще европейскихъ иновѣрцевъ, а также и русскихъ баръ, заразившихся въ Европѣ религіознымъ вольнодумствомъ, общество и духовенство вынуждены были терпѣть вслѣдствіе государственной необходимости; но относительно вѣрованій народныхъ массъ нетерпимость только по временамъ ограничивалась свѣтскимъ правительствомъ. Сибирскій митрополитъ Филофей требовалъ, чтобы раскольниковъ дозволено было *сожигать*, и получилъ на это разрѣшеніе Петра; при Аннѣ были случаи сожженія людей за соvrащеніе въ еврейство; за богохульство сожигали или отсѣвали голову (Семевскій, Слово и Дѣло, 39); фанатиковъ-раскольниковъ тайно казнили и бросали въ рѣку (Истор. Бумаги Арсеньева, 132); а въ Сибири ихъ сожигали на монастырскихъ дворахъ. Лопухинъ рассказываетъ объ ужасныхъ истязаніяхъ духоборцевъ въ его время (Записки, 99); нѣкоторые депутаты въ екатерининской законодательной комиссіи доказывали, что ихъ, „яко скотовъ заблудшихъ“, необходимо истреблять безъ остатку; Шишковъ и Фогіи проповѣдывали крестовный походъ противъ всѣхъ сектантовъ и т. д. Преслѣдованія ра-

скольниковъ, уголовныя наказанія, ссылка на каторгу впродъ до обращенія, ограниченіе сектантовъ и въ политическихъ и въ гражданскихъ правахъ достаточно свидѣлствуютъ о силѣ духа нетерпимости, воспитаннаго въ московско-византійской школѣ. Обращенія иновѣрцевъ сплошь и рядомъ совершались съ помощью вовсе не миссіонерскихъ средствъ. Мы приведемъ здѣсь два случая изъ самыхъ обыкновенныхъ. Въ половинѣ XVIII в. въ Сибири было заведено нѣчто въ родѣ инквизиціи. Митрополитъ Антоній извѣстилъ циркулярно всѣхъ закащиковъ своей епархіи, что „отъ его архіерейства ко исправленію дѣлъ тѣхъ, что о духовности надлежитъ, учреждена комиссія“, которой закащики должны доносить о лицахъ, подозрѣваемыхъ въ расколѣ, и о церковникахъ, покровительствующихъ ему. Митрополитъ грозилъ, что о всякой утайкѣ „для учиненія надлежащей тѣмъ превратителямъ экзекуціи, куда надлежитъ отъ предсказанной комиссіи представлено будетъ, со объявленіемъ каждаго закащика, со объявленіемъ винъ“. Комиссія приняла за правило посылать команды всюду, гдѣ, по доносамъ, оказывались раскольники. Нападая на села, эти команды захватывали всѣхъ подозрѣваемыхъ въ расколѣ, заковывали въ ручные и въ ножные кандалы и, ограбивъ дома ихъ, увозили самихъ ихъ въ Тобольскъ, гдѣ они подвергались всѣмъ мученіямъ отвратительнаго тюремнаго заключенія и жестокихъ истязаній. Неистовства этихъ командъ сдѣлались извѣстными сенату черезъ доносъ оренбургскаго начальства и инквизиціонная комиссія была закрыта (Томск. Мон. Архивъ; Тоб. Губ. Вѣдом.). Самоистребленіе раскольниковъ, какъ извѣстно, было между ними въ большомъ ходу и вызывалось преслѣдованіями. Нѣкоторые историки похваляются тѣмъ, что у насъ религіозные раздоры и гоненія никогда не доходили до такой ожесточенности, какъ на Западѣ. Это совершенно справедливо, но объясняется вовсе не духомъ терпимости, а могуществомъ свѣтской власти и національнымъ индиферентизмомъ. Людей искренно вѣрующихъ и въ то-же время толерантныхъ у насъ было всегда очень мало.

Масса общества, оставаясь долго внѣ существенныхъ вліяній европейской цивилизаціи, сохраняла патріархальные нравы, обычаи и понятія до-петровской старины. Даже внѣшняя, матеріальная обстановка жизни долго не уступала мѣста европейскимъ

нововведеніямъ. Императрица Анна, при всей своей любви къ блеску и роскоши въ платьѣ, наряжалась по-европейски только въ парадныхъ случаяхъ, а въ домашней жизни ходила въ простонародномъ костюмѣ, — носила кофту и повязывала на головѣ платокъ (Р. А., 1865, 1,523). Этотъ обычай сохранялся въ массѣ женщинъ даже въ первой четверти настоящаго вѣка, когда Вигель, послѣ столичной жизни, былъ пораженъ имъ въ Пензѣ, а Сперанскій въ Сибири. вмѣстѣ съ платьемъ удерживался и старинный, московскій порядокъ жизни. Женщина была обставлена такимъ патріархальнымъ образомъ жизни въ домашнемъ быту, что не только не могла быть воспитательницей своихъ дѣтей, но не умѣла даже накормить ихъ и вырастить. Грязная семейная обстановка, укладываніе дѣтей на одной постели съ отцомъ и матерью, питаніе ихъ сладкими веществами до обжорства, употребленіе розогъ и жестокихъ побоевъ были обыкновенными явленіями даже въ среднихъ и высшихъ слояхъ общества; и все это долго еще послѣ Петра сохранялось въ томъ-же видѣ, какъ и до него. Домашнія и общественныя удовольствія также медленно переходили изъ древне-московской формы въ европейскую. Чесаніе пятокъ, слушаніе сказокъ и потѣха надъ шутами развлекали не только богатыхъ людей въ провинціи, но и въ столицахъ, не только невѣжественныхъ бояръ, но, повидимому, и цивилизованныхъ, бывавшихъ за-границей. Похвальба физической силой, оргіи и кутежи, несмотря на внѣшнее, чисто формальное соблюденіе нравственныхъ предписаній, были въ большомъ ходу. Послѣ великихъ постовъ, въ первые дни разговѣнья, обыкновенно предавались неумѣренному употребленію пищи и питья. Тотчасъ послѣ пасхальной заутрени, говоритъ Ломоносовъ, недавніе строгіе постники, „какъ съ привязу спущенныя собаки, какъ накопленная вода съ отворенной плотины, какъ изъ облака прорвавшіеся вихри, — рвутъ, ломаютъ, валяютъ, опровергають, терзають: тамъ разбросаны разныхъ мясъ раздробленныя части, разбитая посуда, текутъ пролитыя напитки; тамъ лежатъ безъ памяти отягченные объяденіемъ и пьянствомъ, тамъ валяются обнаженные и блудомъ утомленные... Для увѣренія о семъ можно справиться по церковнымъ запискамъ, около котораго времени въ цѣломъ году у поповъ больше меду на кутью исходитъ“ (Бесѣды въ общ. люб. р. слов., III, 79). Къ числу самыхъ популярныхъ увеселеній народа относи-

лись кулачные бои, которые даже въ Петербургѣ сопровождались ужаснымъ кровопролитіемъ. Многіе люди, вынувъ пожи, за другими бойцами гоняются; другіе, положа въ рукавицы ядра, камни и кистени, бьютъ многихъ безъ милости смертными побоями, и это убійство въ убійство и въ грѣхъ не виѣняется“ (Соловьевъ, XVIII, 319). Въ этихъ бояхъ принимали участіе, кромѣ простонародья, и нѣкоторые дворяне, и купцы, и семинаристы, и даже студенты университета; въ Казани до сихъ поръ сохраняется преданіе о нѣкоторыхъ университетскихъ студентахъ, напр., о Рѣзановѣ, стяжавшихъ себѣ безсмертную славу на кулачномъ полѣ. Въ Казани, Томскѣ и во многихъ другихъ городахъ кулачныя битвы или *войнички*, какъ онѣ называются по мѣстамъ, не вышли изъ обычая даже до сихъ поръ; но нынѣ онѣ уже не такъ часты и многолюдны, какъ въ былое время, когда въ нихъ участвовали нерѣдко цѣлыя тысячи, а другія тысячи наслаждались созерцаніемъ этихъ бессмысленныхъ, отвратительныхъ побоищъ. Наслажденіе кулачными боями и всевозможными издѣвательствами надъ человѣческой личностью сильно вліяло на огрубѣніе нравовъ, но еще болѣе содѣйствовала этому огрубѣнію постоянная практика тѣлесныхъ наказаній, доставлявшихъ многимъ чрезвычайно пріятное зрѣлище. Публика была чрезвычайно падка на подобныя зрѣлища; когда по улицамъ везли на позорной колесницѣ преступника; когда на эшафотѣ отрубали головы, вырывали ноздри, сѣкли и засѣкали кнутомъ; когда по вытянутой линіи солдатъ вели несчастнаго, осыпаемаго градомъ палочныхъ ударовъ или, уже изнемогаго, везли его на телѣжкѣ, когда пороли семинаристовъ на семинарскомъ дворѣ или наказывали кантанистовъ на площади, — тутъ непремѣнно присутствовали толпы зрителей обоихъ половъ, всѣхъ возрастовъ и званій, и нерѣдко, за неимѣніемъ официальныхъ палачей, ихъ обязанности охотно исполнялись любителями. И въ то время, какъ страданія людей доставляли удовольствіе, въ то время, какъ поруганія надъ человѣческой личностью стояли въ числѣ самыхъ обыкновенныхъ наслажденій и полудикое общество страдало недостаткомъ гуманыхъ чувствованій, члены этого общества отличались страстною любовью къ скотамъ — собакамъ, лошадямъ, ручнымъ медвѣдямъ и т. д. Ковышши, псарни, свинныя хлѣвы доставляли одно изъ высшихъ наслажденій. Нѣкоторые дворяне даже жили въ своихъ конюш-

няхъ, не выходя никуда, даже въ церковь. „Что-жь, пойдешь въ церковь, будешь думать о лошадяхъ... нельзя-съ!“ (Р. Арх., 1869, 156). Главною страстью Вирона были лошади и, по его желанію, въблизи дворца былъ выстроенъ огромный манежъ, стоявшій 100,000 р. Анна до того пристрастилась къ лошадямъ, что въ этомъ манежѣ занималась дѣлами и давала аудіенціи (Р. Стар., VII, 339). Страсть къ свиньямъ также увлекала многихъ, и Тарасы Скотинины Фон-Визина встрѣчались въ дѣйствительной жизни во всемъ блескѣ фонвизинскаго героя (Вигель, III, 38). Свинья не были, однакожь, главными любимцами полудикаго общества, которое питало особенную слабость къ собачей породѣ. Мужчины воспитывали и лелѣли крупныхъ собакъ, а дамы—маленькихъ. Собачья страсть у панихъ барынь доходила до карриатуры. Современница Измайлова, одна жившая въ Петербургѣ графиня, „окружена была множествомъ кошекъ и собакъ. Наконецъ, онѣ такъ расплодились, что уже не было имъ помѣщенія въ домашнемъ ковчегѣ. Тогда размѣстила она излишество своего народонаселенія по городскимъ будкамъ, уплачивая будочникамъ извѣстную мѣсячную плату за содержаніе переселенцевъ. Въ прогулкахъ своихъ объѣзжала она свои колоніи, приказывала вносить въ карету къ себѣ колонистовъ, и когда казалось ей, что они не довольно сытно и чисто содержались, она будочникамъ дѣлала строгій выговоръ и грозила имъ, что переведетъ своихъ пріемышей на другую застольщину“ (Р. Арх., 1873, 1,034). Попугаи и обезьяны были также принадлежностью каждаго порядочнаго дома. Наши посланники при иностранныхъ дворахъ, между прочимъ, получали указы о доставленіи „мартышекъ, сирѣчь обезьянъ, ко двору нашему“ (Р. Стар., IV, 587) *). Любили потѣшиться и ручными медвѣдями. У Ромодановскаго ихъ было нѣсколько. Онъ обыкновенно заставлялъ приходящихъ къ нему гостей выпивать чарку водки, смѣшанной съ перцомъ, которую держалъ въ лапѣ хорошо обученный большой медвѣдь. Въ случаѣ отказа гостей, медвѣдь принуждалъ ихъ пить, срывая съ нихъ шляпу, парикъ или хватая за платье (Р. Арх., 1872,

---

*) Это нисколько не странно для того времени, когда канцлеръ А. Остерманъ, знавшій „секретъ, чѣмъ таракановъ выводить“, заправлялъ истребленіемъ этихъ насѣкомыхъ во дворцѣ (Р. Стар., IV, 684).

1,370). Медвѣди размножились особенно послѣ того, какъ извѣстный самодуръ Радзивиль устроилъ для ихъ воспитанія въ своемъ имѣннѣ, Сморгоняхъ, пресловутую сморгонскую академію. Медвѣди обучались здѣсь особыми мастерами въ двухъ-этажномъ зданіи, въ которомъ каменный полъ второго этажа накаливался громадною печью изъ нижняго этажа. Студенту надѣвали лапти на заднія лапы, предоставляя передними ступать на горячій полъ; но такъ-какъ подошвы жару не выдерживали, то медвѣдь и принужденъ былъ держаться на заднихъ лапахъ. Достигнувъ этой привычки, медвѣдь приучался затѣмъ къ разнымъ другимъ штукамъ, которыя дѣлали изъ него звѣря ученаго. Выученные медвѣди, выдержавъ экзаменъ, поселялись въ мѣстечкѣ Мирѣ и здѣсь получали высшее образованіе отъ цыганъ. Еще болѣе сильною страстью, чѣмъ скотолобіе, была охота. Каждый порядочный человѣкъ того времени былъ непремѣнно охотникомъ и приучалъ къ этому благородному занятію своихъ дѣтей съ ранней молодости. „Въ тогдашнее время, писалъ Болотовъ о своемъ дѣтствѣ,—была такая-же у многихъ глупость, какою заражены многіе и нынѣ, т. е. чтобы брать съ собою на охоту маленькихъ дѣтей, коихъ отъ младыхъ ногтей приучали къ сей вредной и раззорительной охотѣ“ (Запис. Бол., I, 57). Но люди, въ родѣ Болотова, были рѣдкимъ исключеніемъ, и эта забава считалась благородною страстью, которою увлекались даже дамы.

Такимъ образомъ, въ обществѣ развивались преимущественно грубые, чисто-животные инстинкты и страсти. Поэзія прославляла господство физической силы и создавала новый цыклъ богатырей. Любовь была однимъ лишь чувственнымъ наслажденіемъ; женщина цѣнилась по однимъ только физическимъ своимъ свойствамъ; понятіе о почтенности не отдѣлялось еще отъ понятія о *дородности*, а физическая сила и богатырскій ростъ считались одними изъ главныхъ достоинствъ мужчины. Баринъ, одинъ ходившій на медвѣдя, сгибавшій лошадиныя подковы между пальцами, подобно Костенецкому, богатыри въ родѣ графовъ Орловыхъ внушали къ себѣ неподдѣльное уваженіе. А люди слабые и хилые, напротивъ, были не на хорошемъ счету. Таковъ былъ, напримѣръ, въ половинѣ XVIII вѣка ученый и даровитый архимандритъ Іоакимъ Карпинскій. „Ему неоднократно по старшинству и учености доставалось быть епископомъ, но одинъ изъ

синодальныхъ членовъ на сей случай сказалъ: „онъ по натурѣ пигмей, а думаетъ о себѣ, что онъ съ ивановскую колокольню“. А другой: „онъ достоинъ быть архіереемъ, но всю ризницу по себѣ перепортить“, и между тѣмъ, какъ великаны пересушивали пигмея и переводили его изъ монастыря въ монастырь, Карпинскій дожилъ до глубокой старости и скончался мирно, не получивъ архіерейства, по причинѣ, что былъ малаго роста и высокаго ума“ (Записки Добрынина, 23). Всѣ эти пороки и недостатки, не только не облагораживались, но даже поддерживались и развивались воспитаніемъ. „Въ Россіи, писалъ Пушкинъ, — домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, самое безнравственное. Ребенокъ окруженъ одними холопами, видитъ гнусныя примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, объ взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести“ (XIX вѣкъ, II, 211). Если такъ было во второй четверти настоящаго вѣка, то что-же было раньше! Да и относительно настоящаго вѣка Пушкинъ въ своей официальной запискѣ, конечно, стѣснялся говорить о всѣхъ темныхъ сторонахъ домашняго воспитанія того времени. Ребятъ часто баловали: ло-нелзя и росли изъ нихъ идіотовъ-Митрофанушекъ, которые, вслѣдствіи постояннаго обжорства, лѣни и своевольства не развивали въ себѣ никакой энергіи, даже никакихъ физическихъ достоинствъ, въ родѣ силы и ловкости. Но въ большинствѣ случаевъ отцы-десноты гнули дѣтей въ бараній рогъ, приучая ихъ къ лицемерію, къ рабской изворотливости, къ боязни одной только силы. Семейныя ссоры и раздоры, грубое обращеніе съ крѣпостными людьми, постоянное зрѣлище наказаній и униженія — все это убивало въ дѣтяхъ человѣческое чувство. (Зап. Данилова, 42). Сатира XVIII вѣка очень подробно изображаетъ недостатки тогдашняго воспитанія. Вотъ что рассказываетъ, напр., о себѣ одинъ дворянинъ: „Отецъ мой, дворянинъ, живучи съ малыхъ лѣтъ въ деревнѣ, былъ человѣкъ простаго нрава и сообразовался во всемъ древнимъ обычаямъ, а мать была сложена тому совсѣмъ противнаго, отчего нерѣдко происходили между ними несогласія и всегда другъ друга не только всякими бранными словами, какія только вздумать можно, ругали, но не проходило почти того дня, чтобы они между собою не дрались или людей на конюшнѣ плетми не сѣбли... Я въ скорое время, къ удивленію всѣхъ домашнихъ, уже совершенно

выражалъ всё бранныя слова, которыя, бывало отъ родителей своихъ слышу; а что до тиранства принадлежало, то уже въ томъ и родителей своихъ превосходилъ, хотя и они въ семь искусствъ гораздо не плохи были... Матушка моя, пришедши изъ конюшни, въ которой по обыкновенію дѣлала расправу крестьянамъ и крестьянкамъ, читаетъ, бывало, французскую любовную книжку и мнѣ всё прелести любви и нѣжность любезнаго пола по-русски пересказываетъ". Результатомъ была преждевременная развращенность (Живописецъ, II, 180). Другой баринъ рассказываетъ: „провождая дни свои въ деревнѣ, былъ я воспитанъ бабушкою, которая любила меня чрезвычайно. Первые мои лѣта упражнялся я, проигрывая съ крестьянскими ребятами цѣлые дни на гумнѣ; часто случалось, что бивалъ ихъ до крови, и когда они приходили къ учителю, (который былъ старый дьячекъ нашего прихода), то онъ отгонялъ ихъ. Бабушка моя подъ жесточайшимъ гнѣвомъ запретила ниже словомъ огорчать меня“ (Всякая всячина, 242). Нерѣдко случалось, что за шалости барченка наказывали не его самого, а крестьянскихъ мальчишекъ. „Въ одно время гуляли мы съ племянникомъ Матрены Петровны, рассказываетъ Даниловъ,—и третій былъ съ нами молодой слуга, который насъ училъ грамотѣ и самъ учился. Племянникъ ея и наслѣдникъ завелъ насъ въ яблони и началъ обивать яблоки, не спросясь своей тетушки. Довнесено было сіе преступленіе теткѣ его; она приказала всѣхъ насъ троихъ привести передъ себя на нелицемерный судъ и, въ страхъ племяннику, приказала съ великимъ гнѣвомъ поднять невиннаго слугу и учителя нашего на козель, и сѣкли его очень долгое время немилостиво, причитая: „не обивай яблокъ съ яблони!“ Потомъ и до меня дошла очередь. Приказала вдова и меня поднять на козель, и было мнѣ удара три подарено въ спину, хотя я, какъ и учитель нашъ, яблоковъ отнюдь не обивалъ“. Когда же дошла очередь до племянника, то вдова только сказала ему: „дурно-де, непригоже, сударь, такъ дѣлать и яблоки обивать безъ спрсса моего“, а потомъ, поцѣловавъ его, сказала: „чаятельно, ты, Иванушко, давеча испугался, какъ сѣкли твоихъ товарищей; не бойся, голубчикъ, я тебя никогда сѣчь не стану“ (Зап. Данилова, 44). Немудрено, что при такихъ условіяхъ дѣти рано пріучались къ жестокости и сами становились тиранами; „вѣшивали собакъ на сучьяхъ и по-

роли людей такъ, что родители, бывало, животныи надорвутъ со смѣху“ (Живописецъ, I, 94). Одною изъ самыхъ дурныхъ сторонъ воспитанія была травля домашнихъ животныхъ собаками и игра въ солдатиковъ, которая нерѣдко окончивалась несчастными случаями. „Я познакомился со многими дѣтьми, рассказываетъ Болотовъ, — уговорилъ и набралъ изъ нихъ цѣлое капральство и человекъ до тридцати выбралъ изъ нихъ ефрейторовъ и барабанщиковъ, снабдилъ ихъ всѣхъ деревянными ружьями, а барабанщиковъ маленькими барабанами“. Началась служба. „Я начиналъ уже мечтать о себѣ, что я уже нѣчто составляю. Я приумножилъ еще болѣе мою военную команду и, перенимая все, какъ маленькая обезьяна, у старыхъ, восхотѣлъ завести и такую строгую дисциплину, какая соблюдалась въ полкахъ, и не только учить ихъ экзерциціи, но и ослушныхъ наказывать по-военному. Одинъ мальчишка, будучи нѣсколько разъ браненъ за ослушаніе команды и за неприходъ въ повелѣнное время, побудилъ насъ всѣхъ сдѣлать общій совѣтъ, чѣмъ-бы намъ его за то наказать. И мы осудили всѣмъ его передъ фронтомъ порядочнымъ образомъ батожьями. Сіе и учинили мы во всей формѣ, и бѣдняка сего разложивъ, порядочно выпороли“ (Зап. Болотова, I, 77). Мертваго рассказываетъ о себѣ еще болѣе характерный случай. „Мы раздѣлились на двѣ партіи, изъ которыхъ одной я былъ предводителемъ, и играли въ войну. Однажды собралось мало мальчиковъ моей партіи, и я, видя невозможность защищаться на открытомъ мѣстѣ, засѣлъ въ пустыхъ срубкахъ сгорѣвшихъ избъ. Предводитель непріятельской партіи, не зная, гдѣ мы скрывались, послалъ изъ партіи своей лазутчикомъ мальчика-дворянина... Его поймали и привели ко мнѣ. Я собралъ начальниковъ моей партіи, нарядилъ судъ, который рѣшилъ виновнаго повѣсить, и какъ ни любилъ я этого мальчика, но привелъ въ исполненіе приговоръ суда. Къ счастью нашему, петля, сдѣланная изъ рогожи, была мягка и не сильно захватила горло; однако, онъ переставалъ уже дышать, когда гарнизонный солдатъ, шедшій по пустырю, увидѣвъ наши продѣлки, прибѣжалъ и во время снялъ повѣшеннаго, который долго лежалъ безъ чувства“ (Зап. Д. Мертваго, 29). Иногда дѣти играли въ разбойниковъ и тоже доходили до осуществленія дѣйствительной разбойничьей жизни (Рус. Архивъ, 1868, 150). Что-же касается игры

въ солдатиковъ то, она была распространена во всѣхъ сословіяхъ, но особенно въ высшихъ, и одна только Екатерина II позаботилась устранить ее изъ числа забавъ своихъ малолѣтнихъ внуковъ (Рус. Арх., 1865, 625). Воспитаніе дѣтей въ сословіяхъ приказномъ, купеческомъ и духовномъ имѣло въ сущности тотъ же характеръ, какъ и воспитаніе барчатъ. Домашняя жизнь, съ деспотизмомъ своихъ самодурныхъ владыкъ, съ забытостью матерей, съ пьянствомъ и дебошами, клала на ребенка неизгладимые слѣды, а въ общественной жизни онъ подвергался еще болѣе развратительнымъ вліяніямъ. Дѣтей, напр., водили смотрѣть не только на грубыя народныя зрѣлища въ праздничные дни, но даже на тѣлесныя наказанія преступниковъ.

Въ семействахъ другихъ сословіи если и учили дѣтей, то учили только читать и писать, но въ дворянскихъ домахъ къ этому присоединялись еще языки, танцы, арифметика, иногда исторія и еще что-нибудь. Недостаточные дворяне обыкновенно нанимали учителей въ складчину (Рус. Арх., 1870, 553 и др.). Русскими учителями были обыкновенно дьячки, семинаристы и военные писаря; но каждый порядочный дворянинъ, повинаясь требованіямъ моды, держалъ еще учителя француза или нѣмца. Въ числѣ этихъ иностранныхъ педагоговъ, въ видѣ исключеній, попадались люди хорошіе, особенно послѣ французской революціи, такъ усилившей эмиграцію; но большинство состояло изъ невѣждъ и пройдохъ, которые только развращали дѣтей, а не учили ихъ. Къ одному московскому дворянину поступилъ въ учителя чухонецъ, выдавъ себя за француза, и выучилъ дѣтей его вмѣсто французскаго языка чухонскому (Зап. Порошина). Одни изъ этихъ учителей только полагались ученикамъ, ухаживали за ними и льстили (Вигель, I, 41), другіе просто развращали барчатъ, приучали ихъ къ волокитству, давали имъ сальныя французскія книжки; третьи же относились серьезно къ своему занятію и „не щадили жезла“. У Болотова, напр., былъ такой нѣмецъ учитель, который задавалъ ему нарочно самыя трудныя задачи, чтобы потомъ имѣть удовольствіе высѣчь ребенка. Однажды Болотовъ рѣшилъ такую задачу, но нѣмецъ не повѣрилъ, что онъ самъ рѣшилъ ее. „Онъ сдѣлался тогда сущимъ извергомъ. Онъ не только меня изсѣкъ немилосерднымъ образомъ хворостинами по всему тѣлу, безъ всякаго разбора, но грызъ почти меня зубами и терзалъ, какъ лютый «Дѣло». № 12.

звѣрь. Пѣна стояла у него во рту и до тѣхъ поръ онъ мучилъ меня, повуда выбился самъ уже изъ силъ и запыхался такъ, что принужденъ былъ меня покинуть“. Въ другой разъ нѣмецъ рѣшилъ дать Болотову 600 розогъ, и далъ уже 200, когда ребенка отняли (Зап. Бол., I, 67, 72). Такое образованіе продолжалось обыкновенно до пятнадцати-лѣтняго возраста.

Школьное образованіе вплоть до Александра I находилось въ самомъ жалкомъ положеніи. Школъ было очень мало. Въ введенныхъ при Петрѣ I епархіальныхъ училищахъ, какъ въ высшихъ, въ родѣ кіевскаго коллегіума, такъ и въ первоначальныхъ, въ 1727 г. было всего 6,153 ученика. Въ пяти епархіяхъ школъ вовсе не было или потому, что не на что было содержать ихъ, или за неимѣніемъ учителей (Пекарскій, Наука и лит. при Петрѣ, I, 107 — 121). Школы эти сплошь и рядомъ закрывались „за хлѣбною скудностью“ и открывались вновь только черезъ долгое время (Соловьевъ, XX, 31; Рус. Арх., 1864, 626). Иркутская школа, напр., основанная при Петрѣ I еп. Иннокентіемъ, при его преемникѣ Варлаамѣ закрылась. Иннокентій 2-й возобновилъ ее и содержалъ на монастырскій счетъ около 60 мальчиковъ. Въ 1746 г. этотъ архіерей умеръ, школа опять закрылась и открылась снова черезъ тридцать четыре года. Нѣкоторые архіереи, напр., архангельскій Варсонофій, даже сопротивлялись учрежденію этихъ школъ, недоумѣвая, „чего ради“ онѣ заводятся (Соловьевъ, XXII). Ученики положительно нищенствовали въ духовныхъ школахъ. Въ кіевской академіи до конца XVIII в. студенты жили милостыней, расходясь за сборомъ ея даже по селамъ. „Бѣдные ученики каждый день въ обѣденное время ходили по кіевскимъ улицамъ и передъ каждымъ домоу пѣли разные священныя стихи, испрашивая себѣ у жителей милостыни“. А по вечерамъ студенты пѣли и просили „то передъ домами кіевлянъ, то на житной площади для торгашей, оставшихся на ночлегъ въ своихъ лавкахъ. И все это продолжалось не одинъ, не два, не три года, а цѣлое столѣтіе изъ года въ годъ“ (Исторія кіевск. академіи, Булгакова, 104 — 106). Ученики и учителя петербургской александровской семинаріи и московской академіи такъ-же сильно бѣдствовали (Чистовичъ, Ист. спб. академіи, 16, 71; Смирновъ, Ист. моск. академіи, 95). Семинаристы ходили босикомъ и въ лаптяхъ, и любозна-

тельные изъ нихъ, не имѣя денегъ на покупку книгъ, списывали ихъ (Снигиревъ, Жизнь м. Платона, I, 9). Свѣтскія школы, цифирныя, навигацкія и другія находились почти въ такомъ-же бѣдственномъ положеніи. Харьковскій коллегіумъ, напр., даже въ концѣ XVIII в., на содержаніе дома, учителей, служителей и 150 студентовъ получалъ въ годъ только 1,500 руб. Естественно, что ученики „терпѣли и холодъ, и голодъ“ (Рус. Арх., 1872, 101). Со временъ Екатерины II содержаніе училищъ нѣсколько улучшилось, но улучшилось почти только на бумагѣ. Въ школы и при Петрѣ I и долгое время послѣ него набирали силой и *опредѣляли въ это несчастіе*, какъ выражается въ своихъ запискахъ одинъ тогдашній дворянинъ, даже великовозрастныхъ. Въ свѣтскія школы, говоритъ Веселаго, попадало поэтому не мало и такихъ юношей, которые, „еще бывши у себя въ деревнѣ, хаживали на медвѣдя и кулачный бой считали однимъ изъ пріятнѣйшихъ препровожденій времени; другіе серьезно придерживались чарочки“ (Ист. морск. корпуса, 10). Въ духовныхъ школахъ было то-же самое. Въ 1744 г. открыта школа при томскомъ монастырѣ и въ нее забрано 30 *дѣтей*, изъ которыхъ одному было 73 года, четыремъ свыше 40 лѣтъ, четыремъ свыше 30, пяти свыше 20, остальнымъ отъ 16 до 7 лѣтъ (Архивъ томск. алексѣевск. монастыря). Академиковъ и университетскихъ профессоровъ, выписанныхъ изъ-за границы, было болѣе или менѣе достаточно, но учителей высшихъ и среднихъ школъ было очень мало. Случалось, что на пустыя учительскія ваканціи вынуждены были опредѣлять арестантовъ, сидѣвшихъ въ острогѣ за нѣсколько убійствъ (Зап. Данилова; Соловьевъ, XX, 232). Изъ иностранныхъ учителей въ казенныя школы попадали всякіе люди, и такая-же дрянь, какъ въ домашніе учителя и эмигранты, бывшіе самими близкими людьми Дидро и Робеспьера. Масса учителей и воспитателей не могла внушать къ себѣ никакого уваженія. Они ссорились между собой, пьянствовали и безобразничали, ихъ сажали въ кутузку, сѣкли плетью и т. д. (Рус. Арх., 1866, 306—308). Самая система образованія не могла имѣть большого развивательнаго значенія. Во всѣхъ духовныхъ заведеніяхъ господствовала средневѣковая схоластика (Пекарскій, I, 5 и др.), въ свѣтскихъ-же школахъ — артиллерійскихъ, навигаторскихъ, на университетскихъ факультетахъ — преобладала профессиональная

экспериментальность, неосвѣщенная никакими общеобразовательными идеями и принципами. Лучшіе педагоги XVIII в. даже прямо хлопотали о томъ, чтобы преподаватели и ученики „фегеретическихъ мыслей подалше себя вели, чтобы не заблудиться, а больше держались-бы нравоченія“, такъ-какъ „отъ умозрительныхъ наукъ болѣе вреда, нежели пользы“ (Снигиревъ, I, 56 и др.). При Екатеринѣ II заботы объ общественномъ образованіи усилились, но и тутъ хлопотали не о расширеніи научныхъ знаній, не о развитіи ума, а о развитіи „добродѣтели и изящнаго сердца“. При Александрѣ I, вмѣстѣ съ основаніемъ гимназій и новыхъ университетовъ, училищное образованіе на нѣкоторое время поднялось, возникло даже стремленіе къ общему образованію, но не къ научному, а къ чисто-литературному, какииъ было оно, напр., во времена Пушкина въ царскосельскомъ лицѣѣ. Ученики и студенты видѣли одну только цѣль образованія, службу. „Въ университетѣ, говоритъ Лубяновскій въ своихъ запискахъ, — никто изъ насъ, за исключеніемъ медицинскаго факультета, не имѣлъ опредѣлительной цѣли. Всѣ мы просвѣщали себя и приготавливали къ государственной службѣ, и чѣмъ болѣе хвалили насъ за прилежаніе и успѣхи, тѣмъ болѣе мечтали мы о себѣ“ (Рус. Арх., 1872, 114). Испорченныя уже дома, дѣти не могли исправиться и въ училищахъ. Пушкинъ писалъ въ 1828 г., что кадетскіе корпуса относительно нравственности находятся „въ самомъ жалкомъ запущеніи“, а семинаріи и гимназіи „въ совершенномъ упадкѣ“ (XIX вѣкъ, II, 213). Пьянство, онанизмъ и другіе пороки положительно губили учащееся юношество даже въ настоящемъ столѣтіи; что-же было раньше! Въ прошломъ вѣкѣ ученики вели самую скандальную жизнь, пили напропалую, дрались по улицамъ, сплошь и рядомъ находились въ бѣгахъ, грабили, воровали и т. д. (XVIII вѣкъ, II, 448; Рус. Арх. 1866, 309 и др.). Въ Москвѣ, во время Ваньки-Каина, ученики гарнизонной школы составили изъ себя цѣлую воровскую шайку, въ которой были свои учителя мазурническаго искусства (XVIII вѣкъ, III, 307). За такія преступленія наказывали ужасно. Въ 1739 и 1740 г. кадетъ за воровство наказывали публично кошками и отдавали въ солдаты, сѣкли по два дня нещадно батогами и т. д. (Соловьевъ, XX, 223; Веселаго, 55). Но не менѣе жестоко наказывали за чисто-дѣтскія шалости, за лѣность, грубость и т. п. Въ прош-

ложь вѣкъ въ корпусахъ жестокость порокъ доходила до того, что кадеты бросались изъ оконъ и разбивались до смерти (Р. Арх., 1869, 165). Немногимъ лучше было юношеству и подъ властью духовныхъ педагоговъ. Вотъ какъ, напр., обучалъ своихъ пѣвчихъ арифметикъ сѣвскій архіерей, по разсказу одного изъ учениковъ: „Когда дошли мы до извлеченія радикаса квадратнаго и кубическаго, то архіерей для лучшаго намъ понятія ставилъ на столъ деревянную кубическую, вершка въ два, фигуру, сдѣланную нарочно на сей случай, по фигура наша имѣла совсѣмъ другое употребленіе, нежели для чего была сдѣлана. Архіерей часто бросалъ ее черезъ столъ по лбамъ, по головамъ непопятныхъ учениковъ, которые должны были всѣ разомъ за нею бросаться подъ стулья, подъ канапе, подъ столики, если она туда закатится, и паки подавать ее архи-учителю. Посему, извлеченіе нашего радикаса похоже было нѣсколько на игру въ мячикъ“ (Зап. Добрынина, 34). Или вотъ воспитанникъ петербургской семинаріи, Брызгаловъ, три недѣли по лѣности пригворился больнымъ, „но я его, доносить архимандриту учитель, — служительскимъ хлѣбомъ и розгами въ прежнее здоровье привелъ. Онъ публично людямъ, въ здѣшней слободѣ живущимъ, доношеніе на меня показалъ, что я его невѣрно училъ, что онъ у меня позабылъ больше, нежели научился и проч. Того ради укрѣплю я ему теперь получше ученныя вещи плетьюми, дабы онъ ихъ не позабылъ“ (Чистовичъ, 19). Сѣченье свирѣпствовало въ семинаріяхъ еще сильнѣе, чѣмъ въ кадетскихъ корпусахъ. Въ гражданскихъ школахъ было немного лучше; но во всѣхъ заведеніяхъ, военныхъ, духовныхъ и гражданскихъ все-таки господствовала одна система и приводила къ однимъ результатамъ — къ подавленію чувствъ личнаго достоинства и солидарности, къ развитію противоположныхъ имъ инстинктовъ и къ огрубѣнію характера.

Воспитаніе, такимъ образомъ, не столько искоренило, сколько поддерживало грубость нравовъ. Но такъ-какъ образованіе сдѣлалось необходимымъ для успѣховъ по службѣ, для приобрѣтенія реноме порядочнаго человѣка, то благородные россияне все-таки старались украшаться образованностью, какъ моднымъ платьемъ. Не имѣя въ сущности никакихъ разумныхъ убѣжденій, никакихъ прочныхъ вѣрованій, русское дворянство легко увлеклось модою философіи и безвѣрія. „Лучшее препровожденіе времени въ обще-

ствѣ, говорить Фоп-Визинъ,—состояло въ богохуленіи и кощунствѣ. Въ аристократіи грубый матеріализмъ, сладострастіе, смѣшивались съ атеизмомъ“ (Сочиненія, 511). На-сколько въ этихъ увлеченіяхъ было основательности, можно видѣть уже изъ одного того, что безбожію русскіе учились преимущественно у Вольтера, у этого ожесточеннаго врага всякаго атеизма! Пошаливъ въ молодости, большинство ихъ, подобно герою древнерусской былинны, подъ старость начинало думать о томъ, что теперь, дескать, „нужно и души спасти“. Вольнодумцы превращались въ ханжей и суетворъ. Какъ легко совершалось это превращеніе, можно видѣть, напр., изъ разсказа Лопухина. Я, разсказываетъ онъ о себѣ,—увлекался Вольтеромъ и Руссо. „Читая извѣстную книгу Systeme de la Nature, съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ сей книги извлеченіе подъ именемъ *устава натуры*. Я перевелъ уставъ этотъ, но напечатать его нельзя было. Я расположился разсѣвать его въ рукописяхъ. Но только-что дописалъ первую самымъ красивымъ письмомъ, какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе. Не могъ заснуть ночью прежде, нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку, и черную“. (Зап. Лоп., 14). Точно такъ-же исправлялись и многіе еще въ своей молодости (Зап. Болотова, II, 59—62). Это модное безвѣріе не соединялось тогда съ переменною нравственныхъ принциповъ; напротивъ, оно только прикрывало и поддерживало существовавшую уже до него нравственную распущенность. Когда-же вѣтеръ переменился, когда невѣріе смѣнилось ханженствомъ и севтаторскими духомъ, то и подъ этой новой маской все-таки продолжали жить старыя нравы и наклонности. Въ развратѣ извѣстной татариновской секты, въ сектѣ „*братъевъ-свиней*“, гдѣ были ученые, даже врачи иностранцы, и скверною плотію себя мазали“ (Русскій Архивъ, 1873, 1,435), мы видимъ тотъ-же развратъ, что и прежде, только въ другой формѣ. Либеральныя и ретроградныя идеи не вліяли, такимъ образомъ, на измѣненіе частной нравственности, не вліяли онѣ и на измѣненіе нравственности общественной. Масса либераловъ была такими-же деспотами, взяточниками и грабителями, какъ и масса консерваторовъ. Въ средѣ мягкосердыхъ масоновъ мы видимъ жестокихъ тирановъ надъ своими крестьянами, какъ, напр., Поздѣва. Даже относительно самого Новикова есть свидѣтельства, что онъ былъ

не хорошъ съ крестьянами. Самый образованный и самый даровитый изъ духовенства XVIII в., м. Платонъ, отличался крайне крутымъ нравомъ относительно подвластнаго ему духовенства. Одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, Волинскій, былъ отчаянный грабитель, взяточникъ, человекъ безсердечный. Татищевъ въ своей угодливости сильнымъ міра готовъ былъ запытать до смерти почти ни въ чемъ виноватаго человека (Р. Ст., 1873, № 7). Екатерина II, допускавшая злоупотребленія своихъ любимцевъ, вооружалась даже противъ тѣхъ, которые слишкомъ строго смотрѣли на нихъ, и держалась принципа „живи и жить давай другимъ“ (Зап. Державина). И въ противовѣсъ этой нравственной распушенности, въ тогдашнемъ обществѣ мало было *честныхъ людей* въ высшемъ значеніи этого слова. Правда, были безкорыстные и мужественные исполнители закона, люди, твердые въ своихъ убѣжденіяхъ и прмые въ своихъ частныхъ и общественныхъ поступкахъ, подобные графу Мордвинову, но такихъ людей мы встрѣчаемъ въ тогдашнемъ обществѣ мало; большинство не имѣло никакихъ убѣжденій и если уважало честность и справедливость, то лишь съ формальной ея стороны. Причину всевозможныхъ золъ эти честные люди видѣли въ томъ, что исполнители законовъ „лихіе супостаты“, что взятки и всевозможное лихоимство, а также неисполненіе мертвой буквы закона были главными источниками общественной деморализаціи. Въ воспитанію же, къ развитію лучшихъ общественныхъ чувствъ и характеровъ, къ прогрессу частной и соціальной жизни относились совершенно равнодушно. Въ настоящее время невозможно безъ улыбки относиться къ теоріямъ этихъ господъ. Вотъ, напр., кн. Щербатовъ, оплакавъ паденіе Россіи, указываетъ ей, какъ на единственное средство возрожденія, на исполненіе законовъ. „Тогда изгнанная добродѣтель, оставя пустыни, утвердитъ среди градовъ и при самомъ дворѣ престоловъ свой; правосудіе не покривитъ свои вѣски ни для мзды, ни для сильнаго; мздоимство и робость отъ вельможъ изгонятся; любовь отечества возгнѣздится въ сердца гражданскія, и будутъ не пышностью житія и не богатствомъ хвалиться, но безпристрастіемъ, заслугами и безкорыстностью. Дворяне будутъ въ разныхъ должностяхъ служить съ приличною ревностью званію ихъ; купцы престанутъ желать быть офицерами и дво-

рянами; искусства и ремесла умножатся, дабы внутри Россіи содѣлать нужное къ пышности и великолѣпію нѣкоего числа людей“ (Рус. Стар., III, 687). У этихъ людей никогда не вознѣвало и мысли о томъ, что есть другая честность, что могутъ быть и дурные законы, но хорошіе люди, которые сумѣютъ примѣнить къ общему благу и дурной законъ. Это нерѣдко были люди самой обиденной нравственности. Державинъ, напр., былъ абсолютно честенъ, какъ чиновникъ, но эта честность мирилась въ немъ съ самымъ низкимъ угодничествомъ передъ людьми сильными, съ возмутительнымъ занескиваньемъ ихъ милостей, съ такою торговлею своею лирой, что къ нему вполне можно приложить извѣстную пословицу — „за алтынъ расхвалить, а за грошъ расхаютъ“. У нѣкоторыхъ эта честность имѣла чисто-отрицательный, пассивный характеръ. Таковъ былъ, напр., Мертваго, который въ завѣщаніи говоритъ своимъ дѣтямъ: „Когда обстоятельства приведутъ быть въ командѣ начальника злого, вѣроломнаго, а паче всего корыстолюбиваго, то старайтесь, хотя-бы съ потерей выгодъ, удалиться: ибо злу содѣйствовать грѣшно и опасно, противостоять подчиненный не можетъ имѣть силъ“. Даже чисто формальная честность не могла подчасъ не кривить въ тогдашней обстановкѣ и нерѣдко переходила въ іезуитизмъ. Извѣстный генераль-прокуроръ Шаховскій иногда вѣдерживалъ свои принципы слѣдующимъ способомъ. Открылась ваканція генераль-фельдцейхмейстера. По желанію Шувалова и сенаторовъ, на нее хотѣли опредѣлить Глѣбова, между тѣмъ какъ „по справедливости“—то слѣдовало назначить Бороздина или Дебоскета. Шаховскій и отстаивалъ послѣднихъ. Но когда дошло до окончательнаго рѣшенія дѣла, онъ, „чтобы чести и справедливости не повреди отойти отъ онаго дѣла такимъ путемъ, каковымъ иногда и духомъ божіимъ водимые апостолы, изнемогая, спасаться способны искусные употребляли“, — притворился больнымъ и сдалъ временно должность оберъ-секретарю. Когда послѣдній рѣшилъ дѣло въ пользу Глѣбова, Шаховскій сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ. Такимъ образомъ, попустивъ кончить дѣло по желанію Шувалова, Шаховскій все-таки утѣшался тѣмъ, „что не былъ во оноу рѣшеніи участникомъ, и еще, что по свѣденіи о семъ господа генераль-поручики Дебоскетъ и Бороздинъ чувствительное свое благодареніе, за та-

кое мое о нихъ заступленіе, мнѣ изъявляли“ (Записки кн. Шаховскаго, 163—171). Въ другое время, протестуя противъ совершенно незаконнаго требованія денегъ синодальными членами, самъ же Шаховскій предлагаетъ, чтобы они узаконили эту незаконность, испросивъ особое распоряженіе на отпускъ этихъ денегъ (ib., 54)! Въ частной жизни Шаховскаго мы видимъ нѣсколько чертъ, напоминающихъ нравственность Державина. Вотъ, напр., онъ „непрерывно каждый день, а иногда и по дважды“ посѣщаетъ Волынскаго, уже находящагося въ немилости. Дѣлаетъ это онъ единственно съ тою цѣлю, чтобы заручиться покровительствомъ Волынскаго на тотъ случай, если онъ снова поднимется и войдетъ въ силу (ib., 11). Не говоря уже объ этомъ іезуитизмѣ, до котораго нерѣдко должна была доходить формальная честность, она не приносила никакой прочной пользы народному развитію.

Такимъ образомъ, просвѣщеніе XVIII вѣка мало сдѣйствовало нравственному развитію массы общества. „Въ Россіи немногіе заглядывали въ глубину науки“, замѣчаетъ путешественникъ Коль. „Здѣсь принято за общее правило, говорить другой иностранецъ,—что никто не долженъ говорить ничего такого, что могло-бы живо заинтересовать другихъ; изъ всѣхъ умственныхъ способностей здѣсь уважаютъ только тактъ“. О той-же неразвитости и равнодушіи ко всякимъ духовнымъ интересамъ свидѣтельствуемъ и мадамъ Сталь. Передовые люди нашего стараго общества,—Врыловы, Жуковскіе, Пушкины, Лермонтовы—„всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь“. Образованіе ихъ было самое поверхностное, исключительно эстетическое. Университетская молодежь увлекалась по тому-же направленію, да и трудно было не увлечься, когда все кругомъ хлопотало объ однихъ только свѣтскихъ развлеченіяхъ, о „пріятномъ препровожденіи времени“. „Возьмемъ молодого человѣка отъ 16 до 18 лѣтъ, говорить гр. Потоцкій, — наилучшихъ свойствъ и имѣющаго даже природную склонность къ ученію. Въ началѣ предается онъ ему съ жаромъ, но вскорѣ представляется множество предметовъ, могущихъ прохладить и разсѣять его... И въ какомъ-бы онъ дошѣ ни былъ, по случаю развѣ встрѣтитъ кого изъ своихъ профессоровъ, чрезвычайною скромностію только избѣгающаго отъ насѣшковъ; но самъ онъ, конечно, не спасется

отъ нихъ, если слово вздумаетъ сказать о томъ, чему онъ въ тотъ день учился изъ статистики, правъ, эстетики или гигиены. Онъ будетъ слышать, что глупостью почитаютъ то ученое разсужденіе, надъ коимъ онъ столько ночей трудился; его назовутъ педантомъ, будутъ отъ него отворачиваться, чтобы слушать празднолюбца, рассказывающаго о сегодняшней оперѣ или вчерашнемъ балѣ. Найдется-ли изъ ста молодыхъ людей одинъ, коего прилежаніе могло-бы противостоять впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ сему вихрю!“ (Чтеніе о общ. исторіи и древностей). До чего доходило невѣжество общества, можно видѣть изъ того, напр., что никто не могъ оцѣнить знаменитаго путешествія Врангеля по берегамъ Ледовитаго моря (въ 1820—24 году), и описаніе ея съ 1827 по 1840 годъ валялось среди разнаго хлама въ архивахъ морского министерства. Только послѣ того, какъ это путешествіе вышло въ нѣмецкомъ и англійскомъ переводахъ и обратило на себя вниманіе уже всей Европы, у насъ вспомнили о немъ и издали его въ 1841 году! Но при всей своей легкомысленности и невѣжествѣ, русскіе старались выдавать себя за образованныхъ джентльменовъ, хотя въ большинствѣ случаевъ умѣли только копировать иностранцевъ. Находились такіе чудаки, которые притворялись даже, что они забыли русскій языкъ. Таковъ былъ въ концѣ екатерининскаго царствованія Зыбинъ, который, вернувшись изъ Англій, ни слова не говорилъ по-русски и, выходя изъ театра, кричалъ: „*Zibens каретъ!*“ (XVIII вѣкъ, I, 333). Восторгаясь всѣмъ иностраннымъ, подобные господа перѣдко начинали реформировать свои имѣнія на заграничный манеръ и разоряли бѣдныхъ крестьянъ до нитки. Одинъ изъ Голицыныхъ, напр., возвратясь изъ-за границы, тотчасъ завелъ флеровую фабрику, а вмѣсто ржи и проса всѣ поля засѣялъ французскимъ табакомъ, вслѣдствіе чего дошелъ вскорѣ до того, что не на что было посѣять и рѣпы (Вигель, I, 128). Можно себя представить, что за карриатуры изображали изъ себя эти господа, превращаясь въ любителей наукъ и искусствъ! Естественное у нихъ ограничивалось разными физическими фокусами и въ особенности монстрами. Всевозможные уроды въ родѣ „барашка, а у него 8 ногъ; младенца съ двумя головами, младенца, а у него рыбій хвостъ, двухъ собачекъ, которыя родились отъ дѣвки 60 лѣтъ“ (Пе-

карскій, I, 57), — всевозможные уроды долго были самыми интересными предметами для російскихъ любителей естествознанія, и въ этомъ уродливомъ обществѣ болѣе всего процвѣтала наука объ уродахъ. Страсть къ собиранію монстровъ, рѣдкостей и древностей, доставлявшая собирателю репутацію ученаго мужа, доходила до рѣшительнаго комизма, особенно въ провинціи. Въ началѣ настоящаго вѣка въ пензенской губерніи одинъ дворянинъ, „въ доказательство просвѣщеннаго вкуса и любви къ наукамъ, завелъ у себя въ деревнѣ кабинетъ рѣдкостей; по что это такое было, трудно себѣ представить! Сову-ли кто убьетъ, ужа-ли поймаетъ, скорѣе несеть къ доброму барицу; изъ одной оны вельть набить чучелу, кожу съ другого патянетъ на палку. Пріатели, родные старались посѣщать его не всегда съ пустыми руками, но не разорялись на покупку игрушекъ, коими дарили стараго ребенка: кто доставить ему заржавленный кусокъ желѣза, увѣряя, что это отломокъ сѣкиры или бердыша, найденный на древнемъ полѣ битвы, иной привозить ему свиной клыкъ, выдавая его за зубъ какого-нибудь рѣдкаго америкапскаго звѣря; изъ Петербурга высылались ему купленные на Толкучемъ рынкѣ подъ именемъ картинъ намалеванныя корки. Немногіе совѣстились и надѣялись его порядочными вещицами. Для сего драгоценнаго собранія не было, однакомъ, особаго помѣщенія; все это громоздилось въ трехъ низенькихъ приемныхъ его комнатахъ; поворотиться было трудно“ (Вигель, II, 97). Не только помѣщики, но даже нѣкоторые изъ купцовъ составляли громадныя библіотеки, которыя никѣмъ не читались, но свидѣтельствовали о любви къ просвѣщенію владѣльцевъ ихъ. Въ деревенскихъ усадьбахъ съ тою-же цѣлью воздвигались памятники великимъ мыслителямъ и писателямъ (Р. Арх., 1872, 508). Любители искусствъ были еще потѣшнѣе любителей наукъ. Такъ, напр., пензенскій губернаторъ, кн. Гр. Голицынъ, каждое утро драпировался въ фантастическій костюмъ царя Давида и, акомпанируя себѣ на арфѣ на молитвы разныхъ пѣсенъ и арій, воспѣвалъ псалмы (Вигель, III, 19). Одинъ изъ Скавронскихъ, вернувшись изъ Италіи, сдѣлался страстнымъ меломаномъ, началъ сочинять всевозможную музыкальную ерунду и давать концерты, а слугамъ своимъ запретилъ говорить съ нимъ иначе, какъ речитативомъ, на распѣвъ (ib., 89). Многіе превращались въ постовъ

и надѣдали всѣмъ знакомымъ своими глупыми виршами. Таковъ былъ, напр., пензенскій помѣщикъ Струйскій, который въ своемъ имѣніи завелъ лучшую въ то время типографію въ Россіи для печатанія своихъ стихотвореній. „Все обращеніе его было дико, одѣваніе странно; онъ носилъ съ фразомъ нарчевый камзолъ, подпоясывался розовымъ шелковымъ кушакомъ, обувался въ бѣлые чулки, на башмакахъ носилъ бантики и подвизывалъ длинную прусскую косу... Онъ имѣлъ кабинетъ въ самомъ верху дома, называемый *Парнасъ*. Въ сіе святилище никто не хаживалъ, ибо, говоритъ онъ, не должно метать бисера свиньямъ“. Здѣсь Струйскій сочинялъ, иногда сутокъ по двое безъ сна, почти безъ пищи, потомъ печаталъ свои стихотворенія, „покупалъ французской бумаги пропастъ, выписывалъ буквы разнаго калибра и убивалъ на содержаніе типографіи лучшую часть своихъ доходовъ“. На этомъ-же Парнасѣ онъ судилъ крестьянъ, говорилъ сначала обвинительныя рѣчи, потомъ защитительныя, подвергалъ пыткамъ и, наконецъ, наказывалъ у подошвы Парнаса (М. Дмитріевъ, Мелочи, 86; Р. Арх., 1865, 958—964). Кромѣ подобныхъ чудаконъ, въ тогдашнемъ обществѣ было много всевозможныхъ артистовъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ, стихотворцевъ, музыкантовъ, живописцевъ и т. д. Господа гордились ими, выгодно торговали ими, иногда, разорившись, жили трудомъ ихъ, и вдохновляли ихъ отеческими способами. Кромѣ того, въ городахъ шаталось множество полуродивыхъ стихотворцевъ и философовъ, которые своими виршами, рассказами, гаерствомъ и афоризмами забавляли празное барство и имѣли отъ него кусокъ хлѣба (Р. Арх., 1872, 2,277). Помѣщичьи труппы изъ крѣпостныхъ крестьянъ были во многихъ усадьбахъ и даже городахъ. Нѣкоторые помѣщичьи составляли изъ актрисъ свой гаремъ и училили съ ними безобразныя оргіи (Вигель, I, 183; II, 73, 134); но большинство держало этихъ артистовъ въ ежовыхъ рукавицахъ и режиссировало ими съ помощью зуботычинъ да розогъ (Р. А., 1869, 1,711). Вотъ какъ описываетъ Озеровъ одинъ изъ такихъ театровъ и поставленный на немъ балетъ, сочиненный самимъ помѣщикомъ и очень нравившійся московскому дворянству въ началѣ восьмисотыхъ годовъ. „Вообразите себѣ длинный, узкій и невысокій ящикъ—это театръ. Сорокъ человекъ дворовыхъ людей,

всѣ изъ корель (и ни одного порядочнаго человѣческаго лица), марширующихъ по музыкѣ, и часто не въ тактъ — вотъ дѣйствующіе воины, и, наконецъ, камердинера средняго роста, худошаваго, въ шлемъ и въ епанчѣ, обложенной позументами, сидящаго на колесницѣ бумажной, — это герой балета, Александръ Македонскій; передъ нимъ современникъ грековъ арлекинъ!“ (ib., 127). Большинство этихъ театраловъ, въ концѣ концовъ, разоралось, подобно грибоѣдовскому помѣщику, —

который для затѣи

На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей;
Самъ погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ;
Но кредиторовъ онъ не согласилъ къ отсрочкѣ, —
Амуры и зефары всѣ
Распроданы по-одиночкѣ!

Казенные театры долгое время имѣли отчасти тотъ-же характеръ, какъ и крѣпостные. Когда при Елисаветѣ явилось однажды мало зрителей въ театрѣ, то къ значительнѣйшимъ лицамъ тотчасъ-же были разсланы ѣздовые съ запросомъ, почему они не были, и съ предостереженіемъ, что впредь за непріѣздъ въ театръ будетъ взсыкиваться по 50 р. штрафа съ cadaго. При Сумароковѣ во время представленій зрители грызли орѣхи, громко разговаривали, въ залу доносились съ улицы вопли кучеровъ, которыхъ полицейскіе наказывали розгами (Очерки Глинки, I, 104). Не только съ актерами, но даже съ самимъ Сумароковымъ начальство обращалось, какъ съ прислугой, а Сумароковъ однажды выбѣжалъ на сцену и выбросилъ за кулисы игравшую актрису (Р. Арх., 1871, 1,675, 1,678). Актеровъ били, отправляли на съѣзжую, а за дерзости было велѣно ихъ „арестовавъ“, садить въ смирительный домъ и уже не иначе изъ онаго выпускать, какъ съ выключкою изъ труппы и съ отсылкою на житье въ вятскую, пермскую или архангельскую губерніи, въ примѣръ другимъ, весьма мало заботясь, что устройство труппы отъ того потерпитъ. Лучше имѣть дурной спектакль, нежели хорошій, но составленный изъ наглецовъ. Въ Россіи они терпимы быть не должны“ (Р. Стар., VII, 147, 269). Крѣпостной театрѣ, такимъ образомъ, мало чѣмъ отличался отъ вольнаго. Крѣпостные

стихотворцы, крѣпостные музыканты, крѣпостные живописцы не всегда тоже могли завидовать положенію своихъ вольныхъ собратьевъ. Отъ искусства требовалось, чтобы оно было только сословной служебной силой, и оно, за немногими исключеніями, было только средствомъ пріятнаго препровожденія времени для зажиточнаго класса. Музыка, поэзія, театръ, живопись были таинъ-же развлеченіемъ, какъ балы и фейерверки. Искусство было чуждо прогрессивныхъ общественныхъ тенденцій, и эстетическое развитіе общества приносило такъ-же мало пользы, какъ и тогдашняя наука. Наука служила чисто-практическимъ цѣлямъ извѣстныхъ классовъ, а искусство развлеченію ихъ. Правда, что въ средѣ этого общества жила и развивалась интеллигенція, въ которой страна имѣла залогъ лучшей будущности. Но говорить о судьбахъ этого прогрессивнаго ферmenta не входитъ въ планъ нашихъ очерковъ патологіи русскаго общества. Мы пишемъ не о развитіи цивилизаціи, а о тѣхъ тормозахъ и препятствіяхъ, которыя задерживали цивилизацію и искажали ее.

С. Шапковъ.

ИЗЪ СТАРЫХЪ ПѢСЕНЪ

I.

Въ часъ ночной среди мглы и молчанія
Всѣ, чья жизнь и грустна, и мрачна,
Вмѣсто мирнаго, сладкаго сна,
Вспоминають былыя страданія,
И въ безрадостной жизни своей
Отыскать напряженно стараются
Хотя нѣсколько радостныхъ дней;
Но увы! эти дни не являются
На призывъ больного ума.
Въ прожитомъ только холодъ и тьма;
Тамъ орудія пытки валяются,
Мысли, чувства людьми попираются,
Братья мрутъ или сходятъ съ ума
И тѣнями по свѣту шатаются.
Ненавистная повѣсть паденія,
Такъ привыкли тебя мы читать,
Что, коснѣя въ тупомъ озлобленія,
Задушили благія стремленія,
Разучились за братьевъ стоять.
А любовь такъ нужна!

Изнуренные

Бѣдняки и въ поту, и въ крови
Простирають къ намъ руки свои,
Безконечнымъ трудомъ изможденные,
И кричатъ голоса утомленные:
„Помогите во имя любви!“

Не зовите насъ! Слабые, желчныя,
Мы не въ силахъ помочь никому!
Чутко слушая стоны немолчныя,
Мы не можемъ спустатся во тьму,

Чтобъ вести на дорогу спасенья
Трудовой ѣ могучій народъ,
Иль усталому дать облегченіе,
Или смѣлыхъ спасти отъ невзгодъ.
Мы себя не спасли, горемычные,
Погубили надежды и страсть
И порывы любви непрплчвые,
И бредемъ мы, какъ тѣни безлчныя,
Отдаваясь сомнѣньямъ во власть.
Мы привычки своей не оставили
Вѣчно няпчптся съ жизнью былой:
Свое горе мы всюду осливли,
Но не поняли скорби чужой.

А. Михайловъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БЕЗХАРАКТЕРНОСТЬ НАШЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

VI.

Условимся, что такое характеръ.

Характеръ есть то содержимое души, которымъ поведеніе одного человѣка отличается отъ поведенія другого. Самъ по себѣ характеръ безразличенъ. Какое-бы содержимое его ни наполняло, онъ все-таки будетъ характеромъ. Поэтому для опредѣленія человѣка недостаточно сказать, что у него есть характеръ, но нужно опредѣлить его нравственную фізіономію.

Злодѣй, убійца, разбойникъ должны имѣть характеръ энергической, потому что безъ энергіи нельзя ни убивать, ни грабить. Но нельзя сказать, что у такого-то человѣка—характеръ убійцы или разбойника. Злодѣяніе, убійство, разбой—не болѣе, какъ отдѣльные акты поведенія. Они могутъ быть даже случайностями; бывають и разбойники съ кроткимъ, человѣколюбивымъ характеромъ. Такимъ, по его собственнымъ словамъ, былъ извѣстный сибирскій разбойникъ Горкинъ, дурно отзывавшійся о своемъ братѣ, убивавшемъ иногда людей безъ всякой нужды. Великодушные разбойники—не рѣдкость. Ими богаты народныя преданія всѣхъ странъ. Коноваловъ, котораго судать теперь въ Калугѣ, возбуждаетъ къ себѣ симпатіи многихъ. Но если не можетъ быть характеръ разбойничій, можетъ быть характеръ мошеннической. Мо-

пенниче мышленіе не случайность, а извѣстное міровоззрѣніе. Слѣдовательно, говоря о характерѣ, предполагаютъ извѣстное постоянное содержимое души, цѣлую сѣть извѣстныхъ основаній, дающихъ цвѣтъ всему поведенію человѣка. Характеръ предполагаетъ міровоззрѣніе, предполагаетъ нѣчто законченное и выработанное умомъ, что управляетъ человѣческимъ поведеніемъ. Характеръ мошеннической имѣть можно, но разбойническаго — нельзя.

Если готовое міровоззрѣніе и умственное содержаніе являются распорядителями характера, то ясно, что человѣка съ вполне законченнымъ характеромъ быть не можетъ. Даже у самаго мудраго изъ мудрѣйшихъ не бывало еще міровоззрѣнія безъ просвѣтовъ и разрывовъ. Иначе не за чѣмъ-бы существовать и философіи, стремящейся связать все однимъ общимъ единствомъ, — связать жизнь такой сѣтью законченныхъ представленій, въ которой-бы не было узелковъ и разорванныхъ петель. Человѣкъ самаго гуманнаго характера можетъ быть иногда негуманенъ, и человѣкъ самаго мошенническаго міровоззрѣнія можетъ быть иногда честенъ. Поэтому теоретически-цѣльнаго характера нѣтъ, не существуетъ и существовать не можетъ.

Но практически-цѣльный, неразорванный характеръ опредѣлить вовсе не трудно. Несмотря на отдѣльныя уклоненія, каждый отличаетъ безъ труда характеръ законченный и установившійся отъ характера бродячаго, колеблющагося, шаткаго и разорваннаго. Никто не скажетъ, что Пушкинъ былъ характеръ цѣльный, и никто не скажетъ, что Лермонтовъ былъ характеръ разорванный. Несмотря на то, что оба они находились еще въ моментъ неустойчивости, у того и у другого выяснилась уже на-столько ихъ общая тенденція, что въ злой нелюдиности Лермонтова вамъ ясна его любовь къ человѣчеству, а въ кажущейся любви Пушкина сквозить повсюду его себялюбивый, холодный, хотя и увлекающійся эгоизмъ.

Чтобы имѣть цѣльный характеръ, нужно, чтобы мысль была способна выразиться въ активномъ поведеніи, чтобы сила чувства отвѣчала силѣ ума. Почему деревня вырабатываетъ по преимуществу цѣльные характеры? — только потому, что деревенская мысль не забываетъ дальше простаго факта, составляющаго ея обыкновенную пищу. Для пракческаго человѣка деревни

подумать—значить захотѣть; а захотѣть—значить сдѣлать. Безхитростно и просто думаетъ деревенскій человѣкъ, не мучась идеализмомъ и не забѣгая мыслью на тысячу лѣтъ впередъ. За то и всякое дѣло, которое онъ дѣлаетъ, для него просто. Онъ такъ-же простъ въ своемъ будничномъ, повседневномъ поведеніи, какъ и въ такихъ дѣлахъ, которыя приводятъ въ содроганіе людей интеллигенціи. Недавно въ Иркутскѣ повѣсили трехъ убійцъ. Одному было 69 лѣтъ, другому 68 и третьему 48. Когда одному изъ нихъ сказали, что его повѣсятъ, онъ спокойно отвѣтилъ: „глупо было бы, если-бы насъ оставили въ живыхъ: мы-бы еще полгорода перерѣзали“. На судѣ и передъ казнью убійцы держали себя совершенно хладнокровно. И какъ они просто показывали на судѣ: „взялъ да и придушилъ“, „придушилъ, да и бросилъ въ Ангару!“ Корреспондентъ, которымъ я пользуюсь, говорить: „Уроженцы великорусскихъ губерній, попавшіе въ чуждую имъ сторону, озлобленные на все ихъ окружающее и готовые перерѣзать все и вся—передъ кѣмъ и за кого имъ раскаяться! Нѣтъ, не такъ. Морализирующій метафизическій идеализмъ не объяснитъ состоянія души этихъ убійцъ. Разумѣется, раскаеніе—чувство не выдуманное. Но тутъ ему нѣтъ мѣста, не потому, чтобы убійцы были неспособны къ раскаенію, а потому, что для раскаенія требуется, чтобы человѣкъ нарушилъ единство своего міровоззрѣнія, чтобы онъ сдѣлалъ частное отступленіе, несогласное съ общимъ строемъ его души. Убійца могъ-бы скорѣе раскаяться, что не убилъ. Оставляя въ сторонѣ качество душевнаго содержимаго этихъ трехъ убійцъ, въ нихъ слѣдуетъ видѣть только ту психологическую гармонію, при которой человѣкъ, отдавшійся чувству, бьетъ, пока изъ него не выйдетъ вся злость, и если у него явится мысль объ убійствѣ — убиваетъ. Намъ, съ нашей книжной интеллигенціей, совсѣмъ непонятны процессы рефлексивной дѣятельности души. Для насъ мыслить—значитъ только мыслить. Мы въ воображеніи можемъ переживать самыя грандіозныя событія, мы можемъ переживать чудеса храбрости, совершать самыя высокіе подвиги гражданскаго величія, быть благодѣтелями человѣчества, и все это—не вставъ даже съ креста, на которомъ мы сидимъ передъ каминомъ. Но за то и иркутскимъ убійцамъ непонятны наши дѣленія преступленій на

предназначенныя и преступленія, совершаемыя въ запальчивости и раздраженіи.

Холодное, спокойное отношеніе казенныхъ убійцъ къ своимъ жертвамъ, — точно они имѣли дѣло съ поросятами, а не съ людьми, — возмущаетъ именно тѣмъ, что для этихъ страшныхъ людей, человѣкъ, его жизнь и счастье ничего не значатъ. Но ихъ страшное сердце страшно только потому, что имъ руководить безчеловѣчная мысль. Здѣсь энергія только новинуетъ тому, что находитъ свое утвержденіе въ мысли. Если для человѣка „человѣкъ“ — нуль, если его чувства на-столько тупы, чтобы не имѣть жалости, которой ему не приходилось испытывать, можетъ быть, даже въ молодости, то въ такомъ человѣкѣ соединены всѣ данныя для того, чтобы, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, изъ него вышелъ извергъ и злодѣй. Чѣмъ шире поприще такого человѣка, тѣмъ и зла отъ него будетъ больше. „Бичъ божій“, Аттила, былъ человѣкомъ этого сорта. Этого-же сорта бичомъ былъ и Наполеонъ первый. „Люди—свиньи“, говорилъ онъ. „Люди—препятствія, говорилъ другой злодѣй, Ласнеръ,—и когда они стоятъ на моей дорогѣ, я ихъ устранию“. Такимъ деликатнымъ словомъ онъ называлъ убійство.

Мы согласны, что люди такого поведенія — люди желѣзные, характеры страшные. Мы согласны, что ихъ энергія можетъ производить чудеса или возбуждать омерзѣніе. Но не думайте, что эта энергія сдѣлаетъ хотя что-нибудь тамъ, гдѣ умъ чувствуетъ себя не на мѣстѣ.

Способность разрушенія френологовъ—главная основа энергіи и силы характера. Безъ нея невозможны ни злодѣи, ни герои, ни фанатики, ни бичи человѣчества, ни даже его благодѣтели. Миръ и любовь останутся еще долго плѣнительнымъ идеаломъ, и кротость и уступка вовсе не пригодныя средства защиты, если на васъ нападаетъ разбойникъ. Но и способность разрушенія не значитъ ничего, если человѣческая душа настроена по низкому камертону. Желѣзный характеръ будетъ желѣзнымъ только при желѣзной мысли. Но съ мыслями цыпленка онъ пригоденъ не къ подвигамъ величія, а лишь къ позорящему и унижающему поведенію. Въмѣсто героя получится простой разбойникъ. Желѣзный характеръ даже вовсе и не ручательство, что онъ повсюду будетъ желѣзнымъ. Кто-же изъ насъ не Александръ Македон-

скій дома, когда приходится воевать только съ женой, кухаркой и дѣтьми! Всѣ мы „бичи божіи“, если передъ нами непріятель, котораго мы не боимся. Мы можемъ быть героями на полѣ брани, мы выдержимъ осаду Парижа и Сарагоссы, но тамъ, гдѣ доброжелательное чувство нужно соединить съ доброжелательнымъ умомъ, гдѣ нужно идти дальше личнаго характера и гдѣ требуется характеръ общественный, гдѣ требуется цѣлая масса силъ, настроенныхъ такимъ-же образомъ,—не ищите у насъ того, чѣмъ такъ справедливо гордятся другіе народы. Представьте себѣ единицы, у которыхъ нѣтъ ни энергіи, ни мысли,—что получится въ общемъ?

Чувство есть душа характера, но умъ—его руководящій элементъ. Умъ—тотъ Мефистофель каждой человѣческой души, который можетъ парализовать всякую активность, убить всякое стремленіе, подкопать желаніе и благородное побужденіе въ самомъ корнѣ и вмѣсто человѣка съ характеромъ ссздать рефлектирующаго Гамлета. Энтузіазмъ и увлеченіе только сила, а не содержимое поведенія. Они ведутъ насъ впередъ, даютъ намъ средства уничтожать препятствія, но еще нисколько не опредѣляютъ пути, которымъ мы идемъ. Когда вы не знаете, что именно вамъ дѣлать,—къ чему вамъ могутъ послужить силы души, мужественное и неустрашимое сердце и желѣзная энергія? Самая величайшая энергія можетъ поколебаться и дрогнуть самое мужественное сердце, когда передъ человѣкомъ нѣсколько путей и умъ его не знаетъ, какой изъ нихъ выбрать. Почему Пушкинъ, имѣвшій во всю свою жизнь одинъ и тотъ-же идеаль „человѣка“, не зналъ, какой дорогой ему идти? Только потому, что его мысль не могла никогда установить точнаго, неколеблющагося понятія. Не чувства недоставало у Пушкина, когда онъ то молился свободѣ, то кидалъ грязью въ націи, то презиралъ толпу, то ее боготворилъ. Сила чувства оставалась тою-же; недоставало лишь ясныхъ понятій. Когда Лермонтовъ, обращаясь къ французамъ, сказалъ: „какъ женщина ему вы измѣнили и какъ рабы вы продали его“,—онъ, конечно, понималъ Наполеона не такимъ, какимъ Наполеонъ былъ въ дѣйствительности для человѣчества и прогресса.

Націи формируются изъ отдѣльныхъ людей и преобладающее господство извѣстныхъ единицъ окрашиваетъ всю страну извѣст-

нымъ колоритомъ. „Отличайте, сколько хотите, людей, говорить Гербертъ Спенсеръ, — вы имъ не помѣшаете составлять одно и то-же общество и имѣть характеръ, сдѣланный какъ-бы по одному и тому-же шаблону. Къ обществу примѣняется законъ механики, что дѣйствіе равно воздѣйствію, и въ нравственномъ мірѣ законъ этотъ имѣетъ тоже соответствующій законъ. Дѣйствіе одного человѣка на другого имѣетъ въ результатѣ одинаковое вліяніе на обоихъ; качество дѣйствія при этомъ ничего не значить. Приведите людей во взаимное отношеніе и никакія раздѣленія на касты, никакія различія состояній не помѣшаютъ людямъ ассимилироваться; потому что каждое отдѣльное лицо быстро прилаживается къ обществу и образуется однообразіе общественнаго характера. Пока существуютъ обстоятельства, производящія такую ассимиляцію, ни одинъ классъ общества не будетъ въ главныхъ чертахъ отличаться отъ другого. Если вы видите низкій уровень мысли въ одномъ словѣ — онъ низокъ и вездѣ. Если видите упадокъ нравственности въ одномъ мѣстѣ — это зловѣщій признакъ болѣзненнаго состоянія всего общественнаго организма“. Когда у націи нѣтъ мужества, не ищите его у отдѣльныхъ лицъ; если у націи нѣтъ чувства достоинства, повѣрьте, что оно въ цѣлой странѣ исключеніе. Если въ поведеніи людей нѣтъ ясно сознанный идеи — повѣрьте, что и въ отдѣльныхъ лицахъ вы встрѣтите только разбродъ мысли и чувства. О французяхъ одинъ писатель сказалъ: „позоръ и вина падаютъ на тѣхъ, кто обратилъ прошлое во что-то мертвое, изъ котораго нельзя было извлечь здоровыхъ жизненныхъ силъ“. Исторія есть память народа. Если въ запасѣ памяти нѣтъ ничего, чѣмъ-бы могъ народъ гордиться, что питало-бы его чувство достоинства и укрѣпляло его мысль общественнымъ сознаніемъ, если — и это еще хуже — у него бывали отдѣльные славные моменты, но онъ не сохранилъ ихъ въ памяти, — что-же будетъ дѣйствовать на подъемъ духа такого народа? Свободную Америку создала какая-нибудь сотня свободныхъ людей и память объ этой славной страницѣ исторіи Американскаго Союза не исчезнетъ никогда. Такія традиции хранятся вѣчно и составляютъ вѣчную славу и гордость народа.

Есть много громкихъ словъ, которымъ люди придаютъ самый ничтожный смыслъ. Какія громкія и шевелящія слова — патріо-

тизмъ, слава, отечество! Но какъ они различно шевелятъ душу каждаго и какъ каждый народъ понимаетъ ихъ по-своему! Патриотизмъ—великая двигающая сила, если онъ не ограничивается одними подвигами военнаго мужества. Величіе Рима заключалось не въ этомъ. Маленькая афинская республика и микроскопическая маратонская битва, въ которой было убито всего 192 человѣка, сдѣлали гораздо больше для прогресса и цивилизаціи, чѣмъ всѣ новѣйшія войны европейскихъ Аттилъ. Афинскій патриотизмъ заключался не въ хвастовствѣ и крикахъ, не въ задорной заносчивости надъ другими народами, а въ сознаніи своихъ нравственныхъ силъ и въ ревнивомъ охраненіи того, что народъ считалъ своимъ нравственнымъ богатствомъ, своимъ счастьемъ, своимъ національнымъ достоинствомъ. Военное мужество только одно изъ орудій мужества гражданскаго. Величіе маратонской битвы, если-бы она была въ десять разъ меньше, все-таки въ томъ, что она спасла Европу отъ Азии. Если-бы военная слава римлянъ служила не для того, чтобы спасти ихъ учрежденія и гражданскій строй—между римлянами, гуннами и монголами не было-бы никакой разницы. Какъ-бы узко римляне ни понимали общественное благо, но ихъ двигающей силой было все-таки счастье гражданъ, общественный интересъ и свободныя римскія учрежденія. Вотъ основа римскаго народнаго характера.

Мы справедливо изумляемся величію римскихъ героевъ и величію римскаго національнаго характера, гдѣ каждый представляется намъ такимъ, какъ всѣ. Величавыя и стройныя фигуры римскихъ героевъ и патриотовъ будутъ всегда дѣйствовать обаятельно на растущую молодежь. Наполеонъ I, не бывшій никогда мечтателемъ и энтузіастомъ, не разставался съ Плутархомъ и читалъ его даже въ походахъ. Величіе римлянъ не въ томъ, что они далеко отъ насъ, а въ томъ, что идея, служившая основой ихъ характера, есть величайшая идея, какая только извѣстна человѣчеству, и осуществленіе которой оно до сихъ поръ бесплодно преслѣдуетъ. Не чувство ошибается въ ней, а умъ, неуѣмлющій найти средствъ для ея осуществленія. Что не отдаленность дѣлаетъ римскіе характеры великими—вы найдете доказательства въ близкихъ къ намъ временахъ. Великіе патриоты Америки стоятъ предъ нами такими-же титанами, даже, быть

можетъ, болѣе величавыми, чѣмъ патриоты Рима. Припомнимте Пятта, его послѣднюю рѣчь въ парламентѣ, его послѣднія слова, послѣ которыхъ его вынесли за-мертво. Умирающій старикъ велѣлъ принести себя въ парламентъ, чтобы сказать рѣчь въ защиту американцевъ. Эта рѣчь была послѣдней его рѣчью. Націи, имѣющія у себя такихъ людей, владѣютъ величайшимъ сокровищемъ, потому что предъ ними вѣчно ихъ собственные великіе примѣры, которые служатъ имъ вѣчными образцами и руководителями. Эти націи богаты своимъ наслѣдствомъ. Вы можете говорить про нихъ все, что хотите, но вы никогда не скажете, что въ характерѣ этихъ народовъ нѣтъ величія, патриотизма, и что у ихъ мысли нѣтъ точнаго и ясно сознанаго идеала.

VI.

Память народовъ формируется изъ фактовъ ихъ прошлой жизни и во главѣ этихъ фактовъ стоятъ всегда отдѣльныя личности. Это тѣ маяки, за которыми идутъ другіе, тѣ пионеры, которые указываютъ путь стремленіямъ, чувствамъ и мыслямъ своего народа.

Римскій характеръ былъ-бы не ясенъ, если-бы мы не знали поведенія отдѣльныхъ римлянъ. И Грецію мы узнаемъ тѣмъ-же способомъ. Спарта, Афины, Римъ, Карфагенъ стоятъ предъ нами какъ живые, точно ихъ исторія кончилась вчера, и характеры великихъ людей этихъ народовъ до сихъ поръ да и всегда будутъ дѣйствовать съ обяательностью живой дѣйствительности.

Сказанія о подвигахъ великихъ людей и о великихъ, благородныхъ характерахъ всегда дѣйствовали и будутъ дѣйствовать возбуждающимъ образомъ на подъемъ чувства, сообщая мысли ширь и поднимая весь резонансъ души. Примѣры людей съ возвышеннымъ характеромъ выводятъ насъ изъ маленькаго мірка нашихъ повседневныхъ, мелочныхъ, своекорыстныхъ мыслей, сообщающихъ нашей будничной жизни сухое, скучное настроеніе. Примѣры возвышенныхъ характеровъ потому и дѣйствуютъ на насъ свѣтлымъ образомъ, что вводятъ наши чувства и мысли въ болѣе широкую область, въ которой только потому мы и чувствуемъ

себя хорошо, что въ ней больше простора и свободы для души. То, что поражаетъ насъ своимъ благородствомъ, величіемъ, честностью, безкорыстіемъ, энтузіазмомъ и возвышенною страстью, научаетъ и насъ благородству, величію, честности, безкорыстію и зажигаетъ энтузіазмомъ и благородною страстью.

Свѣжій человѣкъ, душа котораго способна къ живымъ впечатлѣніямъ, чей умъ еще не засохъ въ привычкахъ мелочнаго своекорыстнаго мышленія, всѣми силами своей молодой впечатлительной души тянется къ тому свѣту, въ которомъ онъ чувствуетъ источникъ своихъ силъ. Гейне, увидѣвшій въ первый разъ Бѣрне, проникся такимъ благоговѣйнымъ къ нему чувствомъ, точно передъ нимъ былъ не человѣкъ земли, а существо другого міра. Шатобрианъ съ благоговѣйнымъ энтузіазмомъ глядѣлъ на Вашингтона, и скромно замѣчаетъ, что тотъ, конечно, и не воображалъ, какое онъ на него производилъ впечатлѣніе. Десятилѣтній Райнольдсъ просунулъ руку черезъ толпу, чтобы дотронуться до Александра Пэпа. Гайдень поступилъ въ лакеи къ Порпорѣ, чтобы быть ближе къ гениальному человѣку. Бюффонъ считалъ Ньютона выше всѣхъ естествоиспытателей и, работая, всегда имѣлъ передъ собою его портретъ. Шиллеръ въ такой-же степени благоговѣлъ передъ Шекспиромъ; онъ нѣсколько лѣтъ изучалъ его, и чѣмъ больше его узнавалъ, тѣмъ его удивленіе становилось почтительнѣе и глубже. Канингъ признавалъ надъ собою вліяніе только одного старика Питта, за которымъ и слѣдовалъ съ благоговѣйною преданностію. Когда Питтъ умеръ, Канингъ сказалъ: „моя политическая подчиненность похоронена въ его могилѣ“.

Примѣръ отдѣльныхъ людей всегда останется тѣмъ живительнымъ примѣромъ, за которымъ будутъ слѣдовать люди. Человѣкъ, въ которомъ твердалъ мысль и убѣжденіе, выработанное сознаніемъ, пронесли все его мозговое вещество; человѣкъ, въ которомъ благоразумныя мысли срослись въ одно съ его благороднымъ чувствомъ,—всегда будетъ предметомъ удивленія для тѣхъ, кому эта высота недоступна, и всегда будетъ живительнымъ примѣромъ для тѣхъ, кто можетъ за нимъ идти. Если законъ ассимиляціи, о которомъ говорятъ Гербертъ Спенсеръ, накладываетъ на всѣхъ болѣе или менѣе свою руку, то онъ все-таки не исключаетъ появленія тѣхъ сильныхъ единицъ, которыя

служать идеаломъ, увлекающимъ за собою свѣжія силы, способныя къ мыслямъ и чувствамъ высшаго порядка. Если-бы этого не было, исчезло-бы всякое движеніе впередъ. Починъ всѣхъ умныхъ и благородныхъ вещей, говоритъ Стюартъ Миль,—идеть и долженъ идти отъ отдѣльныхъ лицъ, сначала даже отъ одного лица. Честь и слава обыкновеннаго человѣка заключается именно въ томъ, что онъ способенъ слѣдовать, что онъ въ душѣ сочувствуетъ всему благородному, умному, честному и ясно видитъ, кто и куда хочетъ его вести. Въ наше время даже простое несогласіе съ общеустановившимся филистерски-мелочнымъ и ничтожнымъ мнѣніемъ составляетъ уже заслугу. Эксцентричность ставится въ упрекъ и собирательная посредственность готова окрасить всѣхъ одною сѣрою краскою. Противъ этого деспотизма ограниченности можетъ спасти еще эксцентричность, и потому желательно было-бы, чтобы люди обладали нѣкоторою ея дозою. „Эксцентрикковъ, говоритъ Стюартъ Миль,—было много тамъ и тогда, когда и гдѣ было много силы характера. Сумма эксцентричности въ обществѣ обыкновенно всегда пропорціональна суммѣ даровитости, умственной силы и нравственнаго мужества, которыми обладаетъ общество. Главная опасность нашего времени въ томъ, что немногіе смѣютъ быть эксцентричными“.

Тамъ, гдѣ нѣтъ личнаго живого примѣра, его замѣняетъ память вѣковъ, то наслѣдіе предыдущихъ поколѣній, которое они оставляютъ намъ въ мысляхъ и идеяхъ великихъ людей и великихъ писателей. Великіе характеры, поражающіе насъ энергіею аетивности, являются обыкновенно въ такіе моменты исторіи, когда пришло время дѣлать дѣло. Въ такіе моменты появляется обыкновенно цѣлая масса энергическихъ и сильныхъ людей. Но въ жизни народовъ чередуются моменты дѣятельности съ моментами затишья. Въ моменты дѣятельности люди живутъ преимущественно сердцемъ, въ моменты затишья—больше умомъ. Въ такіе-то моменты наслѣдіе мысли, оставленное предыдущими поколѣніями, является жизненнымъ началомъ для будущей дѣятельности. Все разрушается и гибнетъ, но мысль не гибнетъ никогда. Самое прочное произведеніе рукъ человѣческихъ—книга. Гдѣ постройки римлянъ? Гдѣ ихъ колоссальныя военныя дороги, ихъ водопроводы, храмы? Отъ Колизея осталась только жалкая груда

камней, а отъ другихъ построекъ не сохранилось и слѣда. Но мысли и идеи древняго міра цѣлы и до сихъ поръ. Великіе писатели и мыслители древности живы для насъ, точно они никогда не умирали, и, читая ихъ великія произведенія, мы бесѣдуемъ и теперь съ Сократомъ, Платономъ, Аристотелемъ. Справедливо сказалъ одинъ писатель, что книга свиваетъ себѣ гнѣздо въ глубинѣ нашего сердца, а стихи поэта проникаютъ въ нашу кровь. Мы читаемъ ихъ въ молодости и вспоминаемъ ихъ въ старости; мы переживаемъ ихъ чувства и мысли, точно мы повторяемъ ихъ жизнь. Книги—источникъ хорошихъ мыслей, если только эти мысли принадлежали хорошимъ людямъ. Книги не знаютъ аристократизма; самый скромный, самый бѣдный человѣкъ, послѣдній грамотный простолюдинъ можетъ быть въ обществѣ Платона, Сократа, Эпиктета, Шекспира, Сервантеса, Вольтера, Руссо, Гегеля, Канта. Поэтому книги—лучшій нашъ собесѣдникъ. Въ нихъ мы находимъ все доброе и великое, что совершилось въ области мысли, находимъ вѣчный, живой, неумирающій голосъ, и вѣчный разумъ, обращающійся къ нашему разуму.

Книги передаютъ намъ наслѣдство мысли, оставленное намъ предыдущими поколѣніями. Если-бы мы не знали, что думали люди до насъ, каждое поколѣніе начинало-бы исторію снова. Безъ знакомства съ предыдущимъ невозможно никакое послѣдующее, и великими людьми бывали только тѣ, кто зналъ мысли предыдущихъ великихъ людей. Альфіери говоритъ, что въ молодости онъ читалъ Плутарха болѣе шести разъ и всякій разъ съ такими криками, слезами и восторгами, точно безумный. Великіе писатели, съ которыми мы бесѣдуемъ въ книгахъ, спасаютъ насъ, какъ выразился Томасъ Гудъ, отъ нравственнаго кораблекрушенія; „умъ, привыкшій къ близкому общенію съ Попомъ, Аддисономъ, къ высокой, хотя и нѣмой бесѣдѣ Шекспира и Мильтона, едва-ли будетъ искать болѣе низкаго общества рабовъ и едва-ли примирится съ ними“. Великіе писатели, освѣжая душу и обогащая умъ опытомъ и знаніемъ жизни, являются поэтому первыми творцами нашего характера. Этого мало; они творцы и характера національнаго. Итальянцы, какъ пишетъ Байронъ, до настоящаго времени говорятъ словами Данта, пишутъ ими, думаютъ ими и бредятъ ими. И Дантъ, дѣйствительно, тотъ великій реформаторъ, который за триста лѣтъ до ре-

формаціи провозгласилъ ее, который вдохнулъ въ итальянцевъ идею свободы и служилъ для нихъ всегда руководителемъ. Дантъ увлекъ за собою цѣлую массу великихъ умовъ. Онъ создалъ Петрарку, Бокаціо, Тассо. Онъ вдохновлялъ Джіото, Микель Анжело и Рафаеля, онъ вдохновлялъ Байрона.

По той ненависти и преслѣдованію, какія иногда возбуждаютъ противъ себя книги, можно уже судить о томъ нравственномъ вліяніи и о томъ ихъ вліяніи на умы, которое онѣ обнаруживаютъ. Всѣ умственные перевороты произведены только ими. Если бы не было Виллефа и Ивана Гуса, не было бы Мартина Лютера и реформаціи. Руссо сдѣлалъ громаднѣйшій переворотъ въ умахъ французовъ, и, конечно, противники его не совсѣмъ неправы, когда утверждаютъ, что онъ создалъ французскую революцію. Только книги разгоняли мракъ невѣжества, только онѣ помогли Европѣ выйти изъ среднихъ вѣковъ, уничтожить господство монашества, рыцарства и только онѣ поддерживаютъ и ведутъ впередъ нашу цивилизацію и нашъ прогрессъ. Личнымъ героямъ и Баардамъ безъ страха и упрека мы можемъ удивляться, но они не съ нами; тогда какъ великіе писатели, поэты и мыслители вѣчные наши собесѣдники. Мы можемъ взять ихъ творенія, окружить себя ими и жить тою возвышенною, полною жизнью ума и чувства, какою жили они. Мы дѣлаемся соучастниками ихъ величія, соучастниками ихъ великихъ стремленій и любви къ людямъ.

Но не будетъ не встати припомнить и слова Эмерсона. Эмерсонъ говоритъ: „строго избѣгайте чтенія книгъ дурныхъ; отстраняйтесь отъ чтенія ежедневной болтовни и порожденій журналистики. Не читайте книги, отъ выхода которой еще не прошло года; читайте только знаменитыя книги.“ А другой англичанинъ даетъ еще такой совѣтъ: „Изъ произведеній научныхъ читайте преимущественно новѣйшія книги, а изъ литературныхъ — старѣйшія“.

VIII.

Если началомъ русской литературы считать такое слово, которое ввело мысль въ область общественнаго интереса, то нужно

начать съ Державина. Ломоносовъ былъ только творцемъ формы, гениальнымъ чернорабочимъ, который прорубалъ дорогу для слова. Но Державинъ является уже изобразителемъ эпохи героевъ и преувеличенныхъ, восторженныхъ чувствъ, которыя нашли въ немъ достойнаго пѣвца. Бѣдный „россъ“ никогда не подозрѣвалъ въ себѣ прежде ни мужества, ни силы, и, живя въ своей трущобѣ и болотахъ, только стоналъ и охалъ, голодалъ и бѣдствовалъ.

Лежалъ онъ во своей печали,
Какъ темная въ пустынѣ ночь.
Враги его рукоплескали,
Друзья не мыслили помочь.

И внезапно этотъ самый обижаемый всѣми россъ
Возсталъ, какъ утромъ холмъ высокій,
и сталъ грозить своимъ врагамъ и устами Державина предостерегалъ народы:

Языки, знайте, вразумляйтесь,
Въ надменныхъ мысляхъ содрогайтесь,
Увѣрьтесь симъ, что съ нами Богъ,
Увѣрьтесь, что его рукою
Одинъ попретъ васъ россъ войною.

И кто-же говорить эти гордыя, надменные слова?—говорить это Державинъ, тотъ самый раболѣпный Державинъ, который умѣлъ извиваться ужомъ, который льстилъ изъ-за денегъ, изъ-за чина и котораго мысли никогда не сходились съ его дѣломъ!..

Другимъ воспитателемъ нашего общества является Карамзинъ, полный сантиментальныхъ чувствъ и маленькихъ мыслей, полный противорѣчій между тѣмъ, что онъ думалъ и говорилъ, и тѣмъ, что онъ дѣлалъ. Въ „Письмахъ русскаго путешественника“ Карамзинъ умиляется счастьемъ швейцарцевъ, которые живутъ подъ благодѣтельнымъ закономъ братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, невозмущаемые тиранскими страстями, „для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастиухами-братьями!“ восклицаетъ Карамзинъ.

Конечно, Карамзинъ хотѣлъ пробить кору прежней русской грубости, и если ужъ нельзя устранить совершившагося факта, то признаемъ его неизбежно послѣдовательнымъ. Но развѣ въ русской душѣ нельзя было возбуждать иныхъ чувствъ и мыслей? Развѣ, желая блага и счастья народу, нельзя было говорить ему

иное! Вотъ уже когда начинается раздвоенность русскаго характера, отважная сиѣлость мысли, соединенная съ рабскими чувствами. Карамзинъ по привычкамъ и по воспитанію былъ крѣпостникомъ. Мысль его никогда не доросла до истиннаго понятія объ общественномъ благополучіи; завидуя счастью швейцарскихъ поселянъ, жившихъ „въ простотѣ нравовъ и *служащихъ одному Богу*“, Карамзинъ въ то-же время говорилъ, что мудрый идетъ шагъ за шагомъ и что для истиннаго благополучія нашихъ земледѣльцевъ нужны добродѣтельные помѣщики. Сожалѣя о Франціи, сожалѣя о падшемъ режимѣ, Карамзинъ благоговѣлъ предъ добродѣтелями Робеспьера и, по словамъ Тургенева, при извѣстіи о его смерти пролилъ слезы. Но тотъ-же Карамзинъ, начавшій космополитомъ, окончилъ патриотомъ въ узкомъ значеніи этого слова, подъ старость ушелъ весь въ себя, сосредоточился въ своей работѣ и не замѣчалъ ни жизни общественной, ни государственной. Такъ говорить о немъ его біографъ.

Даже въ самомъ чувствѣ тогдашняго общества являлось два чувства: одно нѣжное, сантиментальное, маниловское, а другое узко-эгоистическое, грубое и противу-общественное, воспитанное практикой жизни въ суровости, переходящее въ жестокость и безчеловѣчіе... Въ мысляхъ мы видимъ ту же двойственность и Карамзинъ совершенно вѣрно обрисовалъ состояніе русской двоящейся мысли, сказавъ, что онъ республиканецъ въ душѣ, но съ тѣмъ, чтобы республики не было въ дѣйствительности.

Мы, нападающіе на свое время, на свою трагичность и ни чтожество характера, мы—только дѣти своихъ отцовъ и дѣдовъ. Мы потому только переживаемъ двѣ жизни, что всегда воспитывались и росли въ двухъ противоположныхъ теченіяхъ. Незрѣлымъ порывомъ мы гнали мысль въ молодости куда-то впередъ и затѣмъ въ пору зрѣлости шли опять назадъ. Всѣ мы бывали „дѣтьми“, чтобы потомъ сдѣлаться отцами. „Отцы“ и „дѣти“ у насъ не два разныхъ поколѣнія, а одно и то-же, только въ разные моменты жизни:

Сыны другого поколѣнія,
Мы въ новомъ—прошлогодній цвѣтъ;
Живыхъ намъ чужды впечатлѣнія,
А нашихъ въ нихъ сочувствій нѣтъ.

Это сказалъ русскій поэтъ еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

И тогда еще переживалось то, что снова переживается на нашей памяти, и тогда „дѣти“ становились „отцами“ и тогда „отцы“ не понимали „дѣтей“. Каждое поколѣніе начинало энтузіазмомъ и кончало сожалѣніемъ о своемъ прошломъ и ненавистью къ молодому. И въ то-же время душа его болѣла, что жизнь отъ него отворачивается, и что мысль идетъ дальше, и что этой дальше идущей мысли оно понять не въ состояніи.

Послѣдующая исторія нисколько не измѣнила этого общаго характера русской раздвоенности. Наполеоновскія войны повліяли сильно на подъемъ русскаго духа. Онѣ дали толчокъ русской мысли, но мысль, было-шагнувшая впередъ, не устояла на своей высотѣ и у насъ не явилось ни одного великаго писателя, ни одного великаго мыслителя, ни одного великаго поэта, который-бы поддержалъ ее, который-бы своимъ личнымъ примѣромъ могъ-бы служить образчикомъ стойкости и послѣдовательности и имѣлъ на русскій характеръ воспитательное вліяніе. Возбужденіе, охватившее Россію въ царствованіе императора Александра I, создало у насъ цѣлый цыкъ писателей, сильныхъ своимъ талантомъ, но ничтожныхъ своею мыслью. Во главѣ ихъ стоитъ Пушкинъ. Но могъ-ли онъ быть піонеромъ русскаго развитія, могъ-ли онъ внести хотя одну живую струю мысли, энергіи и характера, если у него самого все было въ разбродѣ? Ни въ комъ не отразился въ такомъ многообразіи хаосъ мысли и чувствъ, царившій въ раскачавшемся русскомъ обществѣ, какъ въ Пушкинѣ. Онъ былъ истиннымъ зеркаломъ этого многообразія, калейдоскопомъ того хаоса, который царилъ въ головахъ. Пушкинъ—настоящій микрокосмъ русской интеллигенціи; онъ не задумывается ни надъ чѣмъ глубоко, онъ ни на чемъ не останавливается долго, ни одно его чувство не переходитъ въ сосредоточенную боль, его энтузіазмъ никогда не вырастаетъ до страсти, а его мысль—до сознательной идеи. А развѣ интеллигентная Россія не была такою-же? И не такою-же она осталась до сихъ поръ? Развѣ Пушкинъ не тотъ-же Карамзинъ въ стихахъ? Въ молодости онъ говоритъ:

Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
 Мятежной младостью утраченные годы
 И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

И затѣмъ какую-же потомъ поетъ пѣснь Пушкинъ? Онъ го-

ворить, что намъ не въ прокъ пошла паука. И это-бы еще ничего. Мало-ли, гдѣ наука не шла въ прокъ. Но зачѣмъ-же прибавлять:

И что спасибо намъ за то
Не скажетъ, кажется, никто.

Своей переметчивостью и своей калейдоскопичностью Пушкинъ кинулъ въ массу едва начавшей формироваться грамотной публики столько противорѣчивыхъ мыслей, что каждый черпалъ то, что ему нравится, и каждый могъ пайдти въ Пушкинъ тотъ авторитетъ, какой ему былъ нуженъ. Пушкинъ былъ необыкновенно популяренъ, онъ не читался, а глотался. Восторженная либеральная молодежь, воспитывавшаяся на молодомъ Пушкинѣ, сохранила о немъ навсегда самое свѣтлое воспоминаніе. Но затѣмъ все остальное читающее очутилось въ хаосѣ такихъ многообразій и противорѣчій мысли, которыя больше сбивали, чѣмъ пробуждали сознаніе. И потому, что Пушкинъ былъ такъ даровитъ, на его вліяніе слѣдуетъ смотрѣть, какъ на вліяніе больше вредное, чѣмъ полезное. Въмѣсто законченности и единства онъ вносилъ разбродъ; вмѣсто ясности и опредѣленности — путаницу.

Послѣдователи Пушкина, звѣзды второй величины, для которыхъ онъ служилъ солнцемъ, не посмѣли-бы писать того, что писали они, если-бы камертонъ Пушкина былъ выше.

Горделивый и свободный,
Чудно пьянствуетъ поэтъ,

пишетъ Языковъ, тотъ самый Языковъ, который, воспѣвая пьянство, былъ въ то-же время трезвымъ человекомъ. И какая достойная тема для поэта—пьянство и развратъ! Развѣ и безъ этого ихъ не было у насъ довольно, и неужели не было другихъ мыслей, достойныхъ пѣснопѣнія? Почему-же Дантъ не воспѣлъ пьянства, хотя шестьсотъ лѣтъ тому назадъ пьянства, разврата, насилія, грубости было въ Европѣ побольше, чѣмъ въ образованномъ Петербургѣ времянь Языкова?

А Баратынскій—этотъ поэтъ мѣднаго, звучнаго, сильнаго стиха, самая яркая звѣзда солнечной системы Пушкина? Онъ кидаетъ перчатку въ лицо знанію, наукѣ, прогрессу. Онъ говорить, что человекъ только тогда и былъ счастливъ, когда не зналъ ничего, и сталъ несчастливъ, когда довѣрилъ уму:

Лучше смертный въ дни незнанья
Радость чувствуетъ земля.

Даже Лермонтовъ не пристроилъ своей мысли, не нашелъ себѣ точки опоры и всталъ надъ жизнью, погибшей бесплодно подъ бременемъ познанія. Но Лермонтовъ, по крайней мѣрѣ, злится, въ немъ живетъ страсть, въ немъ вы чувствуете силу. Онъ не надругивается надъ наукой и не молится физической силѣ. Онъ можетъ презирать и презираетъ цѣлое поколѣніе погибшихъ дрянныхъ людей, но самъ стоитъ выше ихъ и дерзко бросаетъ имъ въ лицо желѣзныи стихи:

Облитый горечью и злостью.

Не выше ихъ и Кольцовъ. Элегичный и грустный, подавленный жизнью, Кольцовъ—поэтъ печали и унынія,—поэтъ, котораго волнуютъ вопросы безъ рѣшеній, въ которомъ вы чувствуете простую, изболѣвшую и изстрадавшуюся душу. Кольцовъ, конечно, не могъ внести никакого живительнаго вліянія и въ немъ лишь представляется измученный человѣкъ, мученикъ чувства, блѣдный, исхудалый, опустившій руки, взывающій: „что дѣлать?“

Гдѣ-же руководители общественнаго сознанія? Гдѣ-же у насъ тѣ представители мысли, которыхъ у себя выставила Европа? Мы видимъ только или короткое увлеченіе, или недоконченную мысль, или раздвоившуюся жизнь. Характеры, характеры, гдѣ вы? Какой великій русскій мыслитель пришелъ возбудить нашъ духъ? Какой великій русскій поэтъ укрѣпилъ наши чувства, слилъ ихъ съ мыслью, вдохновилъ насъ энергіей, показалъ намъ идеаль, далъдохнуть намъ чистымъ воздухомъ, извлекъ наше чувство и нашу мысль изъ узкаго мірка личнаго своекорыстія, въ которомъ каждый жилъ? вмѣсто того, чтобы возбуждать въ насъ нравственную силу, они въ своихъ произведеніяхъ приносили публичное покаяніе; это былъ лиризмъ слабодушія, плакавшаго надъ собственной, личной беспомощностью, это были стоны людей, которые стонали только за себя. Это были проповѣдники мелочности личныхъ чувствъ, которые своими произведеніями рассказывали намъ исторію своего личнаго развитія, давали движущуюся панораму своего умственнаго роста, а подчасъ—своего нравственнаго паденія. На такихъ учителяхъ могло-ли воспитываться здо-

ровое общество и при такихъ воспитателяхъ могъ-ли формироваться общественный характеръ? Теперь вошло въ моду скорбѣть о былыхъ талантахъ и дарованіяхъ, которыхъ нынче нѣтъ. Дѣйствительно, таланта въ наше время вы не найдете. Но если безталанность даетъ произведенія, достойныя ея безсилія, что сказать о талантѣ и силѣ, которые даютъ произведенія недостойныя?

Между нами и пушкинской эпохой помѣщается новѣйшій и какъ-бы самостоятельный литературный періодъ. Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій, Островскій еще живы и памятны. Но въ чемъ заключалось ихъ отношеніе къ жизни и почему они замолчали? Гдѣ та прогрессивность, которою они отличались, и въ чемъ ихъ воспитательное вліяніе? То-же явленіе, какое наблюдается въ пушкинскомъ періодѣ, повторилось еще разъ и на нихъ. Либеральныя и прогрессивныя въ молодости, они не могли дать живучести своимъ произведеніямъ и ихъ невозможно пересчитывать въ настоящее время, невозможно примѣнить къ нимъ совѣта англичанина, чтобы изъ книгъ научныхъ читать только новѣйшія, а изъ литературныхъ произведеній—старѣйшія.

Современныхъ литераторовъ обвиняютъ въ томъ, что они хотятъ творить непосредственно, не имѣя таланта, что имъ неизвѣстны великіе иностранные писатели и великіе иностранные мыслители. Это правда. Ничтожество современной русской повѣсти и русскаго романа происходитъ именно отъ того, что мы держимъ себя виѣ умственнаго наслѣдія Европы. Но на-сколько помогло это наслѣдство нашимъ талантамъ, на-сколько оно помогло романистамъ недавняго литературнаго періода и поэтамъ періода Пушкина? Шиллеръ нѣсколько лѣтъ изучалъ Шекспира, Байронъ—Данта, Гёте—Спинозу, Торквато-Тассо—Данта; Наполеонъ I весь свой вѣкъ проникался Оссіаномъ и Плутархомъ, и нѣтъ въ Европѣ такого писателя, нѣтъ такого мыслителя, который-бы не изучалъ великихъ предшественниковъ и который-бы прежде, чѣмъ выступить ему на поприще литературной дѣятельности, не сложилъ-бы себѣ точныхъ понятій, не выработалъ себѣ сознательной идеи. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ между нашими литераторами, начиная съ Державина. Виѣсто зрѣлой литературы, послѣдовательно проводящей одну мысль, намъ давались записныя тетради, и все, написанное сегодня, умираетъ завтра. Намъ не давали

ни законченной идеи, не изменяя которой мы могли-бы умереть, не зажигали въ насъ и чувствъ, которыя-бы мы могли сохранить до старости. Наша литература была именно воспитательницей нашей безхарактерности, раздвоенности и колебанія мысли. Въ ней до сихъ поръ нѣтъ ни одного имени, которое было-бы вѣчно, какъ Дантъ для итальянцевъ.

IX.

Романы и повѣсти—не больше, какъ вымышленныя біографіи; они картины жизни и душевныхъ процессовъ людей, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ общественныхъ условій. Слѣдовательно, литература отражаетъ жизнь и не можетъ давать того, чего въ жизни нѣтъ. Но она можетъ отражать не всю жизнь и быть именно такой односторонней литературой, каковой являлась всегда наша.

Бывали моменты, когда наша литература снисходила до народа, но народъ съ его незавидной житейской обстановкой, съ его нуждами и лишеніями, съ его колоссальнымъ терпѣніемъ и мужествомъ, никогда не составлялъ главнаго ея содержимаго. Главнымъ содержаніемъ ея служило то общество, въ которому принадлежали сами литераторы. Въ цѣломъ она являлась представительницей интеллигенціи.

Если исключить восторженный періодъ русской литературы, когда пѣлъ свои торжественныя пѣсни Державинъ и грозилъ всему міру проснувшимся *россомъ*, то окажется, что во всѣ остальные времена наша литература имѣла, въ общихъ чертахъ, похоронный характеръ. Она всегда имѣла фізіономію плачущей вдовы и жалобный видъ плавальщицы, она стонала и плакала съ несчастными, угнетенными, точно сестра милосердія, давала забытыхъ людей, бѣдныхъ людей, лишнихъ людей, жалкихъ людей, и вѣчно сердобольничала. Но если есть забытые люди—вѣдь кто-нибудь да забываетъ ихъ; если есть бѣдные—должны быть и небѣдные, если есть лишніе—должны быть и нужные. Обыкновенно врагами русскаго человѣка являлись какія-то не-

отразимыя и несокрушимыя силы, фигурировала горькая судьбина и русскій рокъ, еще болѣе подавляющій, чѣмъ греческій фатумъ. У грековъ распоряжались всѣмъ, по крайней мѣрѣ, боги, и у боговъ были человѣческіе помыслы. Они вели себя какъ люди, отличались такими-же страстями и дѣйствовали на греческую душу всегда бодрящимъ и увѣрляющимъ образомъ. Русскій рокъ являлся блѣднолицой тѣнью, онъ щемилъ и пришибалъ душу, заставлялъ опускать руки и вмѣсто энергіи возбуждалъ безнадежное уныніе и сознаніе нравственнаго. и умственнаго безсилія.

Наша беллетристика никогда не имѣла дѣла съ сильными людьми, ея идеаломъ были всегда несчастные, она всегда хотѣла разжалобить. Почему не предположить, что наши литераторы являлись скорбными пѣвцами страдающей пассивности только потому, что имъ самимъ не были никогда извѣстны активныя чувства? Никогда ни одной торжественной ноты, ни одного сильного звука, ни одного истинно-человѣческаго характера, ни одного свѣтлаго, страстнаго идеала! Наши литераторы вращались только въ низшихъ слояхъ русской пришибленной души, рисовали какія-то сѣренькія душонки, то плачущихъ страдальцевъ и страдалицъ, то мечтающихъ болтуновъ, то благодумствующихъ филистеровъ. Неужели Россія только въ худыхъ людяхъ? Неужели вся она — неизлечимая посредственность? Неужели ни въ одной русской душѣ не совершается полныхъ психическихъ процессовъ? Если вы не умѣете читать живыхъ людей, познакомьтесь съ законами души хотя изъ книгъ.

Чему-же могла научить насъ такая литература, какое воспитательное вліяніе она могла обнаружить? Могла-ли она помогать формированію сильныхъ и цѣльныхъ характеровъ, если она только ныла и стонала, плакала вмѣстѣ съ плачущими и отнимала у нихъ послѣднюю надежду, лишала всего будущаго? Могла-ли она, наконецъ, создать того истиннаго, идеальнаго, средняго русскаго, который могъ-бы служить намъ типомъ? Были-же въ Россіи цѣльные люди, есть они и теперь, но отчего ни одного изъ нихъ вы намъ не дали?

Мы не предлагаемъ въ образцы характера деревенскаго простолюдина, — мы говоримъ только, что деревня формируетъ характеры болѣе цѣльные. Деревенскій ребенокъ растетъ какъ грибокъ въ лѣсу,

и потому, что онъ растетъ такъ органически, онъ поражаетъ васъ цѣльностью своей натуры. Деревня даетъ немного мыслей, она не затрудняетъ ума; но, заставляя жить чувствомъ, вырабатываетъ твердыя убѣжденія. Крестьянинъ не умѣетъ говорить голыми словами, какъ это дѣлаетъ интеллигенція, онъ не даетъ словамъ большого значенія и скорѣе, какъ дитя, говорить интонаціей, понимая другого больше чувствомъ и нервной впечатлительностью, чѣмъ мыслями; деревня не балуетъ, она стоитъ стѣной и не пріучаетъ одолевать препятствій только умственно. Съ молоду ребенокъ научается опредѣлять вѣрно свои силы; едва родившись, его посаждаютъ на голый песокъ или на полъ съ занозами и оставляютъ ползать, какъ онъ знаетъ. Такъ онъ потомъ научается принаравливаться и ко всѣмъ невзгодамъ и случайностямъ жизни.

Но развѣ такъ росла и растетъ наша интеллигенція? Съ первыхъ шаговъ мы учимся безсилію, получаемъ привычки переживать всѣ препятствія головою и воображеніемъ, думать только о себѣ и преодолевать препятствія съ чужою помощью. А ученіе? Развѣ оно дѣйствуетъ на подъемъ духа, развѣ оно даетъ идеи? Съ сумбуромъ смутныхъ чувствъ и еще болѣе смутныхъ идей и разорванныхъ понятій мы вступаемъ въ жизнь, и если вся золотая пыль слетаетъ съ насъ при первомъ дуновеніи вѣтра,—развѣ это могло быть иначе? Намъ говорятъ о переметчивости молодежи, о томъ, что она мѣняетъ одно заведеніе на другое, бросается то въ университетъ, то въ технологическій институтъ, то въ медицинскую академію. Намъ указываютъ на людей, побывавшихъ въ четырехъ, пяти заведеніяхъ и некончившихъ ничѣмъ, или, какъ Крутовской, начавшей блестящей карьерой въ генеральномъ штабѣ и потомъ бросившей службу, чтобы поступить въ университетъ. Кончивъ курсъ, Крутовской былъ учителемъ, бухгалтеромъ, помощникомъ начальника завода, письмоводителемъ у мирового судьи, гувернеромъ у важнаго сановника, и покончилъ тѣмъ, что пристроился на какую-то ничтожную должность на станціи желѣзной дороги. И это новые люди, это та интеллигенція, образчики которой даетъ намъ наша литература!

Наши герои начинаютъ всегда съ стремленія облагодѣтельствовать русское человѣчество. Они всегда хотятъ быть свѣтомъ,

теплотой и источникомъ благополучія. Но для ихъ гуманно-настроенной души недостаетъ того высшаго руководящаго начала, которое называется у психологовъ сознаниемъ. И вотъ, когда факты жизни подсунуть такой матеріалъ, для котораго у нихъ недостаетъ прочной связи съ прежними ассоціями представленій, золотой песокъ сдувается подъ натискомъ перваго вѣтерка и герой говоритъ, что его обманула жизнь. Мы не знаемъ такихъ людей, которые-бы, сохранивъ свои теоретическіе идеалы, остались-бы вѣрны своимъ убѣжденіямъ и въ то-же время отказались-бы отъ всякой дѣятельности. Дѣйствовать, — значить жить, а жить — значить дѣйствовать. Но большинство интеллигенціи, несправившееся съ фактами жизни, кончаетъ филистерскимъ идеализмомъ. Они предлагаютъ его, какъ новую истину, какъ путеводный свѣточъ?

Не такъ давно этимъ путеводнымъ свѣтиломъ, новымъ Цинцинатомъ новаго Рима явился г. Энгельгардтъ. Г. Энгельгардтъ рисуетъ ищущей Россіи тотъ идеалъ, котораго она бесплодно ищетъ. Этотъ идеалъ есть сельское хозяйство. И сколько счастливаго благодушества сквозить въ словахъ г. Энгельгардта! Предъ вами тихая пристань домашняго очага Афанасія Ивановича, съ тою только разницей, что настоящему Афанасію Ивановичу была неизвѣстна химія; но если-бы Афанасій Ивановичъ зналъ раціональное сельское хозяйство такъ-же хорошо, что-бы могло помѣшать ему быть г. Энгельгардтомъ? „Попробуйте-ка вы заработать на хозяйствѣ тысячу рублей за свой трудъ, не считая процентовъ на капиталъ и ренты за землю! восклицаетъ г. Энгельгардтъ. — Тутъ нужна, во-первыхъ, голова, да и голова, во-вторыхъ, нужно работать съ утра до вечера, — не то, что отбывать службу, — да еще какъ! Чуть не сообразилъ что-нибудь — у тебя и рубль изъ кармана вонъ“. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, такая жизнь полна труда и дѣятельности! Г. Энгельгардтъ то бесѣдуетъ со старостою, то отправляется на скотный дворъ — засыпали-ли кормъ скоту, заноситъ въ свою хозяйственную книгу новорожденную телушку, — и работа эта тянется безустанно, и весну, и лѣто, и зиму, и осень, съ утра до вечера, въ будни и въ праздники. Помощникъ г. Энгельгардта, скотникъ Петръ, получаетъ съ своей женой и дѣтьми за всю свою неустанную работу 60 руб.

въ годъ, отъ которыхъ у него, за расходами на хлѣбъ и за уплатой повинностей, остается, по расчету г. Энгельгардта, ровно 6 руб. Но на нихъ нужно купить соли, постнаго масла, сшить платье. Да, трудно заработать въ деревнѣ тысячу рублей! „Кажется, оброкъ такой-же вѣрный доходъ, какъ жалованье чиновниковъ, но это такъ кажется въ Петербургѣ. Тамъ, въ Петербургѣ, худо-ли, хорошо-ли, отслужилъ мѣсяць—ступай къ казначею и получай, что слѣдуетъ. Откуда и какъ попали эти деньги къ казначею, вы этого не знаете и спокойно кладете ихъ въ карманъ, тѣмъ болѣе, что вы думаете, что заслужили ихъ, заработали. Тутъ-же не то...“ Тутъ расчетъ и расчетъ, тутъ надо сообразить каждую копейку, тутъ надо умѣть глядѣть на человѣка, какъ на экономически-производительную силу, тутъ надо знать всѣ малѣйшіе расчеты и помнить, что сельское хозяйство—та-же арифметика, а люди не больше, какъ известной величины цифры, въ расчетѣ которыхъ ошибокъ сдѣлать нельзя, ибо тогда тысячи рублей не получишь.

Да, трудно, трудно достать тысячу рублей! Но за то, если вы потрудились, если вы отбросили назойливыя мечты неустановившейся молодости и сдѣлались Цинцинатомъ, какъ спокойна и отрадна ваша безмятежная жизнь, какъ все окружающее васъ довольно и счастливо,—и скотникъ Петръ, получающій 60 руб. въ годъ жалованья, и стряпуха, Авдотья, развившая свои кулинарныя познанія подъ просвѣщеннымъ руководствомъ г. Энгельгардта,—все идетъ у него отлично: и масло выдѣлывается превосходно и бархатный сливочный сыръ, который-бы сдѣлалъ честь даже магазину Эрбера, и изумительные маринованные раки, ветчина, копченые гуси, колбасы. А впереди о, какое очаровательное, свѣтлое будущее! Черезъ три года у г. Энгельгардта будетъ 13 десятинъ клеверу вмѣсто облить, которая онъ теперь пожинаетъ на полѣ, и изъ пустоши, уже проданной на срубъ, выйдетъ превосходная пашня; скотный дворъ разростется вдвое, запасы навоза увеличатся... Г. Энгельгардтъ, ради Бога замолчите. Все, что вы говорите, такъ плѣнительно, что вы окончательно осчастливите всю Россію. Но какъ-же поступить тѣмъ, у кого нѣтъ имѣнія, какъ у васъ?

Мы знаемъ еще оптимиста, который, въ назиданіе народу и

множеству, также какъ и г. Энгельгардтъ, сталъ говорить то, чего онъ прежде не говорилъ. Какъ г. Энгельгардтъ хочетъ догонять въ сельскомъ хозяйствѣ европейскихъ хозяевъ, такъ авторъ „Куля хлѣба“ говоритъ, что на свободныхъ и широкихъ поляхъ нашей родины мы можемъ догонять и опережать всѣ другіе народы. У насъ повсюду дорога широкая, для каждаго найдется путь и пропитаніе. „Не хочется тебѣ ѣсть хлѣба съ мякиной, лебедой или сосновой заболонью—можешь уйдти на Волгу“. „На сѣверѣ, гдѣ рожь не родится и ячмень съ трудомъ дозрѣваетъ, народъ выдумалъ очень вкусныя лепешечки и булочки, называемыя шанежками“. И знаете, кто говоритъ это?—народникъ Максимовъ.

И между этими-то двумя типами людей литература рекомендуетъ намъ искать будущихъ идеаловъ! Можно подумать, что кромѣ этихъ двухъ типовъ у насъ и нѣтъ людей. Но мы думаемъ, что если литература не сумѣла подмѣтить другихъ образцовъ и не умѣла дать другихъ характеровъ, то, конечно, не потому, что-бы ихъ не было въ дѣйствительности. Мы не отрицаемъ, что филистерствующій идеализмъ можетъ тоже создавать цѣльные, законченные характеры, но въ такихъ характерахъ у насъ никогда не бывало недостатка. Эти типы выработала уже крѣпостная Россія и нарисовалъ ихъ Гоголь. Зачѣмъ ихъ выработывать во второй разъ? Кромѣ того, что давали и даютъ намъ наши повѣствователи и романисты изъ безхарактерной интеллигенціи, есть у насъ и живые, цѣльные, полные люди, которыхъ чувства сплелись съ ихъ передовою мыслью,—которые и въ 40 лѣтъ оставались такими-же, какими они были въ 20. Поищите—они подлѣ васъ, но вы ихъ не видите. Хуже: сдѣлавъ благодушствующее филистерство своимъ идеаломъ, вы этихъ людей зовете Дон-Кихотами, потому что вамъ недоступны ихъ мысли и чувства. Для васъ эти типы невозможны; но если это живые люди, что вы на это отвѣтите? Да, только эти люди—настоящіе представители нашей интеллигенціи, а не ваши сѣренъкіе герои. И они истинные типы, потому что они соврѣли въ твердо установившихся идеяхъ и въ живомъ человѣческомъ чувствѣ; они наше будущее и истинный цвѣтъ интеллигенціи, потому что у филистерскаго благодушества никогда не было и не будетъ прогрессив-

наго будущаго. Оно стоитъ за тѣми, кого можно признать законченными людьми. Если эти люди еще не даютъ цвѣта нашей интеллигенціи, то только потому, что ихъ слишкомъ мало, и вотъ почему вы только рисуете сѣренькихъ людей сѣренькой толпы, которая одна и бьетъ вамъ въ глаза.

Х.

Мы видѣли Миля въ тотъ моментъ, когда образованіе дало его уму первый матерьялъ. Мы видѣли, какой матерьялъ былъ данъ молодому уму. Не одинъ ненужный фактъ не обременилъ память ребенка. Все, что ей давалось, было тѣмъ послѣднимъ словомъ знанія, которымъ владѣла наука въ социальномъ-экономической области, въ исторіи, юриспруденціи, философіи.

Отца Миля можно-бы упрекнуть въ педантизмъ, въ преслѣдованіи однихъ умственныхъ цѣлей и въ устраненіи чувства отъ соучастія въ жизни мысли. Но отецъ Миля, хотя и унижалъ вообще значеніе чувства, тѣмъ не менѣе онъ не только никогда не подавлялъ его въ своемъ сынѣ, но напротивъ, онъ именно оставлялъ ему свободный просторъ и своимъ личнымъ поведеніемъ сильнѣе всего вліялъ на образованіе его характера. При кажущейся суровости и педантичности, старикъ Миль обладалъ сильной душой, а если-бы въ немъ не было сильно развитыхъ сердечныхъ сторонъ, то вліяніе его на окружающихъ, о которомъ говорить не разъ Стюартъ Миль, было-бы невозможно. Конечно, развитіе социальнаго чувства не шло параллельно съ развитіемъ ума, и если-бы Стюартъ Миль остался въ Англіи, изъ него, можетъ быть, и не выработался-бы такой характеръ.

По окончаніи ученія Стюартъ Миль былъ отправленъ отцомъ во Францію. До сихъ поръ Стюартъ Миль жилъ съ очень многими людьми и, въ сущности, не видѣлъ и не зналъ практической жизни чувства. Люди, которые его окружали, были прежде всего замѣчательные люди. Миль никогда не вращался мыслью на томъ низкомъ нравственномъ уровнѣ, какой онъ называетъ англійскимъ обществомъ. Люди, въ которыхъ онъ имѣлъ

отношеніе, стремились не къ личнымъ, а къ великимъ общественнымъ цѣлямъ. И потому мысль, не знавшая никогда низкаго уровня, спасла чувство. Въ первый разъ Милю пришлось познакомиться съ другою жизнью и дохнуть вполне свободной атмосферой во Франціи, въ которой, какъ говоритъ Миль, чувства, которые можно назвать,—по крайней мѣрѣ, по сравненію съ Англійей, возвышенными,—составляютъ мелкую ходячую монету, какъ въ книжкахъ, такъ и въ частной жизни. „Если иногда эти чувства улетучиваются въ громкихъ фразахъ, все-же они живутъ въ массѣ націи, говоритъ Миль,—благодаря постоянному употребленію и питаемому къ нимъ уваженію, такъ что они составляютъ живой, дѣятельный элементъ существованія громадной массы людей и понятны всѣмъ и признаны всѣми“. Изъ знакомства съ французскимъ обществомъ того времени Миль вынесъ сильное и живучее сочувствіе къ континентальному либерализму, за которымъ онъ потомъ слѣдилъ постоянно такъ-же зорко, какъ и за англійской политикой.

Другимъ вліяющимъ фактомъ на законченное развитіе Милиа были тѣ собранія молодежи, въ которыхъ онъ участвовалъ. Какъ-бы воспитаніе, данное Милю отцомъ, ни было строго-научно и послѣдовательно, какъ-бы отецъ его ни приучалъ его къ самостоятельности мышленія, но четырнадцатилѣтній мальчикъ, конечно, не могъ быть вполне законченнымъ человекомъ. Разсужденія и пренія въ кружкѣ молодежи пополнили то, чего недоставало еще уму Милиа. Молодежь, бывшая товарищами Милиа, дала впослѣдствіи Англійи многихъ замѣчательныхъ людей. Собранія происходили въ домѣ Грота два раза въ недѣлю. Первымъ предметомъ изученія былъ избрана политическая экономія, а систематическимъ руководствомъ для нея — „Основы политической экономіи“ Джемса Милиа. Занятія происходили въ такомъ порядкѣ: одинъ изъ членовъ собранія читалъ въ слухъ главу или параграфъ, и затѣмъ отрывались пренія. „Мы постановили правиломъ, говоритъ Стюартъ Миль,—основательно обсуждать каждый поднятый вопросъ, великій онъ или мелкій, продолжая пренія до тѣхъ поръ, пока всѣ, принимавшіе участіе, не приходили къ тому или другому положительному заключенію. Кроме того, мы разсматривали всѣ вытекавшіе изъ прочтенной главы

побочные вопросы и никогда не переходили къ слѣдующей, не разрѣшивъ всевозможныя сомнѣнія и затрудненія. Часто мы об-суждали одинъ предметъ втеченіи нѣсколькихъ недѣль, обдумывая его серьезно въ промежутки между собраніями и стараясь всѣми силами разрѣшить представлявшіяся трудности“. Послѣ „Основъ политической экономіи“ были прочитаны „Принципы политической экономіи“ Рикардо и „Разсужденія о цѣнностяхъ“ Бэля. За политической экономіей послѣдовала силлогистическая логика, и всѣ лучшія книги по этому предмету были об-суждаемы по принятому обычному методу и представляли широкое поле для оригинальныхъ метафизическихъ упражненій. Въ этихъ разсужденіяхъ, говоритъ Стюартъ Миль, — заключалось начало большей части того, что сдѣлано въ первой части „Системы логики“. Отъ логики перешли къ аналитической психологіи, а послѣ ея къ „Аналізу ума“ Джемса Милля.

Миль приписываетъ большое значеніе подобнымъ бесѣдамъ. Хотя онъ и прежде отличался оригинальнымъ, самобытнымъ мышленіемъ, но только со времени общихъ чтеній и обсужденій пріобрѣлъ умственную привычку никогда не останавливаться на половинномъ разрѣшеніи какой-либо трудности и никогда не бросать задачи, пока она совершенно не уяснится, никогда не пренебрегать, какъ неважными, какими-бы то ни было частями вопроса, а одинаково основательно изучить всѣ; наконецъ, никогда не считать, что понимаешь часть предмета, пока не постигнешь всего. Втеченіи пяти лѣтъ Миль занимался преніями по различнымъ предметамъ и приписываетъ имъ весьма важное вліяніе на его умственное развитіе. Можетъ-ли наша *интеллигенція* представить изъ своей жизни что-нибудь подобное этимъ фактамъ?

Очень понятно, что Стюартъ Миль, мысль котораго воспиталась въ направленіи бентамовскаго принципа — „наибольшее благо для наибольшаго числа людей“, задался очень маленькою цѣлью — быть реформаторомъ всего свѣта и слить свое личное счастье съ счастьемъ человѣчества. И долго Стюартъ Миль былъ одушевленъ сознаніемъ, что на свѣтѣ происходятъ постоянныя улучшенія и что онъ участвуетъ въ борьбѣ для ихъ достиженія. Но вотъ пришелъ критическій моментъ въ его жизни, когда ему

пришлось усомниться въ себѣ и дрогнуть, и когда всё его идеалы готовы были рушиться и всё его стремленія погибнуть. Нѣчто подобное происходило и со всеми отдѣльными единицами нашей интеллигенціи, послѣ чего они отказывались отъ своихъ юношескихъ увлеченій, смотрѣли съ сожалѣніемъ на свою молодость, какъ на время заблужденія и бесполезной траты силъ, и затѣмъ отдавались самодовольному благодумству, считая тысячу рублей ежегоднаго дохода отъ сельскаго хозяйства единственною высшею цѣлью человѣческой дѣятельности.

Осенью 1826 года Миль находился въ мрачномъ настроеніи духа и, роаясь въ своей душѣ, задался, наконецъ, такимъ вопросомъ: „Если всё твои цѣли въ жизни осуществляются, если въ настоящую минуту совершатся всё тѣ перемѣны въ человѣческихъ учрежденіяхъ и мнѣніяхъ, которыхъ ты добиваешься, будешь-ли ты вполне счастливъ?“ Непреодолимый голосъ совѣсти отвѣтилъ: „нѣтъ!“ — и сердце Мили дрогнуло; все зданіе его жизни рухнуло разомъ. Цѣль жизни, къ которой онъ стремился, потеряла для него свою обаятельную силу. Къ чему-же было тогда стремиться къ ней и зачѣмъ жить?

Если сущность душевнаго процесса, происходившаго въ этотъ моментъ въ Милѣ, и аналогична съ душевными процессами той части интеллигенціи, которую выставляетъ намъ всегда наша литература, то тутъ не больше, какъ аналогія. Что-же касается самаго содержимаго этихъ процессовъ, то между ними нѣтъ ничего общаго. Вопросъ Мили потрясаетъ все его существованіе, потому что онъ касается всѣхъ коренныхъ основъ души и всѣхъ основъ мировоззрѣнія. Онъ поставилъ собственно вопросъ о томъ, что такое жизнь: вѣчное-ли стремленіе къ ней, о которомъ говорить Лессингъ, или наслажденіе настоящимъ? Тутъ вопросъ о томъ—быть или не быть. У нашихъ-же дѣятелей вопросъ никогда не заключался въ этомъ. Ихъ переломъ совершался не потому, чтобы они измѣнили свой взглядъ на сущность стремлений,—ихъ убила собственно *недостижимость*, т. е. какъ-разъ именно то, что, напротивъ, Стюарту Миллю служило источникомъ энергіи.

Напрасно искалъ Миль утѣшенія въ своихъ любимыхъ книжкахъ, „этихъ славныхъ памятникахъ прошедшаго величія и бла-

городства“, говорит Миль: онъ теперь читалъ ихъ безъ всякаго чувства. Для Мили наступилъ моментъ отнестись критически къ своему прошлому и опредѣлить, на-сколько развитіе чувства явилось активнымъ элементомъ его души. Онъ всегда слышалъ отъ отца, что мы любимъ или ненавидимъ, чувствуемъ наслажденіе или страданіе въ одномъ или другомъ дѣйствиіи отъ тѣхъ ассоціацій представленій, которыя мы связываемъ съ предметами удовольствія или страданія. По воспитательной методѣ Мили-отца слѣдовало развивать, сколько возможно сильнѣе, ассоціаціи идеи удовольствія со всѣмъ тѣмъ, что ведетъ къ общему благоденствію, и идею страданія со всѣмъ тѣмъ, что нарушаетъ общее благо. Но, заглянувъ теперь въ свою душу, Миль увидѣлъ, что такая теорія неполна и что, дѣйствуя на чувства одними ассоціаціями доброжелательныхъ представленій, мы получимъ какъ-бы искусственную душу. Мало того, чтобы мы связывали идеи страданія и удовольствія съ извѣстными предметами, — нужно, чтобы это страданіе или наслажденіе прошло чрезъ насъ живымъ чувствомъ. Мало того, чтобы понимать головой чужую боль и чужое страданіе, — ихъ надо умѣть чувствовать, ихъ надо умѣть переживать, и только тогда въ нашемъ поведеніи можетъ воспитаться истинное сочувствіе къ людямъ и только тогда наше чувство можетъ dorости до страсти. Миль боролся между привычками къ анализу, въ которыхъ онъ выросъ, и между порывами социальнаго чувства, которое сказалось въ немъ теперь впервые. Миль былъ твердо убѣжденъ въ справедливости того мнѣнія, которымъ онъ привыкъ руководствоваться, но сознаніе, что чувство симпатіи и любви могло-бы сдѣлать его счастливымъ, еще не давало ему этихъ чувствъ. Предъ нимъ стояли цѣли, для достиженія которыхъ онъ былъ такъ старательно подготовленъ, но въ то-же время онъ не чувствовалъ истиннаго желанія ихъ достигнуть и не ощущалъ удовольствія ни въ добродѣтели, ни въ общемъ благѣ. Миль сравниваетъ себя съ хорошо оснащенной кораблемъ, у котораго было все, но недоставало только парусовъ. Нужно было, слѣдовательно, возбудить въ Милѣ неприснувшееся чувство и выдвинуть его параллельно на ту-же высоту, на которой стоялъ его умъ. Борьба, происходившая въ Милѣ была такъ сильна, что ему даже казалось, что онъ не выдержитъ такой жизни больше

года и кончить съ собою. Случайно читая мемуары Мармонтеля, Миль остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ Мармонтель описываетъ смерть отца, ужасное положеніе семьи и его рѣшимость замѣнить ей то, чего она лишилась. Мили такъ тронуло одушевленіе молодого Мармонтеля, что его прошибли слезы; страшная мысль, что въ немъ убито всякое чувство, исчезла и онъ почувствовалъ, что въ немъ есть и живъ источникъ всего лучшаго и благороднаго въ человѣческомъ характерѣ.

Въ этотъ періодъ ломки или, вѣрнѣе, возбужденія нравственныхъ силъ души Милю пришлось провѣрить своимъ сознаниемъ свои предыдущія воззрѣнія. Онъ остался вѣренъ основному принципу, что счастье есть цѣль существованія, но теперь онъ увидѣлъ, что можно быть счастливымъ только тогда, когда счастье мы не выставляемъ прямою, непосредственною цѣлью; чтобы быть счастливымъ, нужно поставить себѣ цѣлью какой-либо другой предметъ—счащеніе другихъ, усовершенствованіе человѣчества—и, стремясь къ этому иному, мы найдемъ свое счастье на пути. Придайте наслажденіямъ значеніе главной цѣли вашего существованія—и вы сейчасъ-же увидите ихъ недостаточность. „Единственная возможность достигнуть счастья заключается въ томъ, говорить Миль, — чтобы считать не счастье, а что-либо другое цѣлью жизни. На служеніе этой цѣли употребите все свое самосознаніе, всю свою способность къ анализу, и если другія обстоятельства нашей жизни удачно сложились, то вы будете счастливы, вдыхая въ себя счастье вмѣстѣ съ воздухомъ, а не думая о немъ, не анализируя его. Теперь эта теорія стала основой моей философіи жизни и я до сихъ поръ считаю ее лучшей теоріей для всѣхъ, которые обладаютъ умѣренной впечатлительностью и такою-же умѣренною способностью къ наслажденію, т. е. для большинства человѣчества“, замѣчаетъ Миль. Тутъ-же Стюартъ Миль выработалъ убѣжденіе, что способности души должны находиться въ стройной гармоніи и развитіе анализа должно идти рядомъ съ развитіемъ чувствъ. Развитіе чувствъ сдѣлалось съ этихъ поръ однимъ изъ главныхъ основаній его нравственной и философской теоріи. Теперь онъ сталъ болѣе и болѣе стремиться ко всему тому, что могло послужить орудіемъ для достиженія этой цѣли. Такимъ факторамъ человѣческой культуры, какъ поэзія

и искусства, прежде онъ отводилъ очень малое мѣсто, теперь-же, напротивъ, онъ старался развивать и укрѣплять на нихъ свое чувство, и, наконецъ, личнымъ опытомъ убѣдился, на-сколько поэзія и музыка, въ произведеніяхъ ихъ великихъ представителей, дѣйствуютъ возбуждающимъ образомъ на подъемъ духа и даютъ широту помысламъ и энергію стремленіямъ.

Моментъ самообразованія, который пришлось пережить Стюарту Миллю, былъ трудный моментъ въ его жизни. Миллю пришлось не только перетряхнуть весь матеріалъ памяти, который въ немъ скопилось воспитаніе, чтобы выплести новую сѣть законченныхъ представленій, но и нужно было ввести цѣлую массу новаго матеріала, котораго у него прежде не было и котораго дѣтское воспитаніе ему и дать не могло. Мы согласны въ томъ, что Милль-отецъ обращалъ слишкомъ исключительное вниманіе на развитіе въ своемъ сынѣ способности анализа и относился къ чувствамъ нѣсколько верховымъ образомъ. Но и чувство не является во всеоружіи своихъ силъ въ дѣтскомъ возрастѣ, какъ не является во всеоружіи сознаніе. Чувство нужно не только пережить и выстрадать, но и нужно, чтобы организмъ нашъ былъ въ состояніи произвести въ себѣ этотъ процессъ. Такой процессъ чувства въ дѣтскомъ возрастѣ невозможенъ и онъ возможенъ лишь въ такой моментъ, когда организмъ нашъ вполне сформировался. Вотъ почему первое воспитательное вліяніе не всегда приводитъ къ тѣмъ вреднымъ послѣдствіямъ, которыхъ отъ него ожидать можно, потому что въ каждомъ изъ насъ, по окончаніи первоначальнаго воспитанія, возникаетъ свой собственный образовательный процессъ, когда чувство и мысль стремятся вывести насъ на путь самостоятельнаго нравственнаго существованія. Не у всѣхъ эта работа бываетъ обширна, многосложна и трудна. Люди съ малымъ числомъ мыслей очень легко и скоро порѣшаютъ съ своимъ моментомъ кризиса и утверждаютъ на тѣхъ ограниченныхъ убѣжденіяхъ, основаніе которымъ даетъ небольшое число ихъ ограниченныхъ мыслей. Поэтому понятно, что большинство нашей интеллигенціи покончило очень скоро съ своими сомнѣніями и остановилось на томъ идеалѣ счастья, который вырабатывается такъ легко, если мысль не затруднена многосложными комбинаціями. Но Миллю этотъ процессъ дался гораздо труднѣе и то,

что онъ говорить въ своей автобіографіи, даетъ, по его словамъ, очень недостаточную идею о томъ громадномъ умственномъ трудѣ, который онъ посвятилъ на обсужденіе многочисленныхъ предметовъ.

И когда Миль пережилъ этотъ періодъ, онъ могъ сказать, что его воспитаніе кончилось. Онъ сложилъ вполне твердое возрѣніе на жизнь, ея цѣль и средства къ ея достиженію. Передъ человѣкомъ лежала одна дорога, а не распутье жизни, и онъ шелъ этой дорогой, потому что его мысль не путалась, не сбивала съ толку его чувства, а чувство не сбивало съ толку его мысли.

Миль не увлекался энтузіазмомъ. Онъ стремился къ счастью и въ этомъ стремленіи была его жизнь; въ его планахъ не было ничего ни фантастическаго, ни утопическаго. Задавшись высшими, гуманными идеями, Миль—человѣкъ такого полного образованія—поступаетъ писцомъ въ ост-индскую компанію. Не правдали странное честолюбіе!

На Миль, благодаря его автобіографіи, можно видѣть всего яснѣе вѣрность положенія современной психологіи. Миль, по всѣмъ привычкамъ молодости, готовился быть только кабинетнымъ мыслителемъ, а не дѣятелемъ. Умъ съ его способностью анализа служилъ главной основой его души. Сердце и чувство, какъ источники активной дѣятельности, не получили въ немъ соответственнаго развитія, и вотъ почему онъ не вышелъ активнымъ политическимъ дѣятелемъ. Но въ головномъ развитіи Мили все такъ твердо и имѣетъ свое опредѣленное мѣсто, что какую-бы борьбу ему ни пришлось вынести съ жизнью—ограниченное благодушество, погруженное въ самодовольное филистерское наслажденіе порядками скотнаго двора, не сдѣлается никогда идеаломъ его жизни и содержимымъ его души. При головной односторонности Мили передъ вами все-таки точный, законченный образъ. Умъ закрываетъ его чувство, выше и страстнѣе его; но въ этомъ образѣ вы не находите все-таки никакой недодѣланности. Хотя сердечные процессы являются въ Миль, какъ-бы головными процессами, но найдите въ его душѣ хотя одно противорѣчіе между умомъ и чувствомъ. Его мысли и чувства всегда на самомъ высокомъ уровнѣ, его стремленія идутъ всегда въ направленіи обще-

ственного блага. О Милѣ можно сказать только, что онъ не былъ активнымъ бойцемъ, а былъ бойцемъ кабинетнымъ.

Сравнивая исторію души Стюарта Миля съ исторіей души той части ителигенціи, образчики которой давала всегда наша литература, мы увидимъ, что психологическіе процессы въ тѣхъ и другихъ случаяхъ совершенно одинаковы. Сущность разницы заключается не въ процессахъ, а въ содержимомъ, которое для нихъ служило пищею. Миль съ первыхъ годовъ своего дѣтства усвоивалъ себѣ такіе факты, которые послужили твердымъ основаніемъ для законченности его мировоззрѣнія. Впослѣдствіи, въ моментъ саморазвитія, онъ вводитъ въ себя лишь новыя силы, которыя даютъ душу этимъ фактамъ и связываютъ ихъ крѣпкою связью съ жизнью. Во всей работѣ, какую производитъ Миль, и въ ломкѣ, которую онъ дѣлаетъ, не заключается никакихъ главныхъ передѣлокъ. Фасадъ зданія остается тотъ-же и только вводятся въ него новыя перегородки. Миль не передѣлываетъ себя, не становится на новую дорогу, но онъ скорбитъ и болѣетъ душою, что у него недостаетъ силъ дѣйствовать, и вотъ эти-то силы онъ и стремится теперь въ себѣ выработать и развить.

Совсѣмъ иной характеръ процесса совершался въ душѣ нашей интеллигенціи. Въ нее именно съ молодости въ фактахъ памяти закладывали такіе краеугольные камни, которые никакъ не могли служить основаніемъ для прогрессивнаго мышленія. Ломка, которая являлась въ моментъ пробужденія чувствъ и восторженности, заключалась въ томъ, что начинались вводиться совсѣмъ новыя головные факты. Миль двадцать пять лѣтъ, начиная съ трехлѣтняго возраста, копилъ въ себѣ основы знанія и, наконецъ, усвоилъ все, что можно было только усвоить. Въ моментъ своей восторженной ломки мы хотимъ въ одинъ годъ усвоить то-же самое и однимъ взглядомъ охватить міръ и увидѣть его всѣ темныя завоулки. Можетъ-ли сознаніе получить въ этой скороспѣлой работѣ прочныя основы и положить основаніе непоколебимому убѣжденію! Первый новый случайный фактъ, представленный намъ человѣкомъ болѣе опытнымъ и знающимъ, первое препятствіе, вставшее предъ нами стѣною, заставляетъ насъ бѣжать въ паническомъ страхѣ и бросить по дорогѣ тѣ камни, которые мы только что собрали для идеальнаго будущаго зданія. И вотъ мы остаемся

съ тѣмъ матеріаломъ, который накопили въ молодости, и устанавливаемся на немъ твердо и даже глубоко сожалѣемъ о времени, потраченномъ на собираніе новаго матеріала и на ту кутерьму, которую намъ пришлось пережить. Можно-ли требовать отъ человѣка устойчивости характера въ самый моментъ этой кутерьмы, когда душа его похожа на беспорядочный складъ самыхъ разнообразныхъ противоположностей, сложенныхъ въ одну кучу? Вотъ почему у интеллигенціи, переживающей только этотъ одинъ моментъ, нѣтъ и быть не можетъ цѣльаго, неразорваннаго характера. Но, освободившись отъ новаго матеріала и оставшись при старомъ, она создаетъ себѣ характеръ вполне законченный. Поэтому-то у нашей интеллигенціи нѣтъ характера, пока она—интеллигенція, и является характеръ, когда она перестаетъ быть интеллигенціей. Развѣ нужно мало характера для того, чтобы чувство не дрогнуло и не измѣнило ему, когда онъ посвятилъ себя сельско-хозяйственной арифметикѣ и долженъ получить доходу не премѣнно тысячу рублей? Да, у насъ есть характеры! У насъ нѣтъ характеровъ только тогда, когда идею блага мы хотимъ приурочить къ другимъ и смотримъ на счастье глазами Стюарта Милля, но у насъ есть характеръ, когда личное наслажденіе и самый путь нашей личной жизни мы дѣлаемъ цѣлью своего счастья. Но это два совершенно противоположныхъ міровоззрѣнія. Задавшись цѣлью счастья, какъ личнаго блага, мы будемъ всегда неустойчивыми страдальцами въ жизни, и только, какъ Милль, сдѣлавъ изъ счастья нѣчто постороннее, лежащее внѣ насъ и отдаленное, къ чему мы должны стремиться, никогда не достигая, мы найдемъ счастье на пути своей жизни. Въ такой постановкѣ вопроса и въ такой формулѣ поведенія заключается источникъ плодотворной и полезной практической дѣятельности.

Мы уже говорили, что Милль былъ дѣятелемъ кабинетнымъ, но не дѣятелемъ активнымъ, и противоположностью ему въ этомъ отношеніи, какъ дополненіе человѣческаго идеала, могъ-бы служить другой замѣчательный дѣятель Англіи—Брайтъ. Въ Брайтъ вы видите, какъ энергія чувства беретъ перевѣсъ надъ энергіей ума. Въ Миллѣ работаетъ преимущественно мысль и потому онъ кабинетный дѣятель; но за то Брайтъ истинный практическій государственный дѣятель. Брайтъ, если хотите, не богатъ, сравни-

тельно, обиліемъ мыслей. Онъ не умѣетъ погружаться въ усидчивое кабинетное логическое ихъ развитіе. Но онъ выработалъ въ себѣ извѣстное число идей и стучитъ въ одно мѣсто, какъ молотокъ, пока не пробьетъ въ стѣнѣ дыры. Онъ тридцать лѣтъ служить, не ослабляя энергіи, однимъ и тѣмъ-же вопросамъ, въ справедливости которыхъ онъ убѣжденъ, и ни разу въ свою жизнь не измѣнилъ тому принципу, котораго держался и Миль: „наибольшее благо для наибольшаго числа людей“. Это наибольшее число людей для него—народъ. Въ своей рѣчи, которую онъ говорилъ впервые въ Лондонѣ, въ качествѣ народнаго трибуна, онъ сказалъ: „ни одно учрежденіе въ этой странѣ — монархія, аристократія, церковь—не могутъ существовать, признавъ себя нераздѣльными съ хлѣбными законами. Въ сосѣднихъ странахъ мы видѣли, какъ гибли государственныя учрежденія, какъ исчезали съ лица земли касты, партіи и даже общественный порядокъ, но нѣчто всегда переживало общую погибель и это нѣчто—народъ. Точно также, что-бы ни случилось въ Англіи, какія-бы ни произошли въ ней волненія, какіе-бы порядки въ ней ни были уничтожены—народъ всегда останется.“ Служа благу этого народа Брайтъ ни разу не отказался отъ своихъ началъ; избравъ своимъ девизомъ: „Будь справедливъ и не бойся!“ онъ кончилъ тѣмъ, что даже его враги признали его вождемъ англійскаго народа, великимъ патріотомъ и замѣчательнымъ государственнымъ человекомъ.

Программа Брайта очень не обширна и основной принципъ его выражается всего тремя словами: „справедливость, миръ и свобода“. Но этимъ тремъ коротенькимъ понятіямъ приходится выдерживать такую борьбу, приходится прилагаться къ такой громадной массѣ царящихъ противорѣчій и препятствій, что если-бы у Брайта было десять жизней—и ихъ-бы не достало.

Настойчивость и энергія Брайта, конечно, должны смущать тѣхъ, кто держится въ жизни иныхъ принциповъ и не умѣетъ ихъ формулировать, какъ формулировалъ ихъ Миль. Но если цѣлью жизни служить отдаленный, никогда недостижимый идеаль, а счастье жизни заключается въ одномъ нескончаемомъ пути къ этой цѣли, то поведение Брайта перестаетъ быть изумительнымъ и всякому доступенъ его характеръ. Отдѣльное достиженіе извѣ-

стных частных цѣлей, какъ отиѣна хлѣбныхъ законовъ или новое распредѣленіе земельной собственности или допущеніе евреевъ въ парламентъ,—не больше, какъ отдѣльные шаги на томъ нескончаемомъ пути, который лежитъ передъ идущимъ впередъ человѣкомъ.

Мы думаемъ, что эти принципы очень просты и что цѣльные прогрессивные характеры, къ которымъ питаютъ такое благоговѣйное уваженіе люди неустановившихся понятій, вовсе не такая недостижимая трудность. Имѣть цѣльный прогрессивный характеръ вовсе не труднѣе того, который предлагаетъ идеальнымъ образцомъ г. Энгельгардта. Если можно чему изумляться, то развѣ только тому, какъ люди, прошедшіе разъ школу неудачной жизни, не понимаютъ потомъ своихъ дѣтей и вѣчно повторяютъ борьбу поколѣній!

Н. Шелгуновъ.

ПЕРВАЯ КНИГА.

Исторія императорской академіи наукъ въ Петербургѣ. Петра Пекарскаго. Томъ второй. Спб. 1873.

Этотъ второй томъ послѣдняго труда покойнаго Пекарскаго содержитъ въ себѣ больше 1,000 страницъ и почти весь занятъ біографіей Ломоносова. Впрочемъ, какъ всѣ жизнеописанія академиковъ, и ломоносовское, составленное Пекарскимъ, нельзя въ строгомъ смыслѣ назвать біографіей. Это только критическіе своды біографическихкихъ матерьяловъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, и мы воспользуемся ими для краткой характеристики Ломоносова, которой, сколько помнится, еще не было въ нашемъ журналѣ.

Ломоносову, безспорно, принадлежитъ первое мѣсто среди тѣхъ представителей нашей науки и литературы, которые происходили изъ народа. Примѣръ Ломоносова показываетъ, какія умственные силы можетъ выставить этотъ народъ. Но эти умственные силы находятся въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, и только въ великія эпохи чрезвычайныхъ народныхъ возбужденій имъ удается выбиться изъ заколдованнаго круга окружающей ихъ дѣйствительности да и то цѣною такихъ усилій и страданій, что нужно только удивляться ихъ энергіи. Къ числу такихъ крѣпкихъ, энергическихкихъ натуръ принадлежалъ и Ломоносовъ. Сынъ холмогорскаго рыбака, родившійся въ 1712 г., Ломоносовъ провелъ свою юность въ такую эпоху, когда вся страна волновалась подъ желѣзною рукою великаго реформатора, и въ такомъ краю, который былъ наполненъ разсказами о путешествіи въ немъ Петра, принимавшими уже форму мифовъ о великомъ царѣ, которому покорны даже грозныя силы природы. Опасные морскіе промыслы, въ которыхъ Ломоносовъ участвовалъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, содѣйствовали развитію въ немъ той отваги и энергіи, какими онъ отличался

еще въ ранней молодости. Любознательность его преодолевала все препятствія и не находила достаточной пищи для себя. Выучившись читать и писать, перечитавъ богослужебныя книги, Ломоносовъ случайно наткнулся на грамматику Смотрицкаго и арифметику Магницкаго, которыя только усилили его любознательность. Родные начали преслѣдовать эту страсть къ книгамъ, столь необыкновенную въ крестьянскомъ быту. Отецъ Ломоносова, человекъ, по его словамъ, «по натурѣ добрый, однако, въ крайнемъ невѣжествѣ воспитанный», и злая мачиха, вооружавшая отца противъ сына, приготовили послѣднему не мало горя, нападая на него преимущественно за то, что онъ «всегда сидитъ по-пусту за книгами». «Для того, рассказываетъ Ломоносовъ,—я принужденъ былъ читать и учиться чему возможно было въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ» (стр. 269). Наконецъ, отецъ задумалъ женить сына, но послѣдній отдѣлся, притворившись больнымъ, и скорѣ убѣжалъ изъ родительскаго дома, въ чужомъ полукафтанѣ и съ выпрошенными займы у сосѣда тремя рублями,—убѣжалъ въ Москву, гдѣ ему и удалось поступить въ спасскую школу. «Здѣсь, говоритъ онъ,—имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія» и претерпѣвалъ «несказанную бѣдность. Имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ одинъ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ, жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны, пишутъ, что, зная отца моего достатки, хорошіе тамошніе (архангельскіе) люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны, школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: «смотри-де, какой болванъ, лѣтъ въ двадцать пришелъ латини учиться» (стр. 284). Такимъ образомъ, въ Москвѣ Ломоносовъ такъ-же не ладилъ съ своими товарищами, какъ и въ своемъ родномъ селѣ, гдѣ онъ «не рѣдко биванъ былъ отъ сверстниковъ по ученію за то, что стыдилъ ихъ превосходствомъ своихъ успѣховъ» (стр. 270). Такія отношенія къ товарищамъ много способствовали развитію въ Ломоносовѣ того сварливаго характера, которымъ онъ отличался впоследствии, а сознаніе своей умственной силы воспитало въ немъ чувство надменности. Да и трудно было не развиться этимъ нравственнымъ недостаткамъ. Воспитавшійся подъ давленіемъ семейнаго деспотизма, онъ уже съ дѣтства пріобрѣлъ грубыя наклонности, «стыдилъ» товарищей своими успѣхами, научился ненавидѣть глупость и невѣжество; но въ то-же время рано привыкъ услаждаться своимъ умственнымъ превосход-

ствоиъ. Въ Москвѣ онъ скоро постигъ всю бурсацкую премудрость и, разочаровавшись въ ней, отправился въ кievскую академію учиться философіи, физикѣ и математикѣ. Но и здѣсь онъ «нашелъ только пустыя словопренія» и пробылъ менѣе года. Онъ уже вполнѣ сознавалъ ничтожность старинной схоластики, гордился этимъ совнаніемъ и чувствовалъ въ себѣ силы сдѣлать что-нибудь новое въ сферѣ наукъ. Въ 1736 году, вмѣстѣ съ двадцатью товарищами, онъ былъ посланъ въ Петербургъ, въ гимназію, учрежденную при академіи наукъ, а вскорѣ потомъ въ Марбургъ, къ извѣстному ученому Вольфу, для изученія физики, химіи, горнаго дѣла, математики. За-границей Ломоносовъ могъ вполнѣ удовлетворить своей жаднѣ знанія и оказалъ блестящіе успѣхи, несмотря на то, что вмѣстѣ съ своими товарищами велъ самую разгульную жизнь. Почувствовавъ себя на свободѣ послѣ академіи, гдѣ студентовъ были даже батогами, молодые люди дали полную волю своимъ недисциплинированнымъ нравственно натурамъ, прокучивали свое жалованье, входили въ неоплатные долги, «черезъ мѣру, по словамъ Вольфа, — предавались разгульной жизни и были пристрастны къ женскому полу. Всякій боялся сказать про нихъ что-нибудь, потому что они угрозами своими держали всѣхъ въ страхѣ». Ихъ перевели въ Фрейбергъ, къ Генгелю, поручивъ послѣднему построже наблюдать за ними. Вскорѣ-же здѣсь Ломоносовъ поссорился съ Генгелемъ, не разъ ругалъ его «неприличными словами», «ужасно буянилъ въ своей квартирѣ, колотилъ людей, участвовалъ въ разныхъ дракахъ въ винномъ погребокѣ, слишкомъ пьянствовалъ» и, въ концѣ-концовъ, скрылся изъ Фрейберга (стр. 302). Переѣхавъ въ Лейпцигъ, онъ женился здѣсь и продолжалъ старую жизнь, раздѣляя ее между учеными занятіями и разгуломъ. Задолжавъ кругомъ, онъ бросаетъ жену, бѣжитъ въ Голландію, чтобы оттуда уѣхать моремъ въ Петербургъ, но дорогою въ пьяномъ видѣ попадаетъ въ руки прусскихъ вербовщиковъ, обращается въ рекрута, рискуя жизнью спасается бѣгствомъ и въ скорости, послѣ всѣхъ этихъ передрагъ, возвращается въ Петербургъ стоящимъ на высотѣ тогдашней науки, но бросивъ въ Германіи на произволъ судьбы свою жену, которая втеченіи двухъ лѣтъ даже не знала, гдѣ онъ (стр. 347).

Двадцати-четырехлѣтняя дѣятельность Ломоносова въ роли профессора академіи имѣетъ, безспорно, большое значеніе въ исторіи умственного развитія нашего общества. Онъ создалъ и отчасти преобразовалъ русскую научную терминологию. Онъ первый русскій писатель, познакомившій общество съ успѣхами наукъ въ XVII и XVIII в.

и указавшій значеніе положительныхъ знаній для умственнаго прогресса. «Славный и первый изъ новыхъ философовъ, Картезий, говоритъ онъ, — осмѣлился аристотелеву философію опровергнуть и учить по своему мнѣнію и вымыслу. Мы, кромѣ другихъ его заслугъ, особливо за то благодарны, что онъ тѣмъ ученыхъ людей ободрилъ противъ Аристотеля, противъ себя самого и противъ прочихъ философовъ въ правдѣ спорить, и тѣмъ самымъ открылъ дорогу къ вольному философствованію и къ вѣщему наукъ приращенію... Въ новѣйшія времена науки столько возрасли, что не токмо за тысячу, но и за столѣтъ жившіе едва могли того надѣяться. Сіе больше отъ того происходитъ, что нынѣ ученые люди, а особливо испытатели натуральныхъ вещей, мало взираютъ на родившіеся въ одной головѣ вымыслы и пустыя рѣчи, но больше утверждаются на достовѣрномъ искусствѣ. Мысленныя разсужденія произведены бывають изъ надежныхъ и много разъ повторенныхъ опытовъ» (стр. 365). Естественныя науки были сферою, въ которой свободно обращался точный умъ Ломоносова и въ которой онъ могъ сдѣлать болѣе, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ знанія. Въ своихъ сочиненіяхъ по физикѣ онъ опередилъ вѣкъ и приблизился къ современнымъ теоріямъ Гроуе, Фарадея и др. объ единствѣ физическихъ силъ. Въ диссертациі «О причинѣ теплоты и стужи», напр., опровергнувъ тогдашнюю теорію о теплотворной матеріи, Ломоносовъ доказываетъ, что «теплота состоитъ въ (молекулярномъ) движеніи матеріи», и сводитъ большую часть физическихъ силъ къ одному началу (стр. 350, 446, 447). Свѣтъ, по его мнѣнію, сводится тоже на колебаніе или движеніе (стр. 507). Въ изслѣдованіяхъ объ электричествѣ онъ былъ тоже впереди своего вѣка (стр. 532). По астрономіи онъ, задолго до Гершеля и Араго, доказалъ существованіе атмосферы вокругъ Венеры (стр. 749). По химіи, говоритъ специалистъ, — Ломоносовъ «принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ химиковъ своего времени, которые могутъ считаться предтечами эпохи, съ которой началась новѣйшая химія» (стр. 468). По геологіи Ломоносовъ первый высказалъ мысль о происхожденіи каменнаго угля изъ торфа при участіи подземнаго огня (стр. 615). По вѣмъ отдѣламъ естествознанія онъ доходилъ до важныхъ открытій, хотя въ его знаніяхъ были значительныя пробѣлы. Онъ не былъ, напр., математикомъ и руководствовался въ своихъ физическихъ изслѣдованіяхъ не Ньютономъ, а методою Декарта. При этомъ, будучи ярымъ поклонникомъ Петра В., онъ придавалъ своей научной дѣятельности крайне утилитарный, служебный характеръ, что главнымъ образомъ зависѣло отъ его общественнаго положенія. Учившійся на казенный счетъ, чтобы прино-

сить практическую пользу государству, въ тѣсномъ значеніи этого слова, Ломоносовъ посвящалъ самую значительную часть своихъ силъ и времени на приготовленіе берлинской лазури (стр. 401, 444), на изобрѣтеніе *дешевѣйшаго* способа обработки металловъ (стр. 470), на «изобрѣтеніе фейерверковъ» (стр. 540), на улучшеніе стекляннаго производства и особенно на мозаику, на производство мозаическихъ иконъ, портретовъ и картинъ, которымъ онъ самъ занимался подъ конецъ жизни даже усерднѣе, чѣмъ наукою, доказывая, что этимъ онъ великую «имперіи славу приносить» (стр. 494, 589, 711 и др.). Усердіе Ломоносова къ практической государственной пользѣ было такъ велико, что доводило его не только до страннаго увлеченія мозаикой, но и до составленія проектовъ, нелѣпность которыхъ поразить всякаго. Такъ въ 1761 г. онъ подалъ въ сенатъ представленіе о придуманныхъ имъ средствахъ къ открытію въ Россіи «по разнымъ мѣстамъ еще неизвѣстныхъ рудъ, дорогихъ металловъ и камней, доказывая, что скѣ сему имѣемъ въ отечествѣ сильныхъ и многочисленныхъ рудаковъ и многія тысячи рудоскателей и рудокопателей, каждый сильнѣе тысячи саксонцевъ. Сильныхъ рудокоповъ разумѣю многочисленныя російскія рѣки, а рудоскателей—дѣтей малыхъ». Деревенскіе мальчишки должны собирать «разные пески, разные камни, разные глины, смотря по ихъ цвѣтамъ». Затѣмъ старосты и сотскіе выбираютъ изъ этого то, что признаютъ они за лучшее, и выбранное отправляютъ съ крестьянами въ города, въ воеводскія канцеляріи, которыя все это пересылаютъ въ Петербургъ (стр. 747). Нелѣпность проекта можно объяснить только тѣмъ, что Ломоносовъ часто увлекался извѣстною практическою цѣлью до такой степени, что уже плохо могъ оцѣнивать наличныя средства. Такъ онъ проектировалъ составить статистическое описаніе имперіи посредствомъ офицеровъ, посланныхъ для производства народной переписи (стр. 866). Опережая свой вѣкъ, онъ хлопоталъ о составленіи подробнѣйшей статистики Россіи и изученія ея производительныхъ силъ (стр. 650, 665), объ открытіи морскаго пути въ Остъ-Индію по Ледовитому морю, для чего и снаряжена была экспедиція (стр. 801—809), и т. д. Въ запискѣ «о размноженіи и сохраненіи російскаго народа», написанной въ 1761, а вполне напечатанной только въ 1871 г., Ломоносовъ проектируетъ о поднятіи благосостоянія страны посредствомъ введенія широкой системы народной гігіены и распространенія народнаго просвѣщенія.

Вообще, въ рѣшеніи общественныхъ и государственныхъ вопросовъ умъ Ломоносова, при всей своей силѣ, былъ менѣе состоятеленъ, чѣмъ въ естественныхъ наукахъ. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ об-

стоятельство, какъ мы уже говорили, онъ принужденъ былъ заниматься не столько науками, сколько ихъ приложеніемъ къ промышленной практикѣ, и превращаться изъ первокласснаго ученаго въ обыкновеннаго мастера. Этого мало. Заручившись покровительствомъ Шувалова и подѣ влияніемъ его, Ломоносовъ сталъ гораздо меньше, чѣмъ прежде, заниматься естествознаніемъ и обратился къ розысканіямъ по русской исторіи, къ которымъ онъ вовсе былъ не приготовленъ и при которыхъ онъ руководствовался не только національнымъ пристрастіемъ и нетерпимостью, но даже и личною враждою къ своимъ соперникамъ—Миллеру и Шлецеру, сдѣлавшимъ для русской исторіи несравненно больше, чѣмъ онъ. Взвѣсивъ за исторію, онъ началъ смотрѣть на свои естественнонаучныя изслѣдованія уже какъ на дѣло второстепенное, служащее «виѣсто забавы» (стр. 505, 507, 553). Отъ Ломоносова ждали историческаго панегирика, и онъ составилъ его (793). Сочиненная имъ исторія такъ-же мало имѣетъ научнаго характера, какъ и его похвальное слово Петру В., заимствованное изъ панегирика Плинія младшаго Трояну (стр. 579 и слѣд.). Гораздо большее значеніе имѣютъ труды Ломоносова по выработкѣ литературнаго языка, его грамматика и риторика, усовершенствованный имъ и окончательно утвержденный въ русской поэзіи тоническій размѣръ. Ломоносовъ первый началъ писать у насъ звучными стихами и у него есть нѣсколько вполне поэтическихъ строфъ въ разныхъ стихотвореніяхъ. Но не стоитъ, конечно, и говорить о томъ, что онъ былъ не поэтомъ, а только придворнымъ стихотворцемъ, сочинявшимъ по обязанности и по приказанію. Такъ, напр., въ 1750 г. Елизавета «изустнымъ своимъ именнымъ указомъ повѣла профессорамъ Тредьяковскому и Ломоносову сочинить трагедію» (стр. 157),—и они сочинили. Едва кончилъ Ломоносовъ свою трагедію въ ноябрѣ, какъ въ декабрѣ ему уже велѣно было сочинять другую (стр. 441). На обязанности Ломоносова лежало сочиненіе и переводъ виршей на разные торжественные случаи, для фейерверковъ, иллюминацій, спусковъ кораблей, маскарадовъ, составленіе надписей къ ракъ Александра Невскаго и т. д. (стр. 393, 461, 478, 559 и др.). Всему этому онъ придавалъ цѣну и вносилъ въ собраніе сочиненій. Въ своихъ похвальныхъ одахъ и панегирикахъ онъ компилировалъ нѣмецкихъ поэтовъ, Цицерона, а въ поэмі «Петръ Великій» подражалъ Виргилію (стр. 407, 714 и др.). Подобно Державину и другимъ панегиристамъ, онъ льстилъ въ своихъ одахъ сегодня однимъ, завтра другимъ, превозносилъ сильныхъ и потомъ унижалъ ихъ, какъ только они падали, и начиналъ превозносить до небесъ тѣхъ, которыхъ

только-что очернилъ въ угоду врагамъ ихъ. Онъ, такъ-же, какъ Державинъ и Сумароковъ, выпрашивая милости, обѣщавъ благодарить за нихъ «публичными памятниками» (стр. 315—320, 355, 367, 669, 773). Эти оды, эти надписи, эти панегирики и надутосторженныя стихотворенія, напримѣръ, по поводу никуда не годныхъ шуваловскихъ гаубиць, «на всерадостное объявленіе о превосходствѣ новозобрѣтенной артиллеріи предъ старою генеральфельдцейхмейстеромъ и кавалеромъ графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ» (стр. 620), — все это не имѣло ни малѣйшаго развивательнаго значенія для русскаго общества, Ломоносовъ мозаичный мастеръ, Ломоносовъ историкъ, Ломоносовъ официальный стихотворецъ были только искаженіями того Ломоносова, какимъ онъ могъ быть при другихъ обстоятельствахъ.

Но при всемъ томъ, ученая, педагогическая и литературная дѣятельность Ломоносова имѣла большое значеніе для общества. Онъ ревностнѣе, чѣмъ кто-нибудь другой, хлопоталъ о распространеніи просвѣщенія и «отъ искренняго сердца желалъ, чтобы по мѣрѣ обширнаго сего государства высокія науки въ немъ распространялись и чтобы въ сынахъ російскихъ къ онымъ охота и ревность равномѣрно умножились» (стр. 365). Доказывая полудикому обществу, что науки святы и «всѣ къ приращенію блаженства человѣческаго служатъ», пропагандируя реальное міросозерцаніе, основанное на изученіи природы, осмѣивая и поражая скудоуміе противниковъ научнаго знанія, Ломоносовъ цѣлую жизнь заботился объ увеличеніи средствъ народнаго просвѣщенія. Онъ проектировалъ учрежденіе гимназій въ Москвѣ и другихъ городахъ, хлопоталъ объ открытіи университетовъ московскаго и петербургскаго, настаивая на допущеніи въ нихъ учениковъ изъ всѣхъ сословій. «Во всѣхъ европейскихъ государствахъ, говоритъ онъ, — позволено въ академіяхъ обучаться на своемъ коштѣ, а иногда и на жалованьѣ, всякаго званія людямъ, не выключая посадскихъ и крестьянскихъ дѣтей, хотя тамъ уже великое множество ученыхъ людей. А у насъ, въ Россіи, при самомъ наукъ начинаніи, уже сей источникъ регламентомъ по 24 пункту запертъ, гдѣ положенныхъ въ подушный окладъ въ университетъ принимать запрещается. Будто-бы 40 алтынъ толь великая и казнѣ тяжелая была сумма, которой жаль потерять на приобрѣтеніе ученаго природнаго россиянина» (стр. 573). «Удивленія достойно, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — что не впалъ въ умъ г. Фишеру Горацій и другіе ученые и знатные люди въ Римѣ, которые были выпущенцые на волю изъ рабства, когда онъ толь презрѣнно уволенныхъ помѣщичь-

ихъ людей отъ гимназій отвергаетъ» (стр. 674). Академіи Ломоносовъ старался придать народообразовательное значеніе. Онъ настаивалъ на открытіи при ней публичныхъ лекцій (стр. 358), доказывалъ, что всѣ диссертациі академикомъ необходимо переводить на русскій языкъ; «черезъ сіе общество руссiйское не останется безъ пользы» (стр. 745), онъ первый высказалъ мысль объ изданіи для публики учено-литературнаго журнала (стр. 560).

Ломоносовъ гордился тѣмъ, что боролся всю свою жизнь «съ непріятелями наукъ руссiйскихъ» (стр. 726), подъ которыми онъ подразумѣвалъ, главнымъ образомъ, нѣмцевъ академіи. Вражда къ нѣмцамъ, какъ извѣстно, была очень сильна въ петровскомъ и послѣпетровскомъ обществѣ и не разъ доходила до замысловъ, имѣвшихъ цѣлью истребленіе всѣхъ иностранцевъ (стр. III). Вражда эта увлекала и школьничковъ. Трое изъ товарищей Ломоносова, пріѣхавшихъ съ нимъ изъ Москвы въ Петербургъ, явились впоследствии врагами иностранныхъ ученыхъ, а одинъ изъ нихъ еще въ гимназіи былъ битъ батогами за бранныя слова о нѣмцахъ (стр. 287). Иностранные ученые, господствовавшіе въ академіи, составляли изъ себя корпорацію, хозяйничали въ своихъ интересахъ и свысока относились къ тѣмъ русскимъ, которые не подчинялись имъ и не заискивали ихъ покровительства. Естественно, что русская партія, — имѣвшая, впрочемъ, въ составѣ своемъ и нѣмцевъ, равно какъ и къ нѣмецкой принадлежали нѣкоторыя русскіе, — ненавидѣла своихъ противниковъ и стремилась къ преобладанію. Но русскіе были не лучше нѣмцевъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже хуже ихъ. Когда, напр., свергли Шумахера, то начальникомъ академіи былъ сдѣланъ токарь Нартовъ, который, по отзыву современника, «въ знаніи чужестранныхъ языковъ необыкновененъ, а писать и читать не умѣетъ и кромѣ токарнаго художества (ничего) не знаетъ» (стр. X). Торжество русскихъ было непродолжительно, и когда Ломоносовъ вступилъ въ академію, она уже снова была въ рукахъ нѣмцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Ломоносовъ искренно желалъ возвеличить свой народъ посредствомъ умственнаго образованія и доказать на дѣлѣ, что «можетъ собственныхъ Невтоновъ и гордыхъ разумомъ Платоновъ земля руссiйская рождать». Онъ хотѣлъ присоединить Россію къ общеевропейскому научному движенію, поставить во главѣ его русскихъ ученыхъ, но въ то-же время самому стать во главѣ этихъ ученыхъ. Считая себя русскимъ Платономъ и Ньютономъ, онъ гордился и силою своего ума, и своими нравственными качествами, и своимъ значеніемъ для науки. «Нетокно у стола знатныхъ господъ или какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не

хочу, ниже у самого Господа Бога», гордо заявлялъ онъ среди общества, насквозь пропитаннаго раболѣпьемъ. Въ другой разъ, на угрозу, что его отставятъ отъ академіи, онъ съ полнымъ сознаниемъ своего достоинства воскликнулъ: «развѣ академію отъ меня отставятъ!» Онъ желалъ быть вице-президентомъ академіи и безусловно распоряжаться ею; онъ игнорировалъ ученые заслуги всѣхъ своихъ со товарищей, постоянно заявлялъ, что онъ и умнѣе и образованнѣе ихъ, что онъ первый между ними (стр. 571, 737, 522). Въ сущности это была вражда не къ нѣмцамъ, а къ личнымъ врагамъ, къ соперникамъ, къ непочтительнымъ подчиненнымъ. Суровый хозяинъ въ семьѣ, Ломоносовъ былъ такимъ-же вездѣ. Онъ диралъ за уши пажей во дворцѣ и держалъ въ страхѣ академію. Вотъ, напр., въ сентябрѣ 1742 г. пьяный врывается онъ въ домъ академическаго садовника Штурма, упрекаетъ хозяина и гостей, что они украли у него епанчу, потомъ «схватилъ болванъ, на чемъ парики вѣшаютъ, и слугѣ своему приказывалъ бить всѣхъ до смерти». Изувѣчивъ нѣсколько человѣкъ и обративъ въ бѣгство остальныхъ, Ломоносовъ побѣдоносно вернулся домой, впрочемъ, съ поврежденнымъ въ свалкѣ колѣномъ и съ помятой грудью (стр. 329). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ подкутившій Ломоносовъ, не снимая шляпы, вошелъ въ комнату академическихъ засѣданій, сдѣлалъ академику Винцгейму непристойный знакъ пальцами и, обращаясь къ присутствующимъ, началъ бранить его непечатными словами. Адъюнктъ Трескоттъ хотѣлъ-было остановить его, но получилъ въ отвѣтъ: «ты что за человѣкъ? ты адъюнктъ! Кто тебя сдѣлалъ? Шумахеръ! Говори со мною по-латыни». Трескоттъ отказался отвѣчать, а Ломоносовъ продолжалъ ругать и его, и Шумахера, и всѣхъ академиковъ. По жалобѣ послѣднихъ Ломоносова посадили подъ арестъ и заставили испросить у нихъ прощеніе. Но уже черезъ недѣлю онъ учинилъ новый бой. Придя въ гости къ переводчику Голубцову, онъ разбилъ ему шандаломъ лицо (стр. 337 — 348). Въ 1749 г., въ гостяхъ у московскаго архіерея. Ломоносовъ переводчика Кондратовича «дуракомъ называлъ и не только м...но бранилъ, называлъ канальею, но и бить хотѣлъ» (стр. 463). Ломоносовъ не могъ жить съ нѣмцемъ противной партіи даже на одномъ дворѣ, и жаловался на безпокойное сосѣдство лаборатора Беттигера, у котораго постоянно бываютъ «гости разныхъ званій и націй». «Сверхъ сего отъ служанокъ его чинятся фамиліи моей напрасныя и наглыя обиды, такъ что недавно дѣвка его безчестными словами дочь мою съ крыльца сослала. И какъ жена моя вышла и спросила, зачѣмъ она дѣвка такъ поступаетъ, то она, поворотясь задомъ и опершись

о перила, давала грубые отвѣты... Для того велѣлъ я оную дѣвчонку посѣчь лозами, чтобы впредь фамилія моя отъ его служанокъ была спокойна» (стр. 593). Слѣдя зорко за своими врагами, Ломоносовъ пользовался всякою мелочью, чтобы доѣзжать ихъ. Узнавъ, напр., однажды, что одинъ академикъ хранить въ академическомъ погребѣ свое пиво, Ломоносовъ возбудилъ объ этомъ пивѣ цѣлое слѣдственное дѣло (стр. 735 — 737)!.. Онъ доходилъ даже до самыхъ вздорныхъ инсинуацій на всѣхъ нѣмцевъ поголовно, обвиняя ихъ въ подкапываньи алтаря и трона, укоряя за то, что они, будто-бы, принимали шѣры

Къ поправнью нашего закона (т. е. вѣры),
Россійскаго къ паденью трона,
Къ рушенію народныхъ правъ (стр. 770)!..

Низкимъ нападкамъ и интригамъ Ломоносова подвергались въ особенности наиболѣе достойные изъ нѣмецкихъ ученыхъ—Миллеръ и Шлецеръ, сдѣлавшіе несравненно болѣе его для русской исторіи. Миллеръ былъ однимъ изъ первыхъ ученыхъ историковъ Россіи, написалъ множество цѣнныхъ изслѣдованій, составилъ исторію Сибири, собралъ такую груду историческихъ матеріаловъ изъ архивовъ, что они даже до сихъ поръ не всѣ изданы; кромѣ того, онъ основалъ и хорошо велъ первый русскій учено-литературный журналъ «Ежемѣсячныя сочиненія». Будучи опаснымъ соперникомъ Ломоносова и чловѣкомъ вспыльчивымъ, онъ возбудилъ въ немъ заклятую вражду къ себѣ. У Миллера было много враговъ. Его обвиняли даже въ государственной измѣнѣ по поводу перехваченнаго письма къ нему Делля, назвавшаго академію *corps phantasque*, подвергали обыску и слѣдствію и т. д. (стр. XXXIV). Ломоносовъ пользовался всѣми этими интригами, обвинялъ Миллера «въ *непозволенной* перепискѣ съ чужестранными» (стр. 383), вмѣстѣ съ другими интриганами указывалъ преступные умыслы Миллера въ томъ, что онъ въ своей сибирской исторіи говорилъ о разбояхъ Ермака (стр. 382). По поводу рѣчи Миллера «о происхожденіи русскаго народа», Ломоносовъ вмѣстѣ съ другими снова обвинялъ его въ противогосударственной интригѣ, въ униженіи русскаго народа, который, будто-бы, «благополучно покоряли скандинавы и гунны», въ оскорбленіи св. Нестора неоднократною фразою *ошибся Несторъ*, и т. д. Возникло цѣлое слѣдствіе, и Ломоносовъ явился самымъ яркимъ инквизиторомъ надъ почтеннымъ историкомъ (стр. 427 — 440; 897 — 907). Съ усердіемъ сыщика рылся онъ въ миллеровскихъ сочиненіяхъ и всюду отыскивалъ вредныя мысли. И находилъ, конечно... То Миллеръ

говорить, что для украшенія города построены двѣ церкви, и и тѣмъ подрываетъ вѣру, такъ-какъ церкви строятся не для украшенія, а для молитвы (стр. 473). То «неточно въ ежемѣсячныхъ, но и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ всѣваетъ по обычаю своему заносчивыя рѣчи, напр., описывая чувашу, не могъ пройти, чтобы ихъ чистоты въ домахъ не предпочесть російскимъ жителямъ». То Миллеръ хочетъ печатать о началѣ училищъ въ Россіи и Ломоносовъ считаетъ долгомъ остановить эту *непристойную* статью, «позже въ ней съ X вѣка по XVIII вѣкъ ни о какихъ школахъ въ Россіи не упомянуто» (стр. 610). Онъ не могъ видѣть Миллера и нападалъ на него на каждомъ шагу. Читаетъ, напр., Миллеръ докладъ о замѣщеніи кафедры ботаники. Ломоносовъ перебиваетъ его замѣчаніемъ, что лучше потолковать о географическомъ департаментѣ (которымъ раньше завѣдывалъ Миллеръ), такъ-какъ сдѣланное по этому предмету было «все пустое». Миллеръ сослался на свидѣтельство, но «Ломоносовъ продолжалъ далѣе, что подписаніе членовъ ничего не значить, что мошенническимъ образомъ, auf eine witzbüberische Weise (на обонхъ языкахъ произносилъ сіи ругательства) воспрепятствовано дѣлу преполезному» (стр. 780). Еще съ большею яростью нападалъ Ломоносовъ на пріѣхавшаго въ Россію Шлецера, въ которомъ онъ видѣлъ опаснаго соперника себѣ. Онъ уличалъ его въ глупости, въ невѣжествѣ, въ мошенничествѣ. Разобравъ русскую грамматику Шлецера и указавъ, между прочимъ, что въ ней «напечатанъ ругательнымъ образомъ высочайшій степень російскаго дворянства (князь) кажется быть то-же, что по-нѣмецки Knecht, холопъ», Ломоносовъ восклицаетъ: «изъ сего заключить должно, какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродитъ въ російскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ скотина» (стр. 824—837). Шлецера выжили изъ Россіи. Само собою понятно, что нѣмцы не оставались въ долгу и платили Ломоносову тою-же монетой. Они даже сочинили на него пасквильную пѣсню (Р. Арх., 1865, стр. 477).

Борьба «съ непріятелями наукъ російскихъ», съ нѣмцами, отнимала у Ломоносова значительную часть его времени, которое онъ безплодно тратилъ на канцелярскую переписку, на инквизиторскіе просмотры нѣмецкихъ сочиненій и т. д. Но борьба эта не ограничивалась нѣмцами. Ломоносовъ не разъ входилъ въ столкновение съ болѣе опасными соперниками, чѣмъ нѣмцы. Инсинуируя на послѣднихъ, какъ на враговъ вѣры, онъ самъ навлекалъ на себя подобныя же инсинуаціи. Въ 1756 году онъ написалъ извѣстный «Гимнъ бородѣ» (напечатанный въ «Библиограф. Запискахъ» 1859 г., № 15). Въ

гимнѣ увидѣли *оскорбленіе втры!* Синодальные члены сдѣлали императрицѣ слѣдующій докладъ: «Въ недавнемъ времени проявились въ народѣ пашквильные стихи, написанные «Гимнѣ бородѣ», въ которыхъ не довольно того, что тотъ пашквильянтъ, подъ видомъ якобы на раскольниковъ, крайне скверныя и совѣсти и честности христіанской противныя ругательства генерально на всѣхъ персонѣ, какъ прежде имѣвшихъ, такъ и нынѣ имѣющихъ бороды, написалъ, но и тайну крещенія богопротивно обругалъ и, чрезъ названіе бороды ложныхъ мнѣній завѣсою, всѣхъ святыхъ отецъ ученія и преданія еретически похулилъ. И когда по случаю бывшаго съ профессоромъ академіи наукъ Михайломъ Ломоносовымъ свиданія и разговора о такомъ вовсе не потребномъ сочиненіи отъ синодальныхъ членовъ рассуждаемо было, что оный пашквиль, какъ изъ слогу признательно, не отъ простого, но отъ какого-нибудь школьнаго человѣка, а чуть-ли не отъ него-ли самого произошелъ, и что такому сочинителю, ежели въ чувство не придетъ и не раскается, надлежитъ, какъ казни божіей, такъ и церковной клятвы ожидать, то услыша означенный Ломоносовъ исперва началъ оный пашквиль шыньски защищать, а потомъ, сверхъ всякаго чаянія, самъ себя тому пашквильному сочиненію авторомъ оказалъ, ибо въ глаза предъ синодальными членами таковыя ругательства и укорины на всѣхъ духовныхъ за бороды ихъ произносилъ, каковыхъ отъ добраго и сущаго христіанина надѣяться отнюдь невозможно. И не удовольствуясь тѣмъ, еще опослѣ того вскорѣ таковой-же другой пашквиль въ народъ издалъ, въ коемъ между многими уже явными духовному чину ругательствамъ, безразумныхъ козлятъ далеко почтеннѣйшими, нежели п..., ставить». Докладъ требовалъ наказать Ломоносова за богохульство (!!) по воинскому артикулу. Въ то-же время Тредьяковскій распространилъ въ публикѣ пашквильную инсинуацію насчетъ того-же гимна бородѣ. «Лучшаго ничего нельзя ожидать отъ безбожнаго сумасбрда и пьяницы! Недовольно того, что сей негодный ярыга, ходя по разнымъ домамъ и компаніямъ, въ разговоры употребляетъ разныя насмѣшки и ругательства благочестивому закону нашему, не довольно и того, что онъ безъ разбору на весь духовный чинъ вездѣ, какъ песь, лаетъ, онъ еще и письменныя глумленія и ругательства употребить отважился!.. Нѣтъ въ свѣтѣ и не бывало человѣка, котораго-бъ онъ хотя въ малую цѣну противъ себя поставилъ. Не великъ предъ нимъ Картезіій, Невтонъ и Лейбницъ!..» Гроза, однакожь, провѣсла благополучно для Ломоносова, и онъ отвѣчалъ Тредьяковскому эпиграммой, въ которой онъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ:

Ученія его, и чести и труда

Не можешь повредить ни ты, ни борода (стр. 603—608.)

Тредьяковскій былъ для Ломоносова чуть-ли не хуже пѣщевъ, какъ соперникъ въ поэзи и трудахъ по грамматикѣ. Ломоносовъ преслѣдовалъ его и канцелярскимъ порядкомъ, и прозаическими рецензіями, и эпиграммами, доказывая, что

Языка нашего небесна красота

Не будетъ никогда поправна отъ скота!

Тредьяковскій отвѣчалъ на эпиграмму въ томъ-же тонѣ:

Когда потвоему сова и скоть ужъ я,

То самъ ты нетопырь и подлинно свинья!

Съ другимъ своимъ соперникомъ, съ Сумароковымъ, Ломоносовъ былъ въ ладахъ, пока тотъ хвалилъ его. Но вотъ Тредьяковскій сошелся съ Сумароковымъ и началъ сотрудничать въ его «Трудолюбивой Пчелѣ»; Ломоносовъ тотчасъ привѣтствовалъ этотъ союзъ новой эпиграммой.

Литературное соперничество Тредьяковского, Сумарокова и Ломоносова сначала было довольно мирное. Они, напр., издали вмѣстѣ на судъ публики свои переводы одного и того-же псалма (стр. 344). Но это соперничество перешло въ заклую вражду, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Ломоносовъ и Сумароковъ сдѣлались кліентами двухъ враждебныхъ придворныхъ партій, которыя нарочно стравливали ихъ и потѣшались ихъ перепалками (стр. 534). «Если одинъ изъ нихъ, рассказываетъ Штелинъ,—говорилъ о другомъ, то никогда не произносилъ его имени, не прибавивъ *дуракъ*. Однажды я со многими другими приглашенъ былъ въ гости къ Шувалову, Ломоносовъ и Сумароковъ—также. Послѣ всѣхъ, когда мы стояли у стола и разговаривали съ камергеромъ, явился Ломоносовъ. Не успѣлъ онъ сдѣлать двухъ шаговъ, какъ замѣтилъ Сумарокова. Онъ тотчасъ пошелъ къ дверямъ, чтобы выйти. Камергеръ закричалъ ему вслѣдъ: «куда, куда? Мы сейчасъ садимся за столъ». «Вы можете, отвѣчалъ Ломоносовъ,—но не я, потому что я не могу себя видѣть за однимъ столомъ съ такимъ болваномъ, какъ Сумароковъ». И затѣмъ онъ вышелъ, не давши удержать себя привѣтливому хозяину». Не довольствуясь личными перепалками, которыя были особенно шумны, когда оба они были пьяны, Ломоносовъ и Сумароковъ осыпали другъ друга и печатными, и непечатными пасквилями. Сумарокову доставалось больше, потому что его соперникъ былъ сильнѣе не только умственно, но и въ общественномъ отношеніи. Ломоносовъ доѣзжалъ Сумарокова какъ цензоръ и бѣдный россійскій «господинъ Вольтеръ» былъ дово-

димъ иногда до невозможности печатать что-бы то ни было (стр. 534, 655—663, 717). Впрочемъ, не одинъ Сушариковъ, а все враги Ломоносова страдали отъ его цензурныхъ вѣдательствъ. Будучи безпощаднымъ цензоромъ изъ личныхъ видовъ, Ломоносовъ подрывалъ и свободу научнаго изслѣдованія, которой онъ желалъ, и журнальное дѣло, объ основаніи котораго хлопоталъ самъ, и успѣхи наукъ, какъ мы это уже видѣли на примѣрахъ Миллера и Шлецера (стр. 561, 647, 653 и др.).

Подобно всемъ прочимъ писателямъ того времени, Ломоносовъ былъ принужденъ зарабатывать себѣ милость и деньги одами и искать сильнаго покровительства, которое онъ и нашелъ у Шувалова, любившаго разыгрывать мецената и тоже кропавшаго кое-какіе стихки (стр. 482). Суровый и надменный съ равными, жестокой со слабыми, Ломоносовъ былъ угодливъ и очень изворотливъ съ сильными. Зная, напр., что Шуваловъ ex officio врагъ Фридриха и Вольтера, а въ тайнѣ поклонникъ послѣдняго, Ломоносовъ посылаетъ ему одно произведеніе Вольтера, но обставляетъ на всякій случай эту посылку такимъ отзывомъ: «Не могу преминуть, чтобъ вашему превосходителству не прислать вольтеровой музы новаго исчадія, которое объявляетъ, что онъ и его государь безбожники и то ему въ похвалу приписать не стыдится предъ всемъ свѣтомъ. Приличнѣе примѣра найти во всехъ вольтеровыхъ сочиненіяхъ невозможно, гдѣ-бъ видѣте было его полуумное остроуміе, безсовѣтная честность и ругательная хвала» (стр. 504). Когда Шуваловы пали, Ломоносовъ не только прекратилъ свою борьбу «съ непріятелями наукъ россійскихъ», но и началъ заискивать у людей противной партіи (стр. 762). Но вотъ падаетъ и эта партія, Ломоносовъ заискиваетъ новыхъ покровительствъ, инсинуируетъ на пораженныхъ нѣмцевъ, а неблаговолившей къ нему Екатеринѣ, тотчасъ по ея воцареніи, проектируетъ воздвигнуть торжественные врата, а на нихъ конную статую, «изображающую мужественную сію героиню верхомъ на конѣ, въ бодромъ видѣ, съ обнаженною шпагою, лавровымъ вѣнцемъ увязенную» (стр. 765 — 769, 798). Меценаты поддерживали Ломоносова, охраняли его отъ враговъ, отклоняли отъ него грозившіе ему удары, напр., тотъ, который готовъ былъ разразиться надъ нимъ по поводу *Гимна бороды*. Черезъ меценатовъ-же Ломоносовъ старался достигъ и разныхъ выгодъ лично для себя, получать чины и награды, сдѣлаться вице-президентомъ академіи и т. д. Благодаря М. Воронцову, онъ былъ избранъ въ члены болонской академіи и просилъ его похлопотать объ избраніи его и въ парижскую академію. «Не сомнѣваюся, писалъ онъ Воронцову, — что

ваше высокопревосходительство у тамошняго двора знатныхъ пріятелей имѣете, для того униженно прошу рекомендовать меня на оное мѣсто» (стр. 857). Черезъ меценатовъ-же Ломоносовъ старался устроить и свои финансовыя дѣла. Онъ постоянно нуждался въ деньгахъ, постоянно былъ въ долгахъ и вздорилъ съ кредиторами. Когда, напр., нѣкто Балкъ протестовалъ ломоносовскій вексель, то академикъ обратился къ начальству съ просьбой: «понеже канцеляріи академіи наукъ известно, что я нынѣ по именному ея и. в. указу съ поспѣшеніемъ трагедію сочинять долженъ, того ради покорнѣйше прошу меня отъ такихъ *наглыхъ* его, Балка, на меня нападокъ оборонить и не дать беспокоить» (стр. 456). Ломоносовъ получалъ сначала 660, потомъ 860, 1,200 и, наконецъ, 1,875 р. въ годъ — сумму, на которую люди расчетливые, въ родѣ Миллера, жили очень прилично (стр. XXXI). Но жалованье выдавалось не аккуратно, часто вмѣсто денегъ платили книгами, къ тому-же Ломоносовъ кутилъ, и вслѣдствіе этого постоянно бѣдствовалъ. «Нынѣ, доносилъ онъ однажды, — я нахожусь болѣзнь и притомъ нетокмо лекарства, но и дневной пищи на что купить не имѣю» (стр. 340, 357). Въ другой разъ, прося денегъ, онъ пишетъ, что «жена его находится въ великой болѣзни, а медикаментовъ купить не на что» (стр. 378). Приходилось прибѣгать къ хвалебнымъ одамъ и получать за нихъ денежныя субсидіи. Ломоносовъ хотѣлъ богатства, и въ письмѣ къ Шувалову, говоря объ этомъ, указывалъ на примѣры «Невтона, богатаго лорда Бойля, Вольфа, который лекціями и подарками нажилъ больше 500,000 и сверхъ того баронство; Слоана въ Англіи, который послѣ себя такую бібліотеку оставилъ, что никто приватно не былъ въ состояніи купить, и для того парламентъ далъ за нее 30,000 ф. ст.» (стр. 515). Сохранившій въ частной жизни свои плебейскія привычки, кутившій запросто съ земляками, приходившими на корабляхъ изъ Архангельска и привозившими ему въ подарокъ моченой морошки и сельдей (881), сынъ черносошнаго крестьянина, нѣсколько лѣтъ значившійся въ бѣгахъ, Ломоносовъ мечтаетъ о титулахъ, богатствѣ и приобрѣтеніи въ собственность крестьянъ. Онъ проситъ у правительства привилегіи и пособія для основанія фабрики цвѣтныхъ стеколъ и душъ 200 крестьянъ съ угодьями и лѣсомъ, доказывая, что эта фабрика принесетъ отечеству неисчислимую пользу (стр. 497). Желаніе Ломоносова исполнилось, онъ сдѣлался привилегированнымъ фабрикантомъ и помѣщикомъ, хвастался подаренными ему крестьянами, 226 *rusticos*, какъ онъ выражается въ своемъ латинскомъ письмѣ къ Эйлеру, и воспѣвалъ:

Монархія, твоя прещедрая рука
 Обиліе намъ лъеть и радость, какъ рѣка;
 Сильнѣе, нежели ключей вастальскихъ токи
 Стремленіе къ стихамъ и духъ даетъ высокій (стр. 512).

Но фабрика не пошла да и прочими благами Ломоносовъ наслаждался недолго. Онъ укоротилъ свою жизнь виномъ и умеръ въ 1765 г., 52 лѣтъ отъ роду. Онъ встрѣтилъ смерть съ той-же неустрашимостью, съ какой боролся и съ нѣщами, и съ бурями сѣвернаго океана, и съ тремя хотѣвшими ограбить его матросами, которыхъ онъ одолѣлъ и снялъ съ нихъ платье. Умирая, онъ сказалъ: «жаль только, что покидаю несовершеннымъ то, что задумалъ я для пользы отечества, для приращенія наукъ» (876). На похороны его собрался весь Петербургъ. Пришелъ и Сумароковъ. Увидѣвъ покойника съ открытымъ лицомъ въ гробу, Сумароковъ обратился къ Штелину съ словами: «лежить, дуракъ, и не будетъ больше болтаты!» «Къ вашему счастью, возразилъ Штелинъ;—за то вы теперь можете говорить больше, зная, что вамъ нечего уже бояться его». Нѣмцы ликовали. Но принятый въ академію докторъ Ле-Клеркъ, по обычаю французской академіи, вздумалъ произнести панегирикъ покойному. «Не стало человѣка, имя котораго составить эпоху въ лѣтописяхъ человѣческаго разума, говорилъ онъ,—не стало обширнаго и блестящаго генія, обнимавшаго и озарявшаго вдругъ многія отрасли знанія». Академики рѣшили, что въ рѣчи этой многое нужно «исправить или выпустить», и она осталась ненапечатанной.

Христоматія для всѣхъ. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Составилъ Н. В. Гербель. Спб. 1873 г.

Читателю, конечно, извѣстно, что на свѣтѣ существуютъ два Гербея — одинъ *нѣмскій*, а другой — *русскій*. На этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ русскимъ, тѣмъ самымъ г. Гербелемъ, который недавно, вкупѣ съ г. Соколовскимъ, подарилъ насъ издавіемъ полнаго собранія сочиненій Гофмана. Рекомендую свое изданіе почтеннѣйшей публикѣ, г. Гербель наговорилъ о Гофманѣ столько похвальныхъ вещей, что читателю оставалось только всему этому повѣрить и купить книгу. Многіе, конечно, такъ и сдѣлали, принявъ галлюцинаціи этого писателя за «творческія прозведенія великой фантазіи», очень удобныя «для легкаго чтенія». Издавая *Христоматию для*

встѣхъ, г. Гербель, очевидно, нисходитъ изъ сферы чистой фантазіи на болѣе реальную почву и предназначаетъ свой тяжеловѣсный сборникъ, какъ настоящую книгу, для *встѣхъ* образованныхъ людей. «Задумывая свое изданіе, рекомендуется г. Гербель, —я преимущественно имѣлъ въ виду тѣхъ изъ будущихъ моихъ читателей, которымъ выпало на долю или *кочевать всю жизнь по большимъ дорогамъ* (??), или проживать по глухимъ трущобамъ, которыми такъ изобилуетъ наша Русь раздольная. Такого народа у насъ не мало: войско, чиновный людъ, торговое купечество. Для нихъ предлагаемая книга можетъ замѣнить *цѣлую библіотеку*». Итакъ, книга составлена только для *кочевыхъ* жителей Россіи и одна можетъ замѣнить цѣлую библіотеку. Мысль оригинальная и предпріятіе, можно сказать, небывалое! Лучше-бы вы, г. Гербель, не писали вашего предисловія, а то оно, вмѣстѣ съ вашимъ стихотворнымъ посвященіемъ, съ первыхъ же страницъ возбуждаетъ недовѣріе къ вашей книгѣ во всякомъ толковомъ человѣкѣ, взявшемъ ее въ руки. Изъ «Посвященія» оказывается, что г. Гербель «посвящаетъ свой новый трудъ» уже не *встѣхъ*, какъ значится въ заглавіи, и не «*кочующимъ по большимъ дорогамъ*», какъ говорится въ предисловіи, а только «чистымъ сердцамъ, любящимъ Русь

Съ ея озерами-морями...

Всѣ эти жемчужины чистой воды,

Всѣ эти *крупицы-топазы*,

Что такъ же, какъ жемчугъ, играютъ, горятъ

И блещутъ порой, какъ алмазы —

Я бережно собралъ и нынѣ *на судъ*

Несу ихъ въ убогой кошницѣ“.

Здѣсь г. Гербель, ради красоты слога, даже привралъ и привралъ въ ущербъ себѣ: *кошница*, въ которую онъ собралъ эти жемчужины и топазы вовсе не убогая, а толстая, объемистая и недорогая! Что же касается содержимаго въ этой кошницѣ, то и по выбору образцовъ, и по достоинству біографическихъ очерковъ она далеко уступаетъ даже такой посредственной книгѣ, какъ «Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ» П. Полевого. Правда, христоматія Гербеля полнѣе, чѣмъ книга Полевого, но эта полнота только вредитъ достоинству ея содержанія. Ужъ какихъ только жемчужинъ не собралъ г. Гербель въ свою кошницу, какихъ только мусорныхъ ямъ не перерылъ онъ, отыскивая «*крупицы-топазы*»! Тутъ и неудобочитаемыя сатиры Кантемира, и цѣлыхъ восемь столбцовъ «*истин-*

«Дѣло», № 12.

но поэтических мѣстъ» изъ Хераскова, тутъ и знаменитая ода Тредьяковскаго—

„Кое странное пѣанство
Къ пѣнію мой гласъ бодритъ!“...

Въ учебной хрестоматіи эта ветошь еще имѣеть мѣсто, какъ матерьялъ для изученія постепеннаго развитія литературы, но кто-же будетъ читать эти вирши въ книгѣ для *ослѣхъ*? Даже кочевые люди, для которыхъ книга предназначена, и тѣ бросать книгу подъ столъ за эти, по мнѣнію г. Гербеля, «систинно-поэтическія мѣста». Но чтобы еще болѣе уронить достоинство своего сборника, составитель не ограничился образцами изъ такихъ классиковъ, какъ Тредьяковскій и Сумароковъ,—нѣтъ, онъ перерылъ всѣ стихотворныя кучи и набралъ въ свою кошницу груду крупицъ не только стараго, но и новѣйшаго изверженія. Онъ помѣстилъ и вирши Раяча, извѣстнаго по одному стиху о Готфридѣ Бульонскомъ—«*Вскипѣлъ Бульонъ, течетъ во храмъ*», и Минаева, отца современнаго поэта, Красова, Бернета, Деляря, Клюшника, Стаховича, Розенгейма, Буренина; недостаеъ только покойнаго Льва Камбека, если только онъ баловался стихами, и самого г. Гербеля, положительно писавшаго стихи не только въ чинѣ штабъ-ротмистра уланскаго полка, но и въ отставкѣ. Этому *амсамблю* знаменитыхъ поэтовъ вполне отвѣчаетъ выборъ и самыхъ стихотвореній. Стихотворенія кн. Шаховскаго занимаютъ 16 1/2 столбцовъ, Жуковскаго—33 столбца, К. Павловой—8, Добролюбова только—2, Огарева—5 и т. д. Въ числѣ «образцовыхъ» стихотвореній находимъ множество такихъ, которыя можно считать только образцовой безмыслицей, напр.: «Боярипъ» Растопчиной, «Сенсаціи г-жи Курдюковой» Митлева, «Солдатская сказка» Чернышова и т. д. Изъ стихотвореній В. Курочкина выбраны только довольно посредственныя и нѣтъ, напр., его лучшихъ стихотвореній, какъ «Современныя пѣсни». При этомъ г. Гербель, считая поэзіей одни только стихи, выбираеъ изъ многихъ поэтовъ ихъ худшія стихотворныя произведенія и оставляетъ въ сторонѣ образцовыя, но прозаическія. Такъ, онъ не сдѣлалъ ни одной выдержки изъ комедій Фонвизина и Островскаго и помѣстилъ обширныя отрывки изъ стихотворныхъ историческихъ хроникъ послѣдняго, которыя ничѣмъ не лучше драмъ Кукольника. Впрочемъ, и изъ твореній Кукольника онъ также набралъ въ свою кошницу цѣлыхъ пятнадцать столбцовъ высокопарной ерунды. Вообще, у Гербеля нѣтъ ни малѣйшаго критическаго такта, ни вкуса, ни даже знанія, необходимаго для удачнаго выбора произведеній. Особенно забавенъ онъ въ критической оцѣнкѣ поэтовъ. Здѣсь онъ перефразируетъ только

отзывы старинныхъ критиковъ и изображаетъ достоинства стихотвореній характеризуемаго лица самымъ высокопарнымъ слогомъ. Державина онъ называетъ «величайшимъ изъ русскихъ лириковъ», забывая даже Пушкина; оду «Богъ» считаетъ «знаменитѣйшимъ произведеніемъ, упрочившимъ славу автора и сдѣлавшимъ его имя извѣстнымъ во *остѣхъ концахъ оселенной*». «Не лесть, а искреннее чувство управляло его перстами, перебиравшими струны высоконастроенной лиры» (стр. 37 — 41). О Карамзинѣ тоже отзывъ со словъ панегиристовъ двадцатыхъ годовъ. Крыловъ — «*величайшій изъ русскихъ баснописцевъ*» (значить, у насъ есть еще другіе великіе баснописцы). Трагедіи Озерова «проникнуты неподдѣльнымъ чувствомъ, выраженнымъ прекрасными стихами» (стр. 121). Каменевская баллада «Громвалъ», неуклюжіе романы Вельтмана, «прекрасныя статьи Н. Ф. Павлова въ «Повомъ Времени», «первоклассный поэтическій талантъ» Фета, — все превознесено до небесъ и восхвалено такимъ «возвышеннымъ» слогомъ, что невольно переносясь въ эпоху Мерзлякова и Карамзина. О войнѣ 1812 г. г. Гербель говоритъ не просто, что, дескать, Наполеонъ взялъ Москву, а дванадцать языковъ, ведомыхъ новымъ Аттилой, проникли въ самое сердце Россіи». Ошибокъ въ книгѣ столько, что будь я записнымъ бібліографомъ, я набралъ-бы ихъ листа три. Н. Тургеневъ показанъ умершимъ въ Женевѣ (стр. 193), покойный Филаретъ Амфитеатовъ названъ нынѣшнимъ митрополитомъ кievскимъ, разъ двадцать уже напечатанную эпиграмму на запрещеніе «Московского Телеграфа» г. Гербель называетъ «нигдѣ еще ненапечатанною» (стр. 404); извѣстное стихотвореніе Добролюбова: «Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ» приписано Некрасову (стр. 638) и т. д. Что-же касается біографическихъ очерковъ, то почти всѣ они ничто иное, какъ служебно-литературныя формулярныя списки въ такомъ родѣ: «Андрей Ивановичъ Тургеневъ, сынъ тайнаго совѣтника Ивана Петровича Тургенева, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, и Екатерины Александровны, урожденной Качаловой, и старшій братъ Александра и Николая Ивановичей Тургеневыхъ, изъ которыхъ первый, одинъ изъ благороднѣйшихъ и полезнѣйшихъ дѣятелей царствованія Александра I, скончался въ 1845 г., послѣ двадцатилѣтняго скитанія по Европѣ, а второй, горячій ратоборецъ освобожденія крестьянъ въ Россіи и авторъ всѣмъ извѣстной книги «*La Russie et les Russes*», умеръ въ 1870 г. въ Женевѣ, проживъ 45 лѣтъ, вдали отъ горячо любимаго имъ отечества; родился въ 1783 г., въ Симбирскѣ», и т. д. (стр. 193). Шестъ столбцовъ біографіи Д. Да-

выдова заняты буквально формулярнымъ спискомъ. Въ біографіи М. Дмитріева цѣлая половина посвящена исчисленію предковъ, а вторая половина формулярному списку. Пропусковъ и искаженій въ этихъ біографіяхъ множество. Напримѣръ, рассказывая жизнь Баратынскаго, г. Гербель вовсе не упоминаетъ объ исключеніи его изъ корпуса за воровство, между тѣмъ какъ это обстоятельство рѣшительно повліяло на всю жизнь Баратынскаго и на характеръ его поэзіи. Державина Гербель изображаетъ отважнымъ храбрецомъ во время пугачовщины, между тѣмъ какъ онъ обращался въ бѣгство даже отъ призрачнаго непріятеля.

Намъ хотѣлось-бы составить общую характеристику русскаго поэта, но въ книгѣ Гербеля такъ мало новыхъ матерьяловъ, что мы принуждены ограничиться только нѣкоторыми чертами. Прежде всего насъ поражаетъ бѣдность нашихъ поэтовъ, недостатокъ независимыхъ средствъ, благодаря которымъ большая часть ихъ принуждены были или жить службой, или хлопотать о пенсіяхъ. Почти всѣ старинные писатели посвящали литературѣ только свободное отъ служебныхъ занятій время; но и большинство новѣйшихъ поэтовъ жило и живетъ на службѣ. Гр. А. Толстой служитъ егермейстеромъ (стр. 479), Ф. Миллеръ учителемъ (489), Полонскій въ комитетѣ иностранной цензуры (501), Фетъ служилъ въ арміи, а теперь мировымъ посредникомъ, Розенгеймъ былъ артиллерійскимъ офицеромъ, а теперь военнымъ судьей (стр. 588), Ап. Майковъ нынѣ состоитъ цензоромъ (стр. 524), Щербина умеръ тоже цензоромъ (стр. 533), Мей былъ инспекторомъ гимназій (стр. 549), А. Жемчужниковъ служилъ въ государственномъ совѣтѣ (стр. 562), И. Аксаковъ — по министерству внутреннихъ дѣлъ (стр. 567), П. Ковалевскій — управляющій контрольной экспедиціей морскаго министерства (стр. 572), Плещеевъ служить въ государственномъ контролѣ (стр. 574), Апухтинъ — при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (стр. 609) и т. д. Не подлежитъ сомнѣнію, что это обстоятельство не остается безъ вліянія и на самую поэзію. Впрочемъ, всѣ исчисленные нами поэты принадлежатъ къ старому поколѣнію... Но замѣчательно, что никакія общественныя отношенія и вліянія не въ состояніи умиротворить душу русскихъ поэтовъ и недовольство жизнью въ той или другой формѣ проникаетъ собой произведенія всѣхъ ихъ. Даже такіе писатели, какъ М. Дмитріевъ, В. Майковъ, Державинъ, и тѣ чѣмъ-то недовольны. Пустота жизни, ея безцѣльность, ничтожество окружающихъ людей терзали и Пушкина, и Лермонтова, и Грибоѣдова и всѣхъ нашихъ мыслящихъ

поэтовъ. Одинъ говоритъ — «цѣли нѣтъ передо мною, сердце пусто, празденъ умъ», другой жалуется, что —

Всюду встрѣчи безотрадныя,
Ищешь, суетный, людей,
А встрѣчаешь трупы хладныя,
Иль безмысленныхъ дѣтей“ (стр. 285).

Третій, Баратынскій, поетъ —

Младые сны отъ сердца отлетѣли,
Не узнаю я свѣтъ;
Надеждъ своихъ лишень я прежней цѣли,
А новой цѣли нѣтъ“ (стр. 328).

Полежаевъ — «не разцвѣлъ и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней»; Кольцовъ скорбитъ о заѣвшей его судьбѣ, о томъ, что «у сокола крылья связаны и пути ему всѣ заказаны»; Губеръ плачетъ:

Въ мирѣ негдѣ звуку
Разойтись широко;
Носишь злую муку
На душѣ глубоко.
Я запѣлъ-бы смѣло,
Да не та мнѣ доля:
Износилось тѣло,
Уходила воля» (стр. 457).

Добролюбовъ отчаявается въ будущемъ, мучается сомнѣніями относительно его, разочаровывается въ своихъ силахъ. Г. Гербель напечаталъ въ первый разъ слѣдующее его стихотвореніе:

О грустно, грустно убѣждаться
Въ безсильи нравственномъ своемъ,
И тяжело въ немъ сознаваться
Предъ строгимъ внутреннимъ судомъ;
Но тяжелѣй, грустнѣй, больнѣе,
Когда ты видишь предъ собой
Людей, взывающихъ: «скорѣе,
Сворѣй зажги свѣтильникъ твой!
Ты показалъ намъ, что ты можешь...
Иди, работай-же, пора!
Ты зло и глупость потревожишь
Во имя чести и добра!»
О, братья, тщетные порывы!
Надежды нѣтъ вамъ на меня!
За свѣтъ живительный сочли вы
Лишь отраженіе огня...

Съ чужимъ свѣтильникомъ я рано
 Въ кружокъ вашъ сумрачный вступилъ;
 Въ тѣмъ предразсвѣтнаго тумана
 Огонь мой вамъ замѣтенъ былъ...
 Но волны свѣта, возрастая,
 Бѣгутъ ужъ въ небѣ голубомъ —
 И меркнеть, меркнеть, замирая,
 Огонь въ фонарикѣ моемъ...
 Погасимъ, братья, наши свѣчи,
 Имъ не горѣть средь бѣла дня —
 И выйдемъ радостно навстрѣчу
 Дневного вѣчнаго огня!» (стр. 604).

Но это утѣшительное заключеніе было только минутнымъ увлеченіемъ поэта. Его надежды на участіе въ новой свѣтлой жизни разбиты еще до преждевременной смерти, неизбежность которой онъ предугадывалъ, подобно Пушкину, Лермонтову, Гнѣдичу, Полежаеву, Губеру и т. д. Каждый изъ нихъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ думалъ о смерти и умиралъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Одни лѣзли сами на смерть, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Грибоѣдовъ, Бестужевъ, другіе рано теряли силы подъ гнетомъ безотрадной дѣйствительности и умирали отъ порожденных послѣднею разстройствъ организма, какъ Веневитиновъ, Кольцовъ, Добролюбовъ, третьи укорачивали свою жизнь виномъ, какъ Ломоносовъ, Милоновъ, Костровъ, Сумароковъ, Соколовскій (стр. 451), Губеръ (стр. 455), Языковъ, Полежаевъ, Ап. Григорьевъ, Мей, Шевченко, Помяловскій (стр. 560 и др.). Да,

Братья писатели, въ нашей судьбѣ
 Что-то лежитъ роковое!..

Историческія статьи М. Д. Хмырова. Спб. Изданіе Печаткина. 1873.

Въ этихъ «статьяхъ» изложена исторія пяти російскихъ генераловъ, и изложена съ такой развязностію и съ такимъ пониманіемъ дѣла, какими вообще отличаются произведенія Семейскаго, Хмырова и другихъ историковъ того-же калибра. Это не просто напечатанные формулярные списки, но формулярные списки, снабженные всевозможными историческими, археологическими и иными примѣчаніями, дополненіями, поясненіями и т. д. На нѣкоторыхъ страницахъ примѣчаній даже больше, чѣмъ текста. Вотъ, напр., четыре самыхъ

обыкновенныхъ строки на стр. 14: «Регентъ приглашалъ его (т. е. Ганнибала) не разъ на свои веселые вечера; онъ присутствовалъ на ужинахъ, одушевленныхъ молодостію Аруэта (Вольтера) и старостію Шолье, разговорами Монтескье и Фонтенеля».

Кажись, все ясно и «ученыхъ» примѣчаній дѣлать не къ чему; но авторъ не можетъ обойтись безъ нихъ и сообщаетъ намъ слѣдующія рѣдкія и мало кому извѣстныя свѣденія:

«Францискъ-Марія-Аруэтъ Вольтеръ, писатель и философъ слишкомъ извѣстный, род. 1694†1778 г. Слѣдовательно, въ 1772 г. ему было 28 лѣтъ. Къ тому времени онъ уже написалъ «Генриаду» и нѣсколько произведеній для сцены».

«Гилльомъ-Амфри, аббатъ де-Шолье (Chaulieu), любезный поэтъ энцикуреецъ, прозванный Анакреономъ Тампля (замокъ въ Парижѣ), род. 1639†1720 г.»

«Баронъ Карлъ де-Монтескье (Montesquieu), знаменитый мыслитель и энциклопедистъ XVIII вѣка, род. 1689†1755 г. При Ганнибалѣ, въ 1721 г., онъ издалъ свой первый трудъ: «Персидскія письма» (Lettres persannes)».

«Ле-Буйе-де-Фонтенель, знаменитый литераторъ и ученый, род. 1657†1757, проживъ ровно сто лѣтъ».

Впрочемъ, при всей своей серьезности и многочисленности, эти примѣчанія не на-столько полны, какъ-бы того можно было ожидать отъ ученаго историка школы Семевакаго и К°. Напр., въ приведенныхъ строкахъ не объяснены, а поэтому остаются совершенно непонятными слова *регентъ*, *Парижъ*, *аббатъ*, *Генриада*, *энциклопедистъ* и т. д. Не мало въ книгѣ и другихъ подобныхъ, даже болѣе важныхъ упущеній и нерѣшенныхъ вопросовъ, о чемъ, впрочемъ, скорбитъ и самъ авторъ, который хотя и усердно раскапывалъ весь историческій хламъ, оставшіяся отъ изображаемыхъ имъ генераловъ, но все-таки не могъ разъяснить нѣкоторыхъ подробностей, въ родѣ того, какъ они кушали и спали.

Разбирать книги мы не будемъ, потому что считаемъ свою эрудицію далеко недостаточною для разбора подобныхъ формулярныхъ списковъ, снабженныхъ такимъ множествомъ ученыхъ примѣчаній и дополненій, но скажемъ нѣсколько словъ о личности самого автора, недавно умершаго. Его біографія, во всякомъ случаѣ, не безъ интересна, чего вовсе нельзя сказать объ его произведеніяхъ.

Хмыровъ, Михаилъ Дмитриевичъ (род. 1830 г., ум. 1872 г.) получилъ воспитаніе въ кадетскомъ корпусѣ, въ которомъ уже пописывалъ стихи... По выходѣ Хмыровъ ревностно преданъ изученію воен-

ныхъ архивовъ, вслѣдствіе чего долженъ былъ въ 1864 г. оставить службу и жить исключительно литературнымъ трудомъ. Историческія статьи его разсѣяны во многихъ изданіяхъ. Таковы вошедшія въ составъ упомянутой книги: «Генераль-аншефъ Аннибалъ», «Графъ Лестокъ», «Густавъ Биренъ, братъ регента», «Обстоятельства, приготовившія опалу герцога Бирена», «Послѣднее четырехлѣтіе жизни Суворова»; множество другихъ его статей въ «Разсѣятѣ», «Энциклопедическомъ Словарѣ», «Русскомъ Мирѣ», «Сѣверномъ Сіяніи», «Гудкѣ», «Артиллерійскомъ Журналѣ» и т. д. Всѣ эти статьи отличаются тщательною, мелочною обработкою подробностей и могутъ имѣть нѣкоторое значеніе для специалистовъ—для справокъ. Хмыровъ былъ въ полномъ смыслѣ историкъ—чернорабочій. «Вся жизнь Хмырова, говоритъ его некрологистъ, —представляетъ неустанный, упорный трудъ». Это былъ живой архивъ. Записныя книги его наполнены массою генеалогическихъ, біографическихъ и всякихъ подробностей. «Даже надгробныхъ надписей, говоритъ г. Ефремовъ, —онъ никогда не пропускалъ безъ списыванья при своихъ переездахъ по Россіи». «Съ неутомимою энергіей, отказывая себѣ даже въ необходимомъ, переноса всевозможныя лишенія, покойный, втеченіи слишкомъ 20 лѣтъ, употреблялъ скудные свои средства на покушку *всѣхъ* безъ исключенія русскихъ альманаховъ и періодическихъ изданій (включая губернскія и епархіальныя вѣдомости), отъ начала повременной прессы въ Россіи, и собралъ такимъ образомъ болѣе 12,000 нумеровъ однихъ только журналовъ. Все покупаемое онъ тотчасъ-же заносилъ въ алфавитныя книжки и затѣмъ разрѣзывалъ альманахи, журналы и газеты на отдѣльныя статьи. Въ этой библиотекѣ каждый могъ найти все, что было писано въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ объ интересовавшемъ его предметѣ: желающій, напр., получалъ цѣлую папку о саранчѣ, другой о книгопечатаніи, объ Испаніи или владимірской губерніи» и т. д. (Р. Арх., 1873, № 1). Любимой мечтой Хмырова было составить «Настольную энциклопедію отчизновѣденія», въ которую онъ хотѣлъ вѣстить *все*, безъ всякаго исключенія *все*, касающееся Россіи во *всѣхъ* отношеніяхъ, и представить это *все* въ видѣ, хотя сжатомъ, но обстоятельномъ и приноровленномъ къ пониманіямъ *всѣхъ* уровней» (Р. Ст., 1873, № 2). Проживъ Хмыровъ долѣе—и онъ, вѣроятно, совершилъ-бы этотъ громадный трудъ и мы имѣли-бы полезную справочную книгу, хотя особенныхъ достоинствъ отъ нея ожидать было нечего. Но добродушный, непрактическій труженикъ, никакъ не могъ даже устроить себѣ безбѣднаго существованія. Трудъ и бѣдность

сломали его. Втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ передъ своею предсмертною болѣзнью, Хмыровъ питался хлѣбомъ, яйцами да иногда студнемъ изъ мелочной лавки, и при всемъ этомъ вошелъ въ долги. «Особенно тяжело для него, говоритъ г. Ефремовъ,—было последнее лѣто, когда сдѣланная имъ работа осталась неоплаченною и ему грозило лишеніе единственнаго сокровища, на которое онъ положилъ всю свою жизнь,—библіотеки. Въ безвыходномъ положеніи, не найдя *нигде* помощи, онъ обратился, уже не ради себя, но ради спасенія своего собранія, къ одному изъ старѣйшихъ нашихъ литераторовъ-издателей, съ которымъ лично даже не былъ знакомъ,—и тотъ помогъ ему значительною суммою, по первому-же заявленію и почти наканунѣ грозившей бѣды. Надломленный, измученный организмъ не вынесъ, однако, потрясенія и черезъ нѣсколько дней послѣ того Хмыровъ заболѣлъ и уже не вставалъ съ постели. Въ это время была оказана ему помощь и со стороны общества литературнаго фонда, которая вся ушла на леченіе, и Хмыровъ умеръ, оставивъ семьѣ *1 рубль* денегъ изъ полученнаго вспомоствованія, да частное, доброе имя» (Р. Арх., Р. Ст., № 1, 1873 г.).

Издѣлованіе жизни. Проф. В. Прейера. Спб. 1873.

Ни одна наука не богата въ такой степени побочными отраслями и подраздѣленіями, какъ естествознаніе. Физика, химія, минералогія, зоологія, ботаника, физиологія—каждая изъ этихъ наукъ, въ свою очередь, распадается на второстепенные отдѣлы, изъ которыхъ каждый специализируется въ самостоятельную область знанія. Факты накаплиются съ изумительной быстротой, и дѣло стоитъ лишь за тѣмъ, какъ-бы полнѣе утилизировать ихъ цѣнность и какимъ образомъ приурочить ихъ къ полезнѣйшему служенію интересамъ челоуѣка. И чѣмъ болѣе естествознаніе запасается фактами, тѣмъ затруднительнѣе становится его положеніе, тѣмъ болѣе омрачается чело натуралиста торжественно-серьезной тревогой за свои силы и умѣнье овладѣть подавляющей массой фактическаго матеріала, дать ему наиболѣе разумное употребленіе, переработать безчисленное множество частныхъ, осмыслить и привести ихъ къ одному общему знаменателю. Такая сложная задача выпадаетъ на долю біологіи, которая стоитъ въ центрѣ всѣхъ главныхъ и побочныхъ отраслей естествознанія, соединяя ихъ въ одну стройную науку о жизни. Біологію

можно назвать высшимъ трибуналомъ, передъ которымъ обязана отдать отчетъ каждая специальная отрасль естествовѣденія и сложить къ ея ногамъ всѣ свои сокровища, влить въ ея широкое русло всѣ мелкіе ручьи и потоки своего знанія. Всякъсму, конечно, не разъ приходилось в теченіи своей школьной жизни задумываться надъ вопросомъ о томъ, къ чему, напр., изучается такая-то наука, какую пользу принесетъ учащемуся знаніе алгебры или всѣхъ тонкостей геометрїи. Признаться, вопросъ этотъ очень часто разрѣшался весьма темными соображеніями даже со стороны самихъ учителей. Легче, конечно, было-бы дать отвѣтъ на вопросъ, ради какой практической цѣли изучаются нѣкоторыя спеціальныя отрасли естествознанія, неимѣющія видимаго отношенія къ общественной жизни, какъ, напр., зоологія или фізіологія растений, хотя и тутъ объясненія далеко не будутъ вполне ясны для вопрошающаго, если только не указать при этомъ на неразрывную связь этихъ наукъ съ біологіей. Біологія претворяетъ въ плоть и кровь всѣ спеціальныя, частныя выводы, всѣ тѣ научныя мелочи, которыя сами по себѣ нѣрѣдко кажутся безцѣльными абстрактами. Для человѣка ничего не можетъ быть важнѣе и дороже жизни, а біологія посвящаетъ свои силы только одной задачѣ—изслѣдованію жизни, и даетъ ключъ къ ея пониманію. Біологія служитъ, слѣдовательно, непосредственнымъ цѣлямъ человѣческаго благополучія и, по всей вѣроятности, ея успѣхи будутъ еще тѣснѣе связаны съ матеріальными интересами общества, чѣмъ успѣхи медицины или гігіены. Но трудъ, который выпалъ на долю біологіи, не легокъ, такъ-какъ она должна обнимать своимъ взглядомъ всю вселенную и переработать подъ своимъ влияніемъ всѣ безъ исключенія естественныя науки. Если развернуть въ одинъ рядъ безчисленную массу фактовъ, до бытыхъ спеціальными отраслями естествознанія, то хотя каждый изъ нихъ имѣетъ прямое или косвенное отношеніе къ органической жизни, но пока они не будутъ классифицированы по степени своей однородности, они не въ состояніи отвѣтить намъ, что такое жизнь; въ чемъ заключаются ея характеристическіе признаки, какова природа тѣхъ сокровеннѣйшихъ импульсовъ органическаго міра, которыми она отличается отъ мертвой и неодушевленной природы. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не трудно доискаться, при какихъ условіяхъ живетъ то или другое животное или растение; мы можемъ опредѣлить, что требуется для жизни крошечной инфузорїи или гигантскаго сѣна, мы на-столько уже знакомы съ фізіологіей человѣка, что безошибочно опредѣляемъ важность тѣхъ или другихъ органовъ для всего организма, тѣхъ или другихъ химическихъ веществъ или анато-

мическаго строенія. Однако, чтобъ перейти отъ этихъ частныхъ случаевъ, отъ условій индивидуальной жизни къ общимъ условіямъ органическаго бытія, остается еще сдѣлать огромный шагъ и пройти трудную школу упорной мысли и опытнаго изслѣдованія. Необходимо извлечь изъ массы разнообразныхъ моментовъ, обуславливающихъ жизнь каждаго индивида, каждаго представителя вида, рода, класса или царства, тѣ простые, элементарные факторы, изъ которыхъ складывается существованіе не отдѣльной особи, но всего *живого*, и довести изслѣдованіе до такой точности, чтобы отсутствіе хоть одного какаго-либо фактора дѣлало жизнь невозможной. Такова задушевная мысль біологін и въ такомъ духѣ написана брошюра проф. Прейера.

Каково-бы ни было научное достоинство воззрѣній, изложенныхъ Прейеромъ въ его брошюрѣ, но нельзя не отнестись безъ уваженія къ почтенному вѣмецкому ученому за одну уже попытку воспользоваться точными данными естествознанія для рѣшенія вопроса, который и до сихъ поръ еще носитъ трансцендентальный характеръ и при всей своей важности ни на волосъ не подвинулся къ разрѣшенію. Профессоръ Прейеръ поставилъ себѣ задачей собрать въ мірѣ органическихъ существъ всѣ наиболѣе характерныя и важныя явленія, совокупность которыхъ дала-бы простѣйшую форму жизни, общую всѣмъ организмамъ безъ исключенія. Онъ распредѣляетъ эти явленія или, лучше сказать, условія, при которыхъ они совершаются, на двѣ большія группы, относя къ одной условія внѣшней обстановки, а къ другой условія внутреннія, касающіяся свойствъ организмъ, ихъ химическаго состава и анатомическаго строенія. Какъ внѣшнія, такъ и внутреннія условія распадаются по степени ихъ важности на посредственные и непосредственные, на относительно необходимыя и безусловно необходимыя. Первые только дополняютъ жизнь, дѣлаютъ ее пріятной, окружаютъ ее удовольствіями и тѣмъ увеличиваютъ ея продолжительность, вторыя-же обуславливаютъ фізіологическій процессъ жизни и организмъ безъ нихъ не можетъ существовать ни одной минуты. Внѣшнія посредственные условія или тѣ удовольствія, которыя облегчаютъ органическому существу бремя жизни, чрезвычайно многочисленны и перечислить ихъ одно за другимъ нѣтъ возможности. Но одно условіе составляетъ почти неотъемлемую принадлежность здоровой и нормальной жизни, это—соціальная жизнь. «Живое существо, говоритъ Прейеръ можетъ процвѣтать только въ средѣ живыхъ существъ, и ни одинъ организмъ, ни монара, ни мохъ, ни червякъ, не можетъ долго выносить полного одиночества» (стр. 8). Однако, профессоръ Прейеръ,—какъ намъ кажется, не со-

всѣмъ вѣрно опредѣляетъ біологическое значеніе общественности. Онъ недостаточно оцѣниваетъ важность этого фактора, который въ сущности есть цѣль сама въ себѣ и составляетъ сущность жизни, наравнѣ съ воздухомъ или другими непосредственными условіями ея. Почтенный профессоръ полагаетъ, что общественность только благопріятствуетъ жизни нѣкоторыми своими результатами, она полезна, по его мнѣнію, въ томъ отношеніи, что возбуждаетъ въ индивидахъ безчисленныя потребности, удовлетвореніе которыхъ доставляетъ удовольствіе. «Необходимо удовлетворять, говоритъ онъ,—не однѣ только насущныя потребности природы, но и безчисленныя потребности, порождаемыя обществомъ, ибо удовлетвореніе желаній, склонностей въ моментъ ихъ возникновенія доставляетъ величайшее удовольствіе. Роскошь осуждается такъ часто потому, что опредѣлить мѣру крайне трудно, но взятая въ самомъ широкомъ ея смыслѣ, она представляетъ величайшее наслажденіе, удовлетворяя съ избыткомъ всѣ потребности жизни». Такимъ образомъ, общественность создаетъ роскошь и порождаетъ избытокъ потребностей, но насколько это полезно для жизни органическихъ существъ—это еще вопросъ. Напротивъ, можно думать, что роскошь—случайное и далеко не вполне нормальное послѣдствіе общественности, что она въ сущности парализуетъ общественность и составляетъ ея противорѣчіе. Профессоръ Прейеръ говоритъ: «Величайшая роскошь господствуетъ въ средѣ британской аристократіи и, какъ извѣстно, долговѣчность, здоровье и интеллигенція сдѣлались у нея, можно сказать, наслѣдственными». Фактъ этотъ абсолютно несправедливъ, ибо теперь извѣстно, что родовая англійская аристократія погибаетъ, и она давно-бы вымерла, если-бъ ряды ея не пополнялись притокомъ свѣжихъ силъ изъ другихъ общественныхъ слоевъ. Также неосновательны, по нашему мнѣнію, указанія профессора Прейера на царство животныхъ и растеній, гдѣ онъ думаетъ усмотрѣть роскошь. Такое воззрѣніе, дѣйствительно, долго существовало въ естествознаніи, но въ настоящее время оно совершенно утратило кредитъ въ наукѣ. То, что въ былое время натуралисты-эстетика, въ родѣ Эрстеда, Александра Гумбольдта, а въ новѣйшее время Шлейдена, называли у животныхъ и растеній роскошью,—то теперь является для насъ закономъ естественной необходимости. Эти натуралисты, занимавшіеся эстетикой растеній, впадали въ ту-же ошибку, которая вообще свойственна всѣмъ эстетикамъ: они разсматривали красоту растеній лишь съ точки зрѣнія человѣческихъ идеаловъ и воображали себѣ природу какой-то поденщицей, которая трудилась исключительно для человѣка.

и для развитія его вкуса. Новѣйшее естествознаніе, съ Дарвиномъ во главѣ, доказало, что вся эстетическая сторона растительнаго и животнаго міра, какъ, напр., цвѣтъ и окраска перьевъ, разнообразіе формъ, различные придатки, украшающіе животнаго, имѣютъ глубокой и вполне реальный смыслъ для личной жизни индивида. Это не роскошь, но положительная потребность. Райская птица поражаетъ насъ своей красотой, которую мы считаемъ результатомъ роскошнаго развитія организма, но для самой райской птицы ея красота составляетъ столько же насущную необходимость, какъ для насъ языкъ. Профессоръ Прейеръ въ доказательство роскоши у животныхъ, между прочимъ, говоритъ: «Самый поразительный примѣръ роскоши въ животномъ царствѣ представляютъ австраійскіе плащеносцы, которые, не довольствуясь своими гнѣздами, устраиваютъ настоящія общественныя бѣдѣдки, въ которыхъ предаются всевозможнымъ увеселеніямъ. Эти замѣчательныя птицы свиваютъ свои гнѣзда на деревьяхъ, а общественныя бѣдѣдки на землѣ. Гудъ и другіе сообщаютъ, что эти послѣднія часто съ большимъ вкусомъ разукрашены разными блестящими предметами и растеніями. Птицы играютъ пестрыми камешками и раковинами, часто мѣняя декораціи. Онѣ ласкаютъ и дразнятъ другъ друга и ведутъ самую оживленную бѣдѣду въ своихъ замкнутыхъ клубкахъ». Этотъ фактъ заимствованъ изъ сочиненія Дарвина о «Происхожденіи человѣка», но почтенный профессоръ не вполне добросовѣстно цитировалъ соответствующее мѣсто. Дѣйствительно, Дарвинъ ссылается на этихъ странныхъ птицъ, но не съ тою цѣлью, чтобы показать, что этимъ птицамъ не чуждо стремленіе къ роскоши, а единственно съ тѣмъ, чтобы пояснить, какъ далеко простирается дѣйствіе полового подбора. Черезъ все сочиненіе Дарвина проходитъ стремленіе объяснить всѣ, повидимому, случайныя особенности строенія, всю кажущуюся роскошь тѣлесныхъ формъ, привычекъ и умственныхъ способностей закономъ необходимости, нуждой. Онъ говоритъ, что назначеніе вышеупомянутыхъ бѣдѣдокъ—служить мѣстомъ любовныхъ свиданій и ухаживаній самца за самками. «Эти курьезныя постройки, говоритъ онъ,—устроенныя единственно ради сборищъ, *идѣ происходитъ половая игра*,—стоятъ этимъ птицамъ не малыхъ трудовъ» (стр. 103, «Происхожденіе человѣка и половой подборъ»). Перев. подъ ред. Благосвѣтлова, вып. III).

Непосредственныя условія жизни легче поддаются анализу, и такъ какъ они должны относиться ко всему живущему безъ исключенія, то, очевидно, что число ихъ не можетъ быть особенно значительнымъ. По Прейеру, этихъ условій всего четыре: воздухъ, вода, твер-

дыя вещества, производимыя почвой (пища въ тѣсномъ смыслѣ) и теплота. Нельзя устранить ни одного изъ этихъ условій, чтобы не прервать нить жизни, но чтобы вполне доказать, что *только они* держатъ въ своей власти жизнь, недостаточно доказать, что жизнь прекратится съ устраненіемъ этихъ условій. Необходимо или, по крайней мѣрѣ, не мѣшаетъ прибѣгнуть къ болѣе прямому опыту, т. е. доказать, что съ восстановленіемъ прежнихъ условій прекратившаяся жизнь снова обнаружится. Очевидно, что такого рода опыты будутъ имѣть чрезвычайно важное значеніе въ дѣлѣ изслѣдованія жизни; они, ни болѣе, ни менѣе, дадутъ возможность «даровать жизнь по усмотрѣнію, заводить и останавливать часы жизни». При этихъ словахъ читателемъ, конечно, овладѣетъ невольное сомнѣніе; мы также думаемъ, что біологія еще далека отъ такого могущества, хотя Прейеръ и утверждаетъ, что уже въ настоящее время наука можетъ по произволу «сказать безжизненному существу: «да будетъ жизнь» — и жизнь будетъ, безъ квинтъ-эссенціи, безъ элексира» (стр. 23). Однако, въ самомъ дѣлѣ, въ наукѣ существуетъ нѣчто подобное вышеупомянутымъ опытамъ, и если все-таки ея власть надъ жизнью не велика, то она и не такъ ничтожна, какъ это можетъ показаться съ перваго раза. До сихъ поръ извѣстно очень много удачныхъ попытокъ оживленія такихъ существъ, которыя лишены были всякихъ признаковъ жизни втеченіи весьма продолжительнаго времени. Всѣ эти интересныя попытки собраны профессоромъ Прейеромъ въ его брошюрѣ и дополнены еще новыми и въ высшей степени любопытными опытами. Оживленію подвергались мелкіе микроскопическіе организмы, инфузоріи, коловратки и нѣкоторые другіе виды червей, но всего болѣе изумляютъ опыты надъ замораживаніемъ лягушекъ и послѣдующимъ оживленіемъ ихъ. Поводомъ къ такому опыту былъ простой случай. «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, рассказываетъ Прейеръ, —я зимою выставлялъ на воздухъ большіе сосуды съ водою и лягушками, желая, для извѣстныхъ цѣлей, понизить собственную температуру животныхъ. Случилось, что они оставались всю ночь на воздухѣ, какъ-разъ въ сильнѣйшій морозъ. Вода и лягушки превращались въ ледъ и, при быстромъ оттаиваніи, животныя умирали, тѣ-же изъ нихъ, которыя оттаивали постепенно въ льдинахъ, возвращались къ нормальной жизни». Очевидно, что въ лягушкѣ, замороженной въ твердую, какъ камень, массу, нельзя предполагать скрытаго остатка жизни, потому что это противорѣчило-бы всѣмъ нашимъ понятіямъ о жизненныхъ процессахъ. Какимъ образомъ могутъ совершаться фізіологическія отправления въ орга-

низмъ, температура котораго понижена ниже 0°/о и въ которомъ вмѣсто крови и соковъ находится ледъ? Надъ рыбами также производились подобныя-же опыты, да они извѣстны и каждому содержанию садка. Многія рыбы, напр. лещъ, карась, щука замораживаются, если ихъ нужно переслать въ какое-нибудь отдаленное мѣсто, а затѣмъ, по прибытіи ихъ къ назначенному мѣсту, они бросаются замороженными въ прудъ, оттаиваютъ тамъ и оживаютъ. Профессоръ Прейеръ напоминаетъ также объ искусственномъ прекращеніи жизни у людей, которые заживо хоронили себя на цѣлыя недѣли и даже мѣсяцы и затѣмъ снова воскресали. Такою способностью отличаются, какъ извѣстно, индійскіе факиры, которые даютъ себя хоронить за извѣстную плату. Опыты оживленія растений весьма многочисленны, хотя они не представляютъ, конечно, ничего новаго, ибо каждому извѣстно, что сѣмена, пролежавшія нѣсколько лѣтъ въ сухомъ мѣстѣ, могутъ пускать ростки, если посадить ихъ въ землю.

Изъ всѣхъ опытовъ надъ оживленіемъ организмовъ профессоръ Прейеръ приходитъ къ заключенію, что необходимо признать существованіе новаго и неслыханнаго до настоящаго времени свойства организованной матеріи. До сихъ поръ все живущее являлось для насъ въ состояніи жизни или смерти, но теперь мы должны признать еще и третье состояніе, въ которомъ организмы, не обнаруживая ни малѣйшихъ признаковъ жизни, не теряютъ, однако, способности къ ней. Это состояніе называется Прейеромъ *анабіозисомъ*, а организмы, которые могутъ быть оживляемы—анабіотическими. Анабіозисъ есть, такъ-сказать, потенціальная жизнь, которая переходитъ въ дѣйствующую во время самой жизни. Не всякій организмъ анабіотиченъ, т. е. способенъ къ оживленію, потому что вещества, составляющія ткани, могутъ истрачиваться или подвергаться сильнымъ измѣненіямъ, подобно веществу, изъ котораго составлена, напр., паровая машина. Смерть организма объясняется столь-же простыми и естественными причинами, какъ и порча машины, и пока организмъ не достигъ этого состоянія, жизнь его находится въ рукахъ человѣка. Очевидно, что это воззрѣніе наноситъ послѣдній и самый тяжелый ударъ «жизненной силѣ», которая почти до настоящаго времени царила въ естествознаніи.

Такого рода механическое объясненіе жизни не можетъ быть распространено на психическія свойства организмовъ.

СОВРЕМЕННЫЙ ВОЕННЫЙ ВОПРОСЪ.

I.

Армія представляет и, вѣроятно, еще долго будетъ представлять одну изъ важнѣйшихъ составныхъ частей каждаго современнаго намъ государственнаго организма. На этомъ основаніи изученіе основъ арміи крайне интересно и поучительно, тѣмъ болѣе, что въ устройствѣ арміи не трудно прослѣдить не только преобладаніе тѣхъ или другихъ основныхъ государственныхъ принциповъ, задачи внѣшней и внутренней политики, наступательные или оборонительные замыслы государства, но и его внутренній строй, богатство или бѣдность народа, степень его развитія, какъ умственнаго и нравственнаго, степень развитія промышленности, путей сообщенія и т. д. Все это вліяетъ на армію и въ ней отражается тѣмъ или другимъ образомъ.

Но до сихъ поръ чисто-эмпирической взглядъ на армію, какъ на матеріальную силу, преобладаетъ не только у насъ, но и въ западной наукѣ. Многіе смотрятъ на армію, какъ на существенное ядро, для котораго всѣ остальные государственныя силы и отправления служатъ только средствомъ къ существованію и возможному развитію. По этимъ понятіямъ армія и государство, въ сущности, почти одно и то-же: отъ арміи зависитъ опредѣленіе историческихъ судебъ народа, она образуетъ, такъ-сказать, его исторію; народъ-же и его богатства даютъ только матеріаль для проявленія военнаго блеска и величія державы, для украшенія страницъ исторіи сказаніями о великихъ побѣдахъ надъ врагами. Подобныя взгляды усиливаются въ особенности послѣ удачныхъ войнъ, результаты которыхъ до та-

кой степени ослѣпляютъ современниковъ, что они теряютъ на болѣе или менѣе продолжительное время способность ясно оцѣнивать совершающіяся передъ ихъ глазами событія. Очевидно, чѣмъ менѣе развито общество, тѣмъ легче укореняются въ немъ эти одностороннія убѣжденія. Но и сравнительно развитыя общества далеко не чужды подобныхъ увлеченій. Успѣхъ бонапартизма во Франціи, воспитавшаго злополучную *gloire de l'agstée*, объясняется именно такимъ образомъ. То-же самое подтверждаютъ и недавнія событія въ Европѣ. Послѣ ряда удачныхъ войнъ прусское правительство стало твердою ногою: оппозиція, еще недавно столь яростная, смолкла, и милитаризмъ, удачно направленный патріотическою идеею единства Германіи, на долгое время охватилъ нѣмецкую націю.

Какъ реакція противъ культа милитаризма, противъ благоговѣнія передъ обманчивыми призраками вѣшняго величія государства, которое выражается не счастьемъ и благоденствіемъ гражданъ, а степенью внушаемаго сосѣдямъ трепета, явился совершенно противоположный взглядъ. Послѣдователи этого второго направленія не видятъ въ арміи ничего, кромѣ зла, и даже не необходимаго (въ сущности оно тогда перестаетъ быть зломъ), а произвольнаго и случайнаго. Люди этого направленія переносятся быстро съ почвы современной дѣйствительной жизни на почву желаній и фантазій и рисуютъ, не жалѣя красокъ, прелестныя картины того блаженнаго состоянія, когда нація перестанутъ грызться изъ-за брошенной между ними кости и бросятся въ миролюбивыя объятія другъ къ другу.

Мы нисколько не утверждаемъ, что эти желанія дурны, но считаемъ въ то-же время необходимымъ, поощряя добрыя намѣренія составителей подобныхъ плановъ, не отрыватьсь отъ почвы современной жизни и, вмѣсто отрицанія арміи, стремиться къ ея улучшенію и удешевленію.

Историческіе примѣры даютъ намъ достаточныя указанія, что бывають положенія, когда народу предстоить необходимость, такъ или иначе, обратиться къ силѣ, къ оружію, къ драгѣ—какъ ни некрасиво послѣднее слово. Мы говоримъ не о той диллетантской драгѣ, которую иныя считаютъ необходимою для поддержанія военнаго духа въ арміи, обращая ее въ воспитательный приемъ; но о тѣхъ походахъ, которые будто-бы вызваны призываніемъ, обязан-

ностью исполнять какия-то историческія предопредѣленія; наконецъ, не о войнахъ, возникающихъ по соображеніямъ личнымъ — мы говоримъ о рѣдкихъ и серьезныхъ историческихъ моментахъ, гдѣ война вызывается самозащитою, необходимою поддержать силою свои права на самостоятельность и свободу.

Если въ ту минуту, когда подоспѣтъ подобная тяжелая необходимость, армія слаба или неготова — дорого придется платить за безпечно проведенные дни мира.

Поэтому благоразуміе безусловно требуетъ, чтобы государство имѣло достаточныя вооруженныя силы на случай дѣйствительной въ нихъ надобности. Но, конечно, арміи не слѣдуетъ давать такого развитія, которое могло-бы препятствовать правильному управленію всѣхъ остальныхъ сторонъ народной жизни. Послѣднее условіе на-столько существенно, даже съ чисто-военной точки зрѣнія, что требуетъ самаго тщательнаго вниманія. Неумѣренное и постоянное напряженіе всѣхъ средствъ государства для содержанія въ мирное время чрезмѣрныхъ вооруженныхъ силъ препятствуетъ правильному ходу народнаго хозяйства, нарушаетъ благосостояніе гражданъ и, въ концѣ концовъ, можетъ довести страну до того, что когда отъ нея, дѣйствительно, потребуется серьезное напряженіе всѣхъ силъ, то она обнаружитъ несостоятельность и вмѣстѣ съ арміею будетъ принуждена признать себя побѣжденною.

Гдѣ-же эта истинная мѣра необходимаго и излишняго? Какъ установить надлежащее равновѣсіе между арміею и производительными средствами страны? Никакая формула, никакая общая аксіома не въ состояніи этого выразить. Все зависитъ отъ совокупности условій, въ которыхъ живетъ и развивается то или другое государство. Географическое положеніе, развитіе сухопутныхъ и морскихъ границъ, ихъ протяженіе, этнографическій и религіозный составъ населенія, степень могущества сосѣдей и направленіе ихъ политики, развитіе внутренняго благосостоянія и производительности, большая или меньшая густота населенія, развитіе сѣти путей сообщенія и т. д., — вотъ тѣ данныя, которыя должны быть приняты во вниманіе и тщательно взвѣшены для опредѣленія искомой нормы. Въ умѣньѣ одѣвнть ихъ и познается истинный военный организаторъ, — организаторъ въ самомъ широкомъ, государственномъ смыслѣ этого слова.

Въ былое время нормальное отношеніе числа войскъ къ населенію, Монтескьё опредѣлилъ отношеніемъ въ $\frac{1}{100}$. Но съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Монтескьё, многое измѣнилось и всё европейскія государства далеко вышли изъ этой нормы. Такимъ образомъ, не принимая въ соображеніе разнаго рода и названія ополченій и сличая съ числомъ жителей однѣ лишь регулярныя войска по военному составу, мы получимъ слѣдующія дроби: для Италіи $\frac{1}{47}$, для Россіи $\frac{1}{41}$, для Австріи $\frac{1}{36}$, для Германіи и Франціи $\frac{1}{8}$. Монтескьё полагалъ, что защиту государства можно считать обезпеченною, если въ рядахъ арміи находится 1% населенія; нынѣ для той-же цѣли въ европейскихъ государствахъ готово отъ 2 до 3% и все-таки эти цифры кажутся недостаточными и вездѣ замѣчается стремленіе къ возможному увеличенію этого процента. Въ связи съ увеличеніемъ вооруженныхъ силъ возрастаетъ и стоимость ихъ содержанія (хотя точной пропорціональности здѣсь не существуетъ) и ложится тяжелымъ бременемъ на всё европейскіе бюджеты. Стоимость содержанія зависитъ не столько отъ числа войскъ, которое государство можетъ выставить въ военное время, сколько отъ того, какое число оно принуждено содержать въ мирное время, что, въ свою очередь, опредѣляется, прежде всего, быстротою ихъ мобилизаціи.

Задачи Россіи по отношенію къ арміи, которая необходима ей въ военное время, несравненно сложнѣе, чѣмъ во всѣхъ богатыхъ, населенныхъ и цивилизованныхъ западныхъ государствахъ. Имѣя сильныхъ сосѣдей, Россія должна, при опредѣленіи размѣра своихъ вооруженныхъ силъ, непременно имѣть въ виду не только каждаго изъ нихъ порознь, но и тѣ боевыя средства, которыя могутъ быть выставлены противъ нея коалиціею. На этомъ основаніи Россіи необходима, по крайней мѣрѣ, двухмилліонная армія, съ соотвѣтственнымъ запасомъ резервныхъ людей, потому что Германія можетъ выставить свыше 1,200,000, Австрія свыше 1 мил. и, наконецъ, Турція до 800,000. Между тѣмъ, чтобы содержать такую армію безъ особаго отягощенія, средства Россіи недостаточны. Наша страна, правда, обширна, но за то слабо населена и бѣдна. Мы отстали отъ нашихъ западныхъ сосѣдей, особенно отъ Германіи, и въ народномъ богатствѣ, и въ промышленности, и въ путяхъ сообщенія. При значительномъ протяженіи

сухопутныхъ границъ, которыя предстоитъ намъ охранять, рѣдкое населеніе и малое развитіе путей сообщенія ставятъ непреодолимыя преграды для быстрой мобилизаціи, т. е. для скорого приведенія арміи, въ случаѣ надобности, на военное положеніе, и заставляютъ держать, даже въ мирное время, больше войскъ, чѣмъ это было-бы необходимо при иныхъ, болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія является непомерное развитіе военнаго бюджета. Дѣйствительно, поглощая около одной трети нашихъ государственныхъ доходовъ, онъ не только выше каждаго изъ прочихъ европейскихъ военныхъ бюджетовъ абсолютно, но и превосходить ихъ сравнительно, по отношенію къ общей цифрѣ государственныхъ расходовъ. Въ послѣднее время наши расходы на содержаніе вооруженныхъ силъ арміи и флота составляли около 35% общей суммы всѣхъ расходовъ; въ то-же время они представляли во Франціи 32%, въ Германіи 27% *) и въ Австріи 22%. Къ тому-же нельзя не замѣтить, что поставленная противъ Россіи цифра процентовъ не выражаетъ всѣхъ матеріальныхъ жертвъ, которыя, за исключеніемъ личной военной повинности, несетъ наше населеніе для арміи, потому что сюда не включены такія натуральныя повинности какъ, напр., гостинная и подводная: будучи капитализованы, онѣ дали-бы, навѣрно, весьма почтенную цифру. Процентное отношеніе нашего военнаго бюджета къ итогу государственныхъ расходовъ отлѣняется особенно рельефно, если мы поставимъ рядомъ, во что обходится содержаніе солдата у насъ и за границею (военный бюджетъ, дѣленный на число войскъ). Оказывается, что въ то время, когда во Франціи солдатъ стоитъ 360 руб., въ Германіи 270 р., въ Австріи 225 р., у насъ онъ обходится казѣ всего въ 185 р. Несмотря на то, что содержаніе солдата стоитъ въ Россіи дешевле, чѣмъ на Западѣ, отчасти вслѣдствіе меньшей стоимости продовольствія и нѣкоторыхъ предметовъ снаряженія и обмундированія, отчасти вслѣдствіе разницы во взглядахъ на необходимое и роскошь, тѣмъ не менѣе наша цифра военныхъ расходовъ гнететъ общій бюджетъ больше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было.

---

*) Во Франціи и въ Германіи взяты цифры сѣтвныхъ ассигнованій до послѣдней войны, такъ-что военныя надержки сюда, естественно, не вошли.

Между тѣмъ, распредѣляя расходы на армию по числу жителей, мы увидимъ, что въ то время, когда въ Россіи на каждаго человѣка приходится военныхъ расходовъ по 1 р. 90 к., въ Австріи эта цифра увеличивается до 1 р. 95 к., въ Германіи до 2 р. 75 к., а во Франціи, вслѣдствіе предпринятыхъ въ послѣднее время въ организаціи вооруженныхъ силъ реформъ, до 4-хъ рублей (цифры 1872 года, по среднему курсу). Стало-быть, отсюда можно-бы вывести заключеніе, что у насъ эти расходы легче, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Но это только повидимому такъ. Эти 1 р. 90 к. выражаютъ лишь нашу бѣдность: не подлежитъ сомнѣнію, что для массы населенія платить такіа деньги несравненно тяжелѣе, чѣмъ для германца сумму вдвое большую. Къ тому-же наша цифра, во многихъ отношеніяхъ, ниже дѣйствительной. Въ нее не включены, какъ мы уже упоминали выше, натуральныя повинности и затѣмъ она получена дѣленіемъ суммы военныхъ расходовъ на общее число жителей, между которыми значительный процентъ ничего не платитъ, пользуясь положеніемъ привилегированнымъ или-же правами голаго человѣка, съ котораго, за продажу послѣдней коровы, и взять нечего.

Эти свойства нашего военного бюджета не могутъ быть кореннымъ образомъ уничтожены какими-нибудь паллятивными мѣрами, въ родѣ измѣненій въ нѣкоторыхъ его статьяхъ, потому что сущность дѣла заключается не въ томъ, а въ ненормальности положенія обширной и первобытной страны, которой нужно проявлять всѣ функціи западно-европейской государственной жизни. Безспорно, вслѣдствіе измѣненій въ администраціи, сокращенія числа высшихъ чиновъ и пр., нашъ военный бюджетъ сократился-бы на десятоть милліоновъ рублей. Это было бы, конечно, недурно, но немногимъ-бы исправило дѣло, не облегчило-бы плательщиковъ, а главное не остановило-бы увеличенія военного бюджета на будущее время. Ожидать же увеличенія бюджета мы имѣемъ полное право и вотъ на какихъ основаніяхъ: 1) цѣны на всѣ предметы, потребныя для арміи, годъ отъ году становятся дороже; 2) понятіе о томъ, что необходимо для солдата, становится шире и рациональнѣе и, наконецъ, 3) число нашихъ вооруженныхъ силъ постоянно возрастаетъ параллельно съ возрастаніемъ ихъ на Западѣ. Стало-быть, даже при идеальномъ военномъ бюджетѣ и образцо-

вой экономіи, военные расходы останутся для народа тѣмъ-же бременемъ, какимъ они были до сихъ поръ.

Какія-же могутъ быть радикальныя средства, чтобы облегчить народонаселенію тягость военныхъ расходовъ, предполагая, во всякомъ случаѣ, заранѣе, что въ самомъ бюджетѣ будутъ сдѣланы всѣ необходимыя сокращенія? Если принять, что мы не можемъ, по условіямъ внѣшней и внутренней политики, по составу нашего населенія, по слабой населенности территоріи и отсутствію путей сообщенія, еще болѣе сократить наши кадры мирнаго времени, а принять это необходимо,—то остается стремиться, съ одной стороны, вообще къ увеличенію благосостоянія народа настолько, чтобы тѣ-же расходы были ему менѣе обременительны, а затѣмъ, съ другой, распредѣлить расходы на населеніе болѣе строгимъ и правильнымъ способомъ.

II.

Но, независимо отъ денежныхъ расходовъ, содержаніе арміи требуетъ отъ населенія несравненно большихъ, личныхъ жертвъ, вслѣдствіе необходимости личной службы въ рядахъ войскъ.

Вопросъ о томъ, какимъ образомъ формировать армію, можетъ быть рѣшенъ двояко: могутъ поступать или одни желающіе, по собственной охотѣ, или всѣ, по обязанности. Эти системы пополненія арміи называются: первая—вербовочною, вторая—системою военной повинности. Въ средніе вѣка всѣ европейскія войска пополнялись исключительно вербовкою. Солдатъ набирали передъ войною и такъ-какъ постоянныхъ армій не было, то по минованіи надобности солдаты распускались по домамъ. Но расчетъ на удачную вербовку не всегда оправдывался; вслѣдствіе этого многія правительства начали обращаться къ другому, принудительному способу. Такимъ образомъ, было положено, въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій, начало военной повинности. Въ Пруссіи она была уже довольно развита при королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ I, который назначилъ для каждаго полка особый комплектующій округъ, на тотъ случай, когда вербовка окажется недостаточною. Во Франціи военная повинность получила свое начало при Генрихѣ IV и окончательно сформировалась при Людовикѣ

XIV. Хотя регулярная армія и пополнялась по-прежнему вербовкою, но войска, служившія для ея подкрѣпленія, а именно особая милиція или такъ-называемые провинціальные полки, комплектовались посредствомъ набора по тиражу.

Впрочемъ, эта повинность не была повинностью всеобщей. Вслѣдствіе рѣзкаго разграниченія между сословіями, высшіе классы населенія были отъ нея изъяты и она оставалась удѣломъ низшихъ сословій. Мало-по-малу эти привилегіи были распространены не только на все дворянство, но и на состоятельныхъ представителей городскихъ сословій; тѣми-же льготами пользовались иногда цѣлыя города и провинціи. Повинность, сдѣлавшаяся вслѣдствіе этого весьма тяжкою, была обязательною лишь для извѣстной части гражданъ государства, для самаго бѣднаго населенія.

Первая французская революція произвела переворотъ, между прочимъ, и въ системѣ комплектованія армій. Первоначально, въ видѣ реакціи противъ гнета прежнихъ принужденій, національное собраніе постановило, чтобы пополненіе рядовъ войскъ происходило не по принужденію, а добровольно, посредствомъ вербовки желающихъ. Но законъ этотъ продержался недолго и кончился крутымъ поворотомъ въ совершенно противоположную сторону. Когда республиканской Франціи начали со всѣхъ сторонъ угрожать арміи коалиціи, она вдругъ отреклась отъ вербовки и превозгласила общую обязанность всѣхъ гражданъ защищать отечество. Законъ всеобщей обязательной повинности, въ сущности вполне согласовавшійся съ республиканскими принципами, привился во Франціи какъ нельзя лучше и послужилъ впоследствии примѣромъ для другихъ народовъ. Правда, вмѣстѣ съ воцареніемъ Бонапарта, законъ о конскрипціи далъ ему весьма удобное средство для осуществленія самыхъ честолюбивыхъ завоевательныхъ замысловъ: помощью этого закона императорское правительство получило возможность постоянно формировать новыя арміи и безконечнымъ рядомъ войнъ, въ которыхъ пали цѣлыя поколѣнія французовъ, оно истощило страну до послѣдней крайности. Подъ вліяніемъ тягостнаго впечатлѣнія, произведеннаго этимъ злоупотребленіемъ всеобщей повинностью, общественное мнѣніе Франціи вновь начало высказываться противъ конскрипціи, такъ что Людовикъ XVIII нашелъ необходимымъ обѣщать націи полную ея отпѣну. Но скоро неудобства вербовки стали обнаруживаться еще

съ большею силою, чѣмъ прежде, и въ 1818 году обязательная повинность была вновь введена во Франціи и на этотъ разъ уже навсегда.

Какъ мы замѣтили выше, примѣръ Франціи не остался безъ подражанія. Всѣ европейскія державы убѣдились въ превосходствѣ національныхъ армій, сформированныхъ на началахъ обязательной военной повинности, передъ наемными дружинами, составленными ихъ солдаты по ремеслу, которые очень часто оказывались одинаково готовыми предложить свои услуги и той, и другой сторонѣ. Новыя начала представляли возможность тѣсно сплотить армию во имя нравственныхъ принциповъ, чувства долга и обязанности защищать отечество. Наконецъ, новый порядокъ организациі вооруженныхъ силъ былъ несравненно *выгоднѣе* стараго, потому что обходился дешевле. Побитая Франціею Пруссія, проникнувшись идеями общеобязательной повинности, счумѣла дать имъ самое широкое развитіе и найти въ нихъ источникъ постоянно возрастающихъ силъ, такъ что сама Франція первая убѣдилась въ томъ, на-сколько была сильна прусская молодая національная армія. Дальнѣйшее движеніе вопроса о военной повинности въ европейскихъ арміяхъ заключалось въ томъ, что эта идея мало-по-малу укрѣплялась и повинность становилась дѣйствительно общеобязательною для всѣхъ сословій, какъ высшихъ, такъ и низшихъ. Вербовка почти совершенно вышла изъ употребленія и въ настоящее время представляетъ совершенно явленіе исключительное.

Изъ всѣхъ значительныхъ европейскихъ государствъ одна Англія не раздѣляетъ общихъ взглядовъ на принципъ личной службы и до сихъ поръ основываетъ свои вооруженныя силы на вербовкѣ. Но условія, при которыхъ исторически сложилось это государство и въ которыхъ оно существуетъ въ настоящее время, слишкомъ рѣзко отличаются отъ условій континентальныхъ державъ, чтобы возможно было проводить между ними какую-нибудь параллель. Англія не нуждается въ большой арміи, потому что ея вооруженныя силы заключаются, главнѣйшимъ образомъ, во флотъ, который можетъ ей служить и для наступательныхъ дѣйствій, и какъ средство для обороны ея собственныхъ береговъ. Высадку на англійскіе берега, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ совершаются нынѣ вторженія армій одного государства въ предѣлы другого,

также трудно предвидѣть. Поэтому незначительныя сухопутныя силы, которыя содержитъ Англія въ Европѣ, для нея вполне достаточны, а при небольшой арміи ей возможно ограничиваться вербовкою. Къ тому-же вербовка и связанная съ нею свобода гражданъ поступать или не поступать въ армію остались въ Англіи какъ наслѣдіе прежнихъ временъ,—наслѣдіе, которое англичане хранятъ такъ-же ревниво, какъ и всякое переходящее къ нимъ историческимъ путемъ право и учрежденіе. Наконецъ, Англія располагаетъ столь значительными финансовыми средствами, что для нея легко тратить самыя почтенныя суммы на содержаніе своей скромной арміи, въ особенности въ видѣ жалованья и премій своимъ вербованнымъ солдатамъ. Но, несмотря на очевидную привязанность англичанъ къ вербовкѣ, и въ Англіи существуютъ извѣстные виды вооруженной силы, назначенные для обороны страны, въ случаѣ вторженія въ нее непріятеля, которые комплектуются обязательною повинностію: такова конная милиція и милиція графствъ. Съ другой стороны, въ Англіи начинаютъ раздаваться голоса въ пользу обязательности военной повинности.

Кромѣ Англіи, вербовка существуетъ еще, въ видѣ вспомогательнаго средства, для пополненія извѣстныхъ частей, въ арміяхъ шведской и голландской. У насъ она сохранена только для финскаго стрѣлковаго баталіона, въ силу особой конституціи, которою пользуется Финляндія.

Нѣкоторые экономисты рассматриваютъ вербовку съ той точки зрѣнія, что она представляетъ будто-бы свободный выборъ труда, обезпечивающій въ одинаковой мѣрѣ и хорошій составъ арміи, и благосостояніе всего государства. Но дѣло въ томъ, что для того класса населенія, который поставляетъ наибольшій контингентъ вербующихся, военная служба далеко не свободный выборъ труда, а всего чаще необходимость, крайность. Наконецъ, если-бы соображенія вербующагося, въ силу которыхъ онъ поступаетъ въ ряды, и носили характеръ свободного выбора, то поощрять въ народѣ взглядъ на службу исключительно какъ на извѣстный трудъ, какъ на ремесло, едва-ли благоразумно; гораздо вѣрнѣе будетъ назвать военную службу однимъ изъ обязательствъ, которыя долженъ принимать на себя, ради общихъ интересовъ, каждый членъ общества. Что касается благосостоянія

страны, то развитіе особаго класса солдатъ по ремеслу, стоящихъ особнякомъ отъ прочаго населенія, не только не содѣйствуетъ общей пользѣ, но, напротивъ, скорѣе ей противорѣчитъ: оно можетъ развитъ весьма непривлекательный видъ пролетаріата, образцы котораго намъ знакомы по отставнымъ экземплярамъ прежняго времени. Если-бы для подкрѣпленія всѣхъ приведенныхъ противъ вербовки доводовъ потребовались еще доказательства съ точки зрѣнія специально военной, то ихъ можно было-бы привести весьма много; но такъ-какъ въ военной литературѣ этотъ вопросъ давно уже считается рѣшеннымъ въ смыслѣ отрицательномъ, то мы находимъ бесполезнымъ останавливаться на немъ подробно.

Русская армія, въ своемъ историческомъ развитіи, перешла по вопросу о комплектованіи черезъ тѣ-же самыя фазы, какъ и западныя арміи. Въ первой половинѣ XVI столѣтія у насъ еще не было постоянного войска. Въ случаѣ войны собиралось ополченіе изъ дворянъ и боярскихъ дѣтей, которые являлись совершенно снаряженными, съ запасами продовольствія на все время войны, и приводили съ собой извѣстное число людей изъ своихъ помѣстій, сообразно тому количеству земли, которымъ они владѣли. Кромѣ этихъ служилыхъ людей, подобная-же конная и пѣшая рать собиралась и изъ даточныхъ людей, т. е. изъ низшаго сословія. Но во второй половинѣ того-же XVI вѣка московскіе цари, не довольствуясь временными ополченіями, стали заводить постоянное войско: во-первыхъ, были учреждены въ видѣ особой, замкнутой военной касты стрѣльцы; во-вторыхъ, организованы полки рейтарскіе, драгунскіе и солдатскіе. Комплектованіе этихъ полковъ производилось посредствомъ вербовки, при чемъ старались привлекать на службу иностранцевъ, болѣе нашего искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ; но въ то-же время имѣли право вербоваться и русскія боярскія дѣти, казаки и всякіе вольные охочіе люди.

Таково было положеніе нашихъ военныхъ силъ до Петра Великаго. Одною изъ первыхъ крупныхъ мѣръ Петра—мѣрою скорѣе политической, чѣмъ военною, было уничтоженіе стрѣльцовъ. Ослабивъ, такимъ образомъ, до извѣстной степени свои военныя силы и въ то-же время нуждаясь въ нихъ болше, чѣмъ его предшественники, Петръ не могъ ограничиться однимъ малочисленнымъ вербованнымъ войскомъ. И вотъ, гораздо раньше Запада, у насъ

является своя самостоятельная военная повинность. Становясь на ту совершенно вѣрную точку зрѣнія, что чѣмъ выше общественное положеніе какого-нибудь лица, тѣмъ болѣе онъ обязанъ службою государству, царь указалъ, чтобы все высшее сословіе, всѣ дворяне несли обязательную службу государству; въ то-же время, для сбора людей изъ даточныхъ, онъ установилъ постоянные рекрутскіе наборы. Первоначально эти наборы естественно не имѣли надлежащей правильности и скорѣе походили на періодическіе сборы прежнихъ даточныхъ, чѣмъ на наборы въ точномъ смыслѣ этого слова, но мало-по-малу они установились на прочныхъ основаніяхъ и съ 1714 года стали всеобщими. Основной ихъ принципъ заключался въ томъ, что была установлена извѣстная уравнительность между имѣніями, которыя должны были поставлять рекрутъ, но дальше этого, въ опредѣленіе, кого именно слѣдуетъ взять и кого оставить, — законодательство не входило, предоставляя рѣшеніе этого вопроса отдатчикамъ.

Въ такомъ-же направленіи производились наборы и при преемникахъ Петра, но духъ первоначальнаго закона значительно измѣнился. Прежде всего были введены различныя изъятія и льготы, которыя постепенно сильно разрослись и, въ концѣ-концевъ, совершенно устранили высшее сословіе отъ одинаковой съ низшими классами общества обязанности служить государству (Грамота о вольности 1762 года). Въ то-же время произволь, предоставленный отдатчикамъ въ выборѣ людей для поставки рекрутъ, побуждалъ ихъ сбывать въ армію людей ненадежныхъ, порочныхъ, вообще тѣхъ, отъ которыхъ они хотѣли отдѣлаться, вслѣдствіе чего и въ обществѣ, и въ законодательствѣ началъ укореняться взглядъ на службу, какъ на наказаніе; неудовлетворительное содержаніе тогдашнихъ войскъ и суровая дисциплина въ нѣкоторой мѣрѣ оправдывали подобное воззрѣніе. Правительство, съ своей стороны, утвердило этотъ взглядъ признаніемъ за судебными мѣстами права назначать военную службу, какъ наказаніе за извѣстныя преступленія.

Только въ началѣ XIX столѣтія мы усматриваемъ первыя попытки законодательства установить большую правильность въ опредѣленіи лицъ, подлежащихъ сдачѣ въ рекруты. Рядомъ съ прежней крупной единицей, подлежавшей учету — помѣстьемъ, устанавливается единица несравненно меньшая — семья и взиманіе ре-

крутъ происходитъ изъ семействъ, по-очереди. До опредѣленія отношеній къ военной повинности каждой отдѣльной личности законодательство все еще не доходитъ, признавая болѣе удобнымъ опираться на семейное начало, которое, при условіяхъ нашей жизни, было и началомъ экономическимъ, такъ-какъ наша семья представляла собою не только совокупность лицъ, связанныхъ извѣстными степенями родства, но и ассоціацію рабочихъ силъ, связанныхъ интересами имущественными. Законодательство стремилось этимъ путемъ облегчить населенію исполненіе возложенной на него повинности, ибо въ основаніи лежалъ тотъ взглядъ, что семейству, обладающему болѣе рабочими силами, легче удѣлить для службы одного изъ своихъ членовъ, чѣмъ семейству съ меньшими рабочими силами. Основанная на указанномъ началѣ *очередная* система была выработана и окончательно формулирована въ рекрутскомъ уставѣ 1831 года. Но власти помѣщичьей уставъ не тронулъ и не поколебалъ. Признавъ очередную систему, какъ общій порядокъ, для всѣхъ свободныхъ сословій, подлежащихъ повинности, онъ сохранилъ за помѣщиками прежнее право сдавать изъ своихъ помѣстій людей по собственному усмотрѣнію. Исторія крѣпостного права даетъ намъ многочисленныя примѣры, какъ тяжело былъ для крестьянъ произволъ помѣщиковъ и къ какимъ онъ велъ злоупотребленіямъ. Затѣмъ уставъ 1831 года опредѣлилъ и 25-лѣтній срокъ службы, который позднѣе сталъ нѣсколько сокращаться посредствомъ безсрочныхъ отпусковъ.

Первыя, правда весьма слабыя, такъ-сказать, эмбріональныя стремленія установить по военной повинности непосредственныя отношенія между личностью и государствомъ возникли въ 1836 году. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ графу Киселеву, который предложилъ замѣнить для государственныхъ крестьянъ прежній очередной порядокъ новымъ—*жеребьевымъ*. Въ сущности, предложеніе это вовсе не было основано на мысли о необходимости, при постепенно развивающейся жизни, установить прямыя отношенія между личностью и государствомъ. Происхожденіе проекта было несравненно проще и вызывалось многочисленными затрудненіями, съ которыми была сопряжена на практикѣ *очередная* система. Основаніе этой системы покоилось прежде всего на учетѣ рабочей силы въ семействѣ, на томъ, чтобы брать рекрутъ изъ

того семейства, въ которомъ число рабочихъ больше; возрастъ рекрутъ опредѣлялся отъ 20 до 35 лѣтъ. Сложность и запутанность учета была поводомъ къ нескончаемымъ жалобамъ крестьянъ, которые находили, что очередь соблюдается неправильно, и, дѣйствительно въ этомъ дѣлѣ царствовалъ полнѣйшій произволъ. Затѣмъ допущеніе въ рекруты людей уже немолодого возраста, очень часто семейныхъ, разстраивало хозяйственный и семейный бытъ крестьянъ, держало народъ цѣлыя 15 лѣтъ (отъ 20 до 35 л.) въ тревожномъ состояніи относительно его будущности, а армія давала нерѣдко старыхъ и неспособныхъ солдатъ. Желая устранить эти недостатки, графъ Киселевъ предложилъ порядокъ, представлявшій нѣчто среднее между конскрипціею западныхъ государствъ и нашею очередною системою. Молодые люди 21-лѣтняго возраста были раздѣлены на три разряда, смотря по рабочей силѣ семействъ, къ которымъ они принадлежали и затѣмъ призывались къ вынугію жребія по порядку, начиная съ разряда наиболѣе многорабочаго. Ко второму или третьему разряду переходили только въ тѣхъ случаяхъ, когда не хватало требуемаго числа рекрутъ въ разрядѣ высшемъ.

Мысль Киселева встрѣтила одобреніе и жеребьевый порядокъ былъ постепенно введенъ (къ 1854 году) между всѣми государственными крестьянами, за исключеніемъ Сибири. На-сколько эта мѣра согласовалась съ желаніями самого населенія—сказать трудно. Говоря вообще, жеребьевая система была, дѣйствительно, рациональнѣе очередной, особенно понимая послѣднюю не въ смыслѣ теоріи, а въ смыслѣ практики. Мы уже упоминали, что крестьяне сами непрерывно жаловались на неправильныя очереди и другія неудобства, связанныя съ очередной системою. Эти неудобства устранялись въ данномъ случаѣ жребіемъ и призывомъ лицъ одного опредѣленнаго возраста; казалось, новая система должна была удовлетворить населеніе. Между тѣмъ она далеко не вездѣ была встрѣчена сочувственно. Такъ, напр., когда въ 1854 году хотѣли ввести жеребьевый порядокъ между крестьянами, приписанными къ алтайскимъ и олонекимъ горнымъ заводамъ; и обратились къ нимъ съ вопросомъ, что они желаютъ: остаться-ли при прежней очередной системѣ или перейти на жеребьевую, то сорокъ водостей единогласно выразились въ пользу старой, очередной системы. Тѣмъ не менѣе жеребьевый порядокъ былъ введенъ съ нѣ-

которыми измѣненіями, кромѣ государственныхъ крестьянъ, въ мѣщанскихъ обществахъ и у однодворцевъ и гражданъ западныхъ губерній. Для мѣщанъ онъ казался особенно необходимымъ, такъ-какъ въ мѣщанскомъ сословіи большія семьи составляли явленіе болѣе исключительное, чѣмъ въ средѣ крестьянъ, а потому очередная система ложилась у первыхъ всею тяжестью на небольшое число многорабочихъ семействъ. Дѣйствительно, многія мѣщанскія общества приняли его съ удовольствіемъ, другія-же отъ него отказались, желая остаться при старомъ.

Съ освобожденіемъ въ 1861 году бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, которые отбывали рекрутскую повинность по усмотрѣнію самихъ владѣльцевъ, правительству предстоялъ вопросъ: какой системы должны они держаться на будущее время? Правительство поступило весьма осторожно и, не стѣняя ихъ ничѣмъ, предложило самимъ рѣшить, какой порядокъ для нихъ удобнѣе. Но и тутъ выразилась полная разладаца во взглядахъ: одни хотѣли одного, другіе другого, такъ-что оставалось только согласиться и съ тѣми, и съ другими, что и было сдѣлано.

Дальнѣйшая дѣятельность законодательства по вопросу о военной повинности не внесла въ нее ничего существенно новаго. Всѣ сознавали тягость рекрутчины, всѣ желали замѣнить ее чѣмъ-нибудь новымъ и болѣе совершеннымъ, но въ то-же время никто не могъ этого сдѣлать, потому что палативныя мѣры не помогали, а на радикальныя никто не рѣшался. Тѣмъ не менѣе такія нововведенія, какъ облегченіе правилъ при приемѣ рекрутъ, уничтоженіе бритья лбовъ, сохраненіе за поступающими на службу извѣстныхъ имущественныхъ и гражданскихъ правъ въ средѣ ихъ обществъ — не могли не повліять на измѣненіе взглядовъ общества на рекрутскую повинность, и притомъ въ смыслѣ ея облегченія. Но всего важнѣе были, въ этомъ отношеніи, реформы, послѣдовавшія въ самой арміи. Въ 1859 году прежній четвертевѣковой срокъ службы, былъ сокращенъ до пятнадцати лѣтъ, съ правомъ на безсрочный отпускъ послѣ двѣнадцатилѣтней службы; въслѣдствіи срокъ выслуги безсрочнаго отпуска уменьшенъ до 10 лѣтъ. Отмѣна постановленій объ отдачѣ въ военную службу преступниковъ, исключеніе изъ кодекса наказаній шпицрутеновъ, уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній для всей арміи, за исключеніемъ особаго раз-

ряда штрафованныхъ, наконецъ, введеніе гласнаго военнаго суда— все это еще болѣе способствовало къ возвышенію нравственнаго уровня арміи и къ разсѣянію вкоренившагося въ народѣ безотраднаго на нее взгляда. Дѣйствительно, противъ стараго стало лучше, но военная повинность по-прежнему оставалась тяжелымъ бременемъ, какъ вслѣдствіе продолжительнаго срока службы, такъ и вслѣдствіе того, что она касалась не всего населенія, а только извѣстной его части.

III.

Между тѣмъ въ общемъ строѣ жизни нашего народа произошелъ крупный переворотъ. Освобожденіе отъ крѣпостной зависимости крестьянъ и судебная реформа оказали замѣтное нивелирующее вліяніе на различныя сословія государства; низшіе классы стали отчасти пользоваться тѣми-же правами, какія имѣютъ высшіе, и обратно, высшіе классы были низведены, въ извѣстной степени, съ того привилегированнаго положенія, которое успѣло создать для нихъ и какую-то особенную, благородную нравственность и какія-то особенныя, весьма легкія, обязанности. Старое зданіе, разъ тронутое, требуетъ болшею частью капитальной перестройки. Поколебленныя основы нашего стараго порядка вызвали и дальнѣйшія преобразованія въ томъ-же духѣ. Останавливаться на полъ-пути было-бы неблагоразумно. Вмѣсто упраздненной силы, будь это хоть даже сила преданій и рутинъ, законодателю неизбѣжно нужно вызвать къ жизни элементы новой силы, основанной на разумной системѣ общественныхъ отношеній, равныхъ обязанностей и равныхъ правъ. Это не прихоть, не случайныя правительственныя импровизаціи: это неизбѣжный ходъ вещей, бороться противъ котораго—въ концѣ концовъ, пустая и вредная трата времени. Истина эта несомнѣнна, хотя не всѣ ее знаютъ.

Естественно, что реформа должна была коснуться и организаціи нашихъ вооруженныхъ силъ, тѣмъ болѣе, что требованія экономическія вполнѣ сходились въ этомъ случаѣ съ спеціальными военными требованіями. Что-же остается дѣлать? Конечно, прежде всего то-же, что нужно сдѣлать и съ государственными

расходами, и что, дѣйствительно, произойдетъ, когда будетъ объявлена податная реформа,—т. е. распредѣлить эту повинность на все населеніе, какъ можно равномернѣе, иначе—сдѣлать ее обязательною для всѣхъ безъ исключенія.

Мы видѣли, что способы, которыми наше населеніе отбываетъ военную повинность, сводятся къ двумъ системамъ: очередной и жеребьевоу. Но кромѣ указанныхъ двухъ главныхъ подраздѣленій, существуетъ еще нѣсколько второстепенныхъ. Такъ въ жеребьевоу системѣ можно различить три различные вида, которые отличаются другъ отъ друга многими частностями. Населеніе Царства Польскаго отбываетъ повинность также на особомъ основаніи, по конскрипціи, представляющей почти среднее между нашею жеребьевоу системою и западною конскрипціею, но съ раздѣленіемъ на разряды по возрасту и семейному положенію и съ призывомъ, въ случаѣ надобности, людей начиная отъ 20 до 30 л. отъ роду. Вообще-же обязательной рекрутской повинности подлежатъ у насъ только сословія, платящія въ казну подать подушную или ей соотвѣтствующую, т. е. мѣщане и крестьяне. Высшія сословія, дворяне потомственные и личные, духовенство, почетные граждане и купцы, затѣмъ колонисты, жители нѣкоторыхъ отдаленныхъ мѣстностей и т. д., совершенно освобождены отъ повинности. А такъ-какъ и въ сакой средѣ подлежащаго повинности населенія, въ свою очередь, также допущены многочисленныя частныя изыятія, по причинамъ семейнымъ, общественнымъ и пр., то оказывается, что на 24^{1/2} милліона лицъ, отбывающихъ повинность, освобождены 5^{1/2} милліоновъ, т. е. почти ¹/₅ часть мужского населенія *). Собственно говоря, цифру 24^{1/2} милліона слѣдуетъ еще уменьшить почти на одинъ милліонъ, вслѣдствіе того, что около милліона пользуется правомъ вмѣсто личнаго поступленія въ рекруты уплачивать въ казну опредѣленную разъ навсегда сумму денегъ, которая несравненно ниже стоимости зачетной квитанціи. Это дѣлаетъ отношеніе между цифрою населенія, отбывающаго личную повинность, и числомъ пользующихся льготами еще болѣе невыгоднымъ. Въ то-же время, та самая часть населенія, которая

---

*) Въ этотъ расчетъ не введены жители Царства Польскаго, Финляндіи и войска регулярныя и нрегулярныя.

ставить рекрутъ натурою, независимо отъ всѣхъ другихъ пода-тей, обложена по сдачѣ рекрутъ еще и значительнымъ денежнымъ сборомъ. Такимъ образомъ, вся тягость военной повинности падаетъ на сравнительно небольшую долю населенія и не дастъ того количества арміи, которое-бы соответствовало географическому и политическому положенію Россіи.

Всѣ эти недостатки, представляющіе рѣзкую противоположность съ системами военной повинности, давно уже усвоенными западными державами, привели, наконецъ, къ рѣшительному шагу. Быть можетъ, впрочемъ, кромѣ этихъ общихъ причинъ, подѣйствовало на рѣшеніе вопроса желаніе имѣть въ средѣ населенія достаточный запасъ людей, прошедшихъ ряды арміи. Какъ-бы то ни было, но когда правительственнымъ актомъ отъ 25-го декабря 1870 года было объявлено о введеніи у насъ общеобязательной и личной военной повинности и въ то-же время изданы руководящія основанія для дальнѣйшей разработки вопроса, военная повинность перешла въ совершенно новый фазисъ развитія. Общія основанія предполагаемой реформы заключались, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: защита отечества была признана священною обязанностію *каждаго* русскаго подданнаго, при чемъ всѣ лица мужского пола втеченіи опредѣленнаго числа лѣтъ должны нести лично военную повинность. Наборъ производится ежегодно выборомъ по жребію изъ общаго числа лицъ, достигшихъ 21-лѣтняго возраста. Не допускаются никакія извѣтія, имѣющія характеръ привилегій, а признаются лишь нѣкоторыя льготы, по причинамъ семейнымъ и для обезпеченія народнаго образованія, народнаго хозяйства и промышленности. Замѣщенія или отгуны совершенно не допускаются. Общій срокъ службы распределяется такимъ образомъ, что часть его приходится на состояніе въ дѣйствительной службѣ, другая на безсрочный отпускъ и третья на запасъ. Для облегченія образованныхъ классовъ допускается сокращенная дѣйствительная служба, въ качествѣ вольноопредѣляющихся. Въ помощь арміи созывается въ чрезвычайныхъ случаяхъ ополченіе. Во всей имперіи вводится одна общая повинность, за исключеніемъ казачьихъ земель, инородческаго населенія на окраинахъ и Великаго Княжества Финляндскаго.

Общественное мнѣніе, по крайней мѣрѣ, общественное мнѣніе

наиболѣе интеллигентной части нашего общества — встрѣтило мысль о всеобщей военной повинности весьма сочувственно. Были, правда, люди противоположнаго образа мыслей и голоса ихъ раздаются даже и теперь, но они проявляютъ свои задушевные стремленія довольно увертливо и робко. Возраженія недовольныхъ этого забала бываютъ иногда по-истинѣ курьезны: наприимѣръ, они приводятъ тотъ доводъ, что привилегіи дворянству даны государями на вѣчныя времена, — слѣдовательно, отнять ихъ нельзя; или-же говорятъ, что благородное дворянство незначѣмъ тащить насильно на службу, потому что оно и добровольно отдаетъ себя всецѣло служенію отечеству въ разныхъ сферахъ государственной дѣятельности; наконецъ, что Западъ намъ не указъ и что привлекать развитыхъ людей къ военной службѣ въ то время, когда они могутъ своими познаніями приносить государству несравненно большую пользу на другихъ поприщахъ, нерасчѣтливо. Собственно если и стоитъ останавливаться на этихъ возраженіяхъ, то развѣ на послѣднемъ, но и оно легко устраняется, если мы вспомнимъ, что для образованныхъ людей, которые всегда могутъ поступить вольноопредѣляющимися, служба будетъ очень кратковременною, а стало быть, и необременительною. Между тѣмъ они-то и дадутъ арміи то достоинство и ту связь съ обществомъ, которыя такъ желательны во многихъ отношеніяхъ, и для пользы арміи, и для пользы всего общества.

Такимъ образомъ, комиссія о военной повинности, которой было поручено развить преподаанныя ей руководящія основанія и составить положеніе, не встрѣтила серьезныхъ затрудненій со стороны общественнаго мнѣнія; но за то ей пришлось испытать дѣйствительныя затрудненія иного рода, вслѣдствіе недостатка вполне точныхъ и опредѣленныхъ статистическихъ цифръ, и хотя усилія ея въ этомъ отношеніи заслуживаютъ полнаго сочувствія, но мы склонны думать, что на практикѣ отсутствіе прочной статистической почвы все-таки поведетъ ко многимъ неожиданностямъ. Занятія комиссіи, тянувшіяся два года, недавно закончены, и проектъ устава переданъ для окончательнаго разсмотрѣнія и утвержденія въ высшую законодательную инстанцію — Государственный совѣтъ. Въ своихъ работахъ комиссія вполне прониклась либеральнымъ духомъ руководящихъ началъ, изложен-

ныхъ въ извѣстномъ намъ правительственномъ актѣ, что не помѣшало ей, однако, отнести къ фактической ихъ сторонѣ вполне самостоятельно.

Хотя выработанный комиссіею и пересмотрѣнный въ особомъ присутствіи государственнаго совѣта уставъ не имѣетъ еще силы закона, а стало быть подлежить дальнѣйшимъ измѣненіямъ въ общемъ присутствіи государственнаго совѣта, гдѣ онъ нынѣ разсматривается, но трудно думать, чтобы эти измѣненія нарушили общій его характеръ и были-бы существенны. Поэтому мы не рискуемъ особенно ошибиться, если познакоимся съ нашею будущею военною повинностью по той редакціи ея устава, которая нынѣ извѣстна.

IV.

Защиту отечества, а стало быть, и военную службу, уставъ признаетъ обязательною для всѣхъ гражданъ государства, безъ права выкупа или замѣны, оговаривая, что неотбывшимъ эту повинность и имѣющимъ отъ роду отъ 15 до 21 года воспрещается оставленіе русскаго подданства.

Этимъ прибавленіемъ затронуть весьма существенный вопросъ. Извѣстно, что по нашимъ законамъ оставленіе русскаго подданства вообще воспрещено, хотя верховная власть, въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, и можетъ разрѣшить переходъ въ подданство иностранной державы. Но такъ-какъ подобное запрещеніе ведетъ за собою только частое нарушеніе закона, а потому не достигаетъ цѣли, то правительство признаетъ необходимымъ вновь рассмотреть этотъ вопросъ законодательнымъ порядкомъ; указанная статья устава даетъ надежду, что онъ будетъ рѣшенъ утвердительно.

Воинская повинность заключается, во-первыхъ, въ службѣ въ рядахъ арміи или флота; во-вторыхъ, въ зачисленіи въ запасъ арміи или флота и, наконецъ, въ службѣ въ ополченіи, созываемомъ въ особыхъ случаяхъ для обороны государства. Казаки войска и инородцы отбываютъ повинность на особыхъ основаніяхъ. Въ армію и флотъ, а затѣмъ въ запасъ поступаютъ тѣ лица, на которыхъ выпадетъ жребій; въ ополченіе-же, въ случаѣ

его призыва, все мужское население поголовно, отъ призывнаго до 40-лѣтняго возраста влючительно, причемъ четыре младшихъ возраста могутъ быть обращены и на пополненіе дѣйствующихъ войскъ. Наборы производятся ежегодно, съ 1 ноября по 15 декабря, а въ Сибири съ 15 октября по 31 декабря и къ нимъ призываются всѣ молодые люди, которымъ къ 1 января года призыва исполнилось двадцать лѣтъ отъ роду, т. е. въ наборѣ будутъ участвовать всѣ молодые люди на 21 году своей жизни. Флотъ комплектуется жителями опредѣленныхъ мѣстностей и лицами, занимавшимися морскимъ дѣломъ. Сверхъ обязательнаго поступленія по набору, уставъ допускаетъ поступленіе на службу вольноопредѣляющимися и охотниками. Общій срокъ службы въ арміи назначается пятнадцатилѣтній, изъ коихъ шесть лѣтъ дѣйствительной службы (шестой годъ во временномъ отпускѣ) и девять лѣтъ запаса, причемъ эти частныя цифры для нѣкоторыхъ частей войскъ нѣсколько видоизмѣняются. Во флотѣ общій срокъ десять лѣтъ: семь дѣйствительной службы и три запаса. Чины запаса арміи призываются на учебныя сборы, но не болѣе двухъ разъ за все время состоянія въ запасѣ. Лица, поступившія на службу, сохраняютъ всѣ свои личныя и имущественныя права по состоянію, а чины запаса подчиняются, сверхъ того, и общимъ уголовнымъ законамъ. Призрѣніе семействъ чиновъ запаса и ратниковъ ополченія, призванныхъ на службу, возлагается на городскія и сельскія общества.

Приведенныя общія положенія предположеннаго устава, по своему направленію и духу, вполне отвѣчаютъ всѣмъ требованіямъ, какъ военнымъ, такъ и государственнымъ. Воспрещеніемъ выкупа и замѣны, а также уничтоженіемъ всякаго рода привилегій, законъ признаетъ высшій принципъ государственной жизни—равноправность. Дѣйствительно, если допустить замѣну или какія-бы то ни было преимущественныя и сословныя льготы, то повинность можетъ совершенно утратить характеръ личной общеобязательной и обратиться для состоятельныхъ классовъ населенія въ нѣкоторый денежный налогъ, который будетъ во всякомъ случаѣ для богатыхъ легче, чѣмъ личная повинность для бѣдныхъ. Нѣкоторые, смотря на дѣло съ фискальной точки зрѣнія, готовы соблазниться выкупною суммою, которою можетъ себя вознаградить правительство, но этотъ барышъ ничтоженъ срав-

нительно съ тѣмъ нравственнымъ вредомъ, который повлечетъ за собою фактическое освобожденіе отъ службы высшихъ классовъ населенія. Поэтому первое условіе дѣйствительно обязательной повинности—это отсутствіе замѣны и денежнаго выкупа: въ этомъ заключается вся ея сущность, въ этомъ ея нравственная сила. Конечно, можно быть заранѣе увѣреннымъ, что указанное обстоятельство способно возбудить противъ себя, въ извѣстной части общества, всего больше неудовольствій. Будемъ, однако, думать, что это нибого не смутить.

Такимъ образомъ, сословный принципъ оставленъ безъ вниманія. Въ томъ-же уставѣ мы встрѣчаемъ дальше статью, что въ самой службѣ всѣ лица сохраняютъ всѣ свои права по состоянію—дворянинъ остается дворяниномъ, крестьянинъ—крестьяниномъ. Конечно, лишать правъ состоянія составители устава не имѣли права и мы указываемъ на это обстоятельство только съ тѣмъ, чтобы привести новое доказательство непримѣнимости сословныхъ правъ къ военной службѣ. Два человѣка, поступившіе въ службу при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, стоящіе рядомъ и исполняющіе одну службу, будутъ пользоваться разными правами. Можетъ-ли это положеніе быть выгодно въ интересахъ самой арміи?

Такъ-какъ крестьянское сословіе, по-прежнему, будетъ доставлять главный контингентъ рекрутъ, то комиссія не могла не принять въ особое соображеніе специально крестьянскихъ интересовъ. Руководствуясь ими, а равно и интересами арміи, установленъ новый противъ нынѣшняго срокъ для наборовъ, которые на будущее время будутъ производиться не въ началѣ года, а въ концѣ, тотчасъ послѣ окончанія полевыхъ работъ. Для арміи этотъ порядокъ будетъ удобнѣе прежняго, потому что весной каждаго года въ ея рядахъ будутъ уже болѣе или менѣе обученные солдаты, а не новыя рекруты, какъ прежде.

Хотя всѣ эти частности имѣютъ безспорно важное значеніе, но для всего населенія безъ исключенія еще болѣе существенны слѣдующіе три основныя вопроса: о призывномъ возрастѣ, о размѣрѣ годового контингента и о срокахъ службы.

Съ военной точки зрѣнія, рекрутъ окончательно сформировавшийся и окрѣпшій физически долженъ быть, естественно, предпочтенъ рекруту, находящемуся еще въ періодѣ развитія, организмъ котораго неспособенъ проявить полной силы и устойчи-

вості. Хотя взгляды медицины на этотъ предметъ еще не установились, тѣмъ не менѣе большинство полагаетъ, что для нашего племени и въ нашихъ широтахъ организмъ достигаетъ наибольшаго развитія въ возрастѣ около двадцати пяти лѣтъ. Стало бытъ, съ точки зрѣнія военныхъ требованій, этотъ возрастъ былъ-бы самымъ удобнымъ для призыва населенія къ отбыванію военной повинности: армія состояла-бы изъ солдатъ совершенно окрѣпшихъ, а это повліяло-бы на уменьшеніе въ ея рядахъ болѣзненности и смертности, на сокращеніе расходовъ по военно-врачебной части и, наконецъ, на увеличеніе ея способности переносить боевые труды и лишения. Последнее было-бы извѣстнымъ выигрышемъ и для населенія, потому что возвращало-бы въ его среду все еще сильныхъ и способныхъ къ работѣ людей. Но зато въ другихъ отношеніяхъ, съ точки зрѣнія основныхъ интересовъ населенія, двадцатипятилѣтній возрастъ не можетъ не быть признанъ слишкомъ позднимъ. Въ этомъ возрастѣ масса людей не только избираетъ себѣ окончательно какой-либо опредѣленный родъ занятій, но и обзаводится семействомъ; привлекать ихъ въ это время на службу—значило-бы разстраивать семейный и экономическій ихъ бытъ. На этомъ основаніи во всѣхъ западныхъ государствахъ для призыва принять болѣе ранній возрастъ. Такъ въ Германіи и въ Австріи обязанность служить въ войскахъ или во флотѣ начинается съ 1 января того года, въ которомъ молодому человѣку исполняется 20 лѣтъ; стало бытъ, средній возрастъ призывныхъ въ Германіи и Австріи—20 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ.

Чтобы согласить указанная нами военныя требованія съ интересами населенія и остановиться на извѣстномъ возрастѣ, очевидно, не существуетъ никакого опредѣленнаго закона. Съ точки зрѣнія физическаго развитія, для каждой отдѣльной мѣстности можетъ бытъ, правда, найденъ лучший по развитію физической стороны организма, возрастъ; но во-первыхъ, законъ не можетъ въ этомъ отношеніи допускать разнообразія, а во-вторыхъ, обращаясь къ интересамъ самаго населенія, можно только сказать, что чѣмъ раньше призывной отбудетъ повинность, тѣмъ лучше, тѣмъ скорѣе онъ возвратится домой и примется за производительный трудъ, — разумѣется, если не растратитъ своихъ силъ: сильный работникъ нуженъ въ хозяйствѣ столько-же, сколько въ

войсѣ сильный солдатъ. У насъ выборъ возраста труднѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, такъ-какъ, при обширности территоріи, разнообразіи климатовъ, среди которыхъ живетъ населеніе, и племенныхъ различіяхъ, нѣтъ никакой возможности установить общую норму на вполнѣ рациональныхъ основаніяхъ. Отсутствие надлежащихъ статистическихъ данныхъ увеличиваетъ названныя затрудненія и приводитъ къ необходимости рѣшить вопросъ крайне эмпирически. На основаніи разныхъ соображеній, коммиссія порѣшила остановиться на томъ, чтобы призывать молодыхъ людей не моложе 20 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ и не старше 21 года 10 мѣсяцевъ, такъ-что средній возрастъ будетъ 21 годъ и 4 мѣсяца. Онъ выше возраста, принятаго въ Германіи и Австріи, что вполнѣ рационально, ибо населеніе этихъ странъ, вслѣдствіе разныхъ соціальныхъ и климатическихъ условій, развивается быстрѣе нашего.

При одной и той-же цифрѣ арміи, размѣръ годового контингента рекрутъ опредѣляется числомъ лѣтъ службы: чѣмъ срокъ короче, тѣмъ контингенты должны быть больше. Съ другой стороны, контингентъ обуславливается ежегоднымъ числомъ молодыхъ людей, достигающихъ опредѣленнаго (напр., у насъ 21-лѣтняго) возраста. Относительно цифры 21-лѣтневоу затрудненія встрѣтиться не можетъ, такъ-какъ, по статистическимъ свѣденіямъ (впрочемъ, лишь приблизительнымъ), число лицъ этого возраста простирается у насъ до 680 т. Исключая изъ нихъ физически неспособныхъ къ службѣ и лицъ, необходимыхъ для поддержанія своихъ семействъ, въ войско можетъ быть призываемо отъ 269 до 356 т. Между тѣмъ для пополненія арміи могло-бы потребоваться, даже при 4-лѣтнемъ срокѣ службы, всего до 207 т., при 5-лѣтнемъ—169 т., а при 6-лѣтнемъ—144 т. Если-бы нашъ годовой контингентъ не превосходилъ 169 или, круглымъ числомъ, 170 т., то такая повинность соотвѣтствовала-бы по размѣрамъ прежнему набору по 6 человекъ съ 1,000 душъ. Но мы знаемъ, что при шестилѣтнемъ срокѣ контингентъ будетъ меньше и, стало-быть, повинность окажется болѣе легкою, чѣмъ прежде. Впрочемъ, еще вопросъ, что легче для населенія: большіе контингенты и малые сроки службы или малые контингенты и увеличенные сроки. Мы скорѣе склоняемся къ первому.

При стремленіи уменьшить срокъ службы—а къ этому должна стремиться каждая военная система,—приходится увеличивать ѡн-

тингентъ; поэтому можетъ показаться, что тяжесть повинности для населенія увеличится. Но это не совсѣмъ вѣрно, на томъ основаніи, что чѣмъ короче срокъ службы, тѣмъ на большее число отдѣльныхъ личностей падаетъ повинность, и поэтому тѣмъ она равномернѣе. Нелишнее при этомъ замѣтить, что, по приближительному рачисленію, въ общемъ годовомъ контингентѣ 21-лѣтковъ должно быть около 6,000 такъ-называемыхъ образованныхъ молодыхъ людей, — конечно, понимая образованіе не въ слишкомъ широкомъ смыслѣ, — т. е. на каждые 123 человека рекрутъ будетъ одинъ получившій извѣстное образованіе. Положительной общей годовой цифры контингента уставъ не даетъ, хотя ее и можно-бы вычислить на основаніи срока службы. Вѣроятно, это сдѣлано на томъ основаніи, чтобы предоставить военному вѣдомству, по крайней мѣрѣ, въ первые года, извѣстную свободу въ размѣрахъ контингента, который, по нѣкоторымъ условіямъ, можетъ понадобится въ одинъ годъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ въ другой. Приведенныя нами выше цифры убѣждаютъ, что опасаться въ этомъ отношеніи недостатка людей нечего, такъ-какъ даже при большихъ контингентахъ все-таки будетъ оставаться значительное число 21-лѣтковъ. Конечно, въ интересахъ государственныхъ было-бы полезно установить, разъ навсегда, для годового контингента одну общую цифру, но собственно интересы отдѣльныхъ личностей этою неопредѣленностью не нарушаются: идя къ жребію, каждый долженъ быть готовъ вынуть номеръ, указывающій поступленіе на службу.

Мы видѣли, въ какой тѣсной связи съ годовымъ контингентомъ находится вопросъ о срокахъ службы. Соображенія чисто-военнаго характера дѣлаютъ его особенно сложнымъ и каждая изъ европейскихъ армій представляетъ въ этомъ отношеніи свои особенности. Въ Германіи, при общемъ для арміи и флота двѣнадцати-лѣтнемъ срокѣ, года службы распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 3 года дѣйствительной службы, 4 года въ резервѣ и 5 лѣтъ въ ландверѣ и зеверѣ (морскомъ ополченіи). Сверхъ того, въ составъ вооруженныхъ силъ входитъ ландштурмъ, соответствующій нашему ополченію, изъ всего мужского населенія, въ возрастѣ отъ 17 до 42 лѣтъ. Въ Австріи тотъ-же общій 12-ти-лѣтній срокъ, но онъ распредѣляется иначе, а именно: 3 года дѣйствительной службы, 7 лѣтъ въ резервѣ и 2 года

въ ландверъ; затѣмъ слѣдуетъ, подобно Германіи, ландштурмъ. Въ Италіи, при двѣнадцати-лѣтнемъ срокѣ, 3 года дѣйствительной службы, 5 лѣтъ безсрочнаго отпуска и 4 года состоянія въ провинціальной милиціи; въ кавалеріи-же только 5 лѣтъ дѣйствительной службы и 5 лѣтъ безсрочнаго отпуска. Во Франціи, по новому закону, военной повинности населеніе подлежитъ втеченіи 20 лѣтъ, изъ которыхъ: 5 лѣтъ дѣйствительной службы и временныхъ отпусковъ, 4 года резерва дѣйствующей арміи, 5 лѣтъ территоріальной арміи (то-же, что ландверъ) и 6 лѣтъ резерва территоріальной арміи. Во флотѣ общій срокъ 18-ти-лѣтній, вслѣдствіе уменьшенія времени состоянія въ резервѣ флота до 2-хъ лѣтъ. Итакъ, по числу лѣтъ обязательной повинности (не говоря о ландштурмахъ) Франція стоитъ впереди всѣхъ: очевидно, новый законъ составленъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ недавно испытаннаго ею погрома и къ будущей войнѣ Франція намѣрена приготовить громаднаыя силы. Нашъ срокъ службы (5 лѣтъ дѣйствительной службы и временнаго отпуска и 9 лѣтъ запаса, затѣмъ ополченіе) по общему числу лѣтъ стоитъ между Германією, Австрією и Италією съ одной стороны и Францією съ другой, а по числу лѣтъ дѣйствительной службы—выше ихъ всѣхъ.

Но простое сравненіе сроковъ службы говоритъ еще очень немного. Чтобы выяснить вопросъ, нужно его разобрать со стороны экономической и военной.

Защитники абсолютныхъ государственныхъ теорій выше всего ставятъ идеаль государственный, а на личность смотрятъ какъ на нѣчто второстепенное и подчиненное. Въ силу подобнаго взгляда, интересы личности должны быть все-цѣло приносимы въ жертву интересамъ государственнымъ, вездѣ, гдѣ они только сталкиваются. Разсматривая съ этой абсолютной точки зрѣнія сроки службы, можно, пожалуй, придти къ заключенію, что для интересовъ государства, при опредѣленной цифрѣ арміи, болѣе продолжительныя сроки выгоднѣе сроковъ менѣе продолжительныхъ, на томъ основаніи, что первые требуютъ меньшихъ годовыхъ контингентовъ рекрутъ, а потому, число лицъ, отвлекаемыхъ отъ производительныхъ занятій, уменьшается, а самый выборъ тѣхъ, кому нужно идти въ солдаты, можетъ быть произведенъ строже и съ большимъ соблюденіемъ интересовъ той части населенія, которая заслуживаетъ охраны. Наконецъ, можно сказать, съ той-же точ-

ки зрѣнія, что при подобномъ порядкѣ сокращаются непроизводительные расходы по передвиженію новобранцевъ въ мѣстамъ службы, ихъ обученію и возвращенію на родину по окончаніи службы. Но очевидно, что во всѣхъ этихъ доводахъ прежде всего фальшитъ основная точка зрѣнія. Если основывать интересы государственные прежде всего на интересахъ личныхъ, а не ставить ихъ въ обратномъ порядкѣ, то принятіе короткихъ сроковъ службы, съ болѣе значительными, чѣмъ въ первомъ случаѣ, годовыми контингентами новобранцевъ, будетъ вполнѣ естественно. Не подлежитъ сомнѣнію, что чѣмъ короче сроки службы, тѣмъ на большее число лицъ распредѣляется повинность и тѣмъ она справедливѣе и легче для каждой отдѣльной личности. Конечно, весьма полезно предоставить извѣстную охрану въ пользу тѣхъ лицъ, которыя являются единственными кормильцами своихъ семей или-же нуждаются въ ней въ интересахъ образованія, но и тутъ слѣдуетъ быть крайне осторожнымъ, потому что широкое примѣненіе льготъ, особенно по семейному и имущественному положеніямъ, можетъ быть полезно лишь при безусловной справедливости ихъ примѣненія; въ противномъ случаѣ оно совершенно исказитъ законъ; а кто-же можетъ поручиться за эту справедливость?

Доводы защитниковъ продолжительныхъ сроковъ службы, съ экономической стороны, были-бы, во всякомъ случаѣ, слишкомъ слабы, если-бы имъ не оказывали поддержку представители спеціальныхъ интересовъ военного вѣдомства. Военная специальность, въ разныхъ своихъ отрасляхъ, сдѣлалась въ настоящее время настолько сложною, что требуетъ для основательнаго изученія довольно продолжительнаго времени: особенно это справедливо по отношенію къ унтеръ-офицерамъ, которые должны быть инструкторами солдатъ. Сказать именно, сколько вообще времени нужно для того, чтобы образовать хорошаго пѣхотинца, кавалериста или артиллериста, нельзя: это зависитъ отъ многихъ условій и прежде всего отъ матеріала, поступающаго для военной обработки: чѣмъ люди крѣпче, развитѣе и болѣе заинтересованы дѣломъ, тѣмъ скорѣе они ему ввучиваются. Не менѣе важны, однако, и хорошіе учителя, т. е. офицеры и унтеръ-офицеры: если приняты ими методы военного образованія разумны, если военное обученіе заключаетъ въ себѣ лишь необходимыя свѣденія, если учителя относятся къ своимъ обязанностямъ съ любовью и добросовѣстно,

а не только съ формальной стороны, то, конечно, годовая работа можетъ быть съ успѣхомъ исполнена въ три мѣсяца. Сверхъ того, необходимы извѣстныя матеріальныя средства и удобства, какъ-то: казарменное размѣщеніе, манежи, стрѣльбища и благоприятный климатъ для ученій на открытомъ воздухѣ. Наши рекруты, какъ матеріалъ, весьма удовлетворительны и изъ нихъ могутъ выходить очень хорошіе солдаты; но за то у насъ крайній недостатокъ въ хорошихъ инструкторахъ, у насъ мало выработаны основные принципы разумнаго военнаго воспитанія и, наконецъ, матеріальныхъ удобствъ для быстраго обученія у насъ крайне недостаточно. Нѣкоторыя изъ этихъ причинъ не всегда оцѣниваются по достоинству. Въ средѣ самой арміи скорѣе слышатся нападки на тупость и неразвитость мужика, чѣмъ на недостатки курса военнаго образованія; а потому, прикидывая желаемыя результаты къ даннымъ обстоятельствамъ, многіе находятъ, что намъ необходимы болѣе продолжительныя сроки службы, чѣмъ на Западѣ. Дѣйствительно, если остаться при старыхъ привычкахъ и со старыми учителями, то, быть можетъ, намъ въ самомъ дѣлѣ нужны продолжительныя сроки. Но мы позволимъ себѣ замѣтить, что на дѣло можно взглянуть и иначе. Военныя требованія или, лучше сказать, тѣ доказательства, которыми они поддерживаются, очевидно, состоятъ изъ фактовъ трехъ разрядовъ; одни тѣсно связаны съ географическими и бытовыми условіями нашей жизни и потому неизмѣнны; другіе вытекаютъ изъ нашего умственнаго и матеріальнаго состоянія и если поддаются измѣненіямъ, то довольно туго; наконецъ, третьи зависятъ отъ установленныхъ формъ и порядковъ, которые могутъ быть измѣнены. На счетъ этого-то послѣдняго разряда мы и желали-бы извѣстнаго соврашенія срока службы и полагаемъ, что это не невозможно.

Мы разсмотрѣли, такимъ образомъ, главныя, коренныя основанія предположенной реформы, не касаясь, впрочемъ, ни вопроса о льготахъ, ни вопроса о самомъ порядкѣ отправленія населеніемъ общеобязательной воинской повинности. Рѣшаясь на новую реформу, правительство дѣлаетъ рѣшительный шагъ и мы его приветствуемъ съ тѣмъ большимъ сочувствіемъ, что онъ послужитъ не только къ усиленію нашихъ вооруженныхъ силъ, но и къ болѣе тѣсному сближенію разрозненныхъ слоевъ населенія.

ДѢТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

(Биографическіе рассказы М. В. Чистякова (собранные изъ „Журнала для дѣтей“). Спб., 1873 г.—«Нашимъ дѣтямъ». Иллюстрированный литературно-научный сборникъ, изданіе А. Н. Якоби, Спб., 1873 г.—«На праздникъ». Литературный сборникъ для дѣтей, изд. А. Плещеева и Н. Александрова. Спб., 1873.—Рассказы для дѣтей, С. Бурениной, Спб., 1873.—Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ. Подъ редакціею А. К. Владиміровой, Спб., 1874.—Робинзонъ Крузе, А. Анненской (?). Новая переработка темы де-Фоз. Изд. В. Лесевича, Спб., 1874.)

Прежде чѣмъ мы станемъ говорить о нашей дѣтской литературѣ, намъ хотѣлось-бы условиться съ читателемъ въ томъ, что надо понимать надъ словомъ: *дѣтская литература*? И кого собственно мы должны считать *дѣтьми*, для которыхъ предназначается эта специальная отрасль литературы? Если въ разрядъ дѣтей мы отнесемъ не только тѣхъ, кто недостигъ еще десятилѣтнего возраста, но и тѣхъ, кто по умственному своему развитію — хотя *физически* было-бы ему за шестьдесятъ лѣтъ — стоитъ на одинаковомъ уровнѣ съ девятилѣтнимъ ребенкомъ, а нерѣдко и ниже его, то границы дѣтской литературы такъ широко раздвинутся, что, собственно говоря, эта литература есть ничто иное, какъ плодъ досужаго воображенія педагоговъ и издательской спекуляціи. Есть семилѣтнія дѣти, для которыхъ нужна болѣе серьезная книга, чѣмъ для дѣтей сорокалѣтнихъ. Когда Байрону было только восемь лѣтъ, онъ думалъ и чувствовалъ гораздо выше, чѣмъ девять десятыхъ всего англійскаго населенія, начиная отъ 10-ти и до восьмидесяти лѣтъ включительно. Поэтому удовлетворить любознательность Байрона какой-нибудь нелѣпой сказкой о царѣ Берендеѣ было-бы невозможно, но предложите ту-же сказку любому волостному старостѣ у насъ, которому исполнились полныя семьдесятъ лѣтъ, и онъ найдетъ ее умнѣйшимъ

произведеніемъ человѣческаго генія. Дж. Ст. Миль на шестомъ году читалъ такія книги, которыя, пожалуй, оказались-бы трудными для пониманія казого-нибудь маститаго московскаго профессора, несмотря на его пятидесятилѣтній возрастъ и убѣленную сѣдинами голову. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи *физическій* возрастъ ничего не значитъ, и въ словѣ *дѣтская литература* заключается очевидная бессмыслица. Съ другой стороны, есть такъ-называемыя дѣтскія книжки, которыя читаются съ такимъ-же удовольствіемъ и пользою какъ дѣтьми, такъ и стариками. Я, напримѣръ, знаю одного стараго доктора, который въ свободное время не находитъ для себя лучшаго развлечения, какъ читать „Робинзона Крузе“, и въ то-же время я не знаю ни одного умнаго ребенка, который-бы не зачитывался этой книгой. Но какъ-же назвать такую книгу, которая одинаково удовлетворяетъ и образованнаго старика, и вовсе необразованнаго ребенка? Назовемъ-ли мы ее дѣтской или имѣющей право на аттестатъ зрѣлости? Самъ авторъ „Робинзона Крузе“ никогда не думалъ предназначать его исключительно для дѣтей. Но есть тысячи тысячъ такихъ книгъ, которыя написаны были только для дѣтей, и никто изъ нихъ—развѣ подъ угрозою розги—не просматривалъ этихъ книжонокъ дальше заглавія ихъ и пестрыхъ виньетокъ. Поэтому всякая умная и искренно написанная книга—если только предметъ ея лежитъ внѣ той или другой научной специальности—будетъ также хороша для ребенка, какъ и для старика, одинаковаго съ нимъ развитія. Но такъ-какъ умныхъ и искренно написанныхъ книгъ еще меньше, чѣмъ умныхъ и искреннихъ людей, то неудивительно, что любознательность дѣтей нисколько не возбуждается тѣми книжными фабрикантами, которые предлагаютъ имъ, вмѣстѣ съ сладкими пирожками, для разнообразія ихъ вкуса. Дѣти, обыкновенно, предпочитаютъ этимъ скудоумнымъ книжкамъ безыскусственные нянеиныя рассказы о плутовкѣ-лисицѣ или сказку о Соловьѣ-Разбойникѣ. Сказка, по крайней мѣрѣ, дѣйствуетъ возбуждительно на воображеніе ребенка, и потому охотно слушается имъ, а такіе рассказы, какъ бездарнѣйшаго Н. Александрова, не дѣйствуя на воображеніе, въ то-же время не даютъ ничего ни любознательности, ни умственному развитію дѣтей. Это нѣчто въ родѣ мелкаго булыжника, смазаннаго прокислой патокой и предлагаемаго голодному дѣтскому желудку, подъ фирмой пи-

тательныхъ веществъ. А между тѣмъ о чемъ-бы ни сталъ говорить ребенку человекъ умный и искренній, — говорить въ той ясной, легкой и общедоступной формѣ, которая составляетъ непремѣнную принадлежность всякаго живого и свѣтлаго ума, — ребенокъ его пойметъ и охотно будетъ слушать. И мы могли-бы указать множество историческихъ примѣровъ, какое благотворное вліяніе оказывала умная книга на первоначальное развитіе дѣтей, если только они имѣли счастье попасть на нее. Такъ, маленькій Фарадэй, случайно прочитавшій какіе-то легкіе рассказы изъ химіи и физики, нашелъ въ нихъ содержаніе для своей великой научной дѣятельности; безъискусственная рѣчь рассказчика заронила въ юную душу плодотворное сѣмя мысли и сдѣлала, вѣроятно, больше, чѣмъ это удалось-бы систематическимъ усиліямъ первоклассныхъ педагоговъ. Книга играла серьезную роль въ дѣтствѣ почти каждаго великаго человека, но и въ дѣтствѣ обыкновенныхъ людей первая прочитанная книга, конечно, оказывала большее вліяніе. Иногда совершенно не въ волѣ автора произвести своей книгой то или другое впечатлѣніе на молодой умъ ребенка, но зарождающіеся въ его головѣ понятія, вопросы и сомнѣнія, которыя возбуждаются въ немъ на каждомъ шагу наблюденіемъ надъ жизнью окружающаго міра, изоощряютъ его восприимчивость, и иногда достаточно на-вѣтеръ брошеннаго слова, случайнаго, незначительнаго рассказца, осмысленной картинки, чтобы въ немъ сложились самыя неожиданныя и самобытныя комбинаціи идей и нравственныхъ воззрѣній. Ребенокъ найдетъ отвѣтъ тамъ, гдѣ и не ожидалъ самъ авторъ, и не обратитъ никакого вниманія на то, что, по мнѣнію автора, очень важно для него. Вотъ почему совершенно напрасно стараются авторы многихъ книгъ для дѣтскаго чтенія, возбуждивъ въ ребенкѣ своими образными рассказами тѣ или другія представленія, дополнять и сглаживать ихъ общими сентенціями или отвлеченной моралью...

Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательны „Біографическіе рассказы“ *) г. Чистякова. Читая ихъ, не знаешь, чему удивляться:

*) Содержаніе «Біографическихъ рассказовъ» Чистякова: Нѣсколько листовъ изъ жизнеописанія Каролины Циглеръ. — Слѣпой философъ. — Изъ жизни Байрона. — Ротшильдъ. — Венеціанскій дожъ Марино Фаліеро. — Несчастія Фоскари. — Изъ жизни Тамерлана. — Изъ жизни Гайдена. — Черты изъ частной жизни Карла Великаго. — Фома Бевегъ. — Изъ исторіи Карла XII. — Гуттенбергъ и его сотру-

дѣтской-ли наивности самого автора, его безталанности или полнѣйшему незнакомству съ умственными потребностями дѣтей. Этотъ маститый педагогъ послѣ каждой надрывающей душу сцены, которая, повидимому, рассчитана на то, чтобы взбудоражить въ ребенкѣ инстинкты самаго сомнительнаго свойства, весьма акуратно заканчиваетъ каждый подобный рассказъ высоконравственными сентенціями. Самый подборъ его рассказовъ былъ-бы весьма комиченъ, если-бъ авторъ писалъ ихъ для собственнаго удовольствія. „Тамерланъ“, „Нострадамусъ“, „Ротшильдъ“, „Наполеонъ I“, — какіе поучительные образцы ума, чести и человѣколюбія! О каждомъ изъ этихъ героевъ г. Чистяковъ распространяется съ неослабнымъ одушевленіемъ, хотя онъ и не забываетъ, по службѣ присяжнаго моралиста, вернуть куда слѣдуетъ, а чаще куда совсѣмъ не слѣдуетъ, приличное правоученіе въ родѣ того, что „ядъ есть и въ роскошнѣйшихъ цвѣтахъ“ и „подъ ними много змѣй“ (стр. 109). Но чтобы завершить сумбуръ, производимый въ умѣ ребенка пестрой толпой этихъ героевъ, г. Чистяковъ вводитъ въ ихъ дикій кортежъ Байрона, Гуттенберга и другихъ болѣе или менѣе достойныхъ тружениковъ мысли. „Жизнь Байрона“ оказалась на одной доскѣ съ „Жизнью Тамерлана“ и, какъ-бы въ подтвержденіе полного сходства между ними, авторъ приложилъ портретъ Байрона, на который стоитъ только взглянуть, чтобы подписать подъ нимъ имя Тамерлана. Сидѣмъ увѣрить г. Чистякова, что надъ нимъ подшутилъ художникъ, выдавшій ему эту кровожадно-мазурническую фізіономію съ отвратительнымъ выраженіемъ скотской чувственности за портретъ Байрона, обладавшаго, какъ извѣстно, самой счастливой и симпатичной наружностью. Картинки и гравюры имѣютъ очень важное значеніе въ дѣтскихъ книжкахъ, особенно при плохомъ текстѣ. Иногда достаточно взглянуть на фізіономію, чтобы сразу почувствовать симпатію или антипатію къ ея обладателю, а въ этомъ отношеніи инстинктъ дѣтей необыкновенно чутковъ, такъ что мы думаемъ, что самыя краснорѣчивыя похвалы, расточаемыя авторомъ уму и гению Байрона, не

ники.—Нѣсколько сценъ изъ жизни Людовика Бетховена.—Воспоминаніе французскаго профессора Мишле о своемъ дѣтствѣ.—Воспоминаніе о дѣтствѣ Наполеона.—Нострадамусъ.—Геній музыки, Моцартъ.—Докторъ Юсифъ.—Георгъ и Робертъ Стефенсоны.—Послѣдніе изъ рода Фоскари.

изглядать въ умѣ ребенка того дрянного впечатлѣнія, которое, въ самомъ дѣлѣ, оставляетъ послѣ себя безобразная гравюра, изображающая „царя поэтовъ“. Но за то біографическій очеркъ жизни Тамерлана оставляетъ послѣ себя самое чистое и цѣльное впечатлѣніе, и едва-ли найдется хоть одна дѣтская головка, которая не возмечтала-бы соорудить въ своемъ воображеніи пьедестала „азіятскому варвару“. Очень можетъ быть, что г. Чистяковъ будетъ удивленъ и даже огорченъ такими послѣдствіями. Въ самомъ дѣлѣ, онъ своимъ собственнымъ перомъ подписалъ подъ воинственными подвигами кроваваго варвара 10 строкъ безупречнѣйшей морали, какая только можетъ красоваться на прописяхъ, онъ собственноручно начерталъ ту великую истину, что „чужимъ добромъ и умомъ не разживешься—это правило для каждаго чловѣка въ отдѣльности и для цѣлыхъ государствъ“ (стр. 132),— и вдругъ оказывается, что послѣ его разсказа ребенокъ мечтаетъ, какъ о единственномъ счастіи своей жизни, сдѣлаться Тамерланомъ или его подобіемъ! Нѣтъ ничего легче, какъ расшевелить воинственные инстинкты ребенка,—на это не требуется ни художественнаго таланта, ни особой сообразительности. Достаточно только набросать двѣ-три сцены кроваваго побойща съ развѣзжающимъ на конѣ героемъ-побѣдителемъ, который надѣленъ, разумѣется, непремѣннымъ величіемъ души и добротой сердца. Положимъ, что этотъ герой, даже по отзывамъ самого г. Чистякова, „запятнанъ злодѣйствами“ и, прибавимъ съ своей стороны, безсовѣстнымъ лганьемъ, отъ котораго онъ не можетъ воздержаться даже на смертномъ одрѣ, объявивъ при послѣднемъ издыханіи всѣмъ окружавшимъ его лицамъ, что „онъ никогда не позволялъ сильному утѣснять слабого“. Но всѣ эти злодѣйства прежде всего эффектны и картинны, а лганье принято самимъ г. Чистяковымъ за чистѣйшую правду, и тѣмъ болѣе оно сойдетъ за таковую у ребенка.

Воинственность—одна изъ самыхъ чувствительныхъ струнъ въ психической организаціи ребенка; эта почти неотъемлемая, постоянная и, если хотите, нормальная черта всѣхъ дѣтей,—черта, до сихъ поръ еще не понятая и не разъясненная психологически. Но во всякомъ случаѣ, въ наше время едва-ли найдется педагогъ, который-бы сознательно стремился къ развитію этой странной особенности дѣтскаго характера. Обыкновенно у насъ слиш-

комъ легкомысленно смотрять на этотъ важный вопросъ воспитанія. Всѣ эти невинныя игры въ войну, эти дѣтскія сабли и барабаны, если только не ужѣрить ихъ гуманнымъ направленіемъ воспитанія, даютъ опасный матеріалъ дѣтскимъ инстинктамъ. На нихъ развивается эгоизмъ грубой физической силы и вкушается первое сладостное чувство безправнаго, ничѣмъ не мотивированнаго превосходства надъ слабымъ и подавленнымъ врагомъ. Ребенокъ привыкаетъ группировать людей на враждебныя партіи и приучается къ тому безцеремонному воззрѣнію на личность, въ силу котораго она впослѣдствіи будетъ служить для него лишь объектомъ для удовлетворенія личныхъ наклонностей, себялюбивыхъ порывовъ и страстей. Фактъ почти всеобщаго распространенія между дѣтьми воинственныхъ наклонностей, инстинкта безпричинной драчливости, безъ сомнѣнія, удивителенъ, но, конечно, не болѣе, чѣмъ тѣ особенности физическаго организма дѣтей, которыя, при всей своей нормальности, служатъ, очевидно, во вредъ индивиду, и если дать имъ развиваться своимъ естественнымъ путемъ, то они приведутъ къ смерти. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нашъ извѣстный ученый, профессоръ Мечниковъ, специально указалъ на этотъ фактъ. Психическая организація дѣтей еще очень мало изучена, но въ ней и при настоящемъ состояніи нашихъ знаній не трудно открыть аналогичныя явленія. Инстинктъ воинственности относится прежде всего къ разряду тѣхъ психическихъ особенностей, которыя, несмотря на свое постоянство и нормальность, составляютъ въ своемъ естественномъ теченіи величайшее социальное и личное зло. Что инстинктъ воинственности естественъ въ ребенкѣ — это весьма понятно. Ребенокъ есть цѣльный физическій человѣкъ, въ которомъ разгулъ и приволье физиологическихъ силъ и безискусственная, слѣпая непосредственность. Взрослый человѣкъ есть продуктъ мозга, ребенокъ есть продуктъ мышцъ. Его животная натура, его стихійныя физическія силы невольно ищутъ случая проявить себя во внѣ, и весьма естественно, что, не находя разумнаго выхода, онѣ прорываются въ кулачныхъ бояхъ, взаимныхъ потасовкахъ и дракахъ. Извѣстно, что у ребенка мышечная система начинаетъ развиваться ранѣе и несравненно быстрѣе, чѣмъ мозгъ, но все, что развивается, необходимо должно выразиться во внѣ, и въ самый періодъ развитія это внѣшнее выраженіе будетъ носить особенно интенсивный и острый характеръ.

Когда у ребенка начинают прорѣзываться зубы, онъ инстинктивно хватается въ ротъ всякій твердый предметъ и начинаетъ его грызть. Точно также у ребенка во время роста тѣла и развитія мышечной системы является неудержимая потребность отыскать оселокъ для упражненія мышцъ. Вотъ почему для дѣтей правильно организованная гимнастика составляетъ насущную необходимость, какъ естественный исходъ развивающимся силамъ; въ противномъ случаѣ нѣтъ ничего удивительнаго, если онѣ начнутъ развиваться на спинахъ и физиономіяхъ своихъ сверстниковъ *). Такимъ образомъ, наклонность дѣтей къ воинственности есть лишь результатъ невѣжества взрослыхъ и несовершенства нашей педагогики, которая до сихъ поръ бродитъ въ потемкахъ и, что всего безотраднѣе, игнорируетъ естествознаніе, которое одно только, и только оно, должно служить основой рациональной педагогики. У насъ есть педагоги, которые разсуждаютъ о разныхъ „методикахъ“, „дидактикахъ“ и „пропедевтикахъ“, но которымъ совершенно чужда азбука физиологіи. Намъ извѣстенъ одинъ изъ такихъ просвѣщенныхъ педагоговъ, который пришелъ въ немалое замѣшательство, когда ученикъ спросилъ его, гдѣ у человѣка лежитъ сердце. Между тѣмъ, если педагогъ можетъ еще что-нибудь рѣшать въ настоящее время, то ужъ, конечно, не при помощи „методики“ — этого жалкаго порожденія новѣйшаго педагогическаго педантизма, а только съ помощью солидныхъ реальныхъ знаній, во главѣ которыхъ должна стоять физиологія человѣческаго тѣла. Обращаясь къ вопросу объ инстинктѣ воинственности, мы объяснили, что онъ есть результатъ физическаго строенія дѣтскаго организма, продуктъ естественнаго нарастанія мышечныхъ силъ ребенка, — нарастанія, которое опережаетъ развитіе головного мозга. Поэтому первымъ дѣломъ педагога въ борьбѣ съ этимъ инстинктомъ должно быть, съ одной стороны, стремленіе дать разумный исходъ физическимъ силамъ правильной организаціей гимнастики и цѣлесообразныхъ игръ, а

---

*) Изъ физиологіи извѣстно также, что мышечное дѣйствіе или сокращеніе сопровождается особаго рода ощущеніемъ, такъ-называемымъ *мышечнымъ чувствомъ*, которое у ребенка, совершающаго, по свойству своей природы, множество движеній и мышечныхъ сокращеній, должно обостряться до крайней степени. Это мышечное чувство, вообще пріятное, если оно не переходитъ въ чувство усталости, съ своей стороны, подталкиваетъ ребенка къ воинственнымъ забавамъ и служитъ ихъ причиною.

съ другой, —развивать дѣятельность мозга и уменьшать непропорциональность между его слабосиліемъ и излишней энергіей мышцъ. Но въ особенности педагогъ долженъ удалить изъ своей воспитательной системы все, что наружно маскируетъ грубость физической силы, что окружаетъ ее ореоломъ обаятельной доблести или можетъ примирить съ ней впечатлительный умъ ребенка ложно понятымъ рыцарствомъ. Въ глазахъ взрослыхъ эта доблесть и это рыцарство смѣшны, мы понимаемъ, что это лишь стыдливая оболочка, которою прикрывается безобразіе кулачнаго права, но ребенку чужды такого рода понятія, и такъ-какъ его организмъ подталкивается внутренними импульсами къ проявленію мышечной силы, то онъ, конечно, очень радъ ухватиться за всякое приличное оправданіе своего инстинкта, если оно предлагается ему такимъ занимательнымъ рассказчикомъ, какъ г. Чистяковъ.

Мы знаемъ, что г. Чистяковъ и подобные ему дѣтскіе писатели могутъ сдѣлать намъ очень серьезное на видъ, но пустое въ сущности возраженіе, указавъ на то, что грубая физическая сила освящается принципами современнаго естествознанія и что, по ученію Дарвина, она составляетъ основу прогресса въ мірѣ животныхъ вообще и въ человѣческихъ обществахъ въ частности. Собраніе рассказовъ *), изданныхъ г-жей Якоби („Нашимъ дѣтямъ“), какъ-разъ и начинается съ популярнаго изложенія теоріи Дарвина („Какъ идетъ жизнь на свѣтѣ“) г. Богдановымъ, который въ живомъ и картинномъ очеркѣ изложилъ законъ борьбы за существованіе или, какъ онъ выражается, „всемирной драки“. Нужно отдать справедливость г. Богданову: что онъ очень искусно составилъ свой очеркъ, и тѣ мысли, которыя онъ передалъ въ такихъ яркихъ и образныхъ формахъ, глубоко западутъ въ голову юныхъ читателей. Но, къ величайшему сожалѣнію, г. Богдановъ не огра-

---

*) Содержаніе сборника „Нашимъ дѣтямъ“: Какъ идетъ жизнь на свѣтѣ, М. Богданова.—Бабушка Макарина Прокоповна, Кота-Мурлыки.—Наборъ, М. Цебриковой.—Легенда, стихотвореніе А. Майкова.—Кое-что изъ физики и химіи, А. Бутлерова.—Японская сказка, стихотвореніе В. Буренина.—Коралль, Н. Вавнера.—Мишенька, стихотв. Я. Полонскаго.—Маленькій Пепе, А. Якоби.—Бабушка и внучекъ, стихотв. А. Плещеева.—Эпизодъ изъ исторіи реформациі (1554—1555), В. Руссака.—Красная горка, Н. Александрова.—Про одну старуху, Глѣба Успенскаго.—Ф. А. Бруни, біографія, К.—Наканунъ свѣтлаго праздника, стихотв. Н. Некрасова.—Авраамъ Линкольнъ, біографія, Гр.—Иванъ Петровичъ Кулибинъ, механикъ-самоучка, К. Вестужева-Рюмина.

ничился простымъ констатированіемъ фактовъ,—онъ разсказалъ не только о томъ, *какъ идетъ жизнь*, но и *какъ она должна идти* и вздумалъ подѣлиться съ дѣтьми своими догадками и мечтаніями. Это такого рода ошибка, которая дѣлаетъ разсказъ г. Богданова не только негоднымъ для дѣтскаго чтенія, но положительно вреднымъ.

По нашему мнѣнію, даже изложеніе фактической стороны теоріи Дарвина неумѣстно въ дѣтской книгѣ, потому что эта сторона еще далеко не полна и потому не позволяетъ дѣлать выводовъ относительно будущаго, а оставлять дѣтей подѣ ея тяжелымъ впечатлѣніемъ было-бы странно. Если нашимъ глубокомысленнымъ публицистамъ не подѣ силу Дарвинъ, то чего-же требовать отъ дѣтей? Намъ помнится, что одинъ изъ этихъ публицистовъ, бесѣдуя какъ-то съ читателями о своей юности, передалъ жалкую исторію тѣхъ мучительныхъ думъ и сомнѣній, которыя пробудила въ немъ теорія Дарвина. Публицистъ былъ юнъ и потому, не долго думая, пламенно вознегодовалъ на Дарвина, вообразивъ, что Дарвинъ долженъ быть злой-презлой человѣкъ, такъ-какъ онъ все разсказываетъ о борьбѣ и, пожалуй, отдастъ его на съѣденіе какому-нибудь злому человѣку или, быть можетъ, самъ проглотить его. Положимъ, что въ такой формѣ можетъ мыслить грудной младенецъ, положимъ, что юный публицистъ былъ дѣйствительно проглоченъ Дарвиномъ, несмотря на свое барахтанье и жалобные вопли. Но если-бъ дѣти обнаружили и большую сообразительность, чѣмъ юный публицистъ, то все-таки имъ остается не мало упорнаго труда мысли, чтобы найти въ мрачномъ лабиринтѣ безотрадныхъ фактовъ свѣтлый идеаль будущаго.

Мы не стали-бы излагать дѣтямъ теоріи Дарвина, потому что въ нашемъ распоряженіи слишкомъ мало фактовъ,—хотя гораздо больше, чѣмъ у г. Богданова для его догадокъ,—которыя-бы позволили дѣтямъ самостоятельно придти къ окончательнымъ выводамъ о будущей жизни органическаго міра. Сообщать-же ребенку готовый выводъ, какъ непреложный догматъ науки, значитъ насиловать его мысль. Ребенокъ долженъ запасаться фактами положительнаго знанія, въ области-же выводовъ и обобщеній онъ полный хозяинъ и можетъ распоряжаться ими, какъ угодно.

Но если составители сборника убѣждены, что дѣти никакъ не могутъ обойтись безъ теоріи Дарвина, то г. Богдановъ обязанъ

быль-бы ограничиться только изображеніемъ голой дѣйствительности. Пусть сообщиль-бы онъ „Нашимъ дѣтямъ“ побольше фактовъ изъ жизни органическаго міра, и ребенокъ, мало-мальски смысленный, самъ пойметъ, въ чемъ дѣло. Конечно, оставлять ребенка подѣ впечатлѣніемъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о повсемѣстной, „всемірной дракѣ“, значитъ возбуждать въ немъ множество самыхъ безотраднѣхъ думъ и сомнѣній, которыя только впоследствии могутъ быть переработаны и объяснены имъ. Но что-же дѣлать? Пусть эти тяжелыя сомнѣнія разрѣшатся самой жизнью, поступками близкихъ ему людей и обществомъ. Если онъ встрѣтитъ добрыя, человѣчныя отношенія въ окружающей его семьѣ, если его приучатъ согласовать личное благо съ счастьемъ ближнихъ, тогда онъ, можетъ быть, пойметъ и заключительный смыслъ фразы г. Богданова, что борьба „уносить все слабое, уродливое и глупое и допускаетъ жить только сильное, здоровое и умное“ (стр. 29). Теперь-же слова: „уродливый“, „слабый“, „глупый“ будутъ, по всей вѣроятности, поняты ребенкомъ въ самомъ одностороннемъ и совершенно ложномъ смыслѣ, какъ понимаетъ ихъ и самъ г. Богдановъ. Въ особенности ошибочно толкуетъ г. Богдановъ необходимость борьбы въ будущемъ. „Ты знаешь, говоритъ г. Богдановъ,—что и корова, и овца каждый годъ приносятъ по дѣтенышу. Сочти, сколько будетъ ихъ черезъ пять, десять лѣтъ, если-бы всѣ они выживали. А это должно быть, если не будутъ губить телатъ и ягнятъ болѣзни и хищники. Я не говорю уже о мышакъ, у которыхъ каждая самка приноситъ втеченіи года штукъ до 50—60 мышатъ. Нѣтъ, даже и такія малоплодныя животныя, какъ корова или овца, вскорѣ размножились-бы до того, что потомство ихъ покрыло-бы всю землю и поѣло всю растительность, и затѣмъ они должны-бы были погибнуть съ голода. Въ концѣ концовъ, земля-бы опустѣла“ (стр. 28). Видимая неотразимость этихъ аргументовъ оказывается, однако, совершенно призрачной, если, во-первыхъ, принять во вниманіе естественную смертность между людьми, а во-вторыхъ, разъяснить истинныя причины чрезмѣрной плодовитости, какъ въ царствѣ животномъ, такъ и между людьми. Вѣдь и теперь, при самой ожесточенной борьбѣ за существованіе, людей рождается больше, чѣмъ умираетъ, а потому рано или поздно земля все-таки сплошь заселится и, слѣдовательно, борьба за существованіе ничего тутъ не поможетъ.

Что-же касается мнѣнія, будто чрезмѣрное размноженіе служить причиной недостатка пищи, то это одна изъ серьезнѣйшихъ ошибокъ, которую до сихъ поръ раздѣляютъ дарвинисты и приверженцы Мальтуса, но которая въ настоящее время опровергается довольно вѣскими соображеніями. Мальтусъ, очевидно, смѣшалъ причину съ слѣдствіемъ, принявъ, что чрезмѣрное размноженіе ведетъ къ ограниченію пищи, потому что, наоборотъ, недостатокъ пищи первоначально служилъ причиной чрезмѣрнаго размноженія. Какъ ни парадоксально такое мнѣніе съ виду, но на самомъ дѣлѣ оно совершенно справедливо. При правильномъ распредѣленіи пищи между особями или цѣлыми видами, размноженіе должно идти пропорціонально количеству потребляемой пищи. Согласно элементарнымъ законамъ физиологии, половая воспроизводительность стоитъ въ прямой зависимости отъ пищи, да это подтверждается и статистикой, которая показываетъ, что въ голодные года или даже когда только возвышаются цѣны на хлѣбъ, число браковъ уменьшается. Когда пища достается индивидамъ въ равномъ количествѣ, то размноженіе ихъ ограничивается двумя предѣлами, наличнымъ количествомъ пищи и естественной смертностью. Но лишь только явилось между индивидами соревнованіе за пищу, — соревнованіе, которое было несчастной ошибкой всего органическаго міра и людей въ особенности, — когда каждый и всѣ вмѣстѣ избрали своимъ девизомъ *saue qui peut*, тогда, разумѣется, всѣ старались запастись пищей въ чрезмѣрномъ количествѣ, съ цѣлью обезпечить себя отъ покушеній враждебныхъ видовъ, каждый старался захватить какъ можно большую территорію или, если у него не хватало на это физическихъ силъ, усиленно старался взять количествомъ особей то, чего не доставало ему въ качественномъ отношеніи, каждый старался, для обезпеченія будущности своему роду, оставить послѣ себя возможно большее число особей. Въ мірѣ животныхъ замѣчается такое явленіе: именно тѣ животныя размножаются всего сильнѣе, матеріальное существованіе которыхъ обезпечено хуже и которыя подвергаются частымъ преслѣдованіямъ со стороны болѣе сильныхъ враговъ. Г. Богдановъ рассказываетъ дѣтямъ, что каждая мышь приноситъ въ годъ до 50 мышатъ, но вѣдь эта плодовитость и есть послѣдствіе ожесточенной борьбы за существованіе, энергическихъ преслѣдованій, которымъ подвергаются мыши. Всѣмъ извѣстно, что паразиты, которые ведутъ, конечно,

самую жалкую и необеспеченную жизнь, размножаются въ колоссальныхъ размѣрахъ, а между тѣмъ возьмите хищныхъ животныхъ, которыя, говоря относительно, катаются, какъ сыръ въ маслѣ, благодаря своей физической силѣ, и вы найдете, что изъ всего животнаго царства хищники плодятся въ самомъ умѣренномъ количествѣ. Каждый знаетъ также, что искусственное откармливаніе домашнихъ животныхъ, напримѣръ, до ожирѣнія, ограничиваетъ въ высшей степени ихъ половую воспроизводительность. Птицы, получающія обильный кормъ, плодятся также въ весьма слабой степени. Однимъ словомъ, выводы г. Богданова произвольны и находятся подъ сильнымъ сомнѣніемъ, и потому-то мы думаемъ, что для дѣтей его рассказъ неумѣстенъ и даже вреденъ тѣмъ безотраднѣмъ впечатлѣніемъ, которое оставляетъ послѣ себя его заключительная бездушная мораль.

Неумѣстность и безтактность, къ сожалѣнію, составляютъ отличительную черту большей половины статей, предлагаемыхъ г-жей Якови „нашимъ дѣтямъ“. За исключеніемъ талантливаго рассказа „Бота-Мурлыки“, Макрина Прокоповна“, прелестнаго по своей незатѣйливой и задушевной простотѣ, и популярнаго очерка Вагнера „Кораль“, дѣтямъ рѣшительно нечего читать въ сборникѣ г-жи Якови. Все остальное написано не для нихъ или слишкомъ ничтожно и безталанно. Къ первой категоріи, кромѣ очерка г. Богданова, относится и рассказъ Глѣба Успенскаго „Про одну старуху“. Глѣбъ Успенскій относится къ странному разряду беллетристовъ, которые съ удовольствіемъ читаются, но которые забываются съ послѣдней страницей ихъ произведеній. Есть беллетристика настоящей необходимости, которая разрѣшаетъ настоятельные вопросы соціального обществѣ, и мы всѣ охотно внимаемъ ей даже тогда, если она и не удовлетворяетъ насъ съ художественной стороны. Но есть беллетристика праздно роскоши, фабрикующая красивыя, но никому не нужныя бездѣлки и гоняющаяся за тонкостью психологическаго анализа изъ-за того, чтобы откопать нѣсколько мелкихъ черточекъ въ какомъ-нибудь микроскопическомъ характерѣ. Глѣбъ Успенскій служитъ именно представителемъ этой „беллетристики отъ бездѣля“, способной приводить психологическими афоризмами въ трепетный восторгъ провинціальныхъ барышень, но совершенно безсильной затронуть вниманіе людей, если не мыслящихъ, то желающихъ мыслить. Настоящій рассказъ Глѣба Успен-

скаго подбить исключительно психологической подкладкой, и онъ не заслуживалъ-бы упоминанія, если-бы въ немъ не было нѣсколькихъ грязновато-циническихъ сценъ, которыя производятъ крайне тяжелое впечатлѣніе и не на дѣтскую душу. Объектомъ для психологическихъ упражненій Г. Успенскаго послужилъ весьма ординарный типъ бѣдной, всѣми покинутой и загнанной въ одинъ изъ петербургскихъ „угловъ“ старушки, которая впадаетъ отъ одиночества и нужды въ идиотизмъ. Конечно, идиотизмъ не можетъ служить предметомъ беллетристическаго разсказа, но крикаться надъ кускомъ безжизненнаго мяса и отплясывать надъ нимъ какой-то quasi-комическій танецъ, — это верхъ ограниченности. Представьте себѣ, читатель, такую сцену. Старухѣ-идіоткѣ удалось познакомиться съ семействомъ „молодыхъ супруговъ“, въ квартирѣ которыхъ она мыла полъ, и однажды она застала въ этомъ семействѣ развеселую компанію молодыхъ людей. Развеселая компанія не удовлетворяется своимъ обществомъ и приглашаетъ для своей потѣхи идиотку-старуху, которая, выпивъ стаканъ вина, начинаетъ обнаруживать всѣ симптомы своего идиотизма: пляшетъ, кубыряется, скачетъ, а развеселая компанія покатывается со смѣху и возбуждаетъ эту болѣзненную восторженность идиотки новыми дозами вина. Когда репертуаръ идиотки, развеселившей „добрыхъ господъ“, истощился, она рѣшается удивить ихъ новой неожиданной шуткой. „Добрыне господа“ посылаютъ ее за виномъ, и по дорогѣ она воруетъ забытый дворникомъ топоръ, прибѣгаетъ съ нимъ къ господамъ и, не помня себя отъ радости, громогласно объявляетъ о своемъ подвигѣ. „У дворника украла! воскликнула идиотка и залилась громкимъ смѣхомъ. Это было такъ глупо, что всѣ покатались со смѣху, а Настасья, разумѣется, больше всѣхъ“. Компанія долго продолжала хохотать на эту тему. Прошло нѣсколько дней, а у старушки не выходило изъ головы столь рѣдко посѣщавшее ее веселье; „она, рассказываетъ Глѣбъ Успенскій, — такъ разлакомилась вниманіемъ и смѣхомъ, которые возбуждала вчера, что и сегодня такъ ее и подымало отмотить какую-нибудь смѣшную штуку. Выходя изъ бани, она замѣтила пѣлую грудку шаекъ и, проворно схвативъ, спрятала одну изъ нихъ подъ полу: ей представилось, какъ господа захохочутъ, когда она явится и похвастается вновь покражей, какъ смѣялись всѣ вчера покражѣ топора. Схвативъ шайку,

она побѣжала бѣгомъ, но, думая, что еще будетъ веселѣй, если притащить двѣ (у Туляка, думала она, ихъ много),—вернулась, схватила другую, потомъ вдругъ третью, потомъ вѣвнигъ... (стр. 246). Но тутъ идиотку схватываетъ сторожъ и ее отправляютъ въ часть, несмотря на искреннѣйшія увѣренія ея, что она хотѣла только потѣшить „господъ“. Старуха вышла изъ части совсѣмъ помѣшанной и тутъ совершила нѣсколько новыхъ выходовъ вполне идиотическаго характера,—выходовъ, оставляющихъ послѣ себя невообразимо тяжелое, гнетущее впечатлѣніе. Было-бы чудовищнымъ предлагать этотъ разговоръ дѣтямъ. Что, если, читая его, они захохотутъ надъ идиоткой-старушкой такъ-же, какъ авторъ и его развеселая компанія? Кто-же скажетъ дѣтямъ, что этотъ смѣхъ гадокъ, если самъ авторъ чуть не въ каждой строчкѣ прыскаетъ отъ этого смѣха и гримасничаетъ самымъ невѣроятнымъ образомъ. Надъ чѣмъ вы смѣялись тутъ, г. Глѣбъ Успенскій,—отчего вы не объясните этого хоть единымъ звукомъ или намекомъ?

Мы рѣшительно не понимаемъ, въ чему и для чего въ томъ-же сборникѣ помѣщена біографія Бруни, гдѣ какой-то К. перечисляетъ заслуги этого художника предъ „русскимъ искусствомъ“. Да объясните, господа, сначала дѣтямъ, что такое искусство вообще и „русское искусство“ въ частности. Вѣдь отъ дѣтей нельзя отдѣлываться междометіями и восклицаніями въ родѣ: „удивительная картина!“, „чудное произведеніе искусства!“ и пр. Дѣти не поймутъ, да и не станутъ слушать васъ. Поважите имъ реальныя цѣли искусства и убѣдите ихъ, если можете, что людямъ никакъ нельзя обойтись безъ него. Можетъ быть, у г. К. есть на этотъ счетъ какія-либо соображенія, и въ такомъ случаѣ жаль, что онъ не подѣлился ими съ дѣтьми. Это было-бы весьма любопытно и поучительно, потому что, вѣроятно, не одинъ педагогъ, при всемъ своемъ желаніи объяснить дѣтямъ общепользное значеніе искусства, запинался на второмъ или на третьемъ словѣ или отдѣлывался, подобно К., охами и ахами. Но г. К. ничего не объясняетъ, онъ только приказываетъ дѣтямъ уважать и почитать г. Бруни за разнообразіе и неистощимость „концепціи“ (припомните, г. К., на какомъ году вы сами узнали это слово?). Мы не видѣли картинъ и не можемъ о нихъ судить, но мы видимъ въ данную минуту образчики

концепція г. Бруни, приложенныхъ опять неизвѣстно для кого къ сборнику г-жи Якоби. Какъ рисунокъ произведенія г. Бруни — совершенство столь-же замѣчательное, какъ и безобразіе остальныхъ рисунковъ въ сборникѣ „Нашимъ дѣтямъ“. Но если взглянуть на это произведеніе, какъ на концепцію, то предъ нимъ остается только пожать плечами. Вообразите, читатель, рядъ аллегорическихъ картинъ, изображающихъ четыре времени года въ видѣ нагихъ купидоновъ, которые позабыли даже прикрыться зимой и прехрабро разгуливаютъ на трескучемъ морозѣ, какъ подъ тропиками. Г. Бруни, вѣроятно, далекъ отъ мысли, что этотъ эстетическій абсурдъ профанируетъ искусство, но подите-же, убѣдите г. Бруни сообщить своимъ купидонамъ хоть легкій слѣдъ насморка или тифа. За одно только мы можемъ принести г. Бруни чувствительную благодарность: онъ былъ такъ предупредителенъ, что подписалъ подъ каждой картинкой соответствующее время года, и благодаря лишь этому, дѣти не перемѣшаютъ лѣта съ зимой или весны съ осенью.

Остальные очерки и рассказы попали въ сборникъ г-жи Якоби въ качествѣ баласта, для сообщенія ему приличнаго объема, — наслаждайтесь, моль, милыя дѣти, на всѣ 2 р. 75 к., — но если у г-жи Якоби нѣтъ рѣшительно критическаго чутья для оцѣнки того, что нужно и чего не нужно дѣтямъ, то нельзя-ли тронуть ее хотя тѣмъ соображеніемъ, что отъ милыхъ дѣтей можно и совсѣмъ отбить охоту къ чтенію, если напустить на нихъ такихъ бездарныхъ беллетристовъ, какъ г. Н. Александровъ. Это типъ той литературной *богемы*, которая пристраивается къ литературному дѣлу не потому, чтобы онъ чувствовалъ къ нему какое-нибудь призваніе, хоть какую-нибудь подготовленность, а только потому, что упустилъ случай поступить во-время въ акцизные чиновники. Бездарность и безграмотность сопутствуютъ этой богемѣ на всѣхъ поприщахъ ихъ литературныхъ приключеній. Бездарность эта въ г. Александровѣ особенно несносна по своимъ претензіямъ на художественность изображенія, которая не идетъ у него, однако, дальше „краснаго солнышка“. Красное солнышко даетъ все содержаніе скудоумной поэзіи г. Александрова, — оно ходитъ за нимъ слѣдомъ и о чемъ-бы онъ ни заговорилъ, красное солнышко тутъ какъ тутъ, такъ что, наконецъ, оно надѣдаетъ вамъ хуже тьмы кромѣшной. Когда г. Александровъ

вошелъ въ крестьянскую избу, мы несказанно обрадовались случаю избавиться отъ краснаго солнышка, однако, въ удивленію нашему, красное солнышко, по-мановенію г. Александра, пробилось сквозь крышу (стр. 224). Это по-истинѣ удивительно! Не менѣе ужасенъ г. Александровъ, когда, предаваясь созерцанію красоты народной поэзіи, начинаетъ угощать дѣтей такими напр., стихами:

Маки, маки, маковочки,
Золотыя головочки...
На горѣ былъ макъ,
Подъ горою такъ,
Такъ былъ макъ,
Сякъ былъ макъ...

или:

Сидитъ дремя подь окошкоть,
Прядетъ дремя шолковъ кужень,
Полно, дремушка-дремота,
Шелковъ кужень драти...

Мы ничего не имѣемъ противъ ознакомленія дѣтей съ народной поэзіей, но не всякій-же бессмысленный стихъ даетъ понятіе о ея духѣ. Есть весьма удачные продукты народнаго творчества, есть менѣе удачные, а есть и абсолютно бессмысленные, представляющіе механической наборъ рифмованныхъ словъ. Это, конечно, памятники самаго ранняго дѣтства народа и потому скудость ихъ внутренняго содержанія вполне естественна, если принять во вниманіе, что и въ нашъ просвѣщенный вѣкъ нерѣдко встрѣчаются поэты, произведенія которыхъ состоятъ только изъ рифмъ. Эту скудость народнаго творчества можно изучать исторически и слушать о ней обязательныя лекціи, но восхищаться ею можетъ только ограниченность или патріотическое лицемеріе, которое довольно усердно возбуждается въ дѣтяхъ сборникомъ г-жа Якоби. Трудно представить себѣ, чтобы нашелся грамотный русскій чловѣкъ, который-бы пришелъ въ восхищеніе отъ патріотической легенды А. Майкова; вотъ нѣсколько строкъ изъ этой легенды, съ которыми обращается императоръ Наполеонъ I къ русскому послу, приведенный въ недоумѣніе его высокоуміемъ:

И, *всплывши*, императоръ —
„Князь, видите“, воскликнулъ:—
„Мнѣ никто во всей Европѣ

„Не дерзаетъ *поперечить*:
 „Императоръ вашъ—на что-же
 „Онъ надѣется, на что-же?“ (стр. 109).

Но если г. Александровъ способенъ отбить у дѣтей всякую охоту къ чтенію однимъ своимъ рассказомъ, то чего-же нужно ожидать, когда онъ наградитъ ихъ цѣлымъ дѣтскимъ сборникомъ — „На праздникъ“ *), гдѣ помѣщено два очерка этого пресловутаго этнографа. Въ этихъ очеркахъ г. Александровъ бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы быть народнымъ; народность-же онъ полагаетъ, какъ мы думаемъ, въ безграмотствѣ и въ стремленіи притвориться, что онъ не умѣетъ выражаться правильнымъ русскимъ языкомъ. Впрочемъ, это ему удается въ совершенствѣ. Онъ, какъ видно, только слышалъ о грамматикѣ русскаго языка. Самые элементарныя правила синтаксиса ему совершенно неизвѣстны; онъ не умѣетъ согласить подлежащаго съ сказуемымъ, употребитъ дѣепричастія, мѣстоименія и т. п. Примѣровъ мы приводить не будемъ, потому что „Дѣло“ уже имѣло случай указать на безграмотность г. Александра въ ст. „Неизвѣстная страна“. Мы бы посоветовали юнымъ дѣтямъ отблагодарить г. Александра за его этнографическіе очерки преподнесеніемъ ему хорошаго курса русскои грамматики, отъ прикосновенія которой, безъ сомнѣнія, разсвѣтаетъ, яко дымъ, его худосочная народность.

Бѣдность сюжета отличаетъ остальные рассказы „Литературнаго сборника для дѣтей“ и сомнительно, чтобы на этотъ разъ сказка Кота-Мурлыки („Пимперль“) вынесла на своихъ плечахъ рассказы г. Александра въ соединеніи съ скучнѣйшей и безтолковѣйшей комедіей „Мальчикъ-судья“. Комедія эта переведена съ французскаго, а содержаніе ея заимствовано изъ арабской жизни временъ Гарунъ-аль-Рашида, и эту чепуху издатели сборника рекомендуютъ дѣтямъ разыграть на сценѣ. Почтенные издатели, составляя свой Сборникъ, придерживались, очевидно, того немудра-

*) Содержаніе сборника „На праздникъ“: Елка, стихотв. Я. Полонскаго.—Большое горе, рассказъ А. Михайлова.—Молнія и радуга, басня Н. Курочкина.—Мальчикъ-судья, комедія (съ французскаго) А. П.—Ожиданія, стихотв. А. Плещеева.—Бабочка и оса, басня Н. Курочкина.—Волга, этнографическій рассказъ Н. Александра.—Дѣдушка Мазай и зайцы, стихотв. Н. Некрасова.—Пимперль, сказка Кота-Мурлыки.—Зимній вечеръ, стихотв. А. Плещеева.—Колядки, очеркъ Н. Александра.—Капля дождевая, слова А. Плещеева, музыка П. Кюи.

щаго правила, что содержаніемъ для дѣтскаго чтенія должно служить все то, что негодно для взрослыхъ. Но это не всегда такъ: иногда дѣти гораздо взыскательнѣе своихъ папашей и мамашей. Насъ слишкомъ долго и упорно приучали къ скукѣ и водянистымъ рѣчамъ, и ими насъ, конечно, не удивить, мы иногда даже находимъ имъ полезное назначеніе на сонъ грядущій и т. д. — но у дѣтей есть свѣжесть чувства, живой и подвижный умъ, который точно также, какъ развивающійся юный мускулъ, требуетъ постоянной дѣятельности, постоянной смѣны впечатлѣній, и потому долго не можетъ мириться съ сухимъ педантизмомъ и мертвымъ резонерствомъ. И мы думали, что на почвѣ резонерства и нравоученій все давно уже исчерпано, все сдѣлано нашими дѣтскими моралистами, но г. Курочкинъ находитъ эту почву дѣвственной и угощаетъ юныхъ читателей стихотворными баснями собственной фабрикаціи. Но мы умолчимъ объ этихъ басняхъ и поблагодаримъ издателей хоть за то, что они напустили на бѣдныхъ дѣтей только одного г. Курочкина и не заблагоразсудили пригласить къ нему въ товарищи другого баснописца, г. Буренина, подарившаго „Нашимъ дѣтямъ“ г-жи Якоби преслабавную японскую басню, или сказку, какъ ее несправедливо называетъ самъ г. Буренинъ. Содержаніе этой сказки такъ нелѣпо, что мы сомнѣваемся, чтобы родиной ея была даже старая Японія; по всей вѣроятности, она родилась и разцвѣла въ головѣ самого автора. Впрочемъ, мы упоминаемъ объ этой сказкѣ безъ всякаго намѣренія специально знакомить съ ней читателя, такъ-какъ подробности ея не стоятъ того, чтобы на нихъ останавливаться, а съ духомъ ея можно познакомиться изъ „Разказовъ для дѣтей“ г-жи Бурениной, гдѣ этотъ духъ остается во всей его неприкосновенности.

Мы рѣшительно не думаемъ утверждать, что „Разказы для дѣтей“ *) написаны г. Буренинымъ подъ псевдонимомъ г-жи Бурениной, но мы хотимъ только указать на трогательную солидарность идей г. Буренина, автора „японской сказки“, и г-жи Бурениной, автора „Сказки про воробья, который дѣлалъ все, что

---

*) Содержаніе «Разказовъ для дѣтей» С. Бурениной: Сказка про воробья, который дѣлалъ все, что могъ.—Дочь контрабандиста.—Бастилія.—Сонъ дѣтей.—Исторія маленькаго негра Яра.—Вѣрная Дельта.

могъ“. И тутъ, и тамъ тѣ-же скорбныя вздохи ищански-самодовольной добродѣтели, обрѣтающей внутреннее успокоеніе въ трудѣ, послѣ окончательнаго убѣжденія въ своемъ умственномъ безсиліи. Но позвольте замѣтить вамъ семейство Бурениныхъ, что не ищало-бы объяснить дѣтямъ, что трудъ бываетъ разный, что есть трудъ, слишкомъ обременительный для человѣка и такъ дурно обставленный, что весь прогрессъ направленъ къ тому, чтобы облегчить народу бремя этого труда. Г. Буренинъ утверждаетъ, напр., что трудъ каменотеса такъ пріятенъ и привлекателенъ, что лучше и желать не надо и даже не слѣдуетъ. Каменотесъ этотъ побывалъ во всѣхъ положеніяхъ: онъ былъ императоромъ, онъ былъ солнцемъ, былъ тучей, утесомъ, но всѣ эти положенія его не удовлетворили (sic!) и онъ смирился душой, сентиментально воскликнувъ:

Пусть я стану вновь рабочимъ,
Пусть трудомъ я стану жить:
Вижу я, труда могучѣй
Ничего не можетъ быть!

Привлекательность труда—одно изъ новѣйшихъ изобрѣтеній такихъ баснописцевъ, какъ гг. Буренины, которые такъ любятъ

Въ роскошно убранной палатѣ
Потолковать о бѣдномъ братѣ,
Погорячиться о добрѣ

и которые такъ наивны, что воображаютъ обезпечить за собой этимъ изобрѣтеніемъ вѣчное право высшихъ наслажденій и укрѣпить на вѣчныя времена за каменотесами привлекательность мозольнаго труда. У г-жи Бурениной эта наивная проповѣдь выражена нѣсколько проще, по-воробыному. Воробей г-жи Бурениной говоритъ:

Будемъ мы въ садахъ деревья
Очищать отъ червяковъ...
Добрый трудъ, дитя, полезнѣй
Сладкихъ пѣсень и пѣвцовъ.
Пусть не звонокъ и не сладокъ
Голосъ нашъ, но потрудясь,
Будемъ пѣть мы, какъ умѣемъ—
И похвалятъ люди насъ...

Едва-ли, г-жа Буренина, похвалятъ васъ за ту передѣлку иностранныхъ рассказовъ, которую вы выдаете дѣтямъ за произ-

веденіе своего собственнаго ума. Дѣтямъ совсѣмъ не легче оттого, что вы, какъ воробей, „дѣлаете все, что можете“. Лично для себя вы можете приготовить супъ, *какой можете*, но когда беретесь дѣлать для другихъ, то уже приходится дѣлать не то, что вы можете, а то, что нужно другимъ; тогда закономъ для васъ является не ваше „могу“, но требованія того общества, насчетъ котораго вы живете. Нуженъ талантъ и умѣнье, чтобы отвѣчать на эти требованія, а не одно сознаніе въ собственномъ безсиліи. Если г-жа Буренина сознала, что ея рассказы составляютъ крайній предѣлъ того, что она можетъ, то отъ этого сознанія ея рассказы ничуть не выигрываютъ въ своемъ достоинствѣ; они все-таки будутъ бесполезнымъ пережевываніемъ чужихъ измышленій, извѣстныхъ и переизвѣстныхъ всѣмъ читающимъ дѣтямъ. Въ рассказѣ „Дочь контрабандиста“ достаточно прочесть двѣ или три страницы, чтобы самостоятельно придти къ тѣмъ избитымъ ужасамъ и приключеніямъ, о которыхъ распространяется г-жа Буренина. Рассказъ „Бастилія“ также страдает дряхлостью, ибо кому не надобно слушать о тѣхъ продѣлкахъ и махинаціяхъ, къ которымъ прибѣгаютъ заключенные для своего освобожденія. Въ такомъ избитомъ жанрѣ составлены и два остальныхъ рассказа: „Исторія маленькаго негра Яра“ и „Вѣрная Дельта“. Г-жа Буренина можетъ, конечно, оставаться при утѣшительномъ мнѣніи, что она „сдѣлала все, что могла“, но каково оставаться дѣтямъ при ея рассказахъ изъ которыхъ не вынесешь ничего, кромѣ скуки и громовыхъ правоученій.

Въ обширной рыночной кладовой нашей дѣтской литературы не послѣднее мѣсто занимаютъ рассказы исключительно фантастическаго содержанія, и потому нашъ обзоръ былъ-бы неполонъ, если-бъ мы не указали на „Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ“ *), составленныя подъ редакціей нѣкоей

*) Содержаніе «Сказокъ, преданій и легендъ»: Старый скрига, англійская сказка, Ч. Диккенса.—Островъ счастья, Г. Андерсона. — Хрустальный башмачекъ, Эрнеста Лауша.—Густъ Тралала, Матильда Гестринъ. — Принцесса-раз-красавица, ел-же.—Фалунскіе рудники, изъ Гофмана. — Воздушный корабль, А. Бехштейна.—Сестра, Э. Дитгофа.—Невидимое царство, Р. Леандеръ. — Переселенцы, Г. Егера.—Барышня-великанша, Отто.—Языкъ животныхъ.—За одного смышленнаго двухъ несмышленныхъ можно дать.—Лѣсныя Виллы.—Судьба.—Тяжба.—Перстень Кунингунды.—Силачъ Христофоръ.—Мечъ Цунига. — Замокъ Пиктордо.—Повѣсть о прекрасной Мелюзинѣ.

г-жи Владиміровой. „Дѣло“ нѣсколько разъ высказывало свои воззрѣнія на подобнаго рода произведенія, и останавливаться на „Сказках“ г-жи Владиміровой — значило-бы повторять старое. Эти сказки нельзя иначе назвать, какъ фокусомъ педагогики, — педагогики, возбуждающей свои немощныя силы приѣмами гашиша. Въ сущности сказки не подлежатъ литературной критикѣ, потому что онѣ дѣйствуютъ не на головной, а на спинной мозгъ, и дѣйствіе ихъ тѣмъ болѣе вредно, что въ жертву имъ отдается не организмъ взрослыхъ, а слабая и въ высшей степени впечатлительная нервная система ребенка. Мы даже просили-бы г-жу Владимірову посвятить свои сказки людямъ опытнымъ и взрослымъ и не беспокоить ими дѣтей, но она, безъ сомнѣнія, всплеснула-бы руками и искренно посяялась-бы надъ такой наивной просьбой. Г-жа Владимірова, конечно, замѣтила-бы, что вся штука-то въ томъ и состоитъ, что взрослые не повѣрятъ въ дѣйствительность сказочныхъ сценъ, а то, во что не вѣришь, не можетъ быть и предметомъ наслажденія. Такимъ образомъ, г-жа Владимірова издала свои сказки въ надеждѣ, что дѣти искренно примутъ любой фантастическій абсурдъ за святую истину.

Мы подошли къ концу нашего обзора дѣтской литературы. Читатель видѣлъ, что изъ пяти разобранныхъ нами книгъ не нашлось ни одной, которую-бы можно было назвать умной дѣтской книгой и рекомендовать ее неглупому ребенку. Всѣ эти сборники составлены, какъ арлекинскій костюмъ, изъ разныхъ лоскутковъ, лицами, неимѣющими между собою ничего общаго, кромѣ желанія быть напечатанными подъ одной обложкой и подъ формой одного или двухъ издателей; всѣ они спекулируютъ на бѣдность нашей литературы, въ которой, конечно, сойдетъ съ рукъ всякая печатная нелѣпость; на простоту публики, которая дѣйствительно нуждается въ хорошихъ книгахъ для дѣтей, ищетъ и не находитъ ихъ; наконецъ, на бессиліе критики, которая удалась въ однѣ личныя соображенія и проходитъ молчаніемъ самыя некрасивыя явленія. Быть можетъ, нашъ отзывъ о разобранныхъ здѣсь книгахъ огорчитъ ихъ издателей и покажется имъ слишкомъ суровымъ, — въ такомъ случаѣ, пусть примутъ они въ оправданіе наше искреннее заявленіе, что и мы огорчены не менѣе ихъ. Намъ по-истинѣ страшитъ эта повальная безталанность нашихъ педагоговъ, это спокойствіе самодовольнаго сознанія, „дѣлающаго все, что можно“, и не сдѣ-

лавшаго ничего, что внесло-бы хоть крупицу добра и пользы въ темную область дѣтскаго воспитанія.

Читатель можетъ замѣтить намъ, что дѣтская литература не исчерпывается пятью разобранными нами книгами и что еще осталось множество другихъ, среди которыхъ, пожалуй, найдется нѣчто достойнѣе дѣтскаго вниманія. Но пять разобранныхъ нами книгъ взяты не наугадъ, а избраны, какъ лучшія изъ лучшихъ, и мы можемъ смѣло сказать, что во всей нашей такъ-называемой дѣтской литературѣ есть одна книга, которую не только можно, но и необходимо читать дѣтямъ. Эта книга — „Робинзонъ Крузе“, слишкомъ хорошо извѣстная читателямъ, чтобы нужно было о ней распространяться. Она, конечно, еще долго будетъ любимой книгой дѣтей, потому что, какъ истинно гениальное произведеніе, она уступитъ мѣсто только достойному себя и гениальному сопернику. „Робинзонъ Крузе“ являлся у насъ, уже въ нѣсколькихъ изданіяхъ, и мы отъ души радуемся этому, потому что мы не знаемъ другого произведенія, которое-бы такъ просто и такъ легко увлекало ребенка и такъ сильно дѣйствовало на его нравственныя и умственныя силы. У насъ были уже хорошія изданія „Робинзона Крузе“, но новое изданіе г. Лессевича во всѣхъ отношеніяхъ лучше старыхъ. Оно чуждо нѣкоторыхъ анти-педагогическихъ элементовъ, составляющихъ обычную принадлежность всѣхъ почти дѣтскихъ книгъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Недостаточность нашего знакомства съ современными политическими дѣятелями.—Шаткость приговора общественнаго мнѣнія.—Революціонный задоръ Бэле.—Эксцентричный префектъ полиціи, Коссиѣрь.—Инсурекціонная экспедиція въ Бельгію, устроенная парижскимъ префектомъ.—Бэле и Делеклюзъ.—Характеръ Бэле.—Успѣхи Бэле.—Оппозиція второй имперіи.—Месть Рошфору.—Министерская дѣятельность Бэле.—Нападки на альманахи.—Компанія противъ газетъ.—Чтеніе газетъ дѣлаетъ жандарма неблагонамѣреннымъ въ глазахъ Бэле.—Мѣра противъ подозрительныхъ.—Гоненіе на фарандоль.—Гражданскія похороны.—Выходка Бэле въ отвѣтъ на запросъ объ осадномъ положеніи.—Отставка Бэле.

По зрѣломъ размысленіи каждый изъ насъ долженъ сознаться, что онъ менѣе знакомъ съ извѣстными личностями современной эпохи, чѣмъ съ историческими дѣятелями временъ минувшихъ. Наше ухо свыкается съ именемъ извѣстной личности, которое приходится слышать чуть не ежедневно; перечитывая газеты, мы безпрестанно встрѣчаемъ это имя и намъ кажется, что мы отлично знаемъ личность, посвящую его. Но это намъ только кажется, въ дѣйствительности-же мы очень мало знаемъ о ней. Правда, каждый день газеты даютъ намъ готовое мнѣніе о людяхъ и событіяхъ; онѣ рѣшительно и смѣло толкуютъ о вѣроятныхъ результатахъ, къ какимъ должны привести извѣстныя событія; онѣ съ одинаковой легкостью роятся въ прошломъ и настоящемъ и съ необычайной прозорливостью предвидятъ будущее; ежедневно всеобщая исторія, различныя доктрины, самая наука служатъ матеріаломъ для приготовления извѣстнаго сорта рагу, которое въ качествѣ *блюда этого дня* преподносятъ намъ наши интеллектуальные рестораны. На слѣдующій день это блюдо подается уже подъ другимъ соусомъ; на слѣдующій — опять подъ новымъ. То, что вчера считалось существеннымъ, сегодня становится побочнымъ; на-

оборотъ, вчерашнее побочное нынче считается уже существеннымъ. Смотри по сезону, это кушанье нельзя подавать то слишкомъ горячимъ, то слишкомъ холоднымъ; повара, однакожь, заботятся о томъ, чтобы переходъ отъ теплой къ холодной пищѣ не былъ слишкомъ рѣзокъ. При томъ повара обязаны угождать вкусу публики, которая постоянно заявляетъ свое требованіе, чтобы ей какъ можно чаще давали новыя блюда. Она дѣлаетъ кислую мину, если сегодня ей подадутъ блюдо, которое она съ наслажденіемъ ѣла третьяго дня и приходитъ въ негодованіе, когда ее подчуютъ кушаньемъ, которое ей нравилось двѣ недѣли тому назадъ. Публикѣ подавай каждый день новинку, а какова эта новинка, изъ какихъ матеріаловъ она приготовлена—ей рѣшительно все-равно. Говорятъ, что природа не любитъ пустоты; эту доктрину очень удобно примѣнить къ нашимъ желудкамъ, которые рѣшительно не могутъ выносить пустоты, въ особенности желудка интеллектуальныя, которые вѣчно требуютъ, чтобы ихъ наполняли идеями, при чемъ они не особенно разборчивы и безразлично принимаютъ какъ здоровую, такъ и вредную пищу, какъ питательныя вещества, такъ и ядовитыя. Отъ этого такъ-называемое общественное мнѣніе, представляющее собою экстрактъ, извлеченный изъ мнѣній отдѣльныхъ личностей, безпрестанно впадаетъ въ чрезвычайно странныя противорѣчія, перепутываетъ принципы и доктрины, колеблется въ такихъ случаяхъ, когда, повидимому, не должно быть мѣста колебанію, и поступаетъ слишкомъ рѣшительно, хотя въ данныхъ обстоятельствахъ слѣдуетъ дѣйствовать съ большей осмотрительностью. Разительнымъ примѣромъ легкомыслія общественнаго мнѣнія могутъ послужить успѣхи Наполеона III. Но его поносятъ теперь тѣ-же самые люди, которые преклонялись предъ нимъ, которые помогли его возвышенію, которые кричали о немъ, какъ о человѣкѣ великомъ, какъ о спасителѣ Франціи. Но развѣ одни французы увлекались Наполеономъ III? Въ свое время лондонскій „Times“ катилъ ему не меньше парижскаго „Journal Officiel“. Другой примѣръ противорѣчій общественнаго мнѣнія мы видимъ на г. Бисмаркѣ. Восемь лѣтъ тому назадъ прусская національно-либеральная партія, дающая тонъ общественному мнѣнію Пруссіи, кричала, что Бисмаркъ человѣкъ вредный, что во что-бы то ни стало его слѣдуетъ свергнуть, иначе погибнетъ прусскій либерализмъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезнетъ всякая надежда

на осуществленіе великаго германскаго единства; по мнѣнію національныхъ либераловъ, великій патріотъ долженъ былъ питать къ Бисмарку чувства ненависти и быть съ нимъ въ оппозиціи; теперь тѣ-же самые національные либералы, по-прежнему увѣряющіе всѣхъ, что они отлично знаютъ Бисмарка, называютъ его Лютеромъ XIX столѣтія и не находятъ словъ для прославленія его. А сколько разъ общественное мнѣніе измѣняло свой приговоръ относительно Тьера: его то проклинали, то называли героемъ чести и справедливости, поборникомъ права и прогресса. Чуть не вчера мы присутствовали при поразительныхъ колебаніяхъ общественнаго мнѣнія въ отношеніи этого государственнаго человѣка, въ рукахъ котораго еще такъ недавно были судьбы цѣлой страны.

Приведенные примѣры, касающіеся людей, производившихъ особенно много шума своей дѣятельностью, достаточно ясно показываютъ, какъ шатко и измѣнчиво общественное мнѣніе. Несомнѣнно, что главная причина этой шаткости и измѣнчивости заключается въ невѣжествѣ. Созданія минуты, большинства всегда руководствуются настоящимъ, впечатлѣніемъ данной минуты; они забываютъ о томъ, что предшествовало данному положенію, ихъ мало беспокоятъ послѣдствія, къ которымъ приведетъ это положеніе. Они жаждутъ новыхъ ощущеній, но не новыхъ идей; они желаютъ, чтобы постоянно возбуждали ихъ страсти; примѣры прошлаго для нихъ не существуютъ, они не хотятъ искать въ нихъ указаній. Такимъ большинство было всегда, такимъ оно остается до сихъ поръ и, по всей вѣроятности, долго еще не измѣнится, потому что контингентъ людей, всегда отдающихъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, усиливается очень медленно. Большинство такъ-называемыхъ образованныхъ людей и до сихъ поръ еще нерѣдко смѣшиваетъ причину съ ея послѣдствіями и лишено здравой логики. Къ счастью людей, большинство не всегда оказываетъ свое подавляющее вліяніе: бываютъ моменты, когда оно склоняется передъ серьезнымъ, развитымъ, здраво рассуждающимъ и здраво дѣйствующимъ меньшинствомъ. Это моменты поступательнаго движенія человѣчества; всѣмъ лучшимъ, что оно имѣетъ, всей небольшой долей своего счастья человѣчество обязано этому интеллигентному меньшинству.

На страницахъ нашего журнала не разъ уже появлялись биографическіе очерки извѣстныхъ личностей, руководящихъ ходомъ политическихъ дѣлъ. Мы считаемъ эти очерки крайне-полезными и необходимыми: трудно составить себѣ ясное понятіе о событіяхъ, не зная людей, которые сильно вліяли на ходъ этихъ событий; точно также знакомство съ настоящей дѣятельностью извѣстной личности не даетъ возможности произнести надъ нею правильный приговоръ, если неизвѣстно ея прошедшее. Последнее время мы останавливались преимущественно на извѣстностяхъ, которыхъ выдвинула французская нація; мы дѣлали это потому, что біографіи этихъ господъ крайне поучительны. И настоящую хронику мы посвятимъ французамъ: бывшему министру внутреннихъ дѣлъ въ „министерствѣ борьбы“, составленномъ герцогомъ Брольи, и маршалу Мак-Магону, герцогу наджентскому.

В Э Л Е.

I.

Наименѣ популярнымъ и наиболѣ антипатичнымъ изъ всѣхъ министровъ „министерства борьбы“, составленнаго герцогомъ Брольи 13 (25) мая этого года, былъ, безспорно, Бэле, исключенный изъ состава новаго кабинета, образованнаго тѣмъ-же герцогомъ Брольи послѣ вотированія палатой семилѣтняго президентства Мак-Магона.

Наружность Бэле крайне несимпатичная, вульгарная; онъ держится прямо, всегда одѣтъ въ черное. Длинный, сухощавый, худой въ лицѣ, Бэле носитъ бакенбарды котлетами, что еще болѣе придаетъ его лицу непріятное выраженіе; губы у него сжаты, кожа на лицѣ желтая; взглядъ его холодный, педантическій; каждымъ движеніемъ своимъ онъ какъ-бы желаетъ показать, что онъ человѣкъ, обладающій громадными талантами и вполне достойный уваженія. Извѣстнаго рода меланхолическое высокоуміе, которымъ онъ даритъ cadaго, кто имѣетъ съ нимъ дѣло, показываетъ, что Бэле увѣренъ въ томъ, что никто его не понимаетъ и неблагодарное отечество не сумѣло вознаградить его по достоинству. Между тѣмъ отечество даже черезчуръ щедро воз-

наградило его, оно дало ему значеніе далеко не по заслугамъ. Вмѣсто того, чтобы отринуть его, отечество постоянно расточало ему благосклонныя улыбки и награждало его весьма вѣскими материальными выгодами. Бале былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ „кабинетѣ борьбы“, т. е. располагалъ самымъ важнымъ портфельемъ. Въ то-же самое время онъ былъ членомъ института, членомъ литературной академіи, непрѣмнымъ секретаремъ академіи художествъ и профессоромъ археологіи. Занимая эти должности, онъ имѣлъ казенную квартиру и получалъ по каждой изъ нихъ весьма приличное жалованье. Сверхъ того, онъ засѣдаетъ въ національномъ собраніи въ качествѣ представителя отъ департамента Мэны и Лауры, и, разумѣется, получаетъ свое депутатское содержаніе. Кажется, и желать человѣку ужъ было нечего, но Бале все-таки продолжалъ считать, что его не оцѣнили по достоинству.

Бале началъ свою политическую дѣятельность не въ той партіи, къ которой онъ теперь принадлежитъ. Окончивъ отлично курсъ въ нормальной школѣ, онъ мечталъ получить кафедру, когда вспыхнула революція 1848 года. Бале привѣтствовалъ ее съ энтузіазмомъ, который, по всей вѣроятности, въ то время былъ еще искреннимъ. Ему захотѣлось принять личное участіе въ революціонномъ движеніи и онъ бросился въ потокъ революціи съ такой энергіей и съ такой наивностью, какими всегда проявляется энтузіазмъ очень молодыхъ людей. Во главѣ правительства былъ поставленъ Ламартинъ, сложившій свою лиру, которую онъ еще недавно настроивалъ на хвалебный тонъ и сочинялъ торжественныя оды; теперь Ламартинъ явился распорядителемъ судебъ юной республики. Но и въ своей административной дѣятельности Ламартинъ оставался поэтомъ; онъ только пересталъ писать оды и замѣнилъ ихъ лирическими изліяніями на греческій образецъ. Уже съ самыхъ первыхъ шаговъ своихъ республиканская администрація, съ Ламартиномъ во главѣ, показала свою слабость и несостоятельность, но парижане, увлеченные первыми успѣхами революціи, вѣрили, что республика окончательно установилась во Франціи и настолько сильна, что должна имѣть первенствующее значеніе въ средѣ европейскихъ государствъ. Пылкія головы, которымъ и на мысль не приходило, что существуютъ международныя права и отношенія, стали заявлять свои симпатіи Польшѣ и требовать войны съ Россіей, Австріей и Пруссіей. Самымъ горячимъ

ораторомъ въ этомъ духѣ былъ Бале, изъ головы котораго еще не успѣли испариться выученныя имъ наизусть въ школѣ рѣчи Демосфена, и онъ сыпалъ цитатами изъ нихъ, упоминалъ имена греческихъ героевъ и ораторовъ, которыхъ многіе изъ его слушателей никогда и не слыхивали.

Въ это время ораторскихъ дебютовъ Бале префектомъ парижской полиціи былъ Коссидьеръ, человѣкъ умный и съ характеромъ, но весьма безцеремонный при исполненіи своей официальной обязанности. По ночамъ, съ толпою веселыхъ товарищей, онъ посѣщалъ трактиры и увеселительныя заведенія и кутилъ тамъ напропалую, а по утрамъ важно принималъ донесенія отъ своихъ подчиненныхъ чиновниковъ о ночныхъ кутежахъ и беспорядкахъ въ этихъ заведеніяхъ. Вотъ этотъ самый Коссидьеръ, желая сдѣлать угодное Ламартину и Ледрю-Роллену, которымъ не нравилась вѣчная демонстрація въ пользу Польши, рѣшилъ, что лучше всего горячихъ ораторовъ отправить самихъ освобождать Польшу и производить революцію въ Бельгіи. Подъ рукою онъ организовалъ изъ нихъ отрядъ, который вооружилъ старыми ружьями, добытыми изъ стараго арсенала, и заржавѣлыми саблями и пустилъ ихъ на всѣ четыре стороны. Въ Польшу, конечно, идти имъ было невозможно; они отправились въ Бельгію.

Желая избѣжать непріятной переписки съ бельгійскимъ правительствомъ, хитрый Коссидьеръ сообщилъ брюссельскому префекту полиціи о готовящейся экспедиціи. Онъ пошелъ еще далѣе и такъ ловко подвелъ дѣло, что часть оружія экспедиціоннаго отряда была на одномъ ночлегѣ похищена неизвѣстными людьми, конечно, переодѣтыми полицейскими агентами, посланными самимъ Коссидьеромъ. На бельгійской границѣ инсurreкціонный четырехсотенный отрядъ, состоявшій изъ рабочихъ и учениковъ, какъ французовъ, такъ и бельгійцевъ, былъ встрѣченъ королевскими войсками, имѣвшими пушки, хорошія ружья и неподмоченный порохъ, какъ у инсургентовъ. О серьезномъ сопротивленіи, конечно, нечего было и думать, но пылкіе инсургенты попытались сразиться и были обращены въ бѣгство. Черезъ часъ послѣ начала битвы командующій королевскими войсками донесъ королю Леопольду I, что при Муссеронѣ онъ разбилъ инсургентовъ и отбросилъ ихъ за французскую границу.

Такъ окончилась эта инсurreкціонная экспедиція, въ которой

принималъ дѣятельное участіе Бэле. Первая неудача, однакожь, не охладила его совершенно. Въ качествѣ рѣшительнаго демократическаго оратора и краснаго республиканца, онъ предложилъ свои услуги префекту сѣвернаго департамента, Делеклюзу, другу Ледру-Роллена. Бэле, конечно, предполагалъ, что республика окончательно утвердилась во Франціи, но онъ скоро убѣдился, что ошибался въ своихъ расчетахъ: революціонный и республиканскій жаръ французской буржуазіи началъ уже остывать. Она стала опасаться, что дѣла зашли слишкомъ далеко, и, по своему обыкновенію, рѣшилась попридержать движеніе. Что-же дѣлалъ въ это время Бэле? Яростный демократъ и архи-радикальный ораторъ мало-по-малу смирился, стихъ и превратился въ самое скромное существо, заботящееся только о томъ, какъ-бы выйти здоровымъ и невредимымъ изъ переполоха. Онъ пріютился въ Муленѣ, занявъ въ университетѣ кафедру реторики, и съ этой минуты разошелся съ своей партіей. Бэле былъ командированъ во французскую школу въ Афинахъ; здѣсь онъ занялся изысканіями, результатомъ которыхъ явился отчетъ его о настоящемъ мѣстѣ Пропилей. Христофоръ Колумбъ открылъ Америку и былъ за это заключенъ въ тюрьму; молодой Бэле за открытіе Пропилей получилъ крестъ почетнаго легіона и доступъ въ институтъ и во всевозможныя академіи. Послѣ этого Бэле успѣвалъ все болѣе и болѣе, и наконецъ попалъ въ версальское національное собраніе, куда былъ избранъ въ качествѣ либеральнаго республиканца, что, однакожь, не помѣшало ему сойтись съ монархическими партіями. Ему везло и въ національномъ собраніи; онъ попалъ въ комиссіи: бюджетную, децентрализаціи и другія.

II.

Было-бы несправедливо утверждать, что Бэле своими успѣхами одолженъ только угодливости и умѣнью найти себѣ протекцію. Нѣтъ, Бэле человекъ талантливый, обладающій большимъ запасомъ знаній. Онъ всегда былъ угодливъ въ мѣру, онъ льстилъ, когда было нужно, но, случалось, показывалъ зубы; онъ ловко умѣлъ говорить комплименты, но не менѣе ловко худилъ, онъ даже кусался, — впрочемъ, только въ такомъ случаѣ, если это

дѣйствіе не могло повлечь за собой для него серьезныхъ неприя- тностей. Онъ былъ слишкомъ уменъ для того, чтобы сдѣлать рѣз- кій переходъ изъ одной партіи въ другую. Какъ замѣчательный стилистъ, онъ всегда чрезвычайно ловко умѣлъ обращаться съ письменнымъ и устнымъ словомъ. Такъ, онъ покинулъ партію Ледрю-Роллена безъ всякаго скандала. Въ первое время граница между прежними его политическими убѣжденіями и новыми была такъ тонка, что ее могли замѣтить развѣ только слишкомъ про- ницательные люди. Онъ постепенно, полегоньку, едва замѣтно ото- двигалъ эту границу все ближе и ближе къ реакціи, но посто- янно считался замѣчательнымъ и смѣлымъ либераломъ, даже и въ то время, когда онъ присоединился къ іезуитской реакціонной партіи, къ такъ-называемымъ либеральнымъ католикамъ.

Во время второй имперіи Бале принадлежалъ къ академической оппозиціи и прослылъ умнѣйшимъ и рѣшительнѣйшимъ изъ чле- новъ партіи. Не унижая нисколько умственныхъ качествъ Бале, надо сознаться, что въ то время очень нетрудно было прослыть умнѣйшимъ человѣкомъ. Для этого требовалась извѣстная манера говорить: сооронить человѣкъ серьезную мину, внушительно пока- чаетъ головой, сожметъ губы въ презрительную, ироническую улыб- ву, скажетъ эпитраму, — впрочемъ, отполированную на манеръ Фаллу и нашей соотечественницы Свѣчиной (игравшей видную роль во французскихъ салонахъ во время второй имперіи), — и репутація „умнѣйшаго“ человѣка готова и все сен-жерменское предмѣстье начинаетъ гладить его по головѣ. Бале получилъ доступъ въ оппозиціонные салоны Оссонвиля, Перье и Паскье. Его остроты, его холодныя, но ловко отдѣланныя рѣчи противъ второй импе- ріи очень нравились герцогинямъ, маркизамъ и виконтесамъ и наивнѣйшія изъ нихъ твердили: „о, какъ это зло, какъ это сильно! Еще нѣсколько такихъ ударовъ — и вторая имперія ру- шится!“ Успѣхи Бале въ сен-жерменскомъ предмѣстьѣ дали ему протекцію г-жѣ Ремюза и Гизо, которыя своимъ вліяніемъ до- ставили ему доступъ въ институтъ, а также мѣсто непремѣннаго секретаря въ академіи художествъ, которое онъ получилъ послѣ того, какъ его прославили героемъ либерализма, такъ-какъ въ дѣлѣ, въ то время занимавшемъ сен-жерменское предмѣстье, онъ оказался горячимъ сторонникомъ директора академіи, требовав- шимъ реформъ въ академіи, которыя гг. академики считали слиш-

комъ радикальными. Вслѣдъ за этимъ Бэле сталъ читать публичныя лекціи изъ римской исторіи и этимъ еще болѣе усилилъ свое значеніе, какъ представителя оппозиціи. Онъ прочелъ лекцію объ Августѣ, Тиверіѣ и Неронѣ и дѣлалъ въ нихъ такіе прозрачныя намеки, что его чтенія показались очень неприятными въ Тюльери. Въ свою очередь, и ему намекнули, что не желали-бы ихъ продолженія. Онъ не унялся и прочелъ лекцію объ императрицѣ Ливіи—и снова его обвиненіе дошло по адресу. Успѣхъ чтеній Бэле былъ поразительный; онъ быстро пріобрѣлъ популярность, даже и за границами сен-жерменскаго предмѣстья. Въ аристократическихъ же салонахъ его стали просто носить на рукахъ. Репутація рѣшительнаго противника второй имперіи утвердилась за нимъ окончательно. Но и его торжеству насталъ конецъ.

Явился Генрихъ Рошфоръ и смутилъ покой Бэле. Вооруженный только своимъ стальнымъ перомъ, не имѣя ни въ комъ изъ вліятельныхъ лицъ поддержки, Рошфоръ смѣло и рѣшительно напалъ на бонапартизмъ, на самого императора, императрицу, императорскаго принца, на толстаго Руэра, на худощаваго Пинара... Первые нумера его „Фонаря“ поразили всѣхъ и его популярность сразу затмила собою всѣ дешевыя популярности, какими пользовались люди, въ родѣ Бэле. Но никто изъ самихъ бонапартистовъ не бѣсился такъ на Рошфора, какъ прославленный представитель оппозиціи Бэле. Бэле никогда не могъ простить Рошфору; онъ возненавидѣлъ Рошфора за то, что тотъ своимъ „Фонаремъ“ заставилъ внутреннюю аристократическую публику забыть даже о самомъ существованіи своего недавняго любимца. И какъ только Бэле получилъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ, его первой заботой было приказать, чтобы Рошфора немедленно отправили въ ссылку, хотя онъ отлично зналъ, что правительство Тьера задержало Рошфора во Франціи только въ виду его болѣзненнаго состоянія и еще потому, что перевозка въ колоніи грозила опасностью самой его жизни.

Факты, приведенные въ нашей статьѣ, достаточно ясно опредѣляютъ характеръ Бэле, отличительными качествами котораго служатъ пронырство и изворотливость подъ маской исполнительности, интрига подъ прикрѣпленіемъ принциповъ. Онъ обладаетъ удивительнымъ искусствомъ заставить науку служить его собственнымъ интересамъ. Его хладнокровіе и мѣнье выходятъ изъ за-

труднительныхъ положеній по-истинѣ изумительны. Коварство его безгранично. Въ то самое время, когда онъ поддразнивалъ вторую имперію и изподтишка кусалъ ее, онъ имѣлъ смѣлость увѣрять императора Наполеона III въ своей преданности, въ своемъ глубокомъ уваженіи къ нему и его правительству: „онъ только защищалъ академію художествъ отъ придирчивыхъ нападокъ администраціи... Но онъ никогда не затрогивалъ и не затронетъ просвѣщенное и справедливое правительство второй имперіи, и если въ этомъ его обвиняютъ, то это клевета его враговъ“... Наполеонъ показывалъ видъ, что вѣрить ему, и послѣ изданія своей „Исторіи Юлія Цезаря“ послалъ экземпляръ ея Бале, какъ собрату по литературѣ. Польщенный этимъ вниманіемъ, Бале написалъ императору письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ: „Чувства мои къ вашему величеству останутся неизмѣнными; онѣ имѣютъ своимъ источникомъ глубокую преданность къ вамъ и признательность“...

Не удивительно, что Бале обманывалъ императора Наполеона III, обмануть котораго было вовсе нетрудно, такъ-какъ его обманывали очень многіе. Несравненно удивительнѣе, что ему удалось обмануть и столкнуть директора академіи художествъ, Ньюкерке, человѣка очень ловкаго, который былъ въ самыхъ интимныхъ сношеніяхъ съ принцессой Матильдой, тоже очень ловкой женщиной, надуть которую было нелегко. Мало того, что Бале столкнулъ Ньюкерке съ директорства, онъ вошелъ въ милость къ принцессѣ Матильдѣ и сталъ однимъ изъ постоянныхъ и интимныхъ посѣтителей ея дворца.

III.

Обратимся теперь къ административной дѣятельности Бале и посмотримъ, что совершилъ этотъ великій человѣкъ, когда въ его руки попалъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ. По плодамъ нетрудно опредѣлить дерево, ихъ выростившее; по дѣламъ познается человѣкъ.

Выше мы сообщили, какимъ актомъ Бале началъ свою министерскую дѣятельность. Послѣдующія его дѣйствія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усиливали его непопулярность, которая

значительно превзошла непопулярность прочихъ его товарищей по „министерству борьбы“. Мы не намѣрены здѣсь дѣлать оцѣнку этого министерства. Исторія воздастъ ему должное. Мы-же ограничимся сообщеніемъ фактовъ, которые весьма краснорѣчиво говорятъ сами за себя. Начнемъ съ факта, въ сущности мелкаго, но который характеризуетъ Бэле такъ-же отлично, какъ и шесть его Рошфору.

Въ одно изъ первыхъ засѣданій послѣ того, какъ Бэле занялъ министерскую скамью въ національномъ собраніи, къ нему подошелъ Пьеръ Лефранъ, республиканскій депутатъ департамента Пиренеевъ, по политическимъ убѣжденіямъ человѣкъ весьма умѣренный, и сказалъ ему:

— Г. министръ, моя дочь чрезъ нѣсколько дней выходитъ замужъ за X, подпрефекта въ Z. Вы крайне меня обяжете, если разрѣшите вашему подчиненному отпуску на нѣсколько дней.

— Очень радъ, дорогой товарищъ, что X, подпрефектъ въ Z, женится на вашей дочери! Могу васъ увѣрить, что онъ непременно получитъ желаемый отпускъ, потому что съ сегодняшняго дня я его увольняю отъ службы.

И, дѣйствительно, уволилъ. Съ самаго перваго дня своей министерской дѣятельности Бэле сталъ подписывать многочисленные приказы объ увольненіи префектовъ и подпрефектовъ и даже второстепенныхъ чиновниковъ префектуры. Остракизму подвергались не только искренніе республиканцы, которыхъ въ сущности было очень немного, но также умѣренные, люди безъ всякихъ политическихъ убѣжденій, однакожь такіе, которыхъ можно было подозревать въ неумѣнѣ „обрабатывать избирательный матеріалъ“, т. е. устроить дѣло такъ, чтобы во время выборовъ не прошелъ ни одинъ оппозиціонный депутатъ, какъ въ національное собраніе, такъ и въ департаментскіе совѣты. Но, видно, трудно идти противъ теченія: во все время министерства Бэле на выборахъ вездѣ одерживали верхъ республиканскіе кандидаты.

Однакожь, префекты, назначенные Бэле, ревностно исполняли свою обязанность. Вотъ разительный примѣръ. Одинъ изъ новыхъ префектовъ, изготовленія Бэле, вступивъ въ должность, потребовалъ отъ инспектора училищъ, чтобы онъ уволилъ одного школьнаго учителя.

— Съ какой стати увольнять его? отвѣчалъ инспекторъ.—

Какъ я, такъ вся община и ученики очень довольны имъ. Онъ прекрасный учитель.

— А все-таки его слѣдуетъ уволить, настаивалъ префектъ. — Развѣ вы не знаете, что Бале прислалъ меня сюда собственно за тѣмъ, чтобы вышвырнуть всѣхъ революціонеровъ за дверь.

Такъ-какъ мы заговорили объ учителяхъ, то приведемъ здѣсь кстати одинъ фактъ, касающійся народнаго образованія, отвѣтственность за который вмѣстѣ съ Бале раздѣляетъ бывший министръ народнаго просвѣщенія Батби и, конечно, также президентъ совѣта министровъ, Бролья.

Одинъ богатый промышленникъ, желая сдѣлать что-нибудь въ пользу первоначальнаго образованія во Франціи, внесъ въ кассу „лиги обученія“ (которая существовала во время второй имперіи и не подвергалась преслѣдованію) 10,000 франковъ и предложилъ раздѣлить эту сумму между свѣтскими учителями сельскихъ школъ, которые имѣли наибольшее число учениковъ въ послѣдній семестръ. Казалось-бы, въ такомъ предложеніи невозможно найти ничего вреднаго и опаснаго. Но Бале и Батби посмотрѣли на дѣло иначе и предписали префектамъ и инспекторамъ принять мѣры, чтобы распредѣленіе не состоялось. Они запретили учителямъ принимать деньги отъ „лиги обученія“, и если-бы лига вздумала вмѣсто денегъ выдавать книги или что-нибудь другое, не принимать и ихъ. Изъ чего-же сыръ боръ загорѣлся? Изъ-за небольшого слова *святскій*. При раздѣлѣ награды лига должна была обойти достопочтенныхъ отцовъ іезуитовъ и иныхъ патеровъ, которыхъ Бале и Батби, конечно, предпочитали свѣтскимъ учителямъ.

Но оставимъ тѣ факты, за которые Бале раздѣляетъ отвѣтственность съ другими лицами, и займемся тѣми, инициатива которыхъ принадлежитъ ему одному. Только одинъ перечень ихъ могъ-бы занять собой огромный томъ. Въ него вошли-бы всевозможныя продѣлки знаменитаго министра, но мы будемъ останавливаться только на такихъ, которыя болѣе другихъ возбуждаютъ смѣхъ; мы полагаемъ, что относиться серьезно къ дѣяніямъ г. Бале почти невозможно.

Бале запретилъ продавать купцамъ, торгующимъ въ разность, „Альманахъ Франклина“. Между тѣмъ этотъ альманахъ составляетъ точную и весьма умѣренную компиляцію сочиненій, изданныхъ

противъ социализма. Этотъ альманахъ пришелся по душѣ буржуазіи, которая и раскупила его. Онъ содержитъ въ себѣ цитаты и извлеченія изъ сочиненій Франклина, Бастіа, Чаннинга, Фредерика Пасси, Лабулэ и Тьера.

Если-бы г. Бэле не объяснилъ любезно причины, вызвавшей съ его стороны такое странное распоряженіе, то не было-бы никакой возможности угадать, какими мотивами онъ руководствовался, мѣшая распространенію такой невинной въ политическомъ отношеніи книги. Пунктовъ обвиненія три и виновными оказываются: Бастіа и Франклинъ. Бастіа, провозвѣстникъ буржуазной политической экономіи, виноватъ въ томъ, что онъ толкуетъ о свободѣ совѣсти, прессы, обученія и ассоціацій. Франклинъ проступился разсужденіемъ о томъ, что собранія, заключающія въ себѣ болѣе 700 членовъ, не могутъ успѣшно вести дѣла... Главнѣйшее-же преступленіе Франклина заключается въ слѣдующихъ — судите сами — ужасныхъ словахъ: „безпечный богачъ впадаетъ въ бѣдность; экономный работникъ обогащается“. Подобная фраза по мнѣнію Бэле, можетъ повлечь за собою самыя пагубныя толкованія.

Бэле напалъ также на „Альманахъ Матье Ландсберга“, который существуетъ уже болѣе 150 лѣтъ и никому никогда не приходило въ голову отыскивать въ немъ вредныхъ политическихъ тенденцій. Матье Ландсбергъ съ давнихъ поръ пользуется славой знаменитаго астролога; онъ предсказываетъ дождь и хорошую погоду за цѣлый годъ впередъ. Вина его заключалась въ томъ, что, говоря объ очищеніи французской территоріи отъ нѣмецкаго занятія, онъ приписалъ честь этого дѣла Тьеру.

Вообще Бэле съ особеннымъ рвеніемъ преслѣдовалъ альманахи. Въ одномъ иллюстрированномъ альманахѣ ему не поправилась одна совершенно невинная каррикатура и онъ настоялъ, чтобы ее замѣнили другою. Каррикатура изображала іезуита въ непривлекательномъ видѣ, а г. Бэле, какъ извѣстно, большой поклонникъ достопочтенныхъ патеровъ, отвсюду изгоняемыхъ, какъ люди вредные и опасные!

Отъ альманаховъ естественно перейти къ книгамъ. Бэле запретилъ публикацію о книгѣ: „Компанія въ восточной Франціи и армія Бурбаки“, сочиненіе генерала Кремера и полковника Пуле. Онъ запретилъ ее потому, что генераль Кремеръ искренній рес-

публиканецъ и въ своемъ сочиненіи говорить съ похвалою о Гарибальди и о военныхъ дѣйствіяхъ въ окрестностяхъ Дижона.

Официальный предлогъ запрещенія публикаціи былъ, конечно, иной. Видите-ли, публикація была иллюстрирована портретомъ Кремера въ генеральской формѣ. Ну такъ что-жь? скажете вы, читатель. Но въ этомъ-то и заключается вся суть. Вале нашель, что хотя Кремеръ во время кампаніи, описываемой въ его книгѣ, и былъ генераломъ, но теперь онъ подалъ въ отставку, слѣдовательно... выходитъ, что онъ генераломъ не былъ...

Все это было-бы смѣшно, когда-бы не было такъ грустно.

Съ спектаклями подобныя-же исторіи. Въ Лионѣ, префектъ Дюкро, другъ Вале, запретилъ представленіе пьесъ Мольера (ради Тартюфа), Виктора Гюго и даже — почти невѣроятно — Сарду, пьесу котораго „Рабагасъ“ марсельскій префектъ Кератри заставлялъ играть силой, чтобы шивальщиковъ сажать въ тюрьму... Невѣроятно, но факты эти не подлежатъ сомнѣнію.

Скучно выписывать рядъ запрещеній различныхъ брошюръ, написанныхъ противъ богомольныхъ путешествій, повлекшихъ за собою массу скандаловъ. Всѣ эти брошюры подвергались преслѣдованію безъ суда и слѣдствія, послѣ того, какъ газета „Univers“ объявляла ихъ оскорбительными для католицизма.

Съ другой стороны, Вале всѣми зависящими отъ него средствами помогаль распространенію ипожества полуграмотныхъ, полудивихъ сочиненій, написанныхъ въ защиту, будто-бы, поправленныхъ правъ католицизма и въ особенности католическаго духовенства... А еще говорятъ, что Вале умный человѣкъ!

IV.

Кампанія экс-героя либерализма Вале противъ республиканскихъ газетъ составляетъ цѣлую эпопею. Онъ такъ много запрещалъ, останавливалъ, конфисковалъ, что къ этому всѣ привыкли на-столько, что, наконецъ, на его набѣги стали обращать вниманіе только однѣ жертвы его административной ревности...

Вале преслѣдовалъ не только издателей, редакторовъ и писателей, — онъ шелъ далѣе — онъ караль даже самихъ читателей.

— Ну, любезный другъ, говорить одинъ почтенный буржуа

жандарму, который не разъ отличался при исполненіи своихъ обязанностей,—скоро-ли мы дождемся, что вамъ дадутъ повышеніе, которое вы давно заслужили.

— Увы! отвѣчалъ меланхолически жандармъ;—при нынѣшней администраціи я не могу ожидать никакого повышенія. Меня включили въ разрядъ неблагонамѣренныхъ, за то, что я читаю газеты.

Если Бале такъ подозрительно относился къ жандармамъ, отличившимся ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, то еще подозрительнѣе онъ смотрѣлъ на каждого гражданина, на каждого прохожаго, на каждого проѣзжаго. Ему вездѣ чудились революціонеры и революція, заговоры и заговорщики. Чтобы обезопасить себя отъ ужасовъ, какіе носились въ его воспаленномъ воображеніи, онъ прибѣгъ къ весьма остроумному средству: собрать въ большихъ городахъ тайно свѣденія о всѣхъ подозрительныхъ (а такими въ глазахъ Бале были всѣ, которыхъ не одобряли іезуиты, т. е. девять десятыхъ городского населенія) гражданахъ и свѣденія эти представить въ префектуру и къ нему. Для собранія этихъ свѣденій понадобился цѣлый полкъ новыхъ тайныхъ агентовъ, которымъ предписано было узнать о каждомъ гражданинѣ слѣдующее: 1) чѣмъ занимается онъ? 2) въ которомъ часу уходитъ изъ дому? 3) когда возвращается домой? 4) описаніе его примѣтъ и его лѣта; 5) гдѣ онъ обѣдаетъ и въ которомъ часу? 6) уходитъ-ли онъ изъ дому вечеромъ? 7) не возвращается-ли домой очень поздно? 8) куда уходитъ онъ или, если неизвѣстно, то по какому направленію? 9) если уѣзжалъ изъ Парижа (или другого города), то на долго-ли? 10) давно-ли онъ живетъ на этой квартирѣ? 11) женатъ-ли онъ? 12) кто бываетъ у него? 13) католикъ-ли онъ или другого исповѣданія? и пр. и пр... Чѣмъ окончилась эта экспедиція—неизвѣстно.

Фарандоль, провансальская хороводная пляска, послужившая образцомъ для котильона, въ большомъ ходу въ департаментахъ: воклюзскомъ, устьевь Роны, варскомъ и пиренейскихъ. Танецъ этотъ, веселый, живой, сопровождается веселымъ пѣніемъ, подѣ

которое пары сходятся и расходятся, становятся въ кругъ, размыкаютъ его и пр.; мѣстные жители большіе охотники танцовать и свой національный танецъ танцуютъ буквально до упаду.

Ученые утверждаютъ, что Тезей изобрѣлъ танецъ, въ которомъ танцоры подражаютъ движеніямъ журавля во время перелета. Судя по описаніямъ этого танца, несомнѣнно, что фарандоль составляетъ его вѣрную копію, очень мало измѣненную. Преданіе гласитъ, что фарандоль занесенъ изъ Малой Азіи во Францію фокейцами, основавшими Марсель.

Ни одинъ семейный или народный праздникъ въ Провансѣ и Лангедокѣ нѣсколько столѣтій къ ряду не обходится безъ фарандоля. Вдругъ, въ одинъ прекрасный день населеніе департамента восточныхъ Пиренеевъ было озадачено слѣдующимъ декретомъ своего префекта.

„Префектъ и т. д.

„Принимая во вниманіе, что часть населенія департамента восточныхъ Пиренеевъ находятъ, что танецъ, называемый фарандоль, возбуждаетъ революціонныя воспоминанія;

„Принимая въ соображеніе, кромѣ того, что буйность самаго танца и пѣсни, его сопровождающія, нерѣдко причиняютъ безпорядки, что и оправдываетъ вышеупомянутое мнѣніе населенія,—

„Постановляетъ:

„Ст. I. Танецъ фарандоль запрещается во всемъ департаментѣ восточныхъ Пиренеевъ.

„Ст. II. Подлежащія власти обязываются наблюдать за исполненіемъ настоящаго декрета, который внесенъ въ Сводъ административныхъ распоряженій.

„Перпиньянъ, 3 сентября 1873 года. Префектъ департамента восточныхъ Пиренеевъ Жизольтъ“.

Добродушные люди обратились къ министру Бэле съ просьбой объ отмѣнѣ этого декрета, но онъ утвердилъ распоряженіе своего префекта. Разъ давъ слово префектамъ, что онъ во всѣхъ случаяхъ станетъ защищать ихъ противъ населенія, онъ сдерживалъ его вполнѣ и дѣйствительно всегда покрывалъ префектовъ. Въ данномъ случаѣ его не тронуло даже имя Тезея, изобрѣтателя танца, хотя главнымъ образомъ грекамъ онъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ: первый толчокъ его карьерѣ дали его изслѣдованія о „Пропислахъ“.

„Дѣло“, № 12.

Право, читая декреты, подобные вышеприведенному, можно было-бы подумать, что Бэле и его префекты спятили съ ума; но, нѣтъ, они и послѣ подобныхъ декретовъ продолжали получать жалованье, присвоенное ихъ мѣстамъ, и подписывать такіа-же курьезныя распоряженія, какъ декретъ о фарандолѣ.

Бэле, желавшій обнять своимъ административнымъ вмѣшательствомъ все, не оставилъ въ покоѣ даже похоронъ. Ему не нравилось, что гражданскія похороны (т. е. безъ сопровожденія священниковъ) совершаются во всякое время дня. Желая избавить ревностныхъ католичекъ отъ соблазна, онъ постановилъ, что гражданскія похороны должны происходить рано утромъ, пока любезные сыны и дщери католической церкви спать спокойнымъ сномъ.

Но, къ прискорбію Бэле и его префектовъ, результатомъ этой мѣры было не уменьшеніе гражданскихъ похоронъ, какъ они рассчитывали, а, напротивъ, значительное увеличеніе ихъ числа, такъ что отъ точнаго исполненія декрета произошли серьезныя практическія затрудненія. Пришлось издать дополнительную статью, которой разрѣшалось гражданскія похороны совершать также и въ три часа пополудни—ни минутой раньше, ни минутой позже.

Далѣе. Черезъ двѣ недѣли послѣ вступленія своего въ должность министра французской республики, Бэле разослалъ префектамъ циркуляръ, предлагая имъ сдѣлать извѣстнымъ населенію, что „республикѣ ни въ какомъ случаѣ не суждено сдѣлаться легальнымъ и постояннымъ правительствомъ страны. Настоящая республика только временная, и всякій можетъ высказывать свое предпочтеніе другой правительственной формѣ...“

Получивъ такой странный циркуляръ отъ министра республики, болѣе ретивые префекты стали уничтожать бюсты республики, запрещать пѣніе марсельезы, закрывать республиканскіе клубы и пр. Одинъ префектъ даже рискнулъ запретить трехцвѣтное знамя, но, въ виду сильнѣйшаго протеста населенія, къ которому присоединилась сама полиція, вынужденъ былъ отказаться отъ преслѣдованія національнаго знамени.

Мы-бы никогда не кончили, если-бъ вздумали продолжать перечень административныхъ подвиговъ Бэле. Между тѣмъ мы не сказали еще ни слова о самомъ главномъ его подвигѣ: о незнаціи, которые именно изъ французскихъ департаментовъ находятся

въ осадномъ положеніи, а которые нѣтъ. Правда, цѣлыхъ 51 департаментъ Франціи испытываетъ на себѣ удобства осаднаго положенія—гдѣ-же, въ самомъ дѣлѣ, запомнить такую массу именъ! Бѣдный Бале растерялся, когда ему въ палатѣ сдѣлали запросъ объ одномъ департаментѣ. Онъ обѣщаль отвѣтить на другой день—и отвѣтилъ. Оказалось, по его словамъ, что этотъ департаментъ предполагала объявить въ осадномъ положеніи императрица Евгенія, но декретъ не успѣли объявить въ „Монитерѣ“, поэтому онъ, Бале, и нашелъ лучшимъ счесть этотъ департаментъ въ числѣ состоящихъ въ осадномъ положеніи. И это министр!

Но пора кончить. Бале послѣ своихъ многочисленныхъ кампаній противъ того и этого, сталъ на-столько непопуляренъ, что даже Брольи, тоже не гоняющійся за популярностью, не рискнулъ оставить за нимъ портфель, когда ѣму пришлось составить новое министерство. Бале на-столько былъ неловокъ, что своими дѣйствіями компрометироваль своихъ товарищей по кабинету, хотя и они, въ свою очередь, заварили такую кашу, которую очень трудно будетъ расхлебывать ихъ преемникамъ.

Предполагаемая біографія маршала Маг-Магона, по своимъ обширнымъ размѣрамъ, не могла войти въ эту книжку по недостатку мѣста и будетъ напечатана въ январской книгѣ 1874 года.

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

„Гражданинъ“ и „Русскій Міръ“. — „Русская Старина“ и „Русскій Архивъ“.

Въ прошлой книжкѣ нашего журнала, заключая обзоръ провинціальной журналистики, мы обѣщали заняться и ея старшей родной сестрицей — журналистикой столичной, которая даетъ тонъ и характеръ своей единовременной родственницѣ. Начнемъ съ доблестнаго „Гражданина“. Оканчивая второй годъ своего существованія, „Гражданинъ“ вступаетъ въ третій, надѣясь по-прежнему на поддержку „добрыхъ людей“ и рассчитывая даже на содѣйствіе волостныхъ правленій, для которыхъ онъ предлагаетъ подписку на облегчительныхъ условіяхъ... Но на содѣйствіе волостныхъ правленій онъ рассчитываетъ только въ будущемъ году; что-же касается прошлаго, то журналъ могъ существовать только благодаря поддержкѣ *добрыхъ людей*, о которой неоднократно заявляла старая редакція и въ продолженіи которой убѣждаетъ насъ откровенное признаніе новаго редактора, Ф. Достоевскаго. Знаменитый писатель, удостоившись столь лестнаго званія редактора-издателя „Гражданина“, по его собственнымъ словамъ, попалъ въ такое положеніе, что „остается лишь одно: подыскать какого-нибудь одного подходящаго человѣчка или даже нанять его, и только съ нимъ однимъ и разговаривать, можетъ быть, для него одного и журналъ издавать. *Положеніе омерзительное, ибо это все равно, что разговаривать съ самимъ собой и издавать журналъ для собственнаго удовольствія. Я сильно подозреваю, что „Гражданину“ домо еще придется говорить съ самимъ собой, для собственнаго удовольствія“* (№ 1, стр. 14). Но г. Достоевскій напрасно отчаявается и приводитъ въ смущеніе своего достойнаго камрада, вн. Мещерскаго; „Гражданинъ“ пользуется не только матеріальной поддержкой добрыхъ людей, но

и нравственной, о которой онъ совершенно не встаетъ умалчиваетъ. Яростно нападавъ на журналистику, называя себя *львомъ*, а всѣхъ своихъ противниковъ *свиньями* (стр. 15), „Гражданинъ“ до сихъ поръ скрываетъ отъ своихъ читателей, что одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ журналовъ давно уже отзывается о немъ съ величайшей похвалою и даже вступилъ съ нимъ въ союзъ для совокупной борьбы съ бѣсовскими наводненіями. Маслитый редакторъ „Домашней Бесѣды“, В. Аскоченскій, называя себя „убогимъ вѣщателемъ правды“, гласить тако: „*давайте-же руку, почтенный „Гражданинъ“, и поидемте вмѣстѣ на дѣло и дѣланіе наше даже до вечера... Вы будете говорить въ юстакъ, мы—дома*“. Съ такимъ сильнымъ покровителемъ и союзникомъ, кажется, нечего-бы отчаяваться вамъ, гг. Мещерскій и Достоевскій. Ваша тройственная сила, штатская, духовная и военная, — сила, ополчившаяся на бѣсовъ, достойна была-бы торжественной оды; но я не рискую взяться за лиру, такъ-какъ для воспѣванія чортиковъ нужны не мои слабыя силы, а великій талантъ незабвеннаго Василья Андреевича Жуковскаго. Я упомянулъ про чортиковъ и изгнаніе бѣсовъ далеко не въ переносномъ смыслѣ. Г. Достоевскій не даромъ взялъ сюжетомъ своего послѣдняго романа изгнаніе бѣсовъ въ стадо свиное. Сдѣлавшись редакторомъ „Гражданина“, онъ внесъ въ журналъ новый элементъ, котораго прежде въ немъ не было, — элементъ мистицизма, фантастичности, бѣсовщины. Г. Достоевскій, между прочимъ, помѣщаетъ въ журналъ свои фельетоны (Дневникъ писателя), переполненные вымыслами болѣзненной фантазіи и такими бреднями, которыя невольно заставляютъ пожалѣть о настоящемъ умственномъ состояніи писателя, возбуждавшего когда-то столько надеждъ. Кажется, и самъ г. Достоевскій признаетъ опасность своего положенія (№ 1, стр. 14). „Со мной что-то странное происходитъ, пишетъ онъ, — и характеръ мѣняется, и голова болитъ. Я начинаю видѣть и слышать какія-то странныя вещи. Не то, чтобы голоса, а такъ какъ-будто кто подлѣ: „*бобокъ, бобокъ, бобокъ!*“ Какой такой *бобокъ*? Надо развлечься“ (№ 6, стр. 162). Въ другомъ фельетонѣ г. Достоевскій повѣствуетъ, какъ на кладбищѣ онъ подслушалъ разговоры погребенныхъ уже покойниковъ, какъ эти разлагающіеся трупы смлетничаютъ, изъясняются въ любви и т. д. Положимъ, что все это фантастическіе рассказы,

но самый уже выборъ такихъ сюжетовъ производить на читателя болѣзненное впечатлѣніе и заставляетъ подозрѣвать, что у автора дѣйствительно что-то неладно въ верхнемъ этажѣ. Весь, напр., фельетонъ въ 4 № наполненъ рацеей о какихъ-то проживающихъ по разнымъ губерніямъ провидцахъ и прорипателяхъ, одаренныхъ „удивительнымъ даромъ проникновенія въ душу человѣческую“ (стр. 97). Тутъ-же высказываются такія удивительныя мысли, что „можно очень много знать безсознательно“ (стр. 99) или-же: „самая главная, самая коренная духовная потребность русскаго народа есть *потребность страданія*, всегдашняго и неутомимаго, вездѣ и во всемъ. Эту жаждою страданія онъ, кажется, зараженъ искони вѣковъ“ (стр. 97). Чтобы удовлетворить этой потребности, г. Достоевскій требуетъ самыхъ строгихъ, самыхъ жестовихъ наказаній преступниковъ, *облегченія и очищенія* ихъ острогомъ и каторгой (№ 2, стр. 35). Даже на иностранную политику достопочтенная редакція „Гражданина“ смотритъ съ своей обычной точки зрѣнія. Дѣлая наипочтительнѣйшіе реверансы передъ графомъ Шамборомъ, редакція приписываетъ ему и всѣмъ легитимистамъ желаніе спасти Францію отъ грядущаго антихриста, „вступить въ борьбу со злымъ духомъ и одолѣть его“. Но при этомъ редакція предсказываетъ Шамбору рѣшительный неуспѣхъ, если ему удастся вступить на тронъ.

Тутъ и пророка божія мало, не только графа Шамборскаго. Новый духъ придетъ... Миръ спасется уже послѣ посѣщенія его злымъ духомъ. А злой духъ близко: наши дѣти, можетъ быть, узрять его“ (№ 41, стр. 1,093). Какъ, видите, читатель, г. Достоевскій совершенно согласенъ съ учеными выводами знаменитаго экс-профессора Аскоченскаго. Какъ-бы то ни было, но, начитавшись „Гражданина“, нельзя не убѣдиться, что въ современной жизни бѣсы ворочаютъ всѣмъ и подчасъ имъ удается соблазнять даже такихъ доблестныхъ мужей, какъ г. Достоевскій. Представьте себѣ, читатель, цѣлый годъ ораторствуетъ этотъ человѣкъ въ своемъ журналѣ о матерьяхъ важныхъ, о добродѣтели, о вредѣ пьянства, о состраданіи, о спасительности каторги, — вдругъ, ни съ того, ни съ сего начинаетъ изображать, какъ ругаются скверными словами пьяные мастеровые. Цѣлый фельетончикъ объ этомъ написалъ, и когда одинъ журналъ замѣтилъ ему, что подобныя сюжеты не совсѣмъ приличны, то г. До-

стоевскій началъ защищаться (№ 32), не понимая, бѣдный, даже того, что фельетонъ этотъ, какъ писанный подъ вліяніемъ бѣсовскаго навожденія, не можетъ быть вѣненъ ему въ вину.

Одна уже проповѣдь объ антихристѣ ставитъ „Гражданинъ“ въ одинъ рядъ съ „Домашней Бесѣдой“, редакторъ которой такъ радушно предложилъ ему идти рука объ руку „на дѣло и дѣланіе свое“. Но сходство ихъ этимъ не ограничивается. Будучи, подобно „Домашней Бесѣдѣ“, журналомъ свѣтскимъ, „Гражданинъ“ посвящаетъ значительную часть своихъ страницъ церковнымъ дѣламъ. Въ немъ помѣщаются подробные протоколы общества любителей духовнаго просвѣщенія, передовыя статьи по случаю великаго поста, напр. (№ 10), проповѣди надгробныя (№ 42) и т. д. Даже заграничныя корреспонденціи его, напр., „Русскіе листки изъ-заграницы“, говорятъ преимущественно о храмахъ, аббатствахъ, сектахъ (№ 32 и др.). Далѣе, и въ „Домашней Бесѣдѣ“ и въ „Гражданинѣ“ есть свой свистокъ; въ первой онъ называется „Блестки и изгарь“, а въ „Гражданинѣ“ — „Послѣдняя страничка“. „Послѣдняя страничка“ наполняется анекдотами совершенно банальными, давнымъ-давно извѣстными и интересными развѣ только для камердинера г. Мецерскаго. Вотъ, напр., одинъ изъ анекдотъ и притомъ изъ лучшихъ. „Солдатъ полякъ спорить съ солдатомъ русскимъ о томъ, кто изъ нихъ дальше бывалъ въ походахъ. — Я-же *вшендзе* (вездѣ) былъ, говорилъ полякъ. — А я за твоей *вшендзей* еще 5 верстъ былъ, отвѣчаетъ русскій“. И всѣ анекдоты „Гражданина“ въ такомъ родѣ. Читая ихъ удивляешься, однакожь, не ихъ глупости, а тому, что юмористы „Гражданина“ неспособны выдумать сами даже такихъ плохихъ анекдотовъ, а принуждены выбирать и передѣлывать ихъ изъ разныхъ подходящихъ книжекъ. Вотъ, напр., „Теплыя напутственныя слова одного американскаго пастора послѣ вѣнчанія четы: „Итакъ, вы повѣнчаны! Живите счастливо, а главное любите другъ друга, ибо помните, что если вы любите другъ друга не будете, то ужъ навѣрно никто другой васъ не полюбитъ...“ Оба новобрачные были весьма дурны собою“ (№ 45, стр. 1,212). Анекдотъ этотъ похищенъ изъ „Старой записной книжки, начатой въ 1813 г.“ и помѣщаемой въ „Русскомъ Архивѣ“, гдѣ онъ изложенъ такъ: „Одинъ пасторъ вѣнчалъ двухъ молодыхъ весьма невзрачной наружности. По совершеніи обряда, сказалъ онъ имъ напутственную

рѣчь: „Любите другъ друга, потому что если не будетъ въ васъ взаимной любви, то кой чортъ можетъ васъ полюбить“ (Рус. Арх., 1873 г., стр. 2,154). Въ будущемъ году, какъ слышно, „Послѣдняя страничка“ будетъ наполняться анекдотами изъ кургановскаго письмовника.

Если-бы юмористы и обличители „Гражданина“ ограничивали свою дѣятельность „Послѣдней страничкой“, то журналъ ихъ стоялъ-бы гораздо ниже „Домашней Бесѣды“, остроуміе которой не ограничивается безпѣльнымъ шутовствомъ, а направляется противъ враговъ и служитъ разнымъ практическимъ цѣлямъ. Въ дѣлѣ инсинуаціи „Гражданинъ“ является вполне достойнымъ сотрудникомъ г. Аскоченскаго, хотя, сплошь и рядомъ, черезчуръ уже пересаливаетъ свои доклады и городитъ небывальщину, которой не повѣрятъ даже въ нашей легковѣрной землѣ. По этой части „Гражданинъ“ имѣетъ даже специальную сотрудницу, г-жу Крапивину, которая то-и-дѣло сообщаетъ ему разныя „происшествія, къ несчастію, истинныя“. Вотъ, напр., какое „происшествіе“ рассказывалъ Крапивиною одинъ исправившійся нигилистъ о своемъ бывшемъ товарищѣ Щуровѣ. Перваго ноября —го года, пригласилъ Щуровъ меня и еще человѣкъ шесть-семь къ себѣ „на выпивку“. „Отцомъ, говорить, буду, такъ надо этотъ казусъ хорошенько отпраздновать; благо, говорить, старый хрѣнъ—батяка денжатъ прислалъ...“ Мы всѣ посмѣялись, но, разумѣется, явились исправно... Теплые ребята!.. Комната у Щурова была одна. На постели лежала его гражданская супруга — ех-модистка. На столѣ мы застали цѣлую батарею бутылокъ съ пивомъ и ведерную сулею съ очищенной. Ну, еще селедка съ лукомъ, сыръ и колбаса. Закурили мы всѣ—кто папиросы, а кто и сигары. Въ комнатѣ стало темно, несмотря на свѣтъ двухъ большихъ лампъ. Стаканъ за стаканомъ, чарка за чаркой, начали мы тужать... Съ кровати раздавались жалобы, оханья, стоны и всерививанія... Щуровъ уговорилъ больную „испить малую толику“ и „молодцомъ, безъ помощи бабъ, родить ему на народъ наслѣдника“. Больная *истма*... Не знаю, долго-ли все это продолжалось, потому что проснулся я уже утромъ подъ столомъ, куда—не помню даже какъ—свалился, напившись до полной потери сознанія. Въ комнатѣ еще коптили догоравшія лампы. Воздухъ былъ убійственный. Слышался храпъ съ присвистомъ и невнятное бормотаніе

сквозь сонъ. Я сталъ осматриваться... и... и весь остатокъ хмѣля мигомъ улетучился изъ моей больной головы при видѣ того, что было кругомъ! Осколки побитой посуды валялись между спящими... Пивныя и водочныя лужи, съ табакомъ, золой и объѣдками, стояли по столу и по всему полу... Щуровъ угораздился попасть головой въ кучу грязнаго бѣлья, тутъ-же въ углу сваленнаго. Жена его спала... Лицо у нея было блѣдно-синее, какъ у трупа... Растрепанные и мокрые волосы, полосами прилипли къ ея осунувшимся щекамъ. Открытая грудь тоже мокрая... Вся подушка тоже... Вѣроятно, она такъ въ безпамятствѣ и родила, потому что на грязномъ полу, у кровати, лежало маленькое, сморщенное мертвое тѣльце—не „наслѣдника“, а „наслѣдницы.“ Ни отецъ, ни мать не слышали перваго крика новорожденнаго, и Богъ взялъ его обратно къ себѣ (№ 43, стр. 1,159). Читая подобныя нелѣпности, которыхъ въ „Гражданинѣ“ чѣмъ твоихъ звѣздъ на небѣ, невольно приходишь къ тому заключенію, что и у г. Достоевскаго, и у его сотрудниковъ дѣйствительно кое-что не въ порядкѣ. Все, что ни изобрѣтеть чудовищнаго ихъ больная фантазія, все гадкое, что только они могутъ услышать или выдумать,—все это они приписываютъ извѣстному *изму*, направленію. Вотъ содержаніе другого разсказа той-же Крапивиной. Къ петербургскому адвокату является нѣкая несчастная, больная дама и повѣствуетъ, что мужъ ея нѣсколько лѣтъ назадъ угодилъ въ сѣверныя губерніи, гдѣ обзавелся любовницей и въ письмахъ къ женѣ совѣтовалъ ей тоже завести любовника и извѣщать его откровенно о своихъ амурныхъ похожденияхъ, что она въ точности и исполнила. Но любовь не утѣшала ее; она начала пить, „но испытавъ, что это еще хуже томить, бросила этотъ печальный способъ деградациі образа божьяго и божьяго дара — памяти“. Бросивъ пить, дама разошлась и съ своимъ возлюбленнымъ, извѣстивъ объ этомъ мужа. Но послѣдній, по глупости и подлости, свойственнымъ всѣмъ *истамъ*, написалъ, что „его нисколько не удивляетъ и не возмущаетъ, что мой любовникъ бросилъ меня, такъ-какъ я— „горькая пьяница“. Грозилъ мнѣ судомъ и монастыремъ за мою „супружескую невѣрность“; писалъ, что отниметъ отъ меня дѣтей, не желая, чтобы они видѣли, какъ несчастная мать ихъ издохнетъ гдѣ-нибудь на церковной паперти или подъ заборомъ отъ разврата и пьянства“. Дошло до того, что онъ потребовалъ

къ себѣ свою пятнадцати-лѣтнюю дочь. „писалъ ей, что ухажи- ванье за мной во время моихъ хвораній „безцестно“, такъ-какъ этимъ она тормозитъ себя на пути къ самостоятельной жизни“. „Больнымъ-же людямъ, писалъ онъ, жить не слѣдуетъ. Даже въ романѣ „На Рейнѣ“ это говорится“. Онъ вообще очень любилъ ссылки на слова авторитетовъ. Писалъ дочери, что ни въ чемъ не станеть стѣснять ея *свободы*... Доказывалъ ей что и „*статистика*“ усвоила уже себѣ постоянныя и непреоборимыя цифры ежегодныхъ убійствъ, самоубійствъ, кражъ, мошенничествъ разнаго рода, законныхъ и *незаконныхъ дѣторожденій* и проч.“ Это довело даму до того, что, встрѣтивъ барыню, съ которой жила ея мужъ, она назвала ее „хуже карманнаго воришки“ и рѣшилась начать съ мужемъ процессъ. „Такъ какъ-же, спросила она адвоката, — можете вы взяться вести мое дѣло? Вознагражденія денежнаго я вамъ судить не въ состояніи, но вы оправдаете вашу славу отличнаго юриста и честнаго человѣка“. Осиповъ не отвѣчалъ. Минуты чрезъ двѣ онъ сильно дернулъ за сонетку; вошелъ лакей. — Сними съ наружной двери мою дощечку „*адвокатъ*“, и принеси сюда. Дощечка была принесена. Осиповъ, молча, показалъ ее Марьѣ Ивановнѣ; потомъ положилъ вывѣску своей профессіи на коверъ и наступилъ на нее каблукомъ. — Это вашъ отвѣтъ? спросила Марья Ивановна, подымаясь въ удивленіи. — Да, было ей отвѣтомъ: — я... не могу осуждать самого себя... Я въ нѣкоторомъ родѣ — дубликатъ вашего супруга; а тамъ, — указалъ онъ на портьеру, — дубликатъ той, которая, по вашему мнѣнію, „хуже карманнаго воришки“ (№ 45, стр. 1,210—1,212). Разсказъ конченъ, и читателю остается только разинуть ротъ отъ изумленія. Нагородивъ самыхъ неправдоподобныхъ нелѣпицъ, показавъ, до какихъ гадостей доводитъ либерализмъ, обличивъ въ явномъ развратѣ адвоката, г-жа Крапивина въ концѣ уже окончательно сбивается съ толку и рисуетъ сцену, въ которой даже г. Достоевскому ни за что не открыть никакого человѣческаго смысла, — ту эффектную сцену, въ которой адвокатъ попираетъ неизвѣстно для чего каблукомъ свою вывѣску!.. И вѣдь не одна г-жа Крапивина, а всѣ кропатели „Гражданина“ придаютъ своимъ обличеніямъ характеръ самой живой небывальщины; это своего рода Хлестаковы, но Хлестаковы, приведенные въ ярость извѣстными людьми и отношеніями. Въ 30 №

„Гражданина“ какой-то О... рассказываетъ объ ученомъ агрономѣ, вышедшемъ изъ земледѣльческой академіи и перевертывающемъ въ одной деревнѣ вверхъ дномъ всѣ порядки; *даже гражданскіе похороны ввелъ, на манеръ монскихъ!* И. О. Левитскій прислалъ въ редакцію письмо, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: „Зная судьбу всѣхъ кандидатовъ (кончившихъ курсъ наукъ) петровской академіи, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, въ интересахъ истины точнѣе обозначить фамилію и мѣсто дѣйствія этого „экземпляра странной семьи уродовъ нашего времени“. Принадлежа къ числу немногихъ кандидатовъ, по отдѣлу сельскаго хозяйства, вышедшихъ изъ петровской академіи, я вынужденъ обратиться къ вамъ, м. г., съ такой просьбой, чтобы разоблачить ту грязную клевету и несправедливый рядъ упрековъ, которымъ незаслуженно подвергаются скромные труженики въ области науки сельскаго хозяйства, дѣйствительно кончившіе курсъ наукъ въ петровской академіи по агрономическому отдѣлу. Смѣю увѣрить г. О..., что судьба наталкиваетъ его не на дѣйствительные факты, а на плоды его собственной фантазіи. Кончившихъ курсъ наукъ въ петровской академіи по отдѣлу агрономіи до сихъ поръ всего четыре человѣка, и такъ-какъ фамиліи ихъ публикуются, то всѣ они болѣе или менѣе извѣстны лицамъ ближе интересующимся дѣломъ науки сельскаго хозяйства; въ настоящее время два изъ нихъ состоятъ при министерствѣ государственныхъ имуществъ, а другихъ двое—при петровской-же академіи, и, сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ не былъ въ качествѣ управляющаго въ какомъ-либо имѣніи, слѣдовательно, не могло случиться съ *кончившимъ курсъ въ петровской академіи* ничего подобнаго тому глупому случаю, который описанъ на 827—829 страницахъ вашей многоуважаемой газеты г-омъ О...“. Г. О... старается вывернуться изъ такой неприятной исторіи, въ которой прямо называютъ его *врызнымъ клеветникомъ*, и на самое существенное требованіе г. Левитскаго отвѣчаетъ слѣдующее: На это отвѣтъ коротокъ: *все рассказанное мною о моемъ нигилистѣ въ видѣ фактовъ—безусловно вѣрно отъ начала до конца*. Предполагая, что имѣю дѣло съ людьми говорящими и чтующими правду, полагаю и то, что этого завѣренія моего достаточно для опроверженія болѣе чѣмъ смѣлыхъ и черезчуръ легкомысленно высказанныхъ словъ г. Левитскаго. Затѣмъ г. Левитскій идетъ

еще далѣе и становится уже просто не­постижимымъ: онъ про­ситъ и даже требуетъ, чтобы я или редакція назвали-бы ему имя моего героя и мѣстность, гдѣ онъ куролѣсилъ! Признаемся, мы даже не понимаемъ мысли, руководившей г. Левитскаго, высказы­вать такое, болѣе чѣмъ странное, требованіе. Какого-же чувства недостаетъ въ немъ, если, повидимому, онъ не понимаетъ, что порядочный человѣкъ въ такихъ случаяхъ долженъ помнить латинскую по­словицу: „*nomina sunt odiosa*“. Я писалъ рассказъ, характеризующій эпоху или сословіе, а не доносъ, влекущій за собою не­пріятныя послѣдствія для лица называемаго, и еще болѣе не­пріятныя, въ нравственномъ отношеніи, для лица называющаго (№ 33).

Изъ этого, читатель, слѣдуетъ, что если „Гражданинъ“ инсинуируетъ, то ему нужно все-таки вѣрить и вѣрить на-слово; а во­вторыхъ, скрывая фамилію оклеветаннаго и тѣмъ избѣгая судебного преслѣдованія, всякій можетъ оправдываться тѣмъ, что онъ не выставляетъ фамиліи обличаемаго, не желая быть доно­щикомъ!.. Коротко и ясно! Отличнѣйшій способъ и нагадить чело­вѣку самымъ не­позволительнымъ образомъ, и въ то-же время заявить о своей добродѣтели. Впрочемъ, это обычный приѣмъ дѣятелей подобнаго рода, и „Гражданинъ“ идетъ только по проторенной дорожкѣ, пользуясь выгодами своего положенія, измышляя „дѣйствительныя происшествія“ съ участіемъ разныхъ идиотовъ, рождающихся въ больной фантазіи Достоевскаго, и не пренебрегая бросать клеветами въ литературу, въ „Дѣтскій Сборникъ“ Якоби (№ 26), въ г. Спасовича и „Вѣстникъ Европы“ (№ 28), не щадя даже мертвыхъ, инсинуируя даже на покойнаго Бѣлинскаго, какъ это дѣлаютъ гг. Достоевскій и Погодинъ. Мало этого, доказывая зло­вредность прогрессивной литературы, „Гражданинъ“ считаетъ ее глупою. Бѣлинскій—неучъ и человѣкъ самый поверхностный, г. Пыпинъ—круглый невѣжда, г. Щаповъ—„скоморохъ“ и т. д. Люди-же добродѣтельные, ученые, гениальные всѣ сосредоточены въ „Гражданинѣ“ и на его страницахъ соплетаютъ другъ другу самыя громкія хвалы. О несчастномъ критикѣ „Гражданина“, г. Страховѣ, перешедшемъ въ него по наслѣдству отъ покойной „Зари“, заявляется, что это одинъ изъ величайшихъ современ­ныхъ мыслителей, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ, стоящій „въ высотахъ и въ глубинахъ европейской мысли“ (№ 1,

стр. 26). О помѣщенной въ „Гражданинѣ“ довольно плохой драмѣ Кишенскаго („Пить до дна—не видать добра“), поучающей, что не должно пьянствовать и почему не должно,—г. Достоевскій помѣстилъ цѣлую хвалебную статью, рекомендуя это превосходное произведеніе, „серьезнѣе котораго ничего не появилось въ нашей литературѣ за послѣднее и, можетъ быть, довольно длинное время“ (№ 25)... Хвалите, господа, и „любите другъ друга, потому что, если не будетъ въ васъ взаимной любви, то кой чортъ можетъ васъ полюбить“, какъ говорится въ анекдотѣ, перепечатанномъ вами изъ „Русскаго Архива“.

Нужно, однакожь, отдать справедливость нашимъ „гражданамъ“ за то, что они не ограничиваются самовосхваленіемъ, но хвалятъ и другихъ, и притомъ хвалятъ такимъ тономъ, отъ котораго уже давно отвыкла вся остальная литература. Мало этого, они желаютъ превратить „Гражданинѣ“ въ своего рода пантеонъ доблестныхъ мужей російскихъ. „Не сто-ли разъ больше пользы можетъ принести обществу примѣръ доблести и прекрасной жизни, чѣмъ повѣсть о скандалахъ и безобразіяхъ, *которыя мы такъ любимъ*“ (это „граждане“, вѣроятно, уже хвастаютъ,—ну кто-же повѣритъ, чтобы такіе добродѣтельные люди любили скандалы и безобразія!)... „Исходя изъ мысли, что обнародованіе возможно большаго числа явленій изъ русской жизни, достойныхъ общественной симпатіи, и повѣстей о жизни такихъ людей, которые въ темныхъ углахъ Россіи посвящали себя служенію общества доблестно, *но тайно*, — можетъ приносить пользу нашему обществу, мы искренно желали-бы служить этой цѣли и рады будемъ дать мѣсто всякому сообщенію, ей удовлетворяющему“ (№ 1, стр. 28). Къ сожалѣнію, этихъ свѣденій о лицахъ, „посвящавшихъ себя служенію общества *тайно*“, въ „Гражданинѣ“ никогда не появлялось...

Изъ сказаннаго читатель видитъ, что „Гражданинѣ“ журналъ спеціальнѣйшій, посвященный изгнаію бѣсовъ и изобличенію всякой бѣсовщины. Но этого мало, одною спеціальностью онъ не ограничивается, а ради вящшаго утомленія читателей захватываетъ нѣсколько спеціальностей и помѣщаетъ громадныя спеціальныя статьи Шторха и Шипова о финансахъ, громадную-же статью для чиновниковъ „Положеніе пенсіоннаго дѣла за границею и у насъ“ (№ 1 и слѣд.), спеціальную статью для любителей музы-

ки— „Бетховенъ и его время“ (№ 7 и слѣд.); большая часть номеровъ журнала занята самыми специальными статьями о церковныхъ вопросахъ, передовыми статьями о соблюденіи постовъ, надгробными словами и т. д. (№ 10, 25, 32, 42 и мн. др.). Даже военные люди, и тѣ найдутъ для себя нѣчто поучительное въ „Гражданинѣ“, который является усерднымъ поклонникомъ знаменитаго генерала Фадѣева. „Такого писателя, говорить „Гражданинѣ“ — мы должны рекомендовать читателямъ самымъ усерднымъ образомъ. Во-первыхъ, онъ пишетъ съ рѣдкимъ мастерствомъ: *живо, ясно, быстро, просто и горячо*; во-вторыхъ, самыя его идеи намъ сочувственны, какъ нельзя болѣе“ (№ 44, стр. 1,180). Въ то-же время Мещерскій, Достоевскій и Бомп. увлекаются воинственными планами другого знаменитаго писателя, г. Данилевскаго, мечтающаго, какъ извѣстно, о покореніи вселенной подъ ноги наши (ib). На этотъ подвигъ лига Достоевскаго, Мещерскаго, Страхова, Фадѣева и Данилевскаго уже получила благословеніе отъ самого Асоченскаго. Смѣлѣе-же, братіе, смѣлѣе:

Убогій истины вѣщатель
 Съ любовью васъ усыновилъ
 И, какъ отецъ и настоятель,
 На брань со зломъ благословилъ:
 «Впередъ, безъ страха и сомнѣнья»,
 «Свиней» разите наповаль —
 И волостныя всѣ правленья
 Съ разсрочкой выпишутъ журналъ...
 И всѣ, отъ старца до ребенка,
 Пойдутъ на вашъ гражданскій зовъ.
 И до послѣдняго чертѣнка,
 Вы всѣхъ изгоните бѣсовъ!

Намъ странно только, что въ виду столь трудной борьбы „Гражданинѣ“ враждуетъ съ „Русскимъ Міромъ“ и удаляетъ отъ себя столь полезнаго союзника. „Русскій Міръ“, какъ увидимъ ниже, въ сущности ничѣмъ не отличается отъ „Гражданина“ и послѣдній съ видимымъ сочувствіемъ относился ко всѣмъ поползновеніямъ этой газеты возстановить боевой духъ и старую провіантскую систему продовольствія арміи. Правда, „Гражданинѣ“ заговорилъ объ этомъ другое, какъ только увидѣлъ, что дѣло провіантской реставраціи не выгорѣло, но при этомъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ остался вполне солидарнымъ съ „Рус-

скимъ Мiромъ“. А между тѣмъ, вражда! Написалъ, напр., г. Достоевскій статейку о художественной выставкѣ—въ „Русскомъ Мiрѣ“ (№ 87) тотчасъ является опроверженіе какого-то *псаломщика* „о пѣвческой ливреѣ“, на которую будто-бы неправильно смотреть г. Достоевскій. Помѣщается въ „Гражданинѣ“ (№ 15—16) рассказъ „Дьячокъ“, самая невинная повѣсть о дьячкѣ-артистѣ, который убѣгаетъ въ монастырь отъ своей злой жены,—въ „Русскомъ Мiрѣ“ тотчасъ выступаетъ *свящ. П. Касторскій*, доказывающій, что писакы „Гражданина“ „карикатуруютъ бытъ нашего духовенства“, не знаютъ его, не имѣютъ ни малѣйшаго художественнаго таланта, что этотъ бытъ изображенъ „хорошо, художественно и съ знаніемъ дѣла“ въ однихъ только замѣчательныхъ произведеніяхъ Лѣскова (Р. Мiръ, № 103). Странная выходка *свящ. П. Касторскаго* усилила вражду, а г. Достоевскій подлилъ еще масла въ огонь, показавъ, что *свящ. П. Касторскій* „вовсе не г. Касторскій, а ужъ тѣмъ болѣе не священникъ Касторскій,—все это поддѣлка и вздоръ“,—это никто иной, какъ „раженный“ романистъ „Русскаго Мiра“, г. Лѣсковъ, восхваляющій самъ себя подъ прикрытіемъ вымышленной фамилии (Гражд., № 18). Впрочемъ, нужно отдать справедливость миролюбію „Гражданина“: вражда начата не имъ, а воинственными капралами „Русскаго Мiра“, специальность котораго, какъ известно, развитіе *боевого духа* въ Россіи вообще и въ русской арміи въ особенности. Начавъ эту междоусобицу, „Русскій Мiръ“ не только лишилъ своей помощи лигу „Гражданина“, но и лишился въ послѣднемъ самъ вѣрнаго союзника и пособника въ дѣлѣ затѣянной имъ провіантской реставраціи, имѣющей такъ много общаго съ реставраціей графа Шамбора во Франціи. Графъ Шамборъ хочетъ возстановить режимъ, существовавшій до 1789 года,—„Русскій Мiръ“ мечтаетъ о реставраціи военныхъ порядковъ „временъ очаковскихъ и покоренья Крыма“; Гр. Шамборъ говоритъ, что власть непремѣнно должна ограждать себя матеріальной силой,—„Русскій Мiръ“ убѣжденъ, что все спасеніе отечества зависить отъ развитія „*боевого духа*“; Гр. Шамборъ хлопочетъ вознаградить себя и своихъ сподвижниковъ за долгое-временное невольное воздержаніе,—„Русскій Мiръ“ похотливо стремится къ провіантской системѣ, бывшей въ ходу до паденія Севастополя; Гр. Шамборъ утверждаетъ, что его династія не пе-

реставала царствовать во Франціи, — „Русскій Миръ“ тоже доказываетъ, что Севастополь никогда не падалъ и старая военная система не потерпѣла никакого пораженія во время крымской войны. Наконецъ, „Русскій Миръ“ вѣруеть, что не только сбудутся его надежды и восторжествуетъ его дѣло, но что и во Франціи „положеніе дѣлъ рѣшительно клонится въ пользу реставраціи“ (№ 259); Гр. Шамборъ тоже крѣпко надѣется и на успѣхъ своего предпріятія и, по всей вѣроятности, на провіантскую реставрацію въ духѣ „Русскаго Мира“. Но, къ несчастію Гр. Шамбора, положеніе дѣлъ во Франціи рѣшительно враждебно ему; къ несчастію-же „Русскаго Мира“, наши военныя преобразованія идутъ своимъ чередомъ и скоро завершатся реформой военной повинности! Оставляя нашу параллель дон-кихотовъ легитимизма и дон-кихотовъ стараго провіантскаго вѣдомства, займемся только послѣдними.

Какъ они ни сильны духомъ, какъ они ни надѣются на провіантскую реставрацію, но дѣло ихъ, очевидно, уже проиграно и самое существованіе газеты сдѣлалось не нужнымъ. Исторія „Русскаго Мира“ извѣстна. Соблазнившись возможностью провіантской реставраціи, нѣкій полковникъ Комаровъ, — нѣчто среднее между здравствующимъ г. Фадѣевымъ и покойнымъ Скалозубомъ, — набралъ отважныхъ застрѣльщиковъ изъ безсрочно-отпускныхъ капраловъ, отставныхъ вахтеровъ и писарей, и основалъ *боевую* газету. Началась перепалка. Военные порядки нашего времени были разобраны по ниточкѣ, даже старыя солдатскія портянки подверглись безошадной критикѣ, и, въ концѣ-концовъ, оказалось, по мнѣнію этихъ капраловъ и вахтеровъ, что военныя гимназіи, не развивая боевого духа, развиваютъ умъ офицеровъ, что, дескать, вовсе излишне и даже вредно; что военныя округа пагубны, интендантство плохо, — словомъ, вся система несостоятельна и требуетъ реставраціи до-севастопольскихъ порядковъ. Все это писалось *„живо, ясно, быстро и горячо“*. Въ „Русскомъ Мирѣ“ была жизнь, хотя и капральская, былъ замѣтенъ живой духъ, хотя то и былъ духъ стараго вахтера, воспламенившійся надеждою на реставрацію прежнихъ порядковъ. Но вотъ реформа пережила кризисъ, надежды на скорую провіантскую реставрацію рушились, боевой жаръ „Русскаго Мира“, естественно былъ охлажденъ, полковникъ Комаровъ сдалъ редакцію

какому-то Висковатову, и существованіе газеты окончательно потеряло свой *raison d'être*. Газета по-прежнему осталась преимущественно военною или, точнѣе говоря, казарменною; кавалеры по-прежнему толкуютъ въ ней о боевомъ духѣ, корпусахъ, артельномъ котлѣ, вещевомъ довольствіи, безсрочномъ отпускѣ и т. д., но все это уже не имѣетъ никакого живого интереса. Провіантскую реставрацію постигла рѣшительная неудача, и всѣ упомянутые толки ведутся капралами „Русскаго Міра“ лишь для того, чтобы отвести душу и насладиться хотя фантастической реставраціей, пожалѣть о старинѣ, спѣть какую-нибудь пѣсню и т. д. Если исключить изъ „Русскаго Міра“ весь этотъ казарменный отдѣлъ, потерявшій теперь всякое значеніе, то во всемъ остальномъ газета окажется двойникомъ „Гражданина“; „тотъ-же видъ, величье то-же“, то-же самовосхваленіе, то-же самодовольное презрѣніе къ литературѣ. Это высокомерное презрѣніе достопочтенныхъ капраловъ доходитъ до того, что въ ихъ газетѣ вполне приложимо то, что они говорятъ о всѣхъ прогрессивныхъ журналахъ: „еще Гамлетъ сказалъ, что когда Юпитеръ сходитъ съ трона, то мѣсто его всегда стремится занять всесовершеннѣйшій *индюкъ*. А разъ индюкъ займетъ мѣсто громовержца, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ захочетъ драпироваться въ мантию Юпитера. И онъ будетъ обезьянить Юпитера съ тѣмъ большею старательностью, чѣмъ всесовершеннѣе одаренъ будетъ индюковыми качествами“ (№ 234). Вѣрно, капралъ, вѣрно! Но индюкъ выходитъ еще забавнѣе, когда онъ начинаетъ хвалить себя, какъ хвалить вашъ г. Лѣсковъ свои произведенія, какъ превозноситъ до небесъ вашъ рецензентъ первоначально помѣщенную въ вашей газетѣ безтолковую и безграмотную брошюру о пьянствѣ д-ра Лещинскаго, разобранныю въ IX книгѣ „Дѣла“. Въ этомъ отношеніи „Русскій Миръ“ и „Гражданинъ“ одинаковы, да оно и понятно: они даже не хвалятъ другъ друга— поневолѣ остается хвалить самихъ себя. Относительно бѣсовщины они тоже сходны, и бѣсовщина играетъ въ беллетристикѣ „Русскаго Міра“ первостепенную роль. Въ длинномъ разсказѣ Лѣскова „Очарованный странникъ“ играетъ роль даже индійскій богъ *Талафа*. Въ прелестномъ разсказѣ „Лѣсной жидъ“ (№ 237—239) г. Авсѣенко повѣствуетъ, какъ онъ сражался съ привидѣніемъ въ одномъ старинномъ замкѣ,—

очень ужасно! Разказъ „Монашескіе острова“ хотя и мало содержитъ въ себѣ относящагося къ бѣсовскому навожденію, но зато заключеніе его стоитъ всякаго навожденія. Въ лицѣ какого-то „чиновника контрольной палаты“, человѣка умнѣйшаго, авторъ высказываетъ мысль, что русскіе „народъ привилегированный“. Другіе народы, чтобы достигъ чего-нибудь, должны много трудиться; русскому-же стоитъ только повѣрить—и все сбудется; „какъ вѣрится, такъ и будетъ“; повѣрь пьяница—и отъ пьянства испѣлится“ и т. д. (№ 236). Мысль, какъ видите, не менѣе чудесная, чѣмъ привидѣніе „лѣснаго жида“, съ которымъ боролся г. Авсѣенко, или индійскій богъ Талафа, спасшій изъ киргизскаго плѣна „очарованнаго странника“ г. Лѣскова. Впрочемъ, разсказчики „Русскаго Міра“ забавляются не однимъ чудеснымъ; насчетъ женскаго пола они тоже далеко не прочь,—нельзя-же: вѣдь все кавалеры. Вотъ г. Авсѣенко, заблудившись на охотѣ, пришелъ ночевать въ покинутый замокъ, а пришедши въ замокъ и отходя ко сну, не замедлилъ заключить въ объятія провожавшую его еврейку. И посмотрите, какъ выиграла его военная кровь! „Платокъ соскользнулъ съ ея головы и ея задрожавшее, гибкое, стройное тѣло прижалось къ моему плечу. Я схватилъ одной рукой канделябръ, а другою быстро обнялъ ея трепетавшую талию и горячія губы мои прильнули къ ея щекѣ. Не могу вамъ выразить, какимъ незнакомымъ сладострастіемъ отозвался этотъ поцѣлуй въ моей крови. Въ глазахъ у меня темнѣло, колѣни дрожали“... (№ 239). Молодецъ, г. Авсѣенко! только мы-бы совѣтовали ему напередки въ такихъ случаяхъ дергать манерки по три водки—тогда колѣни уже не будутъ дрожать. Для вящаго наслажденія разсказами о женскомъ полѣ капралы пригласили въ свою казарму даже природнаго турка, маіора Османъ-Бея, который и увеселилъ ихъ множествомъ разсказовъ о „Турецкихъ женщинахъ“.

Но капралы не все-же толкуютъ о провіантѣ и безсрочномъ отпускѣ, не все-же они слушаютъ страшныя сказки да разказы про бабъ: у нихъ ведутся и серьезныя бесѣды. Хроникеры разсказываютъ имъ о политикѣ, руководствуясь преимущественно „Сыномъ Отечества“; ихъ знакомятъ съ процессомъ Базена и, для лучшаго пониманія, излагаютъ его вдвойнѣ: сначала разсказуютъ такъ, а потомъ другими словами (№ 271—272 и др.);

вычитываютъ также изъ газетъ, гдѣ что стряслось на матушкѣ Руси; очень часто сообщаютъ имъ подъ названіемъ „Разныхъ разностей“ полезныя свѣденія, примѣняясь къ умственному уровню слушателей, напр., *о памяти* (№ 243), *о добываніи алмазовъ* (№ 242); г. Новаковский даетъ имъ *уроки правописанія* (№ 272), помѣщаются уроки географіи, въ которыхъ служивыхъ учать называть нѣмецкіе города русскими именами, Ревель—*Колыванью*, Лайбахъ—*Люблянню* и т. п. (№ 265).

Но, при всѣхъ своихъ кавалерственныхъ достоинствахъ, газета, вѣроятно, даже и на друзей своихъ производитъ тягостное впечатлѣніе. Отъ нея вѣетъ грустью и уныніемъ. О боевомъ духѣ только толкуютъ, что-де надобно-бы его поддержать, но боевой духъ окончательно исчезъ изъ газеты вмѣстѣ съ полковникомъ Комаровымъ. Оставленные командиромъ, служивые очутились, какъ ракъ на мели, и только по старой памяти тянутъ свою старую пѣсню, заботясь уже не о реставраціи, а только о приваркѣ къ казенному провіанту да о вещевомъ довольствіи. Какъ ни плоха подписка, ну, а все-таки на приварокъ хватить...

Въ прошлогоднемъ журнальномъ обзорѣніи мы уже говорили, что „Русскій Архивъ“ и „Русская Старина“ вовсе не спеціальныя историческіе журналы и издаются не столько для спеціалистовъ, посвятившихъ себя разработкѣ русской исторіи, сколько для обыкновенныхъ читателей. Прежде всего они удовлетворяютъ фамилнымъ и личнымъ интересамъ извѣстныхъ людей, помѣщая генеалогическія табели, описанія гербовъ, исчисленіе разныхъ служебныхъ подвиговъ и наградъ, изслѣдованія, кто на комъ женатъ былъ, чѣмъ приходилась тетка г-на Z деверю г-жи X и т. д. Далѣе, въ обоихъ этихъ изданіяхъ печатаются нерѣдко мемуары и записки лицъ живущихъ о недавнихъ временахъ и о живыхъ лицахъ. Это тоже доставляетъ многимъ удовольствіе. Какъ хотите, а пріятно описать свои подвиги и, такъ-сказать, внести ихъ на страницы исторіи, оправдаться отъ падающихъ на автора обвиненій, обвинить враговъ и т. д. Задавшись мыслью, что при выборѣ матерьяловъ должно соблюдать полное безпристрастіе и оставить даже всякую мысль о какой-бы

то ни было осмысленной программѣ журнала, „Старина“ и „Архивъ“ съ полною готовностью печатаютъ все, что имъ ни принесутъ. Напишите статью о пользѣ винныхъ погребовъ и о благодѣтельномъ вліяніи шпицрутеновъ,—и то напечатаютъ! Напечаталъ-же г. Бартенева статью Александра о пользѣ и рациональности военныхъ поселеній Аракчеева, (Р. Арх., № 9, стр. 1,716—1,722). Статья эта вовсе не историческій документъ, а современная, написанная въ 1873 году, замѣтка, проводящая самыя отсталыя взгляды. Готовность гг. Семева и Бартенева помѣщать все, что ни принесутъ имъ, доводитъ ихъ иногда до самыхъ комическихъ положеній. Г. Бартенева, напр., помѣстилъ въ своемъ „Архивѣ“ обширныя воспоминанія Ципринуса; нѣкто прислалъ замѣтку, въ которой говоритъ, что эти воспоминанія лживы и оскорбительны для русскаго патріотизма; г. Бартенева печатаетъ эту замѣтку и объявляетъ, что онъ вполне согласенъ съ нею насчетъ воспоминаній Ципринуса, которыя онъ помѣстилъ единственно изъ желанія засвидѣтельствовать свою любовь къ свободѣ мнѣній, и затѣмъ начинаетъ плакаться: „Въ какомъ видѣ изобразилъ г. Ципринусъ гр. Новосильцева? Какъ онъ описалъ другую знаменитость нашу, поэта Пушкина? И гдѣ-же?—въ „Русскомъ Архивѣ!“ (№ 4, стр. 638). Да, осквернилъ вашъ храмъ г. Ципринусъ, это вѣрно; но ваши жалобы на него смѣшны въ высшей степени, такъ-какъ вы сами ввели его въ свой храмъ, сами предложили ему осквернить его. Жалобы на лживость Ципринуса помѣщены послѣ его воспоминаній; но г. Бартенева дѣлаетъ иногда и такъ, что, печатая извѣстную статью, тутъ-же подъ чертой замѣчаетъ, что эта статья совершенно пустая. Вотъ, напр., „Встрѣча нѣмца съ Пушкинымъ“ (№ 11). Цѣлыхъ восемь столбцовъ занято разсказомъ о томъ, какъ два нѣмца встрѣтили Пушкина на Крестовскомъ островѣ; ну, встрѣтили—и только; хотѣли-было завязать съ нимъ разговоръ, но Пушкинъ не захотѣлъ заводить „серьезной“ бесѣды *о вечерней и утренней зарѣ*, повернулся и ушелъ отъ нѣмцевъ; вся статья написана только въ подтвержденіе факта, что два нѣмца встрѣтили Пушкина на Крестовскомъ островѣ. „Пушкинъ, какъ видно, желалъ поскорѣе отдѣлаться отъ своихъ докучливыхъ собесѣдниковъ, чего не скрываетъ и самъ разсказчикъ“, замѣчаетъ подъ чертой Бартенева, преподносящій эту статью читателямъ уже не изъ уваженія къ свободѣ мнѣній, а

изъ уваженія къ свободѣ старческой болтовни. Старцы любятъ поговорить и съ удовольствіемъ видятъ въ печати свои рассказы и сообщенія, большая часть которыхъ, за прекращеніемъ „Ерунды“ Камбека, не могла-бы нигдѣ найти пріюта, если-бы гг. Бартеневъ и Семейскій не принимали ихъ „съ полною готовностью служить свободѣ мнѣній“. Постоянные-же сотрудники „Архива“ и „Старинны“ преимущественно старцы и притомъ столь древніе, что г. Семейскій вполне справедливо замѣчаетъ: *„мы имѣемъ сотрудниковъ, обрѣтающихся преимущественно въ царствѣ мертвыхъ“* (Р. Ст., № 1, стр. 8). Съ одной стороны, мертвые сотрудники, съ другой—то обстоятельство, что „готовность служить свободѣ мнѣній“ имѣетъ очень ограниченныя размѣры, придаютъ „Старинѣ“ и „Архиву“ извѣстный характеръ, извѣстное направленіе, отъ которыхъ они совершенно напрасно отрекаются. Не только въ статьяхъ обработанныхъ, какъ упомянутый панегирикъ военнымъ поселеніямъ, но даже въ сырыхъ матеріалахъ видѣнъ извѣстный подборъ, согласный съ убѣжденіями и направленіемъ редакторовъ. Въ обоихъ изданіяхъ помѣщаются статьи публицистическія, которыя, кромѣ историческаго интереса, могутъ имѣть и, конечно, имѣютъ извѣстное вліяніе на нѣкоторыхъ читателей. Такова, напр., рѣчь, сказанная профессоромъ Миллеромъ 9 февраля 1873 года объ отношеніяхъ русской литературы къ Петру Великому (Р. Ст., № 3). Таковы „Россія и революція“, „Россія и Германія“ и другія статьи Тютчева (Р. Арх., № 5, 10 и др.). По частнымъ вопросамъ—напр., много-ли шилъ Новосильцевъ, полезны-ли были военныя поселенія и т. д.,—въ обоихъ журналахъ, дѣйствительно, допускается свобода мнѣній, доходящая до смѣшного педантизма, но гдѣ дѣло касается матеріаловъ и мнѣній, относящихся къ общимъ принципамъ, тамъ слѣдуетъ выборъ, подборъ и въ результатѣ является направленіе. Направленіе неизбежно, и, намъ кажется, что достопочтенныя издатели „Старинны“ и „Архива“ отрекаются отъ него и маскируютъ его больше изъ коммерческаго расчета, чѣмъ по чему-нибудь другому...

Конечно, въ такихъ журналахъ направленіе не можетъ быть выдержано такъ цѣлостно и выражено такъ ясно, какъ въ политико-литературныхъ изданіяхъ; но все-таки характеръ „Старинны“ и „Архива“ достаточно ясенъ, чтобы поставить ихъ въ одинъ рядъ съ такими изданіями, какъ покойныя „Время“,

„Эпоха“, „Заря“ и ихъ наследники въ родѣ „Гражданина“. Нечего доказывать справедливости этой мысли, очевидной для всякаго, знакомаго съ упомянутыми журналами. Мы сдѣлаемъ только два слѣдующихъ указанія: какъ въ „Гражданинѣ“, такъ въ „Старинѣ“ и „Архивѣ“, извѣстнаго сорта читатели найдутъ пищу, удовлетворяющую ихъ мистическимъ наклонностямъ. „Старина“, напр., уже не одинъ разъ занималась ролью, какую играютъ цифры въ жизни людей. Въ третьемъ, кажется, годѣ, извѣстный историографъ Александра I, генералъ Богдановичъ, дѣлалъ въ „Старинѣ“ подобныя цифирныя выкладки, относящіяся къ его герою. Теперь въ той-же „Старинѣ“ (№ 2) г. Садовскій печатаетъ слѣдующее изслѣдованіе: „Взявши года трехъ важныхъ эпохъ изъ жизни двухъ государей, Петра I и Николая I, и сложивши цифры, составляющія эти года, получимъ число лѣтъ, прожитыхъ каждымъ изъ этихъ императоровъ:

Петръ I.

1	}	1672, годъ рожденія.
6		
7		
2	}	1696, годъ единодержавія.
1		
6		
9	}	1725, годъ кончины.
6		
1		
7	}	1725, годъ кончины.
2		
5		

53 года.

Николай I.

1	}	1796, годъ рожденія.
7		
9		
6	}	1826, годъ коронаціи.
1		
8		
2	}	1855, годъ кончины.
6		
1		
8	}	1855, годъ кончины.
5		
5		

59 лѣтъ.

Жаль только, что сотрудники г. Семейскаго мало занимаются подобными выкладками, которыя могли-бы принести несомнѣнную пользу разработкѣ русской исторіи. За то „Старина“ и „Архивъ“ являются рѣшительными соперниками „Гражданина“ по части свистопляски, которая у нихъ превратилась въ банальное шутовство. Оба эти журнала имѣютъ шутовской отдѣлъ, предназначенный единственно для увеселенія читателей. Г. Бартеневъ вотъ уже два года печатаетъ сборникъ небылицъ и остроловій, „Записную книжку“, изъ которой, какъ мы видѣли, „Гражданинъ“ выкрадываетъ иногда анекдоты

для своей „Послѣдней странички“. Авторъ „Записной книжки“ (Рус. Арх., № 5 и слѣд.) рассказываетъ такъ много, что г. Бартечевъ, вѣроятно, лѣтъ двадцать можетъ наполнять его анекдотами свое изданіе. И что за анекдоты, какое удовольствіе они доставляютъ старичкамъ-читателямъ и старичкамъ-сотрудникамъ „Архива“! Напр.: „Нѣкто говорилъ о комъ-то: онъ моя правая рука. — Хороша-же въ такомъ случаѣ его лѣвая, сказалъ на это ѣдкій графъ Аркадій Марковъ“ (№ 11, стр. 2,147). Да, нынѣ уже не умѣютъ такъ острить и кое-что подобное можно найти развѣ только въ „Гражданинѣ“ да въ потѣшномъ отдѣлѣ „Рус. Старины“, которая печатаетъ то шутовской разсказъ вупца о 1848 годѣ, сочиненный Садовскимъ (№ 3), то „острословія“ старинныя (№ 5, 7), то карикатурныя измышленія Щербина, „Аттестатъ студіозусу семипаріи“ (№ 3), „Аттестатъ студіозусу Курильскому“ (№ 4) и т. д. Мы рѣшительно не понимаемъ, какой другой смыслъ, кромѣ шутовской забавы, можетъ имѣть помѣщеніе подобныхъ „острословій“. Острословія Щербина, напр., даже нельзя назвать карикатурой, — до того они аляповаты и поверхностны. Впрочемъ, читателей „Старины“ они, вѣроятно, забавляютъ — иначе зачѣмъ-бы помѣщать ихъ?

Значительная часть статей и матеріаловъ, находящихся себѣ пріютъ у гг. Семевского и Бартечева, или имѣютъ семейный интересъ, какъ, напр., „Родословная Демидовыхъ“ (Рус. Арх., № 11), портреты и родословная Бирона (Рус. Стар., № 1), или-же не представляютъ ничего новаго. Переобдѣлками и перепечатками старыхъ, уже извѣстныхъ матеріаловъ отличается въ особенности „Старина“, помѣстившая письмо Ломоносова о размноженіи народа (№ 10), недавно напечатанное въ бесѣдахъ любителей рус. словесности. „Вскрытіе чужихъ писемъ при Еватеринѣ“ (№ 1), выборка извѣстій изъ записокъ Храповицкаго, разсказы Шубинскаго о шутахъ и придворныхъ забавахъ при Аннѣ (№ 3), о чемъ онъ уже разъ десять повѣствовалъ и въ журнальныхъ статьяхъ, и въ отдѣльныхъ изданіяхъ своихъ твореній. Подобныя перепечатки и повторенія, занимая въ журналѣ много мѣста, сильно роняютъ его ученое достоинство и его цѣнность для лицъ, занимающихся специально русской исторіей, которымъ все это уже извѣстно изъ другихъ источниковъ. Что-же касается особенной слабости „Старины“ и „Архива“ въ помѣщеніи генеалогиче-

скихъ таблицъ и т. д., то она роняетъ интересъ этихъ изданій и въ глазахъ публики. Въ прошломъ году мы уже замѣтили, что матеріалы видимо истощаются и Семевскій съ Бартевымъ начинаютъ уже заниматься не одними господами, но и прислугой ихъ. Мы тогда совѣтовали имъ раздѣлить свои журналы, для большаго ихъ распространенія, на два изданія: одинъ о господахъ и для господъ, другой о прислугѣ и для прислуги; первое изданіе на веленовой, второе на сѣрой бумагѣ. Вышло-бы очень практично. Но ни Семевскій, ни Бартевъ не послушались нашего добраго совѣта. За то наше предсказаніе о томъ, что они должны будутъ спуститься еще въ болѣе низкія сферы, чѣмъ передняя и кухня, оправдалось вполнѣ. Въ прошломъ году Бартевъ напечаталъ біографію одного „достопочтеннаго“ кучера; въ нынѣшнемъ г. Семевскій перещеголялъ его и преподнесъ публикѣ формулярные списки петербургскихъ палачей (№ 8, стр. 201—224). Очень интересныя свѣденія сообщаются: все въ точности обозначено, и гдѣ палачъ родился, и какіе подвиги, т. е. преступленія совершалъ онъ, и какія награды... то бишь, навазанія получалъ онъ. Сдѣлаемъ выдержку, чтобы подѣлиться съ читателемъ хотя незначительною долею этихъ драгоцѣнныхъ свѣденій. „Послѣ Карелина опредѣленъ въ палачи Алексѣй Заплатинъ и Василій Егоровъ Лебедевъ. Заплатинъ, изъ дворовыхъ людей помѣщика Арсеньева, судился передъ поступленіемъ въ палачи за кражу съѣстныхъ припасовъ въ Малорыбацкой слободѣ и у полковника Хвицкаго вещей. Въ бытность свою въ заплечныхъ мастерахъ, въ 1843 г. подвергся наказаніямъ за побѣгъ и за нанесеніе удара по лицу конвойному во время командировки во Гдовъ. Лебедевъ отличался наклонностью къ побѣгамъ“ (перечисляются побѣги и наказанія). „Палачи 1850 и 1860-хъ годовъ были: Павелъ Ивановъ, Мятельниковъ, Иванъ Васильевъ Безродный, Иванъ Алексѣевъ“ и т. д., списокъ и потомъ свѣденія изъ формулара. Вообще, „Старина“ стала болѣе, чѣмъ „Архивъ“, заниматься лицами неблагороднаго происхожденія. Кромѣ біографическихъ свѣденій о палачахъ, она дала біографію арестанта Брягина (№ 7), послужные списки священнослужителей церкви смоленскаго владбища и біографическія свѣденія о нѣкоторыхъ петербургскихъ юродивыхъ (№ 8), автобіографію Кулибина (№ 11) и т. д.

Но при всемъ томъ, и въ „Старинѣ“, и въ „Архивѣ“ въ 1873 г. помѣщено меньше интересныхъ матеріаловъ, чѣмъ въ предыдущіе года, что, едва-ли зависить не отъ оскудѣнія матеріаловъ. Въ „Р. Архивѣ“ можно указать на живыя и занимательныя записки адмирала Шестакова (№ 2), начатыя, но почему-то неконченныя, на записки Греча (№ 3 и слѣд.), изъ которыхъ тоже напечатано только одно начало, на біографическіе матеріалы о Сахаровѣ, — да и только. „Въ Р. Старинѣ“ — Записки Ф. Толстого (№ 1 и слѣд.), Воспоминанія Т. Пассекъ (№ 2 и 3), Записки Маевского (№ 8 и слѣд.), Н. Н. Муравьевъ на Кавказѣ (№ 10).

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“

(Въ С.-Петербурѣ, по Надеждинской ул., д. № 39.)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Происхожденіе человѣка, Ч. Дарвина. Три выпуска, около 80-ти печатн. листовъ, съ рисунками. Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ 5 р., съ перес. 5 р. 50 к. Каждый выпускъ отдѣльно 2 р.

Вопросы общественной гигіены, В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 к.

Комедія Всемирной исторіи, Юг. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Въ двухъ томахъ. Перев. съ нѣмецкаго. Цѣна обоимъ томамъ 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к. Каждому тому отдѣльно цѣна 2 р.

Популярная гигіена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. Карла Ренлама. Изданіе третье. Съ приложеніемъ *Дѣтской гигіены* д-ра М. С. Зеленскаго, и вступительной ст. В. О. Португалова: «Безпредѣльность гигіены». Съ рисунками. Цѣна 2 р.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины, Дм. Ст. Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакцію и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: *Историческіе женскіе типы*. Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 20 к.

Исторія Крестьянской войны въ Германіи, Д-ра В. Циммермана. Составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три тома, составл. болѣе 70-ти печатн. листовъ. Цѣна тремъ томамъ 2 р.; съ перес. 2 р. 50 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ, Д-ра Юлія Сира. Перев. съ французск. подъ редакцію А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Избранныя рѣчи Дж. Брайта. Съ биографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Перев. съ англійскаго, подъ редакц. Г. Е. Благосвѣтлова. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Записки Военнаго. Беллетристическіе очерки. Разказы и картины изъ военнаго быта Д. Гирса. Ц. 1 р. 60 к. Съ перес. 1 р. 80 к.

Сочиненія Э. М. Толстаго. Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Ц. двумъ томамъ 1 р. 50 к.; съ пересылкой 1 р. 70 к.

Уровни элементарной физиологии, Томаса Генсли. Изданіе второе. Перев. съ англійскаго; съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Около 100 рисунковъ. Ц. безъ перес. 1 р.; съ пересылкой 1 р. 20 к.

Одинъ въ полѣ — не воинъ. Романъ Фр. Шмилъгагена. Съ портретомъ автора и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Изданіе четвертое. Въ двухъ томахъ. Болѣе 60-ти печ. лист. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 30 к.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА:

Въ С.-Петербургѣ, въ Гостиномъ Дворѣ, № 4-й. Въ Казани, на Воскресенской улицѣ, въ домѣ Апакова. Въ Варшавѣ, на Новомъ Свѣтѣ, въ домѣ № 1,245-й, и въ Одессѣ, на Преображенской улицѣ, въ домѣ Деливанова, въ книжномъ магазинѣ Кожанчикова и Черкесова продаются:

Сочиненія графа Л. Н. Толстого, въ 8 томахъ. Въ нихъ помѣщены: Война и миръ.—Дѣтство и отрочество.—Военные рассказы и другія его сочиненія. М. 1873 г. Ц. 12 р., перес. за 12 фунт.

Сочиненія И. С. Тургенева, въ 8 томахъ. М. 1871 г. Ц. 9 р. 75 коп., перес. за 10 фунт.

Сочиненія А. Н. Островскаго; изд. Д. Е. Кожанчикова, томы III, IV и V-я (I и II томы распроданы). Спб. 1870 г. Ц. за 3 и 4 томы вмѣстѣ 3 р. 50 коп., перес. за 4 ф., а за 5-й томъ ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Драматическіе переводы А. Н. Островскаго. Спб. 1872 г. Ц. 2 руб., перес. за 2 ф.

Сочиненія Н. В. Гоголя, съ его портретомъ, въ 4 томахъ. М. 1867 г. Ц. 5 р., перес. за 6 фунт.

Сочиненія А. Михайлова, 5 большихъ томовъ. Спб. 1873 г. Ц. 10 р., перес. за 10 ф.

Сочиненія А. Потѣхина, 6 книгъ, въ 7 томахъ. Спб. 1873 г. Ц. 12 р., перес. за 12 ф.

Новѣсти и рассказы Д. В. Григоровича. 7 томовъ. Спб. 1872 г. Ц. 12 р., пер. за 12 фунт.

Сочиненія В. А. Жуковскаго, въ 6 томахъ, съ его портретомъ. Спб. 1869 г. Ц. 4 р., перес. за 6 фунт.

Сочиненія Лермонтова, 2 тома, съ двумя портретами. Спб. 1873 г. Ц. 3 р. 50 к., перес. за 4 фунт.

Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина, въ 6 томахъ, съ его портретомъ. Спб. 1872 г. Ц. 7 р. 50 к., перес. за 8 фунт.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Новое изданіе, въ трехъ томахъ. Спб. 1873 г. Ц. 6 р., пер. за 8 фунт.

Три страны свѣта. Романъ Н. Некрасова и Н. Станицкаго, 2 тома. Спб. 1872 г. Ц. 3 р. 50 коп., перес. за 4 ф.

- Богатыри.** Романъ изъ времян императора Павла, Н. Чаева. М. 1873 г. Ц. 3 р., перес. за 3 фунт.
- Юрій Милославскій** или русскіе въ 1616 году. Историческая повѣсть М. Загоскина. Слб. 1867 г. Ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.
- Везъ исхода.** Романъ К. Станюковича. Слб. 1873 г. Ц. 1 р. 50 коп., пер. за 2 ф.
- Дѣльцы.** Романъ Бобарыкина. Слб. 1873 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.
- Жертва вечерняя.** Романъ Бобарыкина. Слб. 1871 г. Ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 фун.
- Вѣсы.** Романъ Ф. Достоевскаго, 3 тома. Слб. 1873 г. Ц. 3 р. 50 к., перес. за 4 ф.
- Гриша.** Повѣсть изъ раскольничьяго быта, А. Печерскаго (Мельникова). Изд. Д. Е. Кожанчикова. Слб. 1861 г. Ц. 40 коп., перес. за 1 ф.
- Полное собраніе сочиненій Шиллера,** въ переводѣ русскихъ писателей, изд. Гербеля, 8 томовъ. Слб. 1870 г. Ц. 10 р., перес. за 10 ф.
- Полное собраніе сочиненій Шекспира,** въ переводѣ русскихъ писателей, съ портретомъ Шекспира и его біографіей; изд. Н. Некрасова и Н. Гербеля, 4 большихъ тома. Слб. 1868 г. Ц. 14 р., перес. за 14 фунт.
- Драматическія сочиненія Шекспира.** Переводъ въ прозѣ Н. Кешгера, 7 томовъ. М. 1873 г. Ц. по 1 р. за томъ, перес. по 1 фунт.
- Сочиненія лорда Байрона,** въ переводѣ русскихъ поэтовъ; изд. Н. Гербеля, томъ I. Слб. 1873 г., ц. 2 р., перес. за 3 ф.
- Повѣи славянъ.** Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній славянскихъ народовъ, въ переводахъ русскихъ писателей; изд. Н. Гербеля. Слб. 1871 г., ц. 3 р. 50 к., перес. за 4 ф.
- Христоматія для всѣхъ.** Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ; изд. Гербеля. Слб. 1873 г., ц. 3 р., перес. за 4 ф.
- Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи,** Е. Карновича. Слб. 1873 г., ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.
- Очерки и рассказы изъ стараго быта Польши,** Е. Карновича. Слб. 1873 г., ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.
- Рассказы о польской старинѣ.** Записки XVII вѣка, Охотскаго, 2 тома. Слб. 1873 г., ц. 4 р., пер. за 4 ф.
- Листопадъ.** Историческій романъ XVIII столѣтія, А. Ржевутскаго. Слб. 1873 г., ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.
- Двѣ королевы,** В. Диксона, 4 тома. Слб. 1873 г., ц. 7 р., пер. за 7 фунт.
- Благодѣтели челоѣчества,** В. Диксона. Слб. 1873 г., ц. 2 р. 50 коп., перес. за 3 ф.
- Враги челоѣчества,** Е. Пасмурова. Слб. 1873 г., ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.
- Очерки нашихъ порядковъ,** административныхъ, судебныхъ и общественныхъ, Е. Карновича. Слб. 1873 г., ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.
- Ассоціаціи.** Очерки практическаго примѣненія принципа коопераціи въ Германіи, Англіи, во Франціи и Россіи. А. Михайлова. Слб. 1873 г., ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.
- Основы образованія въ Европѣ и Америкѣ,** съ приложеніемъ статьи: Здоровье подростающихъ поколѣній, А. Михайлова; изд. Д. Е. Кожанчикова. Слб. 1873 г., ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.
- Объ отношеніи государства къ народному образованію,** А. Окольскаго, профессора варшавскаго университета; изд. Д. Е. Кожанчикова. Слб. 1872 г., ц. 3 р. 50 к., перес. за 4 ф.

Народное образованіе. Народныя школы, ихъ современное положеніе и отношеніе къ нему законодательства во всѣхъ государствахъ, Э. Лавлея. Спб. 1873 г., ц. 4 р., пер. за 4 ф.

Графъ Н. С. Мордвиновъ. Историческая монографія В. Иконникова, профессора университета св. Владиміра; изд. Д. Е. Кожанчикова, съ портретомъ гр. Мордвинова. Спб. 1873 г., ц. 4 р., перес. за 5 фунт.

Собраніе сочиненій А. Ф. Гильфердинга, пять томовъ, съ его портретомъ; изд. Е. Е. Кожанчикова. Спб. 1873 г., цѣна за 5 томовъ 15 руб., перес. за 15 фунт. (4 тома и портретъ выдаются, а 5-й томъ печатается). Томы III, IV и V продаются вмѣстѣ; безъ первыхъ двухъ цѣна за 3 тома, около 100 печатныхъ листовъ, съ портретомъ автора, 10 руб., перес. за 10 ф.

Русскія драматическія представленія временъ царя Алексѣя Михайловича и Петра Великаго (1672 — 1725). Собр. Н. С. Тихонравовъ, профессоръ Московскаго университета, съ изслѣдованіями, пояснительными примѣчаніями и обзорніемъ исторіи русскаго театра за первыя 50 лѣтъ; изд. Д. Е. Кожанчикова, 2 тома, около 70 печатныхъ листовъ, съ рисунками. Спб. 1873 г., ц. 7 р., перес. за 7 фунт.

Національный вопросъ въ исторіи и литературѣ, А. Градовскаго, профессора С.-Петербургскаго университета; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1873 г., ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Древнее право, его связь съ древнею исторіей общества и его отношенія къ новѣйшимъ идеямъ, Мана; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1873 г., ц. 2 руб. 50 коп., перес. за 3 ф.

Историческія монографіи и Изслѣдованія Н. И. Костомарова (собраніе его сочиненій); изд. Д. Е. Кожанчикова, 12 томовъ. Спб. 1872 г., ц. за 12 томовъ 22 руб., перес. за 20 ф. Это изданіе также продается отдѣльно: томы I, II и III по 2 р. за томъ, перес. за 2 ф. Томы IV, V и VI (Смутное время московскаго государства), ц. за 3 тома вмѣстѣ 6 р., перес. за 6 фунт. Томы VII и VIII (Исторія Новгорода, Пскова и Вятки), ц. за 2 тома вмѣстѣ 3 руб. 50 к., перес. за 4 ф. Томы IX, X и XI (Богданъ Хмѣльницкій)—ц. за 3 тома вмѣстѣ 5 р., перес. за 5 фунт., и томъ XII, ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой (1787 — 1795), Н. И. Костомарова. Спб. 1870 г., ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Русская исторія (отъ ея начала до вступленія на престолъ императора Николая I), К. Н. Бестужева-Рюмина, профессора С.-Петербургскаго университета; изд. Д. Е. Кожанчикова. Три большихъ тома, около 140 печатныхъ листовъ. Спб. 1872 г., ц. за 3 тома 5 руб., перес. за 12 фунт. Томъ I выдается, а томъ II и III печатаются. По выходѣ II тома цѣна будетъ возвышена на 6 р. за 3 тома.

Палабекіе славяне въ борьбѣ съ нѣмцами, отъ VIII до XII столѣтія. Историческое изслѣдованіе А. Павинскаго, профессора Варшавскаго университета; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1871 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Княжна Тараканова и принцеса Владимірская, П. Мельникова; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1868 г., ц. 1 р. 25 коп., перес. за 2 ф.

Графы Никита и Петръ Панины, П. Лебедева; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1862 г., ц. 1 р., перес. за 1 ф.

Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ея время (1700—1791), М. Хырова. Спб. 1867 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова. Томы I, III и IV (т. II не продается). М. 1873 г., ц. за I томъ 2 р. 50 к., перес. за 3 ф., и томы III и IV продаются по 3 р. за томъ, перес. по 3 ф.

Полное собраніе сочиненій П. В. Кирѣевскаго. 2 тома. М. 1861 г., ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Полное собраніе сочиненій Е. С. Аксакова. Томъ I, соч. историческія. М. 1861 г., ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ. Исслѣдованіе В. Ламанскаго. Слб. 1871 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ германо-романскому, Н. Данилевскаго. Слб. 1871 г., ц. 3 руб., перес. за 3 ф.

Россія и Сербія. Историческій очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ 1805 до 1856 года, Н. Попова, 2 тома. М. 1869 г., ц. 4 р., перес. за 4 ф.

Кириллъ и Меѳодій, по документальнымъ источникамъ, В. Бильбасова. Слб. 1868 г., ц. 1 р., перес. за 1 ф.; то же, по западнымъ легендамъ, его же. Слб. 1871 г., ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Румынскія господарства, Валахія и Молдавія, въ историко-политическомъ отношеніи. С. Палаузова. Слб. 1859 г., ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Исторія Чешскаго королевства, В. Томка. Слб. 1868 г., ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Первыя славянскія монархіи на сѣверо-западѣ, Ѡ. Успенскаго. Слб. 1872 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Очеркъ внутренней исторіи Пскова, А. Накитскаго. Слб. 1873 г., ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Исторія воссоединенія западно-русскаго униатовъ старыхъ временъ до начала настоящаго столѣтія, М. Колявничя. Слб. 1873 г., ц. 2 р., пер. за 2 ф.

Самозванцы и понизовая вольница, Д. Мордовцева. Историческія монографіи, 2 тома. Слб. 1867 г., ц. 2 р. 50 к., пер. за 3 ф.

Гайдамачина. Историческая монографія Д. Мордовцева. Слб. 1870 г., ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Политическія движенія русскаго народа. Историческія монографіи Д. Мордовцева. 2 тома. Слб. 1870 г., ц. 4 р., перес. за 4 ф.

Сборникъ русскаго историческаго общества. 12 большихъ томовъ. Историческіе документы и переписка государственныхъ дѣятелей XVIII столѣтія. Слб. 1873 г., ц. за 12 томовъ 34 руб., перес. за 1 пудъ. Это же изданіе продается отдѣльно: ц. за I и II томы по 2 р. за томъ, перес. по 2 ф., а остальные 10 томовъ продаются по 3 руб. за томъ, перес. по 3 ф.

Домашній бытъ русскаго царей въ XVI и XVII столѣтіяхъ, И. Забѣлина; большой томъ, съ рисунками. М. 1872 г., ц. 4 р., перес. за 4 ф.

Домашній бытъ русскаго царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, И. Забѣлина; большой томъ, съ рисунками. Слб. 1872 г., ц. 4 р., перес. за 4 ф.

Религиозный бытъ русскаго, по свѣденіямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣка, А. Рущинскаго. М. 1871 г., ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Памятники отреченной русскаго литературы. Отреченныя книги древней Россіи; изд. подъ редакціей Н. Тихонравова, 2 тома. Слб. 1863 г., ц. 7 руб., перес. за 7 фунт.

Апографическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Исслѣдованіе Н. Порфирьева. К. 1872 г., ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Памятники русскаго языка XII и XIII вѣка (Кіево-Печерскій Патерикъ). Изд. по древнимъ рукописямъ, съ вариантами, В. Яковлевимъ. Слб. 1872 г., ц. 2 р. 50 коп., перес. за 3 ф.

Памятники старинной русскаго литературы; изд. подъ редакціей Н. Костомарова и А. Пыпина, 4 тома. Слб. 1862 г., ц. за 4 тома 8 руб., пер. за 8 ф.

Великія Минны Четвы собранія, всероссійскимъ митрополитомъ Маза-

ріємъ; 3 большихъ тома, съ палеографическими снимками. Томъ I — сентябрь, дни 1—13, ц. 5 руб., перес. за 5 фунт. Томъ II: сентябрь, дни 14—23, ц. 3 р., перес. за 5 фунт. Томъ III: октябрь, дни 1—3, ц. 3 р., перес. за 5 фунт.

Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ; томъ IV, изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1867 г. ц. 2 р., перес. за 2 ф. Того-же изданія томъ I и II, ц. по 2 р. за томъ, перес. по 2 ф., а томъ III все изд. распродано.

Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, В. Варенцова; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1860 г. ц., 2 р., перес., за 2 фун.

Пѣсни русскаго народа, собр. Шейномъ. М. 1871 г., ц. 2 р., перес. за 2 фун.

Онежскія былинны, собранныя А. Θ. Гильфердингомъ и имъ самимъ записанныя въ 1871 году, съ двумя портретами онежскихъ рапсодовъ и нотами. Большой томъ, въ два столбца. Спб. 1873 г., ц. 4 руб., перес. за 5 фун.

Народныя русскія сказки, А. Аюнасыева. Изд. 2-е, вновь пересмотрѣнное, въ 4 томахъ. М. 1863 г., ц. 6 руб., перес. за 6 фун.

Поэтическое возрѣніе славянъ на природу, А. Аюнасыева, 3 тома. М. 1869 г., ц. 8 р., перес. за 8 фун.

Илья Муромецъ и богатство кievское. Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоеннымъ составомъ народнаго русскаго эпоса, О. Миллера. Спб. 1870 г., ц. 8 р., перес. за 4 фун.

Историческіе очерки русской словесности и искусства. Θ. И. Буслаева, профессора Московскаго университета; изд. Д. Е. Кожанчикова; два большихъ тома, на веленовой бумагѣ, съ 212 рисунками. Спб. 1861 г., ц. 7 руб., перес. за 10 фун.

Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ. А. Веселовскаго, профессора С.-Петербургскаго университета. Спб. 1872 г., ц. 2 р. 25 коп., перес. за 3 фун.

Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя, Н. Некрасова. М. 1873 г., ц. 1 р. 50 коп., перес. за 2 фун.

Обзоръ хронографовъ русской редакціи, А. Попова, 2 тома. М. 1869 г., ц. 8 р., перес. за 8 фун.

Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. Изслѣдованіе В. Ключевскаго. М. 1871 г., ц. 2 руб., перес. за 2 фун.

Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Савина, преподобнаго игумена Володдаго, Д. Хрущова. Спб. 1869 г., ц. 2 р., перес. за 2 фун.

Предшественники Шекспира. Эпизодъ изъ исторіи англійской драмы въ эпоху Елизаветы, Н. Стороженко, профессора Московскаго университета. Спб. 1872 г., ц. 2 руб., перес. за 2 фун.

Исторія сербско-хорватской литературы, В. Ягича. К. 1871 г., ц. 2 р., перес. за 2 фун.

Ломоносовъ, какъ писатель, А. Будиловича. Спб. 1871 г., ц. 2 р. перес. за 2 фун.; то же, какъ натуралистъ и философъ, его-же; ц. 2 р. 50 коп., перес. за 3 фун.

Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ, П. Полевого. Въ составъ книги входитъ вся исторія русской литературы, отъ начала письменности до смерти Гоголя. Большой томъ, въ 2 столбца, съ 70 гравюрами. Спб. 1872 г., ц. 4 р., перес. за 4 фун.

Начало уголовного права. С. Буздинскаго, профессора Варшавскаго университета. В. 1870 г., ц. 1 р. 50 коп., перес. за 2 фун.

Вѣче и князь. Русское государственное устройство и управленіе во вре-

мена князей Рюриковичей, В. Сергѣевича. М. 1867 г., ц. 2 руб., перес. за 2 фун.

Общество и государство въ домонгольскій періодъ русской исторіи, Н. Хлѣбникова. Спб. 1872 г., ц. 2 р. 25 к., перес. за 3 фун.

О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи, Н. Хлѣбникова. Спб. 1870 г., ц. 2 р., перес. за 2 фун.

Союзъ родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ, С. Шнилевскаго. К. 1866 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 фун.

Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ. С. Шнилевскаго, К. 1869 г., ц. 2 р., перес. за 2 фун.

О народномъ представительствѣ, Б. Чичерина. М. 1866 г., ц. 3 р., перес. за 3 фун.

Исторія политическихъ ученій, Б. Чичерина, 2 тома. М. 1873 г. ц., по 3 р. за томъ, перес. по 3 фун.

Дворянство въ Россіи, отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права въ Россіи, А. Романовичъ - Славятинскаго. Спб. 1870 г., ц. 3 р. 50 к., перес. за 4 фун.

Законникъ Стефана Душана, съ приложеніемъ подлинниковъ и съ переводомъ на русскій языкъ, Ѳ. Зигеля. Спб. 1872 г., ц. 2 р., перес. за 2 фун.

О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокаѣ, Ф. Мертенса. Спб. 1873 г., ц. 3 р., перес. за 3 фун.

Древніе города Россіи. Историко - юридическое изслѣдованіе Д. Самохвасова, съ картою городищъ черниговской губерніи и съ планомъ Чернигова. Спб. 1873 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 фун.

Монастырскій Приказъ (1649 — 1720). Опытъ историко-юридическаго изслѣдованія, М. Горчакова. Спб. 1868 г., ц. 2 р., перес. за 2 фун.

О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода (988 — 1736), М. Горчакова. Спб. 1871 г., ц. 3 р., перес. за 3 фун.

Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, Павлова. О. 1871 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 фун.

Номо-Канонъ при большомъ требникѣ, съ греческимъ подлинникомъ и объясненіями, А. Павлова. О. 1872 г., ц. 2 р., перес. за 2 фун.

Братскій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской, Е. Голубанскаго. М. 1871 г., ц. 3 р., перес. за 3 фун.

Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго Князя Владимира, соч. Макарія, архіепископа Литовскаго. Спб. 1868 г. ц., 1 р. 50 коп., перес. за 2 фун.

Исторія русской церкви, соч. Макарія, архіепископа Литовскаго, 6 томовъ. Спб. 1869 г., ц. 10 р. 50 коп., перес. за 10 фун.

Руководство къ русской церковной исторіи, Ц. Знаменскаго. К. 1870 г., ц. 1 р. 25 коп., перес. за 2 фун.

Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ въ 1869 году. Изд. подъ редакцію графа А. С. Уварова. Великолѣнное изданіе, два большихъ тома, съ полиптижами и отдѣльнымъ атласомъ рисунковъ. М. 1871 г., ц. 25 руб., перес. за 15 фун.

Христіанскія древности и археологія, В. Прохорова. Великолѣнное изданіе, со множествомъ рисунковъ древнихъ памятниковъ, изъ которыхъ большая часть хромофотографированные съ красками, 3 тома. Спб. 1871 г. Продаются отдѣльно по 12 руб. за томъ, перес. по 10 фун. на томъ.

Сборникъ игръ и полевныхъ занятій для дѣтей всѣхъ возрастовъ, съ предисловіемъ для родителей и воспитателей; сост. И. Гердъ, изд. Д. Е. Ко-

жанчикова, болѣе 20 печатныхъ листовъ, съ 120 рисунками. Слб. 1873 г., ц. 2 р., перес. за 2 фун.

Исторія Греціи и Рима. Руководство для учащихся. Состав., сообразно съ требованіями программъ классическихъ гимназій, Б. Павловичъ; изд. Д. Е. Кожанчикова, болѣе 24 печатныхъ листовъ, съ картою Греціи и Рима. Слб. 1873 г., ц. 2 руб. 25 коп., перес. за 2 фун.

Начальный курсъ космографіи. Руководство для учащихся; сост. А. Бетхеръ; изд. Д. Е. Кожанчикова, съ 127 рисунками въ текстѣ и 6 отдѣльными рисунками и хромолиитографированными картами. Слб. 1873 г., ц. 2 р. 25 коп., перес. за 2 фун.

Рассказы изъ русской исторіи, Б. Павловича; изд. Д. Е. Кожанчикова, болѣе 20 печатныхъ листовъ, съ 24 рисунками, на веленовой бумагѣ, съ хромолиитографированною оберткою, въ папкѣ. Слб. 1873 г., ц. 2 р., перес. за 2 фун.

Рассказы про старое время на Руси. А. Петрушевскаго; изд. Д. Е. Кожанчикова; на веленовой бумагѣ, съ 26 рисунками и хромолиитографированною оберткою, въ папкѣ. Слб. 1873 г., ц. 1 р. 50 коп., перес. за 2 фун.; то же, на простой бумагѣ, съ картинами, ц. 60 коп., перес. за 1 фун.

Сборникъ переводовъ по педагогикѣ, дидактикѣ и методикѣ. Пособіе для занимающихся обученіемъ и воспитаніемъ; подъ редакціей Г. Пескова; изд. Д. Е. Кожанчикова, 2 тома. Слб. 1873 г., ц. по 2 р. за томъ, перес. по 2 фун.

Исторія Россіи, С. Соловьева, 23 тома. М. 1873 г., ц. 46 руб., перес. за 1 пудъ, а также продается отдѣльно по 2 р. за томъ, перес. по 2 фун.

Русскія историческія женщины. Популярныя рассказы изъ русской исторіи, Д. Мордовцева. Слб. 1873 г., ц. 2 р. 75 коп., перес. за 3 фун.

Причятанья сѣвернаго края; собр. Е. Барсовъ. М. 1872 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 2 фун.

Сборникъ на 1873 годъ, издаваемый обществомъ древне-русскаго искусства, при Московскомъ публичномъ музеѣ, съ рисунками. М. 1873 г., ц. 5 р., перес. за 5 фун.; то же за 1866 годъ, съ рисунками, ц. 5 р., перес. за 5 фун.

О ПОДПИСКѢ

Н А Г А З Е Т У

„СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

въ 1874 году.

„Сынъ Отечества“ въ 1874 году будетъ издаваться въ томъ-же видѣ и форматѣ, какъ и въ нынѣшнемъ году, по слѣдующей программѣ:

1) *Внутренній отдѣлъ:* передовая статья по одному изъ современныхъ вопросовъ. — Толки нашихъ газетъ. — Правительственныя распоряженія вообще. — Главнѣйшія прозводства. — Судебный от-
«Дѣло», № 12. 9

дѣль.—Отчеты земства.—Народное образованіе.—Желѣзно-дорожное дѣло.—Дѣятельность акціонерныхъ обществъ.—Отчеты техническихъ обществъ.—Промышленность и торговля.—Петербургская лѣтопись.—Внутреннія (областные) извѣстія.—Петербургскій листокъ.—Провинціальная лѣтопись.—Корреспонденціи.—Разныя извѣстія.

2) *Внѣшній отдѣлъ*: Политическое обозрѣніе.—Политическія извѣстія по государствамъ.—Мелкія политическія извѣстія.—Телеграммы.—Иностранная (не политическая) хроника.

3) Статьи по всемъ отраслямъ наукъ, искусствъ, художествъ и ремесль.

4) Критика, журналистика, бібліографія.

5) *Беллетристическій отдѣлъ*: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и т. д.

6) Театральныя и музыкальныя извѣстія и общественныя увеселенія.

7) Биржевыя и торговыя извѣстія и курсы.

8) Смѣсь, зрѣлища, желѣзныя дороги.

9) Приложенія и каррикатуры.

10) Объявленія внутри газеты и въ приложеніяхъ.

Подписка на газету «Сынъ Отечества» принимается исключительно въ главной конторѣ, находящейся въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, у Аничкова моста, домъ Мѣдниковой, № 66, куда и просятъ обращаться какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ подписчиковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ:

Для иногородныхъ подписчиковъ съ пересылкою. . . 8 р. сер.

Для петербургскихъ съ доставкою на домъ . . . 7 „ „

А. МИХАЙЛОВЪ.

АССОЦІАЦІИ.

ВО ФРАНЦІИ, ГЕРМАНИИ, АНГЛІИ И РОССІИ.

Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Подписчикамъ журнала «Дѣло» дѣляется уступка 20%.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

I. ЮРГЕНСОНА,

Коммиссіонера Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, С. Петербургъ, Большая Морская, № 9 (на углу Невскаго проспекта), поступило въ продажу

НОВОЕ, ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ ЮРГЕНСОНА:

УПРАЖНЕНІЯ и ЭТЮДЫ для ФОРТЕПИАНО: *Berens*, 40 nouvelles études de la vélocité, op. 61 (2 p.) *Brunner*, 50 petites études pour les enfants (1 p. 30 к.). *Burgmüller*, 25 études faciles, op. 100 (1 p. 30 к.). 18 études de genre, op. 109 (1 p. 30 к.) *Chopin*, 12 études, op. 10, Liv. 1, 2 (по 1 p.). *Clementi*, Gradus ad parnassum. Etudes choisies, par Tausig (2 p.). *Cramer*, 50 études choisies, par H. de Bülow (3 p.). *Czerny*, 30 études de la vélocité, op. 299 (2 p.). 40 exercices journaliers, op. 337 (1 p. 50 к.). Die Vorschule zur Fingerfertigkeit, 27 Etuden, op. 636 (1 p. 65 к.). Die Kunst der Fingerfertigkeit. 50 Studien im brillanten Style, op. 740 (3 p. 30 к.). То-же въ 6 тетрадяхъ (по 90 к.). *Duvernoy*, Ecole du mécanisme, 15 études, op. 120 (1 p. 20 к.). Gammes dans tous les tons (15 к.). *Heller*, 25 études mélodiques, op. 45 (1 p. 25 к.), 30 études progressives, op. 46 (1 p. 25 к.), 25 études pour former au sentiment du rythme, op. 47 (1 p. 20 к.), 24 études d'expression d'éd. à la jeunesse, op. 125, liv. 1, 2 (по 75 к.). *Köhler*, Die ersten Etuden, op. 50 (60 к.). Die leichtesten Etuden, op. 151 (35 к.). *Lemoine*, 50 études enfantines, 2 терп. (по 90 к.). *Moscheles*, Etudes célèbres, op. 40, liv. 1 (2 p. 70 к.), Liv. 2 (1 p. 55 к.). *Schmitt*, Exercices préparatoires (45 к.). *Ведеманъ*, 126 практическихъ упражненій (60 к.).

ДЛЯ ФОРТЕПИАНО: „Perles de salon“. Сборникъ избранныхъ пьесъ для фортепиано Спиндлера, Юнгмана, Кеттерера, Воленгаупта, Ричардса, Лифольфа и др. Томъ I, 17 пьесъ (1 p.). Томы II до VII, въ каждомъ отъ 8 до 10 пьесъ (за томъ 75 к.). *Келлеръ*, народныя мелодіи всѣхъ націй земного шара, въ двѣ руки (1 p.); въ 4 руки (1 p.). Народныя танцы всѣхъ націй земного шара, въ 2 руки (1 p.), въ 4 руки (1 p.). *Opéra-Album*. 50 мелодій изъ любимыхъ оперъ въ легкомъ переложеніи (50 к.). 14 польскихъ

Кн. *Олинскаго* (50 к.). Всѣ 14 вальсовъ *Шопена* (1 р.). Всѣ 48 пѣсенъ безъ словъ *Мендельсона* (2 р.). „*Perles harmoniques*“, 19 пьесъ для фортепіано Лефевюръ Вели, Кеттерера, Валласа и др. (1 р.). *Köhler*: „*Les maitres du clavicin*“. Избранныя сочиненія композиторовъ 18 столѣтія, какъ-то: Баха, Кребса, Гассе, Кьрибергера, Фрескобальди, Мартини, Люлли, Порпора, Саккини, Скарлатти, Куперена и др., 12 томовъ (по 50 к.). *Шуберта*, 80 любимыхъ мелодій, переложенныхъ для фортепіано Р. Мецдорфомъ, 4 тома въ 2 руки (по 50 к.), въ 4 руки (по 50 к.). Въ этомъ-же изданіи большой выборъ попури изъ новѣйшихъ и любимѣйшихъ оперъ: въ 2 руки (по 25 к.), въ 4 руки (по 30 к.); для фортепіано со скрипкою (по 35 к.), съ виолончелью (по 35 к.), съ флейтою (по 35 к.); для фортепіано, скрипки и виолончеля (по 40 к.). Увертюры изъ любимѣйшихъ оперъ: въ 2 руки (по 15 к.), въ 4 руки (по 25 к.).

ПОЛНЫЯ РУССКІЯ ОПЕРЫ для фортепіано: Жизнь за царя (6 р.), Русланъ и Людмила (6 р.), Русалка (6 р.), Аскольдова могила (4 р.), Рогнеда (6 р.). За пересылку вѣс. отъ 4 до 6 ф.

ШОПЕНЬ. Полное собраніе его фортепіанныхъ сочиненій, критически пересмотрѣнныхъ и пополненныхъ указаніями относительно исполненія *К. Клиндвортма*, профессоромъ московской консерваторіи. Изданіе будетъ состоять изъ 6 томовъ большого формата и на полученіе его отерывается подписка. Цѣна за всѣ 6 томовъ 15 р., которые вносятся впередъ. Для большаго удобства публики допускается разсрочка платежа: при подпискѣ вносятся 5 р. и получается вышедшій 1-й томъ; затѣмъ при полученіи 2, 3, 4 и 5 томовъ подписчикъ платитъ по 2 р. 50 к.; 6 томъ получается безъ платы. За пересылку каждаго тома прилагается вѣс. за 5 ф.

За пересылку прилагается особо и взимается съ общаго вѣса послыки. Каталогъ дешевыхъ изданій высылается безплатно. Требованія гг. иногородныхъ исполняются съ первоотходящею почтою. Въ этомъ-же магазинѣ можно получить всѣ музыкальныя произведенія, кѣмъ-бы они ни были изданы и объявлены.

Принимается подписка на дешевый журналъ для фортепіано „*DIE MUSIKALISCHE WELT*“ (Музыкальный Свѣтъ), издаваемый Г. Литольфомъ въ Брауншвейгѣ. Годовая цѣна подписки 2 р. 70 к., съ пересылкою 4 р.; полные экземпляры журнала за 1873 г. по той-же цѣнѣ.

О ПОДПИСКѢ НА 1874 ГОДЪ НА

„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ“

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ,

въ родѣ „The Illustrated London News“, „The Graphic“, „Leipziger Illustrirte Zeitung“, „Illustration“, „Monde illustré“, „Univers illustré“.

Съ 1 января 1874 г. журналъ „ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ начнетъ VI годъ (т. е. томы XI и XII) своего существованія. Извѣстность, приобрѣтенная этимъ журналомъ, избавляетъ меня отъ труда подробно распространяться о его достоинствахъ.

Онъ будетъ выходить такъ-же аккуратно, какъ и въ прошлые года, еженедѣльно (т. е. 52 номера въ годъ), въ форматѣ большого двойного листа самой лучшей бумаги и каждый номеръ будетъ заключать въ себѣ 16 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

Программа Всемирной Иллюстраціи:

I) ПОЛИТИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. Современная исторія. Портреты и жизнеописанія современныхъ историческихъ дѣятелей. Славянскій обзоръ.—II) ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ. Портреты и жизнеописанія русскихъ современныхъ дѣятелей. Гербовика. Судебная лѣтопись.—III) ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Повѣсти, рассказы, очерки, сочиненія въ драматической формѣ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя.—IV) НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА. Историческіе очерки съ изображеніемъ лицъ и мѣстъ, которыя въ нихъ описываются. Очерки изъ естественныхъ наукъ, съ изображеніемъ предметовъ и явленій природы. Очерки современнаго и историческаго развитія художествъ, съ изображеніемъ зданій, картинъ, статуй и пр., съ портретами и жизнеописаніями художниковъ. Географическіе и этнографическіе очерки съ необходимыми рисунками и чертежами и т. п. V) ПРИКЛАДНЫЯ НАУКИ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. Новыя и старыя открытія и изобрѣтенія, съ изображеніемъ машинъ, мостовъ и проч.—VI) КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ. Обзоръ замѣчатель-

нѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ литературныхъ и ученыхъ произведеній. Литературная лѣтопись. Обзоръ журналовъ.—VII) ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ОБЗОРЪ. Обзоръ художественныхъ выставокъ. Рисунки, изображающіе сцены изъ новыхъ оперъ, драмъ и т. п., русскихъ и иностранныхъ. — VIII) СМѢСЬ И НОВОСТИ. Мелкія литературныя, художественныя и ученныя извѣстія. Новыя книги. Разныя мелкія происшествія и т. п.—IX) ФЕЛЬЕТОНЪ. Очерки общественной жизни, нравовъ, увеселеній и пр. — X) ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. Карикатуры. — XI) ШАХМАТНЫЯ ЗАДАЧИ, ребусы и т. п.—XII) ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Цѣна годовому изданію **Всемирной Иллюстраціи** на 1874 г.

Безъ доставки въ Петербургъ	13 р. — к.
Безъ доставки въ Москвѣ	14 „ 50 „
Въ доставкою въ С.-Петербургъ	14 „ 50 „
Съ доставкою въ другіе города	16 „ — „

„**ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ**“ представляетъ исторію, географію, путешествія, изящныя искусства, естественную исторію, технологию, промышленность, морское и военное искусства, политическія событія, войну и проч. и проч.,—однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ **ВЪ КАРТИНАХЪ**.

Каждый томъ „**ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ**“ представляетъ собою **РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ** въ 450 печатныхъ страницъ, съ 350—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей бібліотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостиной. „**ИЛЛЮСТРАЦІЯ**“ необходима вездѣ и для всѣхъ.

По просьбѣ многихъ подписчиковъ издатель заказалъ роскошныя **ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА** изъ англійскаго коленкора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К. Брожа. Цѣна покрывки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 р. 75 к. съ пересылкою 2 р. 50 к.

Цѣна первыхъ 10 томовъ „**ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ**“: 1869 г. (томы I и II), 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и VI), 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X)—по 12 р. безъ пересылки, каждый годъ; съ пересылкою 15 р. Въ англійскихъ тисненыхъ золотомъ переплетахъ, каждый годъ стоитъ 16 р. безъ пересылки, и 19 р. съ пересылкою. Для сохраненія постепенно получаемыхъ господами подписчиками № „**ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ**“ за 1874 г., т. е. для томовъ XI и XII, имѣются также роскошныя покрывки для переплетовъ, по тому-же рисунку и по той-же цѣнѣ, какъ и для предшествующихъ томовъ.

Для подписчиковъ на 1873 или 1874 г. „ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ за прошлые года уступается: каждый годъ (т. е. 2 тома) безъ пересылки за 10 р., съ пересылкою за 13 р., въ переплетѣ 14 р.; съ пересылкою 17 р.

Главная контора «Всемирной Иллюстраціи» находится въ С.-Петербургѣ, по Вольшой Садовой ул., д. Коровина, № 16.

Редакторъ-издатель Всемирной Иллюстраціи Германъ Гопше.

Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавцевъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева; А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту; Г. Постъ, М. М. Черенина, А. Ф. Жаварева и др.

„ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГАЗЕТА“,

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЬ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ
ЦЕНЗУРЫ, ЛИСТАМИ БОЛЬШОГО ФОРМАТА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1874 ГОДЪ.

На годъ. На полгода. На 3 мѣс. На 1 мѣс.

Безъ доставки	5 р.	—	к. 3 р.	—	к. 1 р.	50 к.	—	р. 55 к.
Съ дост. на домъ въ Петербургѣ	7	»	—	»	4	»	—	» 25
Съ пересылкою во всѣ города	8	»	—	»	4	»	50	» 2
								» 50
								» 90

Вступая въ восьмой годъ своего существованія, редакція «Петербургской Газеты» считаетъ долгомъ заявить, что она и въ 1874 году будетъ неустанно слѣдить за всѣми явленіями нашей жизни, какъ по внутренней и внѣшней политикѣ, такъ равно и по вопросамъ финансовымъ, экономическимъ, промышленнымъ, городского благоустройства, земскаго дѣла, народнаго образованія и проч., и проч.

Провинціальной жизни и судебному отдѣлу будетъ отведено пространное мѣсто.

Отдѣлъ «Петербургскихъ Отголосковъ» будетъ представлять полную картину столичной жизни со всѣми ея добрыми и дурными сторонами.

Отдѣлъ «Театральный» будетъ заключать въ себѣ подробные отчеты о дѣятельности столичныхъ, провинціальныхъ и иностранныхъ театровъ.

Въ «Фельетонѣ», кромѣ цѣлаго ряда очерковъ, разсказовъ и воскреснаго фельетона «Дневника Касьяна Яманова», предполагается напечатать два большихъ русскихъ и два иностранныхъ романа.

Независимо отъ этого, въ каждомъ номерѣ будутъ помѣщаться юмористическія и сатирическія замѣтки, касающіяся всѣхъ отраслей общественной дѣятельности.

Не прибѣгая ни къ какимъ, никуда неведущимъ, особымъ обѣщаніямъ, Редакція заявляетъ только, что она употребитъ всѣ усилія, чтобы доставить вполне доступное, занимательное чтеніе и чтобы читатели Газеты находились постоянно въ извѣстности о всемъ современномъ, касающемся Россіи и иностранныхъ государствъ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; для неслужащихъ—по соглашенію съ редакціей, для чего необходимо обращаться въ главную контору редакціи.

Подписка принимается въ главной конторѣ «Петербургской Газеты»: Симеоновскій пер., д. Максимова, № 5, пр. церкви св. Симеона, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-Издатель С. Жудковъ.

О ПОДПИСКѢ НА 1874 ГОДЪ

НА

МОДНЫЙ СВѢТЪ,

САМЫЙ ПОЛНЫЙ И ДЕШОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ.

Съ начала своего изданія журналъ «МОДНЫЙ СВѢТЪ» заслужилъ сочувствіе публики и втеченіи шести-лѣтняго существованія приобрѣлъ огромное число читателей.

„МОДНЫЙ СВѢТЪ“ ИМѢЕТЪ БОЛЬШЕ ПОДПИСЧИКОВЪ, ЧѢМЪ ВСѢ МОДНЫЕ ЖУРНАЛЫ, ИЗДАЮЩІЕСЯ ВЪ РОССІИ, ВЪ СОВОКУПНОСТИ.

Съ 1-го января 1874 года «МОДНЫЙ СВѢТЪ» начнетъ VII годъ своего существованія и, не измѣняя ни въ чемъ своей программы, будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостію о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

**Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ въ 1874 году будетъ выходить также
въ двухъ изданіяхъ:**

въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, т. е. четыре номера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ), и будетъ заключать въ себѣ вѣтчикъ года:

Болѣе 2,000 полнотипажныхъ рисунковъ модъ и руководѣлій въ текстѣ.

Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлья мужского, дамскаго и дѣтскаго.

Болѣе 200 выкроекъ на 12 большихъ листахъ.

12 вырѣзныхъ выкроекъ въ натуральную величину.

24 (или 12 для 1 изданія) модныхъ раскрашенныхъ парижскихъ картинъ, исполненныхъ лучшими иностранными художниками.

Коллекцію рисунковъ: модъ стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ и проч.

Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетонъ, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

Цѣна годовому изданію МОДНАГО СВѢТА:

I изданію, съ 12 раскрашен. парижск. картинками:

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 4 р. — »
» » съ доставкою 5 » 50 к.
для иногородныхъ . . . . . 6 » — »

II изданію, съ 24 раскрашен. парижск. картинками:

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 5 » — »
» » съ доставкою 6 » 50 »
для иногородныхъ . . . . . 7 » — »

Въ Москвѣ цѣна безъ доставки: I-му изданію 5 руб., II-му изданію 6 руб. 50 коп.; съ пересылкою I-е изданіе 6 руб., II-е изданіе 7 рублей.

Издатель „Моднаго Свѣта“ Германъ Гоппе.

Главная Контора Редакціи «МОДНАГО СВѢТА» находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина, № 16.

Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавцевъ: И. Г. Со-

Ловцова, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева; А. Лана, на Кузнецкомъ мосту; Г-на Постъ, М. М. Черенина, А. Ф. Живарева и др.

ВСЕМІРНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ПУТЕШЕСТВІЙ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ОТКРЫТІЙ.

Въ будущемъ году журналъ будетъ выходить, какъ и нынѣ, ежемѣсячно 1-го числа, книжками въ 10 печатныхъ листовъ. Программа остается та-же самая, при чемъ редакція приняла мѣры къ тому, чтобы кромѣ капитальныхъ сочиненій подписчики имѣли и легкіе рассказы изъ путешествій, въ которыхъ-бы характеризовались природа страны, о которой идетъ рассказъ, а также нравы и обычаи жителей описываемой мѣстности. Съ этою цѣлью мы начинаемъ печатаніе рассказовъ изъ жизни въ Америкѣ и Европѣ, подъ заглавіемъ: „Изъ за моря“. Кромѣ того, будетъ продолжаться печатаніемъ описаніе плаванія нашего судна „Аскольдъ“, которое нынѣ находится въ южной Америкѣ. Вѣстѣ съ тѣмъ, редакція считаетъ не лишнимъ заявить, что она не отказывается отъ своей главной цѣли—знакомить подписчиковъ съ серьезными сочиненіями по части путешествій и естествознанія. Такихъ сочиненій втеченіи 1873 года редакціею выдано было четыре, что составило 177 листовъ и около 200 рисунковъ и картъ.

Вообще-же подписчики 1873 года, кромѣ описанія плаванія нашего корвета „Аскольдъ“ и множества небольшихъ журнальныхъ статей, получили слѣдующія сочиненія: 1) Дикая Африка; 2) Человѣкъ и животныя; 3) Какъ я отыскалъ Ливингстона; 4) Океанъ, атмосфера и жизнь, Э. Реклю; 5) Хива и Туркменія; 6) Атмосфера, Е. Фламмоніона. Цѣна однѣхъ этихъ книгъ въ продажѣ составляетъ 18 р. Всѣ эти книги приобрѣтены подписчиками съ Приложеніями за 12 р.

Лица, подписавшіяся въ 1873 г. на журналъ безъ Приложенія, могутъ получить Приложение за 3 р., вмѣсто 5; при чемъ редакція пересылку книги до 1 января принимаетъ на свой счетъ; съ того-же времени за пересылку слѣдуетъ прилагать 50 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1874 ГОДЪ:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

Въ Петербургъ . . . . 9 р.

СЪ ДОСТАВКОЮ:

Въ Петербургъ . . . . 10 р.

Въ другіе города . . . . 10 р. 50 к.

За Приложение . . . . 3 р.

Вышедшее сочиненіе Чуди „Альпійскій міръ“ будетъ напечатано въ журналъ.

ГАЗЕТА „НОВОЕ ВРЕМЯ“

НАЧАЛА ВЫХОДИТЬ 6-го НОЯБРЯ.

ПОДПИСКА НА 1873—1874 Г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Цѣна съ пересылкою и доставкою: на годъ 16 р., на полгода 10 р., на 1 мѣсяць 2 р.

Подписывающіеся на одинъ годъ могутъ платить при подпискѣ только 12 руб., а остальные 4 руб. чрезъ годъ, при возобновленіи подписки.

Редакція прилагаетъ всѣ старанія, чтобъ прогрессивно увеличивать разнообразіе газеты.

Въ справочномъ отдѣлѣ печатаются списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ судебныхъ мѣстахъ, и судебныя публикаціи.

По мѣрѣ надобности, газета будетъ выходить въ размѣрѣ отъ одного до полутора листовъ.

Желающіе познакомиться съ газетой присылаютъ двѣ почтовые марки съ адресомъ и имъ бесплатно высылаются нѣсколько номеровъ.

Примѣчаніе. Редакція считаетъ необходимымъ заявить, что къ ней не относятся требованія, предъявляемыя къ изданію за время до 13-го апрѣля 1873 года.

Съ января мѣсяца 1874 года будетъ выходить, по программѣ 1871 г.,

подъ редакціею Н. И. ЗУЕВА,

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВЪ ФОРМѢ ЖУРНАЛА

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

(Журналъ рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія).

Цѣль изданія—ознакомить читающій кругъ съ извѣстными путешествіями, экспедиціями и открытіями, наприѣвр: Стюарта, Макъ-Клора, Станлея, Макъ-Влиптока, Ливингстона, Кена, Гарнье, Франклина, Митчеля, Бекера, Андре, Лахмана, Тиндала, Дарвина, Агассиса и вообще съ избранными по этому предмету сочиненіями. Въ составъ этого Журнала-Сборника входятъ переводныя статьи лучшихъ нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ писателей, а равно и оригинальныя статьи русскихъ авторовъ, напр. Бутина, Сидорова, Анненкова, Нисченкова, Бѣляева, Усольцова и др.

Нелегко, а часто и недоступно, по мѣсту жительства, имѣть подъ рукою всѣ подобныя сочиненія. Къ этимъ неудобствамъ надо присоединить, что не всѣ одинаково владѣютъ знаніемъ различныхъ иностранныхъ языковъ и далеко неодинаково располагаютъ матеріальными средствами, чтобы пріобрѣтать столь дорогія сочиненія. Предлагаемое изданіе даетъ возможность воспользоваться если не всѣми подобными трудами, то, по крайней мѣрѣ, многими изъ нихъ, хотя и постепенно, но при самыхъ легкихъ условіяхъ. Каждый выпускъ Живописнаго Обозрѣнія будетъ заключать много полнотапжей, изображающихъ типы народовъ, рѣдкія растенія, животныхъ, виды горъ, ущелій, водопадовъ, гейзеровъ, вулкановъ и вообще особыхъ явленій природы, а также города, жителей, ихъ оружіе, церемоніи, пляски, капища, идоловъ, архитектурный стиль, рисунки памятниковъ, монастырей и скитовъ и полнотапжи по предметамъ исторіи, мифологіи, древностей и т. п.

Годовая цѣна изданія съ пересылкою во всѣ города безъ различія 7 р. Въ С.-Петербургѣ, съ доставкою на домъ, 7 р. Полугодовые подписчики платятъ съ пересылкою 4 р. 50 к.,

трехмѣсячныя съ пересылкою 3 р. и мѣсячныя съ пересылкою 1 р. 50 к.

Годовымъ подписчикамъ высылается, въ видѣ преміи, большая карта Европейской Россіи, съ обозначеніемъ желѣзныхъ дорогъ, разстояній между городами, пароходныхъ сообщеній, профилей горъ, замѣчательныхъ торговыхъ и историческихъ мѣстъ и т. д. (Величина карты: полтора аршина въ длину и около аршина въ ширину).

Кромѣ рисунковъ, входящихъ въ непосредственный составъ журнала, будутъ, по временамъ, рассылаемы подписчикамъ, въ видѣ отдѣльныхъ приложений, особые чертежи, напр. изображенія золотыхъ и серебряныхъ монетъ всѣхъ государствъ, печатанныя для наглядности золотомъ и серебромъ, а также иностранные ордена и почетные знаки отличія въ хромо-литографическихъ рисункахъ.

Примѣчаніе. Чтобы не ограничивать журналъ тѣсною рамкою лишь описанія странъ свѣта и дать ему болѣе общее значеніе помѣщеніемъ популярныхъ статей по наукамъ, неимѣющимъ тѣсной связи съ землеописаніемъ, напр. по химіи, физикѣ, медицинѣ, технологіи и т. п., редакція нашла болѣе цѣлесообразнымъ называть свое изданіе, съ 1874 года, просто «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ». На присылку въ журналъ своихъ статей изъявили готовность нѣкоторые изъ профессоровъ русскихъ университетовъ и преподаватели другихъ учебныхъ заведеній.

Лица, желающія имѣть оставшіяся еще въ нѣсколькихъ экземплярахъ журналъ текущаго 1873 года, могутъ подписаться и теперь, высылая за полное годовое изданіе изъ 55 номеровъ 6 р. 80 к. (съ пересылкою), а на полгода 3 р. 50 к.

По желанію, изъявленному многими подписчиками, журналъ будетъ высылаемъ не въ бандероляхъ, какъ теперь, а въ цѣльныхъ конвертахъ.

Допускается разсрочка уплаты помѣсячно или по третямъ, если будетъ выслано официальное отношеніе отъ казначеевъ или завѣдующихъ экскурсорскою частію.

Лицъ, желающихъ подписаться на журналъ будущаго 1874 года, Редакція покорнѣйше проситъ, если можно, высылать подписныя деньги до наступленія 1 января или, по крайней мѣрѣ, заявить о своемъ желаніи письмомъ, чтобы можно было знать потребное для печатанія количество экземпляровъ и сдѣлать своевременное распоряженіе въ типографіи.

Письма иногородныхъ адресуются въ С.-Петербургъ, прямо въ редакцію „Живописнаго Обзорнія“, на имя Редактора-издателя Н. И. Зуева, домъ № 110, по Большой Садовой, у Покрова, а жители С.-Петербурга могутъ, если пожелаютъ, подписываться и въ книжныхъ магазинахъ.

ПОДПИСКА НА 1874 ГОДЪ

„МАГАЗИНЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“

(Переводы съ разныхъ языковъ)

ЖУРНАЛЬ

издаваемый А. Афанасьевымъ-Чужбинскимъ.

12 книжекъ въ годъ.

«МАГАЗИНЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» будетъ издаваться въ 1874 г. по прежней программѣ: 1) романы; 2) повѣсти; 3) мемуары; 4) путешествія; 5) біографіи; 6) замѣчательные процессы; 7) сочиненія научнаго содержанія, изложенныя популярно, и 8) въ необязательные сроки, въ приложеніи, одно или два сочиненія изъ дѣтскаго чтенія:

Редакція, вступивъ и во второй годъ своего существованія, будетъ руководствоваться прежнимъ правиломъ относительно выбора для перевода иностранныхъ сочиненій; она будетъ давать то, что имѣеть успѣхъ за-границею, и стараться, чтобы не страдалъ отечественный языкъ при возможной близости переводовъ.

Въ нынѣшнемъ году помѣщены: «Пушечное мясо», романъ М. Ганье; «Свадебное путешествіе», Костера; «Какъ я нашелъ Ливингстона», Стэнли; «Три уголовныхъ процесса»; «Европейскія мины и контръ-мины», Грегора Самарова; «Матереубійца», уголовный романъ А. Бело; «Даволарь и Любенъ», того-же автора, продолженіе Матереубійцы, и любопытные мемуары: ЛѢТОПИСИ КРУГЛАГО ОБНА, Тушара Лафосса. Начаты и будутъ окончены: „Страна мѣховъ“, соч. Ж. Верна и «Сиротская доля», романъ І. Крашевскаго. Кромѣ того, начинается печатаніе новаго романа Грегора Самарова «Ремерскій сѣздъ Эпигоновъ», служащаго какъ-бы продолженіемъ «Европейскихъ минъ и контръ-минъ». Гг. новые подписчики получаютъ при 1-мъ № 1874 г. всѣ отпечатанные листы новаго романа.

Для дѣтскаго чтенія былъ разосланъ при апрѣльской книжкѣ «Розовый кустъ», Ю. Шмидта.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна за годовое изданіе—12 книжекъ: 8 р.; съ доставкою 9 р.; съ перес. 10 р. За полугодіе: 4 р. 50 к., съ доставкою 5 р.; съ перес. 6 р.

Подписка принимается: въ главной конторѣ при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ просп., у Казанскаго моста, домъ Ольхиной; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. иногородные благоволят адресовать свои требованія въ Петербургъ, въ редакцію журнала «МАГАЗИНЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ», адресъ которой извѣстенъ почтамту.

Гг. служащимъ допускаются расрочки чрезъ казначеевъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1874 ГОДУ
ПОПУЛЯРНАГО ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКАГО СБОРНИКА
ПРИРОДА.

Успѣхъ первыхъ двухъ книгъ „Сборника“, изданныхъ въ видѣ опыта, показалъ потребность въ подобномъ изданіи и побуждаетъ насъ продолжать его и въ слѣдующемъ году, придавъ ему характеръ періодическаго журнала и значительно расширивъ его программу. Въ 1874 году Сборникъ „Природа“ будетъ выходить четыре раза въ годъ, книгами большого формата, на веленовой бумагѣ, не менѣе 25 печатныхъ листовъ, съ 6—8 изящными таблицами, частію олеографіями и хромофотографіями, и съ 100—200 полиטיפажамъ въ текстѣ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ СЛѢДУЮЩАЯ:

1. Оригинальныя и переводныя статьи по антропологии, зоологій, ботаникѣ, геологій, астрономіи, физикѣ, химіи и пр. Біографіи замѣчательныхъ натуралистовъ и очерки изъ исторіи естествознанія.

2. Статьи по прикладному естествознанію—технологіи, сельскохозяйственной зоологій и ботаникѣ, акклиматизаціи растений и животныхъ. Охота, звѣринный и рыбный промыслы и т. п.

3. Землевѣденіе и путешествія.

4. Смѣсь. Рефераты по отдѣльнымъ отраслямъ естествознанія. Отчеты о дѣятельности ученыхъ обществъ. Замѣтки и новости.

5. Критика и библіографія. Разборъ замѣчательныхъ новѣйшихъ сочиненій и перечень книгъ по естествовѣденію.

Годовая цѣна изданію 12 р., съ пересылкою 13 р. 50 н.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ редакціи „Сборника“ (Петровка, домъ Самариной, противъ Петровскаго монастыря) и въ

книжныхъ магазинахъ Соловьева, Глазунова, Васильева и въ Педагогической Библіотекѣ; въ Петербургѣ—у книгопродавцевъ Базунова и Черкесова. Иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ редакцію. Лица, подписавшіяся въ редакціи до новаго года, могутъ получать первыя двѣ книги за 7 р. съ пересылкою.

Редакторы: проф. С. А. Усовъ.
Л. П. Сабантѣвъ.
Издатель Л. П. Сабантѣвъ.

ПОДПИСКА
НА
„АЗОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
НА 1874 г.

«Азовскій Вѣстникъ» выходитъ два раза въ недѣлю, въ форматѣ газетнаго листа.

Въ составъ его входятъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Внутреннія извѣстія. Въ 1874 году будетъ особенно расширенъ отдѣлъ мѣстныхъ извѣстій и корреспонденцій изъ приазовскихъ городовъ.

II. Иностранныя извѣстія.

III. Судебный отдѣлъ.

IV. Фельетонъ: Повѣсти, рассказы, стихотворенія и очерки мѣстной жизни.

V. Торговныя свѣденія.

VI. Телеграммы.

VII. Объявленія.

Цѣна: за годъ съ пересылкою 9 руб., за полгода 6 руб., за 3 мѣсяца 4 руб., за мѣсяць 1 руб. 50 коп.

Редакторъ Ф. Браславскій.

А. Р., 1.—Маяцкаго, 1 р.—Новаковскаго, 2 р.—Григоровой, 1 р.—Н. П.,
1 р.—И. М., 1 р.—В. Т., 1 р. 40 к.—дѣвцы Ольги 1 р.—Д. А. В., 1 р.

Всего съ прежедоставившими: 198 р. 50 к.

*Деньги эти отправлены въ Дамскій Самарскій Комитетъ
по назначенію ихъ.*

Первыя главы романа „Внѣ общественныхъ интересовъ“,
напечатанныя въ этой книжкѣ, будутъ высланы нашимъ новымъ под-
писчикамъ, вмѣстѣ съ ПЕРВОЙ КНИГОЙ „Дѣла“ на 1874 годъ.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(въ С.-Петербургѣ, по Надеждиной ул., д. № 89)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГИЕНЫ

В. О. ПОРТУГАЛОВА.

Около 40 печатн. листовъ. Цѣна 3 р. с., съ перес. 3 р. 30 к.

Адресоваться въ контору редакціи журнала «Дѣло».

ИЗБРАННЫЯ РѢЧИ

ДЖОНА БРАЙТА

ПО ВОПРОСАМЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Съ біографическаго очерка и портрета автора.

Переводъ съ англійскаго подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала
Дѣло въ 1874 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала Дѣло; 3) отъ книж-
ныхъ магазиновъ Кожанчикова и Черкесова; 4) о подпискѣ на газету «Сынъ
Отечества» въ 1874 году; 5) объ изданіи соч. А. Михайлова „Ассоціація“ во
Франціи, Германіи, Англии и Россіи; 6) отъ музыкальнаго магази на І. Юрген-
сона; 7) о подпискѣ на 1874 г. на „Всемирную Иллюстрацію“; 8) о подпискѣ
на 1874 г. „Петербургской Газетѣ; 9) о подпискѣ на 1874 г. „Модный Свѣтъ“;
10) отъ Редакціи „Всемирнаго путешественника“; 11) объ изданіи газеты „Но-
вое Время“; 12) объ изданіи въ 1874 г. журнала „Живописное Обзорѣніе“; 13)
о подпискѣ на 1874 г. на „Магазинъ Иностранной Литературы“; 14) объ из-
даніи въ 1874 г. популярнаго естественно-историческаго сборника „Природа“
15) о подпискѣ на „Азовскій Вѣстникъ“ на 1874 г.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

въ 1874 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи (въ
Надеждинской улицѣ, д. № 39), и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа,
на Невскомъ проспектѣ, по Гостин-
ному двору, №№ 18, 19 и 20, и въ
Книжномъ Магазинѣ для Иногород-
ныхъ, на Невскомъ, противъ Думы,
въ д. № 36.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Соловь-
ева, на Страстномъ бульварѣ, въ д.
Алексѣева; а также въ книжномъ ма-
газинѣ М. М. Черенина, на Ром-
дественнѣ, въ д. Торлецкаго.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ пересылкою иногородн.	16 »
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	15 » 50 к.

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія — 19 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княже-
ства — 20 р.; Франція и Данія — 21 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія,
Турція и Греція — 22 р.; Швейцарія 23 р.; Італія — 24 р.

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за поручитель-
ствомъ гг. казначеевъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 063